

ҒЫЛЫМИ ҚАЗЫНА

Ә. Х. МАРҒҰЛАН

ҚАЗАҚСТАН РЕСПУБЛИКАСЫ БІЛІМ ЖӘНЕ ҒЫЛЫМ МИНИСТРЛІГІ
Ә. Х. МАРҒҰЛАН АТЫНДАҒЫ АРХЕОЛОГИЯ ИНСТИТУТЫ
ПАВЛОДАР МЕМЛЕКЕТТІК ПЕДАГОГИКАЛЫҚ ИНСТИТУТЫ

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ им. А. Х. МАРГУЛАНА
ПАВЛОДАРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ

АКАДЕМИК Ә. Х. МАРҒҰЛАННЫҢ
110-ЖЫЛДЫҒЫНА АРНАЛҒАН

«МАРҒҰЛАН ОҚУЛАРЫ – 2014»

АТТЫ ХАЛЫҚАРАЛЫҚ ҒЫЛЫМИ-ПРАКТИКАЛЫҚ КОНФЕРЕНЦИЯ МАТЕРИАЛДАРЫ

3-5 желтоқсан, 2014 ж.

МАТЕРИАЛЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

«МАРГУЛАНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ – 2014»

ПОСВЯЩЕННОЙ 110-ЛЕТИЮ
АКАДЕМИКА А. Х. МАРГУЛАНА

3-5 декабря, 2014 г.

Алматы – Павлодар, 2014

УДК 902/904 (063)
ББК 65.4 (5 Каз)
М 22

БАС РЕДАКТОР / ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР:
ҚР ҰҒА корр.-мүшесі, т. ғ. д. / чл.-корр. НАН РК, д. и. н. Б. Ә. Байтанаев

ЖАУАПТЫ РЕДАКТОР / ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР:
ҚР ҰҒА академигі, т. ғ. д. / академик НАН РК, д.и.н. К. М. Байпаков

РЕДАКЦИЯЛЫҚ АЛҚА / РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:
Аршабеков Н. Р., Зайберт В. Ф., Құрманқұлов Ж. К., Смағұлов Е. А., Манапова Ә. М., Байтілеу Д. А., Ильясова А. С., Смағұлов Т. Н. (жауапты хатшы)

РЕЦЕНЗЕНТТЕР / РЕЦЕНЗЕНТЫ:
тарих ғылымының докторы / доктор исторических наук – З. С. Самашев
тарих ғылымының докторы / доктор исторических наук – М. Е. Елеуов

«Марғұлан оқулары – 2014»: Академик Ә. Х. Марғұланның 110-жылдығына арналған халықаралық ғылыми-практикалық конференция материалдары. / «Маргулановские чтения – 2014»: Материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 110-летию академика А. Х. Маргулана. / Алматы – Павлодар – 2014. – 544 с.

ISBN 978-601-284-103-9

Жинақта халықаралық ғылыми-практикалық конференцияның материалдары жарық көреді. Басылымда Қазақстан археологиясының, сонымен қатар әртүрлі географиялық аймақтарындағы өзекті мәселелер қарастырылады. Басылым археологтар, этнографтар, тарихшылар мен өлкетанушыларға арналған.

В сборнике публикуются материалы международной научно-практической конференции. В издании изложены актуальные вопросы археологии Казахстана и сопредельных территорий. Сборник адресован археологам, этнографам, историкам и краеведам.

УДК 902/904 (063)
ББК 65.4 (5 Каз)

Издание осуществляется в рамках межотраслевой программы Комитета науки Министерства образования и науки Республики Казахстан
«Ғылыми Қазына»

ISBN 978-601-284-103-9

© Институт археологии им. А. Х. Маргулана, 2014
© Павлодарский государственный педагогический институт, 2014

МАЗМҰНЫ / СОДЕРЖАНИЕ

Байтанаев Б. А.
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ ИМ. А.Х. МАРГУЛАНА
И РАЗВИТИЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ НАУКИ КАЗАХСТАНА
В ЭПОХУ НЕЗАВИСИМОСТИ 10

АКАДЕМИК Ә.Х. МАРҒҰЛАННЫҢ МҰРАСЫН ТАНЫП БІЛУ
ИЗУЧЕНИЕ НАСЛЕДИЯ АКАДЕМИКА А.Х. МАРГУЛАНА

Маргулан Д. А.
О РОЛИ НАУЧНОГО НАСЛЕДИЯ АКАДЕМИКА А. Х. МАРГУЛАНА
В ПАТРИОТИЧЕСКОМ ВОСПИТАНИИ МОЛОДЕЖИ 21

Манапова Ә. М.
Ә. Х. МАРҒҰЛАННЫҢ ҚАЗАҚ АРХЕОЛОГИЯСЫНДАҒЫ МҰРАСЫ 24

Мұзафаров Б. Н.
ТАУ ТҰЛҒА 35

ЕУРАЗИЯНЫҢ АРХЕОЛОГИЯЛЫҚ ЕСКЕРТКІШТЕРІНІҢ
ДАЛАЛЫҚ ЗЕРТТЕУЛЕРІ
ПОЛЕВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ
ПАМЯТНИКОВ ЕВРАЗИИ

Зайберт В. Ф., Ескендиров К. З.
АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ НА ПОСЕЛЕНИИ
БОТАЙ В 2014 г. 40

Зайберт В. Ф.
БОТАЙСКАЯ КУЛЬТУРА (К ПРОБЛЕМЕ РЕКОНСТРУКЦИИ
ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО КОНТЕКСТА) 45

Кирюшин К. Ю.
ПОСЕЛЕНИЕ ЭПОХИ ЭНЕОЛИТА НОВОИЛЬИНКА-VI
(ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ПО МАТЕРИАЛАМ
ИССЛЕДОВАНИЙ 2013-2014 ГОДОВ) 53

Қасенов М. С.
НАРЫН ҚҰМЫНДАҒЫ АРХЕОЛОГИЯЛЫҚ ЗЕРТТЕУЛЕР 62

Лошакова Т. Н.
АЙТМАН ҚОНЫСЫН ЗЕРТТЕУДІҢ КЕЙБІР МӘСЕЛЕЛЕРІ 77

Папин Д. В., Федорук А. С., Шамшин А. Б.
ДОМОСТРОИТЕЛЬСТВО ЭПОХИ БРОНЗЫ СТЕПНОЙ КУЛУНДЫ
(ПО МАТЕРИАЛАМ РАСКОПОК ПОСЕЛЕНИЯ РУБЛЕВО-VI) 82

Подобед В. А., Усачук А. Н., Цимиданов В. В.
КОПЫТА ЖИВОТНЫХ В ОБРЯДАХ КУЛЬТУР СТЕПНОЙ
И ЛЕСОСТЕПНОЙ ЕВРАЗИИ ЭПОХИ БРОНЗЫ 88

Чемякин Ю. П.
О ВОЕННЫХ КОНФЛИКТАХ В АНДРОНОВСКОМ МИРЕ 97

G. L. Bonora, S. K. Sakenov
A TOPOGRAPHICAL AND STRATIGRAPHICAL PERIPLOUS AROUND
THE BRONZE AGE SETTLEMENT OF SHAGALALY II (PAVLOVKA),
AKMOLINSK REGION, KAZAKHSTAN 107

Ержанова А. Е.
САРЫАРҚА ӨҢІРІНДЕГІ ҚОЛА ДӘУІРІ МЕТАЛЛУРГТЕРІНІҢ
ҚОНЫСТАРЫ МЕН ТАС ҚҰРАЛДАРЫ 132

Варфоломеев В. В.
НАХОДКИ БРОНЗЫ У КАРАГАНДЫ И КАРКАРАЛИНСКА 141

Каирмагамбетов А. М.
СЕРПОВИДНОЕ ОРУДИЕ ИЗ МОГИЛЬНИКА ОРМАНДЫБУЛАК 144

Ситников С. М.
ПРЕДМЕТЫ КОНСКОЙ УПРЯЖИ С ТЕРРИТОРИИ
ЛЕСОСТЕПНОГО АЛТАЯ 151

Курманкулов Ж., Дарменов Р., Утубаев Ж., Тажекеев А.
НЕКОТОРЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЙ НА ГОРОДИЩЕ
ЧИРИК-РАБАТ В 2014 ГОДУ 156

Курманкулов Ж., Утубаев Ж., Тажекеев А., Дарменов Р., Искаков А.
ИССЛЕДОВАНИЯ КРЕПОСТИ КАРАБАС В 2014 ГОДУ 165

Матбабаев Б. Х., Холикулов Р., Алохунов А.
НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ ПО РАННЕЖЕЛЕЗНОМУ ВЕКУ ФЕРГАНЫ 170

Курманкулов Ж. К., Касенова А. Д.
ИЗВАЯНИЕ ИЗ УРОЧИЩА КОСАГАЛЫ 177

Нурмуханбетов Б. Н., Тулегенов Т. Ж., Джасыбаев Е. А.
ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ РАСКОПОК
НА ГОРОДИЩЕ ОРИКТЫ 179

Лукпанова Я. А.
АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ НА КУРГАННОМ
КОМПЛЕКСЕ ТАКСАЙ-I 184

Головченко Н. Н.
ПОСЛЕДНИЙ НАРЯД (ОДЕЖДА В ПОГРЕБАЛЬНОЙ ОБРЯДНОСТИ
НАСЕЛЕНИЯ ВЕРХНЕГО ПРИОБЬЯ ЭПОХИ ЖЕЛЕЗА) 205

Курманкулов Ж. К., Торежанова Н. Ж.
ПАЛИТРА БУС. ГОРОДИЩЕ ЧИРИК-РАБАТ
(НОВЫЕ ПОСТУПЛЕНИЯ В АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ ФОНД ЦГМ РК) 210

Өсеров Т. О.
ТАЛДЫСУ ЖӘНЕ ЖАСАЖЫРЫҚ ОБАЛАР ҚОРЫМЫНДА
ТАБЫЛҒАН ҚОЛА АЙНАЛАРҒА ЖАЛПЫЛАМА ШОЛУ 217

Смагулов Т. Н., Пересветов Г. Ю., Айлыбаев Т. К.
ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ИТОГИ РАСКОПОК КУРГАНОВ РАННЕГО
ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА У П. КЫЗЫЛТАН 221

Тұяқбаев М. Қ.
ТҮРКІСТАН АРХЕОЛОГИЯЛЫҚ ЖАСАҒЫНЫҢ 2013 Ж.
АТҚАРҒАН ЖҰМЫСТАРЫ 229

Кәрім А. Ә.
ТҮРКІСТАН ҚАЛАСЫНА ҚАРАСТЫ АБАЙ ЕЛДІ МЕКЕНІНДЕГІ
ТАРИХИ-МӘДЕНИ ЕСКЕРТКІШТЕР 238

Алимбетов А. К.
ОБЩИЕ ЭЛЕМЕНТЫ В ЖИЛИЩАХ ОТРАРА И МИЗДАХКАНА 243

Саипов С. Т.
ОРНАМЕНТАЛЬНЫЕ МОТИВЫ КЕРАМИКИ МИЗДАХКАНА
И ЕЁ ПАРАЛЛЕЛИ В ГОРОДАХ ОТРАРСКОГО ОАЗИСА 249

Кдырниязов М.-Ш., Кдырниязов О.-Ш.
СРЕДНЕВЕКОВАЯ УРБАНИЗАЦИЯ ПРИАРАЛЬСКОЙ ЧАСТИ
КАРАКАЛПАКСТАНА 256

Жолдасбаев С. Ж., Нурханов Б. У., Бахтыбаев М. М., Мургабаев
С. С., Малдыбекова Л. Д., Амантуров М. Қ., Арынов Қ. С.
2014 ЖЫЛЫ ОРТАҒАСЫРЛЫҚ СЫҒАНАҚ ҚАЛАСЫНДА
ЖҮРГІЗІЛГЕН ЗЕРТТЕУЛЕР 264

Нуржанов А.
СРЕДНЕВЕКОВЫЙ КАСТЕК 268

Хабдулина М. К.
К ФУНКЦИОНАЛЬНОМУ НАЗНАЧЕНИЮ ГОРОДИЩА БОЗОК 291

Ткачев А. А., Квашнин Ю. Н.
НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ К АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ КАРТЕ ТАЗОВСКОГО
РАЙОНА ЯМАЛО-НЕНЕЦКОГО АВТОНОМНОГО ОКРУГА 295

Герасимов Ю. В., Корусенко М. А.
ПОГРЕБЕНИЯ НОВОГО ТИПА В СОСТАВЕ ПОГРЕБАЛЬНОГО
КОМПЛЕКСА ЧЕРТАЛЫ В ТАРСКОМ ПРИИРТЫШЬЕ 303

Калменов М. Д.
НОВЫЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ
ИССЛЕДОВАНИЯ ГОРОДИЩА ЖАЙЫК (XIV В.) 308

Марыксин Д. В.
МЕЧЕТЬ ГОРОДИЩА ЖАЛПАКТАЛ
(ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЕ СООБЩЕНИЕ) 318

Потемкина Т. М.
ЖЕРТВЕННАЯ ПИЩА В ЗОЛОТООРДЫНСКИХ
ПОГРЕБЕНИЯХ С ПРИЗНАКАМИ МОНГОЛЬСКОЙ ОБРЯДНОСТИ 323

Корусенко М. А., Здор М. Ю.
ИССЛЕДОВАНИЕ ПОСЕЛЕНИЯ ЧЕРТАЛЫ-1 ЛЕТОМ 2011 Г. 330

Антонов М. А., Китов Е. П.
АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ ДОКУМЕНТАЦИЯ. ВЕДЕНИЕ
ФОРМАЛИЗОВАННЫХ ДОКУМЕНТОВ ПРИ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ
ИССЛЕДОВАНИЯХ 335

КӨНЕ АРХИТЕКТУРА ЖӘНЕ ӨНЕР
ДРЕВНЕЕ ИСКУССТВО И АРХИТЕКТУРА

Исин А. И.
АБРАЛИНСКИЙ ТАНБАЛЫТАС 340

Утепбаев Н. Н.
ПЕТРОГЛИФТЕРДЕГІ ЖАСЫРЫН БЕЙНЕЛЕР 344

Билялова Г. Д.
САРЫАРҚА ЕРТЕ САҚ МӘДЕНИЕТІНІҢ БИЛЕУШІЛЕРІНДЕГІ
ЖОЛБАРЫСТЫҢ БЕЙНЕСІ – ПАТШАЛЫҚ КҮШ СИМВОЛЫ РЕТІНДЕ 354

Сейткалиев М. К.
ЖЕТЫТОБИНСКИЙ ГРИФОН (К ВОПРОСУ
О ПЕРЕДНЕАЗИАТСКОМ ВЛИЯНИИ НА ИСКУССТВО
КОЧЕВНИКОВ СЕМИРЕЧЬЯ) 363

Әубәкір А.
КӨНЕ ТҮРІК ДӘУІРІ ҒҰРЫПТЫҚ КЕШЕНДЕРІНІҢ
ЭТНОСЕМАНТИКАСЫНЫҢ КЕЙБІР СЫРЛАРЫ ЖАЙЫНДА 374

Жалмағанбетов Ж. М.
ҚАЗАҚ АЛТАЙЫНЫҢ ОРТАҒАСЫРЛЫҚ КӨШПЕНДІЛЕР
ӨНЕРІНДЕГІ БҰҒЫ БЕЙНЕСІ 387

Кожа М. Б.
ОБ ОГУЗСКИХ ПОСТРОЙКАХ ДОЛИНЫ Р. СЫРДАРЬИ 390

Петенёва Г. Г.
КИТАЙСКИЕ БРОНЗОВЫЕ ЗАСТЕЖКИ «ДАЙГОУ»
С ИЗОБРАЖЕНИЕМ ДРАКОНА И РЫБЫ 401

Оразбаева З. Б.
ЗООМОРФНЫЙ ДЕКОР
СРЕДНЕВЕКОВОЙ ТОРЕВТИКИ ПРИИРТЫШЬЯ 412

ПӘНАРАЛЫҚ ЗЕРТТЕУЛЕР
МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Гайдученко Л. Л., Кирюшин К. Ю.
НОВЫЕ ОСТЕОЗООЛОГИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ ИЗ РАСКОПОК
ЭНЕОЛИТИЧЕСКОГО ПОСЕЛЕНИЯ НОВОИЛЬИНКА-VI В КУЛУНДЕ 421

Зеленко М. Г., Рахимжанова С. Ж.
ТЕХНИКО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ КЕРАМИКИ
БОТАЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ (ПО МАТЕРИАЛАМ РАСКОПОК 2011 Г.) 427

Федорук О. А.
ПАЛЕОДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА АНДРОНОВСКОГО
НАСЕЛЕНИЯ СТЕПНОГО И ЛЕСОСТЕПНОГО АЛТАЯ 434

Алтынбеков К., Чарлина Л.
КОНСЕРВАЦИЯ ШЕЛКА ИЗ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО
КОМПЛЕКСА АУЛИЕКОЛЬ 442

Жолдасов Т.
ОТЫРАР КҮМІСТЕЛГЕН ДИРХЕМДЕРІ ЖӘНЕ ОЛАРДЫҢ
ЭМИССИЯСЫНЫҢ 646 ЖӘНЕ 663 ЖЫЛДАРЫ АРАЛЫҒЫНДАҒЫ
ТҮРЛІ БОЛЫП КЕЛУІНІҢ СЕБЕПТЕРІ ЖАЙЛЫ 448

Ахметкалиев Р. Б.
ОБРАЗОВАНИЕ КОМПОЗИТНОГО МАТЕРИАЛА
ПРИ ПРОПИТКЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ ДРЕВЕСИНЫ 459

Нуржанов А. А.
НЕКОТОРЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ПАЛЕОЗООЛОГИЧЕСКИХ
И ПАЛЕОБОТАНИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ НА ГОРОДИЩЕ КАСТЕК 462

Китов Е. П., Китова А. О.
АНТРОПОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗУЧЕНИЕ ОСТАНКОВ ИСТОРИЧЕСКИХ
ЛИЦ ИЗ МАЗАРОВ АЛМАТИНСКОЙ ОБЛАСТИ 472

Каздым А. А.
КУЛЬТУРНЫЙ СЛОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ
КАК РЕЗУЛЬТАТ РАЗВИТИЯ ТЕХНОСФЕРЫ 484

ЭТНОАРХЕОЛОГИЯ

Ахметова Ш. К., Толпеко И. В.
ПАМЯТЬ О МАЛОЙ РОДИНЕ В МЕМОРИАЛЬНОЙ АРХИТЕКТУРЕ
КАЗАХОВ ОМСКОЙ ОБЛАСТИ 494

Тихонов С. С.
СОЛЯНОЙ ПРОМЫСЕЛ КАК ОБЪЕКТ
ЭТНОГРАФО-АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ
(ПОСТАНОВКА ВОПРОСА) 501

Аргунов В. Г., Пестерева К. А.
ОСОБЕННОСТИ АРХЕОЛОГИИ ЦЕНТРАЛЬНОЙ ЯКУТИИ 508

Қожамұратов Д. Н.
ОҒЫЗДАН ЖЕТКЕН ОЖАУ ХАЛЫҚ КӘДЕСІНЕ ЖАРАСА ИГІ 512

Толобаева Э. А.
К ВОПРОСУ ИССЛЕДОВАНИЯ ЭТНИЧЕСКОГО СОСТАВА
ТРАДИЦИОННОГО НАСЕЛЕНИЯ КОКАНДСКОГО ХАНСТВА
(ИСТОРИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ) 517

АРХЕОЛОГИЯЛЫҚ ЗЕРТТЕУЛЕРДІҢ ТАРИХЫ
ИСТОРИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Айтбаева А. Е.
А. Н. БЕРНШТАМНЫҢ ӨМІР ЖОЛЫ МЕН ҚЫЗМЕТІ 523

Зинченко С. А.
С. С. ЧЕРНИКОВ И ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ ПАМЯТНИКОВ
ЧИЛИКТИНСКОЙ ДОЛИНЫ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ
XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА 529

Дашковский П. К.
ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И МЕТОДИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ РЕКОНСТРУКЦИИ
МИРОВОЗЗРЕНИЯ СКИФО-САКСКИХ ПЛЕМЕН ЕВРАЗИИ
В ТВОРЧЕСТВЕ Е. Е. КУЗЬМИНОЙ 537

Байтанаев Б. А.

Институт археологии им. А. Х. Маргулана, г. Алматы, Казахстан

ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ ИМ. А.Х. МАРГУЛАНА И РАЗВИТИЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ НАУКИ КАЗАХСТАНА В ЭПОХУ НЕЗАВИСИМОСТИ

Казахстанская археология начала формироваться еще с дореволюционного времени. Кульминационным, определяющим событием в археологии Казахстана было создание в 1991 году Института археологии им. А. Х. Маргулана[1]. Институт, являясь ровесником независимого Казахстана, достойно прошел свой двадцатилетний творческий и созидательный путь, будучи главным координатором археологической науки в нашей республике.

Институт археологии им. А. Х. Маргулана создавался отнюдь не на ровном месте. Его формирование происходило в советское время в недрах Института истории, археологии и этнографии им. Ч. Ч. Валиханова, организованного в послевоенные годы в составе Академии наук Казахской ССР.

Неслучайно Институт археологии носит имя А. Х. Маргулана. Становление казахстанской археологии непосредственно связано с его именем. Будучи разносторонним ученым, особенно в области исторических, филологических наук и востоковедения, А. Х. Маргулан особо относился к археологии. Именно он сразу же после создания АН КазССР организовал первую археологическую экспедицию Института истории, археологии и этнографии им. Ч. Ч. Валиханова, ставшую впоследствии Центрально-казахстанской, которая проработала под его руководством более 20 лет. Главным итогом многолетних исследований в экспедиции ученого явилось открытие бегазы-дандыбаевской культуры Центрального Казахстана, получившее признание среди историков, археологов и общественности.

Начиная с послевоенных лет археологические исследования в Казахстане носили плановый и системный характер.

Велика заслуга в подготовке казахстанских кадров археологов крупных советских ученых: А. В. Арциховского, М. Е. Массона, С. П. Толстова, А. Н. Бернштама, М. П. Грязнова, С. С. Черникова, П. И. Борисовского, А. М. Беленицкого, Л. Р. Кызласова и многих др. В этой связи нельзя не отметить ученых-археологов Казахстана, работавших в советское время: Е. И. Агееву, А. Г. Максимову, Е. И. Сенигову, К. А. Акишева, К. М. Байпакова, Л. Б. Ерзаковича, Х. А. Алпысбаева, М. К. Кадырбаева, С. М. Ахинжанова, Б. Н. Нурмухамедова, Т. М. Савельеву, Ж. К. Курманкулова, З. С. Самашева, А. Ермолаеву и многих других, которые своим трудом и достижениями создали фундамент будущего самостоятельного Института археологии Казахстана.

Открытый в 1991 году Институт археологии ставил следующие основные научные направления перед археологической наукой Казахстана:

[1] Постановление Кабинета министров КазССР от 28 августа 1991 г. № 496 «Об организации Института археологии им. А. Х. Маргулана».

- «разработка вопросов антропогенеза, расселения первобытного человека на территории Казахстана в эпоху камня;
- изучение этногенеза казахов по археологическим источникам;
- изучение проблемы происхождения и развития производящего хозяйства (скотоводство и земледелие). Вопросы палеоэкономики, эволюции древних технологий;
- исследование номадизма, изучение древней и средневековой урбанизации, взаимодействия оседлых и кочевых культур;
- -изучение памятников археологии, древнего искусства и архитектуры. Проблемы сохранения культурного наследия»[2].

Для осуществления этих задач в институте создаются следующие научные отделы[3]: первобытной археологии, средневековой археологии, новостроечных экспедиций, Свода памятников археологии, лаборатория археологической технологии, музей археологии[4].

Открытие института было результатом казахстанской школы археологии. Свидетельством этому является участие казахстанских ученых в международном проекте ЮНЕСКО «Великий шелковый путь – путь диалога культур»[5] и проведение в Алма-Ате международного семинара ЮНЕСКО.[6]

Непростыми были первые годы независимости, продиктованные условиями переходного периода и развалом экономики бывшей союзной республики, что и отразилось на начальных этапах становления археологической науки. Были потеряны прежние научные связи, усложнялась работа в архивах библиотек, фондах музеев в бывших союзных республиках. Тем не менее отсутствие должного финансирования полевых археологических работ не отразилось на взаимных контактах всего археологического братства Содружества Независимых Государств. Напротив, появились новые возможности и новые научные связи.

В Казахстан потянулись ученые и экспедиции дальнего и ближнего зарубежья. Ярким примером этому является изучение ботайской культуры, казахско-российские, казахско-французские и казахско-американские экспедиции девяностых годов. По этому поводу профессор В. Ф. Зайберт пишет: «Только после образования суверенного Казахстана поселение Ботай могли посетить ученые из Англии, Америки, Германии. В ходе их визитов были приняты совместные программы исследований материалов Ботая, которые включали мое посещение в 1994 г. ряда британских университетов с лекциями о Ботае и организацию в Кембриджском археологическом музее выставки о ботайской

[2] Байпаков К. М. Организация Института археологии в Республике Казахстан // Маргулановские чтения: Тезисы. –Петропавловск, 1992. – С. 3.

[3] В 1996 году отделы были заменены на творческие научно-исследовательские группы: группа первобытной археологии, группа по изучению раннего железного века, группа по изучению памятников древнего искусства, группа по изучению урбанизации и номадизма, Музей археологии. Подробней см.: Байпаков К. М., Петенева Г. Г. Институту археологии им. А. Х. Маргулана – 10 лет // Известия МОН РК. НАН РК. Серия общественных наук. –2001. – № 1. – С. 3.

[4] Байпаков К. М. Организация Института археологии. … Указ. Соч. – С. 3.

[5] Байпаков К. М. Итоги и перспективы развития казахстанской археологии // Известия НАН РК. Серия общественных наук. – 1993. – № 5. – С. 5.

[6] Взаимодействие кочевых и оседлых культур на Великом шелковом пути (Тезисы докладов международного семинара ЮНЕСКО, Алма-Ата, 15-16 июня, 1991 г.). – Алма-Ата, 1991.

культуре, а также организацию международного симпозиума «Ранние коневоды Евразии» на Ботае в 1995 г., в котором приняли участие 80 ученых из 16 стран дальнего и ближнего зарубежья».[7]

С 1992 г. создается казахско-российская экспедиция, которая ведет совместные работы на территории России и Казахстана по реализации международной программы «Палеоэкология древнего человека и первоначальное освоение Евроазиатского материка». С российской стороны участвовали специалисты Института археологии и этнографии СО РАН под руководством А. П. Деревянко, с казахстанской – сотрудники Института археологии им. А. Х. Маргулана под руководством Ж. К. Таймаганбетова.

С 1995 по 2000 г. экспедицией реализуется проект «Палеолит аридной зоны Казахстана: периодизация и хронология», в котором участвует и Международный казахско-турецкий университет им. Х. А. Ясави. Начиная с 2000 года к проекту подключается Казахский государственный национальный университет им. аль-Фараби. Полученные результаты прошли апробацию и признание на международных форумах в Бельгии, Голландии, России, Казахстане[8].

В 1993 году создается казахско-французская экспедиция по изучению наскальных изображений Казахстана, куда вошли специалисты Института археологии, Института «Казпроектреставрация», Национального центра научных исследований Франции. Основной задачей экспедиции была подготовка материалов Корпуса петроглифов Казахстана; бесконтактное копирование наскальных рисунков; геохимические анализы; разработка методики консервации петроглифов. К интересным результатам привели геохимические анализы петроглифов, по которым было установлено, что микроорганизмы, живущие на поверхности скал, накапливают различную информацию о палеоклимате. Бактерии, расположенные на скалах с петроглифами, наслаивают мельчайшие органические остатки, сравнительный анализ которых с археологическим предметами с патинами из могильников позволяют уточнить возраст самих рисунков[9].

Особо результативными оказались работы международной экспедиции, организованной в 1997 году при участии сотрудников археологической миссии Франции в Центральной Азии и научно-исследовательского центра Италии Лигабуе, куда вошли представители научных учреждений России, Италии, Швеции, возглавил ее З. С. Самашев. Основной задачей экспедиции было планомерное изучение памятников древних кочевников Казахстанского Алтая.

---

[7] Зайберт В.Ф. Историко-культурное значение поселения Ботай// Отчет об археологических исследованиях по государственной программе «Культурное наследие» в 2004 г. Алматы, 2005. – С. 161-162.

[8] Деревянко А. П., Таймагамбетов Ж. К., Петрин В. Т. Отчет о работе совместной казахско-российской археологической экспедиции//Известия МН и ВО РК, НАН РК. Серия общественных наук. – 1999. – № 1. – С. 29-30; Деревянко А. П., Петрин В. Т., Зенин А. Н., Таймагамбетов Ж. К., Гладышев С. А., Цыбанков А. А., Славинский В. С. Каменный век Казахстана: Исследования российско-казахстанской археологической экспедиции в Казахстане (1998-2001). – Новосибирск, 2003. – С. 5.

[9] Самашев З. С., Туякбаева Б. Т. Работа казахско-французской экспедиции по изучению наскальных изображений Казахстана в 1993 г. // Известия НАН РК. Серия общественных наук. –1993. – № 5. – С. 92-93.

В рамках международного проекта были исследованы некрополи Майемир, Тар Асу, Берел, открыты новые памятники наскального искусства[10].

К сенсационным результатам привели исследования сакского некрополя Берел, в частности кургана: 11. Благодаря искусственно вечной мерзлоте, образованной под каменной насыпью кургана, прекрасно сохранились мумифицированные останки людей, погребенные животные, деревянные изделия, войлок, кожа[11]. Данная находка широко освещалась в различной литературе и получила высокую оценку как выдающееся открытие мирового уровня, она внесла существенный вклад в изучение культуры древних номадов Алтая.

Значимых результатов достигла казахско-американская экспедиция, основной целью которой было выявление процессов эволюции от поселения к урбанизму в Талгарском регионе, охватившей период от саков до средневековья под руководством К. М. Байпакова. В исследованиях экспедиции с казахстанской стороны участвовали К. М. Байпаков, Т. В. Савельева, Ф. П. Григорьев, Ю. Пешков, А. Манапова, О. В. Кузнецова, Т. В. Трифонова, с американской – К. Чанг, П. Туртеллотт, К. Райн, А. Розен, М. Форштадт, Б. Руан, С. Танака.

Работы проводились на поселении Тузусай, Талгар-3 и городище Талгар. В этом проекте казахстанские исследователи сконцентрировались в основном на изучении особенностей найденных на поселениях строительных конструкций и археологического материала. Тем временем американские ученые сосредоточились на проведении лабораторных исследований, анализа зооархеологических, фитолитических, палеоэтноботанических материалов.

В результате полевых и лабораторных работ было установлено, что масштаб оседлости и развитие ремесленного производства в эпоху саков были значительно шире, чем представлялось ранее. Создалась возможность более аргументировано констатировать вопросы оседания древних номадов и появления у них оседлых земледельческих поселений[12].

С 1997 года в Казахстане на конкурсной основе с проведением независимой научно-технической экспертизы стали проводиться фундаментальные и прикладные научно-технические программы. Первая программа фундаментальных исследований Института археологии «Древнее культурное наследие Казахстана: глубинные истоки и традиции» была реализована в 1997-1999 гг.[13] С тех пор институт, как и многие другие научные учреждения Казахстана, осуществляет свою деятельность в рамках этой программы.

[10] Самашев З. С., Франкфорт А. П., Ермолаева А. С., Жумабекова Г. С., Гий Э., Сунгатай С., Жетибаев Ж. М., Омаров Г. К. Исследование культуры древних кочевников Казахского Алтая // Проблемы изучения и сохранения исторического наследия (Материалы международной археологической конференции). – Алматы, 1998. – С. 174-175.

[11] Самашев З. С., Франкфорт А.-П. Древности Казахского Алтая // Известия МН и ВО РК, НАН РК. Серия общественных наук. – 1999. – № 1. – С. 33-37; Самашев З. С., Базарбаева Г., Жумабекова Г., Сунгатай С. Берел. – Алматы, 2000.

[12] Чанг К., Савельева Т. В. Итоги исследований по казахско-американскому археологическому проекту // Известия Мин. науки – АН РК. Серия общественных наук. – 1996. – № 2. – С. 86-91.

[13] Байпаков К. М., Петенева Г. Г. Институту археологии им. А. Х. Маргулана-10 лет // Известия МОН РК НАН РК. Серия общественных наук. – 2001. – № 1. – С. 8.

Знаковым был для казахстанских археологов 1998 год, который Указом Президента Республики Казахстан был объявлен Годом народного единства и национальной истории. В том же году утверждается государственная программа РК «Возрождение исторических центров шелкового пути, сохранение и преемственное развитие культурного наследия тюркоязычных государств, создание инфраструктуры туризма». Программа включала комплекс мероприятий по изучению, консервации, музеефикации и восстановлению 30 памятников, расположенных на казахстанском участке Великого шелкового пути.[14]

В Год народного единства и национальной истории создается Ишимская экспедиция под руководством К. А. Акишева, которая ставит задачу археологического и палеоэтнографического исследования Нур-Ишимского междуречья, где главной целью было выявление и топографическое исследование памятников средневековой городской культуры, определение объектов будущих масштабных раскопок.[15]

В тот год по результатам экспедиции К. А. Акишев писал: «На артефактах, полученных нашими исследователями в текущем году, представляется возможным наметить контуры историко-культурного развития в древности и Средневековье и оценить перспективы его дальнейшего исследования. Междуречье Иртыш-Ишим-Нура – обширный степной регион с многочисленными археологическими памятниками, относящимися к разным историческим эпохам».[16]

Девяностые годы оказались особенными для казахстанской археологии – произошла адаптация науки и археологов к новым условиям рыночной экономики. К полевым исследованиям привлекаются частные, юридические и корпоративные средства, деньги международных фондов.

Несмотря на финансовые трудности переходного периода девяностых годов, продолжали работать Южно-казахстанская комплексная археологическая экспедиция под руководством К. М. Байпакова, Центрально-казахстанская археологическая экспедиция под руководством Ж. К. Курманкулова, Семиреченская комплексная археологическая экспедиция под руководством К. А. Акишева, Западно-казахстанская археологическая экспедиция под руководством З. С. Самашева, Северо-казахстанская археологическая экспедиция под руководством М. К. Хабдулиной, Казахстанская новостроечная археологическая экспедиция под руководством Л. Б. Ерзаковича, Туркестанская археологическая экспедиция под руководством Е. А. Смагулова, Сарыаркинская археологическая экспедиция под руководством А. З. Бейсенова, Свода археологических памятников Казахстана под руководством В. А. Грошева, Меркенская археологическая экспедиция под руководством А. М. Досымбаевой, Алматинская новостроечная археологическая экспедиция под руководством Б. Н. Нурмухамедова.

В девяностых годах этими экспедициями на 115 археологических памятниках проведены стационарные археологические раскопки, масштабные разведки на плато Мангистау, северного побережья Аральского моря, Семиречья,

[14] Там же. – С. 8.

[15] Акишев К. Итоги работы Ишимской археологической экспедиции в 1998 г. // Известия МН и ВО РК, НАН РК. Серия общественных наук. – 1999. – № 1. – С. 5.

[16] Там же. – С. 5-6.

Восточного и Северного Прибалхашья, Восточного Казахстана, Кызылординской, Алматинской, Южно-Казахстанской, Атырауской, Жамбылской, Мангистауской, Карагандинской и Акмолинской областей[17].

Конец XX – начало XXI века ознаменовалось в казахстанской археологии открытием в регионах научно-исследовательских центров и институтов археологии.

В 1996 году в городе Туркестане при Международном казахско-турецком университете им. Х. А. Ясави был организован научно-исследовательский институт археологии, преобразованный в 1998-го в отдельный научно-исследовательский центр.

В 1996-1999 гг. центр археологии возглавлял. З. Исабеков, 2001-2008 гг. – профессор М. Елеуов, с 2008 г. – профессор С. Жолдасбаев. В центре археологии в разные периоды работали известные археологи: К. М. Байпаков, О. Исмагулов, З. Самашев, Ж. К. Таймаганбетов, Р. З. Бурнашева, А. Б. Калышев, Д. Ф. Винник, Д. Талеев, М. Касенов и др. Археологические экспедиции центра МКТУ им. Х. А. Ясави добились прекрасных результатов при изучении памятников, расположенных на северных и южных склонах Каратау. Проведена масштабная разведка. Выявлены сотни ранее неизвестных памятников. Составлены своды памятников отдельных районов Южного Казахстана. Раскопки городища Тортколтобе, Карачик, Сауран, Сыгнак изменили наши прежние представления о городской культуре Южного Казахстана и пополнили их новыми материалами.

В 2003 г. при Карагандинском государственном университете им. Е. А. Букетова открыт Сарыаркинский археологический институт (САИ). Создание института уходит в 1976 год, когда под руководством В. В. Евдокимова в университете действовала археологическая лаборатория. В 1994 году лаборатория преобразовывается в совместный с Институтом археологии им. А. Х. Маргулана отдел археологии Центрального Казахстана, который с 1995 по 2003 г. возглавлял В. Г. Ломан.

Сарыаркинский археологический институт проводит научно-исследовательскую работу, связанную с изучением и сохранением культурного наследия Центрального Казахстана. Разрабатываются научные темы: «Погребальный обряд андроновской культурно-исторической общности», «Керамическая посуда как источник по истории населения Казахстана в эпоху бронзы и раннего железа», «Центральный Казахстан в конце эпохи бронзы», «Реконструкция мировоззрения и социальной структуры древних племен Казахстана (2-1 тыс. до н. э.).

В 2002 году под руководством профессора М. Н. Сдыкова при содействии Института археологии им А. Х. Маргулана был создан Западно-Казахстанский центр истории и археологии. Работа центра сразу же после создания стала проходить по специально разработанным государственным и региональным программам. За эти годы Центром выявлено свыше полутора тысяч памятников археологии. Проводились раскопки на городище Жайык, некрополях Лебедевка, Кырк-Оба, Булдурты, Солянка, Илекшар, Ульгули, Аксай и др[18].

---

[17] Байпаков К. М., Петенева Г. Г. Институту археологии …Указ. соч. – С. 5-6.

[18] Археологическая карта Западно-Казахстанской области. – Актобе. – 2009. – С. 11-14.

В январе 2006 года в Актобе под руководством А. А. Бисембаева создается областной центр истории, этнографии и археологии, который сразу же проводит археологические исследования в своем регионе в двух направлениях – разведочного и раскопочного характера. На сегодняшний день сплошным обследованием Центр охватил около 50 % площади Актюбинской области, по пяти районам области выпущены Своды памятников природного и историко-культурного наследия.

Крупные раскопочные исследования были проведены на могильниках Гюрульдек, Сарытау, Онайбулак, Талдысай, Сапибулак. С 2009 года Центр работает по региональной программе Актюбинской области «Памятники ранних кочевников Орь-Илекского междуречья», реализация которой проходит совместно со специалистами Института археологии им. А. Х. Маргулана и Германского археологического института (DAI).

Центр известен своими изданиями благодаря традиционной Международной конференции «Кадырбаевские чтения»[19].

Особо следует отметить научно-исследовательский институт археологии, созданный в структуре Евразийского национального университета им. Л. Н. Гумилева.

Создание института связано с именем выдающегося ученого-археолога Казахстана Кемаля Акишева, внесшего неоценимый вклад в развитие археологической науки Казахстана, с созданием академической школы археологии, воспитанием археологических кадров, открытием в кургане Иссык «Золотого человека».

НИИ археологии им. К. А. Акишева проводит археологические работы на территории Центрального Казахстана. Является исполнителем программ фундаментальных и прикладных исследований КН МОН РК, Государственной программы «Культурное наследие», ведет раскопки средневекового городища Бозок. В процессе раскопок применяются новые научно-технические методы, разрабатываются и внедряются способы реставрации и консервации архитектурно-археологических строений. Проводится мониторинг состояния археологического объекта. Полученные результаты внедряются в учебный процесс.

В Павлодаре, в 2001 г. на базе ПГУ им. С. Торайгырова по инициативе ректора Е. М. Арына, организован Центр археологических исследований названный в честь выдающегося уроженца Павлодарской области академика А. Х. Маргулана. Сотрудниками центра под руководством В. К. Мерца проведены стационарные исследования на многослойной стоянке Шидерты-3, охранные раскопки аварийных памятников археологии, подготовлен к изданию «Свод памятников истории и культуры Павлодарской области».

В 2005 г. во вновь организованном Павлодарском государственном педагогическом институте открывается Научно-практический центр археолого-этнологических исследований. Основным направлением его работы становится

[19] Бисембаев А. А. Исследования памятников ранних кочевников в Западном Казахстане в 1991-2011 гг. (В печати).

изучение археологических памятников кочевников степного Прииртышья, учебно-исследовательская работа со студентами исторических специальностей.

В 2006-2013 гг. совместной экспедицией Института археологии им. А. Х. Маргулана и Павлодарского государственного педагогического института под руководством Т. Н. Смагулова проведены исследования погребальных памятников раннего железного века, кимако-кыпчакского и золотоордынского времени. Среди наиболее значимых открытий: мавзолеи с захоронениями кочевой элиты на археологических комплексах Аулиеколь, и Калбасунская башня, а также, погребение знатной женщины в Уржарском районе Восточно-Казахстанской области, в котором среди разнообразного погребального инвентаря великолепно сохранился головной убор, ставший одним из наиболее ярких образцов ювелирного и декоративно-прикладного искусства сакской эпохи Казахстана.

Совсем недавно при Казахском национальном университете им. аль-Фараби создается археологический центр. Его создание в первую очередь связано с деятельностью кафедры археологии, организованной в 1971 году по инициативе ректора У. А. Джолдасбекова. За эти годы из кафедры археологии исторического факультета КазНУ им. аль-Фараби вышел ряд ученых-археологов, занявших достойное место в науке. Среди них следует отметить Ж. К. Таймагамбетова, А. Т. Толеубаева, С. И. Ажигали, М. Е. Елеуова, Е. А. Смагулова, М. Ходжаева и др.

В разные годы на кафедре читали лекции известные ученые А. Х. Маргулан, С. С. Черников, Ю. А. Заднепровский, М. П. Грязнов, К. Акишев, К. М. Байпаков, О. И. Исмагулов, Х. А. Алпысбаев, Х. А. Аргынбаев и мн. др.

Помимо выполнения важного социального заказа общества по подготовке высококвалифицированных специалистов в области исторических наук кафедра археологии имеет достижения в исследовании наследия Казахстана, они известны по результатам изучения каменного века Ж. К. Таймагамбетова, бронзового века – А. М. Оразбаева, раннежелезного века – А. Т. Толеубаева, городской культуры – М. Е. Елеуова, С. Жолдасбаева, Н. Алдабергенова.

Активно работает лаборатория археологических исследований в Костанайском государственном университете им. А. Байтурсынова. С 1998 года заведующим лабораторией археологических исследований и начальником Торгайской археологической экспедиции является А. В. Логвин.

Основное направление лаборатории – поиск и исследование археологических памятников Костанайской области. Разрабатывается несколько основных научно-исследовательских тем по исследованию каменного, бронзового века, первобытного гончарства и антропологического типа первобытных племен на территории Торгайского прогиба.

Среди многообразия памятников, открытых и изученных лабораторией, хотелось бы выделить могильник Бестамак, исследуемый с 1991 года. Он был признан уникальным памятником на территории Республики Казахстан, за двадцатилетний период его исследования было вскрыто и изучено более 170 могильных ям и ритуальных сооружений.

В 2002 году при Южно-казахстанском государственном университете им. М. Ауэзова создается кафедра «Археология и этнология», в 2007 году научно-исследовательский центр «Археология». Старанием ректора В. К. Бишимбаева и под личным его контролем разрабатывается «Программа по этнокультурному и историческому исследованию Южно-Казахстанской области (2001-2003 гг.)»,[20] а чуть ранее, в соответствии с поручением вице премьер-министра Республики Казахстан И. Н. Тасмагамбетова[21] и письма директора Департамента высшего и среднего профессионального образования, ЮКГУ им. М. О. Ауэзова, определяется как базовое высшее учебное заведение по проблемам этнокультурных и исторических исследований по Южно-Казахстанской области. Эта «Программа», в те годы, ставила в основном задачу исследования археологических объектов, расположенных в урочище Бургулюк. Отметим, что археологическая экспедиция университета добилась прекрасных результатов в исследованиях памятников Бургулюка, открыв впервые на юге Казахстана поселение эпохи бронзы, с новым типом керамики, назвав ее керамикой каржантауского типа[22].

Археологическая экспедиция ЮКГУ им. М. Ауэзова проводила свои исследования в рамках Государственной программы «Культурное наследие» (2004-2009 гг.) и по программе прикладных и фундаментальных исследований МОН РК (2006-2008 гг.). Изучались городища Сайрам[23], Шымкент[24], Караспан, Жуантобе, Тортколтобе и др. Проведена масштабная разведка предгорьев Каржантау, Каратау, Казыкурт и др. Установлен возраст Шымкента и Сайрама. Изучены некрополи ранних кочевников.

Известны археологическими работами в период независимости Казахстана музеи Министерства культуры. Среди них следует отметить Центральный музей, Отрарский государственный археологический заповедник-музей, Южно-Казахстанский областной историко-краеведческий музей, Историко-культурный заповедник музей «Азрет-Султан». Среди работников музеев, внесших вклад в археологическую науку Казахстана в годы независимости, следует отметить М. Ходжаева, Ф. Григорьева, М. Туякбаева, А. Ержигитову, Е. Есжанова, С. Акылбека, С. Ахмеда и др.

Начиная с 2000 года археологи Казахстана участвуют в крупных международных проектах. Одним из них стал международный проект ЮНЕСКО – Казахстан – Япония «Сохранение и консервация древнего городища Отрар и памятников Отрарского оазиса» (2001-2004 гг.). К исполнению проекта были привлечены крупные международные специалисты в деле сохранения историко-

[20] Данная программа была утверждена на заседании ученого совета ЮКГУ им. М. О. Ауэзова (протокол № 9 от 09.10.2001 г.).

[21] От 4 июля 2001 г. (№ 24-2/и-643).

[22] Байтанаев Б. А. Поселение эпохи поздней бронзы урочища Бургулюк и керамика Каржантауского типа // Известия НАН РК: Серия общественных наук. – 2010, № 1. – С.32-39.

[23] Байтанаев Б. А. К вопросу о топографии и стратиграфии городища Сайрам // Известия НАН РК: Серия общественных наук. – 2007. – № 1. – С. 62-81.

[24] Байтанаев Б. А. К вопросу генезиса ранних поселений Испиджабского историко-культурного района //Древняя и средневековая урбанизация Евразии и возраст города Шымкента. – Шымкент. – 2008. – С. 31-37.

культурного наследия из Англии, Германии, Японии, Италии, Казахстана. Примечательно, что проект был продолжен в рамках Государственной программы «Возрождение древнего Отрара» под руководством академика К. М. Байпакова.

Осуществление подобных проектов в первую очередь стало возможным благодаря многолетним исследованиям Института археологии им. А. Х. Маргулана в Отрарском оазисе под руководством академика К. М. Байпакова. За 40 лет были изучены городища Отрар, Куйрыктобе, Оксыз, Кокмардан, Алтынтобе, Пушукмардан и др. Исследовательские, консервационные и реставрационные мероприятия, проведенные в рамках проекта ЮНЕСКО, позволили создать условия по превращению памятников Отрарского оазиса в музей под открытым небом на трассе Великого шелкового пути. Были разработаны новые методы консервации, реставрации и документации сырцовой археологической архитектуры[25].

С 2004 года археология Казахстана переживает новый взлет, новый подъем, который продолжается и в настоящее время. В Казахстане принимается не имеющая аналогов в мире Государственная программа «Культурное наследие».

Первый этап программы осуществлялся в 2004-2006 гг., второй – в 2007-2009 гг., третий – в 2010 г. и по настоящее время. В качестве объектов исследования выбирались в основном знаковые, известные по предыдущим и предварительным изысканиям памятники археологии. За это время археологами Казахстана ежегодно проводились исследования на более чем 35 археологических объектах. В результате накоплен колоссальный археологический материал, начиная с эпохи каменного века и до позднего Средневековья, для научного осмысления которого потребуется не одно десятилетие.

Считаю, что перед нами стоят новые задачи, в первую очередь определенные принятым недавно в Казахстане Законом «О науке». Он предполагает развитие археологии по двум направлениям - фундаментальному и прикладному.

В качестве приоритетного ориентира в исторических исследованиях, в образовании и просвещении народа считается положение о принадлежности Казахстана к евразийской культуре, для которой характерно развитие и взаимодействие кочевых и оседлых культур, города и степи, разных этнических, языковых и конфессиональных традиций, подчеркивается непрерывность развития культуры Казахстана, преемственность существовавших на его территории культур.

Для нас важным является развитие казахстанской фундаментальной археологической науки в следующих направлениях: изучение антропогенеза, происхождение человека и ранних этапов культуры в Казахстане; теоретическая разработка проблемы влияния Казахстана на процесс исторического развития человечества; изучение культуры номадов до эпохи Казахского ханства; изучение взаимодействия оседлых цивилизаций и кочевых культур в древности и Средневековье, в частности решение вопроса о начальном этапе протогородской цивилизации Казахстана; роль археологии в изучении культуры городов Казахстана эпохи развитого средневековья X-XVIII вв. как части мусульманского культурного пространства; написание научной истории тюркских народов –

[25] Байпаков К. М., Алдабергенов Н. О. Отрарский оазис. – Алматы, 2005. – С. 26.

одного из крупных этносов Евразии, игравшего и продолжающего играть важную роль в ее истории.

Среди инновационных направлений необходимо выделить ландшафтную археологию, экологическую археологию, этноархеологию, особенно в части изучения традиционной казахской культуры. Дальнейший импульс должны получить археологическая архитектура, археологическое религиоведение, изучение археологических технологий. Все эти направления будут сопровождаться новейшими компьютерными технологиями, использованием современных средств документации, картографирования, хронологии. При этом важная роль отводится междисциплинарным исследованиям. Основные результаты фундаментальных исследований планируется публиковать в многотомных изданиях «Археология Казахстана» и в «Материалах и исследованиях по археологии Казахстана», которые должны быть подготовлены и изданы в ближайшее пятилетие.

Бурный экономический рост Казахстана, грандиозные стройки, народнохозяйственное освоение залежных земель обнажили проблему, связанную с сохранением памятников историко-культурного наследия.

Сегодня в Казахстане в ходе освоения его огромной территории ежегодно уничтожаются сотни археологических памятников. Это в первую очередь происходит по причине несоблюдения, а порой открытого игнорирования отдельными лицами Закона РК «Об охране и использовании историко-культурного наследия». В 2007 году в данный закон была внесена поправка, в которой говорилось, что до отвода земельного участка должны проводиться исследования по выявлению объектов историко-культурного наследия. Однако закон на местах не соблюдается и мы имеем прецеденты в различных областях Казахстана, когда памятники археологии с прилегающей территорией без согласования с уполномоченным органом и предварительного исследования были переданы в частную собственность или уничтожены при строительстве.

Исходя из этого, считается, что прикладная археология Казахстана в первую очередь должна направить свои усилия на исследование разрушающихся памятников, над которыми нависла угроза полного уничтожения при строительстве или хозяйственном освоении земли. Археологи Казахстана на местах должны проявить всемерное усилие по сохранению нашего культурного наследия совместно с представителями уполномоченного органа по сохранению памятников археологии. Роль же Института археологии им. А. Х. Маргулана, как головного учреждения в республике, в этом случае должна быть координационной и рекомендательной.

Таким образом, археология Казахстана в эпоху независимости прошла достойный путь развития. При этом время с 1991 по 1997 год можно назвать периодом адаптации к новым условиям рыночной экономики, с 1997 по 2004 – годами стабилизации, с 2004 по сегодняшний день – периодом прорыва, обеспеченного экономическим ростом Республики Казахстан и Государственной программой «Культурное наследие».

АКАДЕМИК Ә.Х. МАРҒҰЛАННЫҢ МҰРАСЫН ТАНЫП БІЛУ

ИЗУЧЕНИЕ НАСЛЕДИЯ АКАДЕМИКА А.Х. МАРГУЛАНА

Маргулан Д. А.

Общественный фонд им. академика А. Х. Маргулана, г. Алматы, Казахстан

О РОЛИ НАУЧНОГО НАСЛЕДИЯ АКАДЕМИКА А. Х. МАРГУЛАНА В ПАТРИОТИЧЕСКОМ ВОСПИТАНИИ МОЛОДЕЖИ

В 2014 году исполняется 110 лет казахскому ученому академику Алькею Хакановичу Маргулану, основоположнику археологии и этнографии в казахстанской науке. В 2014 году было завершено издание 14-томного Собрания сочинений ученого по программе «Культурное наследие».

Алькей Хаканович Маргулан – феноменальное явление в истории казахстанской науки. Он был первооткрывателем веками скрытых тайн истории народа. Проехав десятки тысяч километров по Казахстану от его западных границ (городище Сарайчик), через весь Центральный Казахстан до северо-восточных и восточных пределов (горы Чингистау, Тарбагатай, Алтай) нашей Родины, он открыл и описал памятники материальной культуры с эпохи бронзы и ранних кочевников до позднего Средневековья, изучал обычаи и традиции казахского народа, места обитания протоказахских племен. Труды ученого пронизаны любовью к родной земле и гордостью за свой народ. Основой появления фундаментальных трудов явилось органичное сочетание в нем содержания мировой культуры и традиционных ценностей казахского народа. Его перу принадлежат труды по казахскому фольклору, по древним памятникам, архитектуре и строительному делу, казахскому прикладному искусству, средневековой письменности.

А. Х. Маргулан – единственный ученый, написавший научный труд о Казахстане, как древнейшем центре мировой цивилизации. В Центральном Казахстане им открыта уникальная бегазы-дандыбаевская культура эпохи бронзы. Об этой самобытной культуре, сконцентрировавшей лучшие творения древних жителей Сарыарки, свидетельствуют грандиозные мавзолеи, поселения древних рудокопов и металлургов, сохранившиеся до наших дней остатки металлургического производства. На основе огромного фактического материала ученый приходит к выводу, что горное дело и металлургия наряду со скотоводством и земледелием были древнейшими видами хозяйственной деятельности протоказахских племен. Об этом свидетельствуют многочисленные горные выработки и металлургические центры, появившиеся в древние времена как результат деятельности древних рудокопов и металлургов, наряду

со скотоводством и земледелием, и разбросаные по всей степи. Кроме этого, отмечается присутствие инфраструктуры древнего горного дела и металлургии. На древних рудниках Центрального Казахстана были обнаружены шахты, штольни, траншеи, штреки, квершлаги. Для осуществления промывки и мокрой флотации руды существовали водосборные ямы, обнаружено большое число плавильных печей. На основании обнаруженных фактов ученый приходит к сенсационному выводу, что казахские степи, благодаря богатейшим недрам были одним из ареалов появления металлической культуры, т. е. наши далекие пращуры принимали самое активное участие в становлении цивилизации на земле. По подсчетам геологов, горнорудный промысел и металлургия в древние времена местами достигали крупномасштабных форм производства, добыча руды в местах крупных разработок достигала сотен тысяч тонн, т. е. была значительной даже по современным масштабам. В результате получения крупных объемов выплавленной меди в древние времена появились меновая стоимость и экспорт металла. О масштабах этой формы деятельности говорит факт экспорта меди по караванным дорогам в древний Рим, Китай и др. страны. Эти данные, обнаруженные ученым в источниках, подтверждаются открытыми в последнее время в разных странах архивными материалами.

Своеобразие цивилизационных и культурных особенностей казахского народа необходимо учитывать при осмыслении вопросов экономических реалий казахстанского общества. Казахстан имеет огромную экономическую историю, включавшую расщепление хозяйства на скотоводство (кочевое), земледелие и ремесла (оседлое), горнорудный промысел и металлургию. Рост конского поголовья обеспечил освоение огромных пространств, привел к созданию общего экономического пространства от Семиречья до Урала, от Алтая до Каспия. Кочевое скотоводство составляло экономическую основу жизни протоказахских племен. Занятие скотоводством обусловило один жизненный уклад, близкие обычаи и традиции, психофизические характеристики и соответствующий им стереотип поведения обитателей степи.

Конь, сыгравший значительную роль в хозяйственной деятельности протоказахов, позволил кочевникам, имевшим развитую металлургию, вооруженным луками и стрелами, копьями и мечами, одетым в кожаные куртки и остроконечные шлемы, в амуницию, украшенную фигурками животных-тотемов, появиться в связке всадник-конь на огромных просторах Евразии, между Китаем и Римской империей, Ираном и Сибирью. В условиях постоянного передвижения кочевники – протоказахи использовали изобретенное ими разборное жилище с решетчатым остовом, жесткое седло со стременами, легкую и прочную утварь из войлока, дерева и металла. Протоказахи изобрели кожаные штаны и кафтаны (ергаки), кожаные сапоги, для утепления ног в ходе долгих военных походов они использовали внутренние войлочные носки (пайпаки), иначе на конях в длительных походах любая другая одежда превратилась бы в отребья. Такое подробное освещение амуниции древних воинов-протоказахов

необходимо для понимания успешного взаимодействия кочевой и оседлой части населения Великой Степи, результатом чего явилась непрерывность исторического процесса с древнейших времен до наших дней.

Необходимо остановиться еще на одном важнейшем моменте истории казахов. На протяжении всего исторического времени существовала тенденция к сближению древних протоказахских племен к образованию единого этноса. В раннее Средневековье в истории протоказахов появляется объединение «үш жүз», в домонгольское время в результате усиления тенденции сближения племен появляется союз племен «алаш». Значительным этапом в процессе консолидации протоказахских племен было образование «Казахского ханства». В работе «Древние казахские племена, история их объединений и образование «Казахского ханства» А. Х. Маргулан пишет о памятнике, имеющем для казахского народа огромное историческое значение. Как пишет ученый, во времена образования Казахского ханства в 1467 г. на берегу р. Сарысу в Центральном Казахстане состоялся синклит вождей крупных племен трех жузов и на скале Тамгалы-тас была высечена надпись на кипчакском языке об объединении племен в единый казахский народ. Это место официального провозглашения казахского народа. В народе его называют «қазақтын ұран шақырып, қазақ біріккен жері».

Историческое познание создает необходимые условия для культурного, этнического самоопределения народа, для осознания им себя особой этнической общностью, обеспечивает связь поколений. Поступки исторических персонажей в различных исторических ситуациях приводили к консолидации общества. В самые трудные этапы нашей истории национальное самоопределение помогло казахам отстоять и сохранить территорию нашей Родины. Так было в эпоху нашествия джунгаров, сохранившегося в памяти народа под образным названием «ақтабан шұбырынды». Историческая наука призвана сохранять в памяти потомков деяния отцов и дедов, как источник для подражания и для размышлений.

История нашего отечества с древнейших времен до наших дней предоставляет благодарный материал. Не понимая исторических корней, невозможно правильно оценить и глубоко понять характер происходящих преобразований в наше время. Озвученные в текущем году новая концепция подхода к исторической науке и национальная идея Мәнгілік елі – это веление времени. Объективно написанная история Казахстана призвана вызывать у подрастающих поколений казахстанцев чувство национального достоинства, воспитывать их в духе любви к своей Родине, служения своему народу, защиты его интересов.

Наша страна находится на новом этапе своего развития, когда знание истории и культуры народа является условием ее дальнейшего развития. Духовное здоровье народа, его жизнеспособность зависят от отношения к собственной истории и культуре. Духовные связи служат консолидации народа. Популяризация трудов А. Х. Маргулана будет способствовать позитивному развитию этих вопросов.

Манапова Ә. М.

Ә. Х. Марғұлан атындағы археология институты, Алматы қ., Қазақстан

Ә. Х. МАРҒҰЛАННЫҢ ҚАЗАҚ АРХЕОЛОГИЯСЫНДАҒЫ МҰРАСЫ

«Академик Ә. Х. Марғұланның ғылымға сіңірген еңбегі қызық кітаптың айқара беті сияқты. Осы кітап уақыт озған сайын құны артып, толғанта иландыра бермек», деп Кемал Ақышұлы өз бағасын берген еді, осы берілген баға ғалымның 110 жылдығына орай одан да ары құны арта түскендей.

Ғұлама ғалым Әлкей Хақанұлы Марғұлан өткен ғасырдың 40 жылдарының басынан бастап көне жазба ескерткіштері және қазақ халқының рухани мәдениетін, фольклорын жан-жақты зерттеумен бірге Қазақстан жеріндегі археологиялық ескерткіштер кешенін іздестіру, табу және зерттеу ісін алғашқылардың бірі болып бастады.

Ә. Х. Марғұлан Қазақстандағы археология ғылымының өсуі үшін ол жас археологтар К. А. Ақышев, Ә. М. Оразбаев, М. Қ. Қадырбаев, Х. А. Алпысбаевтарды СССР ҒА Ленинград археология бөліміне аспирантураға түсіп білімін жетілдіруіне жағдай жасады. Олардың археологияның әртүрлі салаларын таңдап, дамытуына тікелей жетекшілік жасады.

Академик сонымен қатар Қазақстан археологиясының болашақта даму жолдарын, қандай ғылыми мәселелерді шешу қажеттігін белгілеп берді: ең алдымен тұрақты отырықшылар қоныстары мен қалаларын (VI-VII ғғ.), мұндағы мақсат отырықшы-егіншілік пен көшпелі-малшылық шаруашылығының өзара байланысы мен бір біріне тигізген ықпалын анықтау; екіншіден патриархалды-рулық құрылыстың пайда болып, ыдырау кезі болып саналатын қола дәуірі мен ерте темір ғасырларын зерттеу (оның ішінде ертедегі кен өндіру, металлургия өндірісіне терең көңіл бөлу); үшіншіден адамзаттың көне тарихы-палеолит пен неолитті зерттеу. Осындай алға қойылған мақсат, міндеттерді шешу үшін 1946 ж. тұңғыш Орталық Қазақстан археологиялық экспедициясы құрылды. Аты Орталық Қазақстан деп аталғанмен бұл экспедиция 1946-1956 жж. аралығында өте кең ауқымды аймақты: Қаратаудың солтүстік беткейін, Шу өзенінің төменгі етегін, оңтүстігінде Сарысуды, шығысында Шыңғыс тауын, Нұра өзенінің етегі және солтүстігінде Қорғалжын өзенінің жағасын, батысында Илек, Сағыз, Жем өзендерінің бассейнін қамтыды.

Ә. Х. Марғұлан өз зерттеулерінде кең ауқымды аймақтарды ғана емес, хронологиялық шеңберімол ескерткіштерді қамтыды. Ол өз зерттеулерінде неолит дәуірінің тұрағын, беғазы-дәндібай және андрон мәдениетінің қоныстары мен қорымдарын, ерте көшпенділер археологиялық ескерткіштері мен халықтардың Ұлы қоныс аударуы тұсындағы ескерткіштерді, тас мүсіндер мен тасқа салынған суреттерді, ирригациялық құрылыс пен ежелгі керуен жолдарын, VIII-X ғасырлардағы тастан жасалған архитектураның ескерткіштері және ортағасыр қалаларын, XIII-XIV ғғ мавзолейлер мен XIV-XIX ғғ. қазақ күмбездерін ашты. Әр жылдардағы жұмыс қорытындылары Ғылым Академиясының хабарламасынада үзбей жарияланып отырды. Әлкей Хаканұлының көп жылғы еңбегі К. Ақышев, Ә. Оразбаев, М. Қадырбаевтармен бірігіп жазған «Орталық Қазақстанның ежелгі мәдениеті» (Маргулан, 1966) атты монографиялық еңбегінде қорытындыланды.

Осы ұжымдық археология саласындағы ірі монография 1967 ж. Қазақ ССР ҒА Ш. Ш. Уәлиханов атындағы сыйлықты иеленді.

Осыдан кейін көп жылдар бойғы зерттеу жұмыстарының жемісті қорытындысы келелі іргелі еңбек академиктің «Орталық Қазақстандағы Беғазы Дәндібай мәдениеті» атты монографиясы 1979 ж. шығып, археологиялық ғылыми әдебиеттің алтын қорына енді.

Орталық Қазақстан археологиялық экспедиясы үш отрядтан құралды. Біріншісі андронов қоршауларын қазған А. М. Оразбаев басқарған отряд, екіншісі экспедиция басшысы Ә. Марғұлан басқарған кейінгі қола дәуірін және қола дәуірінен ерте көшпенділер дәуіріне өту кезеңін зерттеген отряд, үшіншісі Қадырбаев М. Қ. басқарған ерте көшпенділер мәдениетін зерттеген отряд. Бұлармен қатар экспедиция құрамында әр жылдарда Л. Р. Қызласов (1948), К. А. Ақышев (1951-1952), Г. И. Пацевич, А. Г. Максимова, Т. Н. Сенигова, Г. В. Кушаев, Х. А. Алпысбаев, суретшілер П. В. Агапов, К. А. Власовтар және Қаз МУ, Қаз ПИ және Алматы сурет училищесінің студенттері қатынасты. Экспедицияның Орталық Қазақстандағы алғаш ашып, осы күнге дейін үзбей тереңдете зерттеп келе жатқан нысаны қола дәуірінің ескерткіштері еді. Бұл ескерткіштер Қазақстан даласында іргелі мәдениет болған жоқ, тек ары-бері көшіп жүрген елдердің жолы болған деп ертеден қалыптасып келген тұжырымды жоққа шығарушы бірден-бір дәлел болды.

1946 ж. экспедицияның алғашқы зерттеуі Мойынты, Сарысу өзендері бойымен, Бетпақ – даладан Ұлытау тауына дейінгі кең алқапты, Торғай – Жіліншік өзендерінің жоғарғы ағысын, Кеңгір, Жезді, Байқоңыр мен Бұланты өзендерінің өңірін қамтыды (Маргулан, 1948).

Келесі жылғы экспедиция алдыңғы жылғы экспедиция жұмысының жалғасы болды деуге болады. Ал 1948 ж. экспедицияның алдына қойған мақсаты: Жезді және Кеңгір өзендері өңірінде орналасқан жартылай отырықшы жер иеленуші мәдениеті оның ішінде архитектуралық ескерткіштерді тереңдете зерттеу болды. Осы жылы кіші плиталы Беғазы 2-3 мавзолейлері зерттелді.

1949 ж. Ақшатау тауы мен Шерубай – Нұра өзенінің құймасы, Соқыр өзенінің өңіріндегі қола дәуірінің ескерткіштері зерттелді. Кең ауқымды археологиялық қазба жұмыстары 1950, 1951, 1952 жж. Ә. Х. Марғұланның басшылығымен, археология бөлімінің қызметкерлері Г. И. Пацевич, К. А. Ақышев, А. Г. Максимова, Т. И. Сенигова, суретші Агаповтардың қатысуымен жүргізілді.

1963-1967 жж. монументальды архитектуралы Беғазы I қабірі және Саңғыру I кешені түгелдей зерттеліп біршама материалдар жиналды. 1968 жылғы нәтижелі зерттеулердің бірі Беласар, Елшібек кешендері, онда өзіндік мәні бар және әртүрлі керамикалық материалдар орта қола кезеңінен Беғазы-Дәндібай мәдениетіне өтпелі кезеңінің мерзімін көрсетті. 1969 ж. Қарағанды далалы алқабынан ең үлкен, әр кезеңнің ескерткіштері бар Балакүлболды кешені зерттелді. Соңғы қола дәуірінен ерте темір дәуіріне өту кезеңін түсіндіру мақсатында 1971 ж. Тоқырауын өзенінің жоғарғы ағысындағы ерте скифтер кезеңінің қорғандары зерттелді. 1972 ж. 1946 ж. ашылған Беғазы – Дәндібай ескерткіштерінің батыс бөлігі зерттелді.

ОҚАЭ – жетекшілері: 1977-82 жж. М. Қ. Қадырбаев, 1984-1988 жж. С. М. Ақынжанов, 1982-1983, 1989-2010 жж. Ж. Құрманқұлов осы күнге дейін жалғасып келе жатқан зерттеулердің нәтижесінде көптеген тас, қола дәуірлерінің тұрақтары мен қоныстары, кен өндіріп, мыс балқытқан орындары, ерте темір ғасырларының жүздеген обалары, ортағасырлық қалалар, тас мүсіндер қойылған түркі, қыпшақ қоршаулары мен обалары, тастағы суреттер ашылды. Әлемдік ғылым айналымына енді.

Ә. Х. Марғұланның ежелгі заман ескерткіштерінің ішінде тас дәуірі ескерткіштерін зерттеуі кешенді болмағанмен Қазақстанда жүргізілген зерттеулерді саралаған еңбектері мол.

Оның 1998 ж. жарық көрген шығармалар жинағының 1 томында тас ғасыры ескерткіштерінің зерттелуіне жан жақты тоқталып, сараптама жасалды. Осы еңбегінде соңғы 40 жыл ішінде Қазақстанда неолит ескерткіштерін ашу мен зерттеуде археологтар көп жұмыс атқарғандығын талдап жазды.

1947 ж. Ә. Х. Марғұлан өзі Қызылжар бекетінен төмен 18 шақырым жерде Сарысу өзенінің екі жағында орналасқан Бөрібас тұрағын зерттеген (Маргулан, 1949). Тұрақтың үстінен ондаған тас заттар, оның ішінде нуклеус, үлкен мөлшердегі пышақ тәрізді пластинка, опал мен кременнен жасалған садақ ұштарының копиясы, көптеген қырғыштар жинады. Мөлшеріне және архаикалық қолапайсыз түріне қарай олар неолит пен энеолит ерте кезеңіне жатқызылды.

1946 ж. Шом тауында 13 және 20 қорғандарында археологиялық қазу жұмыстары басталды. 13, 20 қорғандарын Н. Н. Валукинский зерттеді, ал қалғандарын Ә. Х. Марғұланның басқаруымен Орталық Қазақстан археологиялық экспедициясы зерттеді.

1948 ж. қазба жүргізілген осы 3 кіші оба қазбасынан көп ерекшеліктер табылды. Қоршаудың ортасынан тереңдігі 0,25 м, ұзындығы 1,8 м, ені 0,56 м шұңқыр ашылды. Шұңқырдың түбінен адам қаңқасы табылды. Мәйіттің үсті (2-3 см) жұқа топырақпен жабылған. Басына қарама-қарсы оңтүстік-батыс бұрышында шұңқырдан жоғары, формасы әр түрлі үш тас құрал шықты. Ал төртінші құрал кішірек, ол өліктің үстіндегі қара топырақ қабатынан табылды, бесіншісі қорғанның үстіндегі үймеден шықты. Тас құралдардан басқа заттар табылмады. Өліктің бас жағынан табылған үш құрал осы адамның жеке заттары болуы мүмкін, ал топырақ үймесінен табылғандар туыстарының өлікке әкелген құрбандықтары. Мұнымен қатар сол уақыттағы сенім бойынша мола қазған құралдарды үйге қайтып әкелмейтін болған болуы мүмкін. Ә. Х. Марғұлан қазбадан табылған заттардың Алтайдың афанасьев ескерткіштерімен ұқсас болғанымен ерекшеліктерінің көптігін, табылған заттардың әлдеқайда аздығын көрсете келе. Афанасьев ескерткіштері өзінің шығуы жағынан, Жезқазған ескерткіштерінен кейін пайда болғанын, Жезқазған ескерткіші бұдан да ерте кезеңге жататынын атап көрсетті.

Ә. Марғұланның зерттеулерінің негізгі бағыты қола дәуірі болды. Қола дәуірі ескерткіштері басқа тарихи кезеңдерге қарағанда көбірек зерттелгенімен, көптеген мәселелер әлі де түбегейлі шешіле қойған жоқ. Мұның өзі отандық археология ғылымының үздіксіз дамуын көрсетеді (Құрманқұлов Ж., 2008).

1947 ж. қола дәуірі мен ерте темір дәуірінің ескерткішін табу мақсатында ғалым Бетпақ Даланың солтүстік және солтүстік батысында барлау жұмысы жүргізілді. Бұл жерден Айшырақ, Дарат, Санғыру, Үйтас комплекстерін, Атасу I, II, Бұғылы I, II, Ш, елді мекендерін ашты. Осы жылы Беғазы комплексін зерттеу басталды. Ал 1948 ж. Беғазыда қазба жұмысы жалғасты, екі кезеңнің: андронов және кейінгі қола дәуірінің ескерткіштері табылды. 1949 ж. Құндызды өзенінің Нұраға құяр тұсынан қола дәуірі елді мекенінің белгісі табылды. Бұл жылдың зерттеулерінің қортындысы Ә. Х. Марғұлан мен М. Е. Массонның жұмыстарында көрсетілген.

1951 ж. Талды-Нұра өзенінен, Қызылтау совхозынан оңтүстік шығысқа қарай 7 км жерден андронов қабірі Былқылдақ I. II қазылды. Талды Нұраның бойынан қола дәуірінің көптеген ескерткіштері есепке алынды: қорғандар, қоршаулар, руда қалдықтары және елді мекен бір-бірінен 2 км-ден 5 км ара қашықтықта орналасқан. Қотыр-Қызылтау тауының аңғарында көптеген қола дәуірінің ескерткіштері көп. Ақбауыр мен Шортанды бұлақ елді мекендері осы жерден табылды, ал Байбала мен Сенкебай – Талды – Нұраның қыраттарынан табылды.

Ә. Х. Марғұлан қола дәуірінің кезінде Орталық Қазақстан мен кенді Алтай өңірі ел тығыз қоныстанған кен өндіріп, мыс балқытқан, мал өсіріп егін еккен құтты өлке болғанын, жалпы дәуір өзіндік белгілерімен Атасу, Нұра, Беғазы-Дәндібай кезеңдеріне бөлінгенімен түбі бір, бірінен-бірі туындап отырған біртұтас мәдениет екенін бірнеше рет атап өтеді. Осы тұжырым К. А. Ақышев, Ә. М. Оразбаев, М. Қ. Қадырбаев, С. У. Жауымбаев, Ж. Құрманқұлов еңбектерінде жалғасын тапты. Қола дәуірінің соңғы кезеңі кемелденіп ең жоғарғы сатыға жеткен тұсы Беғазы-Дәндібай мәдениеті деп бөлінеді. Ол туралы Әлкей Хақанұлы былай дейді: «Бұл Беғазы-Дәндібай мәдениеті деген ғажайып бір кеніш, сарқылмайтын мәдениет дүниесінінің келісті бір түрі. Жалпы қазақ жерінде біздің эрамызға дейінгі мың жылдықтарды қамтыған қола дәуірінің мәдениеті жойқын дамыған. Оның сәулетті бір белгілері – қыстақтар орны, зәулім обалар, биік меңгірлер – біздің эрамызға дейінгі XI-VIII ғғ. Орталық Қазақстандағы Беғазы өзенінің бойы мен Дәндібай ауылы деп аталған мекен төңірегінде көп сақталған. Ғылымда Беғазы-Дәндібай мәдениеті деп аталатын бұл сәулет пен өнер үлгілері бір жағынан, көне Қазақстан жерінде қола дәуірінен кейінгі көркейген алғашқы сақ мәдениетімен сабақтасып, ұштасып жатыр. Сақтардың жойқын өнерінің бір төркіні осы мәдениеттің жарқын дәстүрлерінен бастау алады. Кейбіреулердің көне Қазақстанда бағзы замандарда мәдениет ошақтарының болмаған, қала салуды білмеген дейтіні бар. Ол қате. Ежелгі Қазақстанның байтақ жерін мекендеп, мал баққан, егін еккен, кен қазған бабаларымыздың дүние жүзілік өркениетке қосқан үлесі орасан зор. Ана жылы Есіктен табылған Алтын киімді адам да сол байтақ мәдениетіміздің сәулетті бір айғағы» (Бейсебаев, 1984).

Беғазы-Дәндібай мәдениетінің ғылым әлемінде жария болуына академик Ә. Марғұланның сіңірген еңбегі айырықша. Тарих ғылымында Беғазы-Дәндібай мәдениеті деген атау Қарағанды облысының Ақтоғай ауданындағы Беғазы тауының етегінен табылған аса ірі қалақ тастардан тұратын монументті бейіт

қорымдарға және Нұраның жағасынан 1932 ж. зерттелген ғажайып сәулет туындысы Дәндібай мавзолейлерінің атымен аталған. Бұл кешендер биіктігі 3 метрге дейін жететін, ені 1,5-2 метр болатын, салмағы 1-2 тонналық қалақ тастардан тұрғызылған жойқын құрылыстар.

Беғазы-Дәндібай іспеттес қола дәуірінің бай мәдени мұрасы Орталық Қазақстаннан табылуы дүниежүзілік ғылымда өте маңызды болды. Өйткені осы кезге дейін әлемдік археология көне өркениетті тек Жерорта теңізі маңынан ғана іздеп, жер шарының басқа құрылықтарның мәдени салауаттарын жерорта теңіздік мәдениеттің қиыр шеті деп түсіндіріп келген еді. Әлкей Марғұлан мыс пен жезге негізделген өркениет кенді аймақтарға шоғырланғанын және бұл аудандар қола мәдениетінің провинциясы емес, кіндігі, орталығы екенін айғақтады.

Қазіргі күнде Ә. Марғұланның ғылыми еңбектерінің арқасында сақтар мәдениеті андрон мәдениетінің заңды жалғасы екендігі толық дәлелденсе, бұл екі мәдениеттің арасында Беғазы-Дәндібай мәдениетінің дәнекерлік роль атқаратындығы ғылыми тұрғыда негізделді. Беғазы-Дәндібай мәдениеті әлеуметтік-экономикалық даму деңгейі және мәдени жетістігінің көрнектілігі жағынан Триполь, Қарасуықтан кем қалмайтын Сарыарқадағы тамаша құбылыс. Бұл мәдениетке ғалым Беғазы, Бұғылы, Саңғыру, Айбас-дарасы, Дәндібай ескерткіштерін жатқызады.

Академик Ә. Марғұланның айтуынша Беғазы атауы көне түркі тіліндегі «биік және аз деген екі сөзді» бірігуінен шыққан. Мұндағы биік сөзі дыбыс үндестігінің әсерімен бек, бегі болып өзгерген. Ал аз сөзі сол кездегі тайпаның атауын білдіреді. Сонда Беғазы атауы Аздардың биігі деген мағына береді. Бұл пікірді белгілі ғалым Қазақстан жер-су атауларының сөздігін жасаушы Е. Қойшыбаев та қуаттайды.

Қола дәуірінің алғашқы кезіндегі құрылыстармен генетикалық байланыс болса да Беғазы ескерткіштері аса күрделілігімен, қабырғалары гранит плиталармен салынғандығымен ерекшеленеді.

Қола дәуірінің немесе Беғазы-Дәндібай мәдениетінің ескерткіштері шығысы Абралы тауымен Шыңғыс жотасынан батысы Ұлытау тауына дейін созылып жатыр. Орталық Қазақстанның қола дәуірін айғақтайтын этап ескерткіштері өзіндік ерекшеліктерімен бөлініп көрінеді, бұл бізге дейін жеткен алғашқы монументалды құрылыс (XII-X және X-VIII ғғ б.э.д.) (Маргулан, 1978) деп көрсетті Ә. Х. Марғұлан.

Бірқатар ғалымдардың пікіріне қарағанда Беғазы-Дәндібай мәдениеті Оңтүстік Сібірдің Қарасуық мәдениетіне тәуелсіз, мүлдем бөлек өзіндік ерекшелігімен дамыған. Көптеген айғақты заттардың табылуы Беғазы-Дәндібай мәдениетінің отаны Оңтүстік Сібір емес, ертедегі металлургиялық орталық Орталық Қазақстан болғанын көрсетті

Ғұлама ғалым қазақ даласында металлургияның даму тарихына көп көңіл бөліп, ежелгі металлургияның көптеген ескерткіштерін ашты және сипаттамасын берді. Олар: Жезқазған, Саяқ, Алабұға, Үрпек, Имантау, Шақпақ, Суық Бұлақ, Атасу. Ол өзінің еңбектерінде қазақ даласы алтын мен мыс елі екендігі туралы

ертедегі Геродот, Әл-Идриси, Әбілғазы т.б. еңбектерінде кездестіретініміз деп атап көрсетеді.

Орталық Қазақстанның топонимикасында кенге байланысты терминдер көптеп кездеседі: Жезді өзені, Жезқазған, Қазан сынған – кен қорыту кезінде қазан сынған жер, Қалайы қазған, Кенгей, Кенгір өзені, Кен қорытқан, Қорғасынтау, Ұстаның жалы, Темірші тау. Қазіргі уақытта ғалымның сипттамаларының дәлелі іспетті Орталық Қазақстан археологиялық экспедициясы Жезқазғаннан алпыс шақырымдай жерде Талдысайда металлургия орталығын ашып зерттеуде.

Қола дәуірінен беріқарай келе жатқан тағы бір ескерткіштер тобы, су қоймалары – тоғандар, Ә. Х. Марғұлан еңбектерінде ерекше орын алған көктемгі суы тез сарқылатын далада егін салуға мүмкіндік беретін бұл құрылыстардың маңызы зор. Қарапайым адам мүлдем көңіл аудармайтын жер бетінде нобай ғана сақталған бұл тоғандарды тайып, зерттеп, жобасын сызып алу тек Ә. Х Марғұлан сияқты қазақ даласын алақанындай оқи білетін, аңғарымпаз кісінің ғана қолынан келеді. Ол кісі оннан аса тоғандардың сипаттамасын беріп, сызбасын жасады.

Ә. Х. Марғұланды «мұртты қорғандарды» зерттеушілердің алғашқыларының бірі деуімізге оның басшылығымен 1946 ж. археологиялық экспедицияның есебі ретінде жазған мақаласы дәлел бола алады. Экспедиция Қарағанды облысының Ұлытау, Жезқазған, Жаңаарқа аудандары территориясында орналасқан қорғандарды зерттеді. Қорғандар Сары-су, Кеңгір, Жезді, Байқоңыр және Бұланты өзендерінің маңында көптеп кездеседі.

Сары-Арқадағы сақтардың өнер туындылары, дүниетанымын көрсететін тасбетіндегі суреттердің ірі тобын Ә. Х. Марғұлан Байқоңыр, Бұланты бойынан, Теректі әулие бұлағының басындағы таулардан тауып зерттеген. Автордың анықтауынша олардың дүниетанымының биік дәрежеде болғаны, өнерінің жетік екені дәлелденген.

Қазақстанның ортағасырлық археология тарихы өте тереңде жатыр. Ортағасырлық ескерткіштерге археологиялық зерттеулер жүргізу арқылы сол уақыттағы халықтардың тыныс-тіршілігінен, сол уақыттың мәдени және саяси өмірінен мол мағұлматтар аламыз. Отандық ғылымда Ә. Марғұланның ортағасырлық ескерткіштерді зерттеулерде де алар орны ерекше. Оның жан-жақты ғылыми-зерттеу еңбектерінде ортағасырлық Қазақстандағы қыпшақтардың этно-мәдени құрылысы мәселесі жоғары орын алады. Болашақта қазақ халқының этноқұрылымында қыпшақ мәселесі негізгі кілті болатыны сенімді болған Ә. Х. Марғұлан бұл мәселені жан-жақты қарастырып отырды. Ол қыпшақтану саласында көрнекі із қалдырды. Шығыстанудың ленинградтық классикалық мектебінен алған білім оның мұсылман әлемінің жазбаша ескерткіштерін: араб, парсы, ежелгі түрік жазбаларын түпнұсқадан оқуына мүмкіндік жасады. Ол ортағасырлық: Ибн Хордадбех, Ибн ал-Факих, Гардизи, ал-Идриси, Бируни, Махмуд Кашгари, Закрия Казвини, Жамал Кашри, Ауфи және басқа да көптеген авторлардың еңбектерін ғылыми айналымға қосты.

Ғұлама ғалым жас ғалымдар мен аспиранттарына тарихи деректерді рет-ретімен қарауға, қол жетерлік барлық жазба ескерткіштерді қамтуға, әр уақыттағы, әртүрлі бағыттағы және кей уақытта бір-біріне қарама қайшы

келетін пікірлерді анықтауға әрқашанда жол сілтеп отырды. Ә. Х. Марғұлан қыпшақтануда айқын із қалдырды, – деп баға берді ҚР ҰҒА академигі Көмеков Б. Е.

Қыпшақ мәселесін зерттеушілерге Қазақстан қыпшақтануының негізін қалаған Ә. Х. Марғұланның ғылыми ойларын айналып өту мүмкін емес. Ол қыпшақ тайпаларының (қыпшақ, құман, қимақ) тарихын зерттеушілерге әл-Идрисидің (XII ғ.) географиялық шығармасындағы зерттеулерге көп көңіл бөлу қажеттігін айтып отырды.

«Қыпшақ тарихы» – Ә. Х. Марғұланның басты арманы болды деді көрнекті ғалым Л. Кызласов өзінің академик жайлы жазған «К портрету ученого и человека» (Кызласов, 2004) – деген мақаласында.

Алғаш рет қыпшақтардың жазба ескерткіштерін зерттеу мақсатында кандидаттық диссертация есебінде өте қиын және осы уақытқа дейін ғылыми мәнін жоймаған «Хандар жарлығының тарихи маңызы» атты тақырыпты таңдады.

Ғұлама ғалым қыпшақтар көшпенді тұрмыс құра жүріп, көпсалалы шаруашылықпен шұғылданған, олар мал да бақты, егін де салды, аң аулап, кен де қорытты, саудамен басқа да әрқилы кәсіппен айналысты деген қорытындыға келді. Ол орта ғасырлардағы қазақ жеріндегі қыпшақтардың географиялық қонысын зерттеуде X ғасырдағы жасырын атымен белгілі парсы тілді автордың «Худуд-ал-Аламына» сүйенді. Өкінішке орай Ә. Марғұланда қыпшақтардың шығу тегі жөнінде нақты дерек жоқ, әйткенмен олардың түркі тілдес этникалық топқа жататыны, тіпті ғұндардың ұрпағы болуы мүмкіндігіне күмәнданып көреген емес. Деректерде кездесетін екі этникалық атау қимақтар мен қыпшақтарды теңестіріп жүргеніміз дұрыс па деген Ә. Х. Марғұланның ойы дәлелдену үстінде. Ал «қыпшақ» сөзінің шығуы жөнінде, түркі тілдестер лексикасындағы «қыпша бел» сөзінен шықты, қыпшақтар қыпша белді деген қызықты ой тастады.

Ә. Х. Марғұлан XIV ғ. бірінші жартысы деп танылған – Нұрадағы қыпшақ қабірін ашты. Бұл қыпшақ қабірі жөнінде 1959 жылы жан-жақты зерттей келелі мақала жариялады.

Ал академиктің басты мақсаты болған ежелгі түркі тақырыбын оның үш оқушысы жалғастырды. Олар С. М. Ақынжанов – қыпшақтар жөнінде бағалы еңбек қалдырды, Б. Е. Көмеков – араб және персі деректері бойынша қимақтар мәселесі және А. Ш. Қадырбаев – XIII-XIV ғғ. түріктер мен ирандықтар жайында ортағасырлық қытай деректерін сөйлетті.

«Қыпшақтар қазақ халқының қалыптасуында негізгі этникалық ядро» болды деп жазды Әлкей Хақанұлының жетекшілігімен қорғаған кандидаттық диссертациясының авторефератында С.Ахинжанов (Ахинжанов, 1973 г.).

Ә. Марғұлан қазақ жеріндегі тас мүсіндерді де ғылыми тұрғыда түбегейлі зерттеді. Ол тас мүсіндерді тауып, көзімен көріп болжап, қолымен ұстап, бұл жөнінде салиқалы ой айтып, ғылыми тұжырым жасады. Сөйтіп бұл ескерткіштердің қазақ халқының көне замандарда осы өңірді мекендеген ата-бабаларының мұрасы екендігін ғылыми тұрғыда дәлелдеп берді. Сыртқы

құрылысы бойынша тас мүсіндер екі түрде кездеседі; бір тобы граниттен жасалған төрт бұрышты тас шарбақтың күншығыс жиегінде, екінші тобы үйген тас обалардың күншығыс жақ етегінде. Ғұлама ғалым ежелгі мал өсіруші тайпалардан қалған жоғарыдағы тас мүсіндерді егжей-тегжейлі зерттей келе, олардың даму тарихын екі кезеңге бөледі. Ә. Хақанұлының айтуынша, мұның бірі VI-VIII ғғ. Түркі қағанаты дәуірінде орнатылған тас мүсіндер, екіншісі VII-XIII ғғ.Орталық Қазақстанды мекендеген Қыпшақ тайпаларынан қалған ескерткіштер.

Академик ғалымның тағы бір басты көңіл бөлген мәселесі Орта ғасырдағы тасқа жазылған таңбалар сыры. Ол өзінің «Тамғалы тас сыры» атты мақаласында өзіне дейінгі зерттеген ғалымдардың байқауынша топталған таңбалар бір замандықі емес, талай ғасырлар ішінде түсірілген деп жазып, өзіне дейінгі жазылған әртүрлі еңбектерге талдау жасап, тас сырын ашуға тырысты.

Тастағы тамғалармен қатар ол тағы бір археологияға байланыстырып зерттеген тақырыбының бірі тарихи дәуірдегі қазақ тайпаларының жазу мәдениеті тақырыбы болды. «Тарихи дәуірдегі қазақ тайпаларының жазу мәдениеті» (Маргулан, 2007) атты мақаласында ғалым Қазақстанның жазба мәдениеті мәселесін тарихи тұрғыдан қарастырды. Тарихи заманнан, неше ғасыр бойы үстіүстіне топталып келе жатқан «көк тастағы», «құлпы тастағы» жазулар – қазақ халқының білімді,ой-сананы, жазуды жақсы көргенін, оған аса ынта қойғанын, аса жарқын түрде суреттейтін бір ашық дәлел деп – Ә. Марғұлан өз халқына «жазуы болмаған ел» деген атау еш анықтыққа келмейтінін, үстіртін айтылған пікір екендігін деректермен дәлелдеп көрсетті.

Академик Ә. Марғұлан Қазақстанның ортағасырлық қалаларды зерттеудің негізін қалаушылардың бірі болды. Археолог-ғалым басқарған Орталық Қазақстан археологиялық экспедициясы (ОҚАЭ) 1946-1950 жж. Орталық Қазақстанда, Оңтүстік Қазақстанда, Талас, Шу өңірлерінде және Батыс Қазақстанда археологиялық зерттеу жұмыстарын жүргізді.

Орталық Қазақстанда жүргізген археологиялық зерттеулердің барысында 60-тан аса ортағасырлық қалалар мен бекіністер т.б. ескерткіштер ашылды. Олардың 10-ға жуығы Есіл өзенінің бассейнінде, 9-ы Нұраның бассейнінде, 10-ы Сарысудың жағасында, 10-ы Кенгірдің өңірінде, 4-і Жезді өзенінің жағасында, 10-ы Ұлытаудың оңтүстік беткейінде, 1-і Ақтауда, 1 – «Мойынты өзенінің жоғарғы ағысында, 3-і Қарқаралы тауында, 2-і Баянауыл ауданында орналасқан (Маргулан, 1978).

1946 ж. ОҚАЭ ежелгі керуен жолының бойында жатқан отырықшы мәдениет қалдықтарын зерттеу мақсатымен Қаратаудың солтүстік беткейі мен Шу өзенінің төменгі ағысында барлау жүргізіп, Тарсатөбе, Созақ, Бабата, Шолаққорған, Құмкент, Саудакент, Күлтөбе, Ақтөбе, Ақсүмбе қалаларын зерттеді. Ә. Х. Марғұлан қалалардың тарихи-топографиялық жобасын түсіріп, Құмкент қаласын қазба деректегі Кинкат (Кинчат) қаласымен баламалады. Жүргізілген зерттеу кезінде Ә. Х. Марғұлан ежелгі отырықшы мәдениеттің шекарасы Қаратаудың солтүстігінде, Шу, Сарысу өзендерінің төменгі ағысына және Жетіқоңыр төңірегіне дейін созылып жатқанын көрсетті (Маргулан, 1948).

1947 ж. ОҚАЭ Шудың төменгі ағысындағы Тасты қаласында қазба жүргізіп, оның үш кезеңді қамтитын мәдени қабаттарын ашты және Тоғанкөлден Тастыға, онан Көкмұрынға дейін ондаған шақырымға созылып жатқан ежелгі суландыру жүйелерін ашты (Маргулан, 1951).

ОҚАЭ 1948 ж. Шу өзенінің төменгі ағысында барлау жүргізіп Бірлік – Мойынқұм аралығында орналасқан Төрткүл, Көлтабан, Үлкен Ақтөбе, Ақтөбе қалаларын есепке алды және Шудың төменгі ағысы арқылы Бетпақдалаға өтетін керуен жолдарыныың бағыттарын анықтады.

Ә. Х. Марғұлан басқарған Батыс Қазақстан археологиялық экспедициясы Жезқазған, Торғай даласы, Шалқар темір жол бекеті арқылы барлау жұмыстарын жүргізді. 1950 ж. Сарайшық қаласына қазба жұмыстарын жүргізіп, Дешті Қыпшақтың керуен жолдарының қилысында тұрған саяси, сауда орталықтарының бірі Сарайшық қаласының сұлбасын жасады. Бірінші рет Сарайшық қаласынан Үргенші қаласына, Торғай және Ұлытау далаларына қарай керуен жолдарының іздері табылды. Экспедиция мұнымен қатар Сағыз, Ембі, Хобда, Темір өзендерінің бойынан елді мекендер мен керуен сарайлардың қирандыларын тапты.

Ғалымның 1961 ж. мақаласында: Отырар – бір кездегі атақты астана, толып жатқан керуен жолының торабы, әйгілі мәдениет, сауда орны болған. X-XV ғғ. Сырдария жағасында мұнан үлкен қала болмаған. Арабтар Орта Азияны жаулап алғанда Отырарды жақсы көргендіктен оны Фараб деп атаған. Қазақстан жерінде әлі талай зерттеулерді күтіп жатқан жерлер бар. Алдағы уақытта Жетісу, Орталық Қазақстан, Ақтөбе, Арал теңізінің бойы, Маңғыстаудан қазба жұмыстарын жүргізу қазақ даласының өткен көне тарихына елеулі жаңалықтар әкелер еді. Осыған орай бұл күндері Отырар жерінде жүріп жатқан қазба жұмысынан да көп жұмыс күтеміз. Ал Отырардың қазылып жатқаны қазақ дәуірінің бергі қабаты ғана. Дегенмен осы қазіргі қазылып жатқан жұмыстардан бір екі жыл көлемінде біраз нәрселер белгілі бола бастады. Ол қазақтардың қалада тұрмады деген пікірдің жоққа шығуы, өндіріс орындары болғанының белгілі бола бастағаны. Дегенмен Отырардың бізге тартар сыйы әлі алда – деп жазды. Қазіргі таңда академиктің болжамы расқа айналып, ғылыми түрде дәлелденеуде.

Ортағасырлық керуен жолдарын зерттеуде Ә. Марғұланның еңбегі көңіл аударарлық. Оның зерттеген керуен жолдары Бетпақ дала бойымен өтетін бірнеше керуен жолдары. Бетпақ дала – Қазақстанның оңтүстігі мен орталық Қазақстан арасында жатқан байтақ шөл дала. Мұның ішінде белгілілері «Хан жолы», «Қарқаралы жолы», «Уанас жолы», «Жеті қоңыр жолы», «Сары су жолы». Бұлардың барлығы бұрын оңтүстік өлкелермен Орталық Қазақстанды, Ертіс бойын, Күнбатыс Сібірді байланыстырып, олардың арасында мәдени, сауда қарым-қатынастарын күшейтуде маңызды болғаны белгілі болған белгілі жолдар (Маргулан, 1949).

Ғалым Тараздан шыққан керуен жолы Оққұм, Қызылқорғанды басып өтіп Болаттауға барғанда Қарқаралы мен Хан жолдарына қосылған дейді. Бұл пікірді Б. Е. Көмеков те қолдайды. Ал М. Елеуов қолдай отырып, қимақ жолының бағытын былайша көрсетеді: Тараздан солтүстікке бет алған қимақ болы Қоңыртөбе, Шөлтөбе, Кавакеттегі елді мекенде арқылы Қонысбай, Оққұм,

Төрткүл, Ынтымақ, Шаруашылық, Байжантөбе қалары мен елді мекендерінен өтіп Ұланбел өткеліне барғанда, Шу керуен жолын кесіп өтіп Шудың оң жағасына шыққан, онан әрі Қызылтұз шатқалы, Ұзынтау, Ақбастау, Саркөл шатқалдары арқылы өтіп Болаттауға барғанда, Хан жолы мен Қарақаралы жолына қосылған (Елеуов, 1998).

Академик Ә. Марғұлан Уванас, Жетіқоңыр жолдары туралы былай дейді: «Уванас және Жетіқоңыр жолдары оңтүстіктегі Отырар, Түркістан және Созақ қалаларынан басталған. Созақтан бірге шыққан бұл жол Шу өзеніндегі Тайөткел (не Көкмұрынтай) өткеліне жеткенде екіге бөлінген: бір жол Жетіқоңыр құмдарына қарай бет алса, ал екінші жол (Уванас) Сарысу, Есіл, Нұра өзендері алқабына Ертістің Төменгі ағысына дейін жалғаса берген»

Оның 1950 ж. шыққан «Ежелгі Қазақстан қалалары мен құрылыс өнерінің тарихынан» деген еңбегі ортағасырлық Қазақстанның, нақтылай түссек Жетісудан Оралға дейінгі қалалар жөніндегі бірінші еңбек болды. Осы келелі еңбегінде ғалым: археологиялық материалдар VI-VIII ғғ. Орта Азия мен Қазақстанда қалыптасқан қоныстарды типтерге бөлуге негіз болды. Қоғамдық және тұрғын үйлердің қираған құрылыстарына қарап қоныстарды 6 түрге бөлді. Олар: сауда және қолөнер қоныстары, әскери қамал, керуен сарайлар, жер шаруашылық қоныстары болды. Мұндай қоныс түрлері бір-біріне құрылыс техникасы жағынан ұқсас болғанымен, салу жоспарлары және өлшемдерінде айырмашылықтар болды деп қорытты. Сонымен қатар осы еңбекте Қазақстандағы құрылыс өнерінің даму тарихы да сараланған (Маргулан, 1950).

Ә. Х. Марғұлан алғашқы болып, отырықшылық мәдениеттің және қалалық мәдениеттің бұрын ғылымда айтылмағын куәларын тауып жаңалық ашты.

Қазақтың белгілі энциклопедист ғалымы, Қазақ ССР Ғылым Академиясының академигі, Қазақстан ғылымына еңбегі сіңірген ғылым қайраткері, филология ғылымының және мәдениеттану ғылымының докторы, профессор Әлкей Хақанұлы Марғұланның ғылыми мұраларын теңдесі жоқ байлық деп айтуға болады.

Археология ғылымының мұрасына, Қазақстан археологиясының қалыптасуына Ә. Х. Марғұланның қосқан үлесі өте зор. Ол археология ғылымның дамуына теңдесі жоқ еңбек сіңірді. Ә. Х. Марғұланның ғылыми өмірін Қазақстан археологиясының ажырамас бір бөлшегі деуге болады. Ғұлама ғалымның ғылыми еңбектерін саралау барысында оның еңбектерінен тас ғасырынан бастап ортағасырлар аралығындағы Қазақстан ескерткіштері төңірегінде туындаған барлық сұрақтарға жауап алуға болады.

Ә. Х. Марғұланның 1946 ж. құрған Орталық Қазақстан археологиялық экспедициясы қазіргі уақытқа дейін жұмысын жалғастырып келе жатыр. Бұл экспедиция ғалымның бастап кеткен зерттеулерін ұштастыруда деп айтуымызға болады

1991 ж. 28 тамызда Қаз ССР Министрлер кабинетінің № 496 «Ә. Х. Марғұлан атындағы Археология институтын құру» жөнінде қаулысы шықты. 1991 ж. 6 қыркүйекте Археология институты жөнінде Қаз ССР ҒА Президиумының қаулысы қабылданды. Қаулы бойынша жаңа құрылған Археология институ-

тына Қазақстан археологиясының негізін қалаушылардың бірі, белгілі ғалым, археолог, тарихшы, филолог, этнограф, Қазақстан Ұлттық ғылым академиясының академигі Әлкей Хақанұлы Марғұланның есімі берілді.

Әдебиеттер

Ахинжанов С. М. Кипчаки и их политические взаимоотношения с Хорезмом в XI-XIII вв. автореф. Дис. …канд. ист.наук. – Алматы,1973.

Бейсебаев М. Кең ойдың кемел биігі // Лениншіл жас, 1984,10 май.

Елеуов М. Е. Шу мен Талас өңірінің ортағасырлық қалалары (VI-XIII ғ. басы) – Алматы: Қазақ Университеті, 1998. – 21-б.

Құрманқұлов Ж., Байғұнақов Д. Орталық Қазақстанның қола дәуірі. – Алматы: 2008. – 192 б.

Кызласов Л. Р. Д. А. Маргулан. К портрету ученого и человека // Ғұлама. Тағдыр. Тағылым. (Әлкей Марғұлан туралы естелік мақалалар, деркті әңгімелер, очерктер, өлең арнаулар). – Павлодар: ТОО НПФ «ЭКО», 2004. – 19-26 бб.

Маргулан А. Х., Акишев К. А., Кадырбаев М. К., Оразбаев А. М. Древняя культура Центрального Казахстана. – Алма-Ата: Наука, 1966. – С.435.

Маргулан А. Х. Археологические разведки в Центральном Казахстане 1946 г. // Известия АН Каз ССР. – Серия археологическая. – 1948. – Вып.4. – С. 125-127.

Маргулан А. Х. Отчет о работах Центрально Кахзахстанской археологической экспедиции 1947 года // Известия АН Каз ССР. – Серия археологическая. – 1949. – Вып. 2. – С. 3-36.

Маргулан А. Х. Остатки оседлых поселений в Центральном Казахстане // Археологические памятники Казахстана. – Алма-Ата: Наука, 1978. – С. 26.

Маргулан А. Труды по культуре письменности Казахского народа // Библиотека казахской этнографии. – 50 томов. – Астана: Алтын кітап, 2007. – 8 том. – С. 264

Маргулан А. Х. Джезказган-древний металлургический центр (городище Милыкудук) // Археологические исследования в Казахстане. – Алма-Ата: Наука, 1973. – С. 42.

Маргулан А. Х. Оседлые поселения VIII-XIII вв. на северных склонах Каратау // Известия АН Каз ССР. Серия археологическая. – 1948. – Вып. 1. – № 46. – С. 109-115.

Маргулан А. Х. Третий сезон археологической работы в Центральном Казахстане // Известия АН Каз ССР. – Серия археологическая. – 1951. – Вып. 3. № 46. – С. 3-17.

Маргулан А. Х. Древние караванные пути через пустынью Бетпак – дала //Вестник АН Каз ССР. – 1949. – № 1 (46). – С. 68-78.

Маргулан А. Х. Из истории городов строительного искусства древнего Казахстана. – Алматы. 1950. – С. 88-94.

Мұзафаров Б. Н.

Павлодар мемлекеттік педагогикалық институты,
Павлодар қ., Қазақстан

ТАУ ТҰЛҒА

ХХ ғасырдың басында қазақ халқына сый еткен көрнекті перзенті, ұлтымыздың мәртебесін шырқау биікке көтеріп, ғылымның әр саласын бойына біткен дарындылығымен мықтап сіңіре білген, сөйтіп, өзі соңында өшпес игілікті еңбектер қалдырған, академик Әлкей Хақанұлы Марғұлан дүниеге келді.

Қазақтың энциклопедист – ғалымы, тарихшы, археолог, этнограф, әдебиетші, шығыстанушы, ұлттық археология мектебінің негізін қалаушы, Қазақ КСР Мемлекеттік сыйлығының иегері, Бүкілодақтық География қоғамының толық мүшесі, Қазақ КСР Ғылым академиясының академигі, қоғам қайраткері Ә. Х. Марғұланның туғанына биыл 110 – жыл толып отыр.

Тарих көшіне зер салып қарасаңыз, Әлкей Хақанұлының тектілігі арғы ата-бабаларынан берілген сынды. Философ, тарихшы, шежіреші әрі ақын М. Ж. Көпейұлының «Қазақ шежіресі» кітабында арғы бабасы Сүйіндіктің шөбересі Құлболдының үлкен қосағы жайында: «Мақпал бәйбішенің астында тор жорға аты бар екен, нар жетелеп судан өтерде қарашұбар манат белдемшесінің етегін жинап алады да, аты да іркілместен үйректей қайқаңдап, нарлары да жүк-мүгімен шегініп тұрып қалмай, байпаңдап өте шығыпты. Өткізбейміз деп тұрғандар ләм-мим дей алмайды. «Пай-пай, бәйбішенің бөксесіне болайын!» – десіпті. Сонда Мақпал бәйбіше: «Күлсең күлерсің, күлерсің, Күндердің күнінде көбің Езуіңді жия алмай жүрерсің. Бұл қай бөксе, Айдабол шыққан бөксе, Артың болса, Айдаболдай ұл тап!..» – деп жүре берген екен…» (Дәуітұлы, 1993, 62 б.).

Академиктің «Еңбекпен өткен өмірім» атты тумасында төртінші атасы атақты Олжабай батырдың 1709 жылы Түркістанда туып, 1783 жылы Ерейментауда қайтыс болғаны турасында айтылады. Сонымен қатар әкесі Хақан жайында былай деп жазады: «Ескіше сауатты болумен қатар шешекке қарсы емдейтін шолақ мектепті бітіріп, емшілік кәсіппен айналысқан. Мен ауырғанда екі қолымды артыма байлап қойып әкем бір жұма қасымда отырып қараған,- деп есіне алады. Малы аз болса да көзі ашық, сезімтал, тарихи оқиғаларды көп білетін кісі еді. Қоянды жәрмеңкесіне барғанда кітапты топ-тобымен әкеліп, мені қатты қуантатын…» (Марғұлан, 1986, № 1, 8-16 бб.).

Қазақ көгінде қырандай қалықтаған тұлғалардың бірі, академик Әлкей Хақанұлы Марғұлан 1904 жылы Баянауыл ауданында (бұрынғы Ақбеттау болысының № 2 ауылында) дүниеге келген. Қара шаңырақтың иесі әкесі Хақан жанұясындағы балаларына ес білісімен қолдарына қалам ұстатып, жазу-сызуға үйретсе керек. Дүние есігін ашқан Әлкей жастайынан-ақ өзінің зеректігін танытады. Бес жасында әкесінің үйретуімен арабша хат таниды. Жас уақытында өзіне керемет әсер қалдырған адамдар қатарында Әлкей Хақанұлы әкесінің құрдасы М. Ж. Көпейұлын, аталас ағасы Жаяу Мұсаны және болашақ қайын атасы Әбікей Сәтбаевты айрықша атайды.

Бастауыш білімді ауылдық мектепте игереді де 1915 жылы Баянауыл басындағы жергілікті қоғамның ұйымдастырған орыс мектебінде білім алады. Бұдан кейін 1919 жылдың соңында Павлодар қаласындағы мұғалімдер даярлайтын курсқа түсіп, оны 1920 жылы аяқтап, Далба мектебінде ұстаздық етеді. Көрнекті ағартушы – педагог, қоғам қайраткері Әбікей Сәтбаевтың қамқорлығымен Әлкей Хақанұлы 1921 жылы Семей педагогикалық техникумына түседі. Осындағы «Таң» журналы мен «Қазақ тілі» газетінің редакцияларымен тығыз қатынаста болып, әлеуметтік жұмыстарға белсене атсалысады. М. Әуезовпен танысуы келешек өміріне айтулы әсер еткені және Мұхтармен бірге Абай атамыз туған Шыңғыстау жерінде болып, ұлы ақынның баласы Тұрағұлмен және тағы да басқа зиялылармен кездеседі. 1925 жылы М. Әуезовтің ықпалымен қазіргі Санк-Петербург қаласындағы Шығыстану институтының түркология бөліміне оқуға түседі. Болашақ ғалым аталмыш институттың қабырғасында оқи жүріп, өз білімін одан әрі байыту үшін Ленинград университетінің тарих-филология факультетінің атақты академик, профессорларының лекцияларын қоса тыңдауға құлшыныс танытса керек. Өнер мен білім ордасының айтулы қазынасы болған, өз алдына көз тартар әлемдік тарихи маңызы бар сұлу қалада, табан тіреген төрт жылда білім бұлағымен молынан сусындайды. Арада екі жыл салып, яғни, 1931 жылы Ленинград қаласымен қайта қауышады да, білімін жетілдіру мақсатында аспирантураға түседі. Мұнда талай ғылыми экспедицияларға қатысып, қаладағы тарихи қолжазбалармен мұрағаттарды ақтарады. Осы оқу орнында жүріп Ә.Хақанұлы 1931-1935 жылдар аралығында Шығыстану институтының оқытушысы қызметін қоса атқарады.

Осы орайда айта кететін бір жайт, Ә. Марғұлан Ленинград шаһарында жүргенінде М. Ж. Көпейұлымен хат жазысып тұрған. ***«Ардақты Мәшһүр ағайға! Ақырғы жазған хатыңызды алдым, сансыз алғыс айтам… Бұқар жырау мен «Қозы Көрпеш» әңгімесі. Сіздің жинаған «Қозы Көрпештен» жалғыз-ақ Шәкәрім мен Мұхтар жинаған «Қозы Көрпеш» тәуір. Ал, Радловпен Қазанда басылған «Қозы Көрпештен» сіздікі артық. Шәкәрім мен Мұхтардікі – Жанақ ақынның айтқанынан жазылған екен. Онда сурет жағы күшті, сіздікінің дәлелдері көп. Осы Ленинградтың мемлекеттік кітапханасынан Қазанда басылған сіздің екі кітабыңызды тауып оқыдым. Бір кітабыңыз Шортанбай ақынның зарлы сарынымен жазылған. Жақсы екен. Маған жақсы әсер қалдырды. Түбінде қазақ әдебиетінің тарихы зерттелсе, зар заман ақындарының бірі болып, сіз де тарихтан орын алатын ретіңіз бар көрінеді…» «…Хат жазыңыз. Амандық тілеуші Әлкей. 13 апрель 1929 жыл. Ленинград.»*** (М. Ж. Көпейұлының шығармалары, 2008, 385 б.).

Жан-жақты білім алумен қатар қазақ халқының тарихы мен мәдениетін зерттеуге үлкен мән береді. Орыс және шетел жазушыларының туындыларын қазақ тіліне шебер аударып, ұлтымыздың құнды шығармалар қатарын байыта түседі. Десек те, әрбір ғылыми еңбегі – сан ғасырларға жалғасын тауып, асыл дүниелер қатарынан орын алатыны сөзсіз.

1929 жылы белгілі ғалым, түркітанушы Ә. Диваевтың соңында қалған ғылыми еңбектерімен мол мұрасын жүйелей талдай отырып, қазақ халқының

рухани байлығына тәнті болады. Өзінің ғұмырбаяндық жазбасында: «Ә. Диваевтың барлық жазып алғаны 240 дәптер, болмаса 8 мың беттік фольклор қазынасы. Олардың көбі тарихи хикаялар, шежірелер, аңыздар, ертегілер, көптеген эпос жыры… Бір Қорқыт хикаясының өзі сегіз дәптерге жазылған– Асан-қайғы, Бұхар жырау, Абылай, Әбілқайыр туралы аңыздар…» – деп, сыр шертеді (Марғұлан, 1986, № 1, 8-16 бб.).

1936-1938 жылдардағы қуғын-сүргіннің зардабы да ғалымды шет айналып өтпесе керек. Жас ғалым тұтқындалып Ленинградтағы Петропавл қамалында отырады. Кейін аман-есен босатылып жалған жала мен айыптаулар әбден мазасын алған Ә. Марғұлан түбегейлі археологиялық ізденіс жұмыстарына кетуге мәжбүр болады. Қазақстан және Алтай өңірлерінде академик А. Е. Ферсман және профессор С. И. Руденконның басшылығымен ұйымдастырылған экспедиция жұмысына қатысады. Экспедиция нәтижесінде болашақ академик наймандар мен адайлар туралы алғашқы ғылыми еңбегін шығарып үлгереді.

Ғалымның ғылым жолындағы табысы, демек, кандидаттық диссертациясының тақырыбы сол тұста аз зерттелген «Хандар жарлығының тарихи маңызы» атты күрделі тақырыпты таңдайды. Көптеген көрнекті ғалымдардың қызығушылығын тудырумен қатар, жоғары бағаға ие болып, 1943 жылы ғалым сәтті қорғап шығады. Ұлттық ғылым академиясының құрылуына, ғылым ордасының тұңғыш сайланған 14 мүшесінің бел ортасында Ә. Марғұланның да болғаны белгілі. Ғұлама ғалым ұзақ жылдар жүргізген зерттеулерінің негізінде 1945 жылы «Қазақ халқының эпикалық жырлары» туралы докторлық диссертациясын қорғап, ғылыми маңызы зор бірнеше еңбектерді жарыққа шығарады. Академияның корреспондент-мүшесі, онан соң 1958 жылы толық мүшесі болып сайланады. Көп жылғы жемісті еңбегі үшін оған 1960 жылы профессорлық ғылыми атақ беріледі.

Қазақ ҒА-ның тұңғыш президенті, академик Қ. И. Сәтбаевтың кеңесі бойынша Ә. Марғұлан Орталық Қазақстандағы көне мәдени ескерткіштерді түбегейлі зерттеу арқылы, ұлтымыздың ұлт болып қалыптасу кезеңдерін дәлірек анықтауға, ғылыми тұрғыда баға берген қазақ ғалымдары ішіндегі бірегейі болатын. Ғұлама ғалымның басшылығымен 30 жылдан астам уақыт ішінде Орталық Қазақстанда археологиялық қазба жұмыстары жүргізіліп, қола дәуірінің және алғашқы көшпенді тайпалардың мәдениеті мен шаруашылығы жан-жақты зерттелген еді. Беғазы-Дәндібай мәдениетінің болмысы ғылыми тұрғыда жоғары деңгейде дәлелденеді. Орталық Қазақстанда жүргізілген археологиялық зерттеулердің алғашқы нәтижесі ретінде Ә. Марғұланның тікелей қатысумен жазылған іргелі монографиялық еңбек жарыққа шығып, 1967 жылы Қазақ КСР ҒА-ның Ш. Уәлиханов атындағы сыйлығына ие болады.

Елімізге белгілі археолог-ғалым, марқұм Кемел Ақышев өзінің ұлы ұстазы жайлы: «…Әлкей Хақанұлына етене жақын ғылым саласының бірі-халқымыздың көне мәдениетінің бірі, археология… …Бір кезде мұндай ой түйіні Шоқан мен Қаныш Сәтбаевты археологиямен шұқшия айналысуға әкелгенін білеміз. Зерделі Марғұлан мұны уақыт саралатып болса да, өзінің ғалымдық, адамгершілік қайрат-жігерлігімен кәміл ұққан. Тегінде Әлкей Хақанұлын

жоғарыдағы қос заңғардың тұлғалы ізбасары атап жүргеніміз де, түптеп келгенде, ғалымның осындай көрегендігімен қарымдылығында жатса керек…» – деп жылы лебізін білдірген екен. (Ақышев, 2004, 254 б.).

Алайда, ғалымның ең қомақты, сүбелі ғылыми еңбегі – Шоқан мұраларын ондаған қалалардан ұмыр бойы жинастырып, бір жүйеге келтіріп, 1957-1967 жылдар аралығында бес том жинақ етіп жарыққа шығаруға басшылық жасағаны деуге болады. Академия ғалымдары, әдебиетшілер қауымы Ә. Марғұланның жан-жақты біліміне таң қалысып, сүйсініс білдіре отырып «Тұрған бойы энциклопедия» деп атайды екен. Осы жайында ақыл-кеңесін көп тыңдаған белгілі ғалым, марқұм Шәмшиябану Қанышқызы «Сәулелі әулет» кітабында: «Папам: «Әлкейдің басы толған тарих, жазып алыңдар», – деп талай айтушы еді. Сол қымбат кісілер өмір бойы болатындай көріп, жас кезде талай ғажап шақтардың қадіріне бойламаппыз, енді өкінеміз, қатты сағынамыз…» – десе керек. (Сәтбаева, 1996, 175 б.).

Осы орайда, Павлодар мемлекеттік педагогикалық институтында құрылған, археология-этнология және палеонтологиялық ғылыми зерттеу орталығының директоры, археолог-ғалым Тимур Нұрланұлы Смағұловтың тікелей басшылығымен, Алматы қаласындағы академик Ә. Х. Марғұлан атындағы Археология институтының ғылыми қызметкерлерімен тығыз байланыс орнатқан. Аталмыш институтпен бірлесе отырып, көптеген археологиялық қазба жұмыстарына қатысып, бүгінгі таңда ауыз толтырып айтатындай ғылыми жетістіктерге жетіп отыр.

Қорыта айтқанда, академик Әлкей Марғұланның алпыс жылдан аса ғылыми, педагогикалық және қоғамдық қызметі барысында еліміздің ғылымы үшін өзі соңында баға жетпес мол мұра қалдырды. Ғылым жолындағы тынымсыз ізденісімен қоса, ой-танымы, туа біткен қайсарлығы соңынан ерген ұрпақтарына үлгі-өнеге болып табылатыны сөзсіз. Сан салалы ғылымның тұңғиығына тереңнен бойлап, қазақ археология ғылымының негізін қалаған көрнекті ғалымның аса маңызды ғылыми жаңалықтары мен қатар, абзал да ардақты есімін өзі сүйіп өткен халқы әлдеқашан жоғары бағасын берген болатын. Бүгінгі таңда, тарих тудырған дарабоз дарынның, ақылгөй алыптың, өр тұлғасы қазақ рухы мен ғылымының бастауында атойлап тұр.

Әдебиеттер

Ақышев К. Археология атасы // Ғұлама. – Павлодар: «ЭКО» ҒӨФ, 2004. – 254 б.

Дәуітұлы С. //Жалын. – Алматы – 1993. – 62 б.

М. Ж. Көпейұлының шығармалары. 13 т. – Павлодар: «ЭКО» ҒӨФ, 2008. – 385 б.

Марғұлан Ә. Х. Еңбекпен өткен өмірім //Жұлдыз. – Алматы – 1986. – № 1 – 8-16 бб.

Сәтбаева Ш. Сәулелі әулет: ғылыми – көпшілік басылым // – Алматы: Қазақстан, 1996. – 175 б.

Сурет 1. Академик Ә. Х. Марғұлан

Сурет 2. Академик Ә. Х. Марғұлан тас мүсіндермен

Сурет 3. Академик Ә. Х. Марғұлан Қарқаралы қазбасында

Сурет 4. Академик Ә. Х.Марғұлан шәкірттерімен

ЕУРАЗИЯНЫҢ АРХЕОЛОГИЯЛЫҚ ЕСКЕРТКІШТЕРІНІҢ ДАЛАЛЫҚ ЗЕРТТЕУЛЕРІ

ПОЛЕВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ ЕВРАЗИИ

Зайберт В. Ф., Ескендиров К. З.

Академия «Кокше», г. Кокшетау, Казахстан

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ НА ПОСЕЛЕНИИ БОТАЙ В 2014 г.

Исследование поселения Ботай в 2014 году было организовано филиалом Института археологии им. А. Х. Маргулана МОН РК в г. Астане с участием академии «Кокше» и Национального музея Республики Казахстан. Задачей исследования поселения в 2014 году являлось детальное исследование специфики «спального района», а именно характерные формы жилищ, внутренний интерьер, количество и расположение очагов и других хозяйственных элементов (Зайберт, 2009, 576 с.).

В ходе работ, в центральной части поселения был заложен раскоп площадью 148 кв. м (рис. 1).

При вскрытии культурного слоя в первом горизонте на глубине 10 см было найдено небольшое количество отщепов, скребков и трех фрагментов керамики, а также в квадратах А-1, А-2, А-3, Б-1, В-2, В-3 наблюдалось скопление остеологического материала.

На глубине 20 см в квадратах А-1, А-2, А-3, Б-1, Б-2 зафиксирован гумусированный слой округло-многоугольной формы верхнего контура полуземляночного жилища. Археологический материал представлен изделиями из камня, кремня, кости и керамики. Это скребки, пластины, отщепы, стенки сосуда. На этой же глубине в квадратах А-1, А-2, А-3, Б-3 зафиксированы скопления остеологического материала.

На следующем горизонте (20-40 см) в квадрате А-3 на глубине 20-40 см в 30 см от восточной бровки и в 40 см от северной бровки, в северо-восточном секторе квадрата зафиксированы в 5 см друг от друга (предположительно столбовые ямки) два округлых пятна диаметром 15-20 см, серо-супесной почвенной фракции, вытянутые с запада на восток (рис. 2).

В квадрате Б-1 на глубине 20-40 см в юго-западном секторе квадрата зафиксирована заготовка каменного утюжка овальной формы, длина его 12 см, ширина 5,5 см, толщина 3,5 см, по краям слегка пришлифована.

В квадрате А-1 в его юго-западной и центральной частях зафиксировано скопление костей лошади в хаотичном порядке. В квадрате А-2 имелось незначительное скопление костей лошади. Рядом лежали каменные наковальни длинной 17 см, шириной 12 см, уплощенной формы. В квадратах А-3, Б-3 также зафиксировано скопление остеологического материала.

В центральной части квадрата В-3 зафиксировано темно-гумусированное пятно неправильной овальной формы, длиной 150 см, вытянутое с С-Ю, и шириной 65 см. В северо-восточной части квадрата, в восточной бровке зафиксировано темно-гумусированное пятно, вытянутое с С-Ю 75 см.

На данном горизонте в квадратах Б-3, А-2, А-1 были выявлены хозяйственные ямы, заполненные костями животных и артефактами. Ямы округло-овальной формы диаметрами от 70 до 110 см, глубиной до 30 см.

В квадрате А-2 в его северной и СЗ частях на глубине 40-50 см зафиксирован слегка изменившийся контур жилищного котлована.

В центральной части квадрата В-3 на глубине 50-60 см зафиксировано скопление костей, являющееся заполнением хозяйственной ямы № 1.

В квадрате Б-1 на глубине 50-60 см зафиксирован контур жилищного котлована в восточной части квадрата, вытянутый вдоль восточной бровки.

В юго-восточном секторе квадрата А'-1' на глубине 60 см зафиксировано скопление остеологического материала, также среди данного скопления обнаружены каменные наковальни. В этом же квадрате на этой же глубине было выявлено темно-гумусированное пятно хозяйственного назначения, ориентированное СЗ-ЮВ.

Начиная с глубин 60-70 см вскрытие культурного слоя производилось по предполагаемому контуру жилищного котлована.

В процессе вскрытия горизонта 70-80 см были выявлены следующие артефакты: керамика, отщепы, скребки, ножи, наконечники стрел, наконечники дротиков, бифасы, нуклеусы.

В квадратах Б-3, В-2 на данной глубине зафиксировано скопление остеологического материала. Среди скопления в квадрате Б-3 была обнаружена перламутровая бусина из раковины.

На глубине 90-100 см в квадрате Б-2 было выявлено скопление отщепов разных размеров, среди последних находились фрагменты стенок сосудов.

На глубине 100-110 см зафиксирована овальная очажная конструкция диаметром 150 см. В легком овальном углублении центральной части выделялось пятно с ярким желтым суглинком, а по краям оконтурена углистой почвой. Это следы обрушенности над очажной конструкции табуретом, представлявшем собой подобие усеченной формы плетеной корзины, обмазанной глиной. Из очага взята проба угля на радиоуглеродный анализ (C^{14}). При вскрытии очажной конструкции были сделаны находки из кремня: скребла, скребки, ножи на отщепах, сколы без обработки (рис. 3).

Здесь, в раскопе, наблюдается скученность жилищ, поэтому заложенный раскоп на одну впадину кроме основного жилища вскрывает еще два или три сегмента других, более ранних жилищ. Особенность планиграфии поселения заключается в наличии большого количества хозяйственных ям за пределами жилища. В них найдено большое количество костей животных, иногда ямы содержали человеческие останки (фаланги кистей рук, ног и т. д.).

Форма многогранного котлована четко не определяется из-за сильной разрушенности стенок после функционирования жилища. Однако по выявленному частично первоначальному контуру жилища оно было шестиугольным.

В раскопе по линии А, Б, В-1 зафиксированы элементы жилищно-хозяйственной конструкции в виде канавообразного углубления шириной более 2 м, идущей в северо-западном направлении, заканчивается она на участке А-1 хозяйственной ямой, заполненной костями. На этом квадрате вскрыты ещё две хозяйственные ямы: одна мелкая на уровне 70 см, глубиной 25 см, а другая глубиной до 160 см от поверхности квадрата. Первопричина закладки ям – это добыча качественной глины различных цветов – ярко-красной, оранжевой, охристой, ярко-желтой, синевато-зеленоватой.

В квадрате В-3 за пределами жилища в северо-восточной части вскрыта хозяйственная яма глубиной более 1 м, конической формы, диаметром более 100 см.

В центральной части раскопа слои отражают процесс разрушения жилища: сверху-вниз:

– гумусированный слой 5-10 см в квадрате Б-2, мощность гумусного горизонта достигает 50 см и уменьшается за пределами квадрата и на выходе из котлована до верхнего гумусного слоя. Данный гумусный слой является остатком разрушенных земляных пластов, которые укладывались при строительстве жилища поверх глиняной обмазки травой вниз.

Под гумусным слоем залегает слегка гумусированный желто-коричневый суглинок с углистыми вкраплениями, остатками костей, служившими арматурой в глиняной стене. Данный слой заполняет полость котлована от краев к центру. Это подмытая в древности стена жилища сползшая в котлован. Стенки котлована под воздействием талых вод также разрушались, изменяя правильную геометрическую форму котлована. Надо иметь в виду, что интенсивно жилища разрушались после того, как люди покидали его.

В квадрате А-2 фиксируются стенки котлована, вертикально прилегающие к котловану, начинающемуся с уровня дневной поверхности. В профилях четко фиксируются желтые суглинистые светло-желтые блоки – остатки обмазки деревянного перекрытия жилища.

В квадрате А-2 у южной стенки в хозяйственной яме размером 100х60 см, заполненной костями, найдена характерная шлифовальная плита с выразительными следами сработанности.

В бровке А-2 на краю южной стенки котлована четко фиксировалась остаточная прослойка основания стены шириной 140 см, сложенной из светло-желтых овальных блоков, толщиной 20 см. Стена возводилась на дневной поверхности без фундамента. Под стеной фиксировались легкие фракции гумусно-глинистого содержания.

В квадрате Б-1 граница котлована проходит по центру бровки раскопа 2011 года. На край котлована сместился кусок стены и обмазка. В центре котлована на среднем уровне заполнен слой костей, служивших арматурой. Здесь также сползание стены шло от края к центру котлована. На уровне дневной поверхности хорошо виден фрагмент основания стены.

Планиграфические и стратиграфические наблюдения в процессе раскопок позволяют сделать заключение о том, что центральная часть поселения Ботай была наиболее заселенной частью. Дома часто перестраивались в зависимости от конкретных ситуаций, будь то увеличение семьи, необходимость капитального ремонта, и по другим причинам. Зафиксированные ямки от столбов говорят о том, что к жилищам пристраивались в летнее время навесы от солнца, служившие местом для бытовой деятельности на свежем воздухе (Зайберт, 2011, с. 43-56).

Из культурного слоя раскопа происходит около 3000 артефактов. Суммируя их количество, типологическое функциональное назначение, можно говорить о том, что последние характеризуют специфику «спального района» поселения. Работа в жилищах «спального района» была ограничена трудовыми операциями, не связанными с вредными технологиями: обработка шкур, подготовка нуклеусов желваков, обжиг деревянных изделий, обжиг керамики и др. (Зайберт, 2013, с. 20-30).

В результате раскопок получено 2958 экземпляров артефактов из камня, кремня и глины, а также более 2000 фаунистических остатков. Определимые кости систематизированы и подготовлены для морфологического определения специалистами-палеозоологами. Все артефакты прошли камеральную обработку и зашифрованы.

Находки представлены следующими типами: скребки, ножи, скребла, скобели, провертки, проколки, лощила, терочники, орнаментированные фаланги лошадей, перламутровая бусина, пряслице с орнаментом, разделочные бифасные ножи и др. (рис. 4).

Вещественный комплекс типологически достаточно однороден и датируется периодом расцвета ботайского поселения, т. е. первой половины III тыс. до н. э.

Рис. 1. Раскоп 2014 г. «Спальный» район. Жилище № 31. Центральная зона поселения Ботай.

Рис. 2. Раскоп 2014 г. Жилище № 31. Глубина 20-40 см.

Рис. 3. Очаг жилища № 31. Поселение Ботай.

Рис. 4. Поселение Ботай. Композиция находок из раскопа 2014 г.

Литература

Зайберт В. Ф. Ботайская культура. – Алматы: ҚазАкпарат, 2009. – 576 с.

Зайберт В. Ф. Основные итоги изучения ботайской культуры и ее роль в древней истории Казахстана // Свидетели тысячелетий: Археологическая наука Казахстана за 20 лет (1991-2011): сборник научных статей. – Алматы, 2011. – С. 43-56.

Зайберт В. Ф. Основные итоги изучения ботайской культуры и ее роль в древней истории Казахстана. – Труды филиала Института археологии им. А. Х. Маргулана в г. Астане. – Астана: Издательская группа ФИА им. А. Х. Маргулана в г. Астане, 2013. – С. 20-30.

Зайберт В. Ф.

Академия «Кокше», г. Кокшетау, Казахстан

БОТАЙСКАЯ КУЛЬТУРА (К ПРОБЛЕМЕ РЕКОНСТРУКЦИИ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО КОНТЕКСТА)

Многолетние комплексные исследования ботайской культуры (1980-2011 гг.) были посвящены изучению культурно-хронологических, этнокультурных, сакрально-мифологических вопросов энеолитического населения носителей ботайской культуры. Значительное внимание было уделено производственной

топографии поселения, геомагнитному сканированию культурного слоя с целью выявления особенностей планировки жилищ и нахождения возможных погребений (Зайберт, 1993; Зайберт, Тюлебаев, Кулаков, Задорожный, 2007; Зайберт, 2009; Зайберт, 2011, 480 с.; Alan K. Outram, Natalie A. Stear, Robin Bendrey, Victor Zaibert и др., 2009; Anthony D., Brown D., 1998).

Творческие связи филиала Института археологии им. А. Х. Маргулана и Академии «Кокше» последних лет с зарубежными коллегами из Эксетера, Бристоля и Кембриджа (Великобритания) позволили использовать инновационные методы в археологических исследованиях Ботая и расширить тем самым наши представления о насыщенности культурного слоя в различных зонах специфическими остатками человеческой деятельности и животных (Зайберт, 1983, с. 88-90; Alan K. Outram, Natalie A. Stear, Robin Bendrey, Victor Zaibert и др., 2009; Зданович, Иванов, Хабдулина, 1984, с. 35-48).

Одним из приоритетных направлений исследований является реализация совместного проекта – «Образ жизни ботайского человека». В 2011 году были организованы совместные стационарные и рекогносцировочные работы по исследованиям в рамках международного проекта «Глобализация пищи в доисторический период» (проект FOGLIP) по выявлению путей появления восточноазиатских сельскохозяйственных культур (просо, гречиха) в Европе.

В ходе археологических раскопок британскими специалистами были взяты образцы из культурного слоя для палеогеографических, палеозоологических, палеоантропологических, химико-биологических анализов. В настоящее время эти образцы исследуются в лабораториях английских университетов. Результаты используются магистрами Эксетерского и Кембриджского университетов для написания научных работ.

Комплексные международные исследования естественно повышают верификацию выводов исследований и их объективность (Зайберт, 1983, с. 88-90; Alan K. Outram, Natalie A. Stear, Robin Bendrey, Victor Zaibert и др., 2009; Зданович, Иванов, Хабдулина, 1984, с. 35-48).

Основные положения, сделанные на основе многолетних исследований, говорят о следующем:

- В степях Северного и Центрального Казахстана впервые на планете в IV тыс. до н. э. была одомашнена лошадь.
- Человечество перешло после нескольких миллионов лет эволюции от пешей коммуникации к конной. Этот момент и был началом степной цивилизации, динамичным ускорителем мирового исторического процесса. Историческое значение этого явления огромно! Начиная с IV тыс. до н. э. – времени сложения ботайской культуры ранних коневодов Евразии – вплоть до индустриальной эпохи XVII-XVIII вв. лошадь играла основную роль в эволюции цивилизационных процессов не только в великой степи, но и в остальной ойкумене Старого Света.
- Ботайское население перешло к полуосёдлому образу жизни. Впервые в степях люди стали строить капитальные деревянные сооружения с использованием оригинальных архитектурных приёмов. Жилые полуземные дома строились из дерева, глины, лошади костей, бересты и земляных пла-

стов. Дома доходили по площади до 120 кв. м Они были многоугольными по форме, а сводчатое перекрытие держалось очень прочно без опорных столбов. Это – эврика в домостроительной технологии.

- Ботайцы за две тысячи лет до эпохи бронзы пользовались медными инструментами и предметами. Они были искусными мастерами, медиками, художниками и ювелирами. Трепанация черепа в условиях того времени граничит с фантастикой. Ряд изделий выполнен таким совершенным образом, что невозможно зачастую представить себе технологии каменного века.
- Население ботайской культуры впервые выработало календарные циклы скотоводов в степи. Зимой они жили в больших поселениях (20-30 га) и стационарных домах, а весной часть жителей поселков вместе с лошадьми уходили в открытые степные районы Тургайской ложбины и отрогов Улутау в Джезказганском регионе. Фактом является рисунок на глиняном горшке, изображающий два колеса и стилизованное изображение лошади между ними. Для временного жилья использовалось лёгкое жилище, сделанное из тала и шкур лошадей, а эврикой для создания первых юрт была обыкновенная плетёная из тальника корзина, которая своей простой и прочной конструкцией завораживала людей, давая им инструмент для лова рыбы, остова, обмазанного глиной (будущий сосуд). Нагляден макет перевёрнутой вверх дном корзины как прообраз ботайского жилища или юрты. Все значительные и малые открытия первых коневодов внедрялись в повседневную практику, закреплялись в процессе традиционного воспитания, передавались из поколения в поколение на протяжении тысячелетий и распространялись по степным и лесостепным просторам Евразии. Научные изыскания ботайской культуры казахстанскими археологами и их зарубежными коллегами получили широкий научный и общественный резонанс в мире, потому что результаты археологов позволили уже и позволят в будущем ответить на многие вопросы загадочной истории человечества (Зайберт, 2011, с. 23-27).

Развитие на современном этапе гуманитарных, естественных и прикладных наук существенно расширило источниковедческую базу исторической науки и повысило ее информативность. Археология, генетика и лингвистика становятся сегодня фактором, корректирующим векторы исторической науки (Сулейманов, 2013; Хохлов, 2000, с. 309-332; Рыкушина, Зайберт, 1984, с. 121-136).

Благодаря высокой информативности археологических исследований на объектах ботайской культуры были выявлены следующие факты и сформулированы выводы: скальпели для кастрации жеребцов в виде трубчатых проколок из птичьих костей, застежки пут для лошадей из кости и дерева, костяные и волосяные удила, недоуздки из ремней, домостроительная и хозяйственная архитектура многоугольной круговой планировки купольного типа, укрюк – длинная палка с петлей на конце – орудие табунщика для ловли лошадей, боласы – метательные каменные шары для охоты на мелких животных, птиц и парнокопытных и др., метательные дротики, лук и стрелы, копья метательные, транспорт колесный, шестерёночные каменные диски для скручивания веревок,

каменные диски с отверстием в центре в качестве маховиков станковых сверл, трепанация черепа при жизни человека, консервные ямы и принцип консервации мяса, очажная печь или прото – тандыр – защитный усеченный конус над костром в жилищах, сделанный из обмазанной глиной корзины без дна, первичный экономический придомный комплекс – жилищно-производственное помещение коневода и примыкающий к нему загон для лошадей (дойных кобылиц и жеребят), уникальные ювелирные изделия – каменные бусины, костяные долота – стамески, цилиндрические костяные штампы, пластина из самородной меди; определена культурная принадлежность памятников ботайского типа (Зайберт, 1993, с. 134-159); разработана периодизация, относительная хронология, определены абсолютные даты более 10 образцов угля и кости из различных раскопов поселений Ботай, Красный Яр и Васильковка (Зайберт, 2009, с. 243-248); реконструированы экономические, социально-этнические, духовные составляющие ботайской культуры (Зайберт, 2009, с. 227-242); намечены формы и направления внутреннего и внешнего развития культуры (Зайберт, 2009, с. 249-255); сформулированы причины кризиса ботайской культуры и векторы её трансформации (Зайберт, 2007, с. 160-162); инструментально доказан приват доместикации лошади и кумыса в Казахстане (Alan K. Outram, 2009); разработана теория археологической ботайской культуры с ее археологическими, этнографическими, экологическими, историческими, мировоззренческими, сакральными и социальными контекстами, а также определен ботайский хозяйственно-культурный тип (БХКТ) (Зайберт, 2009, с. 293-301); ботайская культура является истоком степной цивилизации и началом культурогенеза казахов и многих других современных этносов Евразии (Зайберт, 2011, с. 43-56).

«Культурогенез – это возникновение, развитие и трансформация археологических культур в этнографические традиционные культуры в условиях перманентной адаптации последних в окружающей среде» (автор).

Здесь необходимо сделать акцент на нашем понимании географического детерминизма – роли и степени зависимости Человека от окружающей среды.

Суть не в том, что природа влияет на культуру, другой альтернативы просто нет. Предметно значение окружающей среды определяется обстоятельством – насколько человек задействуют природные факторы в процессе адаптации и создания годичного календарного хозяйственно-культурного цикла (ХКТ), а не в абстрактном понимании. Отсюда появляется возможность количественного определения уровня воздействия человека на окружающую среду и его последствий. Носители археологических и традиционных культур создавали ХКТ гармонично с окружающей средой и, являясь её частью, бережно относились не только как к природным ресурсам, но и как к высшему одухотворенному ноосферному началу (Зайберт, 2014, с. 34-43).

Реконструируется институт экзогамии как этнокультурный и идеологический, а затем и политический признак (реконструкция на основе керамики и планировки жилищ и очагов), изобретение первыми коневодами и наездниками кожаных штанов, сапоги с наколенниками и малахай.

Степной неолит являлся финалом присваивающей эпохи, в которой бинарное представление о мироздании сменяется троичной системой миропредставления (верхний, средний и нижний миры). Об этом свидетельствуют такие артефакты, как гравированные фаланги лошадей, купольная архитектура и групповые захоронения в заброшенных жилищах. Появление в степях курганных захоронений (ямная культура) маркирует уже господство триады (Зайберт, 2009, с. 387-398, 529).

Культурогенез, как адаптационный, испытывающий инновационные и автохтонные традиции процесс, имел свои внутренние правила в системе причинно-следственной детерминанты.

При закрытии календарного цикла происходило повышение демографического уровня и утверждался устойчивый хозяйственно-культурный тип, а также стабильный валовый продукт, что приводило к равновесию с окружающей средой и формированию общества, ориентированного на простое воспроизводство.

Однако перманентность гармонии нарушали два основных нестабильных фактора: климато-экологический и демографический. Особенно ярко эти факторы проявлялись в Евразии с резко-континентальным климатом. Изменение привычных параметров соотношений двух указанных факторов приводило к кризису, к разрушению календарного цикла и необходимости стабилизации последнего.

Депрессия археологической культуры проявлялась в двух процессах – в исходе населения в другие экологические ниши и культурной переориентации.

Возрождение культуры происходило в обновленном этническом и духовном содержании. В новых условиях этнос открыт для культурной и идеологической инновации, создается соответствующий календарный цикл. Устанавливается регулярный положительный баланс между окружающей средой и воспроизводством материальных и человеческих ресурсов.

Разрушают эту логику жизни лишь события на уровне эрных, пассионарных явлений и открытий – эра пешей коммуникации – конной – машинной и ноосферно-информационной. Следует иметь в виду человек как индивид, являясь природно-социальным продуктом или организмом, функционирует в составе социума и идентифицирует себя с понятием «жизнь» в нерасчлененном многовекторном обобщенном образе – Человек. Также воспринимается и понятие «история».

Миграционные процессы за пределами культурно-хозяйственного ареала социумов происходили только в кризисные моменты, а мотивациями к миграциям являлись определенные технические возможности и открытия в системах коммуникации – конно-верховой, конно-транспортной, машинно-транспортной.

Открытие и изучение энеолитического поселения Ботай и памятников ботайской культуры имеют большое значение для понимания исторических процессов, происходивших в степной Евразии во второй половине эпохи голоцена (VI тыс. до н. э. – I тыс. н. э.). Результаты исследований ботайской культуры отечественными и зарубежными учеными-археологами, палеогеографами,

этнографами и другими представителями естественных и гуманитарных наук являются основой для изучения ряда актуальных вопросов исторической науки Казахстана:

- культурогенез как предмет исследования археологической наукои;
- проблема взаимодействия природных и социальных факторов в процессе культурогенеза степных народов;
- пути и направления становления производящего хозяйства в степях Казахстана и на сопредельных территориях;
- истоки, развитие и трансформация степной цивилизации;
- реконструкция и моделирование хозяйственных, социальных и идеологических структур в историческом процессе;
- выявление закономерностей и особенностей в ходе взаимодействия традиций, инноваций и актуализации культур эпох энеолита, бронзового и железного веков.

В предыдущие годы реализовывалась беспрецедентная по масштабам и финансовым вложениям государственная программа изучения и сохранения историко-культурного наследия Казахстана, инициированная Президентом страны. Сотни и тысячи объектов и артефактов пополнили фонды музеев, архивов и библиотек. Данные источники являются значительным потенциалом для написания новой истории Казахстана. Если использование литературных и архивных письменных источников (на различных языках народов Евразии) не создает особых сложностей отечественным исследователям, то введение в научный оборот данных археологии в свете исторического контекста требует специальной методологии реконструирования и моделирования хозяйственно-культурных типов и духовно-мировоззренческих аспектов. Конечной целью синтеза археологических источников является доведение последних до уровня этнографических и получение представлений о путях трансформации археологической культуры в этнографическую.

Планетарная историческая наука выработала многообразные методы и принципы анализа. Задача исследователя – применить их в своей практике для получения адекватных результатов:

- объективность анализа источника;
- историчность выводов исследования (причинно-следственная обусловленность);
- цельность исследования (единичное – особенное – всеобщее);
- четкая гражданская позиция исследователя (патриот родной земли, этнокультурная и этноконфессиональная идентификация);
- гуманитарность исследования (привлечение к анализу и синтезу цикла гуманитарных дисциплин – этнографии, культурологии, этнологии, философии, психологии);
- изложение событийного ряда с позиции человек – гражданин общества – герой – лидер общества и политики;
- Казахстан – центр Евразии, историческая особенность в сочетании двух моделей развития – степной цивилизации и урбанизированных культур;

- анализ археологических источников с целью реконструкции исторического контекста и моделирования процесса трансформации археологической культуры в этнографическую;
- универсализация терминологического понятийного и коммуникационного (языкового, географического, хронологического) аппарата;
- рекомендуется придерживаться следующей таксономии периодизации – эра – эпоха – век – период – этап;
  Вариант глобальной коммуникационной периодизации (эры);
- пешая – возникновение человека (миллионы лет) до V тыс. до н. э.;
- конная – V-IV тыс. до н. э. до XVII в. н. э.;
- машинная – XVII-XX вв. н. э.;
- ноосферно-информационная – XX-XXI вв. н. э.

Ботайские материалы широко известны в мировой исторической науке, в какой-то мере они определяют векторы исследований в Евразии. Однако осуществление задачи вплетения информационных блоков ботайской культуры в историческую канву Казахстана и Евразии только начинается. И перспективными направлениями являются комплексные исследования археологов, генетиков, лингвистов, историков и этнографов.

Одним из примеров реконструкции исторического контекста на основе археологических наблюдений и фактов является проделанный автором анализ возможности культурно-хронологической идентификации событий в исторических документах и преданиях на основе изучения текста книги известного казахского литератора и публициста, этнографа, историка Сулейманова Мухамет-Халела Толеубайулы «Майкы-бий, учение Жасау-ізі и истоки чингизизма» (Сулейманов, 2013). Многовековые народные традиции и предания, передаваемые из поколения в поколение, доносят до современников информацию содержательного характера, но без хронологического репера. Именно отсюда возникают проблемы и дискуссии о верификации вокруг подобных источников. Знания археологического историко-культурного наследия широкой евразийской зоны позволяют наметить определенную хронологию излагаемых событий и фактов (Зайберт, 2014, с. 34-43).

Я исхожу из постулата: физическая жизнь древних культур откладывается в археологическом пласте (культурном слое), а духовная составляющая живет в памяти носителей культур и трансформируется в этнографические культуры (автор).

Литература

Alan K. Outram, Natalie A. Stear, Robin Bendrey, Sandra Olsen, Alexei Kasparov, Victor Zaibert, Nick Thorpe, Richard P. Evershed The Earliest Horse Harnessing and Milking //6 MARCH 2009 VOL 323 1332 SCIENCE.

Anthony D., Brown D. Bit Wear, Horseback Riding and the Botai Site in Kazakstan. NewYork. 1998.

Зайберт В. Ф. Сложение энеолитической ботайской культуры в Урало-Иртышском междуречье // Использование методов естественных и точных наук при изучении

древней истории Западной Сибири. – Барнаул: Изд-во ИИФиФ АГУ, 1983. – С. 88-90.

Зайберт В. Ф. Энеолит Урало-Иртышского междуречья. – Петропавловск: Наука, 1993. – 246 с.

Зайберт В. Ф., Тюлебаев А. Ж., Кулаков Ю. В., Задорожный А. В. Коллективная монография «Тайны древней степи». – Кокшетау, 2007. – 163 с.

Зайберт В. Ф. Ботайская культура. – Алматы: ҚазАкпарат, 2009. – 576 с.

Зайберт В. Ф. Ботай. У истоков степной цивилизации: Книга-альбом. – Алматы: Балауса, 2011. – 480 с.

Зайберт В. Ф. Основные итоги изучения ботайской культуры и ее роль в древней истории Казахстана. Труды филиала Института археологии им. А. Х. Маргулана в г. Астане. – Астана: Издательская группа ФИА им. А. Х. Маргулана в г. Астане, 2013. – С. 20-30.

Зайберт В. Ф., Тюлебаев А. Ж., Магзумов А. М. Археологические работы в полевом сезоне 2013 г. на поселении Ботай. Труды филиала Института археологии им. А. Х. Маргулана в г. Астане. – Астана: Издательская группа ФИА им. А. Х. Маргулана в г. Астане, 2013. – С. 112-119.

Зайберт В. Ф. Разбрасывая камни копытами // MangilikEl – 2014. – № 4. – С. 34-43.

Зданович Г. Б., Иванов И. В., Хабдулина М. К. // Опыт использования в археологии палеопочвенных методов исследования // СА. – 1984. – № 4. – С. 35-48.

Зданович Г. Б.; науч. ред. м Ф. Косарев. Бронзовый век Урало-Казахстанских степей (основы периодизации). – Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1988. – 184 с.

Рыкушина Г. В., Зайберт В. Ф. Предварительные сообщения о скелетных остатках людей с энеолитического поселения Ботай // Бронзовый век Урало-Иртышского междуречья. – Челябинск: Изд-во БГУ, 1984. – С. 121-136.

Сулейманов И. м Древнейшие истоки кипчакского транскультурного феномена. Методологические инновации // Сборник материалов Международной научной конференции «Кипчаки Евразии. История, язык и письменные памятники». Астана, 2013. – 430 с.

Сулейманов М. Х. Майкы-бий, учение «Жасау-ізі» и истоки чингизизма. История народов Турана в преданиях казахских биев. – SERVICE PRESS ТОО, 2013. – 278 с.

Хохлов А. А. Палеоантропология эпохи бронзы Самарского Поволжья / А. А. Хохлов // История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Бронзовый век. – Самара: Центр «Интеграция», 2000. – С. 309-332.

Кирюшин К. Ю.

Институт археологии и этнографии СО РАН, г. Новосибирск, Россия,
Алтайский государственный университет, г. Барнаул, Россия

ПОСЕЛЕНИЕ ЭПОХИ ЭНЕОЛИТА НОВОИЛЬИНКА-VI (предварительные результаты по материалам исследований 2013-2014 годов)*

*Работа выполнена по гранту РГНФ № 14-11-22601 «Археологические исследования поселения Новоильинка-6».

До недавнего времени памятники эпохи энеолита на территории Кулунды были неизвестны, поэтому каждый новый объект археологического наследия этого времени существенно расширяет круг источников по этому периоду в древнейшей истории Алтая. В 2013 г. в Хабарском районе Алтайского края выявлен новый памятник эпохи энеолита – поселение Новоильинка-VI (Кирюшин, 2013, с. 203). Летом 2013 г. на территории поселения были заложены два шурфа общей площадью 8 кв. м С небольшой площади было получено 694 фрагмента керамики, 2146 каменных артефактов (Кирюшин, 2013, с. 203-204) и 695 костей и зубов животных (Гайдученко, Кирюшин, 2013, с. 213).

Летом 2014 г. исследования памятника были продолжены. В июле-августе на поселении исследовано 96 кв. м В площадь раскопа практически полностью попало жилище эпохи энеолита (жилище № 1). На фоне материка хорошо читается котлован жилища размерами 7х6 м, ориентированный по длинной оси по линии ЮВ-СЗ. В площадь раскопа попали части ещё двух жилищ. Часть жилища № 2 находится в восточной, а часть жилища № 3 в юго-западной части раскопа.

В процессе раскопок в центральной части раскопа (юго-восточная часть жилища № 1) был заложен шурф размерами 0,5х0,5 м (для отбора проб для почвенных и микробиоморфных анализов). В стенке шурфа хорошо выделяются два горизонта: 1 – период функционирования жилища; 2 – период, когда жилище использовалось как место, куда выбрасывали мусор и пищевые отходы. В 2014 г. работы не были закончены. Были зачищены котлованы жилищ и объекты в межжилищном пространстве на уровне материка. После этого раскоп был законсервирован.

Уверенно можно говорить о том, что полученные в 2014 г. археологические коллекции относятся к периоду, когда жилища использовались как место, куда выбрасывали мусор и пищевые отходы. Для этого комплекса жилища № 1 получены две радиоуглеродные даты 4290±95 л. т. н. (СОАН-9042) и 4320±100 л. т. н. (СОАН-9043), что позволяет датировать материалы памятника серединой – 2-й половиной III тыс. до н. э. Калибровка дат почти на тысячу лет удревняет время формирования этого слоя памятника. Максимальный разброс по сигме 1 (68,2 % probability) и по сигме 2 (95,4 % probability) составил 800 лет. Это очень значительный интервал. Скорее всего, процесс формирования культурного слоя

памятника происходил в течение более короткого временного промежутка. С учетом калибровки радиоуглеродных дат можно датировать материалы этого комплекса первой половиной III тыс. до н. э.

Можно констатировать, что поселение Новоильинка-VI является сложным археологическим объектом с большим количеством различных объектов, Хронология и периодизация, которых потребует тщательного анализа археологических коллекций и радиоуглеродного датирования каждого объекта.

Остеологические коллекции памятника были обработаны в полевых условиях Л. Л. Гайдученко. Обнаруженные находки позволяют уверенно говорить о производящем характере экономики энеолитического населения памятника.

Коллекции керамики и каменных артефактов находятся в процессе обработки, и их количество в данный момент назвать невозможно, но это несколько десятков тысяч артефактов, среди которых есть вещи просто уникальные.

Обнаружено несколько десятков каменных наконечников стрел и скребков, дисковидные скребла на сланцевых плитках, наконечники дротиков, абразивы, стерженёк составного рыболовного крючка, обломок утюжка, каменный вкладыш трапециевидной формы, две каменные бусины. Очень интересны орудия из кости: костяные мотыги (или копьевидные орудия), лощила, шпатели, трепала, круглые наконечники стрел (один целый и шесть обломков). Очень интересна серия изделий из первых фаланг коней: наковальни, утяжелители и 12 изделий, условно названных «подшипниками» или «муфтами».

Коллекции каменного инвентаря в настоящее время находятся в процессе обработки, и делать какие-либо серьёзные выводы преждевременно. Можно только отметить, что подавляющее количество орудий выполнено на отщепах. Орудия на пластинах и сколы с нуклеусов единичны. Найден только один, очень своеобразный, двухплощадочный монофронтальный нуклеус с замкнутым по периметру фронтом. Нуклеус предельно сработан. Ударные площадки практически точечные.

Керамические коллекции тоже находятся в процессе обработки. В настоящий момент не имеется статистических данных по количеству фрагментов венчиков, стенок, донышек, типов, групп и т. д. Несмотря на это, обнаруженная в процессе раскопок керамика очень информативна и даже её предварительная публикация может быть интересна для специалистов.

Керамические коллекции, обнаруженные в первом горизонте жилища № 1, очень разнообразны. Наиболее распространённый орнаментальный приём – «отступающая» палочка с элементами накалывания (рис. 1, *1-6*). Этот орнаментальный приём чаще всего сочетается с рядами ямок (рис. 1, *1, 3-6*). Орнаментированная поверхность всех представленных на памятнике сосудов имеет линейное композиционное решение. Отпечатки отступающей палочки образуют ряды горизонтальных линий, волн (рис. 1, *1*). Подобные линии могут выступать как самостоятельный орнаментальный мотив, но чаще всего они сочетаются с наклонными линиями, геометрическими фигурами – ромбами (рис. 1, *5*),

«сеточкой» (рис. 1, *4*), рядами треугольников (рис. 1, *3*), треугольниками, обращёнными вершинами друг к другу («песочными часами») (рис. 1, *6*).

К числу наиболее ярких находок, сделанных в 2014 г., относится керамика, сочетающая в себе энеолитические черты – орнаментацию отступающей палочкой с элементами накалывания и ряд ямок по венчику, и раннебронзовые – налепной валик в верхней части сосуда (рис. 1, *3*). Валик очень выразительный – крупный, волнистый. Возникают ассоциации с посудой елунинской (Кирюшин, 2002 рис. 80, *1, 5, 6*; 84, *1*) и кротовской культур (Молодин, 1985 с. 38, рис. 14, *1-4, 6, 7, 11, 13)*. Известна подобная керамика в материалах ранней бронзы Павлодарского Прииртышья (Кирюшин, 2002, рис. 83, *1*).

Обнаружено ещё два фрагмента керамики с валиком (рис. 1, *1*). Валик небольшой, прямой, ровный, рассечённый вертикальными рисками. Аналоги подобной керамики имеются в материалах поселения эпохи неолита Борлы Северо-Восточного Казахстана (Мерц, 2014, с. 297, рис. 1, *1, 5*). Похожая керамика встречена в материалах эпохи энеолита третьего горизонта Тавдинского грота (Кирюшин и др., 2013, с. 29, рис. 16, *11*).

Достаточно много керамики, орнаментированной только рядами ямок (рис. 2, *1*).

Встречено много керамики, декорированной отпечатками гребенчатого штампа и рядами ямок (рис. 2, *2-7*). Размеры гребенчатого штампа сильно варьируют по длине и ширине. Различаются приёмы декорирования керамики и орнаментальные схемы сосудов.

Основная масса сосудов орнаментирована отпечатками гребенчатого штампа, образующими ряды елочек (рис. 2, *3, 5*). В одном случае отпечатки образуют паркетный орнамент (рис. 2, *2*), покрывающий всё тулово, в нескольких случаях – «сеточку» (рис. 2, *6*), также покрывающую венчик и найденные фрагменты тулова. Несколько сосудов орнаментированы шагающей гребёнкой (рис. 2, *7*).

Ещё на нескольких сосудах отпечатки гребенчатого штампа и ряды ямок сочетаются с гладкой качалкой. Причём ряды ямок и отпечатки гребенчатого штампа, образующие две параллельные линии треугольников, украшают только венчик сосуда (рис. 2, *4*). Отпечатки гребенчатого штампа настолько глубокие, что на первый взгляд кажется, что это прочерченный орнамент или гладкий штамп (рис. 2, *4*).

Единично встречен прочерченный орнамент.

У многих сосудов на внутренней поверхности венчика имеются пальцевые вдавления, или отпечатки короткого гребенчатого штампа (рис. 1, *1-3, 6*; 2, *2, 4, 5, 6*).

У одного сосуда полностью реконструируется форма (рис. 2, *2*), ещё у нескольких – частично (рис. 1, *5, 6*; 2, *1, 5-7*). Это небольшие круглодонные сосуды открытых форм с практически прямыми стенками, у которых венчик немного загнут внутрь, а высота немного больше диаметра. На общем фоне выделяются фрагменты сосуда, орнаментированного шагающей гребёнкой

(рис. 2, *7*). Судя по имеющимся фрагментам, у него узкая горловина, а венчик сильно профилирован.

Керамические коллекции, обнаруженные в первом горизонте жилища № 2, также очень разнообразны (рис. 3, *1-3*). У двух сосудов полностью реконструируются формы (рис. 3, *2, 3*), ещё у нескольких практически полностью (рис. 3, *1*). Формы и техника орнаментации посуды, обнаруженной в заполнении жилища № 2, совпадают с найденной в жилище № 1. Это круглодонные сосуды открытых форм с прямым или слегка отогнутым венчиком, у которых высота немного больше ширины, орнаментированные отпечатками отступающей палочки с элементами накалывания (рис. 3, *1, 3*) и отпечатками гребенчатого штампа разной длины и ширины (рис. 3, *2*). Различия наблюдаются в появлении новых орнаментальных композиций, в которых вертикальные линии сочетаются с горизонтальными рядами линий, неправильных четырёхугольников и ромбов (рис. 3, *1*). Ещё одно отличие заключается в том, что ряды наколов, которые являются практически обязательными в керамике жилища № 1, в этом комплексе отсутствуют. В одном случае небольшой круглодонный сосуд орнаментирован по венчику двумя рядами вдавлений, выполненных углом палочки (рис. 3, *3*).

Межжилищное пространство, исследованное в 2014 г., насыщено различными объектами. Это столбовые ямки, хозяйственные ямы и объекты, которые пока невозможно атрибутировать. Эти разнообразные объекты фиксируются с глубины 0,5-0,55 от современной поверхности. Объекты в северо-восточной части раскопа перекрыты плотным слоем костей животных и керамики. Керамика в основном аналогична обнаруженной в слое 1 жилища № 1. Наиболее интересен сосуд открытых форм, орнаментированный отпечатками отступающей палочкой с элементами накалывания и рядами наколов (рис. 3, *4*). Орнаментальное поле образует пояс из ромбов в верхней части сосуда (рис. 3, *4*). Пространство между ромбами заполнено горизонтальными линиями.

Второй горизонт жилища № 1 исследован в 2013-2014 гг. на небольшой площади, в общей сложности не более 1,5 кв. м Керамические коллекции, обнаруженные во втором горизонте жилища № 1, немногочисленны и их нельзя назвать представительными. Однако даже на небольшой площади найден археологически целый сосуд, небольших размеров, открытых форм, с прямым венчиком, орнаментированный отпечатками мелкого и длинного гребенчатого штампа (рис. 3, *5*). Отпечатки штампа образуют ряды вертикальных линий (рис. 3, *5*).

Необходимо отметить, что керамика поселения Новоильинка-VI орнаментированная отступающей палочкой с элементами накалывания и рядами ямок, имеет широкий круг аналогов среди памятников кипринского типа Алтая (Комарова, 1956; Кирюшин, 2002, рис. 62-63), байрыкского типа или гребенчато-ямочной общности раннего металла Барабы (Молодин, 1977, табл. XI-XIII, 1985, рис. 3-4). Наиболее близкие аналоги встречены на поселении Новоильинка-III, которое находится в 300 м к западу (Кирюшин, Ситников, 2013, с. 209-210).

В материалах поселений неолита-энеолита Юго-Западного Алтая керамика, орнаментированная рядами или волнами отступающей палочки, разделёнными рядами наколов, встречается на 10-15 памятниках (Кирюшин, Клюкин, 1985, с. 95). Большая часть памятников – это дюнные стоянки, интенсивно разрушаемые ветровой эрозией (Кирюшин, Клюкин, 1985, с. 74). Археологические коллекции с этих стоянок представлены подъёмным материалом, часто различных исторических периодов, который трудно разделить на хронологические группы (Кирюшин, Клюкин, 1985, с. 74).

Необходимо отметить, что керамика кипринского типа поселения Новоильинка-VI залегает вместе с посудой, декорированной в «геометрическом» стиле. Отпечатки отступающей палочки или гребенчатого штампа образуют сеточку (рис. 1, *4*), ряды ромбов (1, *5*; 3, *4*), треугольников (рис. 1, *3*), треугольников, обращенных вершинами друг к другу («шахматные часы») (рис. 1, 6), неправильных четырёхугольников (рис. 3, *1*). Аналоги подобной керамики на территории Алтая до сих пор были неизвестны.

На сопредельных территориях наиболее близкие аналоги и аналогии прослеживаются в материалах энеолитических культур Казахстана – ботайской (Зайберт, 1993, рис. 24-25, Мосин, 2003, рис. 67-74) и терсекской (Калиева, 1998, рис. 48-49, 55).

Керамические коллекции поселения Новоильинка-VI очень оригинальны и, имея черты несомненного сходства, выделяются из массива имеющихся данных по неолиту и энеолиту степного, лесостепного Алтая и Верхнего Приобья. Главное отличие керамики поселения Новоильинка-VI от синхронных памятников Алтая заключается в ярко выраженном «геометризме». Скорее всего, это связано с расположением поселения в своеобразной буферной зоне между «гребенчато-ямочными культурами» западно-сибирского или урало-сибирского типа (байрыкского, екатерининского, кипринского и т. д.) и «геометрическими» казахского типа (ботайской и терсекской). Как отмечают исследователи, «на определённом отрезке времени такой культурный район сам мог превращаться в очаг культурогенеза, так как формирование новых археологических культур во многом являлось результатом взаимодействия нескольких культурных традиций» (Шорин, 1999, с. 7).

Имеющиеся в нашем распоряжении материалы фрагментарны, и мы не претендуем на окончательные выводы, но, видимо, энеолитическое население поселения Новоильинка-VI являлось частью массива культур гребенчатого геометризма Казахстана и внесло свой вклад в формирование раннебронзовых культур Алтая и сопредельных территорий.

Материалы памятника, без сомнения, являются уникальными для региона. Продолжение исследования поселения Новоильинка-VI позволит получить новые объективные данные для решения проблем формирования и динамики развития энеолитических культур Алтая и сопредельных территорий.

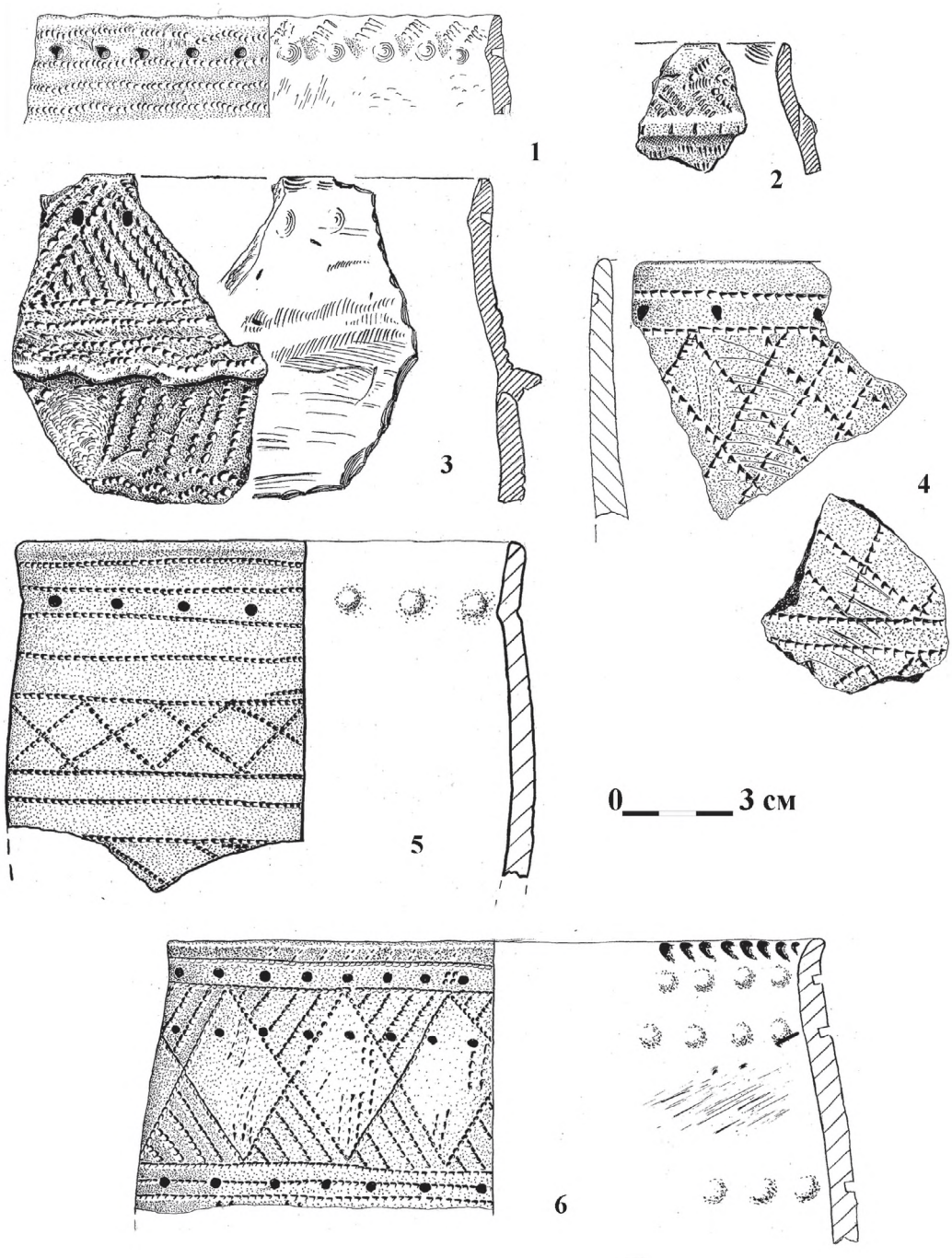

Рис. 1. Керамика поселения Новоильинка-VI. 1-7 – первый горизонт, жилище № 1

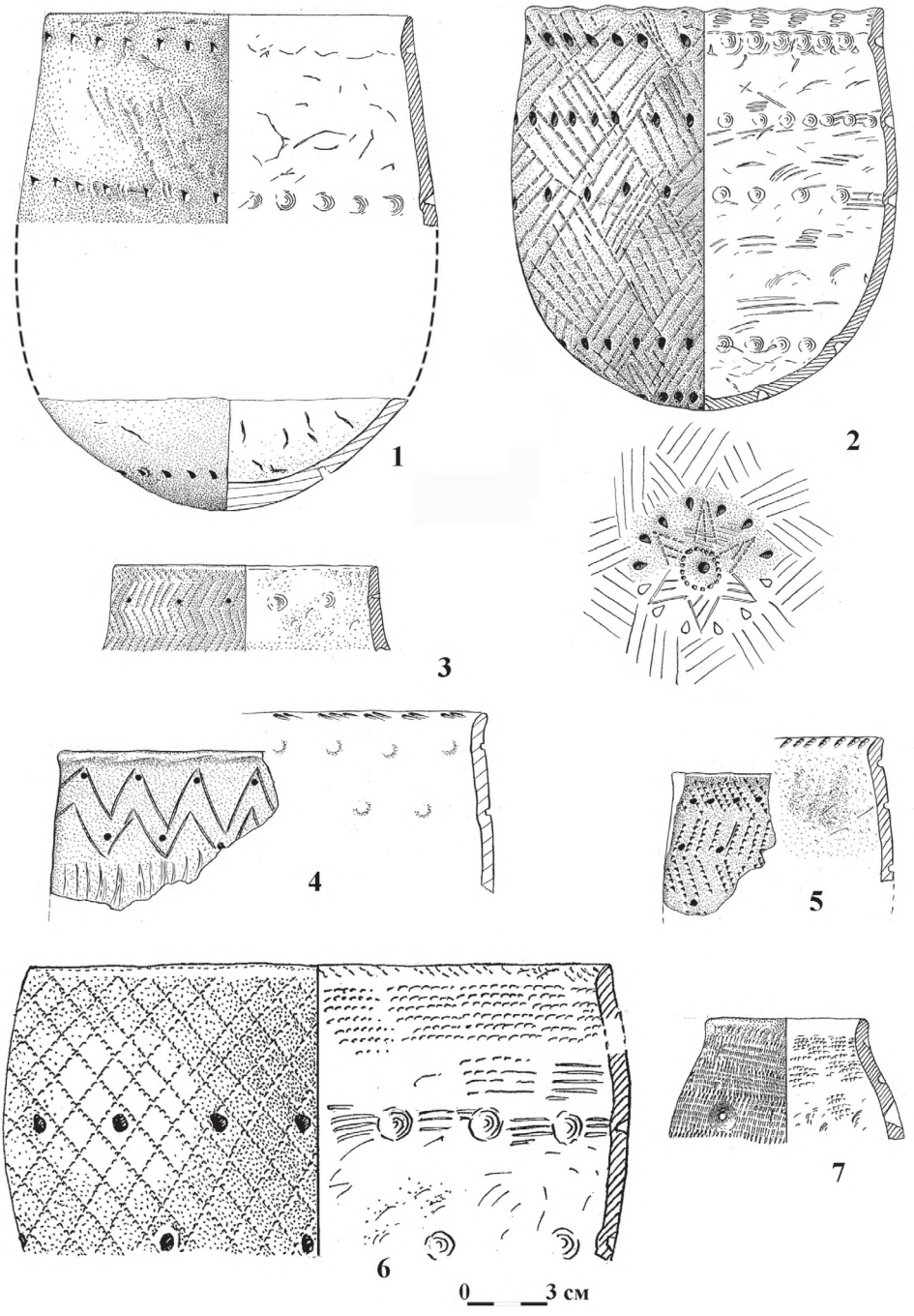

Рис. 2. Керамика поселения Новоильинка-VI. 1-6 – первый горизонт, жилище № 1

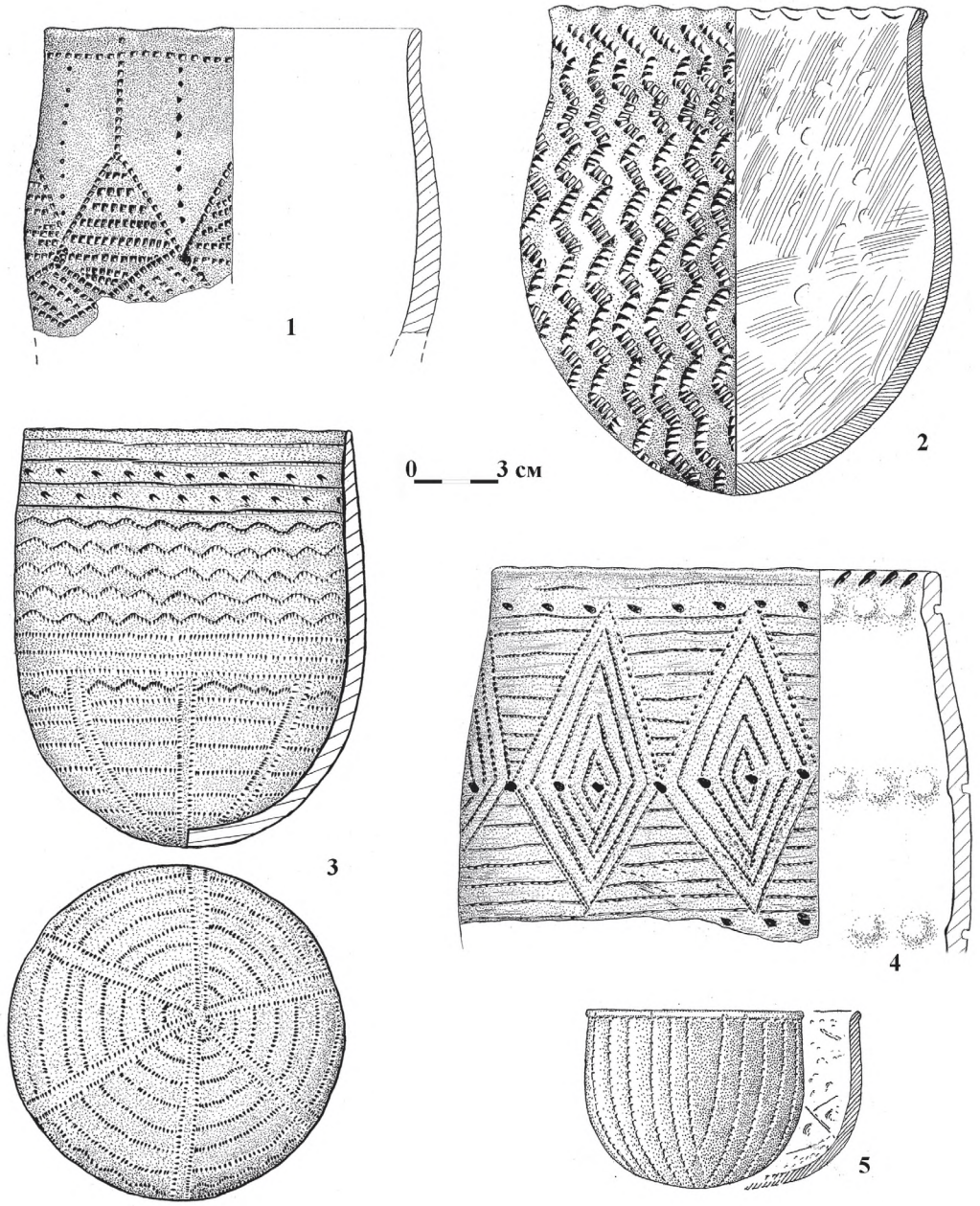

Рис. 3. Керамика поселения Новоильинка-VI. 1-4 – первый горизонт, жилище № 2
5 – второй горизонт, жилище № 1

Литература

Гайдученко Л. Л., Кирюшин К. Ю. Остеологический комплекс раннеэнеолитического поселения Новоильинка-6 в Кулунде // Труды филиала Института археологии им. А. Х. Маргулана в г. Астана. Том II. Астана: Издательская группа ФИА им. А. Х. Маргулана в г. Астана, 2013. С. 212-220.

Кирюшин К. Ю. Поселение Новоильинка-VI – новый памятник энеолита Кулунды // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Материалы итоговой сессии Института археологии и этнографии СО РАН 2013 г. – Том XIX. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2013. – С. 202-206.

Кирюшин К. Ю., Ситников С. М. Исследование поселения Новоильинка-III в 2012–2013 годах // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: мат. итоговой сессии Института археологии и этнографии СО РАН 2013 г. – Т. XIX. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2013. – С. 207-211.

Кирюшин К. Ю., Кирюшина Ю. В., Семибратов В. П., Кирюшин Ю. Ф., Горбунов В. В. Историко-культурное наследие Бирюзовой Катуни (опыт интеграции в сферу туризма). – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2013. – 222 с.

Кирюшин Ю. Ф. Энеолит и ранняя бронза юга Западной Сибири. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2002. – 293 с.

Мерц В. К. Боборыкинский комплекс поселения Борлы (Северо-Восточный Казахстан) // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. Том I. – Казань: Отечество, 2014. – С. 297-301.

Молодин В. И. Бараба в эпоху бронзы. – Новосибирск: Наука, 1985. – 200 с.

Молодин В. И. Эпоха неолита и бронзы лесостепного Обь-Иртышья. – Новосибирск: Наука, 1977. – 174 с.

Мосин В. С. Энеолитическая керамика Урало-Иртышского междуречья (сер. «Этногенез уральских народов». – Челябинск: ЮУрГУ, 2003. – 220 с.

Зайберт В. Ф. Энеолит Урало-Иртышского междуречья. – Петропавловск: Наука, 1993. – С. 246.

Калиева С. С. Поселение Кожай – 1. – Алматы: Изд-во МНАК РК Ин-т археологии им. А. Маргулана, 1998. – С. 225.

Молодин В. И. Памятник Сопка-2 на реке Оми: культурно-хронологический анализ погребальных комплексов одиновской культуры. Т. 3. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РН, 2012. – 220 с.

Кирюшин Ю. Ф. Энеолит и ранняя бронза юга Западной Сибири. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2002. – 293 с.

Кирюшин Ю. Ф., Клюкин Г. А. Памятники неолита и бронзы Юго-Западного Алтая // Алтай в эпоху камня и раннего металла. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1985. – С. 73-117.

Комарова М. Н. Неолит Верхнего Приобья // КСИИМК, 1956. Вып. 64. – С. 93-103.

Шорин А. Ф. Энеолит Урала и сопредельных территорий: проблемы культурогенеза. – Екатеринбург: УрО РАН, 1999. – 182 с.

Қасенов М. С.

Х. Досмұхамедов атындағы Атырау мемлекеттік университеті, Қазақстан. Атырау қ.

НАРЫН ҚҰМЫНДАҒЫ АРХЕОЛОГИЯЛЫҚ ЗЕРТТЕУЛЕР

Атырау облыстық тарихи-өлкетану мұражайының археологиялық экспедициясы 2014 жылы 2-16 мамыр аралығында, Исатай және Құрманғазы аудандары аумағындағы Нарын құмына жаңа археологиялық ескерткіштер анықтау мақсатында барлау жұмысын жүргізді. Экспедиция Сарайшық – Қызылүй – Мыңтөбе – Қошалақ– Ресей шекарасына дейін маршруты бойынша сапар шекті. (НҚЖАБЖ, Атырау, 2013).

Нарынқұмы – Каспий маңы ойпатының солтүстік-батыс бөлігінде, Еділ мен Жайық өзендері аралығында орналасқан. Әкімшілік тұрғыдан Атырау облысының Құрманғазы, Исатай аудандары және Батыс Қазақстан облысының Бөкей Ордасы, Жаңақала және Ақжайық ауданының оңтүстік бөлігін қамтиды. Аумағы 40000 км². Құмды өңір орта есеппен теңіз деңгейінен–21 м төмен жатыр. Өңірдің климаты тым континенттік, қаңтар айында орташа темпертурасы – 10-12° С, шілдеде+24-25° С. Жылдық жауын-шашын мөлшері 215-245 мм. Қардың қалыңдығы 10 см-ден аспайды. Жерге түскен ылғалдың булану мөлшері жауын-шашыннан 5-6 есе артық. Аңызақ жел, шаңды дауыл жиі соғады. Тұрақты ағатын өзен-жылғалары жоқ. Жерастының тұщы су қоры мол (1,5-2 м тереңдікте). Құдықтары мен шұрайлы жерлері көп. Топырақ жамылғысы негізінен бозғылт қоңыр, құмдақты-саздақты, сортаңды сұртопырақтан тұрады. Жануарлар әлемінде киік, қоян, қарсақ, дала күзені, т. б. кездеседі (1 сурет).

Бұл аймақ көне заманнан Еуропа мен Азияны жалғастырар коммуникациялық тораптың бойында орналасуымен маңызды, тарихи деректерге бай өлке. Ол жерді адамдардың мекен ете бастағанына тарихи деректер бойынша, бірнеше мыңдаған жылдар өткен. Көне заман мәдениетінің іздері бұл аймақта жиі кездеседі.

Аймақтың табиғи қатал климатына қарамастан, ерте замандардан адам-затқа мекен болғанына, тас дәуіріне жататын еңбек құралдарының табылуы дәлел. Қазіргі күнде Солтүстік Каспий бойының ең көне ескерткіштері Нарын құмының батысындағы Шошқалы, Қошалақ мекендеріндегі мезолиттік тұрақтар саналады. Бұл тұрақтардағы жәдігерлер кварцит, кремний жаңқалары ретіндегі тас еңбек құралдары арқылы бізге белгілі.

XX ғасырдың басында Солтүстік Каспий маңы ойпаты, Еділ-Жайық аралықтарының территорияларынан мезолит, неолит және энеолитке тиісті материалдары бар 20 шақты құм төбелі тұрақтар ашылды. Бұл тұрақтар топыраққа көмілген жабық орындар емес, құмды дөңдердің көшуі салдарынан ашылып, бұзылған тұрмыстық және жерлеу ескерткіштерінің материалдары болатын. Күшті дауылдар кезінде құм шағылдар желмен бірге жылысады, әрі бірталай алыс қашықтыққа дейін көшетіні белгілі.

Зерттеулер нәтижесінде археолог М. П. Грязнов Жайық өзенінің шығыс жағында андронов мәдениетінің ескерткіштері, ал Еділ-Жайық аралығында хвалын мәдениетінің ескерткіштері болған деп болжады.

Құм төбелі тұрақтардың материалдарын зерттеу және жүйелеу бойынша И. В. Синицынның де жұмысын ерекше атауымыз керек. И. В. Синицын алғашқы боп «Каспий теңізінің солтүстік жағалауы құмтөбелі тұрақтарындағы кремний құралдары» атты диссертациясында, Саратовтық археологтардың 1930 жылдары ашқан, геометриялық микролитті Каспий маңы тұрақтарының материалдарына арнайы талдау жасайды. Ол ғылыми айналымға, Солтүстік Каспий маңы үшін «құм төбелі тұрақтардың каспий маңы мәдениеті» терминін енгізеді. Микролиттік құралдардың типологиялық ұқсастығына қармастан, И. В. Синицын «құм төбелі тұрақтардың каспий маңы мәдениеті» неолиттік мерзім деді, өйткені, неолиттің бастапқы дәуірлері мен ерте металл арасында үзіліс болды деп есептеді (Синицын, 1956).

Кейін оны өз еңбегінде А. Н. Мелентьев пайдаланып, ерте энеолиттің Каспий маңы мәдениеті деп нақтылайды. (Архив И А, 1970).

Жаңадан анықталған ескерткіштер

1. Қызылүй қонысы. GPS координаты: N 47° 23,362’; E 050° 43,314’. Қызылүй қонысы Исатай ауданы Қызылүй ауылынан солтүстік-шығысқа 500 м жерде құмды дөңде орналасқан. Құмды үлкен шағылдың оңтүстік жағына таман орналасқан көлемді ескерткіштің диаметрі шамамен 700 м-дей болады.

Осынша аумақта қыш ыдыстар сынықтары, кремний және кварцит жаңқалары, мал сүйектері шашылып жатыр. Ескерткіштің шығыс жағында көлемі 25-30 м аумақтың қалың мәдени қабаты түзілген. Бұл жерден керамика сынықтары жиналды, оның ішінде: қызыл қыш ыдыстың ернеулері, құлақтары, бүйір сынықтары бар. Ыдыстарға түрлі өрнектер салынған. Ернеулері тік және сыртына қайрылған боп келеді, айналдыра кертілген өрнектер жылжыта отырып шаншу әдісімен салынған. Ыдыс құлақтары нүкте түріндегі өрнектермен сәнделген. Бүйірлерінде сызылған өрнектері бар. Ыдыстар жапсырмалы әдіс бойынша дайындалған,қыштың сапасы жақсы (2-4 суреттер). (1,2 сызбалар).

Сонымен қатар, кремнийден жасалған қырғыш, пышақ, кескіш, ретушті жебе ұштары сияқты шаруашылық бұйымдары кездесті. Олардың басым көпшілігі пластина түріндегі жаңқалар боп келген. Осы құралдарды дайындайтын нуклеус тәрізді бөлшектер де табылды. Қоладан жасалған шаш ұстатқыш пен өрнекті бұйым бөлшегі де осы қоныстан табылды.

Жүргізілген сараптама қоныстағы жәдігерлердің неолит кезеңі мен қола дәуіріне тиесілі екенін көрсетеді.

2. Қызылүй тұрағы. GPS координаты: N 47° 24,365’; E 050° 43,964’. Қызылүй тұрағы Исатай ауданы Қызылүй ауылынан солтүстік-шығысқа 3км., жерде құмды дөңде орналасқан.

Құмды шағылдың орта жағында орналасқан ескерткіштің көлемі шамамен 70×50 м. Тұрақ маңында тұщы сулы құдық орналасқан. Қалың қыш ыдыс

сынықтары мен аздаған кремний жаңқалары кездеседі. Қыш ыдыс ернеулері сыртына қарай сәл қайырылған, бүйірлері кертілген, нүктелі өрнектелген, саз балшық сапасы жақсы. Өрнектердің басым көпшілігі нүктелерді жүргізіп отыру арқылы салынған. Бұл ыдыстар жапсырмалы әдіспен жасалған. Сондай-ақ қоныс маңында станокта дайындалған ортағасырлық қызыл қыш ыдыс сынықтары да ұшырасады.

Тас құралдар негізінен пластина жаңқа түрінде кездеседі. Қырғыш, пышақ секілді кремний сынықтары тұрақтың әр жерінен кездестіреміз. Осындай жаңқалар, еңбек құралдарын жасайтын нуклеус сынығы да табылды.

Жәдігерлерді сараптай отырып, бұл жерді адамдар неолит, қола заманынан бері тұрақтанып келе жатқан болу керек деп болжаланды.

3. Қызылүй 2 тұрағы. GPS координаты: N 47° 24,328’; E 050° 43,860’. Қызылүй 2 тұрағы Исатай ауданы Қызылүй ауылынан солтүстік-шығысқа 2,8 км жерде құмды дөңде орналасқан.

Құмды шағылда орналасқан көміліп қалған құдық маңында тұрақ орны кездесті. Ескерткіштің көлемі 120×80 м шамасында. Осы аумақта кремний жаңқалары мен басқа да тастан жасалған еңбек құралдары өте көп кездесті. Тұрақта от жағылған жердің орны жақсы сақталыпты. Тас құралдардан ұзын пышақтар, жіңішке сына түріндегі микролиттер, қырғыштар, ретушь әдісімен өңделген орташа көлемдегі жебе ұшы мен дротик ұшы, т. б. көптеген бұйымдар табылды. Басқа да жұмсақтау тас сынықтарынан жасалған бұйым фрагменттері кездеседі. Қыш ыдыс сынықтарына қарасақ қабырғалары қалың боп келгенін байқаймыз. Бір ернеу сынығы ыдыс ернеуінің сыртқа аздап қайырылып жасалғанын білдіреді. Қыштың құрамы қабыршақты, саз балшыққа шамот, ұлутас қиыршығы, қамыс үлпілдегі қосылып, жапсырмалы әдіспен дайындалғанын байқатады. (3 сызба).

Сонымен қатар қола сынығы мен темір пышақ сынығы осы тұрақтан табылды. Тұрақты неолит, қола, ерте темір кезеңінде адамдар мекен еткен болса керек.

4. Қызылүй 3 тұрағы. GPS координаты: N 47° 26,027’; E 050° 43,074’. Қызылүй 3 тұрағы Исатай ауданы Қызылүй ауылынан солтүстік-шығысқа 6 км жерде құмды дөңде орналасқан.

Үлкен құмды шағылдың оңтүстік жағында орналасқан тұрақтың көлемі едәуір, шамамен диаметрі 300-400 м-дей болып қалады. Тұрақта қыш ыдыс сынықтары өте көп шашылған. От жағылған жерде ізі сақталып қалған. Қыш ыдыстардың сыртына өрнектер салынбаған, жапсырмалы әдіспен жасалған. Қызыл және сұр түсті ыдыс сынықтары, қыш ұршық басы табылды (4 сызба).

Сонымен қатар, ретушьті өңдеу әдісімен жасалған садақтың жебесінің сұр түсті бүтін ұшы табылды. Осы тұрақ аумағынан көптеген металл бұйым бөлшектері кездесті. Оның ішінде пішіні қиық конус түріндегі ортасы тесік қола бұйым, сопақ пішінді, беті өрнектелген қола әшекейдің бөлшегі, ақ түсті металдан жасалған түйме, т. б. қола металдың бөлшектері бар. Табылған жәдігерлерге байланысты тұрақ қола кезеңінің ескерткіші деп болжам жасалды.

5. Шәуіптен тұрағы. GPS координаты: N 47° 31,295’; E 050° 49,586’. Шәуіптен тұрағы Исатай ауданы Қызылүй ауылынан солтүстік-шығысқа 17,6 км жерде құмды дөңде орналасқан. (5 сурет), (5 сызба).

Құм шағылда орналасқан ескерткіштің көлемі 200×200 м-дей. Тұрақта қыш ыдыс сынықтары көп кездеседі, сондай-ақ бірен-саран кремний бұйымдар да бар. Олар пышақ, пластиналы жаңқа түрінде кездеседі, ретушті өңдеу белгілері бар.

Сонымен қатар құрбандық тасының сынығы, қайрақ тас сынығы, диірмен тасына ұқсас фрагмент табылды.

Қыш ыдыстардың сыртында щеткамен жүргізгендей жіңішке сызықтар қалған. Оларды көлденең және тік жүргізгеніне қарап, меандр тәрізді өрнек жасалғандай боп тұрады. Қыш сапасы орташа, сұр және қызғылт-ақшыл түсті боп келген. Ернеулері қысқа, сыртына сәл қайырылғандай етіп жасаған, ал кейбірінікі тік келген. Бір ыдыс ернеуі сыртына кертіліп өрнектеліп, сырты нүктелі өрнекке жалғасып кеткен. Ыдыстар жапсырмалы әдіс бойынша дайындалған. Тұрақтан табылған жәдігерлер қола кезеңге жатады деп есептелінді.

6. Шәуіптен 2 тұрағы. GPS координаты: N 47° 31,904’; E 050° 48,738. Шәуіптен 2 тұрағы Исатай ауданы Қызылүй ауылынан солтүстік-шығысқа 18 км жерде құмды дөңде орналасқан.

Алып құм шағылда орналасқан тұрақ көлемін дәл шамалау қиын. Түрлі жәдігерлер әр жаққа шашылып орналасқан, бір жерге жиналған жәдігерлер кездеспейді. Шағылда тұщы суы бар құдық орналасқан. Құдық маңынан әр жерде шашылған қыш ыдыс сынықтары кездеседі.

Соның ішінде сұр түсті ірі құмыраның ернеу бөлігі ерекшеленеді. Қабырғасының қалыңдығы 1 см-дей, мойын тұсына тісті өрнектерден сызық жүргізілген. Тағы бір шағын ыдыс ернеуі сыртына сәл қайырылған, ернеу үстіне дөңгелек өрнектер басылған. Олар жапсырмалы әдіспен жасалған.

Ақшыл-сұр түсті қайрақ тас сынығы табылды. Бұл шағын диірмен тасы да болуы мүмкін. Жәдігерлерге байланысты, тұрақтың қола кезеңге қатысы болуы мүмкін.

7. Жасқайрат тұрағы. GPS координаты: N 47° 41,374’; E 051° 00,073’. Жасқайрат тұрағы Исатай ауданы Жасқайрат ауылынан солтүстік-батысқа 1,3 км жерде құмды дөңде орналасқан (6 сурет). (6,7 сызба).

Ескерткіштің көлемі шамамен 200×200 м-дей болады. Негізіне осы аумақта қыш ыдыс сынықтары мен кремний, кварцит жаңқалары шашырап жатыр.

Кремний еңбек құралдары екі жағы өңделген пластиналы қырғыш, жаңқалар түрінде кездеседі. Жебенің немесе дротиктің ұшы ретушті өңделуден өткен. Сына тас түріндегі ұзынша микролиттерді тұрақта жиі қолданған болса керек. Кварциттен жасалған ірі пышақ сынығының бір жақ қыры өңделген. Сланец тастан жасалған қайрақ сынығы мен құмда ізбестастан жасалған бұйым сынығы табылды. Құмды ізбестастан жасалған бұйымның жарты бөлігі сақталған, ортасында бұрғылап тесік жасалған. Қырлары, бұрыштары жұмырланып келген. Дәл қандай мақсатта қолданылғаны белгісіз, қайрауға, сүргілеуге пайдаланған

болуы мүмкін. Қыш ыдыс сынықтарының сырты өрнектелген. Шырша тәрізді, меандрлы өрнек, нүктелі, кертілген сызықтар жүргізілген. Ыдыс ернеулері мен жиектеріне де нүктелі, кертілген өрнектер салынған. Ернеулері көбіне тік келген. Сыртына қарай аздап қайырылып келгендері де бар, оларға өрнек салынбаған. Олардың ернеуінен басталып мойнына дейін доға түріндегі жуан сабы бар. Қыш құрамы қабыршақты, шамот аралас келген. Түстері сұр және қызғылт-ақшыл боп келеді. Тұрақ аумағында бірен-саран ортағасырлық қызыл түсті қыш ыдыс сынықтары да кездеседі.

Зерттелген аумақтан металл бұйымдар да табылды. Көлемі 2,5×2 см болатын, пішіні «жүрек» тәріздес қола жапсырманың ортасында төрт бұрышты тесік бар. Тесік көлемі 0,5×0,2 см. Жапсырма ортасы дөңес келген. Тағы бір табылған жіңішке қола қаңылтыр қалдығы шамалы сақталған. Бірақ сыртында нүктелі өрнегі болғаны көрініп тұр.

Сондай-ақ ұзынша темір бұйым табылды, оның екі шеті ілмек түрінде аяқталады. Шамасы ат жүгенінің бөлшегі болса керек. Ұзындығы 7,5 см, ені 1 см, ілмегінің ені 1,2-1,8 см болады. Қалыңдығы 0,8 см.

Осы табылған барлық жәдігерлер әр кезеңге тиесілі екені белгілі. Сондықтан бұл жерді адамдар неолит, қола ғасырынан бері мекендеген болуы мүмкін. Өйткені шөлді аймақтағы, осындай, құм шағылдардағы құдықтар тұщы судың көзі екені белгілі жайт.

8. Жасқайрат 2 тұрағы. GPS координаты: N 47° 41,900’; E 051° 00,651’. Жасқайрат 2 тұрағы Исатай ауданы Жасқайрат ауылынан солтүстікке 1,7 км жерде құм шағылда орналасқан (7,8 сурет).

Құмды шағылдың оңтүстік жағын ала орналасқан тұрақ көлемі солтүстіктен оңтүстікке 300 м, батыс-шығыс бағытында 500 м-дей болады. Осы үлкен аумақта қыш ыдыстар сынықтары, кремний және кварцит жаңқалары шашырай орналасқан. Тұрақ жанында тұщы сулы құдық орын тепкен.

Бұл жерде кремний тас құралдары мен олардың жаңқалары кездеседі. Арасында аздап қызғылт-қоңыр түсті кварциттен жасалған құралдар да бар. Тас құралдар көбіне ұзынша келген пышақ, тескіш, жебе ұштары түрінде ретушті өңдеуден өткен. Сондай-ақ трапециялы жаңқалар, пластиналы қырғыш, сына тас түріндегі шағын көлемді құралдар да бар. Олардың көбі екі беті өңделген құралдар боп табылады.

Қыш ыдыстар сынықтары сұр және қызыл түсті боп келген. Олардың ернеулері тік немесе сыртына сәл қайырылулы боп келген. Сыртының безендірілуі нүктелей немесе кертіп отыру арқылы жүргізілген сызықтар, меандрлы өрнектер т. б. бедерлі келген. Кей ыдыстардың ернеуіне жақын жерден дөңгелек ойықтар жасалған. Олар қышты күйдірместен бұрын жасалғаны және байқалады. Ойықтар өте терең келген немесе кейбірі ыдыс қабырғасын тесіп өткен, әрі ыдыстың ішкі жағынан да, сыртқы жағынан да салынғаны білініп тұр.

Бұдан басқа тұрақ аумағында орта ғасырлық станокта жасалған қызыл түсті қыш ыдыс сынықтары мол кездеседі. Сыртқы бедері көлденең сызықты, ирек сызықты боп келеді. Шамасы, орта ғасырларда бұл жердегі құдық Сарайшық

пен Сарай-Берке қалалары аралығындағы сауда керуендеріне белсенді қызмет еткен болуы мүмкін.

Осылардан басқа шағын пішінді, жасыл түсті, сегментті паста моншақ табылып, ол орта ғасырға тиесілі деп болжанды. Және тағы да бір жәдігер қола қапсырмалы бұйымда әшекей ретінде қолданылған болса керек. Тұрақ неолиттік кезеңнен бері адам қоныстанған жер болуы мүмкін.

9. Шегенді тұрағы. GPS координаты: N 47° 27,545'; E 050° 13,4386'. Шегенді тұрағы Исатай ауданы Қызылүй ауылынан батысқа 38 км, Мыңтөбе ауылынан шығысқа 25 км жерде құмды дөңде орналасқан.

Алып құм шағыл ортасына таман қыш ыдыстардың сынықтары кездеседі. Олар әр жерде бір шашылған, топтасып жатқан жерлері жоқ, сондықтан тұрақтың нақты шекарасы белгісіз, шамамен алғанда 300×100 м-дей болады. Шағыл ортасында көптеген құдық орындары анықталды. Олар шеңбер пішінде жасалған, шеткі қабырғасында шегендеген ағаш-бұта, қамыс қалдығы айқындалып көрінеді. Он шақты құдық орны жай көзбен жақсы байқалып тұр. Орташа диаметрі 2,5 м шамасында. Аралары жарты метрден 5 м-ге дейін барады.

Осы айналадан әр түрлі кезеңге жататын қыш ыдыстар сынықтары табылды. Олардың арасында қола, ерте темір ғасырларына жататын қыш сынықтары да, орта ғасырлық қызыл қыш сынықтары да бар. Ыдыстар сыртында өрнек байқалмады.

10. Қошалақ тұрағы. GPS координаты: N 47° 21,590'; E 049° 00,946'. Қошалақ тұрағы Құрманғазы ауданы Қошалақ ауылынан солтүстік-батысқа 700 м жерде құмды дөңде орналасқан.

Тұрақ көлемі 300×200 м-дей. Тұрақ аумағынан қыш ыдыс сынықтары мен кремний және кварцит жаңқалары шашырай орналасқан. Кремний құралдар бір жақ қыры өңделген ретушті кескіш, қырғыш түрінде кездеседі. Пішіні ұзынша трапециялы боп келген.

Қыш ыдыс ернеулері тік және сыртына сәл қайырулы келген. Ернеу жиегінде кертіп отырып жылжыту әдісімен сызықтар жүргізілген. Сондай-ақ нүктелі өрнектерден тұратын жолақ, меандр өрнектер тәрізді сызықтарды байқауға болады. Бұл жерден орта ғасырлық қыш сынығы да кездесті. (8 сызба).

Жәдігерлерге байланысты, тұрақтың мерзімделуі неолит кезеңімен сәйкес келеді деуге болады. Бір айта кететін жағдай, 1965-70 жылдары ленинградтық ғалым А. И. Мелентьев ашып, зерттеген Қошалақ тұрағы осы тұрақ болуы мүмкін. Ол тұрақты мезо-неолиттік ескерткіш деп есептеген.

11. Ақжонас тұрағы. GPS координаты: N 47° 28,819'; E 048° 47,495'. Ақжонас тұрағы Құрманғазы ауданы Қошалақ ауылынан солтүстік-батысқа 22,5 км жерде құмда орналасқан.

Тұрақ құм шағылдың оңтүстік-шығыс жағында орналасқан, ескерткіш көлемі 300×200 м шамасында. Шағыл аумағында қыш ыдыс сынықтары кремний және кварцит жаңқалары шашырай орналасқан. Солармен бірге қыштан жасалған ұршық басы табылды. Ұршық басы сырты қызыл түске боялған. Оның пішіні

биконусты, биіктігі 2,8 см, диаметрі 3,5 см. Ортасының тесігінің диаметрі 0,5 см болады. (9 сызба).

Қыш ыдыс сынығының ернеуі тік, әрі жуандау келген. Сыртына өрнек салынбаған. Кремний кескіш жалпақ пластиналы, ұшы үшкірлене жасалған, ретушті өңдеу белгілері байқалады. Кварциттен жасалған құрал пышақ ретінде пайдаланылса керек. Бір жақ қыры өңделіп, екінші жағы тегіс келген. Тұрақ уақыты неолит кезеңі деп есептелді.

12. Сазды тұрағы. GPS координаты: N 46° 57,079’; E 049° 18,703’. Сазды тұрағы Құрманғазы ауданы Ганюшкино кентінен солтүстікке 39 км жерде құмды дөң ішінде орналасқан.

Сазды тұрағы Ганюшкин – Сүйіндік жолының шығыс жағында 100 м-дей жерде. Ескерткіш аумағының диаметрі 100 м шамасында. Осы жерде орналасқан құдық маңында қыш ыдыстар сынықтары шашырап жатыр. Қыш сынықтарына қарап, олардың ернеуі сыртына қайырылғанын байқауға болады. Бірінің ернеуі кертіліп өрнектелген. Ал тағы бірінің ернеуінен төмен тесік тесілген. Ыдыстардың түбі тегіс келген (10 сызба).

Кремний және басқа да тас құралдар сынықтарының қандай мақсатта пайдаланылғаны белгісіз. Тұрақ орнынан үшқырлы 1 қола жебе табылды. Ескерткіштің уақыты ерте темір кезеңіне сай келеді.

13. Жасқайрат қорымы. GPS координаты: N 47° 38,950’; E 050° 49,500’. Қорым Исатай ауданы Жасқайрат ауылынан оңтүстік-батысқа 4,5 км жерде орналасқан. Қорым көлемі 25×25 м болады. Қорымда бірнеше бейіт төбешіктері мен 3 құлпытас орналасқан.

Құлпытас № 1 түп жағынан сынып, құлап қалған, қорымның солтүстік-шығыс бөлігінде орналасқан. Ол жобасында бағана түрінде, қимасы тік бұрышты келген, тұтастай құмды ізбестас блогынан жасалған. Жоғарғы ұшы тік бұрышты аяқталған. Құлпытас беті табиғат әсерімен қатты зақымдалған. Ою немесе эпитафия мүлдем көрінбейді.

Қорымның батыс жағында орналасқан құлпытас № 2 тұтас құмды ізбестас блогынан дайындалған, көп ярусты, қимасы тік төртбұрышты, шар тәрізді ұштығы бар. Төменгі бірінші ярус бұрыштары өзіндік қоставрлы бағана түріндегі элементтермен өңделген. Бұрыштық бағаналар қырына өсімдік тәріздес оюлар салынған. Ортасындағы жазықтық рама түрінде жиектеліп, үшке бөлініп эпитафиясы жазылған. Эпитафиясы араб графикасымен қазақ тілінде басылған. Екінші және үшінші ярустар текше түрінде жасалған. Екінші ярустың төменгі бөлігінің қыры, ішінде өсімдік тәрізді оюлар салынған, үшбұрыштарға бөлінген, жоғарғы бөлігінің бұрышы валик тәріздес өрнектелген, ал ортасындағы жиек ішіне ширатылған өсімдік сабағы түріндегі ою орналасқан. Үшінші ярус қырында үшбұрыш салынып, іші-сырты өсімдік тәріздес оюлармен сәнделген. Төртінші ярус бұрыштары кішкене шар түрінде безендірілген. Қыры жоғары қарай тарылып келген валютка түрінде, ортасын күн белгісімен безендірген. Келесі ярус қалың сөре үстіне орналасқан, бұрыштары жұмырлана айқындалған

көлем түрінде. Қырларының төменгі жағы үшбұрыштарға бөлініп, өсімдік тәрізді өрнектер салынған. Бұл ярус үстіне көлемді шар түріндегі ұштығы орналасқан.

Қорымның оңтүстік-батыс жағында бағана тәріздес, қимасы тік бұрышты, үсті доғалданып біткен темір бетоннан жасалған құлпытас № 3 орналасқан. Оның эпитафиясы батыс қырында кирил әріптерімен қазақша жазылған. Қорым уақыты XIX ғасырдың соңы – XX ғасырдың басы.

14. Қорым. GPS координаты: N 47° 12,976'; E 051° 42,472'. Бұл қорым Атырау қаласынан солтүстік-батысқа 10 км-дей жерде орналасқан. Атырау-Астрахань тас жолының оңтүстік-батыс жағында 30 м-дей жерде.

Қорым көлемі 80×80 м шамасында. Қорымда 1 темір қоршау құлпытасымен және 4 құлпытас орналасқан. Одан басқа көптеген бейіт төбешіктері бар.

Құлпытасты темір қоршау № 1 көлемі 2×3 м, қорымның батыс жағында орналасқан. Төрт бұрышынан жерге қағылған тұрбаға көлденең екі қатар тік бұрышты темір сырық дәнекерленген. Өз кезегінде ол екі темір сырыққа тігінен дәл сондай сырықтар дәнекерленіп қоршалған. Қоршаудың оңтүстік жағында темір бетон құлпытасы орнатылған. Ол қимасы тік бұрышты, бағана түріндегі ескерткіш, үсті доғал боп аяқталады.

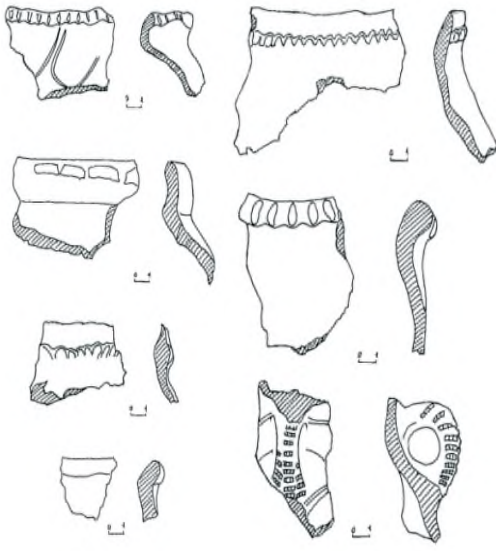
Қорымдағы басқа 3 құлпытас сынып жерде құлап жатыр. Қорымның орталық бөлігіндегі аласа келген құлпытас № 2 қимасы тік бұрышты, үсті доғал боп аяқталған бағана түрінде тұтас құмды ізбестастан жасалған. Құлпытастың батыс қыры ортасы ойылып жиектелген, әрі бес бөлікке бөлінген. Оның тік бұрышты төрт бөлігіне араб графикасымен қазақ тілінде толтырылған эпитафиясы орналасқан болса, жоғарғы бөлікке жарты ай бейнесі салынған. Сондай-ақ солтүстік және оңтүстік қырына да эпитафиясы басылған.

Тағы бір құлпытас № 3 қорымның оңтүстік жағында жатыр. Қимасы тік бұрышты, үсті доғал боп аяқталған, тұтас құмды ізбестастан бағана түрінде жасалған ескерткіштің батыс қыры бес тік бұрышты текшеге бөлінген. Одан төмен ру таңбасы басылған. Текшелердің бәрінде араб графикасымен қазақ тілінде жазылған эпитафиясы орналасқан. Құлпытасқа басқа ешқандай ою-өрнек салынбаған.

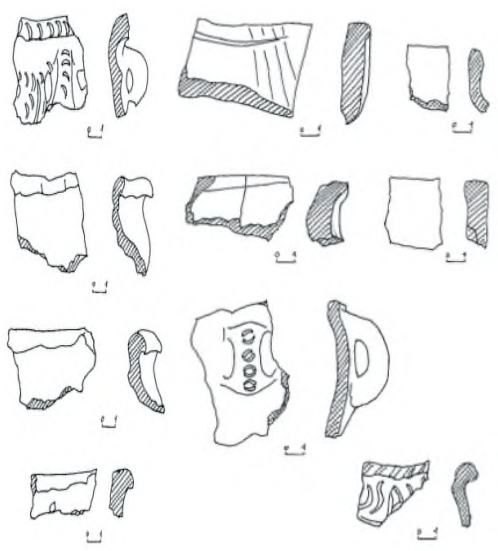
Келесі құлпытас № 4 қорымның шығыс жағында құлап жатыр. Құлпытас тік төртбұрышты бағанасынан, мәнерлі аралық буыннан және пирамида түріндегі ұштығынан тұрады. Тұтас құмды ізбестас блогынан дайындалып, көлемдей, жазық бедерлі және нұсқалай ою әдісімен өңделген. Бағанасының батыс қыры тігінен орналасқан жиекпен безендіріліп, ішіне араб графикасымен жазылған эпитафиясы орналасқан. Оның астына қазақтың адай руының таңбасы басылған. Оңтүстік және солтүстік қырлары ішіне қарай ойылып тік бұрышты боп тігінен бағана бойымен жиектелген, мұнда да эпитафиясы орналасқан. Шығыс қырында өсімдік тәріздес өрнекпен сәнделген. Аралық буынның төменгі бөлігі сөре түрінде көлденеңінен үш бөлікке ойыс сызықтармен бөлінген. Ортасында, бұрыштары алынған, мәнерлі тіреу түріндегі элемент жоғарғы тік бұрышты көлемді ұстап тұр. Ол көлем қырлары қос жапырақ түрінде ойылған өрнекпен сәнделген. Осы көлем үстіне мәнерлі ұштығы орналасқан. Ол төрт қырлы түбі

тарылған астауға отырғызылған төрт қырлы конус тәрізді. Ол конус ұшы өз кезегінде кішілеу қиық конус «қақпақпен» жабылған. Осындай сәулеті күрделі құлпытас тұтасымен сынбастан құлап түскен. Қорым уақыты XIX ғасырдың соңы – XX ғасырдың басы.

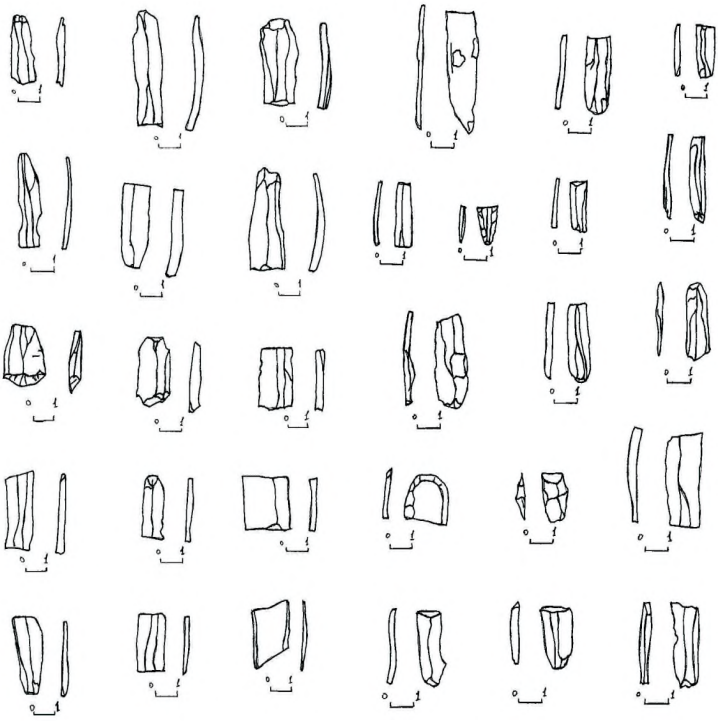
Нарын құмына жүргізілген зерттеу экспедициясы, ортағасырлық Сарайшық пен Сарай Бату қалалары аралығындағы керуен сүрлеуі бойымен жаңа ескерткіштер іздеу мақсатында, аталған маршрутты жүріп өтті. Осы аралықта 13 ескерткіш анықталса, Атырау қаласы маңынан 1 көне қорымды тапты. Табылған ескерткіштердің көбі Нарын құмының шеткі аймақтарын бойлап орналасқан. Ол жерлерде тұщы су көздері ретінде шегенделген құдықтар қазылып, тұрақтарды адамдар кейінгі тас ғасырынан бері мекендеп келе жатырғаны дәлелденіп отыр. Бұл су көздері айналасында ортағасырлық қыш сынықтары табылуы, сол заманда керуендердің құдық басына дамылдап, шөл қандырып, күш-қуатын толықтырған орындар болғанын көрсетеді. Керуендер құдықтар тізбегі бойымен қозғалған болуы мүмкін. Керуен-сарайлар мен ірі қалалардың орны табылмағаны Нарын құмында олардың орналаспағанын білдірмейді. Алып құм шағылдар жел ыңғайымен орнын жылдар сайын ауыстырып тұратындықтан олар көміліп қалуы да мүмкін. Тұрақтардың ара қашықтығының жиі болуы Нарын құмында мал шаруашылығымен айналысқан тайпалардың біршама тығыз қоныстанғанын көрсетеді.

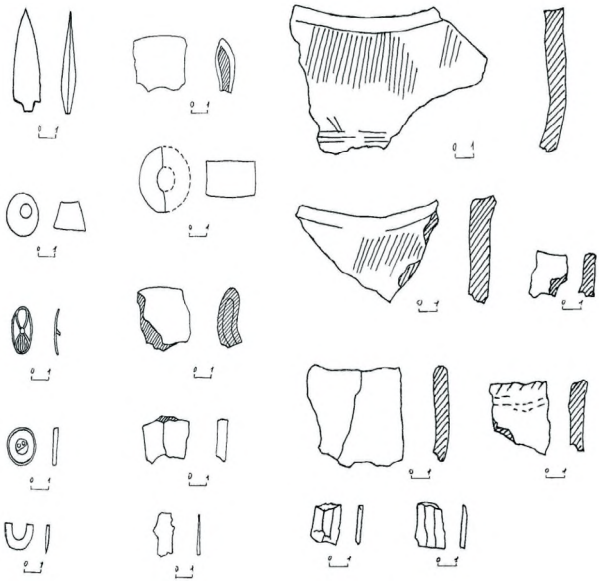
1 сызба. Қызылүй қонысы

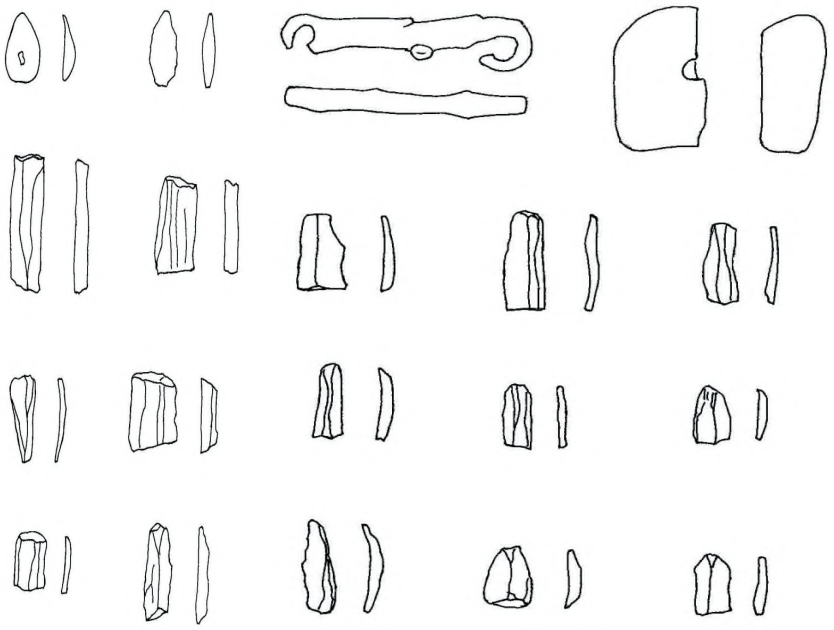
2 сызба. Қызылүй қонысы

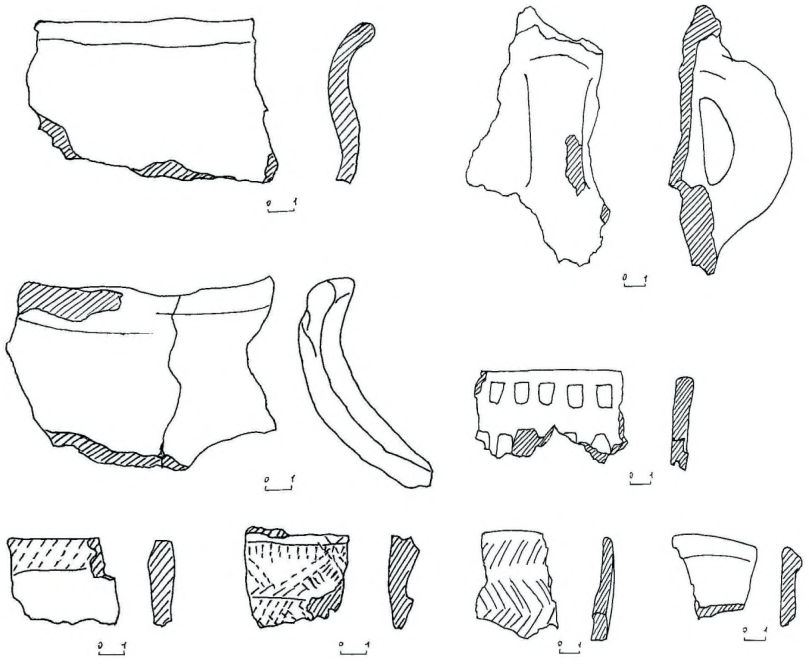
3 сызба. Қызылүй 2 тұрағы. Тас жәдігерлер

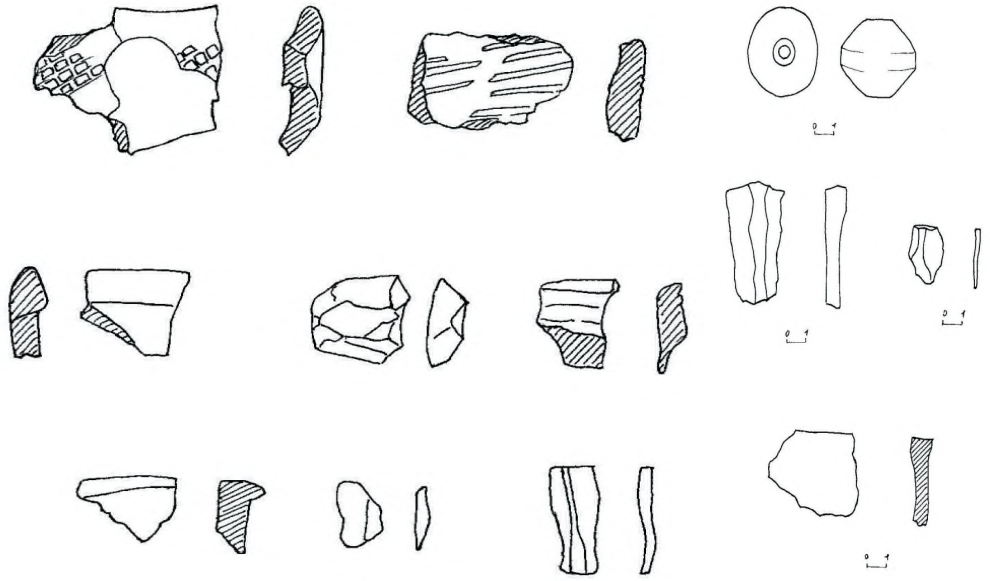
4 сызба. Қызылүй 3 тұрағы. 5 сызба. Шәуіптен тұрағы

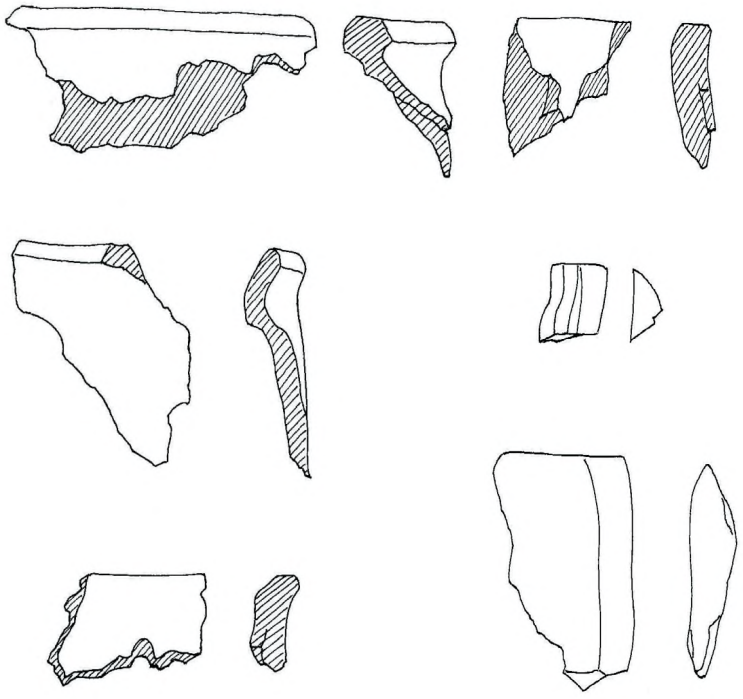
6 сызба. Жасқайрат тұрағы

7 сызба. Жасқайрат тұрағы

8 сызба. Қошалақ тұрағы. 9 сызба. Ақжонас тұрағы

10 сызба. Сазды тұрағы. Жәдігерлер

1 сурет. Нарын құмы

2 сурет. Қызылүйқонысы

3 сурет. Қызылүй қ. Қыштар

4 сурет. Тасқұралдар

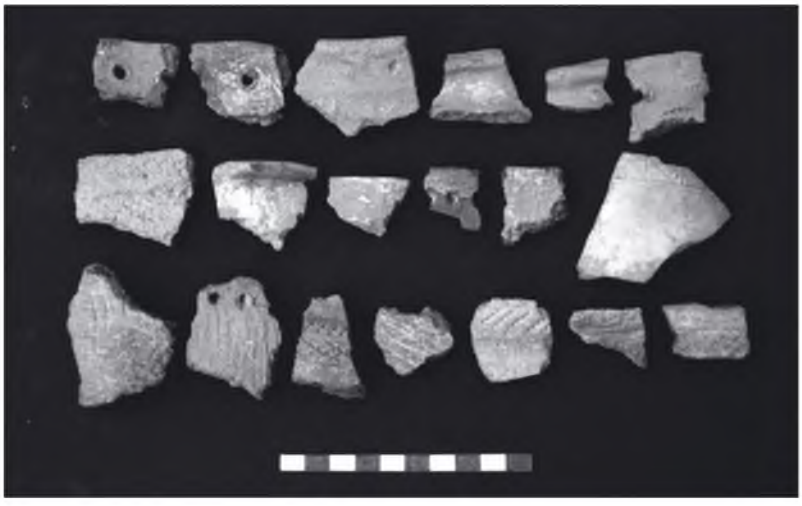
5 сурет. Шәуіптентұрағы

6 сурет. Жасқайрат 2 тұрағы

7 сурет. Жасқайрат 2 тұрағы

8 сурет. Жасқайрат 2 тұрағы

Әдебиеттер

Архив Института археологии АН КазССР. 1970 г.

Синицын И. В. Археологические исследования в Западном Казахстане. – Труды Института ист., археол., и этн. АН КазССР, 1956. Т. I. Археология.

Нарын құмына жүргізілген археологиялық барлау жұмысының ғылыми есебі. Атырау, 2013 ж.

Лошакова Т. Н.

«Ә. Х. Марғұлан атындағы археология институты»
РМҚК Астана қаласындағы Филиалы. Астана қ. Қазақстан

АЙТМАН ҚОНЫСЫН ЗЕРТТЕУДІҢ КЕЙБІР МӘСЕЛЕЛЕРІ

Айтман қонысы алғаш рет өткен ғасырдың 90 ж. Маңғыстау облысының тарихи-мәдени тұрғындары ескерткіштерінің жинағын жасаған кезде қаралды. Ескерткішті қайта қарастыру 1997 ж. және 2006 ж. жүргізіліп, нысанның топографиялық түсірілімі жүргізілді, (Самашев, Ермолаева, Лошакова, 2001, 347-352 бб.), сондай-ақ тас құрылысының іздері байқалған қоныстың шығыс бөлігінде барлау қазбалары жүргізілді (Лошакова, 2011, 297-301 бб.).

Айтман қонысындағы жоспарлы археологиялық жұмыстар 2012 жылы басталды.

Зерттеу жүргізілген үш жылда нысан аумағының 2/3 бөлігі ашылды (1 сурет). Қоныс шығыс және оңтүстік-шығыс бөлігінде құрылыс қалдықтары – тұрмыс-жайлардың іздері анық байқалатын, құрылыс қабырғаларының құлаған тастары анық көрінеді. Негізгі құрылыс материалдары ретінде ұлутас тас тақтайшалары қолданылған. Тазаланған тас құрылыстарының қалдықтары әртүрлі әдістермен орнатылып күшейтілген. Үй-жайлардың шұңқырлары дөңгеленген пішінде болған. Қабырғалардың негізінде үлкен тік тастар қойылып, оның үстіне көлемі кішірек тастар орнатылған. Бөлмелер жартасқа ойылып еденде орналасқан ошақтармен жылынған. Тоқсанбай қонысындағы тұрғын-жай кеңістігінің қалыптасуындағы Айтманның айырмашылығы ошақтар мен шаруашылық ойларының жұптасып орнасалуы ерекшелендіреді.

Шаруашылық ойлары, кейде үлкен көлемдегі және үлкен температуралардың ұзақ уақыттағы әсерінің іздері мен күлдің қалың қабаты бар ошақтар негізінде қоныстың оңтүстік бөлігінде орналасқан. Қоныстың осы бөлшегіндегі бағаналық ойлар мен материалдар, мүмкін, ол шаруашылық кеңістік ретінде пайдаланылған деген ойға әкеледі. Қоныстың оңтүстік бөлшегінде тазаланған осындай бір ошақтардың бірінде әртүрлі диаметрдегі және тереңдіктегі үш шаруашылық ой тазаланды (2, *1* сурет). Бұл бүгінгі күні тазаланып отырған ең үлкен ошақ. Ошақтың ұзындығы 188 см, қалыңдығы 89 см, тереңдігі 46 см болды. Ол күл мен саздың қоспасымен екі әртүрлі көлемдегі бөлшекке бөлінген. Аралықтың қалыңдығы 18 см. Ошақ ойының қабырғаларында оттың әсерінің іздері анық байқалады. Оларға қарап ошақтың ұзақ уақыт аралығында қолданылғанын көруге болады. Айта кететіні, аралықта оттың іздері жоқ, оны кейін ойды ошақ ретінде пайдалануды қойып, басқа мақсаттарда пайлана бастаған уақытта салған болуы керек.

Тағы бір сопақ пішіндегі ошақ қоныстың оңтүстік-шығыс бөлшегінде тазаланды (2, *2* сурет). Солтүстік бөлігінде ошақтың қабырғасы тік, тіп-тік. Ойдың оңтүстік қабырғасы қиялау, екі шығыңқы сатысы бар. Шұңқырдың ең қырында оттың күйдірген іздері қатты байқалады (қызыл және қара қызыл түсті күйік). Шұңқыр ақшыл-сұр түсті ішінде көміршіктері бар құмдақпен

толтырылған (күл қосылған). Щұңқырдың шетінде оның толтырындысы ақшыл-сұр түсті сазбен жағылған, ал оның шығыс бөлігі тастармен қаланған. Ошақтың жанынан диаметрі 50 см, тереңдігі 70 см, үлкен щұңқыр байқалады. Щұңқырдың бойы тастармен жабылған.

Осы күнге дейін он екі шаруашылық щұңқырлар ашылды, оның басым көпшілігі сопақ пішінді (2, *3* сурет). Олардың толтырмалары ашық-қоңыр түсті күлді-құмдас қабаттан тұрады, олардың тек үшеуінде ғана қыш ыдыстың ұсақ бөлшектері және жануарлардың жаман сақталған сүйектері ғана кездеседі. Щұңқырлардың түбі қарайып күйген, оған көршілес ошақтардан жаңып бітпеген от қалдықтары салынған болуы керек. Шаруашылық ойларын әрқашанда ошақтардың жанында орналасқан.

Тазалау барысында аумақтың көп бөлігінде дөңгелек пішінді диаметрі 7-ден 12 см жететін көптеген тесіктер табылды, олар жартылай дөңгеленген және тік сызықтарды көрсетеді, бұл оларды бағаналық щұңқырлар деп болжамдауға мүмкіншілік береді. Қоныстың аумағын қараған кезде шығыс бөлікте қиын құрылыстардың іздері анық байқалса, оңтүстік-батыс бөлікте олардың жоқ болуы назар аудартады.

Айтман қонысындағы тағы бір байқалатын ерекшелік – шаруашылық жәшіктерінің құрастырылуы (3, *1,2* сурет). Олар тік қойылған саз тақтайшалардан тұрады. Тас тақтайшалардың арасы саздан, қамыс сабақтарынан, тұщы судан тұратын қоспамен жабылған (Гаврилов, Лошакова, Мерц, 2014, 110 б.). Бағаналық щұңқырлардың орналасуына қарағанда, жәшіктер үй-жайдың сыртында орналасқан. Жәшіктерді тазалау барысында жәдігерлер мен қандай да бір қалдықтардың табылмауына байланысты, олардың неге арналғандығын анықтау мүмкін болмауда.

Жардың шығынқы жағында қоныстың оңтүстік бөлігінде бағаналық щұңқырлардың сызықтары, ошақтар мен шаруашылық щұңқырлары бар, бірақ бірде-бір қабырға құрылыстары жоқ. Бәлкім, шаруашылыққа ыңғайлы болуы үшін ашық кеңістік қажет болғандықтан, және мүмкін, мұнда өрілген қамыстан жасалған қабырғалар қойылуы мүмкін. Шығыс және солтүстік-шығыс бөліктерде тік қаланған тастар мен олардың үстінен қаланған ұсақ тастардан тұратын құрылыстардың іздері анық байқалады (4, *1,2* сурет). Оның бір бөлігі шаруашылық үшін және діни ғұрыптарды жүргізуге арналса, екінші бөлігінде үй-жайлар салынған.

Жардың жиектерінде қыш ыдыс бөлшектері мен жануар сүйектері және тағы басқа да жәдігерлер шашылып жатқан Тоқсанбай қонысымен салыстырғанда Айтман қонысын зерттеу барысында табылған жәдігерлер өте аз. Қоныстан шыққан бүкіл қалдықтар бір жерге әкетілген тәрізді деген ой қалыптасады. Айтылғандардың бәрін назарға ала, бүгінгі күні қоныс аумағының пайдаланылуы жайлы екі болжам бар. Бірінші болжам бойынша оттың іздері бар үлкен көлемдегі ошақтар мен шаруашылық щұңқырларының кешеніне сүйене отырып оны өндірістік аумақ ретінде пайдаланған деп болжамдауға болады, алайда, бұны шаруашылық іс-әрекеттерінің қалдықтарының, еңбек құралдарының жоқтығынан дәлелдеу мүмкін болмауда. Екінші болжам бойынша, қоныс ерекше

діни-ғұрыптық орын ретінде қолданылған. Үлкен ошақтардың жасалуы және оның ұзақ уақыт қолданылуы (күйіктер дәлел бола алады), олардың жанындағы шаруашылық щұңқырлар, және аталған кешеннің жардың шетінде болып, жақсы ауа-райында алыс маңайға көрінетін болуы осы болжамға дәлел бола алады.

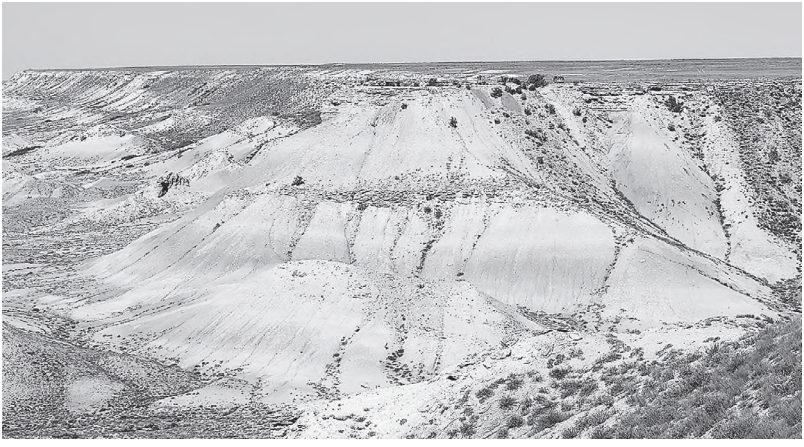
Қазба жұмыстары барысында құрамына қыш ыдыс бөлшектері, кремний мен тастан жасалған бұйымдар кіретін аздаған жәділерлер жиынтығы жиналды, палеозоологиялық материалдар жиынтығының саны да аз.

Қоныстың оңтүстік бөлігінен № 1 ошағының маңынан табылған тас үйінділерінің астынан шыққан ыдыс сынықтары жиектерін дөңгелетіп иірлеу арқылы сызу әдісімен өрнектелген. Ыдыстың аузы шырша тәрізділеніп өрнектелген. Алайда айта кететін жайт, қыш ыдыс бөлшектерінің жаман сақталғандығы, мүмкін мәдени қабаттың қалыптасу жағдайы өте жаман болғандығынан болар.

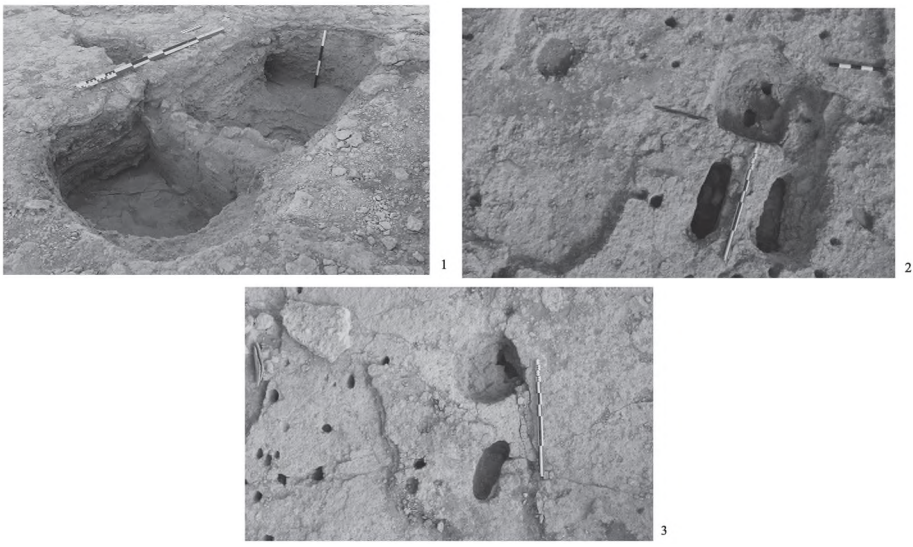
Тас құралдар тобына келсаптар мен абразивтер кіреді. Келсап бөлшегі қоныстың батыс бөлігіндегі шаруашылық щұңқырларының бірінен табылды. Айтман қонысынан алынған кремнийден тұратын жиынтық 300 данадан асатын пластиналар мен ретушьсіз сынықтар, нуклеустер мен тастардың сынықтары, пластиналар мен сынықтардағы құралдар, жебе, найза ұштарының бөлшектері және таға да басқа заттар кіреді. Шикізат ретінде халцедондар мен кварциттер қолданылған.

Қоныстан алынған палеозоологиялық жиынтық өте аз. Олардың ақпараттылығы да қоныстың мәдени қабатының қалыптасуының ерекше тафаномиялық жағдайлырымен байланысты болуы керек.

Қоныстағы зерттеулер әлі жалғасын табады. Алда тұрғындардың тұрғынжай кеңістігін шешу мәселелерін анықтау, олардың іс-әрекет бағытын анықтау қажет. Айтман қонысынан алынған материалдар Тоқсанбай қонысыны кімен қатты ұқсас болып, оларды бір мәдени топқа жатқызуға мүмкіндік береді, алайда тұрмыс заттарының, қару-жарақтың, еңбек құралдарының аз болуы, әсіресе, тұрмыс-жай кеңістігін ұйымдастырудағы ерекшеліктер, бұл орынның арнайы өзіндік жаратылысы бар деген ойға әкеледі.

1 сурет. Айтман қонысы бар шоқыға оңтүстіктен қарағанда

2 сурет. Шаруашылық шұңқыры бар ошақтар
1. Шоқының оңтүстік бөлігіндегі тұрмыс-жайлар.Тұрмыс-жайдың ошағы және шаруашылық шұңқыры 2. Қоныстың оңтүстік шығыс бөлігіндегі үй-жайдың орталық бөлігіошақтан, екі шаруашылық шұңқырдан және бағаналық шұңқырлардан тұратын тұрмыс-жай ішілік кешен. Үстінен қарағандағы көрініс. 3. Оңтүстік-шығыс жардағы үй-жай. Шаруашылық шұңқыр тиіп тұрған ошақ

3. сурет. Жәшіктер. 1. Жәшіктер. Қоныстың батыс бөлігі. 2.Қоныстың шығыс бөлігіндегі үй-жайлардың жәшіктері

4 сурет. Құрылыс бөлшектері. 1. Қоныстың солтүстік бөлігі. Қабырға қаландысының бөлшегі. 2. қоныстың шығыс бөлігі. Қабырғаның негізін салған тас қаландысы

Әдебиеттер

Гаврилов Д. А., Лошакова Т. Н., Мерц И. В. Микробиоморфные и фосфатные исследования культурных слоев археологических объектов степного и пустынных ландшафтов: методика, возможности и ограничения // «Кадырбаевские чтения-2014». Материалы IV Международной научной конференции. – Астана, 2014. – С. 106-115.

Лошакова Т. Н. Поселение Айтман // Маргулановские чтения – 2011. Материалы Международной научной конференции (Астана, 20-22 апреля 2011 г.). – Астана, 2011. – С. 297-301.

Самашев З. С., Ермолаева А. С., Лошакова Т. Н. Североустюртский очаг культуры эпохи палеометалла // Бронзовый век Восточной Европы: характеристика культур, хронология и периодизация. – Самара, 2001. – С. 347-352.

Папин Д. В., Федорук А. С., Шамшин А. Б.

Алтайский государственный университет, лаборатория междисциплинарного изучения археологии Западной Сибири и Алтая, г. Барнаул, Российская Федерация

ДОМОСТРОИТЕЛЬСТВО ЭПОХИ БРОНЗЫ СТЕПНОЙ КУЛУНДЫ (ПО МАТЕРИАЛАМ РАСКОПОК ПОСЕЛЕНИЯ РУБЛЕВО-VI)[26]

В настоящее время на территории Кулундинской равнины зафиксировано около 80 памятников, содержащих материалы эпохи поздней бронзы, в подавляющем большинстве это поселения, могильники представлены единично (Папин, Федорук, 2005; Федорук, 2013). Именно анализ материальных комплексов поселений стал основой источниковой базы для проведения широких историко-культурных реконструкций рассматриваемого периода. Одним из таких комплексов стало поселение эпохи бронзы Рублево-VI, расположенное в южной Кулунде, в глубине ленточного лесного массива, на краю древней озёрной котловины. Отдельные аспекты изучения этого объекта уже вводились в научный оборот (Шамшин, Брусник, 1990; Шамшин, Дуда, Изоткин и др., 1999; Шамшин, 1999; Кирюшин, Папин, Шамшин, 1999; Папин, Ченских, Шамшин, 2000; Михайлов, Папин, Шамшин, 2001; Кирюшин, Косинцев, Папин, Шамшин, 2001; Папин, 2001, 2002; 2003; Папин, Шамшин, 2002; Папин, Федорук, 2005), однако вопросы домостроительства не рассматривались. На частичное восполнение данного пробела направлена эта работа.

За период полевого изучения памятника исследователями были раскопаны остатки четырех долговременных сооружений (рис. 1).

Сооружение № 1.

Исследовано полностью. Относится к полуземляночным конструкциям двухкамерного типа. Сооружение длинной осью ориентировано по линии северо-запад – юго-восток.

Котлован камеры № 1 подпрямоугольной в плане формы на верхнем уровне имеет размеры 10,5 (по линии юго-запад – северо-восток) х7 (по линии северо-запад – юго-восток) метров, в центральной части (более глубокой) уменьшается до размеров 7,3х6 м. В северном углу обнаружен коридорообразный выход размерами 2х3 м. Заполнение котлована состояло из слоя темной насыщенной органикой супеси. Дно конструкции находится на глубине до 1,25 м от современной дневной поверхности. Конструкция прорезает материковую поверхность в среднем на 0,3-0,55 м. Практически по всему периметру котлована зафиксированы насыщенные черной сажей участки шириной около 1 м и мощностью 0,1-0,2 м. На площади котлована и за его границами исследовано семь ямок (диаметром 0,15-0,35 м и глубиной до 0,3 м от уровня материка), очевидно, связанных с каркасно-

[26] Работа выполнена в рамках гранта правительства Российской Федерации (постановление № 220), полученного ФГБОУ ВПО «Алтайский государственный университет», договор № 14. Z50. 31. 0010, проект «Древнейшее заселение Сибири: формирование и динамика культур на территории Северной Азии», а также при финансовой поддержке РГНФ проект № 12-01-00360а «Периодизация, генезис и связи археологических культур степного Обь-Иртышского междуречья в эпоху поздней бронзы».

столбовой конструкцией сооружения. Пять из них (три внутри котлована и две за его границами) вытянуты в линию, проходящую через центральную часть котлована вдоль его длинной оси, две оставшиеся расположены сбоку от коридора выхода. Пол котлована в целом ровный, однако наблюдается незначительное понижение в центральной части. Очагов и прокалов не выявлено.

В юго-восточной стене камеры № 1 (ближе к восточному углу котлована) обнаружен четко выделяющийся на уровне материка коридорообразный переход во вторую камеру. Его ширина от 2,5 (на верхнем уровне) до 1 (на уровне материка) метра. Длина 4 метра. Заполнение коридора не отличается от заполнения камеры № 1. Каких-либо свидетельств конструкции в коридоре не выявлено.

Котлован камеры № 2 также подпрямоугольной формы. Размеры котлована на верхнем уровне 12,5 (по линии северо-запад – юго-восток) х9 (по линии северо-восток – юго-запад) метров. Ближе ко дну котлована камеры размеры сооружения уменьшаются до 9,5х6,5 м. В северном углу камеры четко фиксируется переход в первую камеру, в юго-восточном углу наблюдается размытие стенки котлована, возможно, остатки еще одного выхода. Заполнение котлована камеры состояло из черной сильно гумусированной супеси. Глубина котлована камеры достигала отметки 1,55 м от современной дневной поверхности. Конструкция прорезала материковую поверхность на глубину до 0,8 м. В центральной части по дну котлована присутствовала насыщенная сажей прослойка мощностью 0,1-0,2 м. На площади котлована и возле него исследовано 47 ямок (диаметр от 0,15 до 0,9 м), преимущественно связанных с конструкцией сооружения. Тридцать три из них (22 внутри котлована и 11 за его границами) расположены четко вдоль стенок котлована, остальные тяготеют к центральной части камеры. Наблюдается скопление ямок в юго-восточной части котлована у его размытой стенки. Пол котлована имеет понижение в центральной части. Очагов и прокалов не выявлено.

Таким образом, исходя из зафиксированных фактов, можно реконструировать конструкцию сооружения следующим образом. Сооружение представляло собой двухкамерную полуземлянку общей площадью 120-200 кв. м. Камера № 1 (площадью 45-80 кв. м) углублена от древней дневной поверхности на 0,5-0,8 м. Отсутствие столбов вдоль стен котлована и ряд столбов по его центральной оси позволяют предполагать, что крыша помещения была двускатной, когда один край балок перекрытия опирался на вертикальную раму, стоящую вдоль длинной оси сооружения, а противоположный край – на сруб или непосредственно на древнюю почву. В таком случае, очевидно, камера была невысокой. Камера № 2 (площадью 65-120 кв. м) углублена от уровня древней дневной поверхности до 1,0 м. Каркас сооружения представлял собой конструкцию из вертикально врытых столбов, которые, очевидно, скреплялись между собой перекладинами. Таким образом, стены сооружения могли состоять из вертикальных рядов плетня, расположенных между опорными столбами. Кровля опиралась с одной стороны на четыре основных несущих столба, расположенных в центральной

части камеры, с другой стороны – на каркас вдоль стен котлована. Между собой данные каркасы также, очевидно, были скреплены балками. В центральной части кровля в таком случае могла быть плоской, по краям – пирамидальной.

Таким образом, сооружение реконструируется аналогично известным ирменским и позднеирменским сооружениям Новосибирского Приобья и Барабы. Исходя из особенностей заполнений камер сооружения, можно предполагать, что данное сооружение не является жилой постройкой, а, вероятно, использовалось для содержания скота в холодное время года. В пользу этого говорит отсутствие очагов либо иных отопительных сооружений, обнаружение на дне камеры № 2 практически полного скелета КРС, лежавшего в сочленении, чрезвычайная насыщенность органикой заполнения камеры № 2. Косвенно такую гипотезу подтверждает наличие колодца у восточного входа в сооружение (а не непосредственно в жилище, как на ряде единокультурных памятников). Различная насыщенность органикой камер может свидетельствовать о том, что камеры использовались для содержания различных животных (камера № 2 – КРС, лошадь, камера № 1 – МРС). Либо камера № 2 непосредственно служила для содержания скота, а камера № 1 использовалась для хранения хозяйственного инвентаря или припасов для скота.

Сооружение № 2.

Исследовано частично. Расположено в 6-7 м к юго-востоку от стены камеры № 2 сооружения № 1. Возможно, объединялось с ним навесом. В пользу этого говорит наличие выраженного в материке понижения между стенками сооружений, три ямки, расположенные по периметру этого понижения, и одна яма (диаметром 1,0 м) в центральной части понижения. Можно предположить, что этот участок межжилищного пространства (между стеной сооружения № 2 и входом в камеру № 2 сооружения № 1) был перекрыт сверху и активно использовался в повседневной хозяйственной жизни. В таком случае этот навес перекрывал и колодец, расположенный у входа в камеру № 2 сооружения № 1.

Вскрытая площадь составляет 60-100 кв. м. Котлован сооружения, вероятно, подпрямоугольной в плане формы, на верхнем уровне имеет размеры 10 (по линии юго-запад – северо-восток) х10 (по линии северо-запад – юго-восток) метров, в центральной части (более глубокой) уменьшается до размеров 8х9 м Заполнение котлована состояло из слоя черной насыщенной органикой супеси. В центральной части дно конструкции находится на глубине до 1,2 м от современной дневной поверхности. Конструкция прорезает материковую поверхность в среднем на 0,5-0,6 м. В центральной части по дну котлована присутствовала насыщенная сажей прослойка мощностью 0,1-0,2 м. На площади котлована и возле него исследовано 14 ямок (диаметр от 0,1 до 1 м), часть из которых, несомненно, связана с конструкцией сооружения. Все ямки расположены вдоль стенок котлована. Наблюдается скопление ямок у северного угла котлована. Пол котлована имеет понижение в центральной части. Очагов и прокалов на изученной площади не выявлено. Говорить о конструкции сооружения в настоящий момент преждевременно.

Сооружение № 3.

В четырех метрах к юго-западу от юго-западной стены камеры № 2 сооружения № 1 обнаружен край еще одного сооружения. Вскрытая площадь составляет около 6 кв. м. Котлован сооружения прорезает материк на глубину до 0,3 м. Заполнение состояло из серой насыщенной органикой супеси. Ямок либо иных свидетельств конструкции на изученном участке не обнаружено. Очагов или прокалов также не выявлено.

Сооружение № 4.

В 8-9 метрах к юго-западу от стены камеры № 1 сооружения № 1 обнаружен край сооружения № 3. Вскрытая площадь составляет около 18 кв. м. Котлован сооружения прорезает материк на глубину до 0,35 м. Заполнение состояло из черной насыщенной органикой супеси с обильным включением сажи. Дно зафиксировано на глубине 1,1 м от современной дневной поверхности. Вдоль стенок котлована присутствует десять ямок (девять из которых находится внутри котлована). Пол котлована имеет небольшое понижение в центральной части. Очагов и прокалов на изученной площади не выявлено. Однако при изучении западной части котлована вдоль стены, на дне, обнаружены четыре обугленные плахи, являющиеся, по всей видимости, остатками конструкции сооружения.

Отдельный интерес представляет исследование в западной части раскопа, среди зольника объекта № 1, предположительно металлургического горна, возле которого имеется пять столбовых ямок диаметром 0,2 м, связанных с навесом.

Вероятно, подобный навес также присутствовал и над объектом № 2 (колодцем), расположенным северо-восточнее восточного угла камеры № 1 сооружения № 1. Так, в одном метре от колодца, в квадрате № 126, зафиксирована одна столбовая ямка. Однако иных следов конструкции не обнаружено. Предположительно, следы этого сооружения, относящегося к андроновскому периоду существования поселка, были снивелированы в процессе разрушения колодца (оползания его стенок) и последующего саггаринско-алексеевского проживания на этой территории.

Таким образом, материалы поселения Рублево-VI дополняют наши представления о домостроительстве в эпоху бронзы на территории степного Обь-Иртышья. Жилищные постройки, аналогичные рублевским конструкциям, известны на ряде саргаринско-алексеевских поселений региона – жилища поселений Чекановский Лог-1 (Демин, Ситников, 1999), жилище № 4 поселения Калиновка-2 и сопредельных территорий – Петровка-IV (Зданович, 1988, с. 57-60), Суук-Булак (Маргулан, Акишев, Кадырбаев, Оразбаев, 1966, с. 255, рис. 126), Кипельское, Алексеевское, Замараевское (Сальников, 1951, с. 106-109). Некоторая схожесть фиксируется с жилищами ирменской культуры (Матвеев, Сидоров, 1985, с. 42, рис. 7).

Данные жилища полуземляночной конструкции, двухкамерные, подпрямоугольной в плане формы. Котлованы крупных размеров, соединены между собой переходом. По периметру и в центральной части котлованов имеются ряды столбовых ямок, свидетельствующих о каркасно-столбовой конструкции сооружений. По мнению исследователей, подобная двухкамерная конструкция

жилища преследовала определенную цель: в зимнее время года, когда невозможно содержание домашнего скота на улице, одна из камер служила для содержания скота, а во второй проживали люди (Кривцова-Гракова, 1951, с. 159).

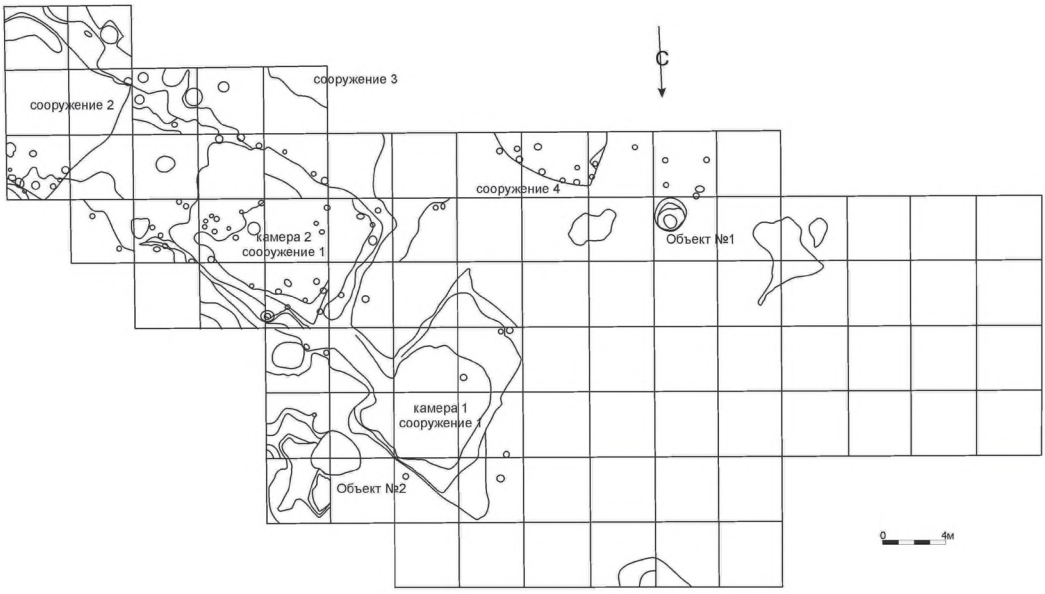

Рис. 1. План объектов поселения Рублево-VI

Литература:

Демин М. А., Ситников С. М. Некоторые результаты археологических раскопок поселения Чекановский Лог-1 // Вопросы археологии и истории Южной Сибири. Барнаул, 1999. – С. 25-35.

Зданович Г. Б. Бронзовый век Урало-Казахстанских степей. – Свердловск, 1988. – 180 с.

Кирюшин Ю. Ф., Косинцев П. А., Папин Д. В., Шамшин А. Б. Исследования Рублевского археологического микрорайона на юге Кулундинской степи в 2002 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск, 2002. – Т. VII. – С. 330-335.

Кирюшин Ю. Ф., Папин Д. В., Шамшин А. Б. Рублево-VI – новое поселение эпохи поздней бронзы в Кулундинской степи // Проблемы археологии, этнографии и антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск, 1999. – Т. V. – С. 380-385.

Кривцова-Гракова О. А. Садчиковское поселение (раскопки 1948 г.) // МИА. М.-Л., 1951. – № 21. – С. 153-181.

Маргулан А. Х., Акишев К. А., Кадырбаев М. К., Оразбаев А. М. Древняя культура Центрального Казахстана. – Алма-Ата, 1966. – 435 с.

Матвеев А. В., Сидоров Е. А. Ирменские поселения Новосибирского Приобья // Западная Сибирь в древности и Средневековье. – Тюмень, 1985. – С. 29-54.

Михайлов Н. Н., Папин Д. В., Шамшин А. Б. Исследования на юге Кулундинской степи // Археология и этнография Сибири. – Новосибирск, 2001. – С. 414-418.

Папин Д. В. Хозяйственно-культурный центр поздней бронзы на юге Кулунды // Историко-культурное наследие Северной Азии: Итоги и перспективы изучения на рубеже тысячелетий. – Барнаул, 2001. – С. 274-275.

Папин Д. В. Особенности функционирования зольника эпохи поздней бронзы поселения Рублево-VI // Северная Евразия в эпоху бронзы: пространство, время, культура. – Барнаул, 2002. – С. 181-183.

Папин Д. В. Хозяйственно-культурный центр как отражение определенного уровня развития древнего общества // Социально-демографические процессы на территории Сибири (древность и Средневековье). – Кемерово, 2003. – С. 34-38.

Папин Д. В., Федорук А. С. Памятники эпохи поздней бронзы степной Кулунды // Сохранение и изучение культурного наследия Алтая. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2005. – Вып. XIV. – С. 147-151.

Папин Д. В., Ченских О. А., Шамшин А. Б. Материалы эпохи поздней бронзы из южной Кулунды // Сохранение и изучение культурного наследия Алтая. – Барнаул, 2000. – Вып. XI. – С. 152-155.

Папин Д. В., Шамшин А. Б. Поселение Рублево VI и некоторые вопросы генезиса позднебронзовой культуры степной зоны юга Западной Сибири // Пространство культуры в археолого-этнографическом измерении Западной Сибири и сопредельных территорий. – Томск, 2001. – С. 65-67.

Сальников К. В. Бронзовый век Южного Зауралья // МИА. – 1951. – № 21. – С. 94-151.

Федорук А. С. Памятники эпохи бронзы степного Обь-Иртышья: пространственно-организационный аспект // Бегазы-дандыбаевская культура Степной Евразии. – Алматы, 2013. – С. 426-435.

Шамшин А. Б. Новые исследования поселения Рублево-VI на юге Кулунды // История, археология и этнография Павлодарского Прииртышья. Павлодар, 1999. С. 45-49.

Шамшин А. Б., Брусник Н. Д. Новые материалы эпохи поздней бронзы из Кулунды // Охрана и использование археологических памятников Алтая. – Барнаул, 1990. – С. 49-51.

Шамшин А. Б., Дуда Я. В., Изоткин С. Л., Ситников С. М., Цивцина О. А., Ченских О. А. Поселение Рублево-VI – новый памятник эпохи поздней бронзы на юге Кулунды // Михайловский район: очерки истории и культуры. – Барнаул, 1999. – С. 29-41.

Подобед В. А., Усачук А. Н., Цимиданов В. В.

Областной краеведческий музей г. Донецк, Украина

КОПЫТА ЖИВОТНЫХ В ОБРЯДАХ КУЛЬТУР СТЕПНОЙ И ЛЕСОСТЕПНОЙ ЕВРАЗИИ ЭПОХИ БРОНЗЫ

Остатки жертвоприношений животных в культурах эпохи бронзы степной и лесостепной Евразии очень разнообразны. Одним из их вариантов является комбинация «череп + кости конечностей». В азиатской части рассматриваемой территории этот «текст» демонстрируют, например, *синташтинская* (Генинг и др., 1992, с. 137, 163, 171, 196 и др.), *петровская* (Ткачев, 2005а, с. 45), *алакульская* (Кузьмина, 1963, с. 97, 104; Аванесова, 1975, с. 109, 114-115), *фёдоровская* (Аванесова, 1975, с. 115), *пахомовская* (Корочкова, 2010, с. 20), *сузгунская* (Потемкина и др., 1995, с. 235), *ирменская* (Ковалевский, 2007, с. 86) *культуры*. Широко бытовал он и на юге Восточной Европы (см., например, Отрощенко, 1990, с. 9; Литвиненко, 1997; Рослякова, Косинцев, 2012, с. 364). Семантика данного «текста» более или менее понятна: он, скорее всего, являлся символом жертвенного животного (Аванесова, 1975, с. 114; Отрощенко, 1990, с. 9; Гайдученко, 2011, с. 54 и др. работы). Уточним, что некоторые исследователи трактуют комбинацию «череп + кости конечностей» как остатки шкуры, отделенной вместе с головой и дистальными частями конечностей при разделке туши жертвенного животного (Аванесова, 1975, с. 114-115; Грязнов, 1977, с. 81-82; Литвиненко, 1997, с. 11).

Сложнее интерпретировать части конечностей, не дополненные черепами. Такие комплексы выявлены в ряде культур. При этом в их состав входили кости различных животных. Например, археологизированные части конечностей крупного рогатого скота (далее – КРС) известны в *синташтинской* (Косинцев, 2000, с. 28) и *петровской* (Виноградов, 1982, с. 95) *культурах*. Кости конечностей мелкого рогатого скота (далее – МРС) обнаружены в культовых комплексах *петровской* (Боталов и др., 1996, с. 74) и *саргаринско-алексеевской* (Кривцова-Гракова, 1948, с. 92) *культур*. Части конечностей лошади использовались в обрядах носителями *петровской* (Ткачев, 2005б, с. 52), *саргаринско-алексеевской* (Кривцова-Гракова, 1948, с. 92) и *сузгунской* (Потемкина и др., 1995, с. 22, 24) *культур*. А на поселении *токсанбайского типа* **Токсанбай**, Мангистауская обл., Казахстан, в одной из построек, возможно являвшейся святилищем, был обнаружен жертвенник, где находились не менее 19 нижних частей конечностей кулана. С востока и запада к ним примыкали костяные «трепала», причем некоторые из последних тяготели к копытам (Самашев и др., 2007, с. 90). Следует уточнить, что т. н. «трепала» из рассматриваемого жертвенника на самом деле являлись тупиками, изготовленными из тазовых костей животных (Подобед и др., 2011, с. 106).

Описанному комплексу из Токсанбая можно найти параллель среди материалов поселения *саргаринско-алексеевской культуры* **Алексеевское**, Костанайская обл., Казахстан. В землянке 6 данного поселения, у северо-западной стенки, было обнаружено кострище, которое функционировало, когда

постройку уже забросили (Подобед и др., 2014б, с. 104). На слое углей находились фрагменты сосудов, курант, точило, костяное пряслице и, что самое главное, 2 тупика из челюстей КРС (автор публикации пишет, что орудия были изготовлены из челюстей лошади, но это – ошибка (Подобед и др., 2011, с. 103). Под углистым слоем лежали «в полном порядке» кости двух передних ног овцы и одной ноги лошади (Кривцова-Гракова, 1948, с. 91-92, 123). Таким образом, на двух разных поселениях, которые к тому же разделяет временной интервал в, как минимум три столетия, зафиксированы «тексты», включавшие части конечностей животных и орудия для обработки кожи.

Возвращаясь к жертвеннику из Токсанбая, заострим внимание на размещении тупиков близ копыт. Отсюда возникает предположение, что в тех случаях, когда в культовые комплексы попадали отчлененные дистальные части конечностей животных с копытами, именно последние в этих фрагментах ног имели наиболее высокую знаковую нагрузку. Данное предположение тем более вероятно, что многие комплексы демонстрируют результаты манипуляций, производившихся с копытами животных. Рассмотрим некоторые из таких комплексов.

В *синташтинской культуре* копыта животных обнаружены как в могильниках, так и на поселениях. В частности, в погребении 5 могильника **Синташта-СМ**, Челябинская обл., Россия, в юго-восточной части могильной ямы, выявлено копыто лошади, лежавшее близ костяного псалия, бронзового ножа и кремневого наконечника стрелы. Неясно, правда, с кем из умерших были связаны перечисленные артефакты – мужчиной (костяк А) или подзахороненной позже женщиной (костяк Б) (Генинг и др., 1992, с. 132, 134-135).

В верхней части заполнения ямы 3 могильника **Синташта-СII** размещались копыто коровы, позвонок, берцовая кость и несколько зубов животных, а также – «медное» шило. Назначение ямы неясно (Генинг и др., 1992, с. 310-311).

На синташтинском поселении **Аркаим**, Челябинская обл., в яме 1 жилища 1-6 (раскоп 6) находилась большая серия костей животных – КРС, лошади, овцы, козы (Косинцев, 2000, с. 26-27). Прежде всего стоит обратить внимание на то, что среди определенных остеологических остатков были только кости конечностей и, в меньшей степени, – фрагменты черепов. Явные ребра и позвонки отсутствовали. Отсюда видно, что перед нами – не пищевые отходы, а преднамеренно подобранные части туши, т. е. комплекс уместно трактовать как культовый. Помимо прочих артефактов в яме выявлены 3 копыта КРС. Комплекс включал и другие кости конечностей КРС, но среди них не было II фаланг, к которым, как известно, примыкают копыта. Следовательно, последние попали в яму как самостоятельные предметы, вычлененные из конечностей. Интересно и то, что среди входивших в состав комплекса костей овцы и лошади копыта отсутствовали. Это – еще один аргумент в пользу правомерности трактовки набора костей как целенаправленно составленного «текста».

В яме 3 жилища 1-7 (раскоп 7) того же поселения выявлены кости КРС, МРС и лошади. Практически все они происходят из конечностей. В состав комплекса входило лошадиных 9 копыт, но при этом II фаланг этого животного там не было

(Косинцев, 2000, с. 23, 25). Таким образом, вновь можно констатировать, что копыта попали в яму как самостоятельные предметы, а набор в целом является «текстом».

В колодце (яма 12), исследованном в жилище 1-1 (раскоп 14) Аркаима, находились остатки черепа волка и кости КРС. За исключением фрагмента ребра, они происходят из конечностей (Косинцев, 2000, с. 26). Анализируя состав упомянутой остеологической серии, можно обратить внимание на любопытную деталь. Среди костей присутствовали 3 копыта КРС; II фаланг было 2, I фаланг – 1. И хотя в данном случае нельзя исключать того, что на момент помещения в колодец 2 копыта были соединены с II фалангами, монотонное убывание числа фаланг от I к III едва ли является случайностью. Культовый же характер комплекса, на наш взгляд, несомненен. Об этом говорит и нахождение костей в колодце (о роли колодцев в верованиях см. (Подобед и др., 2014а), и присутствие в комплексе черепа волка.

Во рву, окружавшем поселение Аркаим, в кв. К/2 (раскоп 19), было выявлено скопление костей, включавшее череп и кости конечностей КРС, единичные кости конечностей МРС, отдельные кости лошади, часть скелета эмбриона теленка и серию костей собаки. В составе скопления находилось 1 копыто КРС, но II и I фаланги отсутствовали (Косинцев, 2000, с. 26). Таким образом, и в этом случае можно утверждать, что копыто попало в комплекс как самостоятельный предмет.

На поселении Устье-I, Челябинская обл., в колодце, исследованном на участке Э/19 (раскоп I), исследовано скопление костей, относящееся или к синташтинской, или к петровской культурам. Оно включало черепа и кости конечностей по меньшей мере 10 животных (КРС, лошадь, овца, коза, собака, возможно, свинья). К юго-юго-западу от черепа лошади лежали 14 копыт МРС. Добавим, что в заполнении колодца, насыщенном сажей и угольками, обнаружены также фрагменты керамики, кусок металлургического шлака и «каменные предметы» (Виноградов, 2013, с. 58, 60).

В относящемся к финальной бронзе погребении 3 ограды 67 могильника Темирканка, Восточно-Казахстанская обл., Казахстан, находилось копыто молодой лошади (Ермолаева, 2012, с. 41). Захоронение было «ограблено», и где первоначально размещался интересующий нас артефакт, установить невозможно (он выявлен в заполнении каменного ящика). Вместе с тем другие кости животных в ящике отсутствовали, а потому можно с достаточной долей вероятности допускать, что упомянутое копыто было самостоятельной единицей погребального инвентаря, а не являлось фрагментом конечности жертвенного животного.

На юге Восточной Европы тоже исследованы комплексы, в состав которых входили копыта животных. Так, на перекрытии кенотафа доно-волжской абашевской культуры из Большой Плавицы, 1/2, Липецкая обл., Россия, размещались 2 копыта лошади (Мельников, 2003, с. 239-241, 244-245). Более репрезентативны материалы срубной культуры. Нам известно 7 срубных захоронений, где интересующие нас артефакты выступали в качестве погребального инвентаря. Эти комплексы стоит разделить на три группы:

I. Погребения с копытами лошади: (Ильясский I, 1/1, Челябинская обл. (Любчанский, Иванова, 1996, с. 90-91); Новоселки, 6/1, Татарстан, Россия (Иванов, Скарбовенко, 1993, табл.; рис. 10, 1, 2; 14, 2, 6, 7, 12); Степановка III, 2/2, Самарская обл., Россия (Лифанов и др., 2008, с. 125, 127).

II. Погребения с копытами КРС: Рождествено-I, 4/4, Самарская обл. (Крамарев, Кузьмина, 2012, с. 98-100; Рослякова, Косинцев, 2012, с. 358-359); Бузаевка-I, 4/4, Самарская обл. (Рослякова, Косинцев, 2013, с. 213; Рослякова, 2014а, с. 72-74; 2014б, табл. 104).

III. Погребения с копытами МРС: Мессер V, 1/4, Саратовская обл., Россия (Лопатин, Четвериков, 2010, с. 19-20); Запорожец, 3/2, Донецкая обл., Украина (Литвиненко и др., 1992, с. 108).

Ограниченный объем работы не позволяет детально проанализировать перечисленные срубные погребения. Но на некоторых нюансах все-таки стоит заострить внимание:

1. Частота встречаемости захоронений с копытами животных в срубной культуре ничтожно мала – 0,08 % от 8488 учтенных нами срубных погребений. В то же время соответствующий показатель по некоторым регионам срубной общности является несколько более высоким – 0,35 % по Среднему Поволжью и 0,51 % по Зауралью.

2. 6 из 7 погребений демонстрируют знаки высокого ранга (индивидуальный курган, большая могильная яма, остатки мясной пищи в могиле, бронзовый нож, следы жертвоприношения животного вне могилы и т. д.). Таким образом, лица, погребавшиеся с копытами, занимали в срубных социумах довольно высокое положение;

3. Из 7 умерших, близ которых размещались копыта, 4 являлись подростками (в т.ч. 7-10, 9-10 и 15-16 лет), а 3 – женщинами (в т. ч. 30-35 и 45-55 лет).

Добавим, что население срубной общности использовало копыта и в поселенческой обрядности. Так, на поселении Улак-1, Башкортостан, Россия, в шурфе № 2 помимо фрагментов костей животных и «срубно-алакульской» керамики были обнаружены копыто лошади, каменный пест и расколотый кристалл горного хрусталя (Савельев, Якимов, 2004). Учитывая высокий семиотический статус горного хрусталя в культурах эпохи бронзы (Михайлов, 2001, с. 61-68), нельзя исключать того, что шурф попал на культовый комплекс. А незначительные размеры раскопанного участка (2 х 2 м) и малая мощность культурного слоя (около 1 штыка) позволяют допускать вхождение всех перечисленных выше артефактов в состав одного «текста».

На поселении Богуслав, Днепропетровская обл., Украина, копыта лошади присутствовали в т. н. «культовом месте № 2», где они коррелировались с нижними челюстями КРС и лошади, астрагалами МРС, I фалангами лошади, другими костями конечностей животных, кусками печины, осколками камней, обломками керамической сковороды (Ромашко, 1993, с. 82, 84).

Обратим внимание на еще один комплекс. В южном святилище поселения Безыменное II, Донецкая обл., были выявлены 2 костяка овец с отчлененными копытами (Горбов, Мимоход, 1999, с. 37). Удаление копыт животных, приносимых

в жертву, демонстрируют и другие комплексы срубной культуры – как погребальные, так и поселенческие (Цимиданов, 2007, с. 21-22). В синташтинской культуре данная практика также имела место (Генинг и др., 1992, рис. 45, 1; 53 и др.). Словом, мы имеем дело с обрядовой манипуляцией, которая бытовала на обширной территории.

Итак, в ряде культур эпохи бронзы копыта животных имели высокую знаковую нагрузку. Собранный нами материал пока не настолько репрезентативен, чтобы реконструировать семантику копыт в контексте рассмотренных выше комплексов. На некоторые моменты, однако, можно обратить внимание уже сейчас:

1. Копыта каким-то образом ассоциировались с водной стихией. Об этом свидетельствует обнаружение их в колодцах Аркаима и Устья-I. Любопытно, что «текст» «копыто + колодец» можно видеть и в украинской легенде. Там из колодца извлекаются различные колдовские предметы, в т.ч. конское копыто, после чего идет дождь (Міфи.., 2006, с. 235). Отголоски связи копыт с водой, вероятно, демонстрируют также древнегреческий миф, повествующий о том, как чудесный источник Гиппокрена возник от удара копыта Пегаса (Словник.., 1989, с. 74, 162), и известная русская сказка «Сестрица Алёнушка и братец Иванушка», где фигурируют наполненные водой «копытца» (точнее, отпечатки копыт) коровы, лошади и козы (Русские сказки, 1970, с. 102-103). Всё это – параллели, очень далекие от культур эпохи бронзы. Более близкой является традиция украшать ковши (емкости для жидкости) изображениями конских ног с копытами, распространившаяся у кочевников Азии в эпоху раннего железа (Кисель, 2013, с. 32-34).

2. На Токсанбае копыта коррелировались с тупиками. Тупики, несомненно, являлись полисемантичными орудиями. Но среди вероятных аспектов их знаковой нагрузки был один, который проливает свет на семантику копыт: тупики соотносились с понятием «благополучие» (Подобед и др., 2011, с. 113). Ассоциация копыт с благополучием (во всяком случае, материальным) отражена в фольклорных сюжетах, где предстают животные, от ударов копыт которых появляются «дорогие камни» (Русские сказки, 1970, с. 353). Стоит сказать, что в срубном захоронении из Бузаевки-I, 4/4, близ одного из умерших размещалось скопление костей, включавшее копыто КРС, 13 астрагалов свиньи, астрагал КРС, астрагал козы, астрагал МРС, отпавший эпифиз метаподии КРС, клык самца свиньи и коренной зуб лошади. Как можно видеть, «текст» образовывали кости практически всех животных, которых разводили срубники. Отсюда возможно предположение, что данный «текст» кодировал совокупность названных животных и, соответственно, изобилие.

Почитание копыт существовало в степной зоне Евразии еще в эпоху ранней бронзы. Об этом свидетельствует захоронение ямной культуры из Троицкого, 3/5, Запорожская обл., Украина. Здесь близ черепа ребенка находились окрашенные охрой копыта овцы и лошади (Клейн, 1960, с. 150-151). Однако обрядовое использование копыт, как показывают собранные нами данные, в культурах бронзового века не приобрело значительных масштабов. Это видно из того,

что копыта значительно реже попадали в контекст культовых комплексов, чем, например, астрагалы мелких копытных, путовые кости лошади или раковины моллюсков. В эпоху раннего железа знаковая нагрузка копыт (главным образом, лошадиных) сильно возросла. Это демонстрируют, в частности, материалы святилища V-II вв. до н. э. Ичянлыдепе, Туркменистан. Здесь была обнаружена, наряду с черепами лошадей, большая серия копыт этого животного (Вайнберг, 1999, с. 142). Кроме того, в VII-V вв. до н. э. на огромных пространствах от Монголии до Европы распространились вещи, орнаментированные копытовидными знаками (Кисель, 2013, с. 37-38). «Культ копыт», оформившийся в раннем железном веке, позже породил два ответвления:

1. Почитание камней со «следами» скакунов мифологических персонажей. Оно зафиксировано, например, у туркмен (Дурдыев, 2001, с. 192). Добавим, что один из авторов предлагаемой работы – В. В. Цимиданов – в конце 1980-х годов в с. Антоновка Марьинского р-на Донецкой обл. слышал о том, что в данной местности якобы находится каменная глыба с отпечатками копыт коня, на котором разъезжал Георгий Победоносец. Увы, найти камень так и не удалось.

2. Почитание конских подков, на которые после их внедрения перешли многие связанные с копытами представления. В частности, подковы считались (и считаются до сих пор) оберегами от нечисти (Байбурин, 1983, с. 136), символами счастья, удачи, изобилия. Они выступали также в качестве жертвы. Например, их бросали в воду как символическую замену лошади, приносимой в жертву данной стихии (Филимонова, 1983, с. 142).

Литература

Аванесова Н. А. Жаман-Узген-II – атасуский могильник Центрального Казахстана // КСИА. – 1975. – Вып. 142. – С. 109-115.

Байбурин А. К. Жилище в обрядах и представлениях восточных славян. – Л.: Наука, 1983. – 189 с.

Боталов С. Г., Григорьев С. А., Зданович Г. Б. Погребальные комплексы эпохи бронзы Большекараганского могильника (публикация результатов археологических раскопок 1988 года) // Материалы по археологии и этнографии Южного Урала / Труды музея-заповедника Аркаим. – Челябинск, 1996. – С. 64-88.

Вайнберг Б.И. Этнография Турана в древности. – М.: Восточная литература, 1999. – 359 с.

Виноградов Н.Б. Кулевчи III – памятник петровского типа в Южном Зауралье // КСИА. – 1982. – Вып. 169. – С. 94-99.

Виноградов Н.Б. Глава 2. Планиграфия и архитектура укрепленного поселения Устье I // Древнее Устье: укрепленное поселение бронзового века в Южном Зауралье. – Челябинск: Абрис, 2013. – С. 16-142.

Гайдученко Л.Л. Лошадь в погребальных памятниках эпохи раннего металла из степной зоны Казахстана и Южного Зауралья // Маргулановские чтения – 2011. Материалы международной археологической конференции. – Астана: ЕНУ им. Л.Н. Гумилева, 2011. – С. 53-55.

Генинг В. Ф., Зданович Г. Б., Генинг В. В. Синташта. Археологические памятники арийских племен Урало-Казахстанских степей. – Челябинск: Южно-Уральское книжное изд-во, 1992. – 408 с.

Горбов В. Н., Мимоход Р. А. Культовые комплексы на поселениях срубной культуры Северо-Восточного Приазовья // Древности Северо-Восточного Приазовья. – Донецк, 1999. – С. 24-69.

Грязнов М. П. Бык в обрядах и культах древних скотоводов // Проблемы археологии Евразии и Северной Америки. – М.: Наука, 1977. – С. 80-88.

Дурдыев М. Б. Изображения коня в мемориально-культовых памятниках Туркменистана и опыт их интерпретации // Dünýä atşynaslygynyň kemala gelmeginde ahalteke atlarynyň orny. Halkara ylmy konferensiýasyna niýetlenen maglumatlar. – Aşgabat, 2001. – С. 191-192.

Ермолаева А. С. Памятники предгорной зоны Казахского Алтая (эпоха бронзы – раннее железо). – Алматы, 2012. – 236 с.

Иванов А. Ю., Скарбовенко В. А. Могильник эпохи бронзы у д. Новоселки на р. Цильне // Археологические исследования в Поволжье. – Самара, 1993. – С. 78-128.

Кисель В. А. О культе конского божества у древних кочевников // Археологический сборник. – Вып. 39: материалы и исследования по археологии Евразии. – СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2013. – С. 31-39.

Клейн Л. С. Кургани біля с. Троїцького // Археологічні памятки. – Т. VIII. – Київ: Вид-во АН УРСР, 1960. – С. 141-163.

Ковалевский С.А. Конские черепа и камни-обелиски в системе погребально-поминальной обрядности ирменской культуры // Алтае-Саянская горная страна и история освоения ее кочевниками. – Барнаул: Изд-во Алтайского ун-та, 2007. – С. 85-89.

Корочкова О. Н. Взаимодействие культур в эпоху поздней бронзы (андроноидные древности Тоболо-Иртышья). – Екатеринбург, 2010. – 104 с.

Косинцев П. А. Костные остатки животных из укрепленного поселения Аркаим // Археологический источник и моделирование древних технологий / Труды музея-заповедника Аркаим. – Челябинск, 2000. – С. 17-44.

Крамарев А. И., Кузьмина О. В. Раскопки Рождественского-I курганного могильника на юге Самарской Луки // Бронзовый век. Эпоха героев (по материалам погребальных памятников Самарской области). – Самара, 2012. – С. 83-157.

Кривцова-Гракова О. А. Алексеевское поселение и могильник // Археологический сборник / Труды ГИМ. – Вып. XVII. – М., 1948. – С. 57-164.

Кузьмина Е. Е. Купухта – могильник андроновской знати // КСИА. – 1963. – Вып. 93. – С. 96-105.

Литвиненко Р. А. Об одной параллели в погребальном обряде скотоводческих племен эпохи бронзы Днепро-Донецкого региона // Матеріали вузівської наукової конференції професорсько-викладацького складу за підсумками науково-дослідницької роботи: історичні науки, політологія. – Кн. І. – Донецьк: ДонДУ, 1997. – С. 10-13.

Литвиненко Р. А., Посредников В. А., Гриб В. К. Исследования северной группы курганов у с. Запорожец (Северное Приазовье) // Донецкий археологический сборник. – Вып. 2. – Донецк: Аверс Ко ЛТД, 1992. – С. 94-113.

Лифанов Н. А., Крамарев А. И., Цибин В. А. Исследования курганного могильника Степановка III в 2006 г. // Актуальные проблемы археологии Урала и Поволжья. – Самара, 2008. – С. 123-130.

Лопатин В. А., Четвериков С. И. Курганный могильник Мессер V // Археологические памятники Саратовского Правобережья: от ранней бронзы до Средневековья (по материалам исследований в 2005-2006 гг.). – Саратов: Научная книга, 2010. – С. 16-42.

Любчанский И. Е., Иванова Е. О. Могильник Ильясский I – новый погребальный комплекс срубно-алакульского времени // Материалы по археологии и этнографии Южного Урала / Труды музея-заповедника Аркаим. – Челябинск, 1996. – С. 89-105.

Мельников Е. Н. Покровско-абашевские погребения кургана у с. Большая Плавица // Абашевская культурно-историческая общность: истоки, развитие, наследие. Материалы международной научной конференции. – Чебоксары, 2003. – С. 239-247.

Міфи України. За книгою Георгія Булашева «Український народ у своїх легендах, релігійних поглядах та віруваннях». – Київ: Довіра, 2006. – 384 с.

Михайлов Ю. И. Мировоззрение древних обществ юга Западной Сибири (эпоха бронзы). – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2001. – 363 с.

Подобед В. А., Усачук В. Н., Цимиданов В. В. Исчезнувшие верования и позабытые герои (кожевенный инструментарий в ритуалах эпохи бронзы степной и лесостепной Евразии) // Материалы по археологии Северного Причерноморья. – Вып. 12. – Одесса, 2011. – С. 86-124.

Подобед В. А., Усачук В. Н., Цимиданов В. В. Колодцы в картине мира племен эпохи бронзы лесостепной и степной Евразии // Верхнедонской археологический сборник. – Вып. 6. – Липецк: РИЦ ФГБОУ ВПО «ЛГПУ», 2014а. – С. 283-293.

Подобед В. А., Усачук В. Н., Цимиданов В. В. Очаги и кострища на поселениях эпохи бронзы Центральной Азии и Сибири как ритуальне объекты // Археологияның шыңына шыққан: К. А. Ақышевтың туғанына 90 жыл толуына арналған «Қазақстан территориясындағы ежелгі және ортағасырлық мемлекеттер» атты халықаралық ғылыми конференция материалдарының жинағы. – Алматы, 2014б. – С. 101-115.

Потемкина Т.М., Корочкова О.Н., Стефанов В.И. Лесное Тоболо-Иртышье в конце эпохи бронзы (по материалам Чудской горы). – М.: ПАИМС, 1995. – 207 с.

Ромашко В.А. Святилища и жертвенники на поселениях срубной культуры Украины // Проблемы археологии Поднепровья. – Днепропетровск, 1993. – С. 79-91.

Рослякова Н. В. Погребальные комплексы с костями животных из могильников срубной культурно-исторической общности Самарского Поволжья: дисс. … канд. ист. наук. – Т. I. – Казань, 2014а. – 183 с. // http://tataroved.ru/publicat/Diss/Roslyakova_diss.pdf.

Рослякова Н. В. Погребальные комплексы с костями животных из могильников срубной культурно-исторической общности Самарского Поволжья: дис. … канд. ист. наук. – Т. II. – Казань, 2014б. – 155 с. // http://tataroved.ru/publicat/Diss/Roslyakova_diss.pdf.

Рослякова Н. В., Косинцев П. А. Археозоологические комплексы из могильников эпохи поздней бронзы Самарского Поволжья // Бронзовый век. Эпоха героев (по материалам погребальных памятников Самарской области). – Самара, 2012. – С. 348-378.

Рослякова Н. В., Косинцев П. А. Археозоологическое изучение комплексов погребального инвентаря из погребений срубной культуры лесостепного Поволжья // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. – Т. 15, № 1. – 2013. – С. 211-218.

Русские сказки. – М.: Художественная литература, 1970. – 348 с.

Савельев Н. С., Якимов А. Ф. Улак-1 – новое укрепленное поселение эпохи бронзы в Башкирском Зауралье // Народы Южного Урала и их соседи в древности и Средневековье. – Уфа: БашГУ, 2004. – С. 204-215.

Самашев З. С., Ермолаева А. С., Лошакова Т. Н. Костяные псалии с поселения Токсабай. К вопросу о комплексе колесничих населения Устюрта в эпоху бронзы // Вопросы истории и археологии Западного Казахстана. – № 1. – Уральск. – 2007. – С. 97-102.

Словник античної міфології / Укладачі І. Я. Козовик, О. Д. Пономарів. – Київ: Наукова думка., 1989. – 240 с.

Ткачев В. В. Могильник Восточно-Курайли-I на Илеке и проблема формирования западноалакульской культурной группы // Вопросы археологии Западного Казахстана. – Вып. 2. – Актобе: Актюбинский гос. ун-т, 2005а. – С. 36–69.

Ткачев В.В. Элитные погребения из могильника Жаман-Каргала I и проблема культурогенеза начала позднего бронзового века в урало-казахстанских степях // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. Серия 1. Исторические науки. – Вып. 3. – Челябинск, 2005б. – С. 50-74.

Филимонова Т. Д. Вода в календарных обрядах // Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы. Исторические корни и развитие обычаев. – М.: Наука, 1983. – С. 130-145.

Цимиданов В. В. Нартовский эпос осетин и срубная культура: поиск схождений // Известия СОИГСИ. – Вып. 1 (40). – Владикавказ, 2007. – С. 17-36.

Список сокращений

ГИМ – Государственный исторический музей

КСИА – Краткие сообщения Института археологии АН СССР

СА – Советская археология

СОИГСИ – Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований

Чемякин Ю. П.

Уральский государственный педагогический институт, г. Екатеринбург, Россия

О ВОЕННЫХ КОНФЛИКТАХ В АНДРОНОВСКОМ МИРЕ

Проблемы войны и мира, злободневные для всего XX века, сегодня обострились еще больше. Как писал В. А. Шнирельман, «одна из актуальнейших проблем, стоящих перед человечеством, связана с выработкой действенных механизмов, способных предотвращать вспышки насилия и гарантировать людям безопасное существование. В этих условиях долг науки заключается в скрупулезном изучении источников, механизмов и способов разрешения конфликтов, прежде всего военных» (Шнирельман, 1992, с. 4). Один из проблемных вопросов связан с пониманием сущности войны, ее механизмов и истоков. Когда возникают войны, присущи ли они человеку изначально, что следует считать войной, в чем отличие войны от вооруженных конфликтов, стычек и т. д.? Важную роль здесь имеют археологические источники, дающие возможность заглянуть в глубь истории, но они крайне скудны и позволяют делать взаимоисключающие выводы. Критика археологических источников дана В. А. Шнирельманом (Шнирельман, 1994, с. 34-37). В связи с интерпретацией оборонительных сооружений он отмечает большое значение контекста, например обнаружение скелетов убитых, следов разрушений, пожаров и т. д. Отметим лишь, что скелеты убитых отражают вооруженные конфликты независимо от наличия оборонительных сооружений на памятниках. В. А. Шнирельман также пишет, что бесспорные свидетельства военных действий и, соответственно, наличия специфических форм оружия и оборонительного вооружения относятся ко времени не ранее эпохи палеометалла (Шнирельман, 1994, с. 35-36, 97-98).

На Урале для эпохи бронзы свидетельством вооруженных конфликтов нередко служит Малокизильское (Мало-Кизыльское) поселение, частично исследованное в 1948-1950 гг. К. В. Сальниковым. В постройках, во рву, а также за пределами построек он выявил останки нескольких человек, которые рассматривал как погребения и ритуальные жертвоприношения на площадке поселения (Сальников, 1967, с. 35-38). Но А. Д. Пряхин, вслед за Е. Н. Черных, считал, что следы пожара, кости людей и животных являются результатом жестокого разгрома поселения (Черных, 1972, с. 69-70; Пряхин, 1976, с. 108-109). Оба автора ограничиваются констатацией факта набега, не ставя вопроса, кто мог его совершить. Следы насильственной смерти и жертвенных захоронений зафиксированы в ряде срубных поселений (Файзуллин, 2012, с. 226-230). По-видимому, не все из них можно трактовать как результат ритуала жертвоприношений (там же, с. 229). Так, ситуация на Токском поселении (Красногвардейский район Оренбургской области) больше напоминает следы вооруженного набега.

В начале-середине 1970-х гг. мне довелось изучать алакульские поселения Мирный-IV и Коркино-I. В обоих были зафиксированы случаи насильственной смерти. К сожалению, последующие многолетние работы на Тюменском Севере

не позволили своевременно довести до конца анализ материалов этих памятников. Настоящая статья призвана частично восполнить этот пробел.

Поселение Мирный-IV находилось в Брединском районе Челябинской области, на левом берегу р. Синташты. Открыто в 1968 г. Т. М. Гусенцовой и В. С. Трофименко. Оно располагалось на склоне второй надпойменной террасы и состояло из 6 визуально фиксировавшихся впадин. Площадь памятника около 3500 кв. м Его раскопки были предприняты в связи со строительством водохранилища, на дне которого и находятся сегодня его остатки. В 1969-70 гг. под руководством Т. Н. Чебаковой было исследовано 1523 кв. м, на которых выявлены следы 3 жилищ, 3 хозяйственных построек, канавы и зольники (Чемякин, 1974, с. 50-55; Чемякин, 2005, с. 313). Жилища подпрямоугольные, размерами 13×9–12, 12×8,5 и 13,5×8,5–10 м, углубленные в материк на 30-60 см. Внутри них обнаружены столбовые и хозяйственные ямы, прокалы и очаги, сложенные из камня, колодцы. Хозяйственные постройки, окружавшие жилище 1, углублены на 30-60 см; размеры их 8,4×6, 6,9×4,2 и 9,4×3–4 м. Коридорообразные выходы из них направлены в противоположную жилищу сторону. В постройках также обнаружены ямы и колодцы. В 1969 г. Т. Н. Чебакова вскрыла одну хозяйственную постройку глубиной 30 см, размером в верхней части 8,4×6 м, в 10 см от пола – 6×4,6 м В ней выявлены 2 большие ямы (одна из них глубиной 1,1 м) и колодец округлой формы диаметром 1,35-1,4 м, глубиной свыше 2 м (дальнейшей расчистке колодца помешали грунтовые воды). До уровня 180 см его заполнение было аналогично заполнению постройки (черная почва, в нижней части насыщенная углями), ниже шла зеленоватая порода, резко отличавшаяся от окружавшей красной материковой глины. Как писала Т. Н. Чебакова, «в более позднее время в яму от колодца было впущено погребение. Заполнение прямоугольной могильной ямы (155×80 см) несколько отличается по цвету от заполнения колодца. Дно могильной ямы находилось на уровне 140 см. Скелет лежал на правом боку с подогнутыми ногами, кисти рук находились у лица (рис. 1, *1*). Ориентировка захороненного головой на северо-восток. Возле рук лежала небольшая бронзовая поделка очень плохой сохранности, около головы и ног – несколько угольков» (Генинг и др., 1970). В 1970 г. мной было исследовано жилище 2 размером в верхней части 11,7×8,4 м, глубиной 60-90 см. В нем обнаружены очаги и прокалы, зольники, ямы, колодцы. Один из колодцев, размером 1,8×1,5 м, глубиной не менее 2,9 м, заполненный черноземом, находился в углу постройки, в своего рода нише. На уровне 2 м (от уровня пола) он резко сужался (до 1,45×0,7 м), образуя ступеньку, на которой был расчищен скелет человека в неестественном положении – на животе, головой вниз (затылком вверх), с руками, запрокинутыми вправо; пяточные кости находились на 30 см выше черепа (рис. 1, *2*). Обе лопатки были пробиты, но когда появились эти отверстия, неизвестно. Учитывая хорошую сохранность костей, они остались от ран. Человек (труп) явно был сброшен в колодец. Не исключено, что скелет, открытый в 1969 г., также остался не от погребения, а мог принадлежать тяжелораненому человеку, брошенному в колодец и от боли принявшему такую позу. Правда, следует учитывать, что исследователями (в расчистке и фиксации

погребения принимал участие В. И. Стефанов) была отмечена подпрямоугольная яма, в которой лежал скелет.

На поселении собрана большая коллекция керамики, найдены глиняные пряслица и шарики, костяные тупики, проколки, иглы, наконечники стрел, диски, псалии, из каменных орудий – наконечники стрел, песты, зернотерки, мотыги, литейная форма ножа. Бронзовые вещи представлены ножами, шильями, крючком, украшениями. Основная масса керамики характерна для алакульской культуры, в т. ч. для раннего этапа, есть сосуды срубного облика (около четверти) и фрагменты горшков фёдоровской культуры. Т. Н. Чебакова отмечала, что на исследованной ею в 1970 г. площади андроновская (алакульская – *Ю. Ч.)* и срубная керамика распределяются равномерно, в соотношении 3:1. В то же время в хозяйственной постройке 3 и в зольнике срубной керамики мало, ее соотношение с андроновской как 1:5-7. В жилище 1 и хозяйственной постройке 2 срубной посуды больше, но она встречается в верхних слоях и на краю некоторых ям. Картина заселения поселения представлялась ею следующим образом: «Исконным населением поселка следует считать андроновцев, построивших жилища, все хозяйственные постройки и образовавших зольник. Спустя некоторое (возможно, значительное) время на поселении появляется небольшая группа населения, носителей срубных традиций. К этому времени прекращает функционировать хозяйственная постройка 3 (она, видимо, сгорает и больше не восстанавливается) и зольник. Жилище 1 и хозяйственная постройка 2, видимо, ремонтируются, обновляются, но коренным образом не перестраиваются. В жилище выкапываются новые ямы-колодцы, на край их обязательно ставится срубный сосуд, в их заполнении находится и срубная, и андроновская керамика. Старые колодцы по каким-то причинам забрасываются, в их заполнении – только андроновская керамика… Поселение существовало, вероятно, довольно продолжительное время без перерыва» (Чебакова, 1970, с. 14-15).

До нового анализа материала трудно сказать, насколько нарисованная картина соответствует действительности. Но на памятнике, действительно, есть раннеалакульская и раннесрубная, алакульская, срубно-алакульская и срубная керамика. Оба скелета находились в полузасыпанных колодцах, т. е. оказались там не на раннем этапе существования поселения. Возникают вопросы, одновременны ли они, маркируют ли они конец жизни на поселении, какова причина трагедии? Мной в жилище 3 были зафиксированы пятна прокала с вкраплениями углей, которые на полу переходили в сплошной углистый слой мощностью 3-10 см. На различных участках внутри постройки расчищены многочисленные угли, сгоревшие плахи, внутри найдено много бронзовых вещей и их обломков. Налицо следы пожара. Т. Н. Чебакова отмечала это же для хозяйственной постройки 3. Таким образом, можно допустить, что поселение было разрушено и сожжено. Знаменует ли это конец алакульского периода и начало срубного, пока ответить нельзя. Наличие погребений, в т. ч., возможно, жертвенных, на андроновских (и срубных) селищах позволяет предполагать, что срубно-андроновский (или срубный?) период на Мирном-IV не был связан с набегом, а в заброшенных колодцах найдены жертвы каких-то обрядов

(ритуалов), выбранные среди обитателей поселка. Если же поселок погиб в ходе вооруженного конфликта, то, учитывая географическое положение памятника, вряд ли противником был кто-то иной, чем алакульские же или срубные отряды. Оружие, найденное на поселении, немногочисленно (6 костяных и 2 кремневых наконечника стрел – рис. 2) и типично для алакульской и срубной культур.

Поселение Коркино-I находится в Еткульском районе Челябинской области, на северном берегу болота (местное название «Рыбное»). Расположено на мысовидном выступе, в древнем водоеме, на высоте 0,5-1 м от уровня воды. Визуально на площади около 12000 кв. м фиксировались 12 впадин разных размеров, однако к моменту его открытия В. Т. Петриным в 1973 г. часть из них уже была разрушена водоводом и нефтепроводом. В 1975-1977 гг. поселение исследовалось автором (Чемякин, 1976, 1978, 2000). На памятнике было раскопано около 3000 кв. м, при этом выявлены два основных слоя эпохи бронзы – алакульский и черкаскульский. С первым связаны остатки 6 построек, зольники и многочисленные прокалы – следы пожара. Сооружения слабо углублены, очертания их нечетки, во всех отсутствовали выраженные очаги. Лишь одно строение имело подпрямоугольный котлован размером 12,5×7 м Не исключено, что раскопами вскрыты еще 2 наземные постройки (на их месте в рельефе наблюдались впадины), однако в черноземном слое их границы однозначно не удалось уловить. К одной из них мог относиться каменный очаг, сооруженный в яме. Рядом с ним, также в яме, стоял крупный сосуд без дна. Кроме того, на исследованной части поселения было обнаружено несколько больших хозяйственных ям, 5 конических ям диаметром 36-70 см с частично обмазанными глиной и прокаленными стенками, вероятно связанных с металлургическим производством, и 25 колодцев. Последние находились как в постройках (нередко по 2), так и за их пределами. Два колодца исследованы до глубины 3,2-4 м. Их стенки были укреплены плетнем из березовых жердей и веток. Один из них находился в постройке 3. Остатки котлована от нее имели форму неправильного параллелограмма, размер около 15×10 м, глубину 40-50 см. Почти в центре котлована, на расстоянии 1 м друг от друга, находились 2 колодца, один из которых и был исследован почти до дна, находившегося на глубине около 4 м от уровня пола. Грунтовые воды размыли плетень второго колодца, имевшего такую же глубину.

При расчистке первого колодца были найдены остатки минимум 4-7 человек. Кости были перемешаны, как будто в колодец сбрасывали не целые, а расчлененные трупы. Среди костей присутствовали нижние челюсти, но не было черепов. Отдельные человеческие кости (в т. ч. женские и детские, небольшие фрагменты черепов, нижние челюсти) обнаружены в углу этой постройки, а также в других местах поселения. Южнее сооружения 3 зафиксировано пятно серо-коричневого пестроцвета, примыкавшее к нему и окаймленное ярко-красным прокалом. В его центре найдены обломок костяного наконечника стрелы, фрагменты человеческого черепа и зубы. Несколько человеческих костей обнаружено недалеко от юго-западного выступа сооружения. С восточной стороны жилища 3 найдены 4 мужских скелета в позах убитых (рис. 3). Один

скелет лежал на животе, изогнувшись вправо. Его правая рука была согнута в локте, разрозненные кости левой лежали рядом с костяком. У левой ноги отсутствовала бедренная кость. Череп был отделен от скелета, но лежал тут же, затылком вверх. Лобная и теменная кости были пробиты тупым орудием. Второй скелет лежал рядом, чуть южнее, тоже на животе. Кости ног полностью отсутствовали. Череп лежал на боку, повернутый вправо. На височной кости было заметно сквозное отверстие от удара рубящим (?) орудием. Западнее на левом боку лежал третий скелет. Его левая рука была вытянута вдоль туловища, правая – согнута в локте; череп отсутствовал. Южнее костяков расчищены разрозненные кости конечностей, ребра, мелкие фрагменты черепа, две половины нижних челюстей. Часть этих костей, вероятно, принадлежала четвертому скелету. Очевидно, что алакульское поселение погибло от военного набега, и убитые (или часть из них) не были похоронены. Поэтому отсутствие некоторых костей у скелетов, лежавших рядом с постройкой, или их нахождение поодаль от трупов можно объяснить деятельностью хищников.

Внезапная гибель поселения, пожар, охвативший его, привели к тому, что сохранилось много вещей, в т. ч. уникальных. Среди них глиняные кирпичики разных форм, льячка, блюдца, бронзовые ножи, кельт-тесло, игральные кости с насечками, альчики, предметы конской упряжи, литейные формы из камня. Найдены два бронзовых наконечника копья, два вислообушных и каменный шлифованный сверленый топоры (Чемякин, 2000, рис. на с. 30). Керамика раннего слоя представлена алакульскими, в т. ч. ранними, сосудами, в меньшем количестве посудой фёдоровского и амангельдинского типов и единичными фрагментами коптяковского типа. С памятника получена серия радиоуглеродных дат, давшая большой разброс – от 2600±30BP (ЛЕ-1545) до 4040±40BP (ЛЕ-1544). Дерево из алакульского колодца датировано 3640±40BP, или XVII в. до н. э. (ЛЕ-1541). Гибель алакульского поселка от вооруженного набега подтверждается незахороненными останками людей, следами пожара, большим количеством сохранившихся вещей и оружием, численность которого превышает средние показатели для андроновских селищ. Кроме упомянутых наконечников копий и топоров найдены в обломках и целыми не менее 15 костяных и 7 бронзовых наконечников стрел (рис. 4), бронзовый вток (?). Часть наконечников обнаружена вокруг жилища 3, в т. ч. рядом со скелетами. Учитывая удаленность Коркино от срубного мира, я полагаю, что поселок был уничтожен (разграблен?) какой-то алакульской же военизированной группой (возможное внутреннее противостояние в среде степного – лесостепного общества допускается рядом исследователей (Гончарова, Бехтер, 1999, с. 125). Всё найденное на памятнике оружие находит аналоги среди андроновского, в т. ч. алакульского, вооружения. Представлено оно и в срубной культуре (заметим, что костяные наконечники стрел подобных форм имеют распространение и в других культурах, и в более широком хронологическом диапазоне). Другим потенциальным противником могут быть сейминско-турбинские племена (Гончарова, Бехтер, 1999, с. 121-125). Ближайший исследованный памятник с сейминско-турбинскими и самусьско-кижировскими бронзами и коптяковской керамикой – культовое место – Шайтан-

ское озеро II – находится в 380 км к северу от Коркино (Сериков и др., 2008). Отдельные находки сейминско-турбинского металла известны и южнее. Но нам такой конфликт кажется менее вероятным.

Как уже отмечалось, на поселении был выявлен черкаскульский слой, представленный главным образом керамикой. Причем фрагменты черкаскульской посуды, как правило, более крупные, чем алакульские, и находились в тех же жилищах, но в верхних горизонтах. То есть черкаскульское население использовало впадины от алакульских построек. Надо полагать, что скелеты к этому времени были полностью покрыты землей. Значит, между алакульским и черкаскульским периодами на поселении должен быть значительный перерыв.

Настоящая работа не преследует цель исследовать первобытные войны. Этой проблеме посвящен ряд специальных трудов (см., напр.: Война и мир…; Кореневский, 2014). Раскопки на двух алакульских поселениях в Челябинской области дали новый материал для реконструкции мировоззрения, военного дела, социально-потестарных отношений внутри андроновской КИО. Получены бесспорные доказательства вооруженных конфликтов на этой территории. Для поиска их причин сегодня имеется слишком мало данных. Теоретически это могут быть войны из-за добычи – в андроновских поселках могли сосредоточиваться крупные стада скота. Причиной конфликта могло стать и установление контроля над медными месторождениями, но потребность в таком контроле нуждается в доказательстве. На поселении Коркино-I зафиксирован интересный факт – отсутствие целых человеческих черепов. Кроме двух пробитых найдены небольшие фрагменты, но их количество явно не соответствует числу убитых людей. По-видимому, мы столкнулись с обычаем, когда целые черепа забирались в качестве трофея. Вряд ли это связано с традицией «охоты за головами». Использование черепов в качестве чаш в более позднее время известно у скифов. На Урале древнейшие пока чаши из черепов найдены на святилище раннего железного века (иткульской культуры) на Шайтанском озере (Сериков, 2008, с. 291). Не исключено, что истоки этого обычая уходят в эпоху бронзы.

Литература

Война и мир в ранней истории человечества: В 2 т. – М.: Ин-т этнологии и антропологии РАН, 1994. – Т. 1 – 178 с.; 1995. – Т. 2. – 248 с.

Генинг В. Ф., Гусенцова Т. Н., Корякова Л. Н., Чебакова Т. Н. Отчеты о работах в зоне Брединского водохранилища пос. Мирного Брединского района Челябинской области, проведенных летом 1969 года // Архив ЦАИ ПНИЛ УрФУ, ф. II, д. № 74. – Свердловск, 1970.

Гончарова Ю. В., Бехтер А. В. Синташта и Сейма – враги и соседи // Комплексные общества Центральной Евразии в III-I тыс. до н. э.: Региональные особенности в свете универсальных моделей. Мат-лы к конф. – Челябинск: Изд-во ЧелГУ, 1999. – С. 121-125.

Кореневский С. Н. Феномен первобытных войн и становление власти военной (теоретический аспект проблемы по данным археологии и исторической этно-

логии) // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2014. – № 1. – С. 66-80.

Пряхин А. Д. Поселения абашевской общности. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 1976. – 168 с.

Сальников К. В. Очерки древней истории Южного Урала. – М.: Наука, 1967. – 408 с.

Сериков Ю. Б. Южный Шихан – новый тип святилища на Шайтанском озере // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. – Т. II. – М.: ИА РАН, 2008. – С. 289-292.

Сериков Ю. Б., Корочкова О. Н., Кузьминых С. В., Стефанов В. И. Бронзовый век Урала: новые перспективы // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. – Т. I. – М.: ИА РАН, 2008. – С. 341-346.

Файзуллин И. А. Погребения на поселениях эпохи бронзы на территории Западного Оренбуржья // Известия Самарского научного центра РАН. – Самара: Изд-во Самарского НЦ РАН, 2012. – Т. 14. – № 3. – С. 226-230.

Чебакова Т. Н. Отчет о работах в Челябинской области в 1970 г. // Архив ЦАИ ПНИЛ УрФУ, ф. II, д. № 159. – Свердловск, 1970.

Чемякин Ю. П. Поселение эпохи бронзы Мирный-IV // Из истории Сибири. – Томск: Изд-во ТГУ, 1974. – Вып. 15. – С. 50-55.

Чемякин Ю. П. Новое поселение андроновского времени в Южном Зауралье // АО, 1975. – М.: Наука, 1976. – С. 206-207.

Чемякин Ю. П. Работы нефтепроводного отряда в Челябинской области // АО, 1977. – М.: Наука, 1978. – С. 201-202.

Чемякин Ю. П. Коркино-I // Уральская историческая энциклопедия. – Екатеринбург: Академкнига; УрО РАН, 2000. (2-е изд., перераб. и доп.). – С. 30 (ил.), 281-282.

Чемякин Ю. П. Мирный IV, поселение // Челябинская область: Энциклопедия. Т. 4: М-О. – Челябинск: «Каменный пояс», 2005. – С. 313.

Черных Е. Н. Металл – человек – время. – М.: Наука, 1972. – 208 с.

Шнирельман В. А. Война и мир в традиционных обществах (по материалам западных исследований). Научно-аналитический обзор. – М.: ИНИОН; Ин-т этнологии и антропологии РАН, 1992. – 64 с.

Шнирельман В. А. У истоков войны и мира // Война и мир в ранней истории человечества: В 2 т. – М.: Ин-т этнологии и антропологии РАН, 1994. – Т. 1. – 176 с.

Список сокращений

АО – Археологические открытия

ЦАИ ПНИЛ УрФУ – Центр археологических исследований, проблемная научно-исследовательская лаборатория Уральского федерального университета

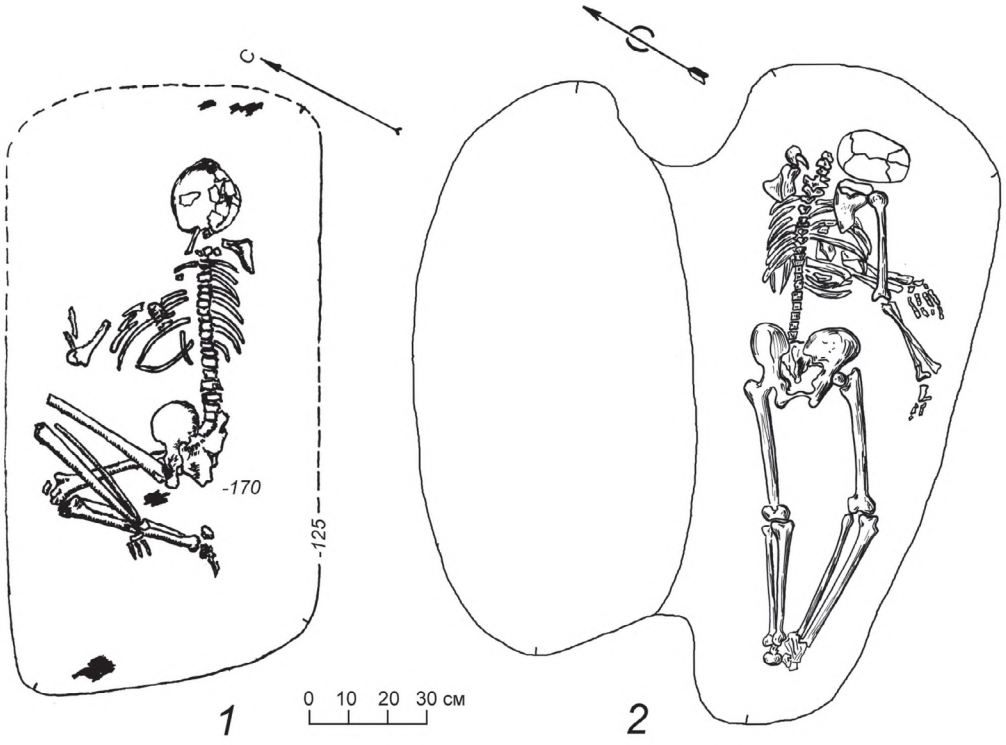

Рис. 1. Поселение Мирный IV: 1 – погребение (?) в колодце постройки 1; 2 – скелет в колодце жилища 2

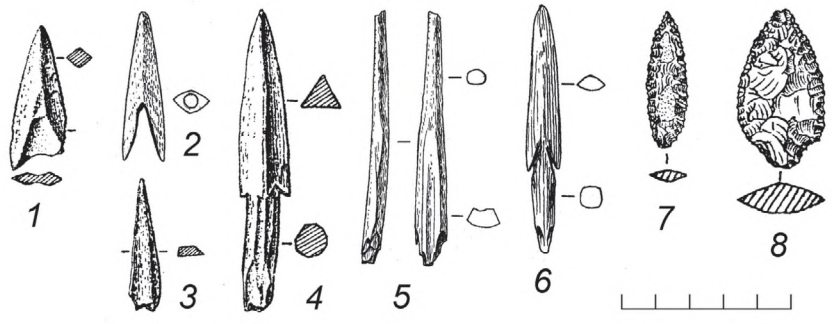

Рис. 2. Поселение Мирный IV, наконечники стрел (1-6 – кость; 7-8 – кремень)

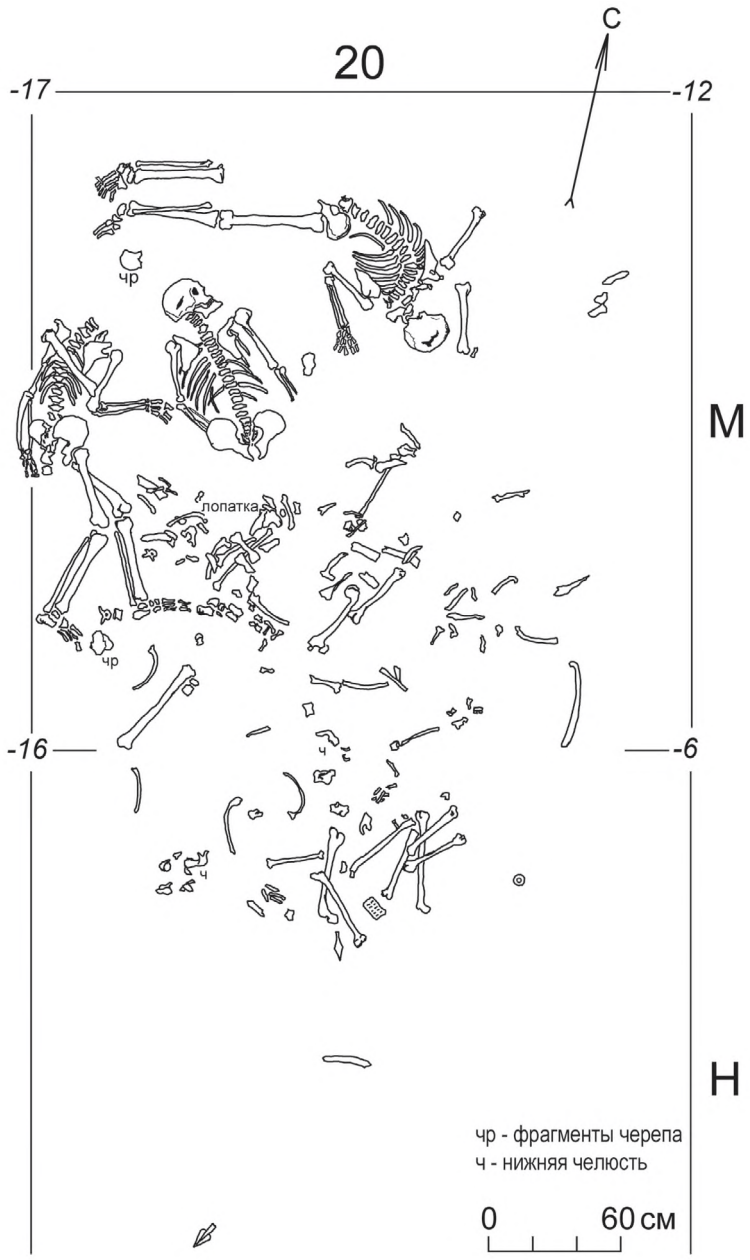

Рис. 3. Поселение Коркино I: скелеты убитых у постройки 3

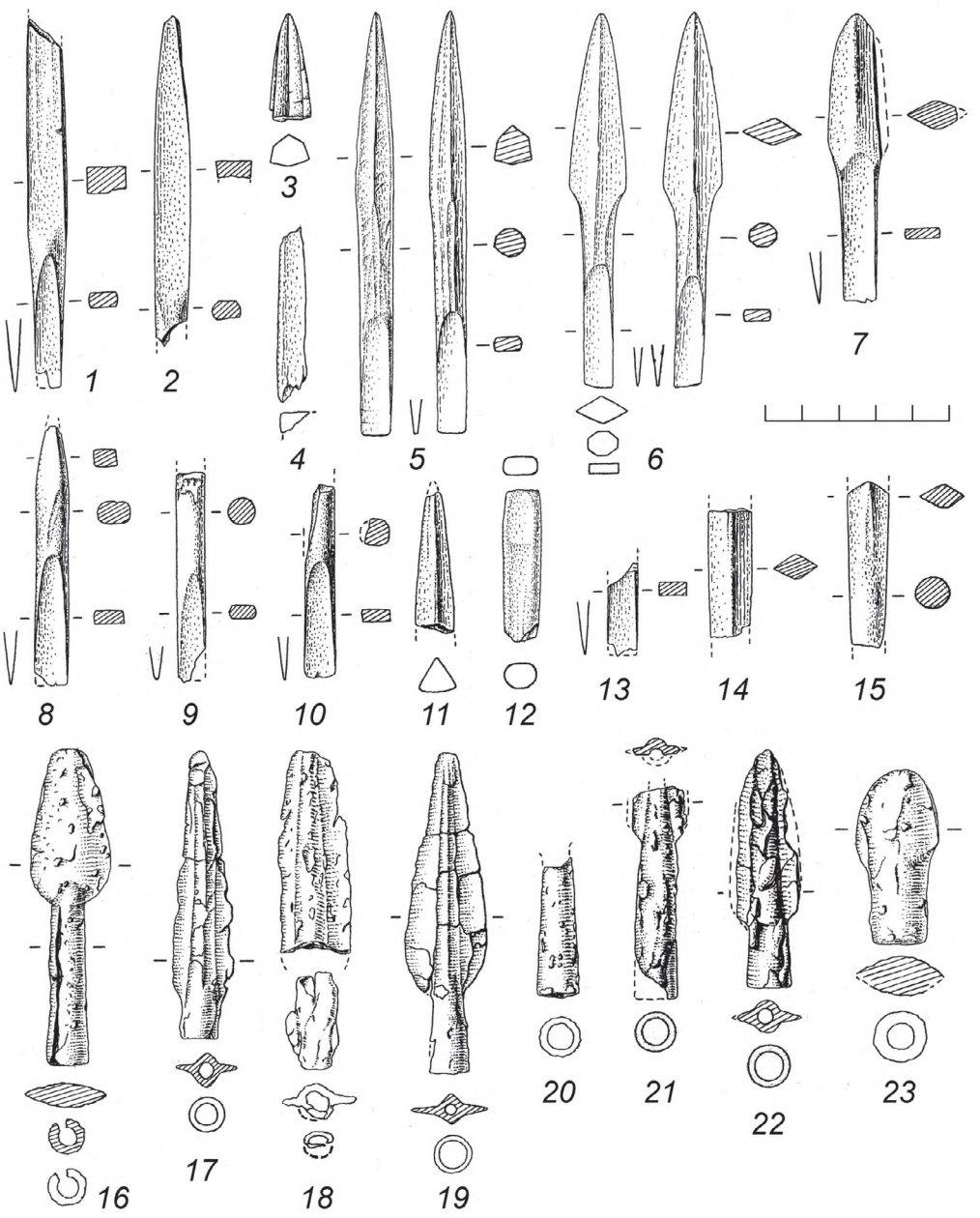

Рис. 4. Поселение Коркино I, наконечники стрел и вток (?) (1-15 – кость; 16-23 – бронза)

Gian Luca Bonora[27] and Sergazy K. Sakenov[28]

(with the collaboration of Sara Zaia[29])

A TOPOGRAPHICAL AND STRATIGRAPHICAL PERIPLOUS AROUND THE BRONZE AGE SETTLEMENT OF SHAGALALY II (PAVLOVKA), AKMOLINSK REGION, KAZAKHSTAN

The Bronze Age site of Shagalaly II[30] has been discovered in 1954 by K. A. Akishev during archaeological expeditions organized in close connection with Soviet Union's plan of the Virgin Lands Campaign (Акишев 1959: 18; Акишев и др. 1960: 41, num. 210). The site is located along the upper valley of the Shagalaly river (Chaglinka, in Russian), on the right bank, about 33 km south-west of Kokshetau and about 21 km north-north-west of Zerinda (geographic references: 53°04'32,8''N; 69°00'13,5''E). The nearest modern village is Kenotkel', 1,85 km southward, while on the northern side is Pavlovka, about 3,15 km far.

History of the researches.

In the first publication on Chaglinka II, in this way has been named the site of Shagalaly II by K. A. Akishev (1959), the ancient village is described as a settlement located on the homonymous river course, one km north of Kensutkol' (today Kenotkel'). Traces of the settlement are visible 100 m from the river bank and are represented by seven depressions, marking the remains of semi-dugout dwellings. The underground habitations ranged from 40 to 160 m² and among them, four rectangular fences in stone vertically-set slabs have been recognized. According to the same author, these latter burial structures were chronologically later than the settlement, built only when the ancient village was already abandoned. Judging from the material culture gathered on the slope of the river bank Akishev dated the site to the Alakul' phase of the Andronovo period, approximatively from the 13th to the 10th century BC., while the funerary fences to the Late or Final Bronze Age.

In 1972, a team from the Northern Kazakhstan Archaeological Expedition (СКАЭ), under the leadership of M. K. Habdulina, conducted a second survey (Хабдулина, 1973).

The archaeological contexts of the site were firstly investigated in the Eighties (1982-1983) by T. S. Maljutina of the Ural-Kazakhstan Archaeological Expedition

[27] Visiting Professor at the «L. N. Gumilev» Eurasian National University, Astana and Director of the Italian Archaeological Expedition in Kazakhstan (IAEK) – Italian Ministry of Foreign Affairs and Department of History, Society and Culture of the University of Bologna.

[28] Teacher of the «L. N. Gumilev» Eurasian National University, Astana and Director of the Ishim Stationary Archaeology Expedition – Institute of Archaeology «K. A. Akishev), Astana.

[29] Topographer and student in Archaeology, Department of History, Society and Culture of the University of Bologna.

[30] The site of Shagalaly II should not be confused with a site of very similar name: Shagalaly I or Chaglinka I. Belonging to the same cultural and chronological archaeological facies of the Bronze Age in the Eurasian Steppe it is located along the same river (henceforth the analogous name of the two sites). Precisely, Shagalaly I is about 47-48 km north of Kokshatau, within the administrative region of Northern Kazakhstan (Плешаков и др. 2007: 369, nr. 59) and has been discovered in the sixties by A. M. Orazbaev, who here identified 16 semi-dugout dwellings of different shapes and sizes. In 1964-1967 Orazbaev excavated six of them and some stone funerary fences of later chronology (Оразбаев 1958; idem 1970).

(УКАЭ). The Russian archaeologist named the site as Pavlovka, differently from K. A. Akishev, and paid attention to the part of the site already affected by river erosion (Малютина, 1991). She opened some stratigraphic pits and a trench of about 483 m² (excavation I) close to the river bank, as well as two other trenches (excavations II and III) in the centre of the site in order to investigate some funerary structures (number 1, 3 and 4).

A new phase of the research began in 2003, when the Ishim Stationary Archaeological Expedition (ИСАЭ) lead by K. A. Akishev and B. A. Khasenova, organized a rescue excavation due to the bad conditions of preservation of the site threatened continuously by river erosion. B. A. Khasenova excavated a new trench and investigated half of a large pit house in the centre of the ancient village. In that season, a first topographical plan of the settlement has been also completed (Акишев, Хасенова, 2004).

In 2005, V. F. Zaybert, director of Kokshetau Archaeological Expedition (КАЭ), opened the excavation number IV in the eastern part of the settlement to dig two funerary barrows. The results are still unpublished.

In 2010 began the last phase of excavation, lead by M. K. Habdulina of the Institute of Archaeology «A. K. Akishev» and supported by the «L. N. Gumilev» Eurasian National University (ЕНУ) of Astana. This research phase is still going on and it will continue for several summer seasons. During the last years, an area of 225 m² has been studied in the centre of the settlement, exposing some semi-dugout dwellings and the yards around them (Сакенов, 2011). In 2012, a medium-sized kurgan has been excavated by S. Sakenov on the top of the southern hill surrounding the Bronze Age settlement, close to the edge of a headland. No grave goods have been found within the burial chamber, as well as no osteological human remains. The only remains in the centre of the barrow were two wooden beams possibly representing a mediaeval coffin. In 2013, the Italian Archaeological Expedition in Kazakhstan (IAEK), lead by G. L. Bonora, joined the Kazakh team.

The excavation by T. S. Maljutina in 1982-1983.

In order to save as much informations and data as possible and to establish the stratigraphy of the settlement, T. S. Maljutina dug some test pits and trenches in 1982-1983 (Малютина, 1987). The first test pit (4. 35x1. 15 m, from north to south) was opened in the northern part of the settlement (fig. 1), very close to the river bank. Here some pottery sherds of the Petrovka culture have been gathered. The second trench (18x3 m, from east to west) was opened in the northern part of the settlement as well, some 70-80 m eastward from the first pit, in order to expose the surface of the partially eroded river terrace and to determine both the depth of the anthropic layer and the edge of the site. Significantly, no anthropic layer has been detected in the easternmost edge of this second trench, highlighting that the eastern part of the flat river terrace was very likely unsettled in the Bronze Age. During the excavation, some pits of roundish shape and a pole hole, in association with pottery of the Fedorovo-Bishkul' type, have been brought to light. The third test pit (4x1. 5 m, from west to east) was opened in the central part of the river terrace, where the south-eastern border of the settlement was presumably located. Some osteological animal bones have been found here in association with a cylindrical vessel.

These three stratigraphic tests allowed to grossly understand that the stratigraphy of the Shagalaly II settlement was composed by a first layer of blackish turf mixed with humous, 10-15 cm thick, by a second layer of about 30-60 cm thick, consisting in greyish and yellowish ground mixed with large concentrations of ash and cinders (where most of the finds have been collected by the Maljutina's excavation) and a third layer 15-25 cm thick, made of dark grey-brownish crumbly ground with inclusions of clayey sand.

The first extensive excavation (483 m²), labelled number 1, has been opened after the completion of the first pits and trenches in order to excavate two well visible depressions in the ground, located very close to the river bank and already partially destroyed in their northern part by the fluvial erosion. For this reason, the Russian archaeologists decided to extend westward the first pit, previously excavated. These depressions contained the stratified remains of two semi-dugout dwellings (землянки) of a rectangular shape (respectively, 18x10 m and 16x13 m), both oriented north-west / south-east. The dwelling floors were almost horizontal, while the walls were vertical or slightly inclined towards the floor. The remains of vertically-set wooden poles have been found along the walls: about ten in the first dwelling and more than thirty in the second. The length of these wooden remains ranges from 0. 5 and 3 meters, while their diameter from 0. 4 and 0. 8 m. The inner space of the huts was characterized by some pits of different shapes: round (diameter between 1. 2 and 1. 9 m), oval (axes from 1. 2-1. 3 to 2. 9 or 3. 5 m), rectangular or quadrangular (*ca*. 2. 1x1. 8 x1. 1 m), possibly used for storing food and other household material. Small and narrow ditches characterized also the interior of the dwellings. These latter were hypothetically the remains of structures, probably in wood, straw and clay (the so-called «wattle and daub masonry») erected to divide the living room basement into sectors for different residential and economic purposes. Frequently, these inner hollows were bordered by rows of post holes, of 0. 15-0. 3 m of diameter. Interestingly, in the second pit-house excavated in 1983, the archaeologists found some hearts within deep pits[31], which were connected to a system of ditches dug within the room floor. Probably, these ditches were used at the same time as chimney pipes as well as heaters.

The material culture associated to the first excavation carried out at Shagalaly II included more than 4. 000 finds, among them 43 stone artefacts (two pestles and the fragments of two large millstones, fragments of rectangular flagstone, some abrasives and polishers, etc), 14 bone finds (piercers, spindle-whorls and other tools for leather and skin manufacture and smoothing), five flint-stone artefacts, five bronze tools (fragment of knifes, some hooks and wires pieces), four bronze ingots and clay and terracotta finds (a bead, a fragment of a spindle-whorl and an unidentified artefact). The excavation brought also to light a large number of pottery sherds of different cultural *facies* of the steppe Late Bronze Age and, uncommonly, of Central Asian production. On the floor of the second semi-subterranean dwelling, eleven complete vessels have been found.

[31] In the sites of the Fedorovo culture, the hearts were built adjacent to the house walls or in a corner of the room. This has been interpreted as another cultural feature of Central Asian provenience, where the fireplaces already in the Neolithic period (at the end of the 7th mill – beginning of the 6th mill BC.) were constructed against the walls.

One of them belongs to the Fedorovo-Begazy culture, while five have peculiar and close analogies with Central Asian items (Малютина, 1987: рис. 17, 1, 3-6; *eadem* 1991; Kuz'mina, 2007; Grigorev, 2005; Anthony, 2007; Kohl, 2007; Сакенов, 2014).

Most of the pottery from excavation II belongs to the Alakul' facies, with some sherds of the Fedorovo and Sargary phases of the LBA. This second excavation, of 18 m², opened on the border of a semi-dugout dwelling (number 3 in Fig. 1), allowed to focus the attention on the central part of the settlement, where a funerary stone structure protruded from the ground for about two tens of centimetres. The structure of the burial (number I), rectangular in shape (3. 0x2. 2 m), oriented north-east / south-west, contained a rectangular pit (1. 55x0. 6 m) with a slightly curved south-western side. The pit, 0. 9 m deep, was filled with medium-sized stones mixed with layers of ash and cinders, while the remains of a human skeleton were found at the bottom of the pit, in very bad conditions of preservation. The corpse was laid on its right side, in a crouched position, with the skull oriented north-east (south-west according to the drawing in the Maljutina's preliminary report). The arms were bent at the elbow with the hands in front of the face. The legs were tightly bent as well. The funerary inventory consisted only in an undecorated vessel, placed behind the skull, which has been dated back to the end of the Bronze Age – beginning of the Iron Age.

More than 2. 000 pottery sherds, mostly belonging to the Alakul' *facies*, and numerous animal osteological remains were gathered in excavation III (180 m²). This extensive excavation was situated in the central part of the settlement, between two clusters of semi-dugout dwellings. Here three stone pestles have been found in association with fragments of worked flagstones, some bone piercers, flint-stone arrow-heads, some handles manufactured from animal epiphyses, amulets or ornaments from fangs, a bronze small bar (rod) and two fragments of bronze awls or piercers. Two funerary structures in stone (named number 3 and 4) were discovered during this third excavation. The stone slabs of the first one were well visible on the surface, they indeed protruded from the ground for 0. 2-0. 35 m. A rectangular fence (3. 7x5 m) has been found 0. 2 m deep, oriented east – west. The stone slabs of the western wall were missing, while only few of them, vertically-set, were *in situ* and represent the southern wall of this third burial. The northern and eastern walls were entirely preserved. In the middle of the structure, the funerary fence was filled by stones and 0. 3 m beneath them a horizontally placed flagstone (1. 35x1. 00x0. 2 m) has been uncovered. This slab fully covered the pseudo-rectangular burial pit (1. 25x1. 11 m), oriented north / south. The grave contained an adult inhumated in a layer of loamy sand. The human remains were completely scattered. The grave goods consisted only of some large pottery sherds and few bones of domesticated animals.

The second grave (number 4) from Excavation III has been found 0. 35-0. 4 m beneath the surface. A rectangular fence, oriented north-east / south-west, was found in bad conditions of preservation. Only few small stones of the western, northern and eastern walls were *in situ,* while the 5 m long south-western wall was completely missing. Also in this case the centre of the fence was filled with stones and under this latter layer a stone cist (1. 3x1. 1 m), oriented north-east / south-west, was found completely covered by slabs. The floor of the grave was cut into the virgin soil and the

grave itself was filled by ash, light yellow loamy clay, stones of small sizes, fragments of human bones and some pottery sherds. Some other pottery fragments and bone remains have been discovered beyond the vertically-set slabs of the cist. The ceramic has been dated to the transitional period between the end of the Bronze Age and the beginning of the Iron Age.

At the conclusion of her excavations and researches, T. S. Maljutina stated that the earliest phase of the human peopling at Shagalaly II was located very close to the river bank and was associated with the Petrovka pottery tradition, while the central part of the village was fully populated during both the Petrovka (early Alakul' phase) and the following Alakul' *facies*. The architectural features exposed from the underground huts were dated to the transitional period between the Fedorovo and the Sargary archaeological cultures, when the cultural interactions with Central Asia were very active and widespread. Reading these remarks in terms of relative and absolute chronology with the purpose of updating the conservative, in our opinion, conclusions of T. S. Maljutina, it can be advanced that the human peopling in the settlement of Shagalaly II began in the early phase of the Late Bronze Age, i. e. the Petrovka and Alakul' culture, approximately dated to the first centuries of the 2nd millennium BCE.

Great interest has aroused from the discovery of an arrowhead in the summer 2013 on the surface of the ground back dirt of the Maljutina's excavation on the northern edge of the settlement (figs. 2-3). The arrowhead is slightly fragmentary, but complete in its main features (length: 5. 4 cm; width: 2. 1 and thickness: 0. 7 cm). Typologically, it is a quartzite tanged arrowhead of Sintashta type. In general, these arrowheads are considered as a 'visiting card' of the Sintashta warfare and they are very widespread in some of the Sintashta-culture sites (especially at Sintashta, Kamennyi Ambar and Tanabergen) and also in some Nura-type site of Central Kazakhstan (Ikpen' II), where they were manufactured both in flintstone and in quartzite (Генинг и др., 1992; Зданович и др., 2002:, с 68-69, рис. 41; Ткачев, 2002, рис. 28; *idem* 2007: рис. 56, тип 1-2; Koryakova and Epimakhov 2007; Bersenev *et al*. 2011: 179, fig. 2). In the upper Shagalaly river valley, some Sintashta-type arrowheads have been discovered in the recent past also in the site of Kenotkel' 10 (Зайберт и др., 2008, с. 356-357 (635), фото 635)[32].

These kind of stone points are very interesting because they represent an entirely new type, not found neither in the Neolithic Kel'teminar and Atbasar nor in the Eneolithic Botai culture sites. With a contracting stem, defined shoulders, and a long, narrow blade with a thick medial ridge, 4-10 cm long, these new stemmed points might have been for javelins. Their narrow, thick blades were ideal for javelin points because the heavier shaft of a javelin (compared to an arrow) causes greater torque stress on the embedded point at the moment of impact; moreover, a narrow, thick point could penetrate deeper before breaking than a thin point could. A stemmed point, by definition, is mounted in

[32] According to these weaponry artefacts, I suggest to update the periodization of Kenotkel' 10 prehistoric site which is chronologically attributed only to the late Mesolithic – early Neolithic period and to the late Bronze – Early Iron Age. It seems clear that this multilayered site attests also a Middle – Late Bronze Age phase of peopling, related to the Sintashta or Petrovka culture, and consequently it shared an occupational phase with the Shagalaly II settlement. Unfortunately, the site of Kentkel' 10 is today in bad conditions of preservation.

a socketed foreshaft, a complex type of attachment usually found on spears or javelins rather than arrows.

Then, after the earliest phase of the human occupation, related to the Sintashta-Petrovka culture, the settlement of Shagalaly II was reoccupied in the middle phase of the LBA by people who produced classic Andronovo-horizon ceramics of both the Alakul' and Federovo types, stratified above the Petrovka layer. The Andronovo village was then followed by a final LBA *intro moenia* cemetery with grave goods belonging to the Sargary ceramics, which date back to the transitional phase between the end of the Bronze Age and the beginning of the Early Iron age, i. e. in the second half of the 2nd mill. BC. Undoubtedly, this stratified sequence made Shagalaly II an important yardstick for the LBA chronology of the northern and central Kazakh steppes.

Chronological assessments.

It is time to update the Maljutina's chronological assessment grounded on the study of the metal artefacts and Central Asia vessels. Today, the improvement of the scientific cooperation between the scholars, the refinement of the chronology of the prehistory across the Eurasian steppe thanks to the wide exploitation of cluster of radiocarbon data and the increase of the quality of the research in most of the archaeological expeditions (Görsdorf *et al*.,, 1998; Görsdorf *et al*., 2001; Кирчо, Попов, 2005, с. 528-539; Kuz'mina, 2007, c. 467-476; Svyatko *et al*., 2009) allow us to completely re-think the chronological occupation of the Bronze Age village of Shagalaly II, which possibly span throughout the whole 2nd millennium BC, from the beginning to the end.

The use of calibrated radiocarbon data raised the question of setting the beginning of the Andronovo culture to the end of 3rd – beginning of the 2nd millennium BC and then we place the first occupation of the Shagalaly II village, characterized by the presence of Petrovka-related pottery, at the beginning of the 2nd mill BC. We are aware that the radiocarbon sequence for Andronovo is a matter of heated debate due to the wide variability in the range of dates, and that the differences between the chronological systems for Central Asia proposed by Russian-Central Asian and foreign archaeologists are especially marked. The calibration of radiocarbon dates has, of course, extended the traditional periodization, leading to alternative «high» chronologies, i. e. earlier 300-500 years than the traditional chronologies based on cross-cultural comparisons and analogies. Steppe materials can be related more confidently to remains from the Caucasus and southern Central Asia, and the latter, in turn, can be tied in to the radiocarbon *and*, in the best of cases, historical chronologies established for the Ancient Near East. The use of the high chronologies is justified on scientific grounds. Despite some scholars' disagreements (e. g., Кузьмина, 1994, с. 377), one cannot choose whether to calibrate or not the C14 dates. If such calibrated determinations change traditional chronological reconstructions, so be it. Greater objectivity is one of the theoretical virtues of the adoption of C14 analyses.

Our previous researches, studies and field experiences in southern Turkmenistan and Margiana, in Uzbekistan and in Tajikistan allow us to believe that the South-Asian line of synchronization, based on clusters of radiocarbon dates gathered from sites across the Indo-Iranian Borderland, is possibly the most correct and useful in order to establish an accepted chronology of the Eurasian steppe, from the Caspian sea to the Tjan Shan mountain and beyond.

The discovery of Petrovka type ceramics at the metallurgists' settlement of Tugai near Samarkand together with vessels of Sarazm, allowed B. Lyonnet (1996: 60, 68, 120) to assign this complex to the Sarazm III period and dates it to the 3rd millennium BC. On the other hand, N. A. Avanesova assigns it to Sarazm IV (Avanesova in Lyonnet, 1996) and dates the complex, according to the traditional chronology of Petrovka, to the 17th – 16th centuries BC. A. Isakov (Исаков, 1991, с. 113, 115) dates Sarazm IV, according to calibrated dates, to the 23rd – 19th centuries BC. Is it possible to chronologically attribute the Petrovka ceramic types at Shagalaly II site to the end of the 3rd millennium BC or is it more correct attribute it to the beginning of the 2nd mill BC ? According to the so-called «South-Asian line of synchronization» it can't be attributed it to the middle of the 2nd mill BC or to the 17th or 16th cent BC, while a chronological attribution to the beginning of the 2nd mill BC is much more persuasive and consistent.

The next stage of the relations between Central Asian and the Eurasian Steppe is represented by some basic evidences: 1) the discovery of lapis lazuli beads, of Afghan origin, in Sintashta (Kuz'mina, 1997); 2) the appearance of the stepped pyramid or crenellation (basic element in the decorative artwork on Namazga, Sarazm, and BMAC pottery, jewelry, metalwork, and even in a mural painted on the Proto-Elamite palace wall at Malyan) on the pottery of Sintashta, Potapovka and Petrovka; 3) a BMAC type vessel found in the settlement of Ustye (Виноградов, 1995); 4) a lead wire made of two braided strands, possible an import from the Zeravshan valley, that has been found among the metal objects in the Sintashta settlement of Kuisak; 5) a mirror with an Oxus Civilization (Bactrian) type handle at the Krasnoye Znamya burial mound (Сунгатов и Сафин, 1995); 6) numerous mixed complexes in southern Turkmenistan, Tadjikistan and Uzbekistan combining the wheel-made ware of the Namazga VI period, the hand-made pottery of Fedorovo and Andronovo metal types (P'yankova, 1994; Vinogradova, 1994; Kuz'mina and Vinogradova, 1996; Kuz'mina, 1997; Gubaev *et al*., 1998; Salvatori and Tosi, 2008); and 7) very peculiar and important important for our discussion the findings of imported, or imitating, BMAC pottery of the Namazga VI period at Shagalaly II in association with Fedorovo pottery (Малютина, 1991), already mentioned in this work. We think it is important to point out that all these finds appeared in the north exactly when northern or eurasian steppe pottery, chariot-driving cheekpieces, bit wear, and horse bones appeared in the south, among the farmers of southern Central Asia.

The chronology of these complexes is highly debatable. According to the traditional chronological scale, Sintashta – Petrovka period is assigned to the 17th – 16th centuries BC, while the Fedorovo complexes to the 15th – 14th centuries BC and even later. But, this traditional chronology is severely and widely criticized by many scholars (of European, American and Canadian, Indian and Sino-Japanese formation), who insist on assigning sites' chronology according to C14 and calibrated dates, which are approximately 300-500 years earlier. This «western» chronological system is very consistent, counting several radiocarbon dates of the Harappan culture in India (Possehl, 1994) and the Dilmun and Magan Civilizations spread on the southern shores of the Arabian Sea (Cleuziou and Tosi, 2007). At the same time, it correlates very well also with the new calibrated dates of the Novy Kumak horizon (Kuz'mina, 1997).

The following table highlights the chronological framework of reference for Shagalaly II, others site along the Shagalaly river and the Andronovo cultures widespread between Central and Northern Kazakhstan (modified after Frachetti 2012).

Sintashta – Arkaim period:	ca. 2200 – 1800 BCE
Petrovka culture (Andronovo Period):	ca. 1900 – 1750 BCE
Alakul' facies:	ca. 1750 – 1600 BCE
Fedorovo facies (Nura culture):	ca. 1700 – 1550 BCE
Sargary facies:	ca. 1600 BCE
Begazy-Dandibay culture:	ca. 1550 – 1400 BCE
Late Andronovo Period (Dongal culture):	ca. 1400 – 1200 BCE

The 2003 excavation.

Resuming the topic of the history of the researches and topographic location of the archaeological works at Shagalaly II, we briefly mention the 2003 excavation (fig. 4), when half of a pit-houses located in the middle of the settlement has been investigated by a trench of 21 m² (Акишев, Хасенова, 2004). The dwelling was of rectangular shape with an uneven (pitting) floor recognized 0. 7-0. 8 m beneath the contemporary surface. Some burnt remains of the wooden poles perimeter structure have been identified, but their conditions of preservation were very bad. Signs of fire have been detected in most of the layers of the pit-house filling, as well as pottery and stone findings were covered by black patches and traces of ash and cinders. B. A. Khasenova, field director of the excavation, noted, likewise Maljutina some years earlier, that most of the finds (pottery fragments, artefacts in stone, charcoal fragments, wooden remains and, mainly, a very high number of osteological animal bones) were brought to light from the greyish-yellowish layer of dusty loamy sand which surrounded the pit-house grey-brownish filling. Thirteen holes have been detected and excavated during that season; some of them were post holes, while others can be identified as structures with economical, household purposes, possibly for storing food and other products. More than 1. 600 pottery fragments have been gathered, about 620 of them were decorated by incised, grooved and comb-stamped patterns typical of the Bronze Age in the Eurasian steppe. Most of the ceramic fragments uncovered in 2003 season belongs to the Alakul' and Sargary – Valikovaja (roller) pottery traditions. Other finds dutiful to mention are: some bronze arrow-heads, spindle-whorls, a ceramic burnisher, bone piercers, numerous percussors and two pestles.

The 2005 excavation by V. F. Zaybert.

During the 2005 excavation season, directed by V. F. Zaybert, two funerary barrows located at the westernmost edge of the settlement have been exposed (Зайберт и др,. 2008, с. 354). The *kurgans*, respectively of 5 and 8 m of diameter and 0. 3 and 0. 5 m height, were characterized on their top surface by traces of stones fences, which today are not more recognizable, because most of the slabs and boulders has been removed and replaced somewhere else. The biggest barrow carried on its top clear signs of plundering in the form of three roundish pits, 0. 3-0. 7 deep. The burial was found 0. 3 m under the surface; it was pseudo-rectangular in shape (2. 8x1. 2 m), oriented north /

south, with the floor paved by flat stone slabs of different sizes and shapes. Only some human bones, a hand and a hip articulation, were collected during the excavation. It is highly possible that the grave has been disturbed in the past, but the excavator also suggested that it represented a ritual or partial deposition.

Two burial pits were located 4 m west and south-west of this big barrow. The remains of the pits were recognized at the depth of 0. 5 m. The first pit was 1. 7x1x0. 8 m in size, while the second one was 2. 25x1. 5x0. 7 m. In one of the two, the skeleton lied contracted on the right side, with the hands near the chest and the skull oriented towards the south. The thoracic vertebrae were placed parallel to the lumbar. The skull was found on the chest surrounded by three pottery sherds belonging to an undecorated pear-shaped vessel. Presumably, the individual died when he was 35-40 years old, accordingly to the excavator. Close to these finds, two mandibles have been found: one belonged to a female individual of 20-25 years old and the second to a child of 6-8 years old. Near the hand bones of the female skeleton, some remains of the chest of a child of 3-5 years old have also been found.

In the second burial pit the remains of a wooden pole have been found in association with a skeleton buried in supine position with the knees tight up together and the hands close to the chin. On both sides of the skull, two vessels were found. One of them was complete, undecorated, of jar shape, while the second one was cylindrical, decorated by oblique notches. On the chest, an animal mandible was also recovered.

The second barrow discovered during the 2005 excavation, smaller than the first one, was located north-east of a semi-dugout dwelling. As already stated, also here the burial was characterized by a stone fence on the surface and by a burial chamber identified 0. 3 m below the contemporary plain of the river terrace. The body lied supine with the legs so tightly bent that the knees were near the chest, the arms also tight up at the elbow with the hands in front of the face; the skull was oriented towards the south.

Contemporary excavations and researches.

From 2010, the researches of the Ishim Stationary Archaeological Expedition the Institute of Archaeology «A. K. Akishev» of Astana focused on an area of about 864 m² in the central part of the settlement (fig. 5), where three pit houses, respectively number 6, 7 and 9 of the Maljutina's plan, have been excavated (Сакенов, 2011, с. 335-340; *idem* 2014). In the courtyards between the dwellings a large number of pits and so-called «wells» as well as four burials, one of which contained the inhumation of a child, have been brought to light. The perimeter of the dwelling was characterized by ash and cinder layers, some of them of thick depth, containing a very conspicuous number of pottery sherds of different types and chrono-cultural affiliation. The floor of the hut was discovered at the depth of 0. 8-1 m and it was characterized by two rows of pole holes in the middle of the inner space and by perimetrical pole-holes, distanced 1. 2-1. 5 m each other, close to the walls. Possibly, two of the pit houses (number 4 and 7) were characterized by an entry in north-western corner of the dwelling. Long the walls of this entry some wooden logs, horizontally found, allowed to hypothesise the presence of a lobby closed by a door witnessed by the discovery of two pole holes of 0. 2-0. 3 m in diameter, at a distance of 1 m each other.

The pottery collection from this excavation is represented by three main ceramic groups, according to the archaeologist: 1) Central Asian pottery stratified in the first 0. 4 m of the anthropic deposit (*idem* 2014, c. 559); 2) Late Bronze Age pottery, belonging to the Sargary-Alekseev culture, found between 0. 15 and 0. 4 m; 3) Nura type pottery located between 0. 4 and 0. 8 m. Most of the bronze, bone and stone artefacts have been found within layers of ash and cinders around the perimeter of the hut. A remarkable 17. 5 cm long bronze knife has been found vertically stabbed in a sheep bone. Other conspicuous finds included a bronze chisel, 12. 5 cm long, 1 cm wide and 0. 5 cm thick; a bronze tool for jewellery manufacture, 5. 6 cm long 0. 4 cm wide, and some bronze pendants of oval and pseudo-oval shape. Among the artefacts in bone, a round bead of 2 cm in diameter with the burnished surface was uncovered, while among those in stone a whetstone (4x2 cm) and a round worked artefact.

The 2013-2014 excavation.

In 2013 began a new phase of the archaeological excavations at Shagalaly II. For the first time the Italian Archaeological Expedition in Kazakhstan, aka IAEK, joined the Institute of Archaeology «A. K. Akishev» of Astana in order to share resources and forces and to work together to dig this very important Bronze Age site (fig. 5). While S. K. Sakenov excavated a medium-sized funerary barrow on the slope of the Adyr mountain on the eastern side of the settlement that resulted to be an Early Iron Age kurgan containing the burial of a warrior with its funerary inventory of about ten bronze arrow-heads and a bronze knife with handle decorated in animal-style, G. L. Bonora[33] opened a new trench (8 m east – westx 12 m north – south) in the middle of the Bronze Age settlement. The IAEK trench was located about 20 m south of the Maljutina's Excavation I and about 8 m south-east of the Excavation II of the same Russian archaeologist. The location of the new trench has been chosen in correspondence to a small-to-medium-sized depression (number 4 in Maljutina's plan) which optically differed from the others for its not-large dimensions and shallow depth. Two years of work allowed to expose a very complex stratigraphical column where three superimposed architectural layers (building horizons) have been detected. Each of these horizon is related to a semi-dogout dwelling. In other words, three semisubterranean dwellings, different in shape, orientation and sizes, have been detected by the IAEK expedition. While the latest dwelling was oval in shape, oriented from northeast towards southwest and has the major axis 8 m long and the minor 6 m long, the middle structure was perfectly oriented north – south with sizes larger than the later one. The earliest dwelling, recognised only inside the small-sized test pit along the western side of the excavation, was possibly of round or oval shape with a diameter of about 6-7 meter. Only the prosecution on the work, planned for 2015, will document the main characteristics of the three structures. The earliest hut was built on the bedrock.

[33] Participants to the IAEK excavation in 2013-2014: Flavia Pacelli and Stefano Palalidis from «La Sapienza» University of Rome, Stefano Camellini and Sara Zaia, from the Dept. of History, Culture and Society of the University of Bologna. The Kazakh students who take part to the researches in the field were the following: Danijar T. Tleugabulov, Ali B. Nurgaljev, Pavel Kucherov, Nurken A. Abdigali and Aygerym S. Bostikbaeva.

Considering that the pottery recovered from the IAEK excavation has not been analysed so far and that no other artefacts with a chronological value have been found, it's not possible to advance in this moment some specific assessment about the absolute chronology of these three superimposed dwellings. At a first look, it seems that the middle and the later hut belong to the Fedorovo phase of peopling at Shagalaly II. We haven not enough data to state even some preliminary words about the chronological position of the earlier dwelling.

Topographical peripluos within and around Shagalaly II site complex.

Shagalaly II is not an isolated archaeological site in the upper valley of the homonymous river. Very numerous are the archaeological evidences around it and some of them are in such a close cultural proximity with the Bronze Age site that Shagalaly II is more conceivable as a complex site. Located on, around and at the foot of a hill (headland), this site complex is surrounded on the eastern side by a mound (Adyr), on the foothill of which some burials have been detected and already excavated (excavation S. K. Sakenov, 2013), and on the other three sides by the homonymous river. The complexity consists in the fact that the site is articulated in some sectors, having different functions and exploited in different periods of the prehistory (fig. 6). It is possible to recognize, firstly, the already mentioned Bronze Age settlement of about a dozen of semi-subterranean dwellings, widespread on a wide, low and flat river terrace. Approximately twelve burials[34], later than the village, have been dug amidst the pit houses, at the time these were already abandoned and in disuse. The river terrace was at the beginning a city of the living and then a city of the dead. Afterwards, beginning from the Early Iron Age it has been exploited as a pasture land for grazing cattle and horses, and the situation is still today the same. The western border of the ancient village is represented by an open river terrace. In this latter area the archaeological evidences are very scanty, besides of some isolated stones and builders moved here in recent times and likely taken from the ancient funerary structures. It is possible to suggest the reason why this western part of the river terrace lacks of any archaeological evidences. The topographical plan performed in summer 2013 by G. L. Bonora and S. Zaia, with the kind assistance of D. Tleugabulov, highlights the possibility that the Chaglinka river had a slightly different course in the prehistory than that it has today. It flowed very close to the headland, around it, where two depressions or ponds, close to each other, are remains of the old river bed. Then it forked into two branches, one of which crossed the contemporary river terrace at the middle of its extension, while the second flowed along the foot of the hill (fig. 5). Today, the first of the two branches is still well visible, while the second one has been almost completely covered by alluvial deposit slid down from the hill slope. In the prehistory, the river course represented a natural boundary enclosing and surrounding the settlement and constraining the movement of the community only onto the eastern contemporary part of the terrace. The topographical plan highlights other small river beds crossing west – east the western part of the river terrace, turning it into a sort of swamp, not allowing any kind of human exploitation in terms of settlement and residence. Climbing to the hillock and the headland was

[34] According to both T. S. Maljutina and V. F. Zaybert.

possible only through the central part of the slope, where some stone cists burials have been erected marking unequivocally the pathway between the plain and the top of the natural hill and headland. These burials, located on the northern slope of the headland hill, are today partially covered by grass. Most of them have been already excavated but they are still unpublished.

Such topographical conditions, represented by the occupation of a flat river terrace with easy access to the water and the presence of lowland in close proximity, are typical features of the Petrovka sites of southern Ural and northern Kazakhstan regions. And Shagalaly II possibly shared another feature with other Petrovka sites. Evidences of a full-scale defensive system consisting in wood and earthen wall with a ditch like that identified at the typical Petrovka site of Ust'ye (Виноградов, 1995; Виноградов, Епимахов, 2013) are completely missing in our excavation. Maybe just because the archaeologists never tested and never searched for them. However, more simply, it's conceivable that the site was surrounded and defended by the same natural river and/or by an artificial ditch obtained by deepening the old river bed of the Shagalaly. Like other sites of the Petrovka culture, we can't exclude *a priori* the existence of a complex defensive structure at Shagalaly II, in association with the natural boundary established by the river itself.

We can then assume that the Shagalaly site II was like a sort of oval-shaped island, outstretched from north-east to south-west and surrounded or inundated all around by the water of the Shagalaly river. The situation was hypothetically not dissimilar to Sintashta.

According to the topographical plan, the area occupied by the settlement could be estimated between 25. 000 and 27. 500 m². The Bronze Age settlement extends for 200 m north – south to 120-130 m east-west. Considering that the anthropic deposit of the settlement is easily recognizable on the slope of the northern river bank, we can state with great confidence that part of the Bronze Age settlement has been already destroyed by the river flow. During the Bronze Age the village was bigger than today, but it is impossible to estimate the real area of the prehistoric site. The left bank of the Chaglinka river has been surveyed, but no finds have been recognized.

The spatial location of the semi dug-out huts allowed to identify some clusters with different characteristics (fig. 1). Two dwellings, forming a first group (number 1 and 2)[35], were near to one another on the edge of the river; both of them shared a parallel main axis of construction (oriented north-north-west / south-south-east) and the same rectangular plan. The second and fourth groups of dwellings consisted respectively of six (from number 3 to 8) and four structures (from number 11 to 14) organized in a row. The fourth group is about 30 m south-west of the second one. In the space between these clusters two more isolated dwellings (number 9 and 10) represent the third group. Here in Shagalaly II it is then possible to detect both independent semi-subterranean houses and pairs of pit houses which shared a wall or were built very close by, as for example pit-houses numbers 3-5 of the second cluster, and numbers 11-12 and 13-14 of the fourth cluster.

[35] These two huts are not numbered in Fig. 1 because already excavated by Maljutina in 1982-83.

Number	Shape	Sizes	Depth	Orientation	Notes
3	Oval-elongated	26x15 m	1 m	NW – SE	
4	Oval	13x9 m	0. 6 m	NE – SW	
5	Oval-elongated	26x11 m	0. 8 m	NW – SE	
6	Round	9x9 m	0. 4 m	--	
7	Oval	12x9 m	0. 4 m	NE – SW	
8	Oval-elongated	27x13 m	1. 5 m	NE – SW	
9	Round	9x9 m	0. 5 m		
10	Oval	8x6 m	0. 3 m	NE – SW	
11	Oval	20x14 m	0. 9 m	NE – SW	
12	Oval	25x14 m	0. 8 m	NE – SW	
13	Oval	16x13 m	0. 7 m	NE – SW	
14	Oval	22x14 m	1 m	NE – SW	

Another articulation of the Shagalaly II site complex is located on the picturesque top of the headland, leaning over the river course and the Bronze Age settlement (fig. 5). This area contains two clusters of funerary graves: nine burials (a barrow and eight small-sized graves) displaced in row on the edge of the cape and dated to the mediaeval period, according to the excavation of the barrow carried out by S. K. Sakenov in 2012, and two medium-sized funerary barrows, erected respectively 150 m east-south-east and 220 m south-east of the steep escarpment. The diameters of both kurgans is comprised between 5-6 m, while their height does not exceed 0. 4 m. Their filling, consisting in stones and earth, seem to be without traces of plundering. Other funerary structures of bigger sizes are located on the hill top. Kentokel' 17 is a funerary barrow of 8 m in diameter and of 0. 6 m in height, with a filling of stones and earth. Unfortunately, in the middle of the structure, a robber round pit 1 m wide and 0. 2 m of depth does not leave doubt about the violation of the grave (Зайберт и др. 2008: 348-349, nr. 619). Kenotkel' 18 is a graveyard composed by six funerary structures of the Bronze Age, five of them are in very bad condition of preservations if not completely destroyed. Today, only a stone barrow is still recognizable. It raises 0. 3 m above the surface and its diameter is about 8 m (Зайберт и др., 2008, с. 350-351, nr. 624).

Another barrow has been erected in another sector of the site complex. It is south-east of the settlement, ca. 400 m far on top of a hill at the foot of the Adyr mountain. It has been the main object of the ENU university excavation in summer 2013 directed by S. K. Sakenov. This barrow resulted an Early Iron Age kurgan containing the burial of a warrior provided by a funerary inventory of about ten bronze arrow-heads and a bronze knife with handle decorated in animal-style. From a chronogical point of view, this burial can be dated back to the 8th – 7th century bc.

While the northern side of the headland and hillock is characterized by the already mentioned Bronze Age settlement and cemetery of Shagalaly II, the southern side, facing the contemporary village of Kenotkel' and the Koshkarbay mountain covered by firs, is occupied by the remains of two Neolithic – Bronze Age camp-sites, Skif 3 and Skif 4, located very close to each other on the first terrace of the Koshkarbay-Chaglinka river system. Both encampment surfaces are today in bad conditions of preservation due to the damages caused by water and aeolian erosion, as well as by the trampling of cattle while pasturing. The survey done in 1990 by Serghey O. Miller allowed to recognized in the Skif 3 site two pit houses' hollows of small sizes (4x12 m), oriented north – south, in association with some well-fired pottery sherds decorated by comb-stamped patterns (Миллер, 1991, c. 29). In 2006, a new survey brought to light other ceramic sherds of the same typology. The 2013 IAEK survey did not recover any new artefact, allowing to suppose that the small village unfortunately had been already destroyed by the contemporary anthropization and animal exploitation of the natural resources. In the Skif IV camp-site the cultural material brought to light in 1990 by S. O. Miller consists of a knife-shaped blade with secondary retouch, some scrapers and flakes. During the 2006 survey, no surface material has been found, while in 2013, the authors of this paper with some IAEK colleagues gathered an interesting amount of lithic artefacts, among them worth noting are a fragment of an arrowhead and of a spear-head, two frontal scrapers manufactured from blades, about a dozen of knife-shaped blades without supplementary retouch and some blades retouched only on one side. The lithic inventory was characterized also by some flakes. Only one bladelet was retouched on both sides. Very interesting has been the discovery of a burin and a piercer manufactured from a blade. The stone raw material used for manufacturing the lithic implements is represented by flintstone of pink-reddish, red-brownish and light yellow-greyish colour and by a jasper-like stone of reddish colour. Less than ten pottery sherds have been collected in 2013. They are of small sizes, uneven fired, with a great amount of inclusions in the paste (mica, quartzite and also organic elements). Usually, their outer surface is pink-reddish, while the inner is dark brown or even blackish. One of the ceramic fragment is decorated by small notches. According to the 2013 IAEK survey, the dispersion of the ceramic and lithic artefacts covers an area of about 15 m of diameter.

The evidences of the human peopling in this district of the upper Shagalaly river valley are very numerous confirming that it was a favourable geographical area already during the prehistory, characterized by widespread resources as water, wood of birch-, aspen- and willow-trees (*Salix* sp.), reeds and bushes, rich grass pastures of the genus *Stipa*, *Festuca* (Volga fescue) and others (see hereafter Fig. 7) There were also wild animals as the Mountain hare (*Lepus timidus)*, fox (*Vulpes vulpes)*, beaver (*Castor fiber)*, badger (*Meles meles)* and the wolf (*Canis lupus*). The hunting animals are represented by the Siberian roe deer (*Capreolus pygargus)*, the red deer (*Cervus elaphus)* and the Eurasian elk (*Alces alces*). Birds were numerous in the past as they are today: falcon (*Falco* sp.*)*, common kestrel (*Falco tinnunculus)*, merlin (*Falco columbarius)*, black grouse or blackgame (*Tetrao tetrix)* and ptarmigan (*Lagopus).* The avifauna richness is recognizable in different species of ducks and geese, as for example some exemplars

of the grey goose family (*Anser)*, the eurasian coot (*Fulica atra)*, some exemplars of the grebe family (*Podiceps)*, the gull (*Larus)*, waders or shorebirds of the *Charadriiformes* sp., mute swan (*Cygnus olor)*, great spotted woodpecker (*Dendrocopos major)*, Eurasian wryneck (*Jynx torquilla)*, Eurasian golden oriole (*Oriolus oriolus),* great tit (*Parus major),* cuckoo (*Cuculus canorus),* rook (*Corvus frugilegus),* Eurasian magpie (*Pica pica)* and the crow *(Corvus).* Amphibians, like moor frog (*Rana arvalis)*, some exemplars of toads and green todas (*Pelobates* spp. and *Bufo viridis*) and fishes, of small sizes, complete the picture of the food chain.

During the 2013 season of excavation, ground samples have been taken in five different contexts of the anthropic deposit in order to study fossil and living spores (of lichens and mosses) and pollen (of flowering and arboreal plants). The examination of their production, dispersal, and applications is an aid to the reconstruction of past vegetation and climates and can provide information on ancient use of plants and plant resources by the human and animal community. Each kind of flowering plant produces pollen that is unique and pollen grains have tough coverings that can last a long time. The resilient exine of the pollen and spores is preserved in anaerobic environments, such as lakes and bogs, and in some acidic and dry soils, as in caves. Unfortunately, the condition of preservation of pollens and spores are bad in case of loose, poorly consolidated sediments and aerated soils. This is the specific situation of the Shagalaly II soils, where only one sample (SHG Exc 1 us 44) contained a good amount of pollen grains highlighting an environment very similar to that of today, an arboreal and herbaceous landscape unchanged significantly in the last four millennia, from the Bronze Age onwards (table 1).

The large concentration of settlements, burial grounds and camp-sites in the area of Shagalaly II indicates that during the prehistory there existed very favourable climatic, geographical and social living conditions. The proximity to water sources, the presence of a large flora diversity (for livestock feed, for the construction of dwellings and for agriculture), a relatively warm and quite humid climate, as well as lots of open spaces for pastures and for the human settlement. The palynological analysis (table 1) shows that during the Bronze Age in this territory there were open steppe areas with grass – steppe vegetation. The climate was also favourable and this probably contributed highly to the human resilience in this region[36].

One of the main characteristics of the Kenotkel' district in the upper Shagalaly river valley, from an archaeological point of view, is its richness in the number of the sites, settlements and graveyards, represented by a capillary and conspicuous distribution of sites which span from the Neolithic period to the Iron Age and also later[37].

The human peopling shows then a deep continuity during the prehistoric period which is possible to follow all along the river course in its upper section and mainly in the sector of the river which skirts the Koshkarbay mountain and crosses the Kenotkel' plain. Neolithic encampments are located very close to settlements and burial grounds

[36] The samples collected at Shagalaly II settlement have been analysed by S. Nigmatova of the Institute of Geology, Almaty, to whom we address our thanks.

[37] In this work, we consider the Medieval and the Ethnographic periods of the Kazakhstan history only for quantitative purposes.

of the Aeneolithic period – Early Bronze Age and of the Middle and Late Bronze Age, which in their turn are next to funerary barrows and sites of the Iron Age. Here it follows a table (number 2) highlighting the number of the archaeological sites recognized and studied in the most important districts of the Zerinda region, between Kokshetau and Zerinda itself. As a result, the Kenotkel' district seems to be the more dynamic of all, considering that it is the only one continually occupied from the Neolithic period to the Mediaeval ethnographic age. On the other hand, the number of the sites of each chronological periods considered is higher here than in the other districts.

Number of the sample	SHG exc 1 us 44	SHG exc 1 us 44	SHG exc 1 us 17	SHG exc 1 us 17	SHG exc 1 us 29	SHG exc 1 us 29	SHG exc 1 us 4 cut 7	SHG exc 1 us 4 cut 7	SHG exc 1 us 8	SHG exc 1 us 8
Total quantity of the pollens	**74**	**2**	**8**	**4**	**3**	**5**	**4**	**1**	**3**	**2**
Arboreal plant – Древесные										
Pinus	**2**	**-**	**-**	**-**	**-**	**-**	**-**	**-**	**-**	**-**
Piceae	**4**	**-**	**-**	**-**	**-**	**-**	**-**	**-**	**-**	**-**
Herbaceous plant – Травянистые										
Poaceae	**15**	**-**	**-**	**-**	**-**	**-**	**-**	**-**	**-**	**-**
Typha	**1**	**-**	**-**	**-**	**-**	**-**	**-**	**-**	**-**	**-**
Artemisia	**18**	**-**	**2**	**3**	**-**	**1**	**-**	**-**	**-**	**-**
Chenopodiaceae	**2**	**-**	**1**	**-**	**-**	**-**	**1**	**-**	**-**	**-**
Trilobate	**21**	**2**	**5**	**1**	**3**	**4**	**3**	**1**	**3**	**2**
Ephedra	**1**	**-**	**-**	**-**	**-**	**-**	**-**	**-**	**-**	**-**
Rosaceae	**1**	**-**	**-**	**-**	**-**	**-**	**-**	**-**	**-**	**-**
Urtica	**5**	**-**	**-**	**-**	**-**	**-**	**-**	**-**	**-**	**-**
Asteraceae	**2**	**-**	**-**	**-**	**-**	**-**	**-**	**-**	**-**	**-**
Lamiaceae	**1**	**-**	**-**	**-**	**-**	**-**	**-**	**-**	**-**	**-**
Primulaceae	**2**	**-**	**-**	**-**	**-**	**-**	**-**	**-**	**-**	**-**
Spores – Споры										
Polypodiaceae	**2**	**-**	**-**	**-**	**-**	**-**	**-**	**-**	**-**	**-**

Table 1. Palynological analysis, with very preliminary results, of the sample collected in 2013 in the Bronze Age settlement of Shagalaly II

Some *caveat* are however necessary in order to better understand the reason of this preponderance, maybe artificial, of the Kenotkel' district above the others. The

Kenotkel' district, unlike the others, has been surveyed by many expeditions, beginning from the 1956 CKAE survey organized and headed by A. K. Akishev and finishing with the IAEK expedition in 2013[38].

It must be considered that the Shagalaly river in the Kenotkel' district runs truly embedded in the ground, between hills and plateau, without the possibility to shift and change its course and causing in this way the destruction of some sites, as happened in other more plain districts as Troitzkoe and Karsak. In these latter districts, the river bed is very wide, more than 14-15 m. As a result, we don't know where the river Shagalaly flowed during the Neolithic – Eneolithic and in the Bronze Age in this districts and where the root banks of the prehistoric river, on which presumably were located the camp-sites and the settlements of the prehistoric period, were located. Troizkoe and Karsak document a fairly high number of Late Bronze Age and Iron Age burial grounds, the location of which were usually not so close to the river bed. Their conditions of preservation are today relatively good, as pointed out by the 2013 research season organized by the Astana branch of the Institute of Archaeology «A. Kh. Margulan», headed by D. Baytileu, in the site of Ormandybulak (Байтлеу и др.,2013).

Moreover, it must be taken into account that in the Kenotkel' district the number of the agricultural fields is very limited due to its main hilly and mountain landscape. This district was not subject to land reclamation, to intensive ploughing activities and to the destruction of the surface ground for economical purpose so intensively as for example those of Karsak and Troiskoe. It played always a great role as pastures for horses, sheep and goats, cows and bulls. This is an another possible reason explaining why the Kenotkel' district preserves so far more numerous archaeological sites than the other areas along the upper Shagalaly river valley, where some sites have been completely destroyed in the Fifties during the Nikita Krushev's Virgin Land campaign.

To the sites and encampments already known and published in the literature in Russian and Kazakh languages, we have to add two new camp-sites, or scatter dispersions, of the Late Bronze Age which have been recognized in the 2013 survey carried out by the IAEK members on the south-western slope of the Adyr mountain, very close to the Koshkarbay steam, on its left bank. These new scatter dispersions, of small sizes and represented by pottery sherds, plain and decorated by comb-incised patterns, and some slags from metal production, have been labelled KNT 110 and KNT 111.

The analysis of this table highlights first of all a very few number of sites of the Eneolithic period and of the Early Bronze Age. Two of them, Vasil'kovka 4 and Kenotkel' 8, are very important because they attest the presence of the Botay eneolithic culture also in the upper Shagalaly river valley (Зайберт, 2009, с. 215-218, с. 224-225; Зайберт и др., 2008, с. 338 (590), с. 356 (634). However, the overall number of the sites dated to the end of the 4th – 3rd millennium BC is very limited. The possible explanation is related to the stratigraphic position of these eneolithic sites deep in the ground, below the humous upper layer and also covered by other later sites and settlements. They

[38] In between we have to mention the 1972-1973 CKAE expedition headed by M. K. Habdulina, the 1983 UKAE work, the Shalagin's survey in 1988, in 1990-1992 by M. K. Habdulina and S. O. Miller, in 2003 by the Institute of Archaeology of Astana directed by A. K. Akishev and B. Kasenova and in 2005-2006 by V. F. Zaybert of the KAE.

are hardly visible on the surface of the ground and most of them have been detected only when the collapsed bank of the river has been surveyed allowing to identify the presence of anthropic layers, pottery sherds, animal bones finds and lithic flakes and tools.

	Neolithic	Eneolithic-Early Bronze Age	Middle and Late Bronze Age	Early Iron Age and Iron Age	Mediaevel period
Lineevka	**1**			**1**	
Razdel'noe			**1**		
Kuropatkino	**1**		**3**		
Vasil'kovka	**3**	**1**	**1**	**2**	**2**
Konyspay			**3**	**5**	**3**
Shagalaly				**2**	
Kenotkel	**13**	**3**	**13 + 2**	**6**	**2**
Koshkarbay			**2**	**2**	**1**
Aydarly[2]			**5**	**4**	**2**
Troizkoe	**2**		**3**	**2**	**1**
Karsak			**7**	**2**	**2**

Table 2. Table highlighting the number of the archaeological sites recognized and studied[39] *in the most important districts of the Zerinda region, between Kokshetau and Zerinda.* [40]

Another suggestion has to be pointed out. The siting of the archaeological monuments in the Upper Shagalaly valley has not changed during the Neolithic and Bronze Age[41]. All the camp-sites and settlements are located very close to the water of the river and streams, usually on the first river terrace; some of them seem clearly to have been erected on the edge of the river bank and this explains why some of them, as Shagalaly II and others, are today in very bad conditions of preservation due to the fluvial erosion. We have not recognized evidences of Neolithic and Eneolithic burials to date, however the burial grounds of the Bronze Age period are usually positioned within the settlements (*intra moenia* graves) or on the slope of the hill in close proximity to a contemporary village, composing then a tight cultural cluster. The Bronze Age burial grounds are not located on the top of hills and hillocks, which is on the contrary the peculiar feature of the funerary barrows of the Iron Age and later periods. Unfortunately, we don't know any Iron Age and Mediaeval settlements in the Kenotkel' district of the Upper Shagalaly valley so far and this can be regarded as a possible evidence of the

[39] Along the Koshkarbay brook.

[40] Along the Koshkarbay brook.

[41] The Eneolithic period is not considered in this analysis due to the so far missing location of sites and burials for the reasons already exposed previously.

nomadic way of life of the communities of this region. Despite it, we have to assume that between the end of Bronze Age and the Early Iron Age a dramatic shift in settlement patterns appeared in close correspondence with the beginning of the nomadic economy based on seasonal meridianal transhumance and seasonal mobile exploitation of the local resources. Then, the appearance of medium-to-large funerary kurgan already in the Early Iron Age marks a completely new phase of land exploitation of the region, based on temporary, mobile settlements of proto-yurts type dwellings, and on large, open pastures for cattle, in the centre of which, as an incontrovertible socio-political land mark, stood the ancestor's cemetery with well raised funerary barrows.

Literature

Акишев К. А. Памятники старины Северного Казахстана // Труды Института истории, археологии и этнографии АН КазССР. Т. 7, 1959. – С. 3-31.

Акишев К. А., Агеева Е. И., Кушаев Г. А., Максимова А. Г., Сенигова Т. Н. Археологическая Карта Казахстана. – Алма-Ата, 1960.

Акишев К. А., Хасенова Б. М. Работы на поселении эпохи бронзы Павловка // Отчёт. Работы Ишимской стационарной археологической экспедиции на территории Акмолинской области в 2003 году. – Астана, 2004.

Байтлеу Д., Самашев З., Зайберт В. Ф., Магзумов А. М., Тюлебаев А. Ж. Исследования могильника Ормандыбулак в Зерендинском районе Акмолинской области // Труды филиала института археологии им. А. Х. Маргулана в г. Астана. – Астана, 2013. – С. 100-111.

Н. В. Виноградов Южные мотивы в керамических комплексах эпоки бронзы в южном Зауралье // Конвергенция и дивергенция в развитии культур эпохи энеолита – бронзы Средней и Восточной Европы. – СПБ, 1995.

Виноградов Н. В., Епимахов А. В. Древнее Устье: укрепленное поселение бронзового века в южном Зауралье.-Челябинск: Абрис, 2013.

Генинг В. Ф.,Зданович Г. Б., Генинг В. В. Синташта // Археологические памятники арийских племен Урало-Казахстанских степей. – Челябинск, 1992.

Зайберт В. Ф. Ботайская культура.- Алматы: ҚазАқпарат, 2009.

Зайберт В. Ф., Камалова Г. М., Бекмагамбетов Г. М., Туякбаев Х. К., Агитаев С. С., Хабдулина М. К., Варфоломеев В. В., Плешаков А. А., Григорьев Ф. П., Ибраев Т. К. Историко-культурное наследие Акмолинской области. Свод Памятников. – Алматы: НИПФ РГП «Казреставрация», 2008.

Зданович Д. Г. и др. Аркаим: некрополь (по материалам кургана 25 Большекараганского могильника). Книга 1.- Челябинск, 2002.

Исаков А. И. Саразм.- Душамбе: Дониш, 1991.

Кирчо Л. Б., Попов С. Г. К вопросу о радиоуглеродной хронологии археологических памятников Средней Азии V-II тыс. до н. э. // Stratum Plus. СПб.; Кишинев; Одесса; Бухарест, 1999. – № 2. – С. 350-361.

Массон В. М., Берёзкин Ю. Е (ред.) Хронология эпохи позднего энеолита – средней Бронзы Средней Азии. Погребения Алтын-депе. – СПБ: Нестор-История, 2005.

Кузьмина Е. Е., Откуда пришли Индоарии? // Материальная культура племен Андроновской общности и происхождение Индоиранцев. – Москва, 1994.

Малютина Т. С. Поселение и могильник Павловка // Отчёт. Полевые археологические исследования УКАЭ в Казахстане в 1982-1983 гг. – Челябинск, 1987. – С. 3-26.

Малютина Т. С. Стратиграфическая позиция материалов фёдоровской культуры на многослойных казахстанских степей // Древности Восточно-Европейской лесостепи: Межвузовский сборник научник трудов. – Самара, 1991. – С. 141-162.

Миллер С. О. Разведочные обследования в Кокчетавской области // Отчет о научно-исследовательной работе СКАЭ в 1990 году. – Петропавловск, 1991.

Оразбаев А. М. Северный Казахстан в эпоху бронзы // Труды Института истории, ирхеологии и этнографии АН КазССР. Т. 5, 1958. С. 216-294.

Оразбаев А. М. Поселение Чаглинка (Шагалалы). Некоторые формы и типы жилищ // По следам древних культур Казахстана. – Алма-Ата: Наука, 1970. – С. 129-146.

Плешаков А. А., Зайберт В. Ф., Мартынюк О. И., Баев А. В, Попов А. М., Абуов Н. А., Бородавко Д. А., Плешаков Р. А., Калиев Б. А. Свод памятников истории и культуры Республики Казахстана. Северо-Казахстанская область.- Алматы: Аруна, 2007.

Сакенов С. К. Археологические работы на поселении Шагалалы II (Павловка) в 2010 г. // Маргулановские чтения 2011. – Астана, 2011. – С. 335-340.

Сакенов С. К. Станковая керамика из поселения Шагалалы II (К вопросу о культурных связях племен эпохи бронзы Северного Казахстана и Средней Азии) // Диалог культур Евразии в археологии Казахстана. Сборник научных статей, посвященный 90-летию со дня рождения выдающегося археолога К. А. Акишева.- Астана: Сарыарка, 2014.- С. 557-567.

Сунгатов Ф. А., Сафин Ф. Ф. Исследования курганных могильников в Зауралье в 1991 г. // Наследие веков.- Ufa, 1995.

Ткачев В. В. Центральный Казахстан в эпоху бронзы.- Тюмень: ТюмГНГУ, 2002.

Ткачев В. В. Степи Южного Приуралья и Западного Казахстана на рубеже эпох средней и поздей бронзы. – Актобе, 2007.

Хабдулина М. К., Разведочные исследования правого берега р. Чаглинка //Отчет. Полевые исследования Северо-Казахстанской археологической экспедиции в 1972 г.- Петропавловск, 1973. – С.64-70.

Anthony D. W. The Horse, the Wheel and Language. How Bronze Age Riders from the Eurasian Steppe shaped the Modern World.- Princeton: Princeton University Press, 2007.

N. Avanesova Pasteurs et agriculteurs de la vallée du Zeravshan (Ouzbékistan) au début de l'âge du Bronze: relations et influences mutuelles // Sarazm (Tadjikistan) Cèramiques (Chalcolithique et Bronze Ancienne).- Paris:De Boccard édition, 1996.- P. 117-131.

Bersenev A., Epimakhov A. and Zdanovich D. The Sintashta Bow of the Bronze Age of the South Trans-Urals, Russia // Bronze Age Warfare: Manufacture and Use of Weaponry.- BAR International Series 2255, 2011.- P. 175-186.

Cleuziou S. and Tosi M. In the Shadow of the Ancestors: The Prehistoric Foundations of the Early Arabian Civilization in Oman // Ministry of Heritage and Culture.- Oman, 2007.

M. Frachetti Multiregional Emergence of Mobile Pastoralism and Nonuniform Institutional Complexity across Eurasia // Current Anthropology. 2012.- P. 2-38.

Görsdorf J., Parzinger H., Nagler A. and Leont'ev N. Neue 14C Datierungen für die Sibirische Steppe and ihre Konsequenzen für die regionale Bronzezeitchronologie // Eurasia Antiqua.-P. 73-80.

Görsdorf J., Parzinger H., Nagler A. New Radiocarbon Dates of the North Asian Steppe Zone and its Consequences for the Chronology // *Radiocarbon*, vol. 43, 2B.- P. 1115-1120.

Grigorev S. Ancient Indo-Europeans.- Cheljabinsk: Rifei.

Gubaev A. G., Koshelenko G. and Tosi M., The Archaeological Map of the Murghab Delta, Preliminary Reports 1990-1995 // IsIAO, Istituto italiano per l'Africa e l'Oriente, Centro scavi e ricerche archeologiche.- Roma, 1998.

Kohl P. L., The Making of Bronze Age Eurasia, Cambridge.- New York: Cambridge University Press, 2007.

Koryakova L. V. and EpimakhovA. The Urals and Western Siberia in the Bronze and Iron Ages // Cambridge World Archaeology.- Cambridge, 2007.

Kuz'mina E. E. The Cultural Connections between the Shepards of the Steppes and South Central Asia, Afghanistan and India in the Bronze Age // South Asian Archaeology 1995.- New Delhi: Oxford and IBH Pub. Co., 1997.

Kuz'mina E. E. The Origin of the Indo-Iranians.- Brill, Leiden – Boston, 2007.

Kuz'mina E. E. and Vinogradova N. M. Contacts between the steppe and the Agricultural tribes of Central Asia in the Bronze Age // *Archaeology, Ethnography and Anthropology of Eurasia*. 34. 1996.- P. 29-54.

Lyonnet B. Sarazm (Tadjikistan) Cèramiques (Chalcolithique et Bronze Ancienne).- Paris: De Boccard édition, 1996.

Lyonnet B. Prospections archéologiques en Bactriane orientale (1974-1978) // Volume 2: Céramique et peuplement du Chalcolithique à la conquête arabe.- Paris: Editions Recherche sur les Civilisations.

Possehl G. Radiometric Dates for South Asian Archaeology.- Philadelphia.

P'yankova L. T. Central Asia in the Bronze Age: sedentary and nomadic cultures // Antiquity.- P. 355-372.

Salvatori S. and Tosi M. (eds.) with the editorial collaboration of B. Cerasetti The Bronze Age and Early Iron Age in the Margiana Lowlands: Facts and Methodological Proposals for a Redefinition of the Research Strategies.- BAR International Series. 1806.- Oxford: Archaeopress, 2008.

Svyatko S. V., Mallory J. P., Murphy E. M., Polyakov A. V., Reimer P. J., Schulting R. J. New Radiocarbon Dates and a Review of the Chronology of Prehistoric populations from the Minusinsk Basin, Southern Siberia, Russia // Radiocarbon, 51, 1, 2009. – P. 243-273.

Vinogradova N. M. The Farming Settlement of Kargurt-Tut (South Tadjikistan) in the Late Bronze Age // Archäologische Mitteilungen aus Iran. 27. – P. 29-47.

Fig. 1. Topographical plan of the Shagalaly II site realised by T.S. Maljutina in 1982-83. In light red: the test pits and excavations; in light brown: the semisubterranean dwellings; in light green: the burials (modified by G.L. Bonora after Малютина 1987)

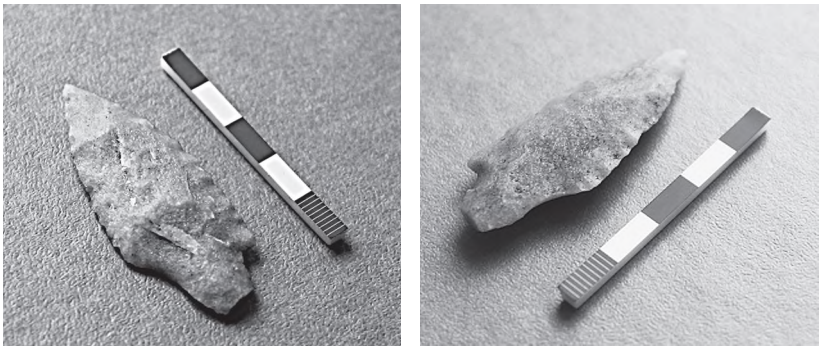

Fig. 2-3. Spearhaed gathered on the surface of the ground back dirt of the Maljutina's excavation (Photos by G.L. Bonora)

Fig. 4. Topographical plan of the Shagalaly II site complex realised by K.A. Akishev and B.A. Khasenova in 2003 (From Акишев, Хасенова 2004)

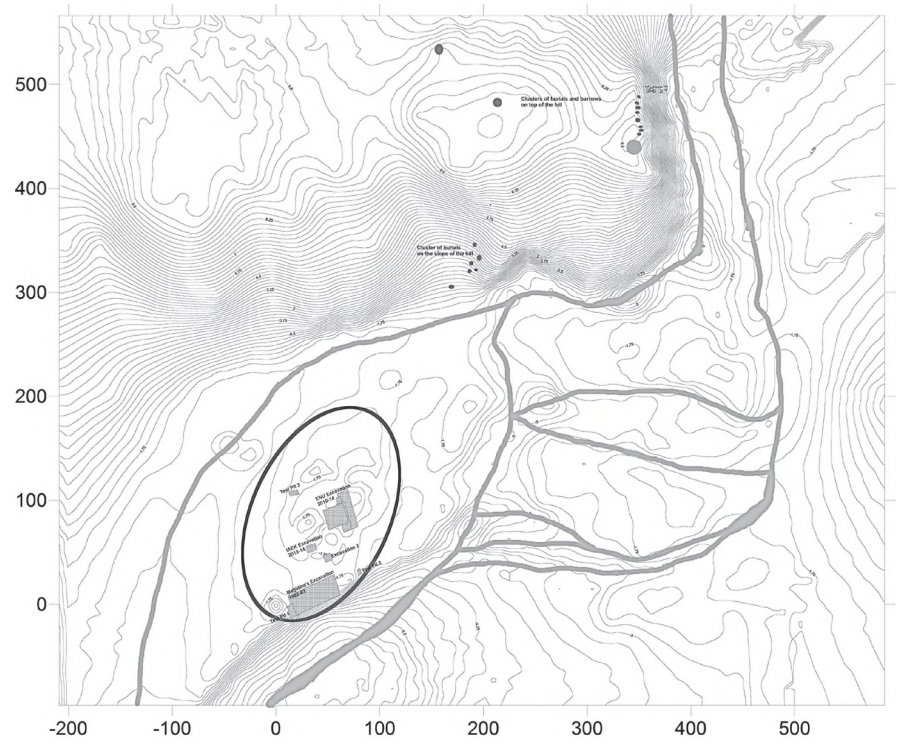

Fig. 5. Topographical plan of the Shagalaly II site complex realised by G.L. Bonora and S. Zaia in 2013

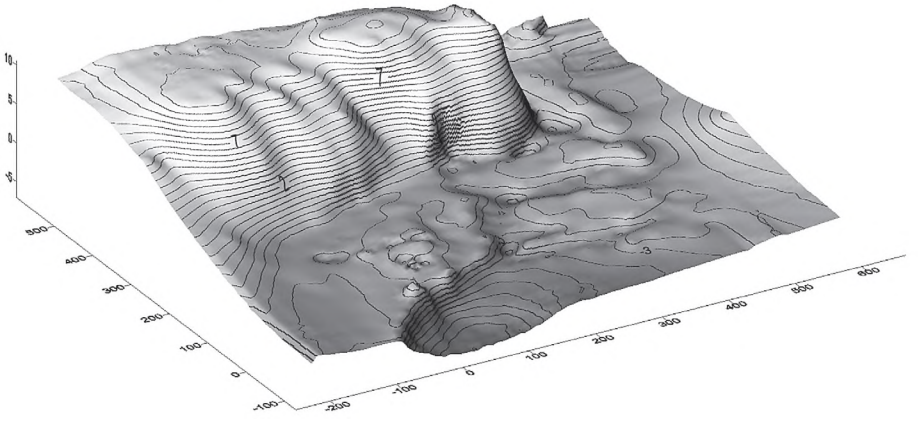

Fig. 6. 3D digital terrain model of the Shagalaly II site complex (Elaboration by S. Zaia)

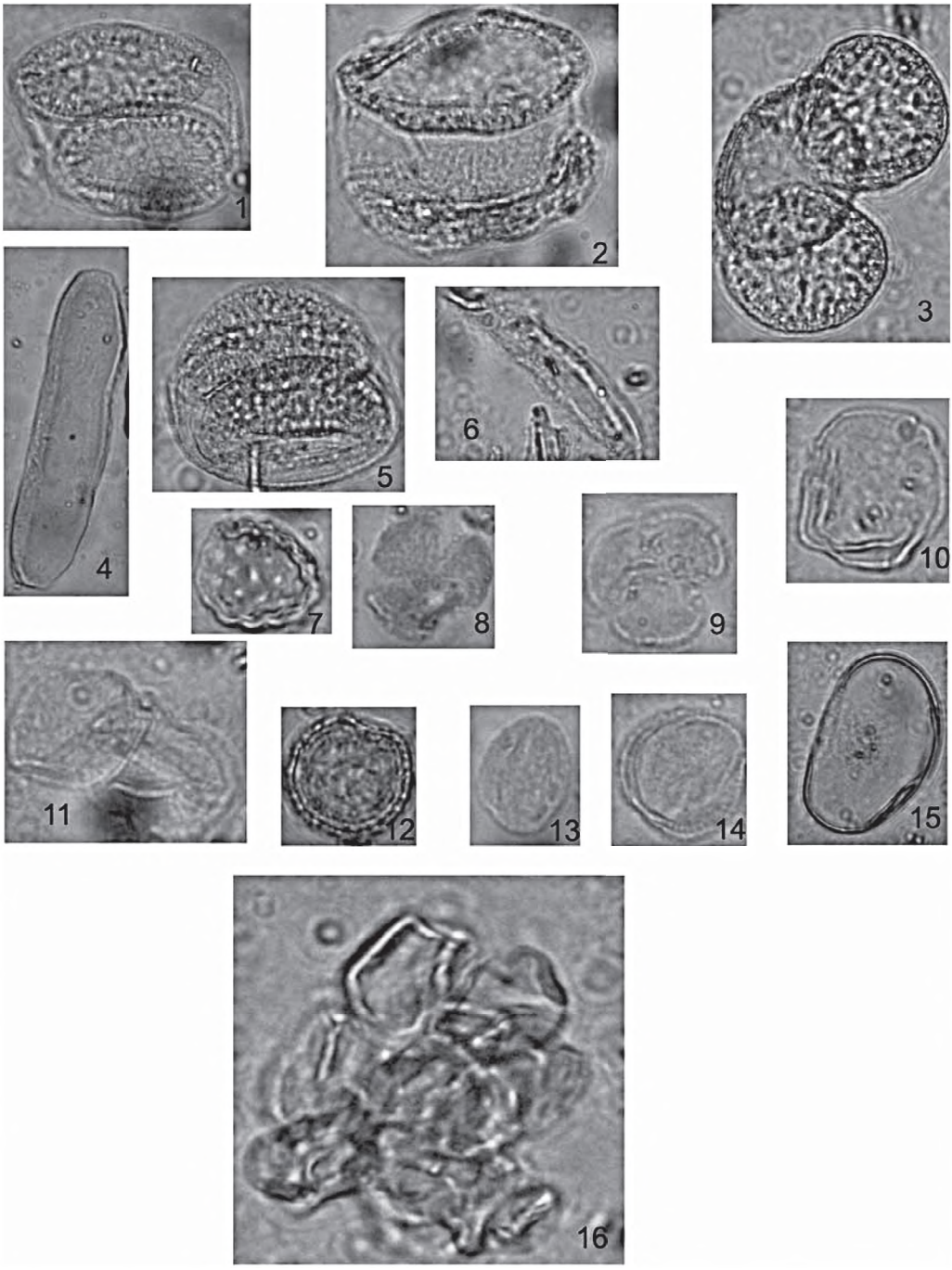

Fig. 7. 1-3, 5 – Pinaceae; 7 – Chenopodiacea; 8 – Primulaceae; 9 – Rosaceae; 10, 11, 16, 15 – Poaceae; 12 – Typha sp.; 13 – Lamiaceae; 14 – Artemisia sp

Ержанова А. Е.

Әл-Фараби атындағы Қазақ Ұлттық Университетінің докторанты, Алматы қ., Қазақстан

САРЫАРҚА ӨҢІРІНДЕГІ ҚОЛА ДӘУІРІ МЕТАЛЛУРГТЕРІНІҢ ҚОНЫСТАРЫ МЕН ТАС ҚҰРАЛДАРЫ

Қазақстанның ертедегі металлургиясын зерттеу академик Қ. И. Сәтбаевтың есімімен тығыз байланысты 1946 жылы Орталық Қазақстан археологиялық экспедициясын құру және басшысы етіп Ә. Х. Марғұланды тағайындауды ұсынған да Қ. И. Сәтбаев болатын. Сол жылдары Ә. Х. Марғұлан мен бірге геолог-өлкетанушы Н. В. Валукинский Жезқазған аймағындаға көптеген ертедегі карьерлерді зерттеді, Милықұдық, Сорқұдық, Айнакөл және т.б. қола дәуіріне жататын металлургтердің қоныстарына қазба жұмыстарын жүргізді. Жезқазған аймағынан Н. В. Валукинский жинаған археологиялық материалдарды қазіргі таңда «Қазақ Мыс» корпорациясының мұражайында сақтаулы тұр. Кейін Ә. Х. Марғұлан Бұғылы мен Қарқаралы тауындағы ертеде мыс балқытқан орындарды тауып, зерттеген. Ол Қазақстан аймағындағы ертедегі тау-кен ісі мен металлургиясымен байланысты ескерткіштер туралы алғаш мәлімет жинаған, әрі жариялаған ғалымдардың бірі (Маргулан, 2001, с. 5-114).

Жалпы Қазақстан аймағында мыстың, қалайының және алтынның бай кендері бар екендігі ежелгі уақыттан белгілі болатын. Көптеген көне кен орындары – мыс (Жезқазған, Зыряновск, Қаршыға, Жалтыр, Ащылы, Ұратөбе, Күшікбай), қалайы (Атасу тауы, Қалба және Нарым жоталары), алтын (Степняк, Қазаншұңқыр, Балажан, Ақжал, Дайбай, Майқапшағай, Ақабек) кен орындары бұл аймақтың ежелгі металлургия орталықтарының бірі болғанын көрсетеді (Қазақстан тарихы, 2010. 107 б.).

Қазіргі уақытта Орталық Қазақстан территориясында ірі Жезқазған-Ұлытау тау-кен металлургиялық орталығы болғандығы жөніндегі дерек археологиялық тұрғыдан жан-жақты дәлелденіп отыр. Бұл жерлерден ежелгі мыс рудасын өндіру мен металл қорыту орындарының іздері көптеп тіркелген.

Ғылыми тұрғыдан Жезқазған өңіріндегі ескі орындарды ашудың үлкен маңызын ерекше түсінген, олардың ізімен жаңа өндірістік саланы жолға қойған, көптеген коллекциялар жинап, ғылыми айналымға енгізген мамандардың – Қ. Сәтбаев, Н. Валукинскидің, Ә. Марғұланның ізін жалғастырып, өлкенің көне металлургиясына байланысты материалдарды осы саланың маманы С. А. Берденов өз еңбегінде жинақтап қорытты (Берденов, 1998. 184-185 бб.).

Тау-кен және металлургиямен айналыстан ескерткіштердің тарихы жайлы Ә. Х. Марғұлан «Древняя культура Центрального Казахстана» атты еңбегінде жан-жақты қарастырған. Монографияның бесінші тарауында Орталық Қазақстанның қола дәуіріндегі тайпалардың шаруашылығы мен тұрмысы жайында сипаттай отырып, руданы алу (мыс, қалайы, алтын) және оны балқыту мен бұйымдар жасау технологиясына баса көңіл бөлген. Мыс балқытудың ең қарапайым түрі энеолоитте басталғанын айта келіп, Орталық Қазақстан айма-

ғында энеолит кезеңінің ескерткіштерін зерттеу барысында мыстан жасалған садақ ұшы, біздер мен сымдарының табылғанын айтады. Руданы балқыту қола дәуірінде кең көлемде қолданылғанын және мыс балқытумен қоныстардағы арнайы маманданған тұрғындардың айналысқанын (Атасу, Жезқазған, Сұйық–Бұлақ және т. б.) жазады. Мыс балқытатын шеберханалар қатарына Былқылдақ I, Бұғылы I ескерткіштері жатады, ол шеберхалардан мыс құймалары мен қалдықтары мен қоса дайын өнімдер табылған.

Сонымен қатар монографиясында археолог Н. В. Валукинскийдің ірі өнеркәсіп орталықтарының бірі – Жезқазған аймағына жүргізген археологиялық жұмыстарына тоқталады. Ертедегі руда өндірушілердің іздері Қызыл-Еспе кен орнындағы Қарқаралы және Баянауыл тауларынан табылды. Мыс және қола заттарына (Атасу қонысы) химиялық талдау жасай отырып, қола балқыту кешені: мыс (Жезқазған) – қалайы (Атасу) деп екіге бөлді (Маргулан, Акишев, Кадырбаев, Оразбаев, 1966. 266-272 бб.).

Тау-кен және металлургия жақсы дамыған қоныстар мен шеберханалар орнына қазба жұмыстарын 1950 жылдары Ә. Х. Марғұлан бастаған. 1955 жылы оның басшылығымен алғашқы рет Атасу I қонысына қазба жұмысы басталды. Екі күлді қабаты бар шеберханаға (тұрғын-үй I) қазба жұмысы жүргізілді және қоныстың оңтүстік-шығыс жағына төрт шурф салынды (Маргулан, Акишев, Кадырбаев, Оразбаев, 1966. 207 б.).

Атасу I қонысы Ағадыр ауданының Қызылтау совхозының орталығынан оңтүстік-батысқа қарай 35 шақырым жерде орналасқан. Қоныстың жалпы аумағы 15 мың м^2. Қоныс аумағында 27 үлкенді-кішілі ойлы-қырлы жерлер есепке алынған, оларды үш топқа бөлген. Атасу I қонысынан от камерасы бар, диаметрі 2 м болатын шеңберлі пеш табылды. Шұңқырдың солтүстік-батыс бөлігінде тақтатастарды қырынан қойған тікбұрышты құрылғы орналасқан, ал шығыс бөлігінде Г бейнелегі жылыту жүйесі орнатылған. Қоныстан тас қалыптар, тас құралдар және мыс қалдықтары мен қола бұйымдар табылды. Атасу қонысынан 22 мыс балқытатын пеш құрылысы есепке алынғанымен оның тек қана 14-не археологиялық зерттеу жұмыстары жүргізілді. Қадырбаевтың зерттеп, зерделеуінің нәтижелері бойынша барлық пеш түрлері шахталық пештер қатарына жатады. Сонымен қатар бұл пештердің құрылысының бір ерекшелігі – тақтатастармен жабылған түтін жолының ұзын болуы (Кадырбаев, Курманкулов, 1992. 25-32 бб.).

Мыржық қонысы Атасу I қонысынан оңтүстік-батысқа қарай Атасу өзенінің бойында орналасқан. Қоныс аймағы тегіс, шығыс және оңтүстік-шығыс бөліктері өзенге келіп тіреледі, ал солтүстік-шығыс, солтүстік және солтүстік-батыс бөліктері әктас жоталарына қарағаң. Мыржық қонысынан да көптеген пештер орындары мен мыс қалдықтары, қоладан жасалған қанжар, біз және әшекей бұйымдар, сонымен қатар металлургия саласында қызмет еткен тас құралдарының жиынтығы табылды (Кадырбаев, Курманкулов, 1992. 47-61 бб.).

Сонымен қатар Қадырбаевтың бастауымен қазба жұмыстары жүргізілген Ақ-Мұстафа (Атасу II) қонысы Атасу өзенінің бойында Атасу I қонысынан

оңтүстікке қарай 5 шақырым жерде орналасқан. Қоныстың аумағы шамамен 5 мың шаршы метр, оңтүстік және оңтүстік-шығысы өзен жағалауымен жалғасып кетсе, солтүстік және солтүстік-батысы кіші тау қыраттарымен байланысқан. Қоныс аймағынан 49 үй орны есепке алынды. Олардың көбі тізбектеліп оңтүстік-батыстан солтүстік-шығысқа созылған. Жеті ойлы жер қоныстың оңтүстігінде орналасқан, ал орталығы мал қамауға және шаруашылықтың басқада түрлеріне арналған. Ақ-Мұстафа қонысынан мыс балқыту пешімен қатар қоладан жасалған пышақтар, қарулар мен тас құралдары, сүйек бұйымдар тіркелді (Кадырбаев, Курманкулов, 1992. 63-65 бб.).

Орталық Қазақстанның орта және кейінгі қола дәуірінің ірі тау-кен және металлургия оралықтарына Ә. Х. Марғұлан Қарқаралы даласын да жатқызады. «Солтүстікте Баянаулымен қоса, оңтүстікте Балқаш өңірі, Батыста Ешім-Сарысу. Олар аймақтың іргелі тарихи-мәдени түйіні, Еуразия континентіндегі дала өркениетінің қола мәдениетінің дамуы мен тарауына әсерін тигізеді» деді (Марғұлан, 1979. 215 б.). Бұған дәлел ретінде ертедегі кен орындарына Атабай, Әділ, Шұрық, Кентөбе, Қызылеспе, Саяқ және т. б. қоныстары жатады. Кейінгі қола дәуірінің Қарқаралы I қонысынан балқыту пештерімен бірге көлемді металл қалдықтары, қола бұйымдар мен тас құралдары мен қалыптар табылды.

Баянауыл ауданының аймағында орналасқан Тағыбай-Бұлақ қонысы кен өндіруде алғы орында екенін айғақтайтын материалдар: мыс балқытатын пештер, құрылғылар және тас құралдары (Марғұлан, 1998. 290 б.).

Орталық Қазақстан аймағында орналасқан Былқылдақ кешеніндегі ескерткіштерден табылған археологиялық материалдар қола дәуірінің кезеңденуі, андрон мәдениетінің жетістіктері мен біліктілігін кеңінен ашып көрсетуге мүмкіндік береді (Марғұлан, 1970. 164 б.). Қазба барысы кезінде қола, мыс және алтыннан жасалған чекан мен құйма әшекейлер көптеп табылды. Техникалық жағынан алып қарасақ олар соғылған, құймалы және басылған болып келеді. Қола мәдениеті энеолит қайнар көзінен (III мыңжылдық б. д. д.) бастау алып, көптеген тарихи кезеңдерден өтті және б. д. д. II-I мыңжылдықтар аяғына дейін толық даму үстінде болды. Қола мәдениеті Солтүстік және Шығыс Қазақстан аймағында Енесей, Алтай және Батыс Сібір мәдениеттерімен өзара тығыз байланыста болды және қатар дамыды. Көршілес тайпалар арасында айырбас ретінде Орталық Қазақстанның палеометалы жүрді.

Ертедегі кен мен руданы өндіру орындары жайлы С. У. Жауымбаев өз кезегінде терең зерттеген. Орталық Қазақстан аймағындағы кен орындары мен металлургия саласымен тығыз байланысты ескерткіштерді (Сарыбұлақ, Босаға, Алтын-Төбе және т. б.) анықтаған.

Босаға қонысы Қарағанды облысы Шет ауданында өзі аттас станциядан оңтүстік-батысқа қарай 3 шақырым жерде орналасқан. Зерттеу нәтижесі бойынша 18 түрлі көлемдегі карьер мен көміліп қалған шахта есепке алынды.

Сонымен қатар Атасу I металлургтердің қонысынан солтүстік-шығысқа қарай 18 шақырым жерде орналасқан Сарыбұлақ кен орны 1977-78 жж. зерттелді. Бұл аймақта алты карьер есепке алынса, оның үшеуіне археологиялық қазба жұмыстары жүргізілді. Нәтижесінде қыш ыдыстар мен тас құралдары табылды.

Жаңарқа ауданында Мұңлы тауының оңтүстігінде орналасқан Кенқазған ертедегі өндеу орны 1978 ж. табылған. Мұнда ұзындығы 500 м болатын карьерде бес өндеу орны сақталған. Сонымен қатар Мыржық қонысынан оңтүстік-батысқа қарай 5 шақырым жерде орналасқан Оғызтаудан ертедегі мыс шахтасы зерттелінген. Сонымен Жауымбаевтың зерттеулері бойынша Сарыарқа аймағында қырыққа жуық мыс кен орындары анықталған. Олардың көп бөлігі ертедегі Атасу I, Мыржық, Милықұдық, Алтынтқбе, Қарқаралы, Суықбұлақ, Бұғылы секілді қоныстарға жақын орналасқан. Яғни ертеректе Сарыарқа жері Еуразияның металлургия орталықтарының бірі екені айқын (Жауымбаев, 1984. 124-125 бб.).

Геологиялық-археологиялық зертеулер кезінде ежелгі мыс балқытатын өндіріс орындарында мыс қалдықтары көптеп кездесті және балқыту жұмыстары жергілікті жерлерде жүргізілгенін дәделдейтін айғақтар молынан анықталды. Сонау XX ғ. 30-шы жылдарының басына дейін Жезқазғанның барлық ежелгі кеніштері (олардың саны шамамен 400-дей) және ежелгі кен қазушылар мен металлургтер қоныстарының (Милықұдық, Айнакөл, Сорқұдық, Златоуст және т.б.) орындары өз қалпында сақталып келген екен**.** Өкінішке қарай, олардың барлығы кейінгі жылдарда карьерлерде жүргізілген жұмыстар барысында жойылып кетті. Сол себептен, өткен ғасырдың 90-шы жылдарының басында ашылған ежелгі металлугтердің қонысы – Талдысай нағыз ғылыми жаңалық болды. Ол Жезқазғанның рудаға бай алқабынан 50-60 шақырым жерде орналасқан. Қоныс орнынан басқа жерлерде әлі табылмаған, өзгеше жасалынған, технологиясы жетілдірілген металл балқыту және мыс құю өндірісі дамыған тұрғын бірнеше үй-өндірістік кешен орындары ашылды.

Талдысай қонысы Қарағанды облысы Жезқазған қаласынан 82 шақырым жердегі Ұлытау жазығындағы Талдысай (Бала-Жезді) және Жезді өзендерінің құяр сағасында өзі аттас ауыл шетінен табылған. Талдысай қонысы қола дәуірінде Жезқазған мысын қорытатын орындардың бірі болған.

Антропогендік және табиғи факторлардың ықпалына түскен Талдысай қонысы экологиялық апаттың белгілі бір типтегі көрінісін сипаттайды. Қоныс 1994 жылдан бастап Орталық Қазақстан археологиялық экспедициясының негізгі археологиялық зерттеу нысанына айналды. Нәтижесінде, бұл аймақтан ертедегі тұрғындардың қоныстануының екі кезеңі анықталды, соның біріншісі кезеңі металлургия өндірісіне маманданған тұрғындармен байланысты. Екінші кезеңі, б. з. д. II-I мыңжылдықтар тоғысында, мал шаруашылығының кең етек жаюымен сипатталады. Мал шаруашылығы кезеңінің үйлері мен қора-қопсырары, тас дәуірі мен металлургиялық қабаттағы ежелгі құрылыстың үстіне орналасқан.

Қоныс үш қазба орнымен зерттелуде. Көлемі жағынан үлкен әрі танымдысы I қазба орны. Тұрғын-үй өндірістік кешені шамамен екі – шығыс және батыс учаскелеріне бөлінген. Батыс тұрғын-үй өндірістік кешенінде (БТҮӨК) жартылый жерасты түріндегі үйдің шығыс, батыс және солтүстік бөліктерінің қабырғалары тазартылды. Солтүстік қазаншұңқырының қабырғасы сатылы болып келген. Батыс ТҮӨК негізінен құдықпен байланысқан және арықтар мен шұңқырлар, сонымен қатар жерүсті шұңқыры мен ошақтар жүйесі орналасқан өндірістік алаңға жалғасқан шахталық түрдегі металлургиялық № 2 шұңқыр-

пештен тұрады. Шығыс участкеге қоса металлургиялық өндіріспен байланысы бар шығыс тұрғын-үй өндірістік кешені (ШТҮӨК) зерттелуде. Тұрғын-шеберхананың батыс және солтүстік-батыс қабырғалары мен екі жылу каны ашылды. Тұрғын-шеберханадан 4 металлургиялық-шұңқыр табылды, оның үшеуі зерттеліпіп, жер үсті жылу жүйесі бар шахталық түрдегі пеш екені анықталды. Шеберхананың өмір сүруі аяқталған кезде малды, кейде адамды да құрбандыққа шалатын болған.

II қазба орны қоныстың батыс бөлігінде, жаңадан салынған өзен арнасына жақын жерде орналасқан. Бұл жерден кейінгі қола дәуіріне жататын тұрғын-үй орны тазартылды. Үй іргетасын өзен тастарынан қалаған сопақша келген нысан. Үйдің оңтүстік және солтүстікке қараған екі кіреберісі бар. Шамасы алғашқы кезінде солтүстігіндегі кіреберіс қолданыста болып, кейін оны бекітіп, оңтүстіктен ашқан болса керек. Үй ішінде ошақ орындары мен бағаналарға арналған ойықтардың қалдықтары аршылды. Үй ішінен және айналасынан тұрмыста қолданылған еңбек құралдары мен ыдыстар сынықтары табылды (Курманкулов, Ермолаева, Ержанова, 2005, 36-58 бб.).

Ал III қазба орны қарсы беттегі өзен жағасының шайып кеткен жеріне салынды. Ол жерден андрон кезеңінің төрт шұңқыр-пештері ашылды. Олардың шахталық пештерден айырмашылығы құрылысының қарапайымдылығында. Түтін жолы мен 1 метрден асатын ғана тереңдігі бар шұңқырдың төменгі бөлігінде от жағатын камерасы бар.

Кейінгі қола дәуіріне жататын прототипті қоныстардың бірі болып есептелетін Кент қонысы өзі аттас тау сайында орналасқан. Кент қонысына ертедегі қаланың бүкіл белгілері тән. Оның аумағы шамамен 30 гектар, тұрғын үйлермен қатар ғибадатханалар, металлургия мен қолөнершілер еңбектенген өндірістік кварталдар бар. Қазба барысында Кент қонысынан сүйектен жасалған түрлі ойымышталған әшекей бұйымдар, тас құралдары мен қола бұйымдары табылды (Сарыарқаның көне ескерткіштері, 2007. 21 б.).

Металлургиялық Алат кешені барлау жұмысы кезінде табылған, ол Кент қонысының сол жағалауындағы аймақта орналасқан. Алат 1985 жылы В. В. Варфоломеев пен И. В. Рудковский ашқан. Археологиялық қазба барысында үш пештің орны тазартылды. Пештің шығыс бөлігінде тақтатастардан құралған құрылғыны толығымен зерттеу жұмысы біткен жоқ. Қоныстан қола, тастан және сүйектен жасалған бұйымдар табылды (Сейткалиев, Токбергенов, Кемерова, 2004,203).

Қазақстаннның ертедегі кен орындары мен металлургтер тұрған қоныстарында кеншілер мен металлургтердің пайдаланған тас құралдары көптеп кездеседі. Сондай бір кеншілердің Талдысай қонысынан кен орындарында қолданылған тастан, сүйектен және саздан жасалған еңбек құралдары табылды.

Соңғы жылдары тастан жасалған құралдардың қызметін анықтау, оларды сыныптарға бөлу жан-жақты қарастырылуда. Сол себепті бізде қола дәуірінің Атасу, Атасу II, Мыржық, Ақмая, Талдысай қонысының материалдарына трасологиялық зерттеу жүргіздік.

Трасологиялық әдістің ғылыми зерттелу тәсіліне еңбек құралдарын микроскоп арқылы зерттей отырып, құралдарда қалған іздеріне байланысты

қызметін анықтау болып табылады. Осы әдістің негізін алғаш С. А. Семенов салған. Ол тастың бетіндегі сақталған іздерден ертедегі қауым тұрғындарының қандай іспен айналысқанын анықтауға болатынын дәлелдеп көрсеткен (Коробкова, Щеленский, 1996, 3 б.).

Зерттеу нәтижесі бойынша құралдардың тау-жыныстарын ұсақтап байытуға, руданы балқыту үшін дайындауда қолданылатын негізгі тас еңбек құралдары алдыңғы орында екені анықталды. Осы топтың ақпараттық деңгейі археология тәжибесіндегі трасология тәсілі арқылы еңбек құралдарының бетінде қалған іздерді зерттеу барысында ерекше өсті. Құралдар белгілеріне қарай морфологиялық талдау, трасология мен салыстырмалы әдіс негізінде: 1) тау-кен және металл өңдеу өндірісінде; 2) үй және тұрмыста қолданылатын еңбек құралдары болып екі топқа бөлінді (Ержанова, 2010, 202 б.).

Кен өндіруге арналған шотбалталар мен балғалар құралдардың басым бөлігін алады. Салмағына қарай олар 3-ке: ірі, орташа және кіші балғалар болып бөлінеді. Мұндай балғаларды көбінде ірі кен орындарында пайдаланған. Мысалы, Қарқаралы I-II, Ұлытау, Шортанды-Бұлақ, Атасу I, II, Суық-Бұлақ 8, Мыржық және Милықұдық т.б. табылғын (Маргулан, 1973, 3-42 бб.).

Шотбалталардың ішінде көбі тау жыныстарын майдалауға қолданған. Әсіресе руданы майдалауға арналған құралдар жиі кездеседі, оны майдалау руданы өңдеудің алғашқы сатысы болып есептеледі.

Шотбалталар өте ірі, ұзындау болып келген. Бұл құралмен тау жыныстарының қатты бөліктерін жару үшін қолданған. Ұзақ пайдаланудың салдарынан шотбалталардың жүзі мұқалған. Құралдардың жүзі қырлы, әрі үшкірленіп келген. Кейде ұзынша болып бөлінген қатты тастарды пайдаланған, ал кей жағдайда ұрғыштардың көмегімен белгілі бір формаға келтірген. Мұқалған жүзінен микроскоптың көмегімен мыжылғанын, минералдардың қалдықтарын байқалауға болады. Жүзінен жыныс саңлақтарына тығылып қалған минералдардың қалдықтарын байқалауға болады. Кейбір құралдарда ағаш сапқа байлауға арналған ойықшалар бар, сол тұста ұзақ уақыт ағаш саптын болуынан пайда болған жылтыр аймақты көруге болады. Мұндай шотбалталардың ұру күші қолбалталарға қарағанда мықтырақ болып келеді. Сонымен қатар қолға ұстайтын тұстары сынған құралдар да кездеседі, себебі қатты ұрған кезде ең әлсіз сап бөлігі салмақты көтере алмай сынған. Сол себепті көбінде сап жағы тез желініп отырған. Құралдың іске алғысыз болып қалғанын оның қырындағы сынықтан, әртүрлі минерал қалдықтарының сынған жеріне толып қалуынан көруге болады. Кен ісінде шотбалтаның кайламен бірдей қызмет атқарғанын дәлелдей аламыз.

Табылған материалдарды сараптай келе біз Орталық Қазақстан қола дәуірінің қоныстарында жиі кездесетін тас құрал түрі қол шотбалталар болғанын көреміз. Кейбір құралдарда «Х» тәрізді ағаш сапқа байлауға арналған ойықшалар барын анықтадық. Мұндай шотбалталардың ұру күші қол штобалталарға қарағанда мықтырақ болып келеді. Сонымен қатар қолға ұстайтын тұстары сынған құралдар да кездеседі, себебі қатты ұрған кезде ең әлсіз сап бөлігі салмақты көтере алмай сынатын болған. Сол себепті көбінде сап жағы тез желініп, құралды жарамсыз болып қалуына әкеліп отырған. Құралдың

іске алғысыз болып қалғанын оның қырындағы сынықтан, әртүрлі минерал қалдықтарының сынған жеріне толып қалуынан көруге болады. Құралдың аталымыш қоныстардан көптеп кездесуі сол кезең кеншілерінің руданы өңдеуде алғы қатарда болғанын айғақтайды. Бұдан біз кен ісінде шотбалтаның кайламен бірдей қызмет атқарғанын дәлелдей аламыз.

Руданы майдалауға арналған құралдар әртүрлі: келсаптар, дерментастар және тақтатастар. Сопақша беті тегіс келген тақтатастың бір бөлігінде руданы салып, ұнтақтаған. Келесі беті жерге қойылған сол себепті ол жерлерден жырып кеткен, сырылған сызықтарды көруге болады. Жұмыс жүрген бөлігінде ұзын түзу сызықтарды (6-8 мм) байқауға болады. Мұндай сызықтар тау жыныстарын ұнтақтау кезінде пайда болады, қоныс мыс балқытумен айналысқандықтан ол шамасы мыс рудасын ұнтақтаған болуы керек. Көбінде конгламерат минералын қолданған.

Тастан жасалған төстердің екі жақ беті, кей жағдайда бір ғана беті пайдаланылғаны байқалады. Негізі тегіс, шеңберлі. Қырлары тегістелген. Құрылымы майда қиыршықты, мықты текстуралы. Магматикалық процесс жүрген минералдардан да жасаған. Себебі ондай минералдар қатты, әрі шыдамды болып келеді. Диаметрі 9-10 см, қалыңдығы 3,8-5 см. Ұзақ жұмыс істеудің барысында құралдың ортаңғы бөлігінен ұрудың, салдарынан кертіктер, терең жарықтар байқауға болады. Құрал ұзақ уақыт қызмет атқарған. Көбінде төстерді екі аяқтың ортасына қысып отырып, жұмыс жасаған.

Бәрінен көп кездесетіні, әрі жасалуы жағынан оңай болып келетін құрал ол – дисктер немесе дискі тәрізді, бір-біріне қарама-қарсы біртегіс беті бар, жаны қашалған және пекитаж әдісімен өңделген бұйымдар. Диаметрлері 6-10 см, биіктігі 1-2 см, ал кейбірі кіші болып келеді. Олардың қырғыш немесе тегістегіш ретінде пайдаланылғаны жайлы құрал бетінде іздері байқалмайды. Кейбір дисктер жоғарғы температураның және суытудың салдарынан беткі беттерінде жарықтар пайда болған. Ал біреуінде қара күйенің ізі бар. Ж. Құрманқұлов пен М. Қадырбаев дисктер қыш ыдыстарды суытуға арналған үйкек болуы мүмкін деп пайымдайды (Кадырбаев, Курманкулов, 1992, 162-163 бб.).

Сонымен қатар қайланың қызметін кетпен тәрізді құралдар да атқарған, оның төменгі бөлігі (жұмыс істейтін) үшкір болып келген, жоғарғы жағында қолға ұстауға ыңғайлы етіліп жасалған сабы бар құрал.

Талдысай қонысында сонымен бірге тас кетпендер де көптеп кездеседі. Олар ауылшауашылығында және өндірісте де қолданылған. Осыған ұқсас құралдар Атасу I, II, Суық-Бұлақ 8, Мыржық қоныстарында да кездеседі (Маргулан, Акишев, Кадырбаев, Оразбаев, 1966, 435 б.).

Шар тәрізді тастар кварцит пен кварцтан пекитаждың көмегімен формасы жасалынған. Диаметрлері әртүрлі, 0,8-10 см. аралығында. Көбінде мұндай шар тәрізді құралдарды ау құралына немесе аң аулауда (болло) қолданылған. Мұндай құралдар еш трасологиялық белгілер қалдырмайды.

Өндірістің келесі кезеңі – ол ұсақталған рудаларды ұнтақтау. Оны беті тегіс тақтатастардың (абразив) бетіне қойып үккіштердің көмегімен майдалайды. Үккіштердің жұмыс істеген бөлігінен майда сызықтар мен рудалардың қалдықтарын көруге болады. Осыдан кейін руда пештерде қорытылуға жіберіледі.

Қайрауға арналған құралдардың нақты формасы жоқ себебі көбінде майда құмдақты минералды пайдаланған. Мұндай құралдар Атасу қонысынан табылған қайрақтар шеңберлі, бұрыштары тегістелген түрінде кездессе, Мыржықта төртбұрышты, тікбұрышты, трапециялы түрде кездеседі. Пекитаж техникасымен өңделген, қырлары тегістелгендері де кездеседі, кей жағдайда кез келген минералдың сынығын пайдаланған. Ұзындығы 10-12 см, ені 2-5 см. Қара, қызғыш қоңыр түсті, құрылымы майда қиыршықты, мықты текстуралы. Шамасы металл бұйымдарды жонуға пайдаланса керек.

Кен өндіруде, шаруашылықта кеңінен қолданылған құралдардың бірі – келілер. Ұсауға ыңғайлы етіп жасалған, ұзындығы 10-20 см., салмағы 0,5-1 кг. Тақтатас түріндегі келсаптарды руда, мыс қалдықтарын, минералдарды үгітуге қолданған. Кейібір құралдарда дәнді-дақылдарды үгіткені анықталды. Ал, келсаптардың бетіндегі іздер бойынша олардың үстінде руда мен минералдар үгітілгені анықталып отыр. Кейбір жағдайларды олардың екі жағы да пайдалынылған, негізгі ерекшелігі қарқынды жұмыстың салдарынан орта тұсында ойықшаның болуы. Алат қонысынан осындай келсаптардың кездесуі металлургиялық қоныстарда бір-біріне ұқсас құралдардың пайдаланылғанын сенімді дәлелдей аламыз.

Құйылған дайын бұйымдар суыту кезеңіне өтеді. Бұл кезеңде ретушерлардың көмегімен артық жерлері алынып, тегістегіштердің көмегімен тегістеп, қайрақтардың көмегімен жүздері қайралатын болған. Талдысай қонысында металл іздері байқалатын қайрақтар, тегістегіштер жиі кездеседі.

Қоныста жиі әрі көп кездесетін құралдардың бірі – тегістегіштер. Олар екіге бөлінеді бірі – металл бұйымдардың бетіндегі кертіктерін тегістеуге арналса (Наумов, 1963, 161, 164 бб.), екіншілері қыш ыдыстардың сыртын тегістеуге арналған. Құрал ретінде көбінде галька сынықтарын пайдаланған, оның тегіс жерімен тегістеген. Кейбір құралдарда ішке немесе сырқа қараған бұрыштарында пайдаланылғанын айғақтайтын іздер бар, бұйымдың қиын тұстарын тегістеуге әрі әдемілеуге үшбұрышты галька тастарды пайдаланған. Көп тегістегіштерде 2-3 жұмыс участігі байқалды.

Құралдардың ішінде тері өңдеуге де арналған жылтыратқыштар мен тері бетіндегі талшықтарын тазартуға арналған қырғыштар кездеседі. Қырғыштардың жүзінде қалған тері майының және жүн талшықтарынан біз ол кезеңнін тұрғындары үй шаруашылығында да тас құралдарын пайдаланған деп нақты айта аламыз.

Қорыта келгенде Орталық Қазақстан аймағындағы металлургия саласымен айналысқан қоныстар мен шеберханалардың пеш құрылысында аздап ерекшеліктер болғанымен олардың барлық кен өндірісінде пайдаланылған барлық тас құралдарының қызметі бірдей. Трасологиялық тұрғыдан зерделенген барлық материалдардың нәтижесі бойынша біз қола дәуірінің металлургтер қоныстарындағы тұрғындардың өмір сүру кезеңінде кен өндірісі мен қола бұйымдарды құю, экспорттау алғы орында тұрағанын анық айта аламыз. Сонымен қатар кен өндірісіндегі шикізатты өндіруден бастап дайын өнімдерін жасау процесін көре аламыз, яғни тұрғындардың шаруашылық қызметінің анықтауға

мүмкіндік алдық. Үй шаруашылығында тері өңдеумен, балықшылықпен және аң аулаумен де айналысқанын археологиялық заттай деректер дәлел.

Сонымен, қыш материалдар мен қола пышақтарды, тастан жасалған құралдарды зерттей келе қоныстың төменгі мәдени қабаты II мыңжылдықтың екінші жартысында пайда болып б.д. I-II мыңжылдықтарда өмір сүруін тоқтатқан.

Әдебиеттер

Берденов С. А. Казахстанская горно-металлургическая область. // Вопросы археологии Казахстана. Вып. 2. Алматы-Москва. 1998, 180-190 бб.

Ержанова А. Е. Трассологические исследования каменных орудий поселения Талдысай (Улытау-Жезказганский регион, Центральный Казахстан) // Известия АН РК, Алматы 2010, 202-206 бб.

Жауымбаев С. У. Древние медные рудники Центрального Казахстана // Бронзовый век Урало-Иртышского междуречья. Челябинск, 1984.

Кадырбаев М. К., Курманкулов Ж. Культура древних скотоводов и металлургов Сары-Арки. – Алма-Ата, 1992, 247 б.

Коробкова Г. Ф., Щеленский В.Е. Методика микро-макроанализа древних орудий труда. Часть 1, Санк-Петербург, 1996, 70 б.

Курманкулов Ж., Ермолаева А. С., Ержанова А. Е. Обзор археологических раскопок на поселении Талдысай (1994-1996, 1998, 2001 гг.) // Известия АН РК, Алматы 2005, 36-58 бб.

Қазақстан тарихы. Бес томдық. I том. Алматы 2010, 542 б.

Маргулан А.Х. Бегазы-дандыбаевская культура Центрального Казахстана. Алма-Ата, 1998, 400 б.

Маргулан А. Х. Джезказган – древний металлургический центр (городище Милыкудук) // Археологические исследования в Казахстане. Алма-Ата, 1973, 3-42 бб.

Маргулан А. Х. Комплекс Былкылдак // По следам древних культур Казахстана. Алматы, 1970.

Маргулан А. Х. Сарыарка. Горное дело и металлургия в эпоху бронзы. Джезказган – древний и средневековый металлургический центр (городище Милыкудук). Том 2. Алматы, 2001.

Маргулан А. Х., Акишев А. К., Кадырбаев М. К., Оразбаев А. М. Древняя культура Центрального Казахстана. Алма-Ата, 1966, 336 б.

Сарыарқаның көне ескерткіштері. Фотоальбом, Алматы, 2007, 176 б.

Сейткалиев М. К., Токбергенов Д. Т. Металлургический комплекс Алат пос. Кент эпохи поздней бронзы (предварительное сообщение) // Традиционные культуры и общества Северной Азии (с древнейших времен до современности). Материалы XLIV Региональной (с международным участием) археолого-этнографической конференции студентов и молодых ученых. Кемерово, 2004.

Варфоломеев В. В.

Карагандинский государственный университет им. Е. А. Букетова, г. Караганда, Казахстан

НАХОДКИ БРОНЗЫ У КАРАГАНДЫ И КАРКАРАЛИНСКА

Некоторое время тому назад у автора оказались бронзовые предметы, изъятые у двух нелицензированных копателей. Вещи были найдены с помощью металлодетекторов и происходят из двух археологических местонахождений.

Одно из них находится у безымянного родника на выезде из Караганды, в 4,7 км к ЗЮЗ от с. Байкадам, в 1,4 км к ЮВ от автотрассы Караганда-Павлодар, в 4,8 км к СВ от пересечения трассы и канала Иртыш-Караганда между двумя дачными обществами. При обследовании места обнаружения вещей в 2013 г. были открыты два археологических памятника. Юго-восточнее безымянного родника, поросшего ивами, на склоне пологой сопки обнаружена стоянка, малочисленный каменный инвентарь которой представлен мелкими отщепами и орудиями на отщепах из окремненных кварцитов. Местонахождение микролитов было отмечено как стоянка Байкадам. Севернее стоянки, у родника, зафиксировано поселение эпохи бронзы Байкадам с керамикой фёдоровского типа.

Бронзовые предметы были найдены на стоянке. На глубине около 0,15 м искатель обнаружил втульчатый наконечник (рис. 1, *1*), в одном метре севернее и на той же глубине им были найдены другой наконечник стрелы (рис. 1, *2*) и обломок шила (рис. 1, *3*).

Первый наконечник (рис. 1, *1*) втульчатый, в сечении ромбовидный, длиной 3,5 см, максимальная ширина – 1,2 см. На одной из сторон имеется овальное отверстие для извлечения обломка древка (обычно такие отверстия считают литейным браком). Этот тип ромбовидных наконечников ромбического сечения известен в тасмолинском кургане 5 могильника Карамурун I (Вишневская, 1992, с. 133; с. 402, табл. 52, *53*; Кадырбаев, 1966, рис. 66, *19*). М. К. Кадырбаев датировал наконечник из Карамуруна I V-III вв. до н. э. (Кадырбаев, 1966, рис. 66, *19*).

Второй наконечник (рис. 1, *2*) тоже втульчатый, но двулопастной, листовидный, с едва намеченными жальцами и слегка выступающей втулкой. Острие скругленное, лопасти с параллельными гранями, имеющими слабые следы заточки. Длина – 3,5 см, максимальная ширина – 1,3 см. Аналогичный наконечник без четких жальцев происходит из поселения Малокрасноярка (Черников, 1960, 231, табл. XXXVI, *13*). По классификации Н. А. Аванесовой принадлежит к V типу стрел (Аванесова, 1992, рис. 39).

Шило обломано, длина – 7,4 см, сечение прямоугольное, размером 0,4х0,3 см. Подобные предметы распространены повсеместно и бытуют в широком хронологическом диапазоне.

Вторая группа из шести предметов была добыта на юго-западном берегу Большого озера близ г. Каркаралинска.

Обломок бруска-отливки (рис. 1, *4*), длиной 6 см, в сечении имеет полуовальную форму с основанием 0,8 см, высотой 0,4 см. Вероятно, это обломок

заготовки, ближайшая аналогия – негатив на литейной форме из Малокрасноярки (Черников, 1960, с. 233, табл. XXXVIII, *1*).

Обломок бронзового изделия брусковидной формы (рис. 1, *5*) размером 2,8х1,5х0,9 см.

Нож-кинжал двулезвийный, с кольцевым упором у основания рукояти (рис. 1, *6*). Острие обломано, длина сохранившегося изделия 12,3 см, реконструируемая длина ножа – 15 см. Наибольшая ширина лезвия – 2,9 см. Клинок ножа подтреугольной формы, со сходящимися лезвиями, в сечении эллиптический, с заточкой по всей длине клинка, максимальная толщина – 0,4 см. Рукоять плоская, с параллельными гранями, в плоскости приостренная, стамесковидная. Ножи или ножи-кинжалы с кольцевым упором известны на огромной территории Евразии, но в основном использовались носителями традиции валиковой керамики (Подобед, Усачук, Цимиданов, 2009).

Нож-кинжал двулезвийный с выемчатым клинком (рис. 1, *7*), длиной 17 см. Покрыт толстым слоем патины. Длина клинка – 12,5 см, длина рукояти – 4,5 см, черен рукояти плоский, приостренный в плоскости, стамесковидный со скругленным расширенным окончанием. Посередине обеих плоскостей клинка – четко выраженная продольная нервюра, которая начинается с рукояти и заканчивается у острия. Острие клинка слегка закругленно. Наибольшая толщина клинка – 4 мм, наибольшая ширина клинка – 3,2 см. Выемка на клинке составляет около трети его длины и не имеет заточки. Глубина выемки – около 3-4 мм. Лезвие ножа почти равно половине всего изделия. Ножи подобного типа были квалифицированы Н. А. Аванесовой как кинжалы варианта $А_5$ типа А (Аванесова, 1992, рис. 22, *15-18*). Ножи-кинжалы этого типа характерны для андроновских-фёдоровских комплексов. В частности, нож из Каркаралинска совершенно аналогичен изделию из кургана 7 могильника Путиловская Заимка на Южном Урале (Зданович, 1988, с. 170, табл. 10, *14*).

Фрагмент пластины длиной 3,9 см. изогнутой в плоскости и со скругленным окончанием (рис. 1, *8*). Вероятно, это обломок лезвия плоского ножа.

Втульчатая бусина башневидной формы высотой 1,2 см, со сквозным цилиндрическим отверстием (рис. 1, *9*). Диаметр втулки по основанию – 1 см, диаметр верхней части – 0,9 см. Диаметр отверстия в основании – 0,6 мм, вверху оно овальное, размером 3х5 мм. Функциональное назначение изделия неясно, вероятно, это ворворка.

Таким образом, публикуемые металлические изделия принадлежат двум археологическим эпохам. Ко времени ранних кочевников относится ромбовидный наконечник (рис. 1, *1*).

Все другие предметы были изготовлены в эпоху бронзы. Не согласуется с современными представлениями об относительной хронологии совместная находка фёдоровского ножа-кинжала и ножа с валиковым упором. Первый относится к периоду средней бронзы, а второй к поздней бронзе по периодизации, принятой в Казахстане и в Сибири. Видимо, информация бугровщика неточна и эти вещи залегали на разной глубине. Не исключено, что они происходят из многослойного поселения. Андроновско-фёдоровский слой этого поселения

может соответствовать могильнику на юго-восточном берегу озера Большого (Археологическая карта.., 1960, с. 170).

Все другие находки (рис. 1, *2-6,8,*9) со стоянки Байкадам и Каркаралинска входят в бегазы-дандыбаевский предметный комплекс общности культур валиковой керамики.

Обстоятельства нахождения публикуемых металлических предметов заставляют еще раз обратить внимание на деятельность поисковиков, оснащенных металлодетекторами. Свободная продажа металлодетекторов вызвала бум кладоискательства во многих странах мира. Подобное помешательство имеет место и в Казахстане. Масштабы ущерба, наносимого археологическим памятникам, оценить трудно, но, судя по фотографиям, выложенным кладоискателями на интернет-сайтах, они не просто велики – они чудовищны. Очевидно, что настало время принятия мер для нейтрализации деятельности современных бугровщиков.

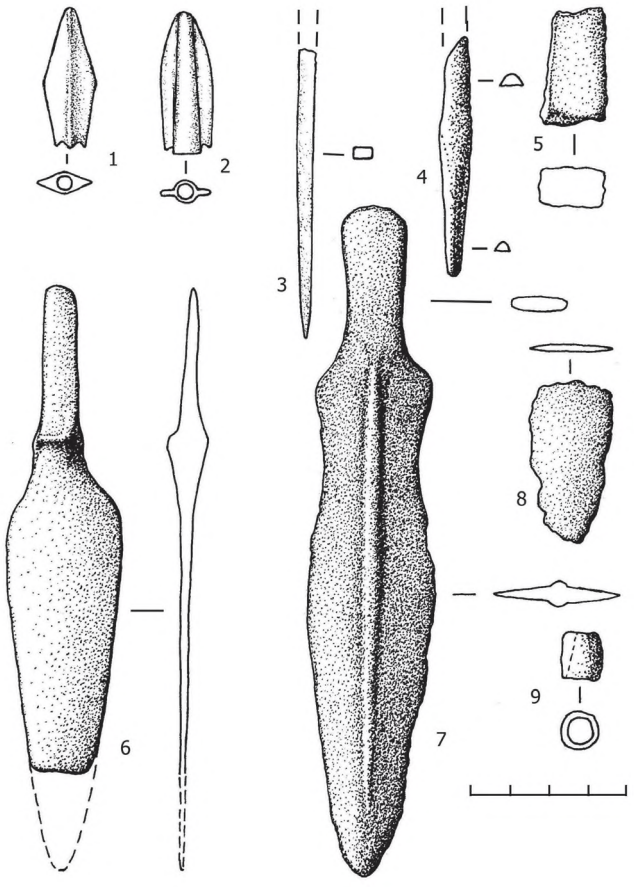

Рис. 1. Бронзовые предметы. 1-3 – со стоянки Байкадам; 4-9 – из местонахождения у Большого озера

Литература

Аванесова Н. А. Культура пастушеских племен эпохи бронзы Азиатской части СССР (по металлическим изделиям). – Ташкент: Фан, 1991. – 200 с.

Археологическая карта Казахстана. – Алма-Ата: Изд-во АН КазССР, 1960. – 490 с.

Вишневская О. А. Центральный Казахстан // Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. – М.: Наука, 1992. – С. 130-140.

Зданович Г. Б. Бронзовый век Урало-Казахстанских степей (основы периодизации). – Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1988. – 184 с.

Кадырбаев М. К. Памятники тасмолинской культуры // Маргулан А. Х., Акишев К. А., Кадырбаев М. К., Оразбаев А. М. Древняя культура Центрального Казахстана. – Алма-Ата: Изд-во АН КазССР, 1960. – С. 303-433.

Подобед В. А., Усачук А. Н., Цимиданов В. В. Ножи эпохи поздней бронзы с кольцевым упором из Центральной Азии и Сибири и их западные аналоги // Древности Сибири и Центральной Азии. – Горно-Алтайск: ГАГУ, 2009. – № 1-2 (13-14). – С. 3-16.

Черников С. С. Восточный Казахстан в эпоху бронзы // МИА. – 88. – М.-Л.: Изд. АН СССР, 1960. – № 88. – 272 с.

Каирмагамбетов А. М.

Филиал Института археологии им. А. Х. Маргулана в г. Астане

СЕРПОВИДНОЕ ОРУДИЕ ИЗ МОГИЛЬНИКА ОРМАНДЫБУЛАК

Одной из основополагающих задач грантового проекта «Культурно-исторические процессы в казахских степях в древности и Средневековье: традиции и инновации», реализуемого филиалом Института археологии им. А. Х. Маргулана, явилось изучение культурно-исторических процессов Казахстана в эпоху бронзы. Одним из основных источников в рамках проекта, помимо поселенческих комплексов, выступили материалы могильников эпохи бронзы. В этой связи сотрудниками филиала проводились комплексные исследования могильников эпохи бронзы Северного, Восточного и Центрального Казахстана. Одним из интересных памятников в Северном Казахстане является могильник Ормандыбулак.

Исследование могильника Ормандыбулак начато в 2010 году археологическим отрядом Центра по охране и использованию памятников историко-культурного наследия Акмолинской области под руководством А. Ж. Тюлебаева.

В 2013 году Акмолинским отрядом филиала Института археологии им. А. Х. Маргулана в г. Астане исследования на могильнике были возобновлены и исследованы два надмогильных сооружения. В полевом сезоне 2014 года были раскопаны и изучены объекты № 6, 7 и 8. В ходе исследования был получен

интересный материал, касательный погребальной обрядности населения в эпоху бронзы.

Могильник Ормандыбулак расположен в 4,78 км к ЮВ от поселка Карсак, Зерендинского района Акмолинской области. В комплекс надмогильных сооружений могильника Ормандыбулак входят более 66 каменных оградок эпохи бронзы, несколько древнетюркских и могильных сооружений этнографического времени.

В целом памятник можно разделить на три условные группы. Первая группа надмогильных сооружений вытянута по линии ЮЗ–СВ, она насчитывает 27 каменных оградок. Вторая группа насчитывает 9 каменных оградок, вытянутых по линии ЮЮЗ-ССВ. Третья, восточная группа объектов, вытянута по линии ЮВ-СЗ и состоит из 29 каменных оградок (Байтлеу и др., 2013, с. 100-112).

В рамках представленной статьи непосредственный интерес имеют особенности конструкции и погребальный инвентарь, обнаруженный на объекте № 4 (рис. 2). Особый интерес представляет обнаруженное серповидное орудие из бронзы, которому посвящена настоящая статья.

Говоря об ограде № 4, нужно отметить, что она располагалась в 25-30 метрах к С–В от каменной оградки № 1 и представляет собой в плане круг диаметром 9,8 м из вертикально вкопанных каменных плит. Верхняя часть камней возвышалась над дневной поверхностью на 0,5-0,6 м. Объект был сильно задернован. На дневной поверхности вокруг ограды прослеживается неглубокий ров (глубиной 0,2 м), опоясывающий ограду. Он был разомкнут в западной части объекта. Диаметр по внешнему краю рва составил 22 м (рис. 3).

В ходе раскопок юго-западного сектора могильной ямы – 1 объекта № 4, внутри ограды на глубине 50-55 см от дневной поверхности к востоку от фрагментов дерева, возможно фрагменты плахи перекрытия (80 см от бровки ЗВ, 180 см от бровки СЮ), было обнаружено бронзовое орудие, лежащее плашмя по линии запад-восток (рис. 4, 5). Тот факт, что изделие из бронзы было зафиксировано над западной частью могилы, а не внутри нее, может говорить о специальном, вероятно ритуальном, намеренном расположении орудия в описываемом месте.

Обнаруженное изделие представляет собой серповидное орудие (листовидной формы) с одним лезвием, изогнутым в сторону рабочей поверхности, а также в профиль. В сечении изделие треугольное. Длина основания серповидного орудия составила 26 см, максимальная высота 5,4 см (рис. 6). Толщина изделия составляет в области обуха 0,2 см, заостряется к лезвию (рис. 7). Лезвие изделия довольно острое, видимо рабочая поверхность была специально отлита утонченной и в дальнейшем лишь подточено. Интересна нижняя часть изделия, иначе говоря пятка, которая завитком оканчивается в нижней части обуха, образуя специальный паз (рис. 8). Описываемый паз, видимо, был изготовлен не ковкой, а изначально литьем. Возможно, завиток имел практическое назначение в качестве места крепления для ремешка, подвязки, для крепления к костяной

либо же деревянной рукояти. Диаметр овального отверстия пятки составил 1,3×0,9 см.

Практическое назначение обнаруженного бронзового изделия, несомненно, и нами определяется как серп. Аналогичные бронзовые изделия были найдены на поселении Явленка-1 в Северном Казахстане, в жилище-1 (рядом с ним был обнаружен нож с намечающимся перекрестием и керамикой черкаскульского и замараевского типа), также на поселении Новоникольское-1 в Северном Казахстане, серп был зафиксирован в слое с керамикой саргаринского типа. Схожее серповидное изделие было обнаружено при рекогносцировочных работах на поселении Осиповка в Челябинской области с керамикой фёдоровского и черкаскульского типов. Также бронзовые изделия были найдены в Восточном Казахстане, Минусинском крае и на Южном Урале.

Схожие по форме серповидные изделия широко представлены в памятниках срубных племен Северного Причерноморья. Они датируются сабатиновским временем – XIV-XIII (XII) вв. до н. э. (Аванесова, 1991, с. 20, рисунок 19, *36-37*; 18, *8*; 20, *49*).

Основной отличительной чертой серповидных изделий, зафиксированных в вышеперечисленных памятниках, является пятка с откованным крючком, в нашем же случае имеется своя особенность, названная выше.

Такие же изделия встречаются в Поволжье (Ивановский комплекс), так называемые крюкастые серпы кабаковского типа. Отличительной чертой серповидных орудий данного типа от изделия могильника Ормандыбулак являются слабоизогнутое лезвие, фигурная пятка, в некоторых случаях высокая дуга обуха и ширина в профиле (Колев, 2008, с. 216, табл. 6, с. 236).

Подводя итог, нужно отметить, что обнаруженный серп из могильника Ормандыбулак хоть и имеет широкие аналогии, но в тое время в орудии присутствуют особенные элементы, среди которых можно назвать следующие детали: 1) Сомкнутый на обухе изделия крюк (сомкнутая пятка); 2) Невысокая дуга обуха изделия. Местонахождение серпа (в западной части, над могилой), в свою очередь может говорить о ритуальном назначении в погребальном обряде, но в то же время нельзя отрицать, что орудие в прошлом могло использоваться и в быту (Байтлеу и др., 2013, с. 74).

Литература

Байтлеу Д. А., Самашев З. С., Зайберт В. Ф., Магзумов А. М., Тюлебаев А. Ж. Исследование могильника Ормандыбулак в Зерендинском районе Акмолинской области // Труды филиала Института археологии им. А. Х. Маргулана в г. Астане. – Астана, 2013. – С. 100-112.

Аванесова Н. А. Культура пастушеских племен эпохи бронзы Азиатской части СССР. – Ташкент: Фан, 1991. – С. 119.

Колев Ю. И. Ивановская культура позднего бронзового века: характеристика культуры и проблемы исследования // Актуальные проблемы археологии Урала и Поволжья. – Самара, 2008. – С. 208-240.

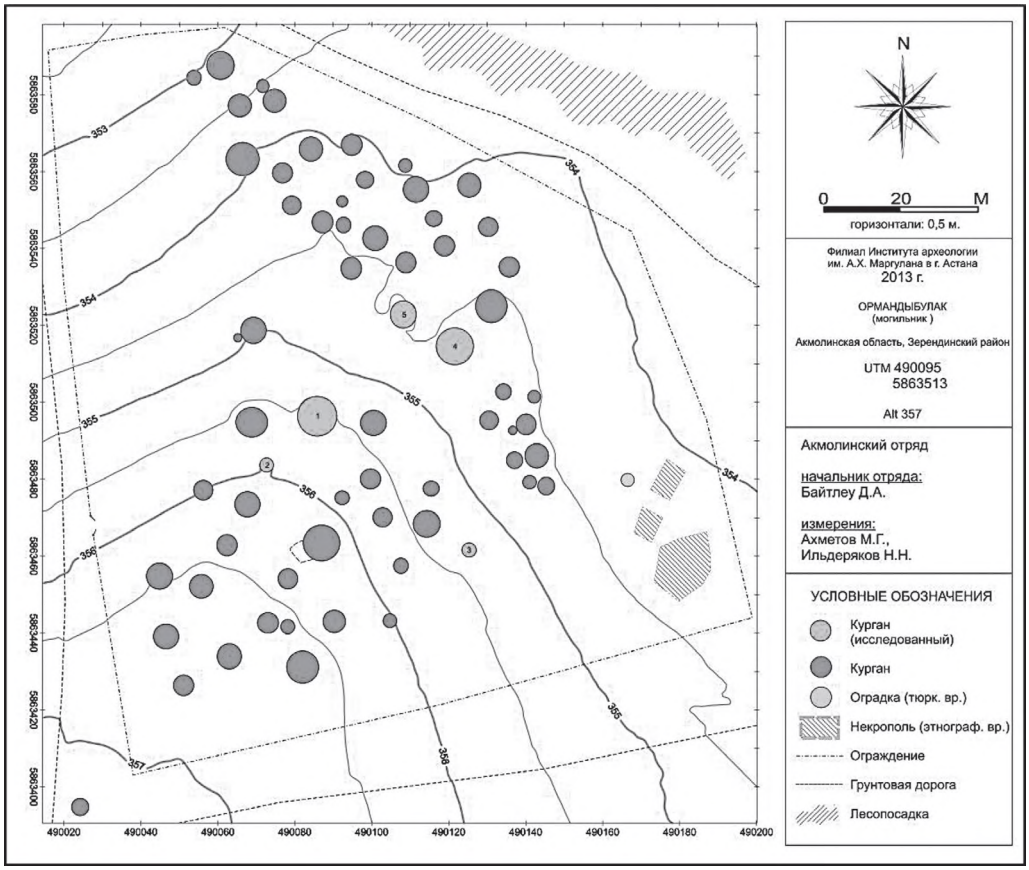

Рис. 1. Общий план местности могильника Ормандыбулак

Рис. 2. Могильник Ормандыбулак. Курган-ограда № 4. Вид до раскопа

Рис. 3. Могильник Ормандыбулак. Курган-ограда № 4. Могильное пятно и погребенная почва

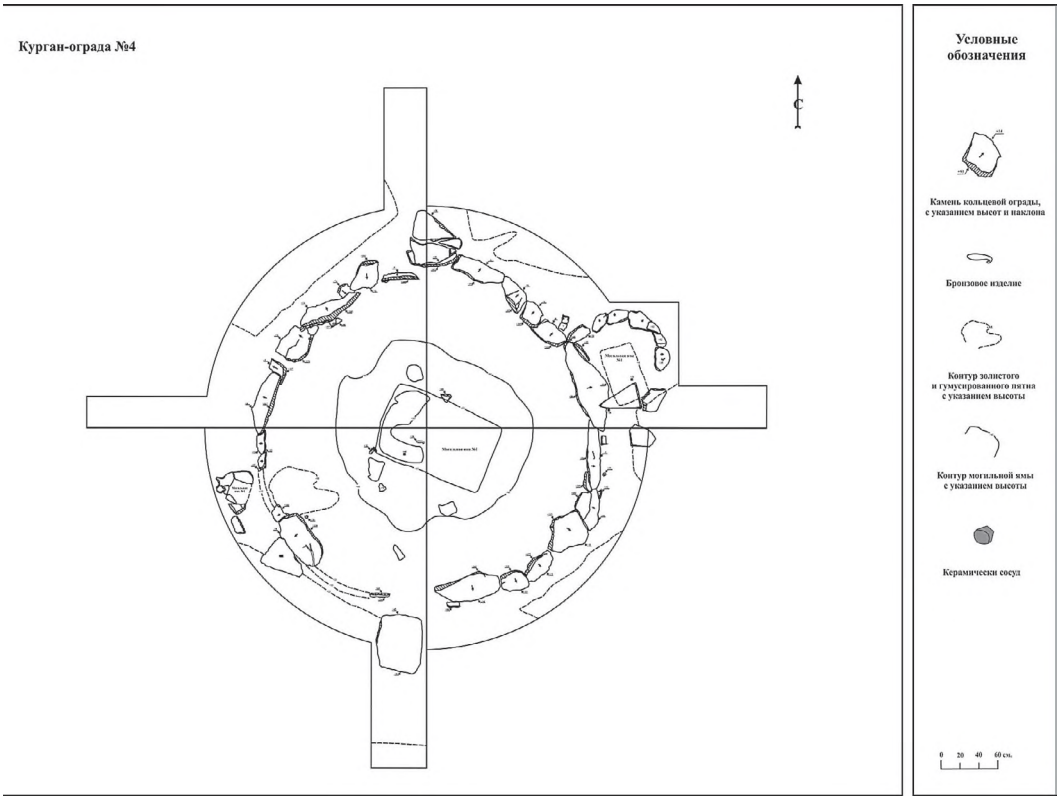

Рис. 4. Могильник Ормандыбулак. Курган-ограда № 4. План

Рис. 5. Могильник Ормандыбулак. Курган-ограда №4. Серповидное орудие из бронзы in-situ

Рис. 6. Могильник Ормандыбулак. Курган-ограда № 4.Серповидное орудие из бронзы

Рис. 7. Могильник Ормандыбулак. Курган-ограда № 4.
Серповидное орудие из бронзы. Профиль

Рис. 8. Могильник Ормандыбулак. Курган-ограда № 4.
Серповидное орудие из бронзы. Фрагмент.

Ситников С. М.

г. Барнаул, Россия

ПРЕДМЕТЫ КОНСКОЙ УПРЯЖИ С ТЕРРИТОРИИ ЛЕСОСТЕПНОГО АЛТАЯ[42]

В эпоху поздней бронзы на обширной территории евразийских степей сформировался ряд культур, характерным признаком которых является керамика, украшенная валиками (Черных, 1983, с. 82). Ареал распространения саргаринско-алексеевской культуры включает территорию Центрального, Северного и Восточного Казахстана, а также лесостепного и степного Алтая. В ходе археологических работ на рассматриваемой территории, проводившихся различными исследовательскими центрами, в настоящий момент выявлены более тридцати поселений и три могильника, материалы которых либо полностью, либо частично относятся к саргаринско-алексеевской культуре. Общая вскрытая площадь на данных памятниках составляет около 10 тыс. кв. м (Ситников, 2002, с. 3). В результате раскопок получен богатый археологический материал, отражающий различные аспекты культурной, религиозной и хозяйственной деятельности населения Обь-Иртышского междуречья эпохи поздней бронзы. Особый интерес представляют костяные псалии, обнаруженные на четырех памятниках лесостепного Алтая.

С поселения Чекановский Лог-1, расположенного в верховьях р. Алей, происходят два изделия (Демин, Ситников, 2002, с. 29). Первый псалий, стержневидной формы, с округлыми утолщениями типа головок на концах и расширением в средней части, обнаружен на дне жилища № 2. По краям и в середине изделия имеются три сквозных отверстия подпрямоугольной формы, расположенные в одной плоскости (рис. 1, *1*).

Второй псалий имеет изогнутую форму. Два концевых, подпрямоугольных, отверстия расположены в одной плоскости, центральное, округлое, под небольшим углом к ним (рис. 1, *3*). Псалий украшен орнаментом, в центральной части и на окончаниях предмета присутствовала бронзовая инкрустация (в настоящий момент сохранилась лишь в центральной) (рис. 1, *4*).

С поселения Советский Путь-1, расположенного также в верховьях р. Алей, происходит два псалия. Первое изделие представлено обломком. Небольшие размеры предмета не позволяют реконструировать первоначальную форму изделия. Отметим лишь, что псалий имел изогнутую форму и как минимум два подпрямоугольных отверстия, расположенных в одной плоскости (рис. 1, *5*).

Второе изделие, выполненное из ребра животного, имело два прорезанных желобка, расположенных в одной плоскости (рис. 2, *2*).

С поселения Рублево-6, расположенного на территории Кулундинской степи, происходит псалий стержневидной, изогнутой формы с тремя подпрямоугольными отверстиями в разных плоскостях (рис. 2, *1*). Изделие было разрушено еще в древности. В нижней части псалия имеется желобок, вероятнее

[42] Работа выполнена при поддержки РГНФ, проект № 11-11-22002 «Древние поселения северной Кулунды (культурно-хронологический аспект).

всего вырезанный после того, как изделие было сломано. С этого же памятника происходит заготовка для аналогичного предмета (рис. 2, *2*).

С поселения Гусиная Ляга-1, расположенного на территории Кулундинской степи, происходит псалий стержневидной формы с округлыми утолщениями типа головок на концах и расширением в средней части, обнаружен на дне жилища № 1 (рис. 2, *3*). Первоначально предмет имел два дополнительных отверстия на концах (рис. 2, *4*).

Датировка. Костяные псалии стержневидной формы с округлыми утолщениями на концах и расширением в средней части (рис. 1, *1*, рис. 2, *3*) находят аналогии как в материалах саргаринско-алексеевской культуры, так и в единовременных комплексах сопредельных территорий. Близкий по форме псалий найден на поселении эпохи поздней бронзы Омь-1 в Барабе (Бородовский, 1997, с. 207, табл. 46-4). Заготовка для подобного изделия происходит с городища Чича-1 (Молодин, 1985, с. 168, рис. 86-14; Бородовский, 1997, с. 207, табл. 46-3). Почти аналогичный псалий, имеющий маленькие круглые отверстия, пересекающие большие подовальные, встречен на поселении Язево-1 (Потемкина, 1985, с. 64, рис. 17, *1*) и датируется Т. М. Потемкиной XII-X вв. до н. э. (Потемкина, 1985, с. 289). Довольно близкое изделие было обнаружено на поселении Мыржик в Центральном Казахстане (Кадырбаев, Курманкулов 1992, с. 185, рис. 145, *5*). По форме стержня и расположению отверстий он близок к псалиям V типа, выделяемым К. Ф. Смирновым (Смирнов, 1961, с. 66-68, рис. 12, *1,2*).

На наш взгляд, аналогичные псалии можно отнести к X-VIII (VII?) вв. до н. э., хотя до конца нельзя исключать и более ранний период их существования. Предложенную датировку подтверждает нахождение подобного псалия на дне жилища № 1 поселения Гусиная Ляга-1 (рис. 2,*3*) совместно с керамикой позднеирменского облика и заготовки для аналогичного изделия на городище переходного времени от бронзы к железу Чича-1, датирующегося В. И. Молодиным по ножу с аркой на кронштейне VIII-VII или VII-VI вв. до н. э. (Молодин, 1985, с. 173).

Псалий изогнутой формы с двумя концевыми, подпрямоугольными, отверстиями, расположенными в одной плоскости, и центральным, округлым, под небольшим углом к ним (рис. 1,*3*), близких аналогий не находит. Наличие утолщений на концах и в центральной части сближает его с охарактеризованными выше изделиями. Некоторая схожесть фиксируется с псалием с поселения Кент (Варфоломеев, 1988, с. 96, рис. 5, *2*). Изогнутый псалий обнаружен на поселении Атасу (Кадырбаев, Курманкулов, 1992, с. 183, рис. 144, *4*). По форме псалий с поселения Чекановский Лог-1 напоминает изделия из могильника Балиновский-1 в Северном Причерноморье, относящегося к VIII-VII вв. до н. э. (Шарафутдинова, Дубовская, 1987, с. 34, рис. 1). Изогнутость формы изделия сближает его с псалиями кургана Аржан (Членова, 1997, с. 51, рис. 5-1-4, 6-9). В Барнаульско-Бийском Приобье псалии изогнутой формы зафиксированы в материалах переходного времени от бронзы к железу датируются VIII-VI вв. до н. э. (Папин, Шамшин, 1998, с. 97, рис. 2, *13-15,* с. 90). Возможно, псалии данного типа имеют сравнительно узкий хронологический промежуток существования и могут быть датированы в пределах IX-VIII вв. до н. э.

Псалий стержневидной, изогнутой формы с тремя подпрямоугольными отверстиями в разных плоскостях (рис. 2, *1*). Данное изделие довольно близко к псалиям переходного времени от бронзы к железу поселения Фирсово-18 (Папин, Шамшин, 1999, с. 143, рис. 2, *3, 4*; Шамшин, Цивцина, 2001, с. 214, рис. 1, *2, 3*). Любопытно, что на одном из изделий отверстия расположены в разных плоскостях (Папин, Шамшин, 1999, с. 143, рис. 2, *4*). Форма и сечение сближают данный предмет с бронзовыми и костяными псалиями раннескифского времени (Итина, Яблонский, 1997, с. 169, рис. 72; Кирюшин, Тишкин, 1997, с. 182, рис. 35; Шульга, 1998, с. 380, рис. 1-13; Демин, Ситников, 1999, с. 64, рис. 3-1,2; Папин, Шамшин, 1999, с. 97, рис. 2-15). Возможно, изделия с поселения Рублево-6 имеют узкий хронологический диапазон бытования. В таком случае псалий с данного памятника должен относиться к IX-VIII вв. до н. э.

Технология изготовления псалиев. В качестве исходного сырья для их изготовления использовались роговые отростки или закраины (Бородовский, 1997, с. 87). Первоначально, путем вырезания и членения, подготавливалась заготовка будущего предмета. Следующий этап сверление отверстий – наиболее сложный и трудоемкий процесс операции. Зачастую в процессе сверления заготовки ломались, что демонстрирует предмет с поселения Рублево-6 (рис. 2, *2*). Найденная заготовка для стержневидного псалия была обломана еще в древности в процессе сверления отверстия в центральной части (Ситников, 2004, с. 142). По форме отверстия в псалиях делятся на округлые и подпрямоугольные. В первом случае использовалось небольшое сверло, во втором в изделии просверливались два отверстия, с последующим удалением перемычки между ними (Бородовский, 1997, с. 88). Следующий этап операции – доработка изделия, которая сопровождалась дальнейшей шлифовкой, полировкой и иногда – нанесением орнамента (рис. 1, *3*). Довольно интересным, на наш взгляд, является псалий с поселения Гусиная Ляга-1, обнаруженный на дне жилища № 1. Первоначально изделие имело три подпрямоугольных отверстия (расположенных в одной плоскости) и два округлых, пересекающих подпрямоугольные в верхней и нижней частях псалия (рис. 2, *4*). В процессе эксплуатации одна из частей изделия была обломана. Однако мастер нашел довольно оригинальный выход из сложившейся ситуации. Вместо обломанного подпрямоугольного отвестия им был вырезан желобок на конце изделия и просверлено небольшое отверстие, что позволило использовать псалий и в дальнейшем (рис. 2, *3*). Аналогичные следы ремонта фиксируются также на изделии с поселения Рублево-6 (рис. 1, *1*).

Литература

Бородовский А. П. Древнее косторезное дело юга Западной Сибири. – Новосибирск: Наука, 1997. – 226 с.

Варфоломеев В. В. О культурной принадлежности памятников с валиковой керамикой Сары-Арки // Проблемы археологии Урало-Казахстанских степей. – Челябинск, 1988. – С. 80-99.

Демин М. А., Ситников С. М. Могильник Чекановский Лог-10 – новый памятник развитой бронзы и раннескифского времени Юго-Западного Алтая // Древности Алтая. Известия лаборатории археологии. – Горно-Алтайск, 1999. – № 4. – С. 59-66.

Демин М. А., Ситников С. М. Поселение Чекановский Лог-1 в системе относительной хронологии саргаринско-алексеевских древностей // Северная Евразия в эпоху бронзы: пространство, время, культура. – Барнаул, 2002. – С. 29-36.

Итина М. А., Яблонский Л. Т. Саки нижней Сырдарьи (по материалам могильника Южный Тагискен). – М., 1997. – 187 с.

Кадырбаев М. К., Курманкулов Ж. Культура древних скотоводов и металлургов Сары-Арки. – Алма-Ата, 1992. – 248 с.

Кирюшин Ю. Ф., Тишкин А. А. Скифская эпоха Горного Алтая. Часть 1. Культура населения в раннескифское время. – Барнаул, 1997. – 232 с.

Молодин В. И. Бараба в эпоху бронзы. – Новосибирск, 1985. – 200 с.

Папин Д. В., Шамшин А. Б. Поселения переходного времени от эпохи бронзы к железному веку в лесостепном Алтайском Приобье // Древние поселения Алтая. – Барнаул, 1998. – С. 85-109.

Папин Д. В., Шамшин А. В. Материалы переходного времени от эпохи бронзы к эпохе железа в лесостепном Алтайском Приобье // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий. – Барнаул, 1999. – С. 141-144.

Потемкина Т. М. Бронзовый век лесостепного Притоболья. – М: Наука, 1985. – 376 с.

Ситников С. М. Саргаринско-алексеевская культура лесостепного и степного Алтая: автореф. дис. … канд. ист. наук. – Барнаул, 2002. – 22 с.

Ситников С. М. Псалии саргаринско-алексеевской культуры (по материалам лесостепного и степного Алтая) // Псалии. Элементы упряжи и конского снаряжения. – Донецк, 2004. – С. 139-142.

Смирнов К. Ф. Археологические данные о древних всадниках Поволжско – уральских степей // СА. – 1961. – № 1. – С. 46-72.

Черных Е. Н. Проблемы общности культур валиковой керамики в степях Евразии // Бронзовый век степной полосы Урало-Иртышского междуречья. – Челябинск, 1983. – С. 81-99.

Членова Н. Л. Центральная Азия и скифы. Дата кургана Аржан и его место в системе культур скифского мира. – М.: Наука, 1997. – 98 с.

Шамшин А. Б., Цивцина О. А. Взаимодействие носителей культур эпохи поздней бронзы в Алтайском Приобье (по материалам поселения Фирсово XVIII) // Пространство культуры в археолого-этнографическом изменении. Западная Сибирь и сопредельные территории. – Томск, 2001. – С. 213-217.

Шарафутдинова Э. С., Дубовицкая О. Р. О двух группах погребений предскифского времени в Северном Причерноморье // Проблемы археологических культур степей Евразии. – Кемерово, 1987. – С. 27-38.

Шульга П. И. Группа раннескифских захоронений на реке Чарыш // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск, 1998. – С. 379-385.

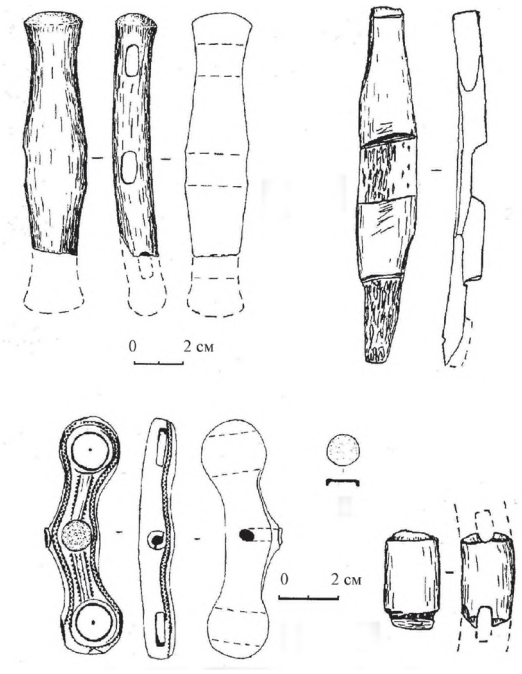

Рис. 1. Псалии с поселений эпохи поздней бронзы:
1, 3, 4 – Чекановский Лог-1, 2, 5 – Советский Путь-1.

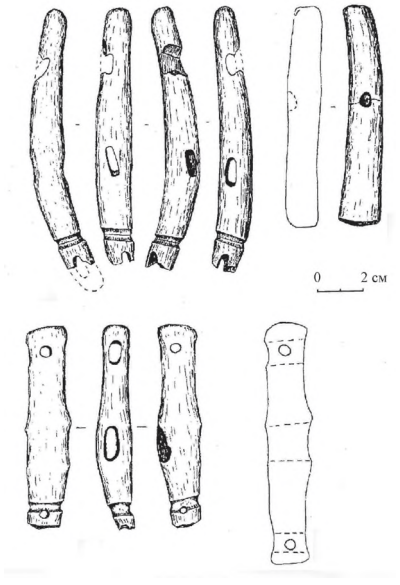

Рис. 2. Псалии с поселений эпохи поздней бронзы:
1,2 – Рублево-6, 3, 4 – Гусиная Ляга-1 (4 – реконструкция)

Курманкулов Ж., Дарменов Р., Утубаев Ж., Тажекеев А.

Институт археологии им. А. Х. Маргулана, г. Алматы, Казахстан,
Кызылординский государственный университет им. Коркыт-Ата,
г. Кызылорда, Казахстан

НЕКОТОРЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЙ НА ГОРОДИЩЕ ЧИРИК-РАБАТ В 2014 ГОДУ

В полевом сезоне 2014 г. Чирик-Рабатской археологической экспедицией продолжены археологические изыскания на городище Чирик-Рабат. Раскопом (18х15 м) площадью 270 кв. м была затронута южная часть средневековой цитадели, где явно выделялось здание, доминирующее над цитаделью. Здание имело удлиненно-вытянутую форму по оси северо-восток-юго-запад и входило в фортификационную систему средневековой цитадели. До раскопа было предположение, что это предвратное сооружение у входа в цитадель. Поверхность сооружения была покрыта глиняными натеками и усеяна песком с примесью карбонатных стяжений и местами поросла растительностью. Для выяснения характера сооружения и возможности его вскрытия было решено заложить раскоп в северо-восточной стороне здания и траншею поперек его оси.

В ходе работ вскрыта часть оборонительной стены по внутреннему фасу и участок площади здания, примыкающий к стенам с юга. Стратиграфия траншеи показала, что сооружение в более поздний период было забутовано сырцом и песком. Плотность забутовки составляла не менее 60 см, под этим слоем найдена прямоугольная площадка, выложенная из сырцовых кирпичей (формат кирпичей 40х40х10 см), в настоящее время расчищены три верхние площадки и три помещения.

На площади раскопа была выявлена комната № 1, зачистка верхних слоев затека показала, что комната заполнена рыхлой супесью серо-коричневого цвета с фрагментами гипса (некоторые были покрыты красной краской). Размер комнаты 2х3 метра (рис. 1).

В ходе расчистки помещения № 1, расположенного в северо-восточной части сооружения, найдены гипсовые скульптуры двух женщин (на глубине 142 см от репера), возможно изображенные в сидячем положении. Основание такому предположению дают открытые в ходе археологических работ четыре «ноги», расположенные в ряд друг от друга и согнутые в коленях (рис. 2). Часть ступни одной ноги (из-за плохой сохранности гипсового слоя и в связи с неимением на тот момент в полевых условиях закрепляющих средств) была утрачена после фотофиксации. «Тазовая область» и найденные в завале три обломка женских грудей были извлечены и по окончании полевого сезона перевезены в Институт археологии им. А. Х. Маргулана. Один из фрагментов находился в хорошем состоянии, два остальных со значительными утратами. Утраты вскрытых частей скульптур составляют 70-80 %. Физическое состояние скульптур представляет местами порошкообразную массу, фиксируется отслаивание гипса.

Каркас скульптур, вероятно, был изготовлен из дерева, обмотан тканью из тонковолокнистого хлопка (?, предварительное заключение, см. фото), сверху

гипсом была передана форма скульптур и покрыта красочным слоем. Основание так полагать дает присутствие истлевшего дерева, а также сохранившийся кусочек деревянной пластины в области внутренней части стопы ноги второй скульптуры. Местами на внутренней стороне гипса прослеживаются четкие следы ткани, а с внешней стороны остатки красной краски.

Из-за порывов сильных ветров мы столкнулись с проблемой разрушения отслаиваемых частей гипса. В связи с этим потребовалось немедленное закрепление открытых частей фрагментов скульптур. Так, была проведена попытка закрепить фрагмент из гипса № 1 имеющимся в наличии средством ПВА, разведенным в воде, и изъять фрагмент из завала. Этот прием был впервые применен реставраторами из США Стаут и Геттенс, которые ввели в практику реставрации монументальной живописи синтетический полимер ПВА (Gettens, 1936, vol. IV). С тех пор ПВА широко использовался при реставрации скульптур Бамиана в Афганистане (Idem., vol. IX, 1970, n. 166) и Аджанты в Индии (Lal, 1967), а также части живописи на городище Топрак-кала в Хорезме.

Но в этом случае применение ПВА не дало желаемого результата. Фрагмент был пропитан дважды 5 %-м и дважды 7 %-м раствором ПВА, разведенным в воде, и взят в гипсовый бандаж. Впоследствии фрагмент не был изъят, так как отслаивание не удалось закрепить с внутренней полостью гипса, которая была заполнена порошкообразной массой из множества органических веществ. В ходе консультации с реставраторами было решено использовать раствор 7-10 % PARALOID B 72 (этилметакрилат) на ацетоне или растворители марки «А» и таким образом получить прочную основу для закрепления внутренней полости скульптуры.

Извлечение гипсовой скульптуры, дошедшей до нас в виде сотен хрупких фрагментов, в археологическом завале комнаты № 1 – на площади около 6 кв. м, потребовало два сезона полевых работ (в общей сложности до 120 рабочих дней при трех-четырех участниках). Первоначально работы велись интуитивно, пока, наконец, путем отработки и закрепления одних приемов и выяснения непригодности других не была разработана последовательная методика расчистки, препарирования и извлечения фрагментов в поле.

Работы на раскопочной площадке протекали следующим образом: после снятия верхних завалов вскрытие помещений осуществлялось постепенным продвижением по фронту – со стороны дверных проемов или уже расчищенных до пола площадей; при этом перед глазами раскопщика всегда находился вертикальный разрез еще невскрытого массива. Основным инструментом служил строительный шпатель, позволяющий постепенно снимать археологический слой по вертикали. В получаемом при этом вертикальном разрезе трудно уже не упустить из поля зрения появления скульптуры – будь ли то след окраски или просто отслоившийся гипс скульптуры, которая отлична от глины сырца и строительных растворов. При появлении в разрезе скульптурного элемента начинается более деликатная расчистка вокруг него ножом и кистями. Постепенно оконтуривается «островок» скульптурного завала, который тщательно расчищается и сверху, и с боков. Очень важно своевременно снять со

скульптурных остатков налипшую и спрессованную массу упавших сырцовых кирпичей – чуть сыроватые в грунтовом залегании, они, просохнув на солнце, приобретают чрезвычайную прочность, после чего отделить их от скульптурной глины крайне трудно – скорее разрушается именно скульптурный фрагмент.

После расчистки скульптурный «островок» по рекомендации реставратора оставляется открытым на 1-2 часа, чтобы его провеял воздух и прокалили солнечные лучи. Горячее кызылкумское солнце превосходно крепит гипс. Однако под действием тепла и резкого изменения температурного режима от гипсовой основы окраска отслаивается, а сами краски гаснут. В силу этого открытые окрашенные детали следует пропитывать клеящим веществом сразу же после их расчистки.

На открытых скульптурных «островках» нами ежедневно осуществлялись пропитки раствором через каждый час не менее 5-7 дней, а при большом размере фрагмента скульптуры до двух недель.

В качестве основного материала пропитки гипса были использованы проверенные в обширной практике PARALOID B 72 [этилметакрилат] на ацетоне или растворители марки «А». Последний удобен в полевых условиях, особенно если учесть, что не везде продают ацетон. Однако ацетоновым настоем PARALOID B 72 целесообразно заполнять во время раскопки скульптурного фрагмента, так как он долго в жаркую погоду сохнет и позволяет работать в период усыхания.

Ацетон способствует более глубокому проникновению раствора в гипс, чем растворитель. Опыт показал, что наилучшие результаты дает такая последовательность: первая пропитка в соотношении PARALOID B 72 к ацетону 10-15 грамм на 500 мл ацетона, последующие же в целях более глубокого закрепления – с разжижением до 25-30 грамм. Растворитель марки «А» быстро улетучивается и плохо проникает вовнутрь.

Несмотря на многократные полевые пропитки, клеящие вещества создают лишь поверхностное (до 1 см) закрепление гипса, однако и это уже гарантирует сохранность объекта, достаточную для его перевозки и дальнейшей консервации в лабораторных условиях.

Следующая стадия работ была связана с процессом изъятия скульптурных остатков. После закрепления верхних фрагментов скульптур раствором полы предварительно обкапываются так, что кусок оказывался как бы на отдельном «столике», что помогает свободно манипулировать вокруг. После того некрупный скульптурный фрагмент может быть снят в перевернутом виде на фанеру (с подсыпкой в нужных участках глины) с тем, чтобы сразу же на рабочей площадке осуществить расчистку и пропитку его обратной стороны. Однако существенный недостаток – вследствие перемещения центра тяжести и внутренних сил сцепления перевернутая деталь, особенно если это не монолитный фрагмент, а полая разрушившая часть, дает с оборота ряд дополнительных трещин и сколов, объект при этом фактически разнимается на отдельные фрагменты. Данный способ использовался лишь для извлечения некрупных объектов и деталей. При извлечении же значительных массивов были применены гипсовые блоки. На

подготовленный к изъятию скульптурный массив – например бедра или стопы человеческой фигуры – настилаются (во избежание проникновения влаги) листы фольги, накладывается арматура из нескольких отрезков толстой проволоки, а затем наносился раствор строительного гипса, пропитанный в марле.

После затвердения гипса (через 20-30 мин.) «столик», на котором покоится объект, подкапывается, весь блок переворачивается и далее в этом гипсовом футляре ведется расчистка и пропитка обратной стороны скульптуры. Плотно обжатой скульптуре уже не грозит появление новых трещин.

В ходе снятия скульптуры нами было зафиксировано, что она не была закреплена к стенам помещения, а брошена на пол, так как под ней идет плотный слой остатков ритуальной тризны. Слой представлял собой смесь перетлевшей органики, золы и остатков остеологического материала (нужно отметить, что тут преобладали рога мелкого рогатого скота и копыта лошадей). Плотность слоя – 30 см.

Пол помещения № 1 выявлен на глубине 170 см от реперной точки, он выложен сырцовыми кирпичами (размер 40х35х10 см). В середине помещения на полу стоит каменная терка, по всей видимости, она использовалась для ритуальных действий (тут же в комнате нами прослежены остатки ритуального очага и специальной керамической посуды (курильницы, светильники) (см. ниже).

Параллельно в помещении был выявлен ритуальный очаг, находящийся у входа в помещение. Очаг примыкал к западной стенке помещения и имел округлую форму (диаметром не более 50 см). Тут у очага выявлены два жертвенных сосуда.

1. Курильница миниатюрная, с округлым резервуаром, с прямым венчиком, чуть скошенным наружу, на трех ножках, округлых в сечении, со специальными дырочками по бокам в резервуаре, просверленными по сырой глине до обжига. Светло-глиняная, лепная, слеплена небрежно, одна ножка отломана. Высота 4,8 см, диаметр 7,7 см.

2. Керамическая курильница. Высота 4,5 см, диаметр 6,5 см. Внутри остатки угля и зола.

Вход в помещение вел с северной стороны небольшим коридором (длина 150 см и ширина 100 см), которая в более поздний период была заложена сырцовыми кирпичами, формат их, что и на основном сооружений. На входной стенке видны следы грабительского лаза в виде глиняной воронки и деревянной перемычки, поддерживающей, по всей видимости, свод грабительского лаза.

Вход в помещение был потревожен, по всей видимости, в период ремонтных работ на оборонительных стенах средневековой цитадели. Можно утверждать, что фортификационные системы цитадели длительное время функционировали параллельно с культовым зданием, так как здесь прослежен обходной коридор вдоль стены. Ширина обходного коридора 1-1,5 метра, длина (охваченная раскопом) 25 метров. Заполнен он был супесью коричневого цвета, возможно, это остатки перекрытия. Пространство над супесью в более поздний период было заложено сырцом, и началось формирование единой фортификационной системы.

Верхняя часть культового сооружения представляла собой три прямоугольные площадки, выложенные из сырцовых кирпичей. Площадки выявлены на глубине 42 см от реперной точки.

Площадка № 1 (размер 570х570 см) – это плоская поверхность, слишком сильно размытая, только местами прослеживаются сырцовые кирпичи.

Площадка № 2 (размер 360х380 см) сохранилась очень хорошо, сырцовые кирпичи в хорошем состоянии.

Площадка № 3 (350х270 см) сохранилась плохо, это связано с тем, что к западу от нее нами просматривается поздний перекоп.

Также в ходе расчистки площадок № 2 и 3 было выявлено помещение № 2, прямоугольной формы (размер 470х260 см), на глубине 60 см от реперной точки. В центре помещения выявлен сырцовый кирпич, от него к востоку обнаружено сильно прокаленное пятно. В восточном углу помещения обнаружена впускная яма (размер 170х100х20 см).

В отличие от других изученных помещений вход в помещение № 2 шел через контрфорс с северной стороны, который был разделен на две половинки, разделяя помещения № 1 и 3. Ширина восточной стенки контрфорса – 3 метра, западной – 2 метра. Ширина коридора между двумя стенками контрфорса – 1,40 метра (рис. 3).

Третье раскопанное помещение находилось с западной стороны здания, вход, как и у помещения № 1, выходил на север. Размер помещения – 270х190 см, впускного коридора – 90х185 см (рис. 4). Расчистка помещения № 3 показала, что здесь произошел процесс обрушения верхних стен, связанный с тем, что комната была полой. Осадки, по всей видимости, собирались на перекрытие помещения, просачиваясь между кирпичами, создавая нагрузку на стены.

Стены хорошо сохранились только у входа в помещение, где нами также зафиксирован сырцовый пол. На глубине 145 см от реперной точки в восточном углу зафиксировано какое-то строение, здесь были найдены фрагменты гипса и обломок лепного керамического светильника.

В результате кратковременного исследования культового сооружения, можно резюмировать следующее: постройка была посвящена, какому-то женскому «божеству», но нельзя упрощать это до укоренившегося стереотипа о Великой богине-матери или богине плодородия, либо конкретно – Анахита или Умай. Однако непонятно, почему культовое сооружение было воздвигнуто за пределами средневековой цитадели и в более позднее время заложено сырцом. Определенно можно исключить его погребальное назначение из-за отсутствия захоронения и сопутствующего погребального инвентаря. Отсутствие костей и предметов можно объяснить плохой сохранностью, но в ближайших античных памятниках они хорошо сохранились.

Однако обратимся к конкретным археологическим фактам, полученным во время раскопок. Как показано выше, всё пространство культового сооружения делится на две части: одну часть занимает закрытое помещение с гипсовыми скульптурами, вторая представляет собой площадку (ритуальная) для совершения каких-либо обрядовых действий. При зачистке площадок было

выявлено много битой керамики и костей домашних животных. Возможно, здесь цикл обрядовых действий, совершаемых на ритуальных площадках, был связан с жертвоприношениями духам предков. Причем жертвоприношения носили бескровный характер, поскольку находки костей животных фрагментарны (кости от разных частей и разных животных, некоторые обработаны).

Наличие скульптур и ритуального очага в помещении № 1 связано с каким-то ритуально-посвятительным обрядом. Возможно, женские скульптуры олицетворяли духов предков – мать и дочь – и являлись отголосками матриархального прошлого. Согласно этнографическим материалам культ предков составлял основу всех религий мира, а потому сооружения, посвященные этому культу, воплощенные в самые разнообразные формы, встречаются у многих народов мира (Грант-Аллен, 1907, с. 32).

Существенной стороной ритуального обряда, отмеченного в помещении со скульптурами, является наличие здесь культового очага и специальной посуды, среди которых особо выделяются курильница, имеющая конический резервуар и опирающаяся на три ножки, стаканчик, заполненный сгоревшими растениями или плодами.

Этнографический ритуал с огнем хорошо исследован у зороастрийцев; так, в погребальных и культовых обрядах ему отводилась важная роль. Согласно парсийским преданиям в доме, где лежал покойник, или вблизи дахмы, в специальном сооружении, называемом *sagdi,* трое суток после помещения покойника должен гореть огонь или лампа, служа оберегом от злых духов (Dhabhar, 1932, p. 58). Причем исследователями различаются два типа священных очагов: алтарь огня и очаг для жертвоприношения. По данным М. Бойс при поминальной церемонии (sharon) жрецы огня – зордоши – в жертвенный очаг кладут смесь жира, шерсти, обрезков рогов и ароматические растения (Boyce, 1966, p. 100-118). Возможно, после возжигания специальных растений и плодов их затем распределяли в курильницы, стаканчики и миски и распределяли среди жителей цитадели во время ритуала. Зороастрийский обряд очищения, помимо чтения Авесты, заключает в себе употребление ритуального напитка, состоящего из золы с бычьей мочой (Boyce, 1975, p. 101-102).

Священное значение золы, по мнению М. Бойс, отразилось в двух пехлевийских выражениях: зола дома огня и зола огня Бахрама. По данным А. Троицкой, у таджиков долины Зарафшана обряд «хокистони пирани» (зола пиров предков), состоящий в смазывании рта ребенка золой (Троицкая, 1935, с. 128).

Окуривание как радикальное средство борьбы с демонами, злыми духами и прочими нечистыми силами широко распространено у многих народов мира, в том числе и в Казахстане. В Средней Азии и Казахстане для окуривания особенно широко употреблялась «священная трава» – адыраспан (полынь), гашнич, веточки арчи, дикий лук, стручковый перец, чеснок.

Таким образом, при изучении культового здания на городище Чирик-Рабат получены чрезвычайно важные и новые данные о разнообразии и особенностях религиозных представлений древних племен Приаралья.

Рис. 1. Помещение № 1

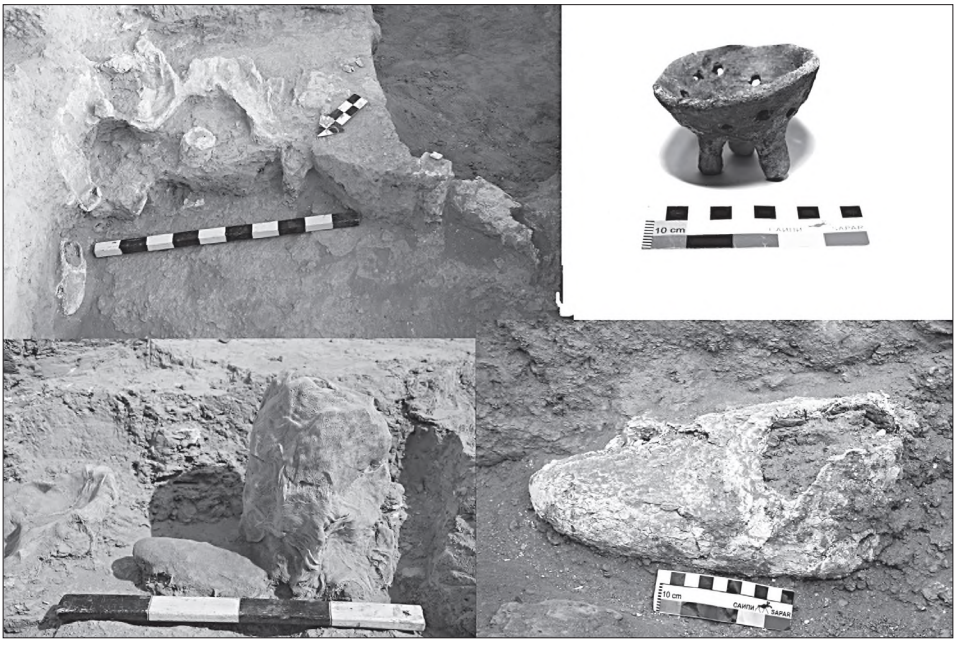

Рис. 2. Фрагмент скульптуры и курильница

Рис. 3. Помещение № 2

Рис. 4. Помещение № 3

Литература

Ажигали С. Е. Архитектура кочевников – феномен истории и культуры Евразии. – А., 2002. – 654 с.

Андрианов Б. В. Древние оросительные системы Приаралья. М., 1969. – 253 с.

Байпаков К. М. Городища типа Торткуль. Археологические памятники Казахстана. КазССР. – Алма-Ата: Издательство «Наука», 1978. – С. 81-89.

Вайнберг Б. И. Экология Приаралья в древности и Средневековье // ЭО. – № 1. – 1997. – С. 23-39.

Вайнберг Б. И. Этногеография Турана в древности. VII в. до н. э. – VIII в. н. э. – М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1999. – 359 с.

Вайнберг Б. И., Левина Л. М. Чирик-рабатская культура. Низовья Сырдарьи в древности. вып. I. – М., 1993.

Грант-Аллен. Эволюция идеи божества. Наука и религия. – СПб., 1907. – С. 32.

Жетибаев Ж., Курманкулов Ж. Городище Чирик-Рабат // Свод памятников истории и культуры Республики Казахстан. Кызылординская область. – Алматы, 2007. – 376 с.

Левина Л. М. К истории исследований Хорезмской археолого-этнографической экспедиции в Восточном Приаралье // Приаралье в древности и Средневековье. – М., 1998. – С. 42-59.

Лоховиц В. А. Раскопки квадратного погребального сооружения на городище Чирик рабат // МХЭ. Вып. 6. – 1963. С. 214-220.

Тажекеев А. А. Отчет о разведке на территории Кызылординской области по своду памятников 2006 г. // Архив Института археологии, МОН РК, фонд 1, опись 2, д. 2805. – Алматы, 2006.

Толстов С. П. По древним дельтам Окса и Яксарта. – М., 1962а. – 333 с.

Толстов С. П. Приаральские скифы и Хорезм // СЭ. № 4. – М., 1962б. – С. 114-146.

Толстов С. П., Воробьева М. Г., Рапопорт Ю. А. Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции в 1957 г. // МХЭ. Вып. 4. – М., 1960. – С. 3-62.

Толстов С. П., Жданко Т. А., Итина М. А. Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР в 1958-1961 гг. // МХЭ. Вып. 6. – М., 1963.

Трудновская С. А. Круглое погребальное сооружение на городище Чирик-Рабат // МХЭ. Вып. 6. М., 1963. – С. 201-213.

Троицкая А. А. Рождение ребенка и первые годы жизни ребенка у таджиков долины Зерафшана // СЭ. – 1935. – № 6. – С. 117.

Boyce M. Atas-zohr and ab-zohr // IRAS, 1966. – p. 110-118.

Boyce M. A. History of Zoroastrianism. Vol. I (Hand buch der Orientalistik). Leiden, 1975. – 304 p.

Gettens E. J. Polimerized vinil acetate and related compounds in the restorion of work of art\\ Technikal studies in the Field of the Fine Arts. 1935-1936. Vol. IV.

Idem. Preservation of Buddhist monuments and paintings at Bamiyan-Afganistan \\ Kabul Times. Vol. IX. 1970. N. 166.

Lal B. B. Ajanta Murales: their composition and technique and preservation \\ Archaeological Survey of India. New Delhi, 1967.

Dhabhar B. N. The Persian Rivayats of Hormazyar Framarz and Others. Their Version with Introduction and Notes. Bombay, 1932. – P. 58.

Курманкулов Ж., Утубаев Ж., Тажекеев А., Дарменов Р., Искаков А.

Институт археологии им. А. Х. Маргулана, г. Алматы, Казахстан,
Кызылординский государственный университет им. Коркыт-Ата,
г. Кызылорда, Казахстан

ИССЛЕДОВАНИЯ КРЕПОСТИ КАРАБАС В 2014 ГОДУ

Расцвет цивилизации саков нижнего течения Сырдарьи можно отнести ко II пол. I тыс. до н. э. Генезис этнокультурных отношений, хозяйства и отдельных аспектов в антропологии названного периода указывает на то, что многочисленные племена, населявшие названный регион, представляли собой большое племенное объединение, состоящее из отдельных этнокультурных субстратов, имеющих как схожие элементы в культуре, так и конкретные особенности.

Многочисленные племена саков, расселяясь в нижнем течении Сырдарьи в названный период, имели тесные культурные и экономические связи с земледельческими племенами Хорезма, центр которых располагался в нижнем течении Амударьи. Свидетельством данных контактов могут служить ряд артефактов, обнаруженных на поселениях и городах, оставленных саками Сырдарьи.

В качестве маркера тесных взаимосвязей и как следствие трансформации культуры скотоводческих племен Сырдарьи может выступать ряд памятников чирик-рабатской культуры, особенностью которой является присутствие элементов городской культуры в поселенческих типах, где наличествуют определенная инфраструктура и фортификации, а также присутствие элементов земледельческой культуры в погребальном обряде (Толстов, 1962; Вайнберг, Левина, 1993, с. 32).

IV-II вв. до н. э. знаменуются процессом распространения чирик-рабатской культуры за пределы чирик-рабатского оазиса, локализованного в пределах городища Чирик-Рабат, который стал центром племен «*даха*», населявших дельту Сырдарьи и Приаралье в целом.

Среди других крупных городов чирик-рабатской культуры можно назвать укрепленное сооружение Бабиш-молла, имеющее развитую ирригационную систему в дельте р. Жанадарья, а также городище Баланды, где захоронена

племенная знать сакских племен. Городище Баланды локализовано в бассейне р. Инкардарья.

Эти три названных городища, т. е. Чирик-Рабат, Бабиш-молла и Баланды, имеют единую развитую посевную систему и мелкие населенные пункты.

На западной периферии чирик-рабатского оазиса сооружены укрепленные поселения Чирик 3 и Карабас, к северу от оазиса расположены такие военные укрепления, как Кабыл и Алып, которые, видимо, были форпостами, граничащими с территориями кочевников Западного и Центрального Казахстана (Тажекеев, 2011, с. 179-189).

При исследовании планиграфии городищ и военных укреплений чирик-рабатского оазиса можно проследить архитектурные традиции хорезмского оазиса, кроме того, четко прослеживается влияние хорезмских традиций в керамическом производстве. Есть и местные особенности, которые явно преобладают в погребальных сооружениях. К примеру, для чирик-рабатского оазиса характерны мавзолеи, которые преимущественно круглой в плане формы, с четырьмя камерами внутри. Подобные сооружения также встречаются и в Хорезме, что говорит о сильном влиянии сакской культуры на племена Амударьи.

Для восполнения и верификации данных по чирик-рабатской проблематике авторами статьи было решено продолжить археологические исследования различных объектов на городище Чирик-Рабат (Курманкулов, 2008, с. 59-60), а также провести исследования крепости Кабыл. В результате исследований были восполнены данные по архитектуре и периодизации названных памятников.

Еще одним из интересных памятников чирик-рабатского оазиса является укрепленное сооружение Карабас (рис. 1, 2), исследование которого также является одним из перспективных и актуальных. Карабас локализован на левобережье р. Жанадарья в 9,5 км к западу от городища Чирик-Рабат.

Объект был обнаружен впервые в 2006 г., но стационарные исследования начаты лишь в мае 2014 г. В ходе исследовательских и топографических работ на памятнике были зафиксированы укрепленное сооружение и ряд жилищ, которые, по-видимому, являются составной частью инфраструктуры данного объекта.

Укрепленное сооружение Карабас по некоторым параметрам схоже с сооружением Баланды – 1. В целом укрепление Карабас в плане представляет собой трапецевидное глинобитное сооружение. Длина восточной стены составляет 130 м, западной 105 м, южной и северной 40 м соответственно. Толщина стен составляет около 2-2,5 м, наибольшая фиксируемая высота стен составила около 1,5-2 м Кроме того, четко фиксируются остатки 7 фортификационных сооружений в виде остатков башен (рис. 3).

При изучении внутреннего пространства укрепления Карабас в юго-восточном и юго-западном секторах были зафиксированы остатки отдельных сооружений, площадь которых составила 20×10 и 10×10 м Между данными сооружениями, вероятно, в древности располагался вход в укрепление. Кроме того, на отдельных участках укрепления Карабас-кала, а именно на фортификационных башнях восточной стены, были зафиксированы остатки бойниц.

Раскопочные работы были начаты в юго-западной части укрепления Карабас-кала. Площадь раскопа составила 10×8 м.

Расчистка верхнего наносного слоя выявила четырехугольное в плане помещение. Так как помещение было сооружено в углу крепости, в качестве наружной угловой стены постройки была использована плотная ограда, ширина которой составила 3 м. Ограда с внутренней стороны обложена глиняными кирпичами, размеры которых варьируются в пределах 50×30–32×11 см. Между кирпичами положена обмазка, толщина которой составила около 10 см. Внешняя поверхность стен неровная. Форма кирпичей, к сожалению, не сохранилась. Исходя из этого, можно предположить, что использовалась методика пахсового строительства.

Толщина внутренней стены достигает 75-100 см. Внутренняя часть ровная, предположительно построенная позже. Вход в помещение расположен в северо-западном углу. Площадь внутри помещения составила 9,2×4,8 м.

При дальнейшем углублении на горизонте 30-40 см обнаружены остатки погребальной ямы. В ходе расчистки было зафиксировано погребение человека без инвентаря, ориентированного головой на юго-запад, что дало повод предположить о мусульманском обряде захоронения. Захоронения в традициях ислама датируется примерно кон. XVIII-XIX вв. По историческим сведениям, в этот период русло р. Жанадарья было густо заселено.

В целом в ходе раскопа было зафиксировано 9 аналогичных погребений, 8 из них обнаружены у внешней стороны крепости, из них 7 детские погребения.

До глубины 80 см раскопа ничего не обнаружено. Помещение было засыпано упавшими стенами и выбросами песка. Только в центральной части западной стены обнаружена суфа длиной 1,7 м, сооруженная из двух кирпичей толщиной 20 см.

По нижнему уровню суфы обнаружен плоский пол помещения. В ходе расчистки пола были зафиксированы одна золотая круглая нашивная бляшка, один железный трехгранный наконечник стрелы, обломки большого козе.

Аналогии железных трехгранных наконечников стрел, часто используемых в вооруженных столкновениях найдены на городище Чирик-Рабат. Подобные наконечники датируются IV-II вв. до н. э. (Курманкулов, Тажекеев, 2011, с. 40-44).

После расчистки пола зафиксированы следы нижней ограды или суфы, расположенной у восточной стены помещения. Ограда уходит под стену. Возможно, ограда построена в начале строительства, но в ходе расширения помещения ограду сравняли с уровнем пола и сверху воздвигли стены.

Пол сооружения представляет собой утрамбованную глину, толщиной местами 5-6 см, реже 10-12 см. Под полом четко фиксируется стерильный слой материка.

В центре помещения были обнаружены остатки очага. Диаметр очага составил 3 м, а толщина прокала 5-10 см.

На объекте обнаружено 70 экземпляров керамики во фрагментарном виде. Зафиксированную керамику можно разделить на 2 группы, как и на памятниках Бабиш-молла, Чирик-Рабат и Баланды: 1) обожженная керамика грубой лепки; 2) станковая керамика обожженная в печи. Ко второму типу относятся фрагменты венчика и тулова большого козе. Козе с широким устьем и выпуклым туловом покрыт коричневым ангобом. Аналогичная керамика была зафиксирована на городище Бабиш-молла I, которая датируется III-II вв. до н. э.

Находки укрепленного сооружения Карабас (керамика, железные наконечники стрел, золотая бляшка, изделия из железа и бронзы) можно датировать IV-II вв. до н. э.

По мнению Б. И. Вайнберг, Чирик-Рабат представлял собой укрепленное сооружение, где укрывалось местное население. Позже, расширяя свои границы и инфраструктуру, городище Чирик-Рабат достигло статуса города (Вайнберг, Левина, 1993, с. 32). По известным на данный момент данным, можно предположить, что городище Чирик-Рабат было экономическим и духовным центром данного региона. Другие же укрепленные сооружения были построены представителями чирик-рабатской культуры, их основной функцией являлась оборона периферии чирик-рабатского оазиса.

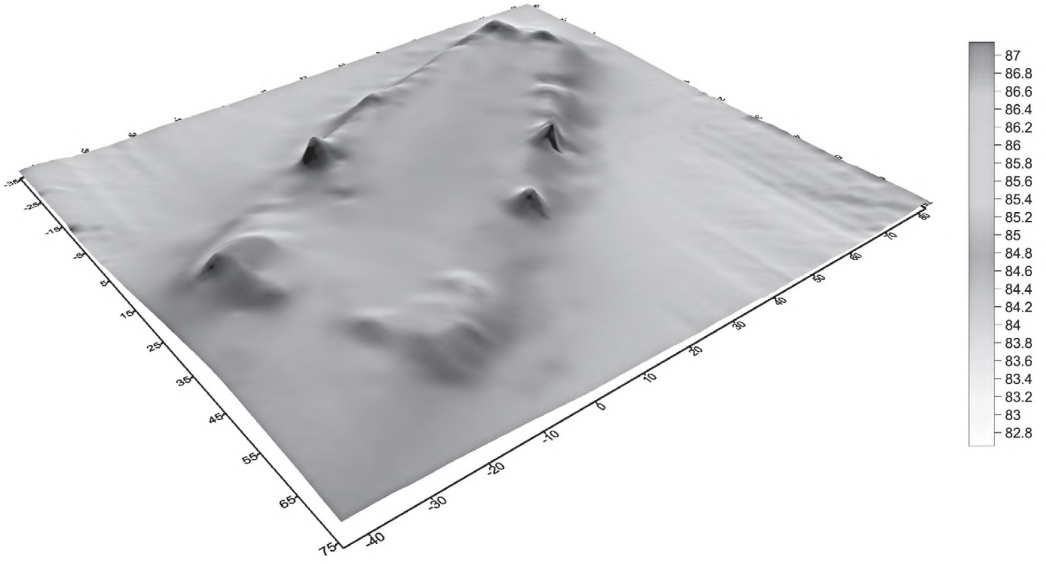

Рис. 1. Крепость Карабас. Трехмерное изображения

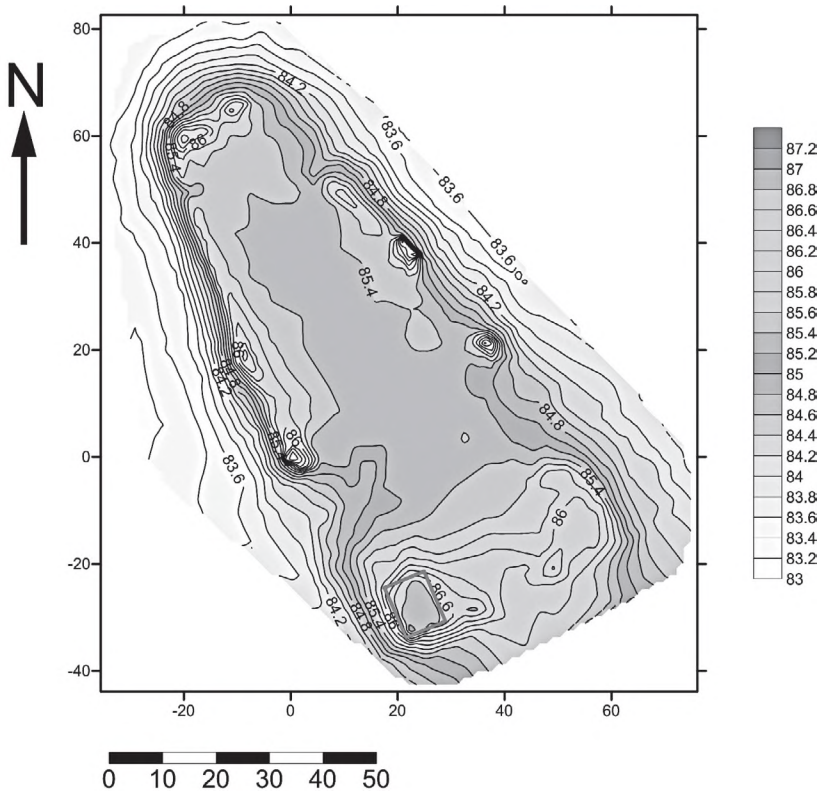

Рис. 2. Крепость Карабас. Топографический план

Рис. 3. Крепость Карабас. После раскопа

Литература

Вайнберг Б. И., Левина Л. М. Чирик-Рабатская культура. – Низовья Сырдарьи в древности. Вып. I. – М., 1993. С. 32.

Құрманқұлов Ж., Переводчикова Е., Жетібаев Ж., Утубаев Ж., Тәжекеев Ә. Ә., Дәрменов Р. Т. Шірік-рабат қала жұртында 2007 жылы жүргізілген археологиялық зерттеулер // Мемлекеттік «Мәдени мұра» бағдарламасы бойынша 2007 жылғы археологиялық зерттеулер жайлы есеп. Алматы, 2008. С. 59-60.

Құрманқұлов Ж., Болелов С. Б., Утубаев Ж., Дәрменов Р. Т., Төрежанова Н. 2007 жылғы Баланды I-де жүргізілген зерттеулер // Мемлекеттік «Мәдени мұра» бағдарламасы бойынша 2007 жылғы археологиялық зерттеулер жайлы есеп. Алматы, 2008. С. 82-86.

Курманкулов Ж., Тажекеев А. Чирик-Рабатские железные наконечники стрел // Материалы Международной научной конференции: «Археология Казахстана в эпоху независимости: итоги, перспективы». – Алматы, 2011. – С. 40-44.

Тажекеев А. А. Городище Карабас // Свод памятников истории и культуры Республики Казахстан. Кызылординская область. – Алматы, 2007. – С. 179-189.

Тажекеев А. А. Крепости чирик-рабатской культуры // Отан тарихы. 2011/4.

Толстов С. П. По древним дельтам Окса и Яксарта. – М., 1962. – 333 с.

Матбабаев Б. Х., Холикулов Р., Алохунов А.

ИА АН РУз, Самарканд; СамГУ, Самарканд; ФерГУ, Фергана, Узбекистан

НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ ПО РАННЕЖЕЛЕЗНОМУ ВЕКУ ФЕРГАНЫ[43]

В истории древнеземледельческой культуры Ферганской долины памятники эйлатанской (иногда эйлатано-актамской) культуры (VII (?) – VI-III вв. до н. э.) играют важную роль. С одной стороны, эта культура продолжает традиции древнеземледельческой чустской культуры (XII-VII вв. до н. э.), а с другой – испытывает сильное влияние скотоводов-кочевников, которые окружали равнинные части долины. Памятники с эйлатанским обликом впервые выделены и датированы в 1954 г. Ю. А. Заднепровским, а чуть позже им же выделена эйлатанская культура. Тогда же были отмечены характерные черты эйлатанской керамики: архаическая лепная расписная и нерасписная, иногда крашеная, а также частично гончарная (Заднепровский, 1954, с. 8; он же, 1960, с. 44).

Отметим, что по периодизации Ю. А. Заднепровского и Н. Г. Горбуновой эйлатанская культура идет следующей после чустской культуры (Заднепров ский, 1960; он же, 1962; Горбунова, 1962). Последние 20-25 лет археологами выявлено более 40 памятников (из них 20 поселений, столько же могильников) в семи географических районах (северной, северо-западной, восточной, юго-

[43] Здесь и далее в тексте наряду с термином «Фергана» использованы синонимы «Ферганская долина» или «долина».

западной частях) Ферганской долины (Заднепровский, 1990, с. 92; он же, 1993. с. 20). В изучении данной культуры большая заслуга принадлежит Заднепровскому и Горбуновой. Последняя обнаружила и исследовала все основные погребальные памятники (Актам, Кунгай, Суфан и др.) и на основе изучения погребального инвентаря датировала эйлатанский комплекс VI (или VII) – III вв. до н. э. (Горбунова, 1962, с. 106; она же, 2000, с. 50)[44].

Среди памятников этой культуры, за исключением эйлатанского городища нет однослойных поселений. Все известные поселения с эйлатанским комплексом, находятся под мощными более поздними культурными напластованиями. Среди них Шурабашат, Сым-тепа, Суфан-тепа, Кара-курган, Тюра-курган, Пилал-тепа, Кува и Андижан. Поэтому слои эйлатанской культуры в них были вскрыты на незначительных площадях. Работы, проведенные в разные годы на самом большом памятнике – Эйлатане, не дали значимых результатов (Б. А. Латынин, Т. Г. Оболдуева, Ю. А. Заднепровский). Попытки, предпринятые в последнее время отдельными археологами, также не дали обоснованных выводов по датировке этого памятника. Комплекс, полученный С. Кудратовым, из-за ограниченности и неполноценности представил неустойчивую и шаткую датировку городища Эйлатан, определяемого этим автором то IV-III вв. до н. э. (Кудратов, 1990, с. 19-21), то III-II вв. до н. э. (Кудратов, 1991, с. 42), и не способствовал уточнению хронологии крупного городища данной культуры. Таким образом, налицо отсутствие памятников эйлатанской культуры с хорошей стратиграфией. В связи с этим важное значение имеет открытие новых памятников с комплексами, относящихся к эйлатанской культуре. Подтверждением этому служит новый комплекс, обнаруженный на Сарвонтепа (Матбабаев, 2002, с. 28-29). Сарвонтепа находится в С-З части Андижана (на территории старогородской части – Эски шахар), у пересечения улиц Тутзор (бывшая Тельмана) и Сужоат (бывш. Сарвонтепа). Памятник со всех сторон сильно разрушен во время строительства индивидуальных домов. Сохранившаяся часть памятника представляет собой холм трапециевидной формы у основания, который к вершине переходит в прямоугольную форму размерами 30х20 м при высоте 6 м от современной поверхности.

В 60-80-е годы XX века на Сарвонтепа были проведены незначительные археологические работы – сначала В. И. Козенковой, а затем Б. Абдулгазиевой. В частности, Б. Абдулгазиева в 1976 г. заложила шурф, где были обнаружены материалы раннего Средневековья (материалы не опубликованы). Работы, видимо, не были доведены до конца, так как во время нашего посещения памятника среди подъемного материала имелись фрагменты более раннего периода.

Учитывая это обстоятельство, у подножия и вокруг памятника нами было заложено несколько шурфов. В целом, во всех шурфах в нижних слоях выявлены ранние материалы. В шурфах 3-5 частично разрушены ранние слои, но материалы присутствуют. Хорошие материалы эйлатанской культуры дали шурфы 1 и 2. В нижних частях шурфов, сокращенных до 5-6 кв. м, получен достаточный археологический комплекс. Слои с архаичным обликом керамики выявлены на глубине 150-250 см от современной поверхности. Шурфовка культурных слоев

[44] Отдельные исследователи углубляют дату (IX-VIII вв. до н. э.) эйлатанских комплексов (см. Baratov S., 2001, p. 171, tabl. 2).

Сарвонтепа и близлежащих территорий показала, что слои эйлатанского периода распространяются на площади примерно 15-20 гектаров. Почти вся территория Сарвонтепа раннежелезного века осталась под жилыми частными домами на глубине 2-5 м от современной поверхности.

Результаты раскопок в Андижане позволяют выделить следующие археологические комплексы:

1. Ранний комплекс (**эйлатан-I,** мощность слоев от 120 до 150 см). Ему присущ ряд архаических черт: преобладание лепной керамики, наличие лепной крашеной и расписной посуды; цветовая гамма росписи, отпечатки ткани на внутренней части сосудов, а также некоторые формы, характерные для чустской культуры (рис. 1). Сосуды с шишковидными ручками и сосуды горшковидной формы раньше не были известны в комплексах эйлатанской культуры, и они явно тяготеют к керамике чустской культуры (Заднепровский, 1962. Табл. XI, 4, 13, 16; XII, 16-19). Как отмечают авторы, этих форм немного и, видимо, они появляются в конце существования Дальварзина и Чуста (Заднепровский, 1962, с. 28). Это важное доказательство о прямом продолжении традиций гончаров Чустской культуры. К таковым можно отнести сосуд, вероятно, культового назначения из раннего комплекса (рис. 2). Расписные сосуды по манере и стилю нанесения орнамента можно считать более ранними. Например, мотив в виде треугольников, заполненных сетчатым орнаментом. Гончарные горшки также впервые выделяются среди эйлатанского комплекса, но форма первых двух сосудов очень близка к формам, которые известны по материалам Дальверзина (Заднепровский, 1962. Табл. XV, 26-28) и в материалах верхних слоев раскопов, проведенных нами в 2003-2004 гг. на этом памятнике. Наконец, гончарная светлофоновая чаша также является одной из ранних для этого комплекса. Аналогичные чаши известны в Кунгайском могильнике (Горбунова, 1961, рис. 7, 6, 9) и в могильнике Озгор-II (Заднепровский, 1990, рис. 2). Если учесть, что Кунгайский могильник относится к самым ранним памятникам эйлатанской культуры (Gorbunova, 1986, p. 256), то весь комплекс Эйлатан I, по нашей периодизации, может датироваться VI-V вв. до н. э.

2. Поздний комплекс (**эйлатан-II,** мощность слоев от 80 до 105 см). На этом этапе наблюдаются некоторые изменения в керамическом комплексе (рис. 3). Увеличивается количество керамики, сформованной на гончарном круге. Большинство сосудов плоскодонные. Появляются новые формы кувшинов, горшков, сосуды с шишковидными ручками. Поздний комплекс может быть сопоставлен с материалами С. Кудратова из городища Эйлатан. Это горшки, миски, кувшины (Кудратов, 1991, рис. 71-78). Но отдельные керамические формы нашего комплекса имеют архаический облик. Сосуд с выделенным венчиком обнаружен на городище Эйлатан (Заднепровский, 1962. Табл. XXXVIII, 2). Сосуды с шишковидными ручками также находят аналогии в материалах Эйлатана (Заднепровский, 1962. Табл. XXXVIII, 14, 15). Но комплекс находок Ю. А. Заднепровского сопровождала крашеная и расписная керамика. Это позволяет датировать данный комплекс керамики не позднее V-IV вв. до н. э. У С. Кудратова в комплексе из Эйлатана 1990 г. не было обнаружено ни одного фрагмента расписных сосудов. Открытым остается вопрос: была ли

раскопанная печь загруженной или же она была заброшенной, а скорее всего, печь была заполнена фрагментами керамики более позднего периода. Тем более что сам факт устройства печи на оборонительной стене указывает на период завершения её прямых функций. Это свидетельствует о том, что гончарная печь с керамическими материалами в действительности более поздняя по времени. Можно считать, что на территории городища имелись участки с более ранними материалами (с расписной керамикой), которые сопоставимы с нашим ранним комплексом Эйлатан-I. Поэтому распространять дату III-II вв. до н. э. для всего городища эйлатан (сначала Т. Г. Оболдуевой, позже С. Кудратовым) считаем необоснованным. Учитывая материалы из Андижана и сопоставив их с известными комплексами Эйлатанской культуры, предлагаем датировки второго (позднего) комплекса IV-III вв. до н. э.

Таким образом, небольшой памятник в центре города Андижана дал хороший археологический комплекс эйлатанской культуры, который проясняет некоторые дискуссионные вопросы по этой проблематике. Суть дискуссии сводится в основном к датировке городища Эйлатан, происхождению и месту этой культуры в периодизации древней Ферганы.

Наличие еще одного раннеэйлатанского древнеземледельческого поселения свидетельствует о непрерывном развитии земледельческой культуры в Ферганской долине. В то же время подтверждается предположение Н. Г. Горбуновой о существовании поселений эйлатанской культуры в различных частях долины (Горбунова, 1962, с. 93). Сарвонтепа находится в 20 км от городища Эйлатан и входит в зону (бассейн Карадарьи) распространения древнеземледельческой культуры, где также находятся Дальверзин и Ашкалтепа эпохи бронзы. Комплекс Эйлатан-I из Сарвонтепа датируются VI-V вв. до н. э., и не исключено обнаружение более ранних слоев этой культуры не только в восточной части долины. Следует добавить, что аналогичный комплекс 2009-2010 гг. пока на небольшой площади обнаружен в нижних слоях городище Кува. Причем, автор раскопок, Г. П. Иванов, согласен с датировкой нашего комплекса из Андижана VI-III вв. до н. э. Мощность культурного слоя с эйлатанской керамикой составляет 50-60 см[45]. Следовательно, результаты раскопок на Сарвонтепа и на городище Кува не только подтверждают, но и дополняют утвердившуюся периодизацию древних культур Ферганы: чустская – эйлатанская – шурабашатская. Они также ещё раз подтверждают, что следующими памятниками после чустской не являются комплексы шурабашатской культуры. Тем более в новом комплексе нет ни одного образца расписной керамики шурабашатского типа, которая очень характерна для данной территории. Кроме того, во время наших работ на Шурабашате (1993 г.) в нижних слоях зафиксированы фрагменты эйлатанской расписной керамики (Матбабаев, 1994).

В последнее время выдвинут ряд суждений, сущность которых идет вразрез с мнением об автохтонности носителей эйлатанской культуры. Приведенным версиям противоречат некоторые археологические факты. Во-первых, сторонники идеи появления комплекса раннего железного века Ферганы извне забывают

[45] Доклад Г. П. Иванова на отчетной сессии по итогам археологических работ на территории Узбекистана (апрель, 2011 г.).

авторитетные выводы Н. Г. Горбуновой о сложении эйлатанской культуры, основанной на реальных находках (Горбунова, 1984, с. 101). К тому же, как уже мы отмечали, традиции чустской культуры непрерывно продолжаются в памятниках эйлатанской культуры, подтверждением чему служат археологические находки из Сарвонтепа, и об этом свидительствует один, тот же ареал распространения чустской и эйлатанской культур (Горбунова, 1962, с. 114 и рис. 8 на с. 115). Во-вторых, по заключению А. А. Аскарова, в формировании кучукской культуры (лепной расписной керамики Бактрии), кроме местных оседлых земледельцев, также принимали участие переселившиеся группы племен чустского типа (Аскаров, Альбаум, 1979, с. 72). Поэтому появление лепной расписной керамики типа Кучуктепа, Коктепа, Чиракчи, Турткультепа, Узункир-Сангиртепа-Падаятак в Согде также можно связывать с влиянием Ферганы. В свою очередь, в материальной культуре раннежелезного века Ферганской долины отсутствуют северо-бактрийские или согдийские следы.

Всё это позволяет говорить о самобытности древних культур Ферганы. Выявление нового эйлатанского комплекса с двумя этапами развития еще раз подтверждает точку зрения о том, что Эйлатан не является единственным памятником земледельцев в эпоху раннего железа, и расширяет наши представления о продолжающейся древней традиции гончаров чустской культуры.

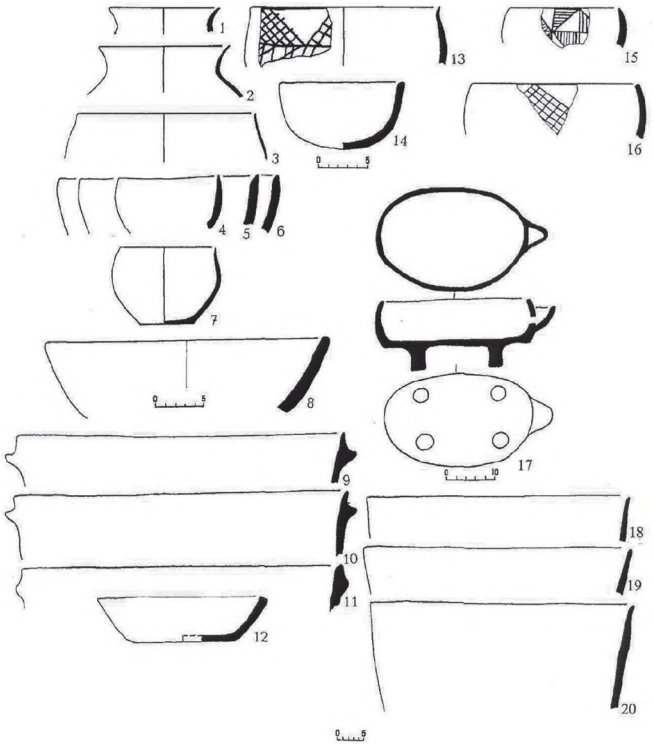

Рис. 1. Сарвонтепа. Шурф 1. Керамический комплекс VI-V вв. до н.э. (Эйлатан-I)

Рис. 2. Сарвонтепа. Лепная и лепная расписная керамика эйлатанской культуры (Эйлатан-I)

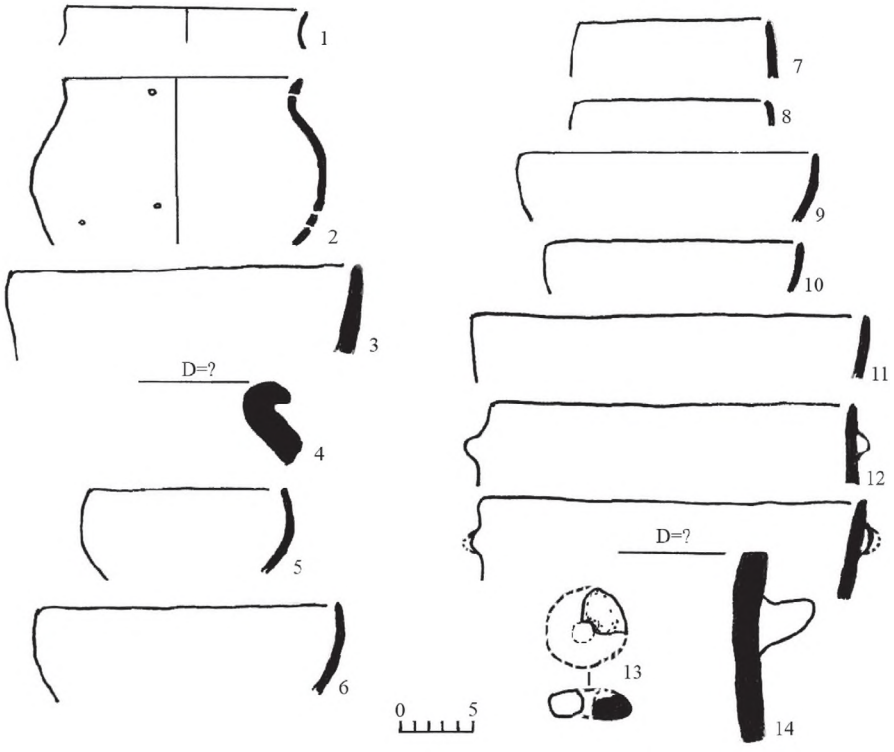

Рис. 3. Сарвонтепа. Шурф 1. Керамический комплекс IV-III вв. до н.э. (Эйлатан-II)

Литература

Аскаров А. А., Альбаум Л. И. Поселение Кучуктепа. – Ташкент, 1979.

Горбунова Н. Кунгайский могильник // АСГЭ. Вып. 3. – Л., 1961.

Горбунова Н. Г. Культура Ферганы в эпоху раннего железа // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Вып. 5. – Л.,1962.

Горбунова Н. Г. Некоторые особенности формирования древних культур Ферганы // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Вып. 25. – Л., 1984.

Горбунова Н. Г. Традиции орнаментации ферганской керамики // Ош и Фергана в исторической перспективе. Вып. 3. – Бишкек, 2000.

Заднепровский Ю. А. Древняя Фергана: автореф. дис. … канд. истор. наук. – Л., 1954.

Заднепровский Ю. А. Городище Эйлатан (К вопросу о датировке памятника) // СА. – 1960. – № 3.

Заднепровский Ю. А. Древнеземледельческая культура Ферганы. // МИА. Вып. 118. – М.-Л. – 1962.

Заднепровский Ю. А. Погребальные памятники эйлатанской культуры Ферганы // КСИА. Вып. 199. – М., 1990.

Заднепровский Ю. А. Спорные вопросы истории культуры древней Ферганы // КСИА. Вып. 209. – М., 1993.

Кудратов С. С. Исследование ферганского городища Эйлатан (раннего железа) // Проблемы древней истории Северного Причерноморья и Средней Азии (эпохи бронзы и раннего железа). – ТД НК. – Л., 1990.

Кудратов С. С. Ранние гончарные печи с городища Эйлатан. – ОНУ. – 1991. – № 3.

Матбабаев Б. Х. Отчет ферганского отряда о работах в 1993 г. на городище Шурабашат // Рукопись. Архив ИА АН РУз. – Самарканд, 1994.

Матбабаев Б. Х. К открытию древнего поселения эйлатанской культуры на территории Андижана // Цивилизации Центральной Азии: земледельцы и скотоводы. Традиции и современность. – ТД МНК. – Самарканд, 2002.

Baratov S. Fergana und das Syr-Dar'ja-Gebiet im späten 2. und frühen 1. Jahrtausend v. Chr // Migration und Kulturtransfer Der Wandel vorder- und zentralasiatischer Kulturen im Umbruch vom 2. zum 1. vorchristlichen Jahrtausend. – Bonn. 2001.

Gorbunova N. G. The culture of Ancient Ferghana VI centure B. C. – VI centure A. D. British archeological reports. International series 281. – London. 1986.

Курманкулов Ж. К., Касенова А. Д.

Институт археологии им. А. Х. Маргулана, г. Алматы, Казахстан

ИЗВАЯНИЕ ИЗ УРОЧИЩА КОСАГАЛЫ

В публикации вводятся в научный оборот некоторые материалы, полученные в ходе разведочных работ в Центральном Казахстане под руководством Ж. Курманкулова. В числе прочих памятников, изучавшихся на территории Сарыарки в полевом сезоне 2014 г., документирован курган с «усами» (каменными грядами), возле которого найдено антропоморфное изваяние (рис. 1.).

Объект находится в районе аула Актау, рядом с зимовкой Косагалы (Жана-Аркинский р-н Карагандинской обл.). GPS-координаты: N 49º 07. 681, E 073º 56. 071, высота 743 м Комплекс состоит из кургана с каменной насыпью, в центре которой имеется воронка. С северной и южной сторон от кургана в восточном направлении отходят две каменные дуговидные гряды. Кроме двух обычных для курганов с «усами» гряд, выявлены остатки третьей. Третья гряда в настоящее время почти не сохранилась, однако при осмотре памятника в 1987 г. она была хорошо видна. В конструкции гряд прослеживаются плотно примыкающие друг к другу плитовидные камни.

На краю выкладки, с которой начинается северный «ус», обнаружен лежащий обломок верхней части изваяния из среднезернистого камня. Размеры обломанного изваяния – 80×20×25 см. В монолите выделена голова. Детали лица не изображены. На лицевой поверхности заметны следы повреждений. На макушке имеется округлая «шишкообразная» деталь.

Для определения датировки и культурной атрибуции изваяния из Косагалы важны следующие обстоятельства. Во-первых, рассматриваемое изваяние имеет сходство с тремя каменными изваяниями, исследованными на территории Центрального Казахстана из памятников Талды-2, Бегазы и Байдалы, наверху которых есть полусферический выступ. А. З. Бейсенов и Л. Н. Ермоленко датируют эти изваяния VII-V вв. до н. э. (Бейсенов, Ермоленко, 2014, с. 36-40, рис. 3, 4, 5) и включают в группу памятников раннего железного века.

Во-вторых, изваяние из Косагалы найдено на территории кургана с «усами». Как известно, этот вид памятников М. К. Кадырбаев относил к тасмолинской археологической культуре (Кадырбаев, 1966), хотя не исключал, что подобные сооружения существовали целое тысячелетие – с середины I тыс. до н. э. до середины I тыс. н. э. С учетом обстоятельств находки, к сожалению, нельзя ответить на вопрос о первичности или вторичности связи данного изваяния с курганом с «усами». В любом случае нахождение изваяния с «шишкообразным» атрибутом в контексте кургана с «усами» не противоречит отнесению его к раннему железному веку. Тем более что это уже второй случай нахождения изваяния данной разновидности возле кургана с «усами» (Бейсенов, Ермоленко, 2014, с. 39).

Рис. 1. Изваяние с «шишкообразным» выступом на голове из местности Косагалы

Литература

Бейсенов А. З., Ермоленко Л. Н. Новые каменные изваяния сакской эпохи Сарыарки // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2014. – № 3 (59). – Т. 3. С. 34-40.

Кадырбаев М. К. Исследование кургана с каменными грядами в Джамбульской области // Вестник Академии наук Казахской ССР. 1950. № 7 (172). – С. 89-97.

Маргулан А. Х., Акишев К. А., Кадырбаев М. К., Оразбаев А. М. Древняя культура Центрального Казахстана. – Алма-Ата: Изд-во «Наука» КазССР, 1966. – 435 с.

Нурмуханбетов Б. Н., Тулегенов Т. Ж., Джасыбаев Е. А.

Государственный историко-культурный заповедник – музей «Иссык», г. Есик, Казахстан

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ РАСКОПОК НА ГОРОДИЩЕ ОРИКТЫ

Жетысу – одна из малоизученных территорий в археологическом отношении. В этом регионе по отдельности исследованы некоторые погребально-поминальные комплексы (Бесшатыр, Есик) и поселения (Кеген, Актас) раннего железного века. Археологические находки и топографический анализ говорят о широком распространении и концентрации этих типов памятников в урочищах Иссыка, Тургеня, Талгара, Большой и Малой Алматинок. На сегодняшний день актуальным представляется комплексное изучение памятников археологии по каждому микрорегиону. В этом плане особый интерес имеют исследования городищ, поселений, курганов Иссыкского субрегиона, представляющие из себя внушительные поселенческие, замковые комплексы, функционировавшие на протяжении значительного отрезка времени в качестве своеобразных ставок сакской и усуньской знати.

В августе 2011 года с целью выявления, обследования и проведения научно-археологических полевых исследований на базе заповедника-музея создана археологическая экспедиция. В 2011-2012 гг. экспедицией проведены работы по исследованию памятников Иссыкского могильника и прилегающих к нему районов. В том числе были начаты археологические исследования на городище Орикты (город сакской элиты) Енбекшиказахского района Алматинской области.

За период проведения исследовательских работ произведена топосъемка местности, составлен топографический план городища и окрестностей с указанием археологических объектов, естественных высот, хозяйственных коммуникаций и объектов в масштабе 1:2000 см.

Также был заложен стратиграфический шурф в южном секторе памятника на земляном валу. Выявленные артефакты (обломки керамики, костяные и каменные находки) датируют памятник ориентировочно III-I вв. до н. э. Верхний слой городища относится к периоду Средневековья.

В пределах городища также были заложены раскопы на двух относительно небольших курганах.

Объект I, курган № 1 расположен на вершине южной части рва городища Орикты и является одним из погребальных сооружений, образующих бессистемный, компактный могильник, состоящий из 5 курганов в виде уплощенных всхолмлений с окольцовкой и выкладками из камня.

Диаметр кургана: СЮ – 12 м, ВЗ – 13 м, высота – 1 м (рис. 1). В ходе раскопок, после снятия насыпи погребение не обнаружено. Найдены лишь кости МРС залегавшие на уровне древней поверхности под насыпью кургана. Предварительно данное соружение интерпретировано как ритуальное.

Исследования на кургане № 2, объект II. Курган расположен в восточной части рва на самом краю кладбища. Диаметр кургана 8 м, высота 0,5 м. Имеется воронка диаметром около 2 м, глубиной 0,30 м. Насыпь кургана – каменная кладка. Курган сильно задернован (до начала исследований на поверхности

проступали верхушки, несколько камней). После снятия дернового слоя выявилась круглая конструкция, ориентированная почти точно по сторонам света (оси ориентированы по линии ССВ-ЮЮЗ). Конструкция сооружена из валунов (гранит среднезернистый). Надмогильное сооружение представляет собой однослойную выкладку из камней различных размеров от 25х10х8 см до 45х35х25 см. Уложенные по периметру валуны имеют более четко выраженные грани, довольно плотно пригнаны друг к другу и направлены длинной осью к центру сооружения. В центральной части надмогильной конструкции камни отсутствуют. После расчистки выкладки в могильной яме, ориентированной в направлении С-Ю, на глубине 1-1,2 м найдены две бронзовые бляхи. К северо-востоку от центра кургана, где расположена могила, выявлены остатки тризны в виде множественных фрагментов костей крупного рогатого скота. Кроме остеологического материала, других находок пока не обнаружено. Данный объект требует дальнейшего детального изучения (рис. 3).

В реконструкции религиозно-мифологических представлений древних кочевников значительную роль играет анализ конструктивных особенностей, архитектуры и архитектоники Иссыкских курганов, внекурганных сооружений, городищ Рахат и Орикты, а также структуры микротопографии в контексте природно-ландшафтного комплекса.

Наши исследования показали, что наземные сооружения погребально-поминальных объектов существенно изменяли свой облик в результате естественных, антропогенных и техногенных воздействий, иногда полностью подвергаясь существенной деформации. Таковые явления отмечены и в других регионах.

Со второй половины раннего железного века, примерно с V в. до н. э., в строении и расположении курганов формируется традиция, вобравшая в себя черты предшествующей эпохи, подмеченная ранее М. П. Грязновым. Возникновение цепочек курганов и увеличение размеров наземных сооружений, вероятно, связывается со всё более проявляющейся имущественной дифференциацией общества, вследствие которой возникает разветвленная мегаструктура погребальных комплексов, принадлежащих правящим династиям, крупным родо-племенным структурам.

В контексте выявления закономерностей в расположении курганов и образования курганных цепочек, а также культурно-семантического освоения пространства и его сакрализации подтверждается мнение А. Х. Маргулана, наблюдавшего планировку жилищ (юрт) на летних кочевьях. По его мнению, казахский аул, располагавшийся на джайляу, имел следующий вид: юрты обычно располагались в плане в виде полумесяца, у изголовья этого полумесяца, с безветренной стороны, устанавливалась юрта старейшины рода, выделявшаяся среди всех особыми размерами, цветом и другими характеристиками.

Многими исследователями отмечено, что для зимовок избирались наиболее удачные для создания системы жизнеобеспечения места, вблизи которых возникали некрополи и которые продолжали функционировать и в последующие исторические эпохи. Обычно на некрополях эпохи бронзы к оградам пристраиваются погребальные сооружения раннего железного века (Уйгарак, Тагискен), а на могильниках скифо-сакской эпохи к цепочкам курганов пристраиваются древнетюркские погребально-поминальные объекты (Берел).

В то же время есть грандиозные разновременные некрополи, где сконцентрированы погребально-поминальные памятники и жертвенные сооружения от эпохи бронзы до этнографической современности (Зевакино). Очень редко встречаются некрополи с курганами только одной эпохи. К последним относятся могильники Бесшатыр, Иссык и Дыкылтас. Возвращаясь к возникновению курганных цепочек у ранних кочевников, отметим, что в Жетысу встречаются цепочки, состоящие из небольшого числа объектов, которые, возможно, свидетельствуют о незавершенности их формирования и освоенности данного микропространства.

Наличие указанных памятников дает возможность говорить об археологическом комплексе Иссык (Есик) – Рахат. Данные древние поселенческие комплексы не изучены в археологическом плане. За исключением работ разведовательного характера на городище Рахат, произведенных в 2004 году сотрудниками Института археологии им. А. Х. Маргулана, Орикты – в 2012 г., проведенных комплексной археологической экспедицией заповедника-музея «Иссык». Закладка шурфа размером 2х2 на поверхности центрального бугра городища Рахат выявила культурный слой толщиной около 70 см, содержащий золу, кости и черепки сосудов. На поверхности центрального холма и на близлежащей территории была собрана коллекция керамики, среди которой обломки типично скифо-сакской посуды, фрагменты котлов, кувшинов, хумов, а также средневековая керамика. На основе выявленных находок был сделан вывод о длительном периоде существования поселения, первый этап которого связан с эпохой раннего железа (Байпаков, Марьяшев, 2001, с. 56-60; Байпаков, 2008, с. 72).

Комплексное археологическое изучение упомянутых памятников имеет важное как международное, так и республиканское значение, поскольку международный ученый мир упорно отказывает в признании сакской культуры в виде скифо-сакской цивилизации, т. к. та или иная культура для её признания как цивилизации должна иметь: государственность, классовое разделение общества, города, монументальную архитектуру, торговые отношения, искусство, письменность. Их отсутствие до настоящего времени являлось основным аргументом непризнания существования скифо-сакской цивилизации (Акишев, 1978, с. 54-55). Мировой научной общественности, благодаря археологическим исследованиям, уже давно известно наличие скифских городов и поселений, таких как Неаполь Скифский (царская крепость) и Херсонес Таврический в Крыму, Танаис в Ростовской области, Борисфен (Ольвия) – крупнейший порт Северо-Западного Причерноморья, Каменское городище в Запорожской области Украины, к городищам, возникшим в эпоху раннежелезного века и подконтрольных скифам, относят такие центры, как Дербент и древний Хорезм (Васильева, Петухов, 1999, раздел 2. (В левобережной части Хорезма были открыты и обследованы курганный могильник и неподалеку от него поселение Куюсай (Кузьмина, 1977, с. 80). К сакским исследованным поселениям можно отнести затонувшее городище Сарыбулун на побережье Иссык-Куля, впоследствии ставшее резиденцией усуньских правителей (Чигу или Чигучен) (Мокрынин, Плоских, 1988, с. 163).

Начало исследовательских работ в пределах археологического комплекса Иссык (Есик) – Рахат, в особенности на городище Орикты, дало в целом сравнительно обширный объем информации, говорящий в пользу того, что

культовые (поминальные) и погребально-поминальные сооружения тюрков, которые чаще располагаются вблизи от памятников ранних кочевников, показывают, что и в более позднее время Иссыкский микрорегион оставался священной для кочевников (тюрков) землей. Тюрки, видимо, осознавали в какой-то степени связь с прежними обитателями региона, поэтому строили свои погребально-поминальные сооружения рядом с курганами и городищами ранних кочевников. Дальнейшие полевые изыскания на Есик-Рахатском археологическом комплексе имеют серьезные перспективы, поскольку данный комплекс находится в череде памятников сакской элиты Жетысу и играет важную роль не только в решении отдельных проблем археологии эпохи ранних кочевников и древних тюрков, но и в реконструкции культурно-исторических процессов региона в целом.

Рис. 1. Объект I, курган № 1. Вид с северо-запада

Рис. 2. Объект I, курган № 1. Квадрат заложенного шурфа с выявленными остатками костей животных. Городище Орикты

Рис. 3. Объект II, курган № 1. Городище Орикты

Литература

Акишев К. А., Кушаев Г. А. Культура саков долины р. Или VII-IV вв. до н. э. // Древняя культура саков и усуней реки Или. – Алма-Ата: Академия наук КазССР, 1963. – 300 с.

Археологические памятники Казахстана. – Алма-Ата: Наука, 1978, – С. 38-63.

Акишев К. А. Курган «Иссык». – М.: Искусство, 1978. – 139 с.

Акишев К. А. Феномен элитарных курганов северного Тянь-Шаня // Элитные курганы степей Евразии в скифо-сарматскую эпоху – Спб.: РАН ИИМК Российский фонд фундаментальных исследований, 1994. – С. 8-11.

Байпаков К. М. Поселения саков и усуней на территории Жетысу и Алматы – Алматы: Курсив, 2008 г. – С. 71-72.

Кадырбаев М. К. Некоторые итоги и перспективы изучения археологии раннежелезного века Казахстана // Новое в археологии Казахстана. – Алма-Ата: Наука, 1968. – 159 с.

Кадырбаев М. К. О некоторых памятниках ранних кочевников Центрального Казахстана // Известия АН КазССР. Серия истории, археологии и этнографии Вып. 1. – 1958. – С. 1-6.

Курманкулов Ж. Қ. Шірік-Рабат қала жұрты мен оның маңындағы археологиялық зерттеулер // Мемлекеттік «Мәдени мұра» бағдарламасы бойынша 2004 жылғы Археологиялық зерттеулер жайлы есеп – Алматы: Алматы кітап, 2005. – 53-56 б.

Нұрмұханбетов Б. Н., Ахатов Г. А., Бермағамбетов А. Ж. Есік қорымындағы археологиялық зерттеулер // Мемлекеттік «Мәдени мұра» бағдарламасы бойынша 2004 жылғы Археологиялық зерттеулер жайлы есеп – Алматы: Алматы кітап, 2005. – 17-18 б.

Лукпанова Я. А.

Центр истории и археологии Управления культуры архивов и документации Западно-Казахстанской области, г. Уральск, Казахстан

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ НА КУРГАННОМ КОМПЛЕКСЕ ТАКСАЙ-I

В 2012 г. археологическим отрядом Западно-Казахстанского областного центра истории и археологии под руководством научного сотрудника Лукпановой Я. А. был выявлен курганный комплекс Таксай-1.

Курганный комплекс Таксай-I расположен в 8 км южнее пос. Долинного, в 2 км севернее железнодорожного разъезда Таксай I и в 10 км северо-западнее Алгабасского элеватора. Комплекс состоит из 6 земляных насыпей. Курганы № 1, 2 имели размеры 1 – 2,75х57,6 м, 2 – 4,34х56,5 м. Насыпь курганов № 3, 4, 5, 6 распахана и они находятся в аварийном состоянии. Высота курганов от 0,7 до 1 м. Диаметр курганов от 25 до 45 м На вершине кургана № 2 установлен геодезический знак. В 180 м южнее кургана № 1 проходит полевая дорога (рис. 1) В июне – августе 2012 года отряд провел раскопки аварийных курганов № 3, 4, 6 комплекса Таксай-1.

Курган № 3 состоит из глиняного перекрытия, возведенного на погребенной почве над ямой погребения, расположенного в юго-западном секторе кургана, и задернованной насыпи (рис. 2).

Основное погребение было совершено в материковый слой – твердый светло-коричневый суглинок. Погребение нарушило погребенную почву – тонкую прослойку (5-10 см), темно-коричневую, с органическими, пепельного цвета, включениями. На погребенной почве фиксируются следы выкида из погребальной ямы (желтый песок). Насыпь кургана – коричневый суглинок с прослойками светлой супеси.

Так как погребение было подвержено ограблению в древности, поэтому насыпь и перекрытие над погребением были нарушены. В разрезах насыпи кургана не видны следы разрушения, так как поверхность кургана распахивалась, но они прослеживаются по перекрытию и следам выкида. В насыпи на разных уровнях и в разных секторах встречаются многочисленные кости животных, человека и фрагменты керамики.

Глубина раскопа была выведена на уровень материка на глубину 1 м. Под насыпью кургана на глубине 0,50 см выявлено могильное перекрытие, которое по центру было пробито. На поверхности перекрытия обнаружен фрагмент железного ножа. После фиксации перекрытие было снесено и оставлены валики выкида. В центре кургана с небольшим смещением к северо-западу от R0 было обнаружено могильное пятно, которое выделялось на фоне погребенной почвы темной засыпкой. Размеры могильного пятна: длина – 2,20 м, ширина – 0,80 м.

Яма подпрямоугольной формы, вытянутая длинными сторонами с северо-запада на юго-восток. Заполнение ямы представляло собой комковатый перемес со светло-коричневым суглинком. В заполнении ямы на разных глубинах до 1,37 м были обнаружены кости животных, фрагменты дерева, кости человека.

С северной, северо-западной сторон ямы на глубине 2,20 м был выявлен подбой, свод которого по мере раскопа обвалился.

Яма глубиной 2,60 см подбоем, высота свода – 1,15 см от дна ямы, ширина ямы – 0,80 см, ширина ямы с подбоем – 1,30 м.

На дне подбоя было зафиксировано ограбленное погребение. Кости человека разбросаны, в непотревоженном состоянии сохранился лишь череп и плечевые кости, грудная кость, ключица. Судя по ним, скелет погребенного был ориентирован на восток, северо-восток (рис. 3). Под костями погребенного обнаружена органическая подстилка. Череп деформирован, вытянут.

Инвентарь представлен фрагментом железного ножа, обнаруженного на поверхности выкида, фрагментами бронзовых изделий, бронзовой бляшкой округлой формы с язычком, выявленным среди скопления костей, описанных выше. Длина язычка 1,5 см, диаметр бляшки по внешним границам 1,7 см, диаметр отверстия в бляшке 1 см и фрагментом кожаного шнура. Длина 0,4 см.

Курган № 4. В плане курган имел округлую форму, диаметром – 34 м, высотой от дневной поверхности до 1 м (рис. 1).

Общая конструкция кургана состояла из насыпи – 1 м по центру, могильного перекрытия на глубине 0, 50 м – прослойки из светло-коричневой супеси, на поверхности которой выложено дерево. В профиле перекрытие видно на протяжении 11 м, вытянутое с юга на север на уровне 0,35 м под дерном. Дерево на профиле обозначается вкраплениями начиная с 2,9 с юга на 5,50 м к R0 и до 5,0 от R0 к югу на 1 м (рис. 4). Таким образом, по слоям описываемого фаса не виден пестрый перемес насыпи, выкида и заполнения.

Глубина раскопа была выведена на уровень материка на глубину 1 м. Под насыпью кургана на глубине 0,50 см было выявлено могильное перекрытие (рис. 5), после того как оно было снесено, в юго-западном секторе кургана было обнаружено могильное пятно подпрямоугольной формы, вытянутое длинными сторонами с севера на юг. Крайняя северная точка пятна в 1,48 м к западу и в 1 м к югу от условного центра. Длина могильного пятна по верхнему краю 2,12 м, ширина 0,60 м. Заполнение ямы представляло собой комковатый перемес со светло-коричневым суглинком до глубины 1 м, далее мягкую, рыхлую стерильную светло-коричневую супесь. На глубине 0,43 м была обнаружена позвоночная кость барана (?), на глубине 1,40 м реберная кость человека, на глубине 2,80 м реберная кость мелкого животного. Яма глубиной 3 м с подбоем с западной стороны. Заполнение подбоя состояло из плотно утрамбованной светло-коричневой супеси, которая при большой влажности скомковалась в блоки. Дно ямы зафиксировано на глубине 3,85 м. Максимальная высота свода подбоя – 1,45 м от дна ямы, высота с северной и южной части свода – 0,65 см, глубина подбоя – 3,90 см. Ширина входной ямы 0,95 м, ширина дна подбоя 0,50 м.

На дне подбоя было зафиксировано погребение in situ (рис. 6). Погребение не потревожено, скелет человека вытянут с севера на юг, головой ориентирован на север с легким поворотом на запад. Верхние конечности согнуты в локте и кисти сложены на тазовых костях. Из-за повышенной влажности в камере кости плохой

сохранности, светло-желтого цвета, рассыпчатые, с легким специфическим запахом.

Инвентарь погребенного:

1. У изголовья погребенного, в северо-западном углу камеры подбоя расположен бронзовый котелок с отогнутым краем. Высота котелка – 11 см, диаметр котелка по дну – 16,5 м, диаметр горловины – 15 см.

2. Над черепом близ котелка расположено скопление корродированных железных предметов – удила, кольца, фрагменты предметов из железа в результате температурного режима, повышенной влажности плохой сохранности, сильно корродированные и спаянные между собой. Диаметр кольца по внешним границам 6,5 см, длина удил 9,5 см. Среди описаных предметов была выявлена бронзовая бляшка эллипсовидной формы, длина по внешнему краю 3 см, высота 2 см.

3. С правой стороны погребенного на уровне правой кисти чуть ниже локтя положен железный кинжал в деревянных ножнах, с сохранившейся рукояткой, обтянутой шкурой животного. Длина кинжала 35 см. Ширина сохранившегося оконечника ножен кинжала – 5 см. Толщина 0,2 см.

4. В правую кисть погребенного вложен железный нож с сохранившимися фрагментами деревянных ножен.

5. С левой стороны вдоль большеберцовой и малоберцовой кости расположен каменный оселок. Длина – 50 см. Толщина 2,5 см.

6. На уровне левой кисти рук обнаружен железный нож плохой сохранности с бронзовой двусоставной рукояткой.

7. На оселке лежит меч с сохранившимися фрагментами деревянных ножен. Ножны окрашены в красный цвет. Ножны в средней части украшены железным кольцом и подпрямоугольной пластиной с отверстием, на которую укреплялась бронзовая бляшка, идентичная той, которая была найдена в погребении кургана № 3. Длина меча с рукояткой – 79 см. Длина квадратной пластины – 2,5 см. Толщина 0,9 см. Диаметр отверстия пластины – 0,7 см. Бронзовая бляшка округлой формы с язычком прикреплялась к пластине кожаным шнурком. Длина язычка 1,5 см, диаметр бляшки по внешним границам 1,7 см, диаметр отверстия в бляшке 1 см. Длина шнурка – 0,4 см.

8. У правой конечности погребенного были обнаружены 2 фрагмента кожаного изделия (возможно обуви ?). Длина 5,5 см, 2,5 см.

Курган № 6. был расположен на востоке комплекса, его диаметр – 41 м, высота от дневной поверхности до 1 м. В ходе снятия насыпи кургана были выявлены на разных глубинах многочисленные кости животных, фрагменты обгоревшего дерева, бревен, фрагменты черепа человека, фрагмент лепного глиняного сосуда, бронзовый распределитель – тройник, псалий железный двудырчатый дугообразной формы с зооморфным изображением в виде головы грифонов.

Стратиграфия кургана показывает, что состоит из задернованной насыпи, возведенной над ямой погребения. На периферии кургана наблюдались два кольцевых вала из желтой материковой глины, ближе к центру фиксировался мощный прокал и остатки деревянной подкурганной конструкции, возведенной на погребенной почве над ямой погребения, расположенного по центру (рис. 7).

Основное погребение было совершено в материковый слой – твердый светло-коричневый суглинок. Погребение нарушило погребенную почву – тонкую прослойку (5-10 см) темно-коричневого цвета с органическими, пепельного цвета, включениями. Насыпь кургана – коричневый суглинок с прослойками светлой супеси и гидрокарбонатными включениями и многочисленными костями животных.

На плане (рис. 8) хорошо просматривается подквадратная форма надмогильного сооружения. Она выделяется на материковой поверхности в северо-западном и юго-западном секторе шириной 0, 75 м с остатками следов сгорания. Крайние точки СЮ были отмечены по бровкам кургана. Северная точка – 4 м от R^0, южная точка – 5 м от R^0. Вероятно, вследствие мощного пожара сооружение не сохранилось, но остались фрагментарно бревна и следы сгоревшего сооружения. Вокруг подквадратного сооружения зафиксирован прокал красного цвета шириной от 3,5 до 4 м В 0,5 м, вокруг прокала были возведены два кольцевых глинобитных вала, сооруженных на погребенной почве шириной от 1,5 до 3, 75 м, расстояние между валами от 1 до 1,5 м.

Глубина раскопа была выведена на уровень материка на глубину 1 м В кургане было обнаружено 3 погребения.

Погребение № 1 было зафиксировано в северо-западном секторе в 7,50 м к северу и в 4, 75 м к западу в пространстве между прокалом и кольцевым валом на уровне погребенной почвы на глубине 0,55 м. Скелет принадлежал женщине.

Погребение было потревожено грызунами, отсутствуют позвоночные кости, ключица и лопатки погребенной. Длина сохранившегося костяка – 1,10 м. Инвентарь отсутствовал.

Погребение № 2 было выявлено в юго-восточном секторе, в 11,8 м к востоку и в 6,3 м к югу на глубине 0,80 м на материковой почве, под валом. Оно имело четкие границы и представляло собой яму вытянутой подовальной формы. Длина ямы 2,10 м, ширина 0,70 м. Глубина ямы – 0,10 м. Длинной осью могила была ориентирована по линии С-Ю. Скелет принадлежал женщине. Обе женщины были обезглавлены.

За границами крайнего вала кургана в юго-восточном секторе, южнее погребения № 2 была обнаружена жертвенная яма подовальной формы, вытянутая с северо-востока на юго-запад. На дне ямы в юго-западном углу обнаружен лепной горшок с плавно отогнутым венчиком, округлым туловом и плоским дном, в плохом состоянии in situ. По внутренней части тулова и на внутренних стенках сосуда следы копоти. Размеры: высота горшка – 12 см, диаметр венчика – 6,5 см, диаметр горла – 7,5 см, диаметр тулова – 10,2 см, диаметр дна – 6,2 см.

В противоположной стороне ямы выявлен перевернутый плоскодонный красноглиняный лепной горшок с плавно отогнутым венчиком, округлым туловом и плоским дном. Поверхность черного цвета. Не орнаментирован. По верхней части тулова и внутри сосуда следы копоти. Размеры: высота горшка – 12 см, диаметр венчика – 9 см, диаметр горла – 8,5 см, диаметр тулова – 15 см, диаметр дна – 9 см. Рядом с горшком лежали кости мелкого скота (барана?).

Погребение № 3 основное. Оно было выполнено в яме подквадратной формы (рис. 11) без дромоса. Заполнение представляло собой темно-коричневый комковатый спрессованный плотный суглинок. На глубине 2,5 м раскоп был

выведен на уровень забутованного слоя прожженной глины красного цвета мощностью 0,30 м – 0,50 см, после снятия этого слоя был зафиксирован слой мягкой супеси красно-желтого цвета (вероятнее всего, слой жженого песка), под которой было выявлено бревенчатое перекрытие над могильной ямой. В этом слое была обнаружена распределительная обойма в виде стилизованного скульптурного изображения головы птицы с загнутым клювом и горизонтальным хвостом на круглом основании с боковыми отверстиями для ремней. Хвост фигурный, расположен перпендикулярно голове птицы (Сдыков, Лукпанова, 2013). В юго-восточном углу ямы, в 4,10 м на юг и в 1,75 м на восток на глубине 1,40 м была обнаружена бронзовая пронизь. Изделие представляло собой форму вытянутого клюва, слегка загнутого вниз. В результате воздействия высокой температуры изделие деформировалось, согнулось, массивное кольцо на обороте утеряно. Размеры: длина – 5,5 см, толщина – 0,3 см.

Яма была перекрыта двойным деревянным накатом из тополя (рис. 10, 11)[46], лежавшим на поперечных балках, положенных у северной и южной стен ямы. Бревна перекрывали могилу и представляли собой, по всей видимости, первоначально мощное перекрытие подквадратной формы, рухнувшее в результате тления, дерево сохранило свою структуру, систему расположения, что дает основание говорить о процессе тления бревен.

Верхний слой наката покрывал всю яму, который был обвален, бревна были положены в направлении СЗ-ЮВ, они лежали правильными параллельными рядами, изредка находя друг на друга. В центральной части ямы был зафиксирован столб в 1,50 м к югу от R^0 и в 1, 85 к западу, диаметром 0,15 м, который возвышался над накатом. Диаметр бревен – 0,10-0,25 м. На бревнах у западной стены ямы были обнаружены 4 комплекта конской узды.

После снятия верхнего слоя наката под бревнами была обнаружена прослойка из мелких обгоревших веток и речного песка. Нижние бревна лежали на дне могилы, по всей видимости, также обвалившиеся под тяжестью насыпи. В целом можно предположить, что перед нами примитивный сруб с плоской крышей над могилой.

После снятия нижнего наката на дне могилы были зафиксированы бревна в направлении с запада на восток. Два бревна у южной стенки и два у северной стенки. Между ними перпендикулярно было положено бревно. Диаметр бревен 0,15-0, 20 м Высота обвалившейся конструкции составляла 0,50 м На площадке, между перпендикулярно положенным бревном и западной стеной на дне ямы, были обнаружены очертания от 5 сгоревших деревянных плах, вытянутых с северо-запада на юго-восток длиной 11,5 м и шириной 0,65 м Возможно, сюда были положены носилки.

Яма выведена на глубину 3,50 м от высшей точки насыпи кургана, размер ямы по дну – 5,70х5,40 м По всей видимости, грунт, вынутый при рытье ямы и дромоса, укладывался по их краям в виде вала. Южная стенка была укреплена вертикальными столбами высотой 0,60 м, которые, вероятно, служили опорными столбиками для устойчивости бревенчатого наката. Вдоль западной стенки была расчищена часть обвалившейся конструкции из 5 бревен. С западной стороны ямы

[46] Определения выполнены М. И. Колосовой, к. б. н., научным сотрудником отдела научно-технической экспертизы Государственного Эрмитажа (РФ).

был зафиксирован уступ шириной 0,50 м. Северная стенка также была укреплена вертикальными столбами. Вдоль восточной стенки также фрагментарно были выявлены остатки бревен и уступ шириной 0,50 м.

С четырех сторон подквадратной ямы – СВ, СЗ, ЮЗ, ЮВ было обнаружено огромное количество шлаков с примесью расплавленных предметов из бронзы и железа. При высокой температуре почва доведена была до накала, что привело ее к шлакообразованию. Вместе с тем были расплавлены металлические изделия, положенные в погребение недалеко от углов ямы.

В яме было обнаружено одно погребение. У восточной стены могильной ямы лежал плохо сохранившийся обгоревший скелет взрослого человека (фото 1), предположительно женщины, положенный на циновку (рис. 12). Погребальное убранство женщины было украшено золотыми нашивными бляшками (Алтынбеков, 2013, с. 60-64; Лукпанова, 2014, с. 435-440).

На верхнюю часть костюма были нашиты золотые бляшки 4 видов: бляшки подовальной формы с изображением композиции из двух противопоставленных голов (грифо-баранов?) (фото 2), замкнутые в овал; бляшки подквадратной формы с изображением композиции из двух противопоставленных голов баранов (фото 3), замкнутые в квадрат; бляшки подквадратной формы, свастиковидные с изображением 4 голов грифонов, расположенных в круговой композиции (фото 4); бляшки, аналогичные третьему виду бляшек, отличающиеся только размером – 4х4 см (фото 5). Свастиковидные бляшки выступали основным декором одежды погребенной.

На рукава платья погребенной были нашиты подвески и амулеты, выполненные из зубов и клыков волка, в золотой оправе.

Под позвоночными костями, между тазовыми костями и кистями обеих рук обнаружены золотые бусины биконической формы, полые, спаянные из двух конусовидных половинок, на поверхности каждой бусины проработаны 8 продольных углублений, на которые напаяны по две витые непереплетающиеся между собой скрученные золотые проволоки, спаянные с двух концов у отверстия для продевания.

На голову женщины был надет конусовидный высокий головной убор (фото 6). Он имел сложную конструкцию, к сожалению, остался только каркас конусовидной формы, верх которого венчает навершие с изображением в виде головы горного козла.

На запястья женщины были надеты два золотых браслета (рис. 13) омеговидной формы, на разомкнутых окончаниях браслетов изображения в виде сокращенного варианта сцены нападения рогатого кошачьего хищника на травоядное животное.

С левой и правой сторон височных долей погребенной были обнаружены две височные подвески (фото 7, рис. 14). На шею погребенной была надета гривна с заходящими концами, сделанная из литого золотого прута.

Погребенную сопровождал разнообразный по составу инвентарь.

На правой руке погребенной, чуть выше кисти, лежало двустороннее бронзовое зеркало с боковой ручкой (фото 8) в ореховом футляре. Верхняя и нижняя части ручки оформлены в виде двух стилизованных голов грифонов в зеркальном отражении.

Возле кисти левой руки был положен стеклянный сосудик в форме миниатюрного горшочка темно-синего цвета, одна сторона которого деформирована и расплавлена.

К столбу в центральной части ямы был подвешен деревянный ковш (чаша) с шестью золотыми оковками по венчику, к сожалению, ковш не сохранился полностью.

Рядом с ковшом лежал бронзовый котел (рис. 15) полусферической формы с сужающимися к устью стенками с носиком-сливом в виде протомы верблюда-бактриана. У котла имелись две вертикальные петлевидные ручки с навершиями в виде трех выступов и две ручки-петельки, прикрепленные на уровне центральной части тулова котла, под вертикальными ручками. Подобные котлы использовались в различных ритуальных целях.

У западной стенки ямы под бревенчатым накатом была выявлена пятая узда.

Севернее столба был зафиксирован железный нож, положенный острием с севера на юг. В 1,35 м к югу от центрального столба была обнаружена жаровня. Край жаровни придавлен бревном у южной стенки. Смирнов К. Ф. называет жаровни характерным предметом быта и религиозных культов. Рядом с жаровней, в 0,40 м северо-западнее от нее, была положена стеклянная полихромная чашечка, вокруг которой найдена россыпь бусин.

В северо-западном углу ямы был обнаружен ритуальный комплекс. В деревянный короб из ореха были положены предметы: кисть волка, нож с костяной рукояткой, деревянный гребень с изображением батальной сцены. На гребне лежал алебастровый сосудик, клыки и зубы волка, а также ступка с пестом, галька. На одном клыке проделано отверстие, как на клыках-подвесках в золотой оправе. Возможно, что клыки-амулеты изготавливались местными мастерами.

Уникальным предметом среди таксайских находок является деревянный гребень (рис. 16). Таксайский гребень представляет собой цельный, двусторонний, прямоугольной формы предмет.

В прямоугольное пространство центра гребня вписана композиция, изображающая батальную сцену между двумя воинами на колеснице и противником, одиночным пешим воином. Оно выполнено в рельефе, реалистично.

Сохранность захоронения позволила с наиболее возможной полнотой реконструировать одежду и головной убор погребенной. В составе обнаруженных предметов присутствуют изделия, как местного, так и импортного производства (Ахеменидский Иран).

Таким образом, на комплексе Таксай-1 были исследованы курганы № 3, 4 эпохи раннего железа. В курганах было выявлено по одному погребению. Все они относятся к эпохе раннего железного века, к позднесарматской культуре. Несмотря на то, что в кургане № 3 отсутствует инвентарь, погребение разграблено, сама конструкция ямы, деформированный череп погребенного, северная ориентировка погребенного подтверждают отношение его к этой культуре.

Погребение кургана № 4 также относится к поздним сарматам, его характеризуют следующие признаки: северная ориентировка головы погребенного). Северная ориентировка во второй половине II – первой половине III в. н. э. в Заволжье составляет 84,2 %, южная – 12,3 % (Кривошеев, Скрипкин, 2006,

с. 115). В степной части Южного Приуралья ориентировка погребенных головой в северный сектор составляет почти 100 % (Стат. обр. под ред. Мошковой, с. 164). Искусственная деформация головы (Балабанова, 2001, с. 107) распространяется в это время в южноуральские степные могильники, которые отличаются наибольшим содержанием погребенных с деформированными черепами (от 57,4 до 77,0 %). Причем в степной части Южного Приуралья деформация черепов обнаружена более чем у половины захороненных (Стат. обр. под ред. Мошковой, с. 164). Инвентарь, маркирующий период и культуру, – котелок, оселок и бронзовая составная рукоять ножа.

Анализ материалов из курганаов № 3, 4 позволяет отности погребения к позднесарматской культуре и датировать II-III вв. н. э.

Курган № 6 на основании результатов радиоуглеродного анализа (C^{14}), выполненных по дереву и кости в лабораториях Японии и Российской Федерации, можно предварительно датировать концом VI – нач. V в. до н. э. Наличие достаточно многочисленного инвентаря: украшения – стеклянные бусы и золотые подвески, гривна, браслеты, наличие зеркала, стеклянные сосудики, деревянная посуда с золотыми оковками подтверждают эту дату. Обследования полученных исходных материалов продолжаются (Сдыков, Лукпанова, 2013, с. 288).

В соответствии с результатами предварительных научных исследований, основанных на сопоставлениях и аналогиях, мы можем говорить о принадлежности данного захоронения женщине, занимавшей высокое социальное положение в обществе.

Таксайский комплекс находок имеет важное научное и историко-культурное значение. Отсутствие следов разграбления или какого-либо иного внешнего вмешательства позволило сохранить памятник в первозданном виде.

Сохранность захоронения позволила воспроизвести с наиболее возможной полнотой картину погребального обряда, реконструировать одежду и головной убор погребенной.

Проведенные предшественниками и нами раскопки дают возможность сопоставить некоторые таксайские материалы с уже известными находками из ранее исследованных курганов. Бляшки и клыки-амулеты из кургана-6 находят прямые аналогии с материалами из кургана-2 комплекса Покровка, раскопки которого были проведены И. А. Кастанье в 1911 г. (Смирнов, 1964, с. 175). Бронзовые псалии, обнаруженные на бревенчатом перекрытии в погребении Таксай, аналогичны псалиям из кургана комплекса Кырык-оба. А техника изготовления височных подвесок, зеркала и гривны идентична способу изготовления предметов ювелирного искусства из комплексов Сегизсай (Лебедевка), Кырык-оба, Булдурты (Гуцалов, 2007, с. 75-92).

Литература

Алтынбеков К. Возрожденная из пепла. Реконструкция по материалам погребения жрицы из комплекса Таксай-I. – Алматы: Остров Крым, 2013. – 64 с.

Балабанова М. А. Обычай искусственной деформации голов у поздних сарматов: проблемы, исследования, результаты и суждения // Нижневолжский археологический вестник. Вып. 4. – Волгоград, – 2001. С. 107-122.

Гуцалов С. Ю. Погребальные памятники кочевой элиты Южного Приуралья середины I тыс. до н. э. // Археология, этнография и антропология Евразии. Новосибирск, 2007. – № 2 (30). – С. 75-92.

Кривошеев М. В. Катакомбы Волго-Донского региона в III-IV веках нашей эры /. Проблемы археологии Нижнего Поволжья. II Международная Нижневолжская археологическая конференция, г. Волгоград, 12-15 ноября 2007 г. // Тезисы докладов. – Волгоград, 2007. – 125 с.

Кривошеев М. В., Скрипкин А. С. Позднесарматская культура междуречья Волги и Дона. Проблема становления и развития // РА. № 1. – С. 115-123.

Лукпанова Я. А. Отчет о проведении археологических раскопок на курганном комплексе Таксай-1 в Теректинском районе в 2012. – Уральск, 2012.

Сдыков М. Н., Лукпанова Я. А. Ранние кочевники Западного Казахстана (на примере комплекса Таксай-I), – Уральск: Полиграфсервис, 2013. – 292 с.

Смирнов К. Ф. Савроматы. Ранняя история и культура сарматов. – М.,1964. – 380 с.

Статистическая обработка погребальных памятников Азиатской Сарматии. Вып. IV. Позднесарматская культура // Сборник статей под ред. М. Г. Мошковой. – М., 2009. – 176 с.

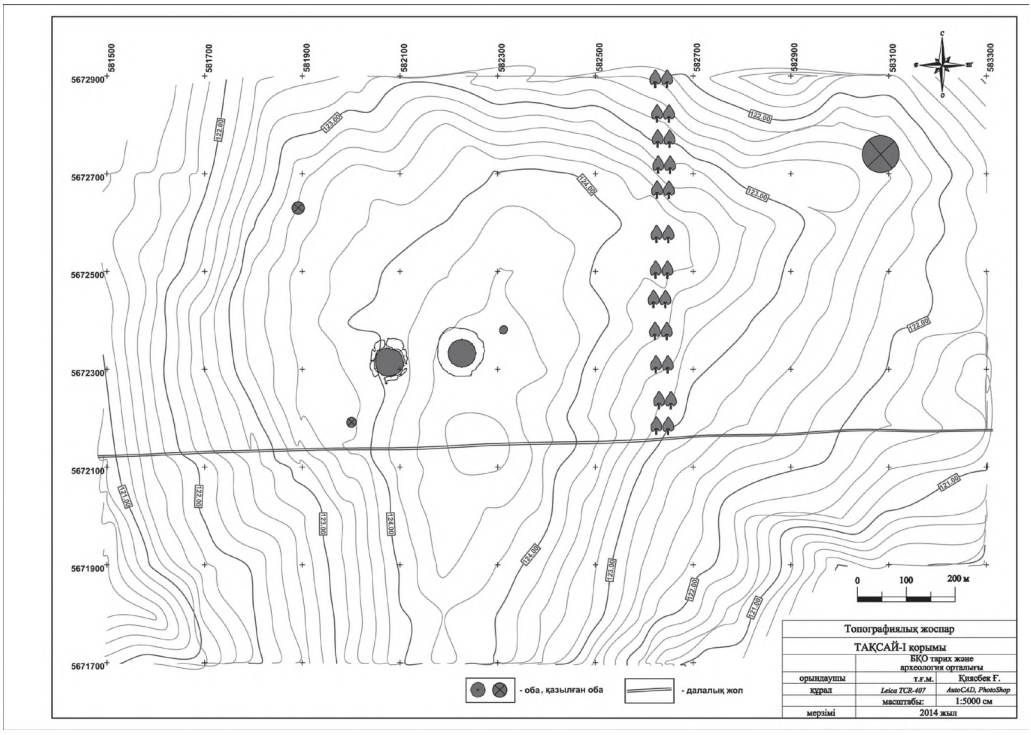

Рис. 1. Топографическа съемка курганного комплекса Таксай-1

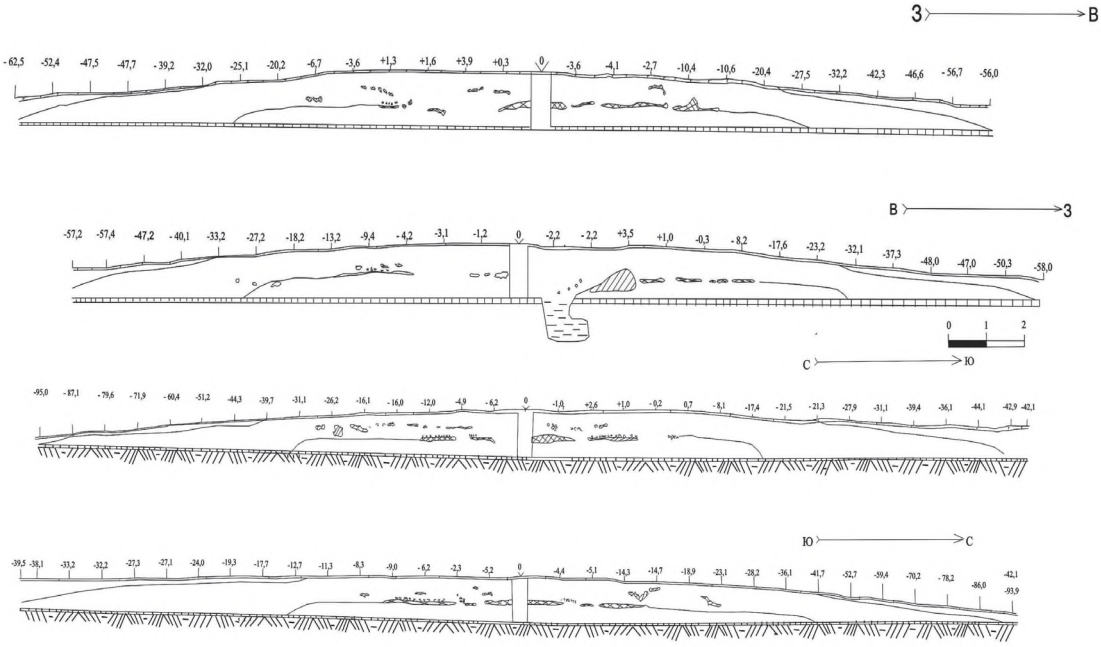

Рис. 2. Таксай 1. Профили кургана № 3

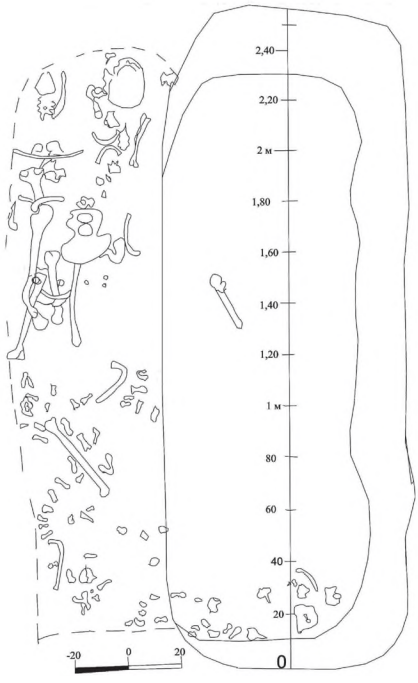

Рис. 3. Таксай 1. Погребение кургана № 3

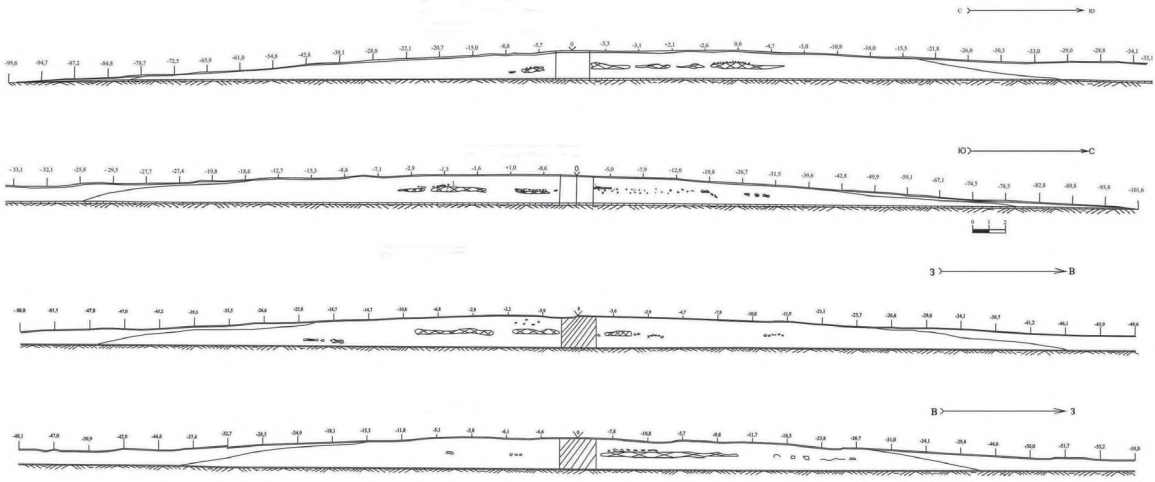

Рис. 4. Таксай-1 Профили кургана № 4

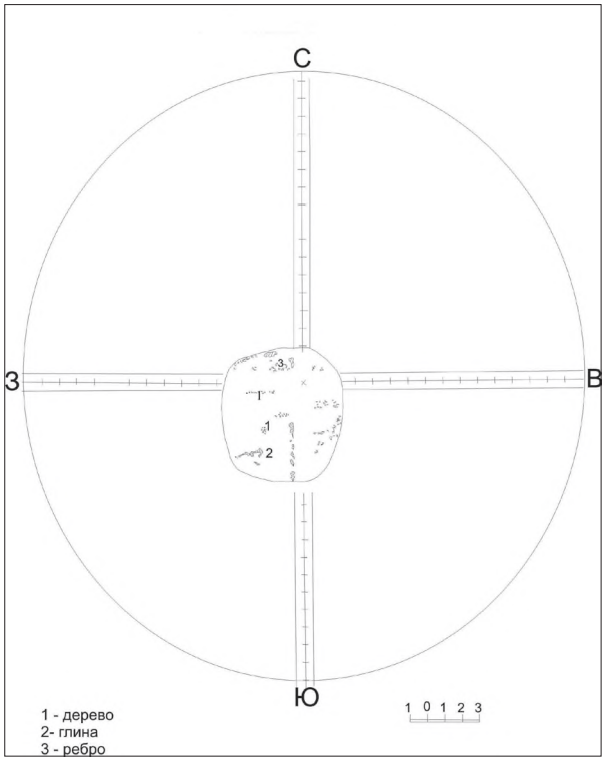
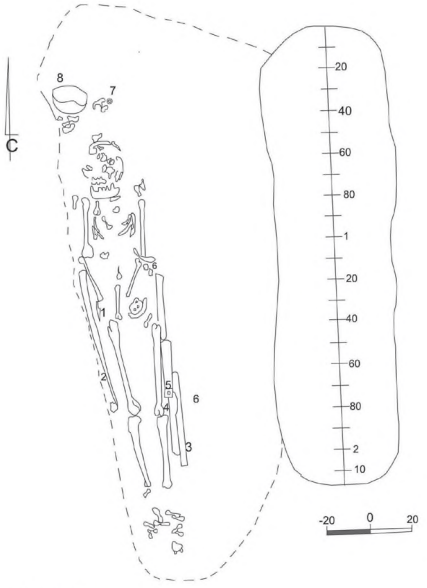

Рис. 5. Могильное перекрытие в кургане № 4

1. Железный нож
2. Кинжал в деревянных ножнах
3.Оселок
4.Меч
5. Подквадратная с бронзовой бляшкой
6.фрагменты железа
7. Удила, кольцо железное
8.Котелок

Рис. 6. Погребение. Курган № 4

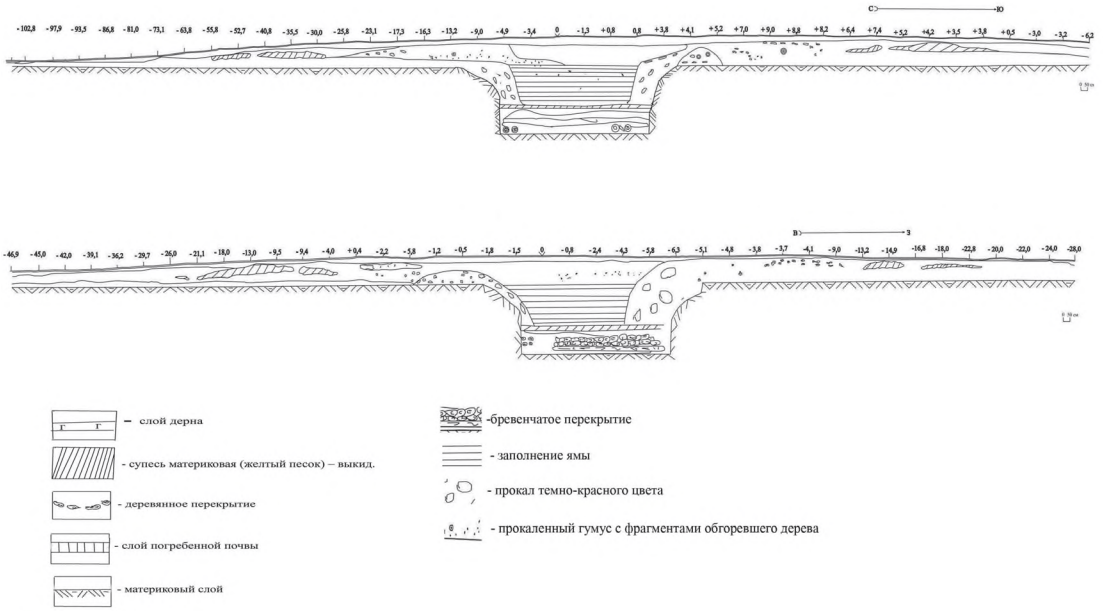

Рис. 7. Таксай-1 Профили кургана № 6

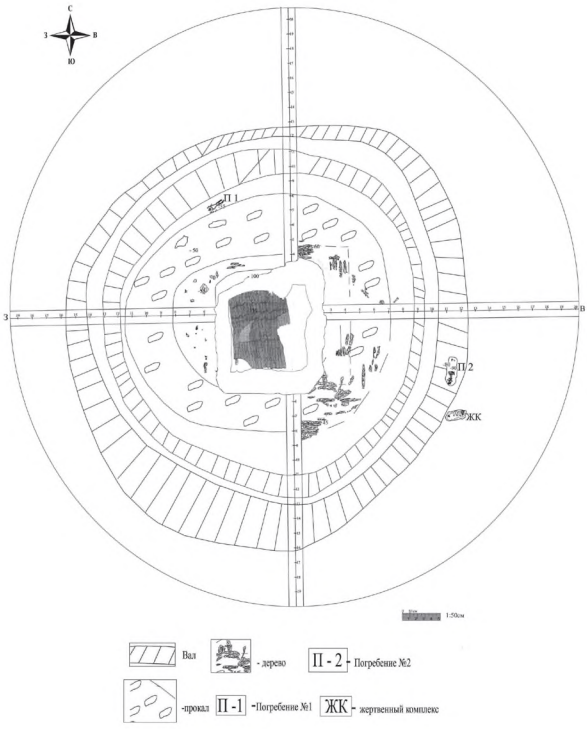

Рис. 8. План кургана № 6 с центральной ямой

Рис. 9. Верхний слой бревенчатого перекрытия центральной ямы кургана № 6

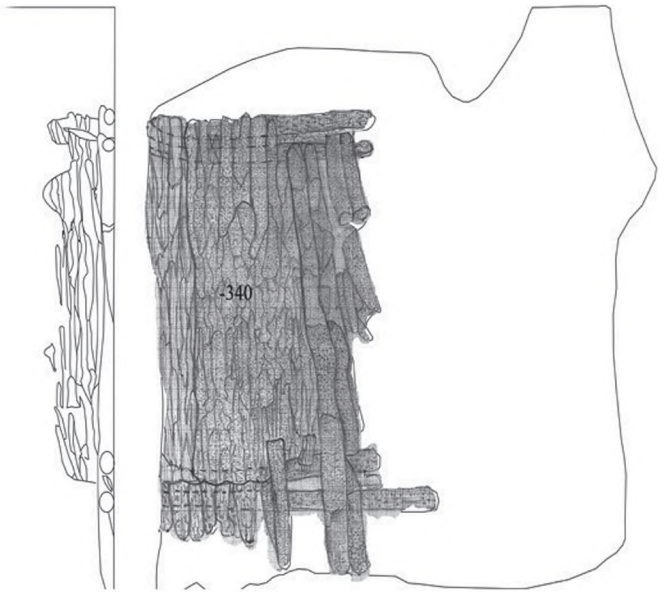
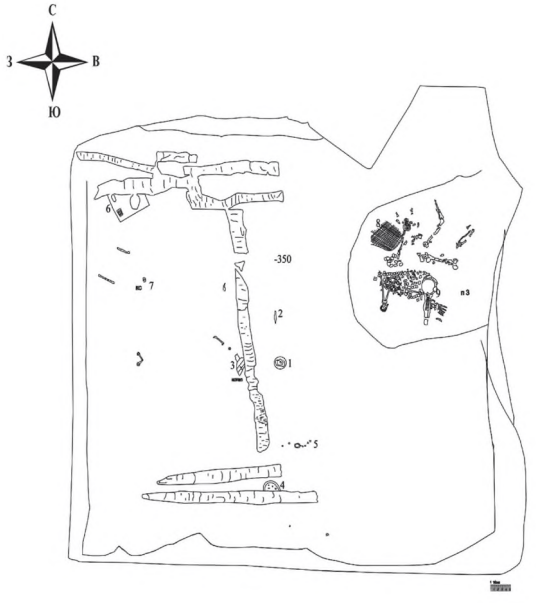
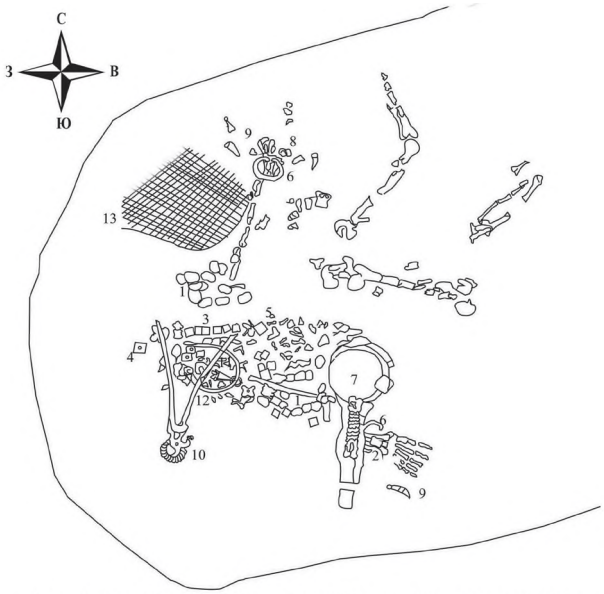

Рис. 10. Нижний слой бревенчатого перекрытия центральной ямы

1. центральный столб, 2. железный нож, 3.бронзовый котел, 4. жаровня, 5. стеклянный сосуд №2, бусины, 6 жертвенный комплекс, 7. конская узда, 8. циновка, 9. зеркало в деревянном футляре

Рис. 11. Центральная яма, с основным погребением и инвентарем

1. бляшки подовальной формы, золото; 2. бляшки подквадратной формы, золото;
3,4. бляшки свастиковидные, золото; 5. бусины, золото; 6.браслеты, золото;
7.зеркало в лереянном футляре , бронза. 8.сосудик, стекло;
9. клыки и зубы волка в золотой оправе; 10. элемент головного убора;
11.височные подвески; 12 гривна; 13. циновка.

Рис. 12. Таксай 1 .Погребение № 3 основное

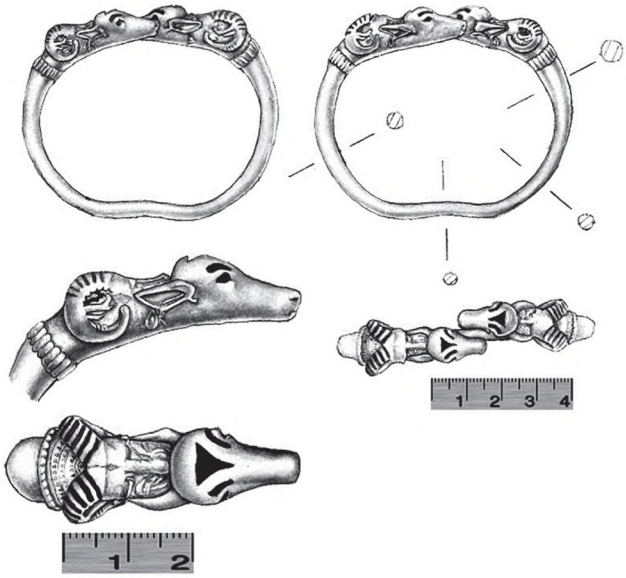
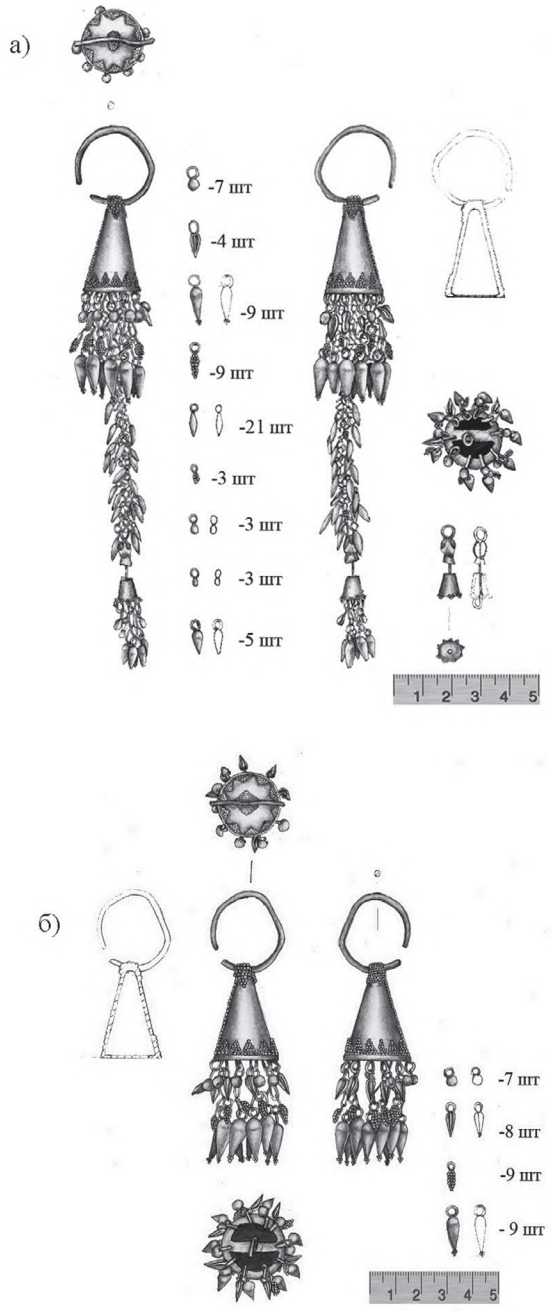

Рис. 13. Браслет омеговидной формы № 1

а) с левой височной доли
б) с правой височной доли

Рис. 14. Височные подвески

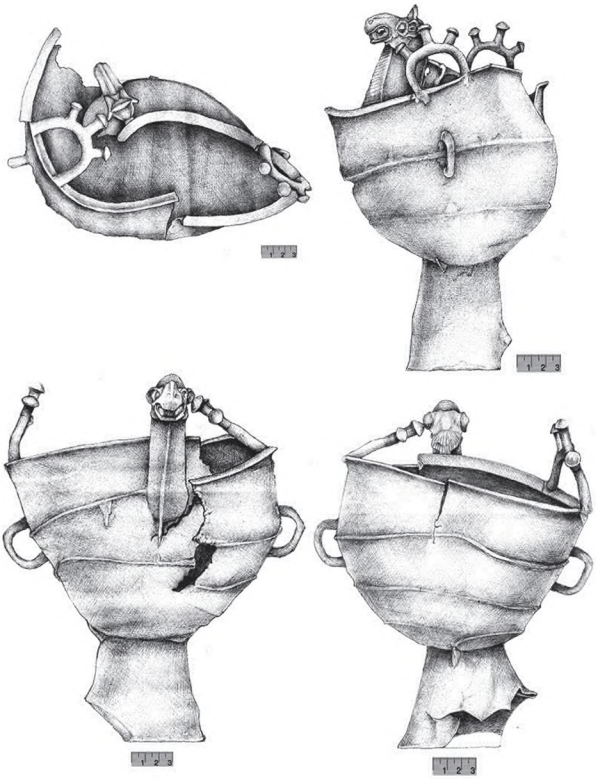

Рис. 15. Котел.

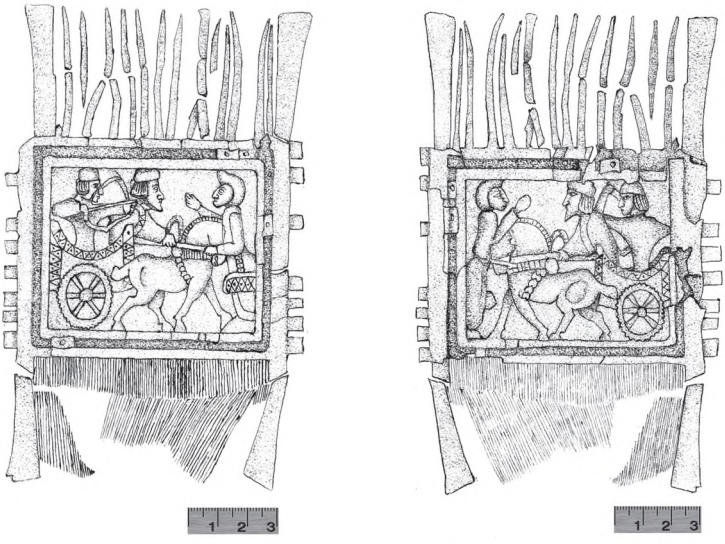

Рис. 16. Гребень.

Фото № 1. Таксай-1. курган 6. Погребение женщины.

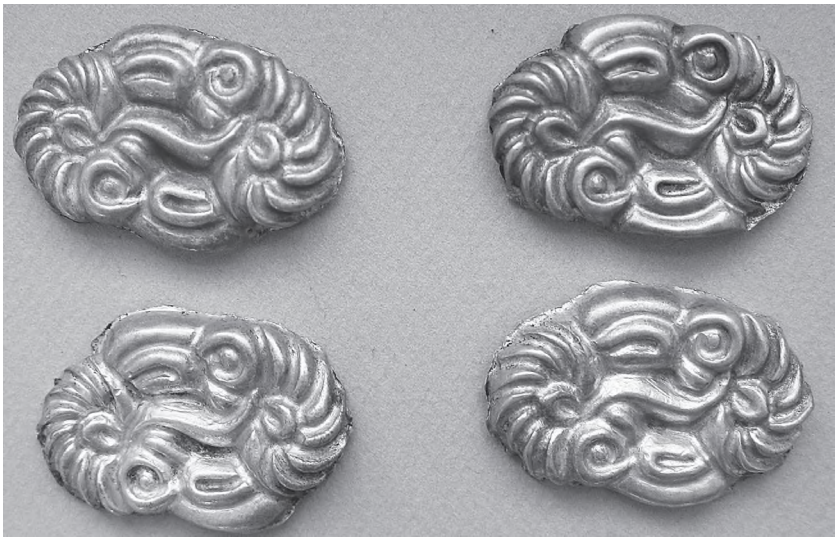

Фото № 2. бляшки подовальной формы с изображением композиции из двух противопоставленных голов горных козлов.

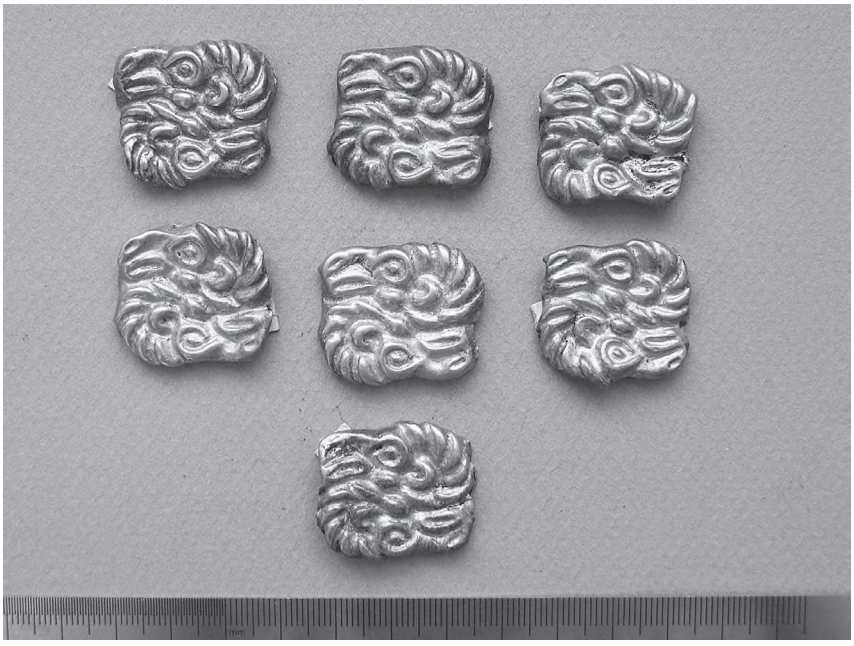

Фото № 3 Таксай-1. Курган 6. Бляшки с изображением композиции из двух противопоставленных голов баранов.

Фото № 4. Таксай-1. Курган 6. Свастиковидные бляшки с изображением четырех голов грифонов в круговом вращении (маленькие).

Фото № 5. Таксай-1. Курган 6. Свастиковидные бляшки с изображением четырех голов грифонов в круговом вращении (большие).

Фото № 6. Таксай-1 Курган 6. Навершие головного убора.

Фото № 7. Таксай 1 . Курган 6. Височная подвеска.

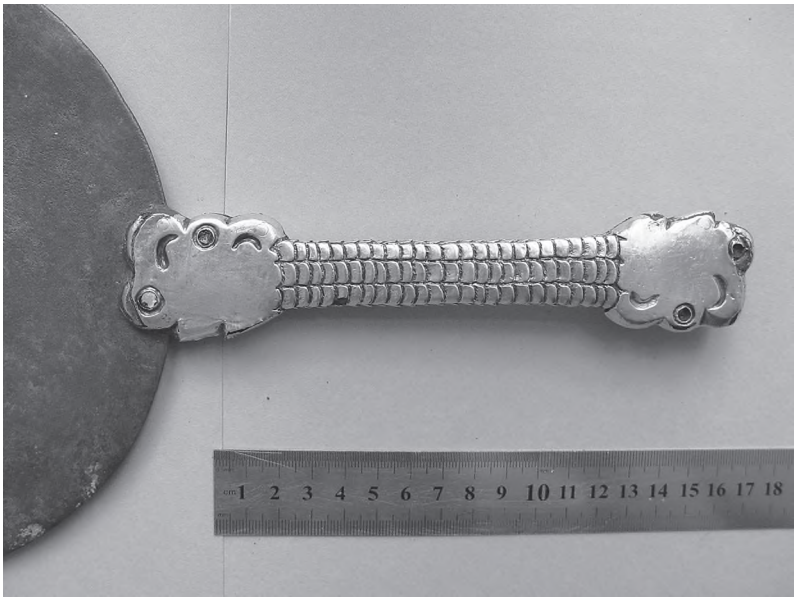

Фото № 8. Таксай-1. Курган 6. Ручка бронзового зеркала, обложенная золотым листом.

Головченко Н. Н.

Алтайская государственная педагогическая академия, г. Барнаул, Россия

ПОСЛЕДНИЙ НАРЯД (ОДЕЖДА В ПОГРЕБАЛЬНОЙ ОБРЯДНОСТИ НАСЕЛЕНИЯ ВЕРХНЕГО ПРИОБЬЯ ЭПОХИ ЖЕЛЕЗА)[47]

Одежда – обязательный атрибут современной культовой жизни, вероятно, играла в древних традиционных обществах более значимую роль, чем принято считать. В этом отношении не является исключением одежда населения Кулунды и Верхнего Приобья эпохи раннего железа.

Центральной проблемой интерпретации роли одежды в рамках погребального обряда является вопрос определения ее статуса. Говоря иными словами, являлась ли помещаемая в погребение одежда погребальной, повседневной или культовой. Этот вопрос остается дискуссионным.

Нам представляется, что практика пошива специализированной, закрепленной на уровне обрядов, погребальной одежды у населения Верхнего Приобья эпохи раннего железа еще не была сформирована. Повседневная одежда также не могла существовать в рамках погребального обряда, без совершения с ней определенных манипуляций, приписывающих ее к событию захоронения погибшего члена коллектива.

В пользу гипотезы о событийной сакрализации одежды говорит контекст обнаружения ее предметного комплекса. Условно мы можем говорить о социально-экономическом, историко-культурном и ситуационных контекстах.

Во-первых, предметный комплекс одежды населения Верхнего Приобья эпохи железа может быть социально-экономически дифференцирован. По количеству и качеству предметного комплекса одежды выделяется ряд социальных страт, оставивших погребальные комплексы в зависимости от их материального состояния.

Во-вторых, в культурах скифского круга распространены явно культовые погребальные памятники (Иссык (Акишев, 1978, с. 5), Локоть-4а, Аржан (Čugunov, 2006, s. 10), в материалах которых сохранился предметный комплекс одежды. Богатые, в материальном и семантическом плане, облачения погребенной знати свидетельствуют о высокой культовой значимости одежды в процессе погребения (Лелеков, 1987, с. 25-31; Литвинский, 1982, с. 30).

В-третьих, ситуационный контекст обнаружения предметного комплекса одежды в рядовых погребениях скифского времени на территории Верхнеобского региона свидетельствует о манипуляциях с одеждой и ее элементами, вероятно, осуществляемых в процессе погребального обряда.

К числу таких действий следует отнести расстегивание пояса у мужчин (Ведянин, 1996, с. 88-115; Кирюшин, 1996, с. 115-135; Могильников, 1982, с. 113-135; Могильников, 1992, с. 69-93; Могильников, 1997, с. 40-64; Троицкая, 1981, с. 3-36; Троицкая, 1994, с. 96; Уманский, 1987, с. 81-100; Уманский, 1991, с. 104-107; Уманский, 1992, с. 51-60; Уманский, 2005, с. 113; Фролов, 2001, с. 149-156; Фролов, 2008, с. 234; Шульга, 2003, с. 50; Шульга, 2008, с. 124-140; Шульга, 2009,

[47] Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ «Древние», проект 14-11-22002.

с. 10-50). Данный акт может расцениваться как одна из форм обряда отчуждения (Геннеп, 1999, с. 97), в ходе которого вещь из обыденного (профанного) мира как бы переходит в мир сакральный. Главным образом это выражается в нарушении привычных, обыденных функций вещи (Геннеп, 1999, с. 98). Расстегнутый пояс в рамках ансамбля костюма не может выполнять своей главной функциональной роли. Как известно, пояс, опоясывающий тело мужчины, у индоевропейских народов символизирует целостность мира (Дюмезиль, 1996, с. 134-146). Будучи расстегнутым, пояс обозначает нарушение этой целостности, т. е. некое переходное состояние. А любое переходное состояние в традиционных обществах воспринимается как сакральное (Геннеп, 1999, с. 98; Дашковский, 2012, с. 124).

Еще одним свидетельством такого рода явлений, вероятно, является фрагментация гривен (Головченко, 2014, с. 42-43; Головченко, 2014, с. 110-113). К сожалению, это остается на уровне догадок, так как трасологический анализ сломов, насколько это нам известно, ни разу не проводился. Семантический статус гривен близок к поясу. Так же, как пояс, гривна является символом одной из границ в рамках тернарной структуры костюма (Геннеп, 1999, с. 44).

Ритуальные действия, вероятно, осуществлялись и с женским погребальным костюмом, но имеющейся базы источников недостаточно для каких бы то не было построений. Исключением в этом отношении является женская погребальная прическа, представленная косами и прическами с использованием заколок (Головченко, 2013, с. 14-18). Вероятно, подобная стратификация основана на каких-то социально-экономических[48] или культовых[49] факторах. В этом отношении ключевыми проблемными вопросами являются:

– во-первых, способ использования заколок при создании прически;

– во-вторых, наличие большого пространства за головами погребенных (предположительно оставляемого для помещения туда «высокого головного убора»).

Исследователями уже предпринимались попытки реконструировать женскую прическу с заколками (Бородовский, 1984, с. 131-134; Бородовский, 1987, с. 117-121; Головченко, 2013, с. 14-18). К сожалению, ни один из представленных вариантов нельзя счесть удачным. Потому что авторы строили свои построения с опорой на пазырыкские аналогии. Но, как известно, ни в одном погребении большереченской культурно-исторической общности наличие сажистого вещества в головах погребенных не отмечено, как правило, в них отсутствуют и триквестры (Бородовский, 1987, с. 117-121; Бородовский, 2009, 51-57; Бородовский, 2013, с. 54; Полосьмак, 2005, рис. 2. *37*). Последнее свидетельствует об определенном отличии в погребальном убранстве древних насельников Горного Алтая и сопредельных степных территорий.

Важным фактором при этом является широкое распространение этих же типов прически среди носителей культур скифо-сакского мира, но в несколько иных контекстах (Петренко, 1978, с. 28-46; Яценко, 2002, с. 56-164; Яценко, 2006, с. 15-368; Головченко, 2013, с. 14-18).

[48] Социальное положение погребенной.

[49] Обстоятельства смерти.

Погребальная прическа женщин, населявших Верхнее Приобье и Кулунду в эпоху железа, представляется нам следующим образом. В процессе отправления обряда, после положения трупа на дно могильной ямы, волосы покойной укладывались прядями к краю могильной ямы, заполняя собой свободное пространство в изголовье, а затем в зависимости от социальных, культовых или иных факторов поверх разложенных прядей (или кос) укладывались заколки (возможно, и деревянные). Вероятно, в некоторых случаях часть косичек укладывалась на наплечную одежду, перекрывая оплечье (Головченко, 2014 в, с. 5-13), как это имело место быть на памятнике Ближние Елбаны (Грязнов, 1956, с. 59).

Подводя определенный итог нашим изысканиям, можно заключить, что все манипуляции с одеждой, предположительно осуществленные во время погребального обряда, придавали ей культовый статус (Бородовский, 1987, с. 117-121). Кроме того, все описанные нами обрядовые действия в конечном итоге были направлены на создание у участвовавших в обряде определенных впечатлений в связи со смертью погребаемого человека (Чвырь, 2010, с. 444-448). Таким образом, погребальный обряд обыгрывал множество компонентов, связанных с отчуждением покойного от земного мира, его переходом в иное сакральное состояние и приобщением к нему (Геннеп, 1999, с. 94). На всех стадиях обряда производились определенные ритуальные действия, в том числе и связанные с одеждой, большую часть которых исследователям еще предстоит установить.

Литература

Акишев К. А. Курган Иссык. Искусство саков Казахстана. – М.: Искусство, 1978. – 129 с.

Бородовский А. П. К интерпретации обойм-накосников // Скифо-сибирский мир: Тезисы докладов второй археологической конференции. – Кемерово, 1984. – С. 93-95.

Бородовский А. П. Реконструкция одного из вариантов костюма племен Новосибирского Приобья (VI-VII вв.) // Этническая история тюркоязычных народов Сибири и сопредельных территорий: Тезисы докладов областной научной конференции по антропологии, археологии и этнографии. – Омск, 1984. – С. 131-134.

Бородовский А. П. Интерпретация и некоторые вопросы ритуального значения волос в раннем железном веке (по материалам Новосибирского Приобья) // Скифо-сибирский мир: Искусство и идеология. Новосибирск: Наука, 1987. – С. 117-121.

Бородовский А. П., Бородовская Е. Л. Триквестры скифского времени Северного Алтая // Археология, этнография и антропология Евразии. – № 4 (40). – 2009. – С. 51-57.

Бородовский А. П., Бородовская Е. Л. Археологические памятники долины Нижней Катуни в эпоху палеометалла. – Новосибирск: Издательство Института археологии и этнографии СО РАН, 2013. – 220 с.

Ведянин С. Д., Кунгуров А. Л. Грунтовой могильник староалейской культуры Обские Плесы – 2 // Погребальный обряд древних племен Алтая. – Барнаул, 1996. – С. 88-115.

Геннеп А. Обряды перехода. Систематическое изучение обрядов / Пер. с франц. – М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1999. – 198 с. (Этнографическая библиотека).

Головченко Н. Н. Заколки населения скифского времени Верхнего Приобья по археологическим материалам (классификация и назначение) // Полевые исследования в Верхнем Приобье, Прииртышье и на Алтае. 2011 – 2012 гг.: археология, этнография, устная история. Вып. 8: Материалы VIII международ. науч.-практ. конф. Барнаул, 18-19 апр. 2013 г. – Барнаул: АлтГПА, 2013 г. – С. 14-18.

Головченко Н. Н. Металлические нагрудные украшения населения Верхнего Приобья скифского времени // Материалы 52-й Международной научной студенческой конференции «Студент и научно-технический прогресс», МНСК-2014: Археология. – Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т, 2014а. – С. 42-43.

Головченко Н. Н. Гривны в материальной культуре населения скифского времени Верхнего Приобья // Современные проблемы древних и традиционных культур народов Евразии: тез. докл. LIV Региональной (X Всероссийской с международным участием) археолого-этнографической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых. – Красноярск: СФУ, 2014 б. – С. 110-113.

Головченко Н. Н., Телегин А. Н. Одежда евразийских номадов скифо-сакского времени (опыт разработки типологии и терминологического аппарата) // Вестник Тюменского гос. ун-та, 2014в. – № 2 – С. 5-13.

Грязнов М. П. История древних племен Верхней Оби по раскопкам близ с. Большая речка // МИА № 48. – М.-Л. – 1956. – 163 с., с ил.

Дашковский П. К., Карымова С. М. Вещь в традиционной культуре народов Центральной Азии: философско-культурологическое исследование: монография. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2012. – 252 с.

Дюмезиль Ж. Верховные боги индоевропейцев / Перев. с фр. Т. В. Цивьян. – М.: Восточная литература, 1986. – 234 с.

Кирюшин Ю. Ф., Кунгуров А. Л. Могильник раннего железного века Староалейка-2 // Погребальный обряд древних племен Алтая. – Барнаул, 1996. – С. 115-135.

Лелеков Л. А. О символизме погребальных облачений («золотые люди» скифо-сакского мира) // Скифо-сибирский мир. Искусство и идеология. – Новосибирск: Наука, 1987. – С. 25-31.

Литвинский Б. А. «Золотые люди» в древних погребениях Центральной Азии (опыт истолкования в свете истории религии) // СЭ. – 1982. – № 4.

Могильников В. А., Куйбышев А. В. Курганы «Камень-II» (Верхнее Приобье) по раскопкам 1976 г. // СА 1982. – № 2. – С. 113-135.

Могильников В. А., Уманский А. П. Курганы Масляха-I по раскопкам 1979 года // Вопросы археологии Алтая и Западной Сибири эпохи металла. – Барнаул, 1992. – С. 69-93.

Могильников В. А. Население Верхнего Приобья в середине – второй половине I тысячелетия до н. э.: монография. – М., 1997. – 195 с.

Петренко В. Г. Украшения Скифии VII-III вв. до н. э. // САИ. Вып. Д 4 – 5. – М., 1978. – 125 с.

Полосьмак Н. В., Баркова Л. Л. Костюм и текстиль пазырыкцев Алтая (IV-III вв. до н. э.). – Новосибирск: ИНФОЛИО, 2005. – 232 с.

Троицкая Т. Н. Лесостепное Приобье в раннем железном веке: автореф. докт. дис. / АН СССР. СО. ИИФФ. – Новосибирск, 1981. – 38 с.

Троицкая Т. Н., Бородовский А. П. Большереченская культура лесостепного Приобья. – Новосибирск: ВО «Наука». Сибирская издательская фирма, 1994. – 184 с.

Уманский А. П. Археологические памятники урочища Раздумье // Археологические исследования на Алтае: межвузовский сборник научных статей. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1987. – С. 81-100.

Уманский А. П. Аварийные раскопки курганов в пункте Новотроицкое-1 в 1987 году // Охрана и исследования археологических памятников Алтая (тезисы докладов и сообщений к конференции). – Барнаул, 1991. – С. 104-107.

Уманский А. П. Рогозихинские курганы по раскопкам Барнаульского пединститута в 1985 году // Вопросы археологии Алтая и Западной Сибири эпохи металла. – Барнаул, 1992. – С. 51-60.

Уманский А. П., Шамшин А. Б., Шульга П. И. Могильник скифского времени Рогозиха-1 на левобережье Оби: монография. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2005. – 204 с.,

Фролов Я. В. Староалейская культура (по данным погребальной обрядности) // Историко-культурное наследие Северной Азии: Сб. науч. тр. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2001. – С. 149-156.

Фролов Я. В. Погребальный обряд населения Барнаульского Приобья в VI в. до н. э. – II в н. э. (по данным грунтовых могильников). – Барнаул: Азбука, 2008. – 479 с.

Чвырь Л. А. Коммуникативная функция традиционного костюма // Интеграция археологических и этнографических исследований: сборник трудов. Часть I / Отв. ред. м Л. Бережнова, С. Н. Корусенко, Р. С. Хакимов, гл. ред. Н. А. Томилов. – Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2010. – С. 444-448.

Шульга П. И. Могильник скифского времени Локоть-4а. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2003. – 204 с.

Шульга П. И. Снаряжение верховой лошади и воинские пояса на Алтае. – Ч. I: Раннескифское время. – Барнаул: Азбука, 2008. – 276 с.

Шульга П. И., Уманский А. П., Могильников В. А. Новотроицкий некрополь: Монография. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2009. – 329 с.

Яценко С. А. Костюм ираноязычных народов древности и методы его историко-культурной реконструкции: дис. … док. ист. наук. – М., 2002. – 376 с.

Яценко С. А. Костюм древней Евразии: ираноязычные народы. – М.: Вост. лит., 2006. – 664 с.: ил. (Культура народов Востока: осн. в 1969 г.).

Čugunov K., Parzinger H., Nagler A. Der Goldschatz von Arzan. Fin Furstgrab der Skythenzeit in der sudsibirischen Steppe. – Munchen: Schirmer/Mosel, 2006. – 144 S., 78 Farbtafeln.

Курманкулов Ж. К., Торежанова Н. Ж.

Институт археологии им. А. Х. Маргулана,
Центральный государственный музей г. Алматы, Республика Казахстан

ПАЛИТРА БУС. ГОРОДИЩЕ ЧИРИК-РАБАТ (новые поступления в археологический фонд ЦГМ РК)

Желание человека украсить себя возникает еще на заре человечества. Многообразие мира, окружающего первых людей, волновало, пугало и заставляло их всматриваться в естественную красоту природы, наполненную красками, таинственными деталями, удивительными явлениями. Чистое, девственное тело наших предков воспринималось ими как продолжение природной среды, а значит, оно должно было дополняться деталями, аналоги которым содержал окружающий мир.

«Ожерелья» из когтей, клыков и зубов животных служили не только амулетами – оберегами, они являлись в определенной степени показателем храбрости и умения охотника (в те времена главного кормильца и добытчика), служили как бы знаком отличия сильнейшего, при ношении которых сила и ловкость зверя передавались человеку, т. е. были связаны с охотничьей магией. Выбор гладких, округлых камешков соответствующего размера, собирание красивых ракушек, сочетание их по форме и величие при нанизывании свидетельствовали о подступах к пониманию красоты, примитивном ощущении гармонии – об эстетических представлениях. В ходе динамика урбанизации приходит всё больше ощущение красоты формы, ритма и цвета изделий и начало творческого подхода к изготовлению бусин и подвесок разнообразных форм.

Бусы и подвески были наиболее распространенными украшениями. Чаще всего из бус составляли ожерелья, иногда браслеты. Крупные бусины могли служить пуговицами, изредка застежками или украшениями обуви. Кроме того, бусинами расшивали пояса и края одежды. Например, в богатом архаическом погребении воина на Березани золотые и сердоликовые бусы украшали пояс (Крыжицкий, 1987, с. 187).

Ожерелья составляли из бусин и подвесок, сделанных из разных материалов: цветных камней – лазурита, сердолика, агата, оникса, бирюзы, змеевика. Мастера придавали им разнообразную форму: цилиндрическую, дисковидную, бочковидную, ромбическую, биконическую, сферическую, трехгранно-призматическую, квадратов и т. п.

Скромные ожерелья состояли из стеклянных бус и бус-подвесок: нередко в них заключались бусины одной формы, но встречаются сочетания до шести – восьми разнообразных бус не только по форме, но и по материалу.

Материалы новых раскопок городища Чирик-Рабат (2004-2006 гг.) в нашей статье представлены ожерельем IV-II вв. до н. э., которое вместе с другими предметами было передано в фонды Центрального государственного музея в 2008 г. Описываемые материалы опубликованы в каталоге «Культура ранних кочевников Казахстана: каталог археологических коллекций». Серия: коллекции

Центрального государственного музея Республики Казахстан. – Алматы 2009. – 428 с.

Чирик-Рабат расположен на левом берегу реки Жанадария в 110 км к юго-западу от села Т. Кумекбаева Кармакшинского района Кызылординской области.

В статье мы рассмотрим несколько типов бус. Бусы встречались в культурных слоях джетыасарских городищ так и в погребальных комплексах. Набор бус чирик-рабатской культуры отличается обилием и разнообразием: из сердолика, из перламутра раковины, бусы с металлической прокладкой, гагата, из горного хрусталя, коралла, бисера и т. д., разнообразные бусы являлись обязательным дополнением одежды джетыасарских женщин.

Первая состоит из 84 стеклянных бус, черного, синего, зеленого цветов, округлой, бочкообразной, цилиндрической форм и бисеров (рис. 1).

Тип а. Шарообразные формы, диаметр бус колеблется от 0,8 до 1 см, и одна крупная бочкообразная диаметром 1,3 см, длиной 1,2 см.

Тип б. Цилиндрические черного цвета и нарезанные из трубочки таблетковидные, с двух сторон широкие сверлины. Их размер от 0,4 до 1,4 см. Ширина цилиндрического канала 5 мм.

Аналогичные восемь бус с Токкалы VII-XIII вв. и одна с Курганчи VI-VIII вв. кердерской культуры (Гудкова, 1973, с. 125), а также из памятников Центрального Предкавказья и Южной Осетии VIII-XI вв. (Деопик, 1959, с. 52-53), из кушанской Бактрии, городище Тепаишах (Литвинский, Седов, 1983, с. 148).

Тип в. Синие и зеленые мелкие стеклянные бусины, стекло полупрозрачное, хорошего качества, диаметром 0,4, 0,7 см. Аналогичны в Борисовским, Пашковском могильниках (Деопик, 1959, с. 52-53).

Тип г. Бисер имеет зонную форму, размер диаметром 3-4 мм. Рубленый бисер черного цвета является самым массовым видом стеклянных бус, выполненных из вытянутых трубочек заглушенного стекла. Поверхность гладкая, блестящая, чтобы получить такую качественную продукцию, его ссыпали в сосуд, наполненный мелким песком или золой, и нагревали.

Бисер издавна был наиболее распространенной формой стеклянных бус. Еще в конце I тысячелетия до н. э. – в первой половине I тысячелетия н. э. ареал его распространения охватывал территорию от Средней Азии до Крыма. В Средней Азии он был обнаружен при раскопках памятников Хорезма Джанбаскалы (III в. до н. э. – II в. н. э.), Аязкалы (I-II вв. н. э.), Топраккалы (III в. н. э.), в Крыму в районе Керчи (Глинище, I-II вв. н. э.), а также в других городах Северного Причерноморья бисер бытовал в позднеэллинистическое и римское время. Встречается он и в сарматских курганах нижней Волги и Кубани (Львов, 1968, с. 64-94).

Кроме **Типа в**, вне зависимости от размеров, все бусы были изготовлены из гагата органического происхождения, поддающегося полировке. Непрозрачный, в ювелирном деле гагат, называвшийся иногда, несмотря на его мягкость, «черной яшмой», согласно древнему преданию, представляет собой стадию превращения, достигаемую янтарем по прошествии тысячи лет. О том, что он был древесного происхождения, можно было определить по запаху, когда он

горел. На территории Средней Азии кусочки гагата носили маленькие дети, чтобы отпугивать злых духов (Шефер, 1981, с. 329). Несколько бус из черного агата были найдены и раньше в погребальном сооружении на городище Чирик-Рабат в результате полевых исследований Хорезмской экспедиции за 1958-1961 гг. под руководством С. П. Толстова (Толстов, 1963, с. 210), другие найдены в женском погребении № 16 из могильника Коныр-тобе (Смагулов, 2001, с. 96). В Хорезме они найдены в материалах раскопок Топрак-кала и Кават-кала (Гудкова, 1973, с. 56). Многочисленные аналогии имеются в материалах V-IX вв. из Юго-Восточной Европы и Северного Кавказа (Алексеева, 1984, с. 238). Гагат является хрупким материалом, и бусы не могли долго сохраняться у населения. Поэтому постоянное присутствие их в памятниках на протяжении многих веков говорит о существовании прочных и регулярных связей с центрами, изготовлявшими эти изделия, расположенными вблизи крупных месторождений гагата.

Во второй низке было 12 бус, разных по материалу: из горного хрусталя, сердолика, раковины каури и стеклянного паста (рис. 2).

Тип а. Позолоченные или бусы с металлической прокладкой зонной формы с широким отверстием, диаметр бус колеблется от 0,8 до 1 см (рис. 2). Техника изготовления бус с эллинистического времени до Средневековья фактически не менялась. На основу из прозрачного бесцветного стекла накладывался золотой листочек, затем бусина покрывалась тонким слоем бесцветного белого стекла. Надо отметить высокую технику изготовления бус и хорошее качество абсолютно бесцветного стекла, хотя была достачно сложной. Такая техника могла существовать только в центрах с развитым стеклоделием и требовала тонкого знания не только разнообразных приемов обработки стекла, но и ювелирного дела, поэтому изготовление подобных бус было большим достижением древних стеклоделов (там же). Позолоченные бусы, производство которых было освоено в Александрии еще в IV-II вв. до н. э., с этого же времени встречаются и в Северном Причерноморье. Интерес представляют позолоченные бусы северокавказских коллекциий, в Пашковском могильнике, Борисовском погребении и в комплексах Мингчауре, которые можно отнести к первой половине I тысячелетия н. э. (деопик, 1959, с. 55-56), и одна небольшая укороченно-цилиндрическая сильно иризованная золоченая бусина из афригидского памятника Кердера VII-VIII вв. (Гудкова, 1973, с. 125-137).

Тип б. Часть ожерелья составляют раковины каури конусовидной формы длиной 1,5 см, шириной 1 см, второе длиной 1,3 см, шириной 0,8 см. На их поверхности заметны ребристые полосы. Они все просверлены встречено.

Раковина каури с древнейших времен до наших дней употреблялась в качестве предметов украшения, а также оберега. Раковины каури во многих странах до последнего времени употреблялись также в качестве домонетного денежного средства. Например, среди народов Америки (индейцев), Африки, островов Океании и Меланезии (Джафаров, 1984, с. 60). Обнаружены раковины каури в ожерельях, амулетных наборах погребений могильника Коныр-тобе-I II-V вв. н. э., они отмечены в погребениях 1, 16, 42 (Байпаков, Смагулов, Ержи-

гитова, 2005, с. 54-116.). Какую бы функцию ни имели эти раковины среди местных племен древнего Казахстана, они свидетельствуют о существовании различных связей этих племен со странами Ближнего Востока.

Тип. г. Крупная бусина из горного хрусталя шарообразной формы диаметром 1,9 см, высотой 1,5 см. Горный хрусталь известен как материал для изготовления орудий с эпохи палеолита (1 млн лет – 12 тыс. лет назад). В римскую эпоху основными формами были гладкие шарообразные и плоские эллипсоидные. Под горным хрусталем мы понимаем чистый прозрачный кристаллический кварц, т. е. бесцветный природный кремнез. Его китайское название – «зародыш воды», напоминает о том, что этот минерал является окаменевшим льдом. Горный хрусталь – широко распространенный минерал, он высоко ценится только тогда, когда совершенно чист и прозрачен (Торежанова, 2007, с. 70). На поверхности поселения Токкалы (VII-XI вв.) найдена бусина из горного хрусталя с мутными прожилками в форме восьмигранной призмы с неравными гранями (Гудкова, 1973, с. 127-128). Близкие по аналогии бусины имеются и в средневековых археологических слоях XII-XIII вв. городища Шехр-Ислам (Южная Туркмения), сборах из Ахсыкета, коллекциях Мунчак-тепе и Афрасиаба (фонды Эрмитажа, Санкт-Петербург) (там же), а также в золотоордынских городах Поволжья и Сарайчике (Торежанова, 2007, с. 70). Археологические данные говорят о том, что местные племена поддерживали связи с отдаленными странами.

Связка из перламутровых бусинок. Огранка, сверление.

Бусины имеют цилиндрическую форму, одинаковый белый цвет с матовым блеском, длина бусинок от 0,3 до 0,6 см. В середине бусинок проделано сквозное округлое отверстие для нанизывания на нить диаметром 0,1 см (рис. 3).

Все бусины имеют одинаковый цвет, представлены карбонатным образованием органического происхождения (внутренняя часть раковин).

Перламутр представляет собой вещество внутреннего слоя раковин, обитающих в морях и пресноводных бассейнах.

Маленькая бусина в виде трехгранной пирамидки из перламутра. Ее высота 7 мм. Поделки из этого материала для II-III вв. известны на Гяур-Кале в Мерве. Перламутровые бусы известны у тюрок Семиречья в VI-VIII вв.

Аналогия – бусина перламутровая длиной 7 мм (Литвинский, Седов, 1983, с. 24). из некрополя Тепаи-Шах.

Бусы. Сердолик. Шлифовка, полировка, сверление (11 штук). Твердость 6-6,5. Излом неровный, раковистый (рис. 4).

Две круглые бусины диаметром от 1 до 1,8 см, две из них желто-коричневого, одна светло-коричневого цвета, со стеклянным блеском, в середине бус проделаны круглые сквозные отверстия диаметром 0,2 см.

Сердолик – один из наиболее популярных камней в древности, этому способствовало его широкое распространение в природе. Он встречается в Индии, Крыму, Бурятии, Хабаровском крае, Средней Азии. Традиционно считается, что сердоликовые бусы поступали из Индии (Левина, 1996, с. 224).

Сердоиковые бусы встречаются в Средней Азии и Казахстане начиная с бронзового века практически в любое время и в любом районе. Существование и шаровидной, и уплощенно-эллипсоидной форм хронологически не ограничено.

Аналогия – бусина из красно-коричневого сердолика из некрополя Тепаи-Шах. Канал просверлен с одной стороны. Полирована хорошо. Диаметр 14-15 мм (Литвинский, Седов, 1983, с. 24). Бусинки сердоликовые из Кызларкалинских погребений (там же, с. 152-160). Несколько штук бус и фрагменты найдены в погребальном сооружении Чирик-Рабат в результате археологических раскопок в 1958-60 гг. (Толстов, 1963, с. 210). Наиболее близкая аналогия-шаровидные Сердоликовые бусы в Хорезме в афригидское время, из Пенджикента в раннем средневековье. В Туркмении она отмечена в памятниках V-VI вв. Похожие шаровидной формы, с одного торца – сверлина, из городище Тепаи-шах (Литвинский, Седов, 1983, с. 159). На Памире такие бусы известны в гуннское время (погребение Аламышик), в Пенджикенте в раннем Средневековье. Сердоликовые бусы, около 50 штук, разнообразные по форме, обнаружены в погребальном сооружении из могильников Борижарский (первые вв. до н. э. и н. э.), Чоон Капка-I (III-II вв. до н. э.) и из некрополя Коныр-тобе-I (III-V вв. н. э.) (Байпаков, Смагулов, Ержигитова, 2005, с. 54-116). За пределами Средней Азии и Казахстана подобные бусы бытуют в IV-V вв. на верхней Кубани, в Грузии, в некрополе Самтавро они характерны для I-VII вв. н. э., а на Руси появились и использовались значительно позже, в X-XIII вв. (Джафаров, 1984, с. 60).

Коралловые веточки красновато-оранжевого цвета, длина от 1,3 до 2 см, толщина от 2,6 до 4,2 мм (рис. 5).

Коралловые бусы – одни из самых распространенных в могильнике. Они встречены из раннесредневековых некрополей Южного Казахстана в погребениях № 9, 18, 40, 42, 71, 24 – все они однотипны: миниатюрные, цилиндрической формы, различаются лишь размерами.

Из могильника Чоон капка-1 в катакомбе 10 на женском скелете выше запястий рук найдены браслеты из розового коралла (возможно, обшивка обшлагов рукавов платья) и из склепа 69 в области шейных позвонков найдены бусы из коралла (Байпаков, Смагулов, Ержигитова, 2005, с. 57-77).

Аналогия – бусина коралловая, розовая, в поперечном сечении близка к овалу (неправильная смято-цилиндрическая), длина 10 мм (Литвинский, Седов, 1983, с. 9).

Драгоценный красный коралл Средиземного моря, прославившийся во всем цивилизованном мире. Коралл, как об этом знали жители танского государства, также произрастает в южных морях; его ввозили в Китай из Персии и с Цейлона. Китайское название коралла, видимо, восходит к иранскому sanga «камень».

Красные кораллы с Запада еще с древних времен шли на кольца, браслеты и другие ювелирные изделия и на отделку поверхности иных ценных вещей (Деопик, 1959, с. 325-326).

В Хорезме средиземноморский коралл, чаще всего в виде розовых и красных отростков, появляется в начале нашей эры и остается довольно рас-

пространенным вплоть до IV в. Во II-III вв. коралл отмечен на Гяур-Кале в Мерве. Для раннего Средневековья коралловые бусы известны в Пенджикенте и на некрополе Байрамали (Гудкова, 1973, с. 129).

Коллекция чирик-рабатских бус уникальна, поскольку объединяет бусы самого разного происхождения: средиземноморские кораллы, индийские камни, позолоченные бусы, производство которых было освоено в Александрии, кавказский гагат и стеклянные бусы, происходящие из мастерских всех известных школ стеклоделия. Такое разнообразие нужно объяснять не только широкими торговыми связями, можеть быть немаловажна и роль посредников той эпохи, а также участие совместно с другими племенами в далеких военных походах.

Надо отметить, что в данной статье дана лишь краткая характеристика и приведены аналогии бус, однако за рамками исследования остались такие важные темы, как технология изготовления, культурно-экономические связи местных племен с государствами Передней Азиеи и Древним Востоком, импорт, пути, по которым бусы попадали на данную территорию. Это темы будущих исследований, мы надеемся, что использование новых археологических материалов позволйт, наряду с другими не менее важными вопросами древней истории Казахстана, полнее ответить и на эти вопросы.

Рис. 1,2. Ожерелья. ЦМК КП-27169/11

Рис. 3. Связка из перламутровых бусинок. ЦМК КП 27072/1-1214

Рис. 4.Бусы.Сердолик. ЦМК КП 27082/1-11

Рис.5. Кораллы (три фрагмента). КП-27169/12.

Литература

Алексеева Е. М. Бусы и подвески // Археология СССР. Античные государства Северного Причерноморья. – М.: Наука, 1984. – С. 238.

Байпаков К. М., Смагулов Е. А., Ержигитова А. А. Раннесредневековые некрополи Южного Казахстана. – Алматы, 2005. – С. 54-116.

Гудкова А. В. К изучению раннекердерских бус (VII-VIII вв.) // Вопросы антропологии и материальной культуры Кердера. – Ташкент: Фан, 1973. – С. 132.

Деопик В. Б. Классификация бус Северного Кавказа IV-V вв. // Советская археология. – № 3. – М., 1959. – С. 52-53.

Джафаров Г. Ф. Связи Азербайджана со странами Передней Азии в эпоху поздней бронзы и раннего железа (по археологическим материалам Азербайджана). – Баку: Элм, 1984. – С. 60.

Крыжицкий С. Д. Культура населения Ольвии и ее округи в архаическое время. – Киев, 1987. – С. 176.

Левина Л. М. Этнокультурная история Восточного Приаралья. – Москва, 1996. – С. 224.

Литвинский Б. А., Седов А. В. Тепаи-Шах. Культура и связи кушанской Бактрии. – М., 1983. – С. 148-160.

Львова З. А. Стеклянные бусы старой Ладоги // Археологический сборник. Вып. 10. – Л.: Советский художник, 1968. – С. 64-94.

Смагулов Е. А. Амулетные наборы из погребений некрополя городища Коныртобе в Отрарском оазисе // История материальной культуры Узбекистана. Вып. 32. – Ташкент, 2001. – С. 96.

Толстов С. П. Полевые исследования Хорезмской экспедиции в 1958-1961 гг. – № 1. – М., 1963. – С. 210.

Торежанова Н. Ж. Магия камней и украшений // Культура SHAHAR № 2 (14). – Алматы, 2007. – С. 70.

Шефер Э. Золотые персики Самарканда. – М., 1981. – С. 329.

Өсеров Т. О.

«Әзірет Сұлтан» мемлекеттік тарихи-мәдени қорық мұражайы,
Археология және ескерткіштерді қорғау бөлімінің ғылыми қызметкері

ТАЛДЫСУ ЖӘНЕ ЖАСАЖЫРЫҚ ОБАЛАР ҚОРЫМЫНДА ТАБЫЛҒАН ҚОЛА АЙНАЛАРҒА ЖАЛПЫЛАМА ШОЛУ

«Әзірет Сұлтан» мемлекеттік тарихи-мәдени қорық мұражайының Археология және ескерткіштерді қорғау бөлімі мен Қазақстан Республикасының Орталық музейінің қызметкерлері (т. ғ. к. Ә. К. Ақышев, т. ғ. к. М. Қ. Тұяқбаев, Х. Айтқұл, Т. О. Өсеров.) Оңтүстік Қазақстан облысы, Түркістан ауданы, Майдантал ауылдық округіне қарасты Талдысу алқабында, 27.06.2011-07.09.2011 жж. мерзімі аралығында археологиялық зерттеу жұмыстарын жүргізді.

Қазақстан Республикасының Орталық музейінің қызметкерлері (т. ғ. к. Ә. К. Ақышев, Х. Айтқұл,) мен «Әзірет Сұлтан» мемлекеттік тарихи-мәдени қорық мұражайы (т. ғ. к. М. Қ. Тұяқбаев., Т. О. Өсеров.) бірігіп ұйымдасқан Қаратау археологиялық отряды 2011-2013 жж. аралығында Оңтүстік Қазақстан облысы, Түркістан ауданы, Майдан тал ауылдық округына қарасты Талдысу және Жасажырық обалар қорымында археологиялық қазба жұмыстарын жүргізді.

2011 ж. Талдысу тау аралығы жазығында орналасқан № 2 обадан нашар сақталған қола айна табылған болатын. Айнаның ұстайтын сабының ұзындығы 10см, сабының төменгі жағы сүйірленіп, оның төменгі жағының ені 2 см, жоғарғы жағы 3 см жалпақтау болып келеді. Айнаның өз өлшемі – 16х15,5 см.

2013 ж. Жасажырық обалар қорымында орналасқан № 3 обадан табылған қола айна жақсы сақталған. Тек айна сабының төменгі бөлігі сынған, сабының ұзындығы 9 см, жоғарғы жағының ені 2 см, төменгі жағы 3 см доғалданып сыртқа шығынқы болып келеді. Айнаның диаметрі 15х12 см.

Негізінен ұзын сапты айналар Қазақстанда сирек кездеседі. Талдысу және Жасажырық обалар қорымынан табылған қола айналар б. з. д. V-IV ғғ. аралығына жататындығы салыстырмалы анализ әдісімен анықталды.

Тәуелсіз Мемлекеттер Достығы одағының Еуропалық территориясындағы қола айна түрлерінің даму тарихын М. И. Ростовцев, П. Рау, Т. Н. Книпович және т. б. зерттеген. Олар қолда бар деректерді пайдалана сармат айналарының шығу тегі мен дамуын зерттеді. Бұл зерттеулерде Орта Азия территориясынан табылған айналарда пайдаланылды. Орта Азияның айналар тарихының кейбір мәселелері П. Рау, М. И. Ростовцев, Т. Н. Книпович және т. б. еңбектерінде көрініс тапты (Ростовцев, 1918, 70-73 бб.).

Ұстайтын сабы ұзын айналар скиф-сарматд әуірінде Кубан, Еділ бойы, Орал маңында кең тараған. В. П. Шиловтың ойынша «мұндай айналардың Солтүстік қара теңіз маңынан табылуы олардың шығу тегі грекиялық екенін көрсетеді, яғни Еділ бойы тайпаларының Грекия қалаларымен байланысы болғандығын көрсетеді» (Шилов, 1963, 434-438 бб.). Бірақ бұл тұжырым қолданысқа енбеді. К. Ф. Смирнов көрсеткендей бұл айналар Орта Азияға ежелгі Иран территориясыннан келген (айналардың отаны Орта Азияда болуы мүмкін,

осы жақтан скифтер мен сарматтарға тараған). К. Ф. Смирновтың бұл ойы басқа зерттеушілерден қолдау тапты (Смирнов, Москва, 1964, 152-160 бб.).

Негізінен сабы бар айналар қола дәуірінде шығыста кең тараған. Сондықтан олар Орта Азиямен шекаралас елдерде қолданылды. Орта Азияда мұндай айналар Жетісу, Ферғана, оңтүстік Тәжікстанда кездеседі.

Жетісудағы Сұқылық көмбесінен табылған ұзын сапты айналар б. з. д. II мыңжылдықтын соңы, Садовое ауылында табылған осындай айналар б. з. д. II мыңжылдықтың соңымен I мыңжылдықтың басымен мерзімделеді.

Ғалым Е. Е. Кузмина мұндай типтегі айналар далалық тайпаларда Анаулықтармен өзара байланыстар нәтижесінде пайда болған және айналардың солтүстікке таралуына оңтүстіктің жер өңдеушілерімен тығыз байланыста болған Чуст мәдениетінің өкілдері өз септігін тигізген деген пікір білдіреді.

Далалық тайпалар арасында айналардың бұл түрлерінің таралуына тек Чуст мәдениеті ғана емес, Вахш мәдениетінде ықпал етті. Көшпенділер бұл айналарды тек пайдаланып қана қоймай оларды кейбір өзгерістерге де ұшыратты (Литвинский, 1971, 34-40 бб.).

Айналардың бұл түрі кейінен скифтермен сарматтарда да кеңінен таралған. К. Ф. Смирновтың ойынша бұл айналар Орта Азияның кейінгі қола дәуірінің жалғасы болып табылады. Орта Азияда б. з. д. VI-IV ғғ., ал, Скифтер мен Сарматтарда бұл айналар б. з. д. V-III ғғ., ескерткіштерінде кездеседі.

Айнаның символикалық және ғұрыптық рөлі туралы жан-жақты жазылған соңғы жұмыстардың бірі Сақтардың діни көзқарастарына арналған. Далалық аймақтағы және Орта Азияның ежелгі көшпенділерінің жерлеу орындарынан да айналардың көптеген жиынтығы кездеседі. Негізінен олар жерлеу орындарына сындырылып немесе беті теріс қаратылып қойылады себебі, айнаның шағылысуы ежелгі адамдарда о дүниемен байланыс жасау деген түсінігін қалыптастырған. Сондықтан, айнаны өмір мен өлім құдайларының құралы ретінде де қарастыруға болады. Орта Азияның ежелгі айналары негізінен қола дәуіріндегі әйелдердің жерлеу орындарында кездеседі. Бертін келе осы үрдіс Орталық Азияның далалық тайпаларының өмірінде көрініс ала бастады. Қазақстанның солтүстік Арал аймағында домалақ қола айналарды жерлеу орындарына қою дәстүрі б. з. д. VII-V ғғ. сақтарда кездеседі. Бұл ерте Сақ мәдениеті Түгіскен және Ұйғарақ қорымдарында көрініс тапқан, сонымен бірге, Сырдария бойындағы кішігірім отырықшы елді мекендерде де кездеседі (Сулейманов, 2000, 283-284 бб.).

Ежелгі көшпенділердің зираттарында да айналардың табылуы жиі кездеседі. Археологиялық қазба кезінде табылған бүтін және бүлінген сынық айналардың табылуы ежелгі көшпенділерде айнаның үлкен тылсым діни мәнге ие болғандығын көрсетеді. Мұнда айналарды бүтіндей немесе жартылай қабірге мүрдемен қоса жерлеу, жерленген айна иесінің рухымен байланысты (Хазанов, 1964, 91-94 бб.).

Сонымен бірге жерлеу қабірлерінде айнаның мүрдемен бірге қойылуы туралы бірнеше жорамалдар айтуға болады. Айналар қымбат дүние болған-

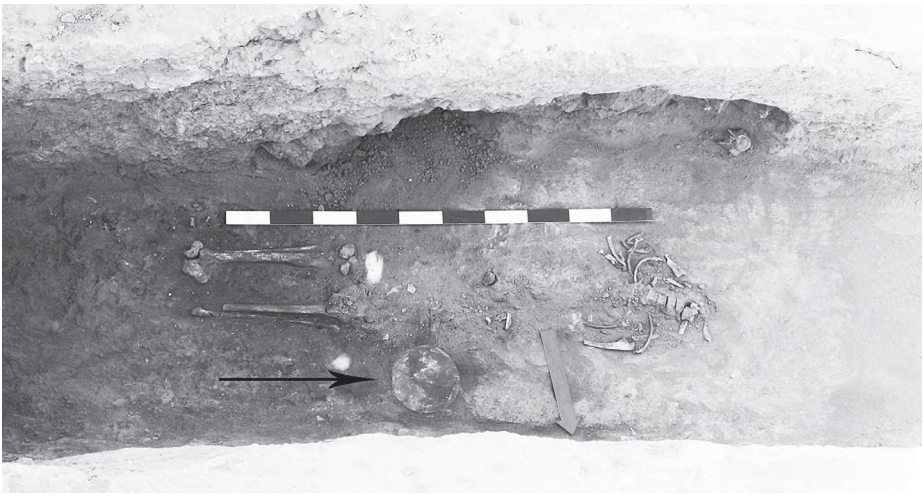
дықтан ерте көшпенділердің әрбір әйелінде де болмауы мүмкін. Бұл жағдайдан көшпенділер арасында теңсіздіктің болғандығын байқауға болады. Егер айна қойылуы керек деген қағида болса, онда зат иесінің қалауымен артынан қалған адамға мұра есебінде қалдыруы мүмкін деген болжам да жасауға болады. Бірқа бірден бірнеше айналардың табылуы жерленген адамның өзі өмір сүрген қоғамда алған жоғарғы орнын көрсетеді немесе жаңадан өлген адам арқылы тірі адамдардың бұрынырақ бақилық болған ата-бабасына аманат ретінде жіберген айналары да болуы мүмкін. Бір затты өлген адам арқылы о дүниеге жіберу этнографияда жиі кездеседі (Дьяконова, 1975, 44-45 бб.).

Қабірге айнаның сынығын қою дәстүрі қайтыс болған айна иесінің жаның босату немесе азат ету түсінігінен туындаса керек (Хазанов, 1964, 94 б.).

Қытайдың қоладан жасалған бұйымдарын зерттеуші А. В. Марукаев Сібірдегі қабірлерден айна сынықтарының көптеп табылуы сырттан әкелінген затардың құнының жоғарлығына байланысты болуы және сынған айналарды жаңа айнаға ауыстыруыдың қиындығынан туындауы да мүмкін, сонымен бірге, айна сынықтарының мүрдемен бірге жерленуі, бүкіл Азиядағыдай, Сібірде де өлген адамның жақындарынан естелік ретінде сындырылып, бірге көміліп отырған болуы мүмкін деген тұжырым айтады (Маракуев, Томск, 1947, 171 б.).

Айна кей жағдайларда сиқырлы құрал ретінде адам өлмей тұрып пайдаланылған. Этнографиялық деректер (Хедаят, 1958, 263-272 бб.), жазба деректер (Тревер, 1940, 77 б.), айна бетіндегі жазулар (Стратанович, Москва, 66-100 бб.) айнаны жамандықтан қорғау, сақтау құралы ретінде жақсылықтың нышаны деп қабылдағандығын көрсетеді, сондықтан, айнаға жамандық жасау адамның кейінгі өміріне кесірін тигізуі мүмкін деген сенім қалыптасқан (Кузнецова, Москва, 1988, 52-61 бб.).

№	Заттың табылған жері	Заттың түрі
1	1. Қырғызстан. Алай қорымы Кара-Швак. б. з. д. V-III ғғ. 2. Қазақстан. Оңтүстік Қазақстан облысы. Түркістан ауданы, Майдантал ауылдық округы. Талдысу обалар қорымы. № 2-оба. Қола айна б. з. д. V-IV ғғ.	 1 2
2	1. Ресей. Орынбор облысы. Илек. Мечетсай обалар қорымы. Б. з. д. V ғ. 2. Қазақстан. Оңтүстік Қазақстан облысы. Түркістан ауданы, Майдантал ауылдық округы. Жасажырық обалар қорымы. № 3-оба. Қола айна б. з. д. V-IV ғғ.	 1 2

1 сурет. Талдысу обалар қорымы. № 2-оба

2 сурет. Жасажырық обалар қорымы. № 3-оба

Әдебиеттер

Дьяконова В. П. Погребальный обряд тувинцев как историко-этнографический источник. – Л.: Наука, 1975. – С. 44-45.

Кузнецова Т. М. Зеркала в погребальном обряде сарматов. //Советская археология. М. – Изд-во АН СССР, 1988. – С. 52-61.

Литвинский Б. А. Материальная культура Таджикистана // Хронология и классификация среднеазиатских зеркал. – Душанбе,1971, – С. 34-40.

Маракуев А. В. Китайские бронзы из Басандайки // Басандайка: – Томск, 1947. – С. 171.

Ростовцев М. И. Курганные находки Оренбургской области эпохи раннего и позднего эллинизма (МАР, № 37). П., 1918, – С. 70-73.

Садек Хедаят. Нейрангистан // Переднеазиатский этнографический сборник. – Т. I. М.: Изд-во АН СССР, 1958. – С. 263-272.

Смирнов К. Ф. Савраматы. Ранняя история и культура сарматов. – М., 1964. – С. 152-160.

Стратанович Г. Г. Китайские бронзовые зеркала: их типы, орнаментация и использование // Восточно-азиатский сборник. – М.: Изд-во АН СССР, 1961. – С. 66-100.

Сулейманов Р. Х. Древний Нахшаб. – Самарканд – Ташкент: – Издательство «Фан» АНРУ, 2000. – С. 283-284.

Тревер К. В. Памятники греко-бактрийского искусства. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1940. – С. 77.

Хазанов А. М. Религиозно-магическое понимание зеркал у сарматов // СЭ. 1964. – № 3. – С. 91-94.

Хазанов А. М. Религиозно-магическое понимание зеркал у сарматов // СЭ. – 1964. – № 3. – С. 94.

Шилов В. П. Калиновский курганный могильник. – МИА. – № 60, – М., 1963. – С. 434-438.

Смагулов Т. Н., Пересветов Г. Ю., Айлыбаев Т. К.

Павлодарский государственный педагогический институт,
Институт археологии им. А. Х. Маргулана,
Павлодарский областной историко-краеведческий музей им. Г. Н. Потанина
г. Павлодар, Республика Казахстан

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ИТОГИ РАСКОПОК КУРГАНОВ РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА У П. КЫЗЫЛТАН

В 2012-2013 гг. Иртышской археолого-этнографической экспедицией Института археологии им. А. Х. Маргулана и Павлодарского государственного педагогического института проведены охранные раскопки могильника у п. Кызылтан в Качирском районе Павлодарской области.

Памятник расположен в 2 км к северо-западу от п. Кызылтан и 5 км к северо-востоку от села Байконыс, в 50 м к северу от трассы Павлодар-Омск (рис. 1, *1*). Состоит из 19 земляных курганов диаметром 10-24 м, выс. 0,2-0,5 м, расположенных двумя группами. Первая группа курганов раннего железного века, сосредоточена в восточной части некрополя на краю небольшой ложбины

и сконцентрирована вокруг сдвоенного кургана № 10. Вторая группа курганов средневекового периода, находится в западной части могильника в виде цепочки, ориентированной с ЮВ на СЗ.

Курганы раннего железного века представлены как одномогильными погребениями в кургане, так и многомогильными под одной насыпью.

В 10 курганах, два из которых сдвоенные (кур 10, 11), исследовано более 100 погребений. Основную массу составляют одиночные захоронения, однако встречаются парные (5 случаев и в 2 случаях тройное погребение) и ярусные (10 случаев); 6 погребений совершены на уровне древней дневной поверхности, из которых одно представлено ритуальным захоронением человеческого черепа; 12 могил представлены кенотафами без погребения человека. При этом кенотафы, как правило, имеют непотревоженное перекрытие, что исключает ограбления. Процент ограбленных могил невелик – всего 7 погребений в 9 курганах. Наибольший процент ограблений выявлен в сдвоенном кургане № 11 (25 могил из 42). В основном ограблены центральные могилы крупных размеров. В кургане № 10 три боковые могилы, видимо, были разрушены в недавнем прошлом, в ходе строительства автодороги. Над могилами и в заполнении находился строительный мусор и смола.

Погребальный обряд могильника Кызылтан в целом однотипен. По обряду захоронения представлены два типа погребений – погребения в яме и погребения на уровне древней поверхности.

1 тип. Грунтовые погребения в яме.

Примерно в половине погребений присутствуют деревянные конструкции. Это простые перекрытия в один-два слоя (в двух могилах перекрытие состояло из 6 и 9 слоев) продольно уложенных бревен, покоящихся как на уступчиках у дна могилы, так и без уступов (рис. 1, *5, 6, 8*). Бревна концами, видимо, упирались в торцовые стенки могилы. В нескольких случаях в могилах зафиксированы деревянные рамы на дне могилы, перекрытые поперечными досками (рис. 1, *8*). Некоторые бревна перекрытия имели незначительные следы обугливания.

Погребенные находятся в довольно глубоких могилах (около 2-3 м от уровня древней поверхности) в положении вытянуто на спине.

Ориентация погребенных неустойчива. Преобладает юго-западная, затем северо-западная и западная. Присутствует также ориентация в восточный сектор с различными отклонениями к северу и югу.

В ногах погребенного всегда находился один, в редких случаях два керамических сосуда, при этом, как правило, один расположен у ступней, второй у колена. В голове керамика обнаружена лишь в трех случаях.

Инвентарь могильника Кызылтан немногочислен и представлен керамическими и каменными пряслицами (всего 14 шт.), есть несколько крупных бусин из непрозрачного стекла и сердолика, четыре каменных жертвенника и один точильный камень без сквозного отверстия для подвешивания. Предметы вооружения представлены костяными наконечниками стрел. Практически все они

втульчатые, трехгранные. В центральной могиле кургана № 8 обнаружен набор из 29 костяных и одного трехлопастного черешкового железного наконечника.

В центральных могилах, несмотря на почти полное ограбление, найдены немногочисленные костяные и металлические изделия, выполненные в зверином стиле, – это бронзовая поясная пластина со сценой терзания грифоном лошади, костяная пуговица с трехсторонним изображением морды тигра и костяная пластина с резным изображением архара (рис. 2; *16, 17, 18*).

В некоторых погребениях обнаружены немногочисленные золотые нашивные бляшки с растительным орнаментом и гофрированные пронизки в виде трубочки из золотой фольги. Кроме того, найдены различные по форме пластины из золотой фольги, которые, видимо, являлись частью украшений головного убора и одежды. К сожалению, данные пластинки обнаружены в виде скоплений или одиночно в полностью разграбленных погребениях, поэтому определить их точное предназначение не представляется возможным.

Одним из ярких предметов является плохо сохранившееся деревянное плоское изделие размерами примерно 1х0,50 м в погребении-кенотафе в кургане 17. По краям изделия крепились две вырезанные из золотой фольги фигурки козла. От них, по краю, шла нить из гофрированных пронизок, выполненных из тонкой золотой фольги. В центральной части изделия находились длинные гофрированные плоские пластинки из золотой фольги, образующие некий орнамент, достоверно определить который ввиду нарушенности изделия лисьей норой и плохой сохранностью сейчас затруднительно.

Самую многочисленную категорию инвентаря составляет керамика (рис. 2, *1-8*, *11, 12)*, которая обнаружена практически во всех погребениях. Все сосуды ручной лепки, причем довольно грубой, с неравномерным обжигом. Присутствует как плоскодонная (основная часть), так и круглодонная керамика или с уплощенным дном. Большинство сосудов средних размеров, встречаются совсем маленькие сосудики (рис. 2*, 5*). Посуда крупных размеров немногочисленна. Несколько сосудов имеют от двух до четырех боковых ручек и отверстия для подвешивания. Один керамический сосуд выполнен в виде имитации котла. Орнамент на посуде представлен различными вариациями горизонтальной елочки, имитацией швов на кожаной посуде, а также различными вдавлениями в виде точек. Основная масса посуды неорнаментирована.

Среди керамических изделий вместе с кувшинами встречаются немногочисленные небольшие по размерам глиняные курильницы (рис. 2, *9, 10*). У всех на одной из сторон имеется сквозное отверстие (в нескольких случаях по два, в одном случае четыре отверстия). Дно со следами нагара. У некоторых изделий на внутренней стороне дна имеется конусовидный выступ.

В районе головы практически во всех могилах погребенного сопровождают кости жертвенного животного. Это всегда задняя нога овцы в сочленении с тазовой костью (фото 2, *1, 2, 3*). При этом, во всех случаях фаланги с копытами намеренно отделены от костей ноги и попарно положены в разные части могилы

(фото 2, *2, 3*). Таких пар может в погребении находиться от одной до 8. В этом случае фаланги расположены вокруг погребенного, в голове, с обеих сторон, в р-не таза и в ногах. Жертвенная овечья нога находилась как в мужских, так и в женских погребениях, а также сопровождала детские погребения. Отмечено, что при погребенных зрелого возраста находились кости крупных, взрослых баранов, тогда как в детских и погребениях старческого возраста находились кости молодых баранов или ягнят. Интересно, что во всех кенотафах при отсутствии скелета погребенного соблюдены все правила погребального обряда. Под перекрытием из бревен или досок, на дне могилы, там, где должны располагаться ноги погребенного, находился керамический сосуд или фрагменты сосуда, а в голове находится задняя нога овцы и отдельно лежащие фаланги с копытами.

Кроме овечьих костей в двух случаях присутствуют кости лошади. В могиле 13 кургана 10 среди костей подростка найдена подкопыточная кость лошади, и в могиле 3 кургана 8 на груди погребенного лежала лошадиная лопатка.

Кроме отдельных костей лошади, в кургане 11 над мог. № 6, представляющей кенотаф, в анатомическом порядке были уложены кости неполного скелета лошади с черепом.

2-й тип. Несколько отличным, от основного погребального обряда в могильнике Кызылтан выделяются погребения на древней поверхности в курганах № 2, 3, 4. Погребенные находились как в положении вытянуто на спине (курган 3), так и скорчено на левом боку (курган 4). Во всех случаях под насыпями имеются следы огня в виде мощных прокалов. В кургане 3 в центре площадки находился разрозненный скелет погребенного, который, судя по расположению костей ног, находился в положении вытянуто на спине головой на ЮЗ. Вокруг погребенного были следы подквадратной площадки из мощных прокалов. В северо-западной части прокала, также на древней поверхности лежал разрозненный скелет младенца. Рядом с ним обнаружена керамическая миска, орнаментированная косыми насечками по верхней части сосуда. В кургане 4, под насыпью, к юго-западу от полностью ограбленной погребальной камеры, на древней поверхности в положении скорчено на левом боку находился скелет погребенного (рис. 1, *3*; фото 2, *1*). В ногах стоял керамический сосуд, орнаментированный поясом жемчужника под венчиком. Слева от погребенного обнаружены массивный каменный жертвенник (рис. 2, *14*) и оселок без сквозного отверстия для подвешивания. За головой погребенного лежали ребра лошади, задняя нога овцы с тазовой костью и железный нож. Подобный погребальный обряд близок к таковому в локальных памятниках Центральной Барабы, где исследовано 12 погребений в трех могильниках (Могильников, 1997, с. 21). В кургане 1, мог. Здвинск-1, под насыпью, рядом с погребальной камерой, окруженной кольцом из ярко-красной прокаленной глины, на уровне древней поверхности находились сильно обгорелые костяки женщины и ребенка. Женщина лежала на правом боку головой на ЮЗ. Рядом находились каменный жертвенник, большеречинский сосуд и ребра коровы. Под северо-восточной

полой насыпи того же кургана, также на древней поверхности, обнаружены пять костяков без сопровождающего инвентаря. Н. В. Полосьмак аналогии данному кургану усматривала в курганах саков Приаралья, савромат и ранних сармат Приуралья (Могильников, 1997, с. 21). По мнению В. А. Могильникова, курган мог. Здвинск-1 отражает контакты большеречинского населения Барабы с саргатцами и возможно с ранними сарматами (Могильников, 1997, с. 21). Погребения на древней поверхности со следами ритуального костра в могильнике Кызылтан-I, вероятно, также отражают инокультурный компонент, связанный, скорее всего, с ранними сарматами.

В целом погребальный обряд в курганах раннего железного века могильника Кызылтан I, как и инвентарь, полностью идентичен материалам Леонтьевского могильника в Успенском р-не Павлодарской области (Арсланова, 1968), датированного IV-II вв. до н. э. Кроме того, в Павлодарской области в разные годы было исследовано несколько погребений с аналогичным погребальным обрядом, датирующимся в пределах IV-II вв. до н. э. (Пересветов, 2003, с. 78-83; 2011, с. 207, 208).

Кызылтанские материалы также очень близки памятникам IV-II вв. до н. э. каменской и саргатской археологической культуры Обь-Иртышского междуречья (Могильников, 1997; Шульга, 2003; Шульга, Уманский, Могильников, 2009; Горбунов, Тишкин, Фролов, 2001 и др.).

Аналогии к западу от Иртыша, где имела распространение тасмолинская археологическая культура, нам пока неизвестны ввиду слабой изученности тасмолинских памятников второй половины I тыс. до н. э. – IV-II вв. до н. э. Памятники коргантасского типа также пока не дают аналогий, однако здесь интересно отметить одну черту. В могиле 3 кургана 8 мог. Кызылтан на груди погребенного лежала лошадиная лопатка, что нехарактерно для остальной группы кызылтанских погребений (интересно, что на костях ног подростка в этой же могиле была положена овечья нога, как и в остальных погребениях этого могильника). Обычай положения на грудь или пояс погребенного лошадиной лопатки был характерен как раз для памятников коргантасского типа, распространенных на юго-западе Павлодарской области (Бейсенов, 1997, с. 13). Возможно, что в могиле 3 кургана 8 мог. Кызылта, мы имеем некоторую связь иртышских памятников степного Прииртышья с памятниками коргантасского типа. В этом случае можно предполагать на определенные контакты с юго-западными племенами северо-восточной Сарыарки во второй половине I тыс. до н. э. В целом же кызылтанские материалы тяготеют к памятникам Кулунды. Это хорошо видно на примере керамического материала, имеющего близкие формы с каменской посудой. Круглодонные же сосуды близки к саргатской посуде IV-II вв. до н. э.

Таким образом, хронологическую принадлежность курганов раннего железного века могильника Кызылтан ввиду малочисленности инвентаря, датирующегося к тому же в широких хронологических рамках, предварительно можно отнести к концу I тыс. до н. э. – IV-II вв. до н. э.

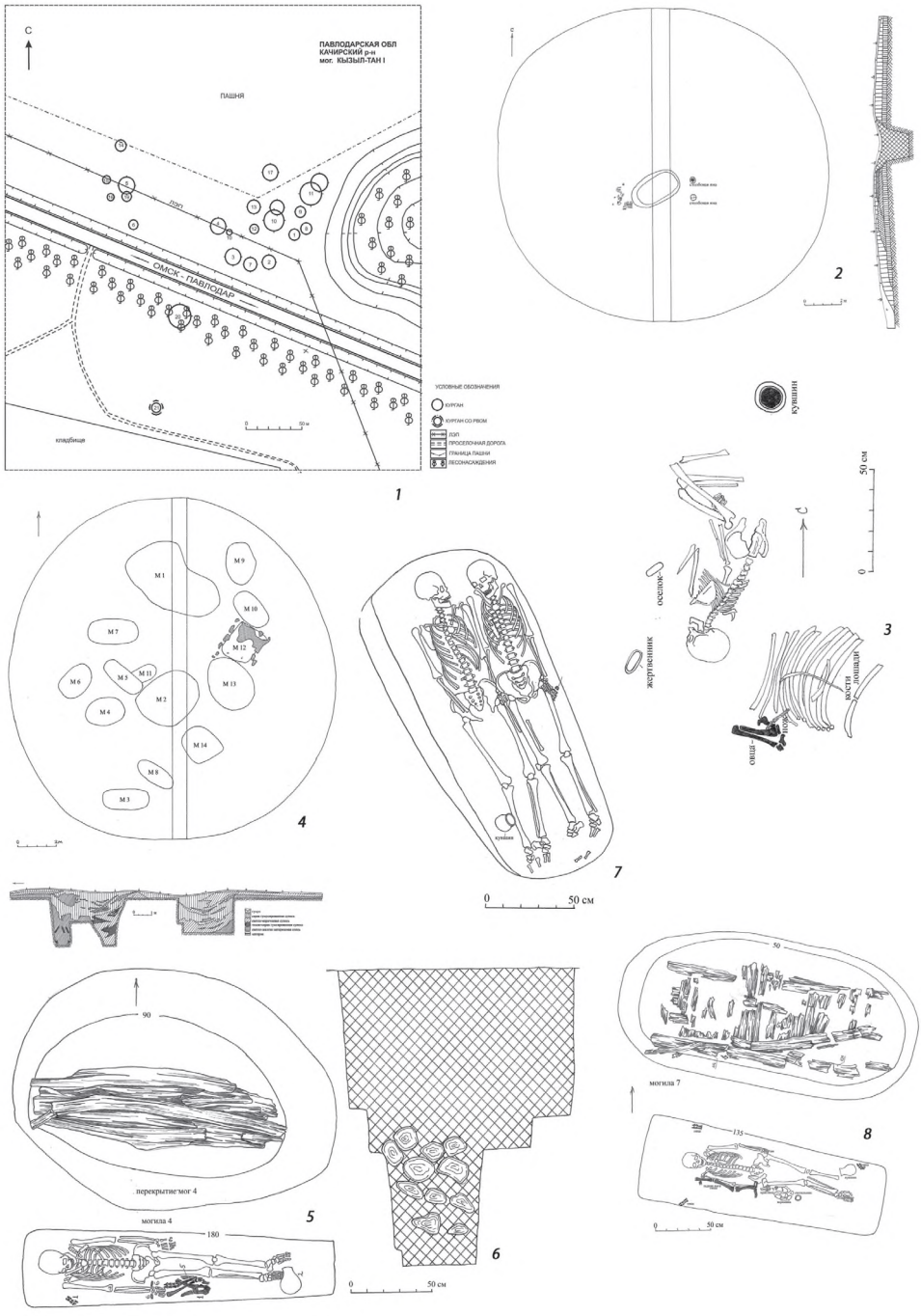

Рис. 1. 1 – план мог. Кызылтан; 2,3 – план раскопа и погребения кур. № 4; 4 – расположение могил в кур. № 7; 5,6 – план погребения и перекрытия в мог. № 4, кур. 7; 7 – мог. № 10, кур. 7; 8 – перекрытие и погребение в мог. № 7, кур. 7

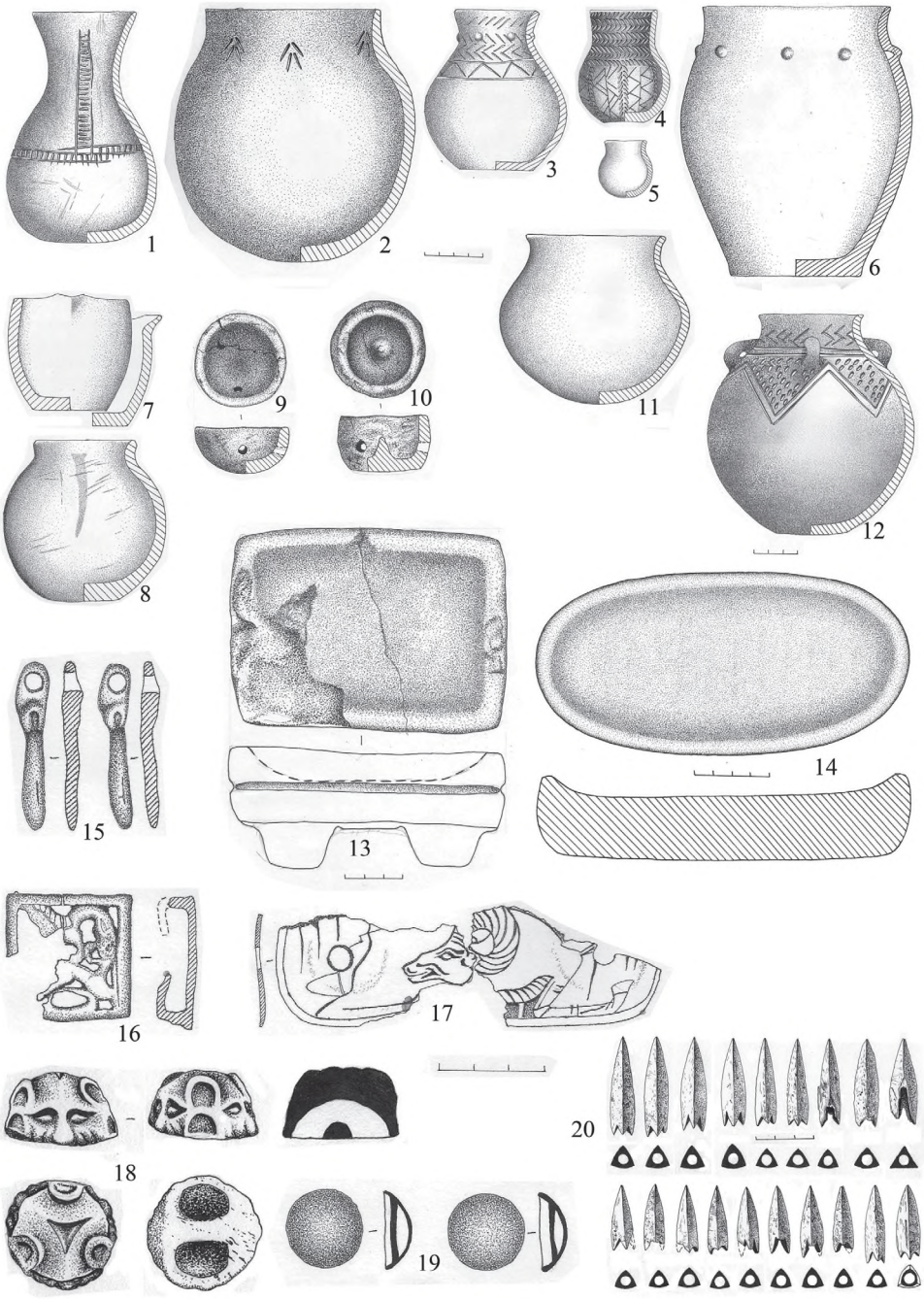

Рис. 2. 1 – кур. 10, мог. 2; 2 – кур. 8, мог. 2; 3 – кур. 7, мог. 2; 4 – кур. 10, мог. 4; 5 – кур. 8, мог. 4; 6 – кур. 4; 7 – кур. 7, мог 12; 8 – кур. 7, мог 6; 9 – кур. 10, мог 5; 10 – кур. 7, мог. 7; 11 – кур. 1; 12 – кур. 1; 13 – кур. 11, мог 2; 14 – кур. 4; 15, 16, 17, 19 – кур. 10, мог. 10; 18,20 – кур. 8, мог. 1

Фото 1. мог. Кызылтан. Перекрытия. 1 – кур. 1; 2 – мог. 32, кур. 10; 3 – мог. 13 , кур. 7

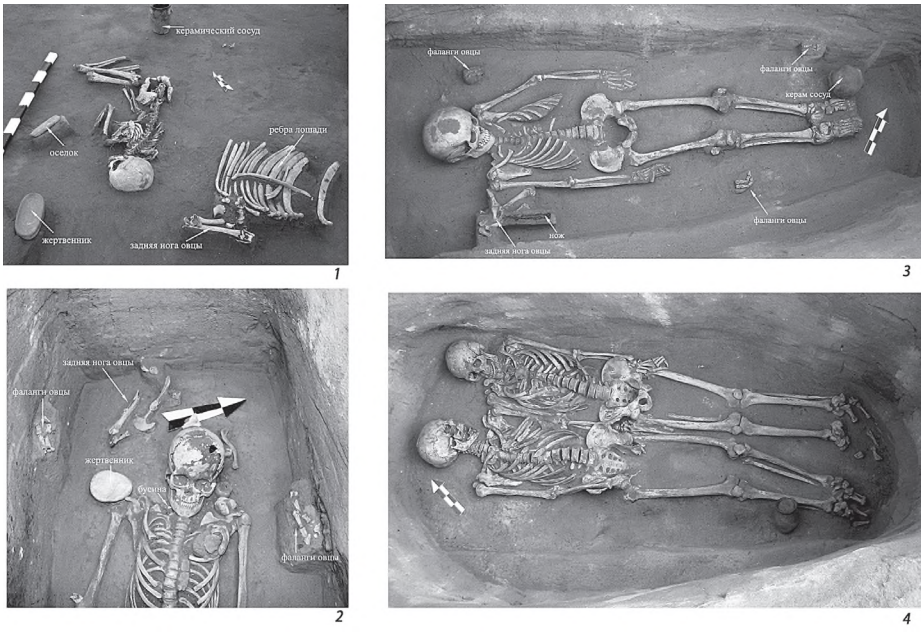

Фото 2. мог. Кызылтан. Типы погребений. 1 – кур. 4; 2 – кур. 1; 3 – мог. 6, кур. 7; 4 – мог. 10, кур. 7

Литература

Арсланова Ф. Х. Могильник ранних кочевников на правобережье Иртыша // Известия Академии наук Казахской ССР. – А-А., 1962. – Вып 2. – С. 77-93.

Бейсенов А. З. Погребальные памятники и культово-ритуальные сооружения древних номадов Центр. Казахстана: авт. дис. к. и. н. – Алматы, 1997. – 26 с.

Горбунов В. В., Тишкин А. А., Фролов Я. В., Дашковский П. К. Аварийные раскопки на курганном могильнике Иня-3 // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. – Барнаул, 2001. – Вып XII. – С. 101-104.

Могильников В. А., Куйбышев А. В. Курганы «Камень II» (Верхнее Приобье) // Советская археология. – 1982. – № 2. – С. 113-134.

Могильников В. А. Население Верхнего Приобья в середине – второй половине I тыс. до н. э. – М., 1997. – 195 с.

Пересветов Г. Ю. Новый памятник IV-II вв. до н. э. из села Тлектес // Культурное наследие Павлодарского Прииртышья. – Павлодар, 2003. – С. 78-83.

Пересветов Г. Ю. Жертвенные животные в погребениях раннего железного века на Иртыше // Независимый Казахстан: история, современность и перспективы. – Павлодар, 2011. – С. 201-208.

Шульга П. И. Могильник скифского времени Локоть-4а. – Барнаул, 2003. – 204 с.

Шульга П. И., Уманский А. П., Могильников В. А. Новотроицкий некрополь. – Барнаул, 2009. – 329 с.

Тұяқбаев М. Қ.

«Әзірет Сұлтан» тарихи-мәдени қорық мұражайы, Түркістан қ. Қазақстан

ТҮРКІСТАН АРХЕОЛОГИЯЛЫҚ ЖАСАҒЫНЫҢ 2013 Ж. АТҚАРҒАН ЖҰМЫСТАРЫ

2013 жылғы археологиялық зерттеу жұмыстары «Мәдени мұра» бағдарламасы аясында Түркістан, Сауран, Сығанақ қалаларының тарихи нысандарында жүргізіледі деп жоспарланған болатын.

Жалпы саны 8 нысанда наурыздан қарашаға дейін қазба жұмыстарын жүргізу «Қазқайтажаңғырту» мекемесінің тапсырысына сәйкес жоспарға енгізілді, алайда, республикалық бюджетке енгізілген өзгерістерге байланысты бес қазба жұмысы келесі жылға қалдырылды.

Дегенмен, жаңадан екі қазба – Сығанақ қаласының Орталық мешіті мен Шығыс қақпасын аршып зерттеу жұмыстарына тапсырыс берілді

1. Жәудір мешітінің орнында жүргізілген археологиялық зерттеу жұмыстары

Жәудір мешіті жайлы жергілікті тұрғындар арасында 2008 жылдан бері аңыз-әңгімелер жинастырылып келеді. 2008 ж. Наушарбай ақсақалдың көрсе-

туімен Жәудір мешітінің орнында барлау қазбасы түсіріліп мешіттің михрабы, едені, орталық есігі анықталған болатын. Дегенмен, биыл да тұрғындар арасында жүргізілген мешіттің дәл орынын, атауын анықтауға байланысты іздестіру жұмыстары көп нәрсенің бетін ашып берді. Біріншіден, «Жәудір» мешіті медресе де қызметін атқарып мұнда бүкіл Түркістан өлкесінің мешіттеріне қарылар дайындалатын болған, екіншіден, мешіттің толық аты «Қажы Ахмет-Жәудір мешіт-медресесі», мұндағы Жәудір әйел адам, үшіншіден, мешіт XIV ғ. аяғында салынып XX ғ. 50-60 жж. дейін өмір сүргендігі анықталды. Мешітті кімдердің қиратқаны жайлы да толық мәлімет жинадық. Жазба деректерден С. С. Байдаулетовтың «Алтын киімді ханзада ұранды қарт қазақтар» деген 2000 ж. шыққан кітабы (Байдаулетов, 2000, 122-125 бб.) мен Ә. Дербісәлінің «Қазақстан мешіттері мен медреселері» атты еңбегін ерекше атауға болады (Дәрбісәлі, 2009, 6, 7, 17, 23, 24, 329 бб.).

Жәудір мешіт-медресесін төрт жағынан да көшелер қоршап жатыр. Төрт көшенің ортасында трапеция пішінді мешіт ауласы қалың да биік дуалмен қоршалған. Ауланың СБ бетінің өлшемі 92 м, ОШ беті – 90 м, ОБ беті – 70 м, ал қақпа орналасқан СШ беті – 46 м Осы 5000 шаршы метрлік ауланың ОБ бұрышына жақын көлемі 340 шм мешіт, ал СБ бетіне көлемі 150 шм медресе орналасқан. Мешіт қазбаға дейін ұзындығы – 35, ені – 20, биіктігі – 2 метрлік сопақша төбе болатын. Төбені шірінді топырақ пен жабайы өсімдіктен тазартқан соң ұзындығы – 30, ені – 17 метрлік қазба түсірілді. Қазба 20 см тереңдеген соң – ақ үстіңгі құрылыс қабаты анық байқалды. Бұл құрылыс қатар орналасқан үш бөлмеден тұратын Жәудір мешітінің XIX ғ. салынған негізгі құрылымы болып шықты, оның ортаңғы бөлмесінің өлшемдері 10,5х7 м, ал, екі жағына орналасқан бөлмелердің өлшемдері 7х4 м және 7х3,8 м тең. Олар ортаңғы бөлмемен есіктер арқылы байланысады. Бұл үш бөлменің ортаңғысын – **бірінші,** СБ бөлмені – **екінш**і, ал, ОШ бөлмені – **үшінші** деп нөмірледік (2-сурет). Бір кездері барлық бөлменің еденіне күйген қыш төселген сияқты, қазір тек № 3 бөлменің 80 пайызында, № 1 бөлменің СШ бөлігінде ғана қыш еден сақталған. Бірінші бөлменің ОБ қабырғасының ортасында ені – 2,4 м, тереңдігі – 1 метрлік михраб ойығы орналасқан, оның іші мен екі жақтауы түгел ғанышпен сыланып өсімдік тектес өрнектер ойылған, ал, жоғары бөлігін түрлі-түсті бояумен сәндеген.

Михрабқа қарама-қарсы қабырғадан шығарылған есіктің ені 1,3 м, мұның да жақтауы мен ішкі беті ғанышпен сыланған. Бөлменің ортасына екі жерден ағаш бағандар қойғандығын 0,6х0,5 м екі тас тақталар көрсетеді. Есіктің табалдырығына да тас тақта төселген. Қабырғалардың іші ғанышпен сыбалып әкпен ақталғандығын бөлменің ОШ қабырғасынан байқаймыз. Құрылыстың алдыңғы СШ қас бетінде ұзындығы – 19,5, ені – 3,8 метрлік бастырма – айван орналасқан (2-сурет, 5). Оның көлемі 779 шаршы метр. Мешіт пен бастырмада бір мезгілде 240-250 мұсылман намазға жығыла алатын болған, бұған мешіттің 2300 метрлік ауласын қоссақ 1000 адамнан асып жығылады. Қазба барысында табылған керамикалық заттар Мешіт құрылысының XIX ғ., ал, бастырманың алдыңғы қабырғасы мен оған тікбұрыш келіп сыртта орналасқан қабырға және екі бағана іргетасының XVII ғ. тән екендігін көрсетті. Қазбаны мешіттің СШ

бетінде тереңдете қазудың барысында ең төменгі үшінші құрылыс қабатының қабырғалары аршылды (2 сурет – 6,7 бөлмелер). Бұл қабырғалардың үсті Мешіт еденінен 60-70 см төменде жатыр, ал, едені 1-1,2 м төмен. Бір қызығы, бұл қабырғаның бойында азан шақыратын екі мұнараның іргелері жартылай сақталған. Олардың диаметрі 2,5 м жуық. Табылған керамика сынықтары бұл құрылыстың XIV ғ. соңына жататындығын көрсетті. Мешіт ауласының С бетімен өткен көшені бойлай Медресе құрылысының қирандысы ұзындығы 35 м, ені 6-8 метрлік төбе күйінде сақталған. Биіктігі 2 метрлік осы төбенің үстіне ұзындығы – 25, ені – 6 метрлік қазба түсірілді. Нәтижесінде түрлі көлемдегі жеті бөлмеден тұратын медресе құрылысының биіктігі 0,3-0,5 метрлік қабырғаларының іргесі аршылды. Мұндағы № 4, 5, 6, 7 бөлмелер екі қабатты болған деп айтуға негіз бар, әдетте есіктің оң жағағындағы кіші суфалардың екінші қабатқа шығатын ағаш саты орнату үшін жасалатыны белгілі (3-сурет).

Мешіт ауласына шығыс беттен өткен Жаңа Шахар көшесіне қаратып орнатылған үлкен қақпадан енетін болған, ал, ОШ беттен өткен көшені «Жәудір мешіті» деп атағанын жергілікті тұрғындар айтады.

Қорыта айтсақ, мешіт-медресені XIV ғ. соңында Қажы Ахмет деген адам салдырған, XIX ғ. ортасында оның ұрпағы Жәудір ана мешіт-медресені жөндетеді. Осы кезден бастап ол «Жәудір мешіт-медресесі» деп атала бастаған.

2. Жеті ата қақпасы алдындағы Бабырат ата көпірі орнында жүргізілген археологиялық зерттеу

Зейнеткер қала тұрғыны К. Керімбековтың «Түркістан» газетінің 2000 ж. 21 санындағы «Төрт қақпалы Түркістан» атты мақаласында Жеті ата қақпасының батыс бетімен өткен терең ордың үстінде Бабырат ата көпірі болғандығы, одан өтетін жол темір жол вокзалына дейін барып екі ортада Қоқан арбалар қатынап тұрғандығы айтылады (Керімбетов, 2000, 4 б.). Қақпа қалдығы мен көпір 1928-1932 жж. дейін сақталып келген.

Биылғы жылы археолог Қ. Мұсабаев Ғаламтордан іздестіру арқылы бұрын еш жерде кездеспеген Бабырат ата көпірінің толық көрінісін тауып алды (4-сурет). Мұнымен бірге Ахмет Ясауи кесенесінің 1910 ж. фотосуреті де табылды, екі фотоны да бір адамның түсіргені байқалады, соның негізінде көпір көрінісі де XX ғ. басында (1910 ж.) түсірілген деуге болады. Фотода көпірдің күйген қыштан қаланған жағалық көпір құрылысы, Жеті ата қақпасының оңтүстік мұнарасы, Үндемес ата, Баб Араб (Баба Ғаріп) кесенелері мен Баб Араб мешітінің күмбезі, қорған қабырғалары анық көрінеді. Көпірдің қақпа алдындағы тіреуіші трапеция пішінді қаланған, оның екі жаны 3,5 метрден, ал ортасы (негізгі тіреуіш) – 4 метрден асады. Мұнда екі жағалықтағы тіреуіштерді жалғастырып төселген жуан бөренелерді (терек болуы керек) және олардың үстіне көпір ретінде көлденеңінен тығыз етіліп жатқызылған екінші қатар бөренелерді көреміз. Бұл үстіңгі бөренелердің жан-жағы шабылып, тегістеліп төрт бұрышты (жармасында) пішінге келтірілгені байқалады. Олардың үстіне үшінші қабат етіліп тақтай төселген сияқты (әдетте, жуандығы білектей жас теректердің жан-жағын шауып, бір-біріне қабыстыра төсеп (васса әдісі) үстіне топырақ сеуіп, таптап тастайды).

Фотодан Баб Арабтың кесенесіне жабыстырып ту қадап қойғанын көреміз, сонымен бірге, оның шығыс бетінде орналасқан Баб Араб мешітінің күмбезіне қарап оның күйген қыштан тұрғызылғанын байқауға болады.

2012 ж. Жеті ата қақпасын қайта қалпына келтіру барысында іргетас құю үшін қақпа мұнаралары астына тереңдігі 1 м дейін шұңқыр қазылғаны белгілі. Сол жұмыс барысында оңтүстік-шығыс мұнара астынан да трапеция түрінде қыштан қаланған іргетас шыққан болатын (5-сурет).

Іргетастың XV-XVII ғғ. қақпа мұнарасынан қалғандығын жобалағанбыз, оның батыс бетінен шыққан қабырғасын реставраторлар бұзып алып жиып қойыпты. Біз оны көпір тіреуіші деп жобалап, жалғасын табу үшін қақпа алдына 5х1 м көлемде қазба түсірдік, нәтижесінде көпірдің жағалық тіреуішінің ОШ бөлігін табудың сәті түсті. Жобасында алға қарай дүңкиіп иіле қаланған бұл құрылыстың жалпы ұзындығы 8 м Ортасындағы 1,2 м бөлігі 2 қатар етіліп қаланған, биіктігі 29 қатар (2,8 м), кірпіштерінің өлшемдері 29х29х6 см. Тіреуіштің табаны қақпаның қазіргі табалдырығы деңгейінен 3,4 м тереңдікте жатыр, үстіңгі бірнеше қатары бұзылып алынғандығы байқалады.

Осы қазбаға перпендикуляр етіліп ұзындығы 5,5 м, ені 1 метрлік тілме (шурф) қазба қорғаныс орына дейін салынды. Тілме ұзындығы 3,2 м жеткен кезде 2,8 м (5-сурет, 2) тереңдіктен шомбал тастардан қаланған тағы бір тіреуіштің іргесі табылды, биіктігі 55 см, қалыңдығы 1 м бұл тіреуіштің екі қатары ғана сақталған. Біздің жобамыз бойынша бұл қақпаның көтерме көпірін жатқызатын тіреуіш болуы керек, ал, батыс жағадағы негізгі тіреуіш бұдан 6 м қашықта орналасуы тиіс деп ойлаймыз (6-сурет, 3).

Фотосуреттегі XIX ғ. көпір тіреуішінің орынын анықтау үшін жоғарыдағы тілмені ОБ бағытқа қарай тағы 2 метрге создық, нәтижесінде 3,4 м тереңдіктен қақпадан (11-12 метр қашық) ені бір метрлік сынық қыштардан төселген тіреуіштің іргесі шықты. Ордың табанын бойлап 6 метрге созылған (6-сурет, 4) бұл қыш төсендісі фотодағы тіреуіш екендігі анық, оның үстіңгі бөлігі XX ғ. 30-40-шы жылдары – ақ бұзылып алынған сияқты. Фотосуретте кірпіш тіреуіштің іргесі көрінбейді, онда 28 қатардан тұратын жоғарғы бөлігін ғана көреміз, бұл шамамен 2,9 м биіктік.

Ордың қазіргі тереңдігі 3,6 м, тіреуіш табаны 3,5 м деңгейде, яғни, фотоға тіреуіштің төменгі 60 см бөлігі түспей қалған. Фотодан тіреуіштің СБ бөлігінің (ішке қайырылған) ұзындығы 3,25 м екендігін есептеп шығардық, бұған тіреуіштің қас бетімен ОШ бөлігін қоссақ жалпы ұзындығы 9,75-10 м шамасында болып шығады. Қазбада аршылған табанының ені 1 м, бұл оның іргесінің қалыңдығы 3,5-4 қатар төселген кірпіштен тұрғандығын көрсетеді.

Көпірдің астыңғы ұзынынан төселген бөренелерінің ұзындығы 6-6,5 м деп есептесек 5 метрден соң ОБ жағадағы тіреуіш орналасуы тиіс. Бұл тіреуіштің ізін, қалдығын іздеу мақсатымен ОБ жағаға ұзындығы 7,5 м, ені 1 метрлік тілме (шурф) салдық, өкінішке орай, оның ізін де қалдырмай бұзып алып кетіпті. Ал, 1910 ж. фотодан оның СБ бөлігінің фрагментін көруге болады (4-сурет).

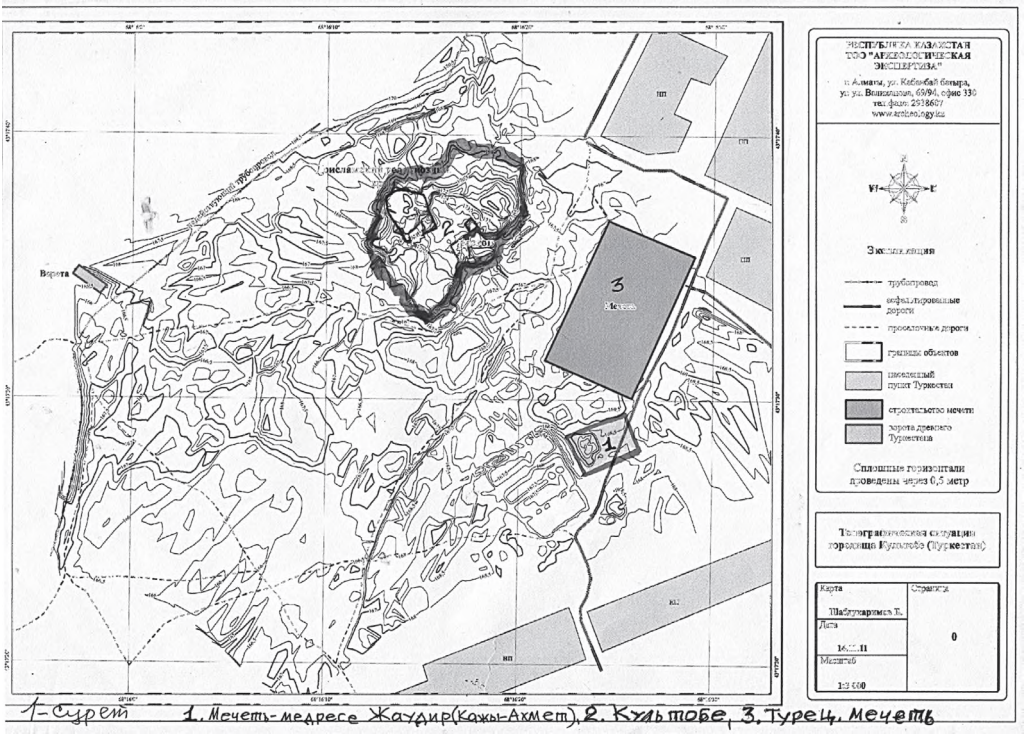
Қазба нәтижелеріне сүйеніп Бабырат ата көпірін толық қайта қалпына келтіру жоспарлануда.

Әдебиеттер

Байдаулетов С. С. Алтын киімді ханзада ұранды қарт қазақтар. Алматы, 2000. 122-125 бб.

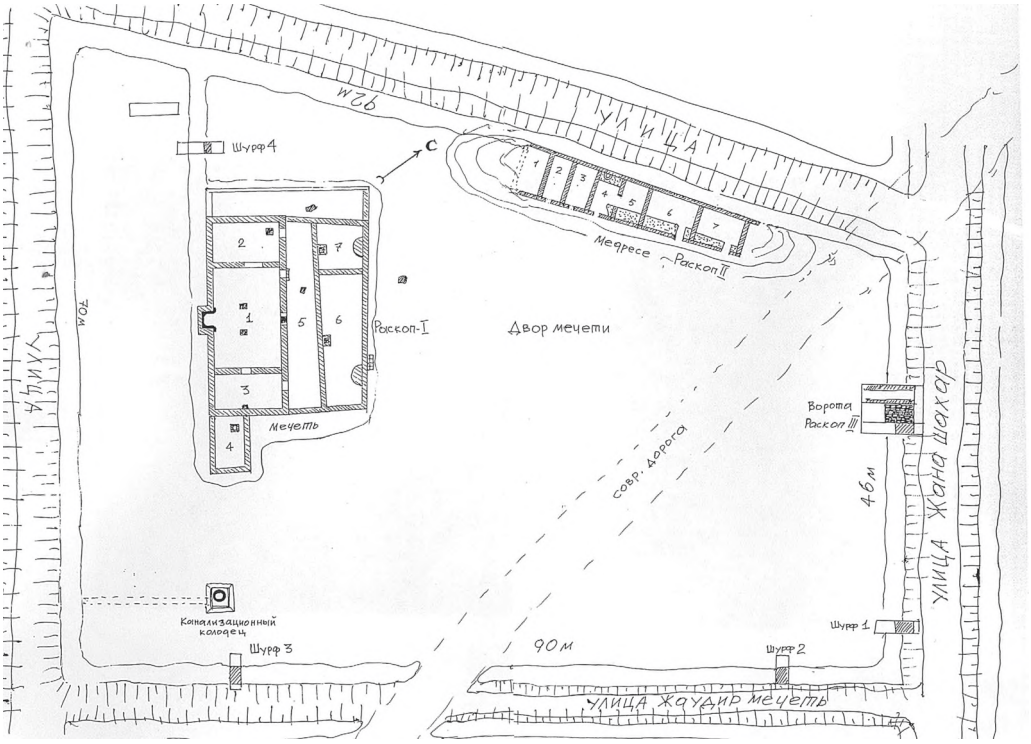
Дәрбісәлі Ә. Мешіттер Алланың үйі. Қазақстанның мешіттері мен медреселері. Алматы, 2009. 6, 7, 17, 23, 24, 329 бб.

Керімбеков К. Төрт қақпалы Түркістан. «Түркістан «газеті, 2000 ж. № 21, 4 бет.

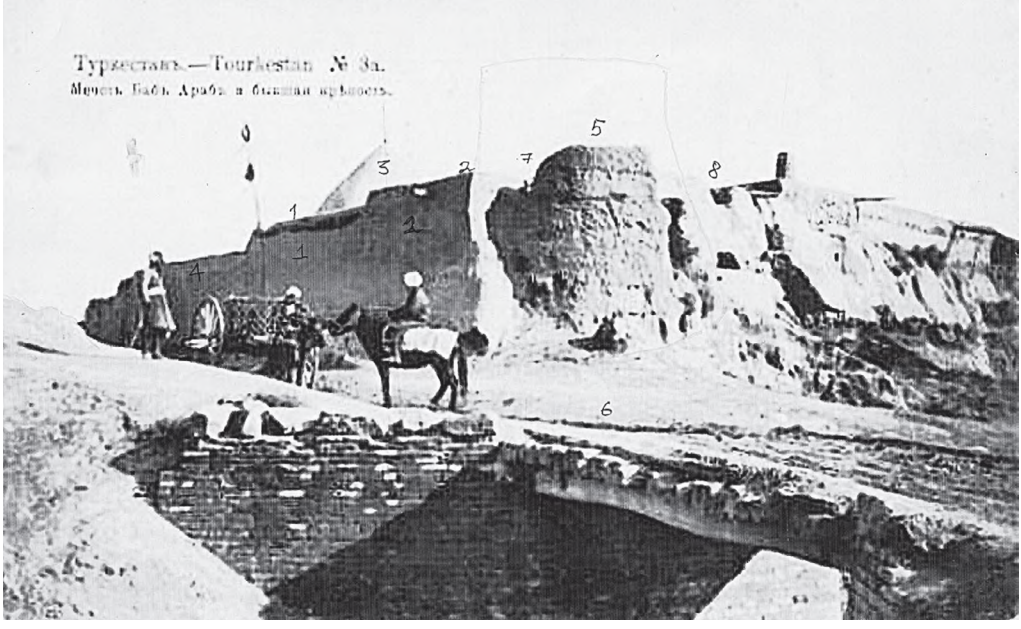

1. Сурет

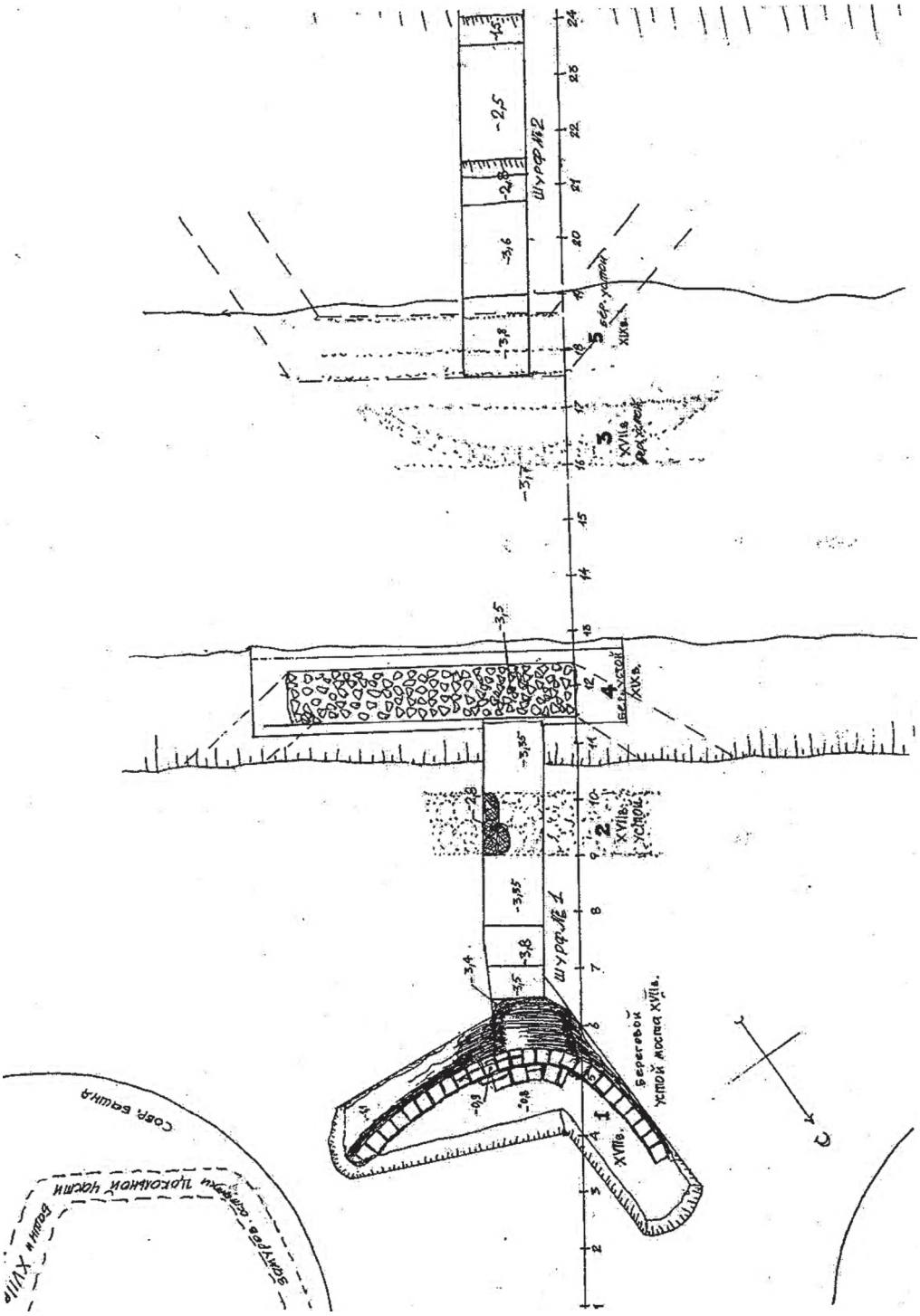
2. Сурет

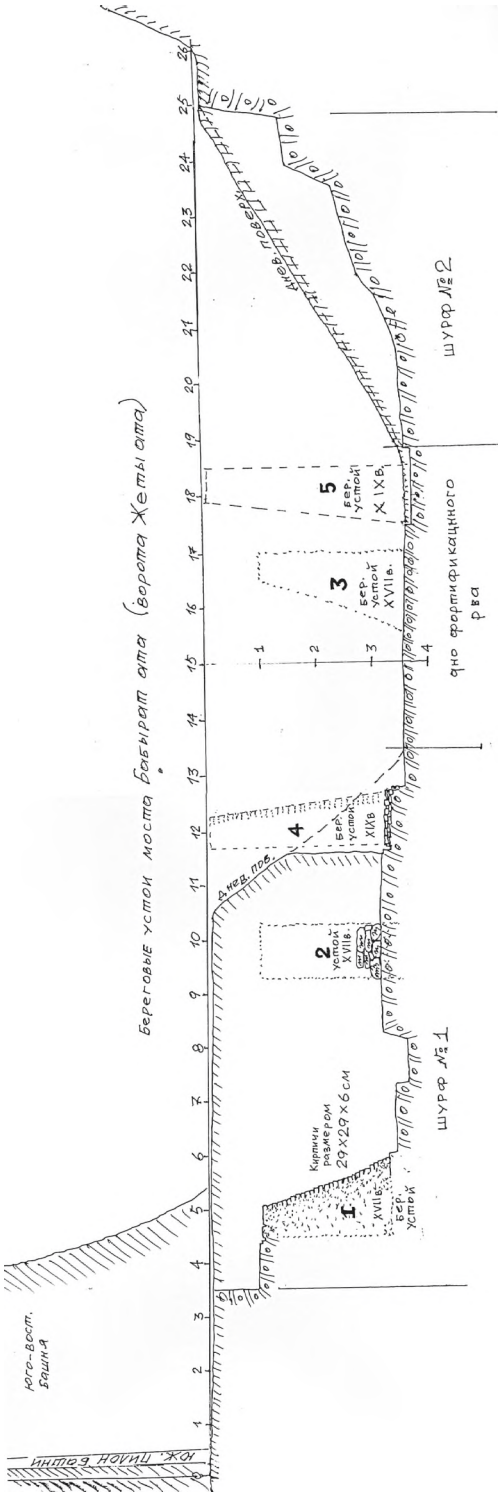
3. Сурет

4. Сурет

Шурф №2
Шурф №1
Береговой устой моста XVIIв.
XVIIв.
XVIIIв.
XIXв.
Северо-восточная часть Ходжанской части
Северная часть

5. Сурет

Береговые устои моста Бабырам ата (ворота Жеты ата)
Юго-Вост. башня
Ю.З. линия башни
Шурф №1
Шурф №2
Дно фортификационного рва
Кирпичи размером 29×29×6 см
1 устой XVIIв.
2 устой XVIIв.
3 устой XVIIв.
4 устой XIXв.
5 устой XIXв.

6. Сурет

Кәрім А. Ә.

«Әзірет Сұлтан» мемлекеттік тарихи-мәдени қорық-мұражайы
Түркістан қаласы, Қазақстан

ТҮРКІСТАН ҚАЛАСЫНА ҚАРАСТЫ АБАЙ ЕЛДІ МЕКЕНІНДЕГІ ТАРИХИ-МӘДЕНИ ЕСКЕРТКІШТЕР

Түркістан қаласы ертеден гүлденген мекен. Мұнда адамзат баласы тас ғасырынан бастап өмір сүрген. Бұған Қоскорған елді-мекеніндегі Шоқтас ауылындағы тас тұрақтар куә бола алады. Сондай-ақ Шаға, Шойтөбе қалашықтары мұнда түркі заманында да өркениеттің болғандығын көрсетеді. Бұл өз кезегінде сол заманда ақ, Түркістанның жазиралы даласында көптеген қоныс, қалашықтардың болғандығын білдіреді. Мәселен, мұндай көріністі бір елді мекенде орналасқан ата баба көзінен сыр шерткен ескерткіштермен ақ таныстыруға болады. Қаратаудың етегінде орналасқан Түркістан қаласы, Бабайқорған ауылдық округіне қарасты Абай елді мекені қашан да адамзат үшін қолайлы жер болған. Байырғыдан бері қарт Қаратаудың өзен аңғарларынан аққан сумен сусындаған елді мекен көне ата-бабамыз тұрақтаған жер. Сақ, түркі, оғыз халқына пана болған тау баурайындағы жазықтық жерде қоныс қалашықтар салынды. Бұл өркениет ошағының іздері күні бүгінге дейін сақталып, бірқатары қазіргі таңда «Әзірет Сұлтан» мемлекеттік тарихи-мәдени қорық-мұражайының ескерткіштер тізіміне алынған. Тарих және мәдениет ескерткіштерін қорғау, оларды зерттеу мен насихаттау мемлекеттік деңгейдегі шара болып табылады. Ескерткіштерді тұрақты түрде қорғау, оларды жүйелі түрде есепке алу қорық-мұражайдың басты мақсаты мен міндеті. Қазіргі таңда «Әзірет Сұлтан» тарихи-мәдени қорық мұражайының Археология және тарихи-мәдени ескерткіштерді қорғау бөлімі осы бағытта тыңғылықты жұмыс жасап келе жатыр. Бөлім мамандары жыл сайын археологиялық зерттеулер арқылы Түркістан аумағынан ғасырлар куәсі болған қалашықтар мен қорған, обалардың орнын тауып зерттеп, тізімге алып келеді. Нақ осындай мақсатта қорық-мұражай тарапынан 2012 жылы Бабайқорған ауылдық округінің аумағына археологиялық барлау жұмыстары жүргізілді. Барлау барысында бірқатар ортағасырлық қалашықтар мен қоныстар табылып, тізімге алынды. Одан бөлек қорық-мұражайдың ескерткіштер тізімінде әр жылдары археологиялық экспедициялар арқылы зерттеліп, аршылған ескерткіштерде бар. Соның бірі Қаратаудың етегінде орналасқан Ақтөбе қалашығы. «Әзірет Сұлтан» мемлекеттік тарихи-мәдени қорық-мұражайының археология бөлімі (жетекшісі М. Тұяқбаев), Қожа Ахмет Ясауи атындағы ХҚТУ ғылым орталығының археологтары (жетекшісі М. Елеуов) аталған қалашықты зерттеп, Ақтөбе қалашығы деген атау беріп, I-VII ғғ. аралығында өмір сүргенін анықтап отыр. Түркістан қаласынан солтүстікке қарай 44 шақырым жерде орналасқан. Координаттары: 43˚40. 900′, 068˚08. 554′. Теңіз деңгейінен биіктігі 461 м Бұл сопақша төбенің ұзындығы 110 м. Цитаделінің диаметрі 45 м, биіктігі 5 м Ескерткіштің шахаристаны ұзындау болып келген шамамен 65 м Цитаделінде

кешіктің орны сақталған, ол сопақша төбешік түрінде көрініп тұр. 1999 жылы Түркістан археологиялық экспедициясы (М. Тұяқбаев) зерттеу жүргізген. Жалпы қорғау аймағы 3,0 га.

Сондай-ақ ауылдың шығыс бөлігінде Ескі Абай (Көксарай) елді мекенінде де Көксарай I-II қалашықтары аршылды. Бұл ескерткіштерге «Әзірет Сұлтан» қорық-мұражайының археологы т. ғ. к. М. Тұяқбаев жүйелі түрде зерттеу жүргізіп, алғашқы Көксарай-I қалашығы б. з. д. I-IV ғғ. ал, Көксарай-II қоныстары екенін анықтап берді. (Тұякбаев, 2009, 32)

Бұл ескерткіштер Түркістан қаласынан солтүстікке қарай 40 шақырым жерде, Бабайқорған ауылының солтүстік батыс жағында 8 шақырым жерде, Көксарай өзенінің сол жағалауында орналасқан. Координаттары: 43˚39. 262′, 068˚13. 253′. Теңіз деңгейінен биіктігі 469 м

Көксарай–I қалашығы. (Б. з. д. IV-II ғғ. – б. з. IV-V ғғ.) Түркістан қаласынан солтүстікке қарай 40 шақырым жерде. Бабайқорған ауылының солт. батыс жағында 8 шақырым жерде, Көксарай өзенінің сол жағалауында орналасқан. Координаттары: 43˚39. 262′, 068˚13. 253′. Теңіз деңгейінен биіктігі 469 м Қалашық екі деңгейден тұрады. Ескерткіштің «П» әріпі сияқты ерекше пішінді болуына ауа-райын және түбінен аққан өзеннің кемiруі әсер етіп бұл бетіндегі мәдени қабаттар жойылып кеткен. Төбенің өлшемдері 80х50х22 м, айналадан биіктігі 9 м, оны үш бетінен ұзындығы 150 м және көлденеңі 55 метрден 120 м-ге дейінгі аралықтағы шахаристаны қоршап жатыр. 1999 жылы Түркістан археологиялық эскпедициясы (М. Қ. Тұяқбаев) алғаш рет зерттейді. Сызба жоспар түсіріліп, барлау қазбалары барысында керекті материалдар жинақталған. Жалпы қорғау аймағы 3,0 га. **Көксарай–II қонысы.** (XIII-XIV ғғ.) Түркістан қаласынан солтүстікке қарай 38 шақырым жерде орналасқан. Көксарай-I қонысының солт. батыс жағында 50 метрдей жерде. Координаттары: 43˚38. 248′, 068˚12. 612′. Теңіз деңгейінен биіктігі 460 м. Қоныстың өлшемі 75х45 м Қоныс айналадан тіктөртбұрышты тегіс болып келетін жер бедерімен ерекшеленеді. 2004 жылы Түркістан археологиялық экспедициясы (М. Қ. Тұяқбаев) зерттеген. Жалпы қорғау аймағы 3,0 га. Ал, ауылдың солтүстік іргесіндегі қалашыққа ғалымдар XIII-XVI ғғ. аралығында өмір сүргені жайлы белгілеп **Бұзауқорған** деген атау беріпті. Ондағы Бұзауқорған Оғыз ханның атауы дейді жергілікті тұрғындар. Ауыл тұрғыны Мэлс Құлымбетов қалашықтың қорғаны Қаратаудың тасымен қаланғанын және екі қалаға кірер қақпасы болғанын айтады. Расында да қалашықтың қорғаны тау тасынан қаланғанын білуге болады. Бұзауқорған қонысы. (XIII-XIY ғғ.) Түркістан қаласынан солтүстікке қарай 38 шақырым жерде орналасқан. Координаттары: 43˚37. 827′, 068˚09. 693′. Теңіз деңгейінен биіктігі 422 м. Негізінен дөңгелек пішінді қорған қабырғасы таудың тасынан қаланған. Бүгінде қорған қабырғалары құлап үйіндіге айналған. Алғаш рет 1999ж. Түркістан Археологиялық Экспедициясының отряды (М. Тұяқбаев) тауып зерттеу жүргізген, көтерме материал жинақталып, қоныстың соңғы өмір сүрген ғасырлары анықталған. Төбенің өлшемдері 110х85 м, айналадан биіктігі

3 м. Ромб тәрізді төбешіктің үшжағы терең арықпен және тас пен топырақтан тұрғызылған қорғанмен тұрғызылған.

2004 жылы «Мәдени мұра» бағдарламасының аясында «Әзірет Сұлтан» тарихи-мәдени қорық-мұражайының археологиялық экспедициясы зерттеп, фото суреттері, өлшемдері, план сызбалары алынған. Жалпы қорғау аймағы 2,0 га. Өкініштісі сол бұл қалашықтың оңтүстік қорғанына қазіргі таңда тұрғын үй салынып қаланың солтүстік бөлігіне ашық мал қора тұрғызылған. (Мұсабаев, 2014). Қорық-мұражайдың ескерткіштер тізімінде Абай елді-мекенінде бұдан бөлекте діни-рухани ескерткіштер де бар. Соның бірі Түркістан қаласынан солтүстікке қарай 50 шақырым жерде Қаратаудың оңтүстік етегінде Абай ауылында орналасқан **Құрышхан атты әулие** бар. Координаттары: 43˚37. 272′, 068˚08. 843′. Теңіз деңгейінен биіктігі 393 м. Аңыз желілерінен де бұл әулиені Қаратаудағы Жылаған атаның әкесі делінеді: «Әзірет Сұлтан» қорық мұражайының археологы Қайрат Мұсабаевтың «Түркология» журналында жарық көрген «Жылаған ата тарихи дерек шындығы» атты мақала желісінде өрбіткен аңызына сүйенсек ерте заманда Құрышхан және Шаш ана деген ерлі-зайыптылар өмір сүріпті. Құрышхан және Шаш ана күні-түні ұйықтамай құдайдан бала тілепті. Бір күннің арайлы таңында Шаш анамыздың түсіне қарт ақсақал кіріп, аян беріп, «бойына бала бітеді, бірақ, аздап қиыншылығы да бар» дейді. Көп ұзамай ұзақ күткен Шаш ана бойына бала бітеді. Ол заманда қуаңшылық болып жұрт көшіп-қонып жүрсе керек, Құрышхан ата мен Шаш ана да қазіргі «Шілік» аталған елді-мекеннің жеріне келіп тұрақтайды. Бұрын (бұл ауыл «Мес» деп аталған). Осы жерде күндердің күні ай күніне толмаған Мес (перделі бала) туылып, жерге түскен соң перде жарылып, қазіргі Абай елді-мекені мен Игілік ауылы арасында орналасқан «Ұржар» деген қырдың үстімен өтіп, Ақтөбе өзеніне түсіп қаша береді. Құдайдан тілеп алған баласынан айырылған ата-ана: «тоқта балам» деп артынан қуа береді. Бала ұятып тауынан өтіп, қазіргі үңгірге «Жылаған ата үңгірі» кіріп, ата-анасына «арқаларыңа қарамаңдар» деген екен. Сонымен, қазіргі Абай ауылының тұсына келгенде «неге қарама» деді екен деп әке байғұс артына қараса іздерін қуалай топаң су ағып келеді екен. Әкесі қараған заматтан бастап су сол жерге бірден сіңіп кеткен екен. Қазір де су сол жерге дейін ағып келеді де (әсіресе жазда) жоқ болады. Бұл қазіргі Ақтөбе өзенінен ағып келетін Абайдағы су қоймасы орны, яғни тоған асты дейді автор. (Каимов, 5 б.). Құрышхан ата басында кеңес үкіметі кезінде кесене болған екен, бірақ солшыл саясаттың қысымынан төбесі бұзылып қиратылыпты. Бүгіндері әулиенің айналасы ұзын дуалмен қоршалып әктеліп қойған. Құрышхан ата әулие қазіргі таңда «Әзірет Сұлтан» қорық мұражайының ескерткіштер тізіміне алынған.

2012 жылы «Әзірет Сұлтан» мемлекеттік тарихи-мәдени қорық-мұражайының археология және ескерткіштерді қорғау бөлімі қайта аталған елді-мекенге барлау жұмыстарын жүргізді. Нәтижесінде Қоянқора, Жаманбай қоныстары аршылды. 2014 жылы ескерткіштерге барлау жұмыстары қайта өз

жалғасын тапты. Барлау барысында сол өңірден бұрын ғылымға белгісіз 500-ге жуық қорымдар мен 100-ден аса кәріз құдықтары анықталып отыр. (Тұяқбаев, Өсеров., Мұсабаев, 2012). Дегенмен спутник аэробарлау және фотосуреттерді түсіру барысында план схемаларын сызу кезінде мұндағы обалар мен кәріз құдықтарының көміліп көзге көрінбей қалғаны, қалашықтардың да мал тұяғының астында қалып жойылуы, жеке тұлғалардың жауапсыздығынан өзгерістерге ұшырап, кейбір жағдайда жойылып кету қаупі төніп отырады. Бұл тарихи-мәдени мұралар көне тарихтың куәсі, өткенімізден сыр шертіп бүгінгі күнге дейін сақталынып жетіп отырған ескерткіштерді қорғау мен сақтау, оларды насихаттау әрбір азаматтың еліне, туған жеріне деген жанашырлығы мәдени мұраларға деген қамқорлығы болмақ. Қазіргі таңда Абай елді-мекенінен қорық-мұражайдың ескерткіштер тізімінде 7 ескерткіш тізімге алынып, 5-уі құжатталды. Одан бөлек алдын-ала тізімде 500-ге жуық қорымдар мен кәріз құдықтары есепке алынып отыр. Аталған тарихи-мәдени мұраларымызды құжаттау, мемлекеттік тізімге ұсыну, оларды насихаттау мен баспаға шығару кезек күттірмес мәселе. Ата-баба көзінен сыр шертіп, тарихымызды жоғалтып алмас үшін де аянбай еңбек етуіміз қажет. Сонда ғана тамыры тереңде, тарихы ғасыр қойнауында жатқан қазақ халқының рухани байлығы кемелдене түспек.

Әдебиеттер

Каимов Ж., «Құрышхан ата мазары». Түркістан газеті, № 34 (9213) 2014 ж. 25 шілде. 5 б.

Мұсабаев Қ., «Бұзауқорған қалашығының белгісіз сырлары». Түркістан газеті № 32 (9211) 2014 ж. 11 шілде.

Туякбаев М., «Историческая топография и развитие городов и поселений Туркестанского оазиса». Алматы, 2009 ж. 32 бет.

Тұяқбаев М., Өсеров Т., Мұсабаев Қ., 2012 жылы Түркістан өңірінде жүргізілген археологиялық барлау жұмыстарының Есебі. Түркістан, 2012.

1. Сурет

2. Сурет

3. Сурет

Алимбетов А. К.

Каракалпакский государственный университет им. Бердаха,
г. Нукус, Узбекистан

ОБЩИЕ ЭЛЕМЕНТЫ В ЖИЛИЩАХ ОТРАРА И МИЗДАХКАНА

Средневековый Миздахкан локализован известным городищем Гяур-Кала в Ходжейлийском районе Республики Каракалпакстан. Древняя часть памятника находится на территории крепости Гяур-Кала. Вне пределов крепостной стены выявлены многочисленные бесформенные возвышенности, обрывки сырцовых стен и многометровые толщи культурного слоя. В целом к настоящему времени сохранились 2/3 древней топографии домонгольского и монгольского периодов существования города.

В результате археологических раскопок, проведенных в конце XX – начале XXI вв. на территории Миздахкана, получены новые данные об истории развития этого памятника. Систематические исследования показали, что на южной, западной и северной частях восточного холма (Мазлумхан-Сулу) имеются остатки золотоордынского города, возникшего во второй половине XIII-XIV вв. В 1985-2014 гг. на территории древнего Миздахкана вскрыты жилые и торгово-ремесленные кварталы. Исследованы условно названные учеными «Восточный квартал I-II», «Юго-Западный квартал», «Северный», «Южное поселение» и «Центральный» (Туребеков, Бижанов, 1993, с. 14-29; Кдырниязов, 1993, с. 30-49; он же, 2001, с. 96-98; Туребеков, 2003, с. 67). Эти работы позволили получить представления об уличной сети, местоположении производственно-жилых построек XIII-XIV вв. (Кдырнияов, 2002, с. 84-89).

Позднее археологическими работами 2000-2014 гг. удалось обнаружить ряд культурных отложений домонгольского времени. Так, в южной части крепости Гяур кала выделен комплекс построек с хозяйственными, жилыми, производственными и утилитарного характера жилищами. Собранный материал, а также некоторые типы сооружений относятся к афригидскому (раннее Средневековье), хорезмшахскому и раннезолотоордынскому времени (Кдырниязов М.-Ш., Кдырниязов О.-Ш., 2010, с. 36-39). По раскопанному слою, вскрытым сооружениям и по площади южного поселения выяснено, что новая застройка кварталов после нашествия монголов началась с южной части. Этот район городища заселялся еще в домонгольский период как ремесленный пригород за городской стеной. Здесь местами прослежены культурные остатки хорезмшахского времени.

Новая застройка участка произошла в раннезолотоордынский период (Кдырниязов М.-Ш., Кдырниязов А., 2002, с. 78-85). В южном поселении ранние стены частично использованы под основание новых стен. Стены сложены небрежно и деформированы, ряды выдержаны слабо. В ходе работы на южном поселении вскрыты кварталы с гончарными печами, остатки винодельческого производства. Как показали раскопки, жизнь на территории южного поселения функционировала непродолжительное время – в конце XIII – начале XIV вв.

Если южное поселение в начале XIV в. постепенно запустело, то «центральное» начало застраиваться, превратившись впоследствии в обширный торгово-ремесленный город. На его территории компактно, слитной застройкой выявлены различные типы домохозяйства с ремесленными объектами. Территория «центрального» поселения в XIV в. составляла 80 га. Здесь, в центре, располагались кварталы № 1, 2, 3. Кроме того, на территории «северного» поселения изучен жилой комплекс со сплошной застройкой и изолированные дома. К отдельным рассредоточенным домам примыкает четырехугольная глиняная ограда, являющаяся, как правило, остатком агрокультурного угодья (Кдырниязов, Бауетдинов, 2001, с. 52-56).

В целом археолого-топографические исследования позволяют сделать ряд наблюдений о динамике развития Миздахкана в золотоордынский период. В середине XIV в. город расширяется и занимает более 100 га. Новый неукрепленный город застраивается на юго-востоке крепости Гяур-Кала и на юге бугра Мазлумхан-Сулу.

Основными элементами застройки города XIII-XIV вв. являются крупные жилые массивы со сплошной застройкой. Выявлена магистральная улица между кварталами восточной и центральной части. Интересные данные о жилых застройках золотоордынского времени получены во время раскопок, которые были начаты в 1985 г. Значительным по вскрытой площади явился раскоп в центральной части золотоордынского города, где наряду с кварталами был вскрыт большой керамический цех и одна изолированная печь индивидуального производителя гончарной продукции (Туребеков, Бижанов, 1993, с. 20-21). Конфигурация и площадь кварталов различны (от 1222 до 1300 кв. м), встречаются ряды прямоугольной, подтрапециевидной и многоугольной форм. В состав кварталов входит от трех до десяти домовладений. Квартал № 1 (1300 кв. м) в центральной части состоит из трех секторов, связанных с южной, северной и западной стороны улицами. В квартале десять домовладений. Площадь помещений от 5 до 41 кв. м Площадь дворов-айванов от 36 до 110 кв. м. В квартале самый большой дом состоит из шести помещений и двора с гончарной печью. Малый дом включает в себя два помещения (Кдырниязов, Туребеков, 1998, с. 19-20). Квартал № 2 (1209 кв. м) расположен на южной стороне квартала № 1. Он также прямоугольной формы, с четырех сторон ограничен улицами и состоит из большого керамического цеха и восьми домовладений. Большие дома состоят из пяти, десяти помещений и двора, занимают площадь от 162 до 185 кв. м. Дома меньшего размера состоят из двух-трех помещений, площадь которых от 48,71 (дом № 1) до 49,95 кв. м (дом № 3). В восточной части квартала действовал большой керамический цех, состоящий из большого двора, 7 гончарных печей, 3 колодцев, 3 производственных ям, 2 жилых, 6 кладовых помещений (Туребеков, 2003, с. 68).

Кроме того, в восточной части дома № 5 квартала № 4 вдоль магистральной улицы расположены шесть домов, связанные квартальной мечетью. Из них самый маленький дом – однокомнатный с полу-перекрытым айваном (дом № 2). Дом прямоугольной формы размером 11х3,7 м. Он связан с улицей широким проходом (2,2 м). Дом был явно хозяйственного назначения. В нем

обнаружена хозяйственная яма размером 2,2х1,5 м, использованная для хранения зерна. У юго-западного угла построены тандыр и очаг. Дом № 4 состоя из трех хозяйственных помещений и жилой ячейки № 15. Этот ряд жилых построек дополняется застройками дома № 6, состоящего из восьми помещений и большого айвана. Общая площадь дома – 220 кв. м. В большом жилом помещении размером 8,5х5,4 м имеются П-образная суфа с очагом-каном и керамический тандыр.

В 1986-1993 гг. были проведены раскопки в «восточных кварталах I-II» и юго-западной части («ЮЗК») золотоордынского поселения. В 1986-1988 гг. был исследован условно названный «восточный квартал I», относящийся к концу XIII-XIV вв. Квартал разделяется от центральной части неукрепленного города магистральной улицей шириной от 4,60 до 6 м, узкий тупикообразный переулок отделяет его от восточного квартала II. Планировка квартала четко выделяется, и ее остатки покоятся на слабовыраженной возвышенности. Общая площадь раскопа составляет более 2800 кв. м. Вскрытые помещения связаны между собой проходами и функционально делятся на хозяйственно-бытовые и гостиные. Кладки стен производились из пахсы и стандартного сырцового кирпича золотоордынского времени. В отдельных случаях в основание стен положены в один-два ряда каменные плиты, жженые кирпичи. В плане вскрытых помещений четко прослеживается жилой комплекс, внутри которого можно выделить несколько компактно расположенных домов. Характеристика раскопанных домов показала, что, как и большинство городских жилищ, они состояли из трех и пяти помещений, соединенных проходами. Размеры комнат-ячеек колеблются от 15,4 (помещение № 1) до 23,32 кв. м (помещение № 16). Исключение составляет жилище производственного характера (27,75 кв. м, помещение № 11). Есть дома, состоящие из двух или десяти помещений. Двухкомнатный дом № 1, является жильем индивидуального производителя, хлебопекаря. Помещение № 1 угловое, подквадратной формы, размером 3,85х4 м (15,4 кв. м), находилось на пересечении переулка и магистральной улицы. В северо-западном углу, на специально огороженной возвышенности, размером 1,10х2 м, сооружен керамический тандыр в виде большого выпуклого хума. Внешняя поверхность тандыра обмазана толстым слоем глины. Тандыр приспособлен к платформе с уклоном в сторону вглубь комнаты и имеет ступенчатую рабочую площадку. На левой стороне тандыра, примыкая к перегородке платформы, сооружен керамический очаг. Помещение № 2 (16,1 кв. м) проходом соединяется с помещением № 1. Большая часть (3/4) помещения занята суфой с очагом. Таким образом, дом № 1 состоял из двух помещений с общей полезной площадью 24,7 кв. м. Жилищем состоятельного ремесленника является дом № 4, расположенный в юго-восточной части «восточного квартала – 1». Дом состоит из пяти помещений (№ 18, 19, 20, 21, 22). В помещении № 19 обнаружены остатки трех тандыров и хозяйственной ямы. Парные тандыры (диаметр-0,70 м) расположены на суфообразной выкладке (1,05х190х0,25 м) вдоль западной стены помещения. К третьему тандыру, расположенному на суфе у восточной стены, с южной стороны примыкает хозяйственная яма. Помещениях № 18, 20, 21 – жилые комнаты с суфами, очагом и ташнау. Помещение № 19

выполняло функцию полуоткрытого айвана, он был открыт на юг, на незастроенную часть квартала (Кдырниязов, 1989, с. 33).

В комплексе домохозяйств «восточного квартала» Миздахкана интересны данные дома № 10. Это жилище ремесленника-агрария, состоящее из производственного двора (№ 87), коридора (№ 90), жилых (№ 86, 88, 92), хозяйственных помещений (№ 91, 93, 94) и предвыходного тамбура (№ 89). Внутри двора находились суфа-лавка, очаги-печи, резервуары для хранения жидкостей, каменная давильня, закрома, мельничный остов, верхняя часть жернова, подквадратное основание базы и ниша в северной стене. Треть площади помещения № 86 занята П-образной суфой, края которой укреплены жженым кирпичом. Посередине комнаты находились ташнау, также выложенные жженым кирпичом. Поверхность западной стены выше ташнау сохранила следы алебастровой обмазки с резным орнаментом в виде прямого углубления. К востоку от нее находился камин.

В «юго-западном квартале» расположен ремесленный комплекс. Жилые застройки комплекса сохранились в северо-западной части. Все они связаны с производственными дворами. Помещения № 1, 2 и 4 соединялись с условно названным нами «южным двором» (помещение № 3). К северу от этих застроек расположено помещение № 6 («западный двор»). К нему примыкают помещения № 5 и 7. Жилища имели суфу, очаг кан, ташнау, облицованный порог, выложенный из жженого кирпич,а и очаги. Дворы имели производственный характер. В них были большие тандыры для выпечки хлеба, которые приспособлены к кирпичной платформе (размером 1,10х1,40 м). Кроме того, во дворах обнаружены каменные жернова (их три) в положении in situ. Таким образом, жилые застройки юго-западного ремесленного комплекса связаны с производственными дворами, мастерскими-винодельнями и гончарными печами. В настоящее время известны уже десятки домов, которые связаны с производством.

В следующей части нашего сообщения мы попытаемся рассмотреть элементы интерьеров жилищ золотоордынской части Миздахкана и их параллели в материалах домостроения в Казахстане, конкретно в Отрарском оазисе. Одним из интерьеров жилища Миздахкана была суфа. Суфа утилитарного назначения имела форму в виде буквы «Г» и «П», изредка прямоугольного очертания. В XIII-XIV вв. в суфе обязательно находился двухканальный подпольный кан. Горизонтальный дымоход накрыт сверху плоским камнем или кирпичом. Суфа без кана сооружалась в какой-либо части жилища в углу между двумя стенами. Края суфы ограждались стенкой с уложенными в один ряд кирпичами на глиняном или алебастровом растворе. Пространство заполнялось разными остатками строительного мусора – обломками кирпичей или сухим песком. Суфы «Г» и «П» образной формы встречаются в планировках жилых и парадных комнат Отрара (Акишев, Байпаков, Ерзакович, 1982, с. 125, рис. 3; они же, 1987, с. 36, рис. 15 – пом. 14, 16, 19; с. 37, 150, рис. 56 – пом. 1).

Параллели в домостроительстве Отрара и Миздахкана наблюдаются в наличии производственных единиц, керамических мастерских в составе жилищ. В отрарских домах № 2 и 3 (горизонт IV) раскопаны двухьярусные печи (Акишев,

Байпаков, Ерзакович, 1987, с. 46, 48). Такие же формы печей обнаружены в домах «южного поселения» Миздахкана (Кдырниязов М.-Ш., Саипов, Кдырниязов А., 2004, с. 76-81).

Наряду с домонгольскими традиционными чертами, в исследуемое время, в жилищах Миздахкана присутствуют и новые элементы, среди них каны. Кан появился в жилищах городов присырдарьинского региона (памятниках отрарско-каратауской культуры: Баба-Ата, Отрар,) в VI-VIII и X-XI вв. (Акишев, Байпаков, Ерзакович, 1972, с. 69, 74; Ахинжанов, Ерзакович, 1972, с. 64-69; Акишев, Байпаков, Ерзакович, 1982, с. 133). Обогревательные устройства типа канов кроме Миздахкана были открыты в Куня-Ургенче (1952 г.) и караван-сарае Белеули (1978 г.). Они распространены в жилищах золотоордынских городов Поволжья, Северного Кавказа (Маджар) и Дальнего Востока. Здесь мы отметим эволюционные особенности канов Миздахкана. Канал дымохода от керамического очага подведен к ближайшему углу стены помещения, и следовательно, обогревал небольшой участок суфы.

Общие элементы Отрара и Миздахкана наблюдаются и на примере производственной единицы тандыр. Это большой, с выпуклыми стенами сосуд, похожий на большие хумы, обычно без дна, изготовленный на гончарном круге из грубо промешанной глины, с примесью шамота и дресвы. Сосуд предварительно устанавливали на специально сооруженную платформу так, что устье с уклоном выходило в глубину комнаты. Следует отметить, что во всех открытых жилищах, как правило, благоустроенных, был очаг или тандыр, служивший для обогревания и выпечки хлебных лепешек. Средневековые тандыры Хорезма по конструкции, не отличаются от отрарских или среднеазиатских тандыров XIII-XV вв. (Акишев, Байпаков, Ерзакович, 1982, с. 125, 126; они же, с. 152, 153). Почти все тандыры в городских жилищах Миздахкана покрыты черным ангобом, «обшиты» фрагментами керамики и тщательно обмазаны саманно-глиняным раствором. Они наклонно вмазывались в толщу специальной платформы и отгораживались тонкой стенкой. На протяжении функционирования жилища старые тандыры заменялись новыми, при этом последние зачастую вставлялись на места старого или ставились рядом. Типичными для такой консрукции являются целиком сохранившиеся керамические парные – тандыры Миздахкана (дом № 4, «СК-I»). Здесь на специальной платформе установлены шесть тандыров. Качество их сохранности подчеркивает то, что они использовались неодновременно. Парные печи – тандыры характерны и для городища Отрар (Акишев, Байпаков, Ерзакович, 1982, с. 128).

В раскопанных жилищах XIII-XIV вв. обнаружены одиночные и парные очаги для варки пищи, отопления и выпечки хлеба. Достаточно большой материал о разнообразных бытовых очагах получен впервые на Миздахкане. Очаги часто сделаны из керамической «хумчи» без дна, по виду почти не отличавшиеся от тандыров. Керамические очаги в Миздахкане составляют 46,57 % от числа отопительных сооружений очагов этого типа и имеют прямую аналогию с жилищами Отрара и Поволжья (Акишев, Байпаков, Ерзакович, 1982, с. 125, 126; они же, 1987, с. 152, 153).

Элементами миздахканских и отрарских жилищ являются ниши, расположенные в различных местах комнаты. Ниши в жилищах этого времени интерпретируются как декоративный элемент. Ибн Баттута, описывая внутреннее убранство главного кади Ургенча Абу Хафса аль-Бакри, пишет, что стены приемного зала (кади) имеют «множество углублений («ниш»), а в каждом углублении серебряные позолоченные сосуды и иракские кувшины, поскольку таков обычай у жителей этой страны, украшать свой дом» (Тизенгаузен, 1884).

В целом отрарские «жилые комнаты оформлены разновысокими суфами с обязательным тандыром и керамическим очагом на полу помещения. Важную роль в интерьере больших помещений играли невысокие перегородки, отделяющие хозяйственные и санитарные уголки, тамбурные входы, коридоры» (Смагулов, Ержигитова, 2009, с. 239). Эти же интерьеры характерны и для домостроительства средневекового Миздахкана.

Литература

Акишев К. А., Байпаков К. М., Ерзакович Л. Б. Древний Отрар (Топография, стратиграфия, перспективы). – Алма-Ата: Наука, 1972. – 214 с.

Акишев К. А., Байпаков К. М., Ерзакович Л. Б. Жилище позднесредневекового Отрара (XVI-XVIII вв.) // Жилище народов Средней Азии и Казахстана. – М.: Наука, 1982. – С. 121-137.

Ахинжанов С. М., Ерзакович Л. Б. К вопросу о происхождении канов на Сырдарье. // Изв. АН КазССР, серия общ. наук, 1972, вып. 2. – С. 64-69.

Кдырниязов М.-Ш., Материальная культура городов Хорезма XIII-XIV вв. – Нукус «Каракалпакстан», 1989. – 175 с.

Кдырниязов М.-Ш., Исследования в восточном квартале I Миздахкана // Сб: «Вопросы истории археологии и этнографии Каракалпакстана». Вып. I. – Нукус: «Каракалпакстан», 1993. – С. 30-49.

Кдырниязов М.-Ш., Бауетдинов Р. Новые археологические данные о средневековом Миздахкане // Общественные науки в Узбекистане. – Ташкент, 2001. – № 3. – С. 52-56.

Кдырниязов М.-Ш., Археологические исследования в южной части Миздахкана // Археологические исследования в Узбекистане – 2000. (АИУ). – Самарканд. 2001. С. 96-98.

Кдырниязов М.-Ш., Миздахкан – памятник золотоордынской эпохи // История Поволжья и сопредельных регионов в средние века. М.: ГИМ, 2002. – С. 84-89.

Кдырниязов М.-Ш., Кдырниязов А. Раскопки средневековых жилищ в южной части Миздахкана // Археологические исследования в Узбекистане 2002 г. – Ташкент, 2002. – С. 78-85.

Кдырниязов М.-Ш., Саипов С., Кдырниязов А. Продолжение раскопок средневековых построек в южной части Миздахкана // Археологические исследования в Узбекистане 2003 г. – Ташкент, 2004. – С. 76-82.

Кдырниязов М.-Ш., Кдырниязов О.-Ш. Основные итоги изучения Миздахкана // Археологические изучения и их значение в развитии исторической науки в Каракалпакстане // Тезисы и материалы Республиканской научно-теоретической конференции, 18-19 декабря 2009 г. – Нукус, 2010. – С. 36-39.

Смагулов Е. А., Ержигитова А. А. Исследования древнего Саурана // Известия НАН РК. Серия общ. наук. – 2009. – № 1. – С. 236-256.

Тизенгаузен В. Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой орды. Том 1. – СПб., 1884. – 497 с.

Туребеков М. Т. Раскопки жилого массива гончаров средневекового Миздахкана // Археология Приаралья (АП). Вып. VI. – Нукус, 2003. – С. 67-79.

Туребеков М. Т., Бижанов Е. Б. Раскопки золотоордынского квартала в 1985 г. // Сб. «Вопросы истории, археологии и этнографии Каракалпакстана». – Вып. 2. – Нукус, 1993. – С. 14-29.

Саипов С. Т.

Каракалпакский государственный университет им. Бердаха, г. Нукус, Узбекистан

ОРНАМЕНТАЛЬНЫЕ МОТИВЫ КЕРАМИКИ МИЗДАХКАНА И ЕЁ ПАРАЛЛЕЛИ В ГОРОДАХ ОТРАРСКОГО ОАЗИСА

Средневековые города, расположенные в низовьях Амударьи, играли заметную роль в истории экономической и культурной жизни феодальных государств Средней Азии и Казахстана. Зарождение и развитие средневековых городов в этой части Центрально-Азиатского региона имеют своеобразные черты. Географическое положение дельты Амударьи, северо-западного региона, соседство земледельцев и кочевников Приаралья привели к развитию новых городских поселений в приграничных зонах. Здесь с раннего средневековья ощущается взаимодействие оседлого и кочевого населения. С другой стороны, в отдельные периоды средневековья хозяйственная деятельность населения местных городов тесно соприкасается с достижениями материальной культуры урбанизированных центров соседних регионов.

Это явление хорошо прослеживается по материалам средневековых городов Южного Приаралья и Отрарского оазиса. Исследования показывают, что в средние века между населением средней, нижней Сырдарьи и низовьев Амударьи были постоянные контакты в области культурной жизни. Отголоски этого взаимовлияния хорошо прослеживаются по керамическим материалам городища Миздахкан и городским поселениям Отрарского оазиса.

В нашем сообщении постараемся обобщить данные, связанные с орнаментальными мотивами керамики Миздахкана, и их параллели с украшениями гончарных изделий городских поселений Отрарского оазиса. Этому способствуют опубликованные артефакты, полученные в результате огромных археологиче-

ских исследований в Отрарском оазисе, и многолетние археологические раскопки на городище Миздахкан. Большинство раскопанных материалов из этих памятников к настоящему времени опубликованы (Акишев, Байпаков, Ерзакович, 1972, они же, 1986; Байпаков, Ерзакович, 1991).

Средневековый Миздахкан локализован известным городищем Гяур-Кала в Ходжейлийском районе Республики Каракалпакстан. Возникновение памятника относится к IV-III вв. до н. э., просуществовал он до XIII-XV вв. Древнейшая часть Миздахкана находится на западном холме, у основания крепости Гяур-Кала. В восточной части на возвышенности Мазлумхан-сулу расположен грандиозный некрополь с древними, средневековыми архитектурными сооружениями и погребальными памятниками. На равнине у этих холмов в эпоху Золотой Орды возникает неукрепленное поселение XIII-XIV вв. (Кдырниязов, 2002, с. 84-90; Кдырниязов, Бауетдинов, 2010).

Систематические раскопки археологов Каракалпакского государственного университета в 1985-2014 гг. в этом историко-культурном комплексе открыли множество разновременных памятников, начиная с древнейших времен (культурный слой кангюйского и кушанского времени) и заканчивая поздним средневековьем (Кдырниязов, 2008, с. 107-109; 2009, с. 82-86). Результаты этих исследований значительно расширили информацию о той историко-культурной ситуации, которая складывалась здесь на протяжении многих веков. Добытые материалы из Миздахкана вместе с другими артефактами использовались для описания керамического производства, производственной деятельности населения, архитектурных памятников и погребального обряда, религиозных верований древних жителей города. Однако приходится констатировать, что работа по изучению накопленных материалов велась весьма неравномерно. Целенаправленного исследования орнамента керамики в хронологическом контексте не проводилось. В связи с чем представляет интерес сравнение орнаментальных мотивов керамики Миздахкана с уже изучавшейся керамикой Отрарского оазиса.

Керамический комплекс Миздахкана характеризуется обилием сероглиняных чернолощеных изделий, поливной красноглиняной и кашинной керамики. В количественном отношении небольшую группу составляет лепная керамика. В ходе раскопок открыты десятки гончарных печей, среди которых выделяется большой керамический цех, мастера которых производили в основном сероглиняную неполивную керамику (Кдырниязов, Искендерова, Саипов, 2004, с. 103-106). В Хорезмском оазисе это первый объект, производящий продукцию массового характера. В многочисленных отвалах бракованной керамики сероглиняные изделия представлены в массовом количестве. Это дает возможность изучить характерные типы местного производства и отличительные признаки орнаментации гончаров Миздахкана.

Как отмечено, среди массы керамики основную часть продукции составляют неполивные изделия. Они встречаются в двух видах: сероглиняных, покрытых плотным черным ангобом, и красноглиняных, с красным ангобом. Ангоб покрывает сосуд полностью, включая наружную сторону. Характерная

особенность орнаментальных мотивов – это радиальные и параллельные линии, сетки, концентрические круги, изображение рыб, цветков лотоса (вариант осоки) и геометрические фигуры (арки). Эти орнаменты характерны для мисок, чаш, кувшинов и горшкобразных сосудов (рис. 1-2). Миски и чаши имеют плоскодонную (дисковидно-кольцевую) и коническую (сферическую) форму. Для этих изделий характерны прямые вертикальные или чуть отогнутые, полочковидные венчики. Подобные виды неполивных изделий представлены в материалах городищ Отрарского оазиса и его периферий, таких как Отрар, Мейрам-тобе, Бузук-тобе (Акишев, Байпаков, Ерзакович, 1972, с. 104-105; с. 158, 159, рис. 134,135; с. 167, рис. 144). Параллели неполивной керамики Миздахкана особенно выделяются на примере лепной керамики. Среди них отметим разнообразной формы крышки, изготовленные налепно-штампованным способом. Они четко отличаются друг от друга не только по форме и размерам, но и орнаментальными мотивами (рис. 3-4). В Миздахкане, как и в памятниках Отарского оазиса, встречаются плоские, сегментовидные и полусферические крышки (Акишев, Байпаков, Ерзакович, 1972, с. 94, рис. 48; с. 96, рис. 50; с. 103, рис. 57; Байпаков, Ерзаковии, 1990, с. 61, 63, 64-65, 66). Наиболее встречаемым орнаментальным мотивом, из коллекции Миздахкана и Отрарского оазиса является сочетание рельефно-выпуклой и рельефно-выемчатой орнаментации с «вихревыми» и «елочными» рисунками с налепными точками (или умбон). Кроме того, встречаются ромбики, насечки-наколки и пуансон. В целом неполивная керамика Миздахкана и памятников Отрарского оазиса в некоторой степени сближается основными элементами орнаментации, способом нанесения орнамента по функциональным зонам керамических изделий. Ранние аналогии взаимовстречаемости керамических орнаментаций этих двух урбанизированных регионов датируются с начала VII-VIII вв. вплоть до золотоордынского времени (XIII-XIV вв.).

Еще в раннем средневековье носители джетыасарской культуры (особенно на третьем этапе) в значительной степени повлияли на появление «кердерской посуды» (VII-VIII вв.) в дельте Амударьи. Этому типу керамики характерна грубость внешнего облика, ручная лепка и плохой обжиг. Форма, пропорция, внешняя отделка (налепные парные шишечки, ^/л – видные каннелюры) и качество кердерской керамики также близки джетыасарским изделиям. Такая керамика по данным исследователя керамики нижней и средней Сырдарьи Л. М. Левиной, свойственна для керамики городища Кескен-Куюк-кала. Вследствие миграционных процессов «кердерская керамика» джетыасарского облика четко проявляется в материалах Миздахкана, городищах Ток-кала, Куюк-кала, Курганча и Багдад. Все эти памятники расположены в правобережье дельты Амударьи. Влияние джетыасарской керамики наблюдается и на афригидскую керамику правобережнего Хорезма VII-VIII вв. (Неразик, 1966, с. 125-127).

Исторические параллели неполивной керамики Миздахкана с материальной культурой средней и нижней Сырдарьи вновь подтверждаются новыми исследованиями археологов Республики Казахстан. В частности, исследователи Института археологии им. А. Х. Маргулана МОН Республики Казахстан в 2005, 2009 гг. возобновили археологические работы на городище Джан-кала (Джент)

и Янгикент (Курманкулов, Аржанцева, Зиливинская, Рузанова, 2007, с. 27; Байпаков, Воякин, Умарходжаев, 2010, с. 100). В этих памятниках подавляющее большинство неполивной керамики составляли сосуды ремесленного производства. Среди них часто встречались образцы сероглиняных хумов, кувшинов, чаш и фляг. Встречаются кувшины двух типов: с коническим носиком и без него. Аналогии таким кувшинам часто встречаются по материалам Миздахкана (Кдырниязов М.-Ш., Кдырниязов О.-Ш., 2010, с. 137, рис. 2, 3).

В керамических материалах памятников правобережной зоны Сырдарьи, наряду с техническими приемами предыдущих периодов (XI-XIII вв.), в золотоордынскую эпоху появляются новые типы изделий. К таким можно отнести изделия, сформованные с помощью штамповки. Параллели им встречаются в городах Южного Казахстана и в средневековом Миздахкане XII-XIV вв. Кувшины и фляги с штампованными орнаментами обнаружены в Джан-кале (Джент), Уйгараке, Отраре (Сырдарья) и в Миздахкане. Неполивная посуда со штампованным, рельефным орнаментом на поверхности отличается высокой художественностью. В декорировке этих сосудов преобладают геометрические, растительные, эпиграфические и зооморфные изобразительные мотивы. Появление сосудов, украшенных штампованным орнаментом, связывается с подражанием дорогим металлическим сосудам. В этом плане большой интерес представляют находки «чернолощеной» керамики в Джан-кале (Байпаков, Воякин, Умарходжаев, 2010, с. 110). Изделия, украшенные «чернолощеным» способом, также были подражанием роскошной металлической посуде.

В ходе археологических работ на городище Миздахкан вместе с массовой неполивной керамикой собраны многочисленные образцы глазурованных изделий. Среди них богато орнаментированная красноглиняная и кашинная керамика с бирюзовой, бесцветной и кобальтовой поливой с над- и подглазурным орнаментом. Для красноглиняных изделий Миздахкана больше всего характерны изделия с зеленой и желтовато-коричневой поливой. Некоторые из них украшены подглазурной гравировкой. Такие же изделия свойственны и для памятников Отрарского оазиса (городище Бузук) (Байпаков, Ерзакович, 1990, с. 134). Другая параллель в керамике Миздахкана и Отрара чаще всего наблюдается в поливных чашах с бирюзовой поливой и подглазурной черной росписью золотоордынской эпохи. В миздахканских и отрарских чашах часто встречаются крупные рельефные точки на венчике, секторы, разделенные на подтреугольники, симметрично расположенные точки, арабская вязь черного цвета. Такого же цвета изображены «арки» на внешней стороне отрарских чаш (Байпаков, Ерзакович, 1990, с. 158, 167). В Миздахкане, как и в других памятниках оазиса, изделия с бирюзовой поливой имеют количественный перевес в отличие от других типов кашинной керамики. Здесь надо отметить, что такая керамика в Отрарском оазисе сформирована из глины, т. е. «основным материалом отрарских керамистов оставалась обычная глина» (Байпаков, Ерзакович, 1990, с. 24).

Параллели керамическим орнаментальным мотивам между городами Отрарского оазиса и Миздахкана наблюдаются и в архитектурной керамике, в облицовочных плитках (Жолдасбаев, Мустапаева, 2009, с. 196-199). Орнамен-

тальные мотивы облицовочных плит средневекового Сыгнака в некоторой степени повторяются в архитектурном декоре городища Миздахкан (Кдырниязов, Уталиев, 1999, с. 44-47).

Таким образом, археологические исследования, проведенные в конце XX – начале XXI в. на памятниках городской культуры средней и нижней Сырдарьи, дают интересные параллели с неполивной керамикой Хорезма. Многие морфологические признаки неполивной керамики Отрарского оазиса и дельты Сырдарьи были общими для средневекового Хорезма и соседних регионов Средней Азии. Однако существовали приемы украшения, присущие ремесленным изделиям городской культуры дельты Амударьи и Отрарского оазиса. Таковыми являются формы и орнаментация изделий с последующими оформлениями в виде штампованных, рельефных узоров, лощением на поверхности. Взаимопроникновение хорезмийских элементов в неполивную керамику центров средневековых поселений средней Сырдарьи можно связывать с прохождением караванной дороги через эти населенные пункты. С другой стороны, этим регионом обладали хорезмшахи-ануштегиниды. В золотоордынскую эпоху города Отрарского оазиса, как и северо-восточный Хорезм, входили в состав государства монголов, джучидов и шагатаидов.

Таким образом, артефакты свидетельствуют, что неполивная керамика средневекового Миздахкана имеет исторические параллели в археологической культуре Джеты-асар и в Отрарском оазисе. Это было возможно благодаря существованию торговых и культурных связей между этими регионами.

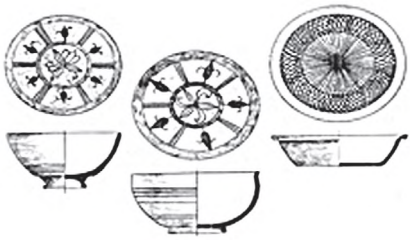

Рис. 1.

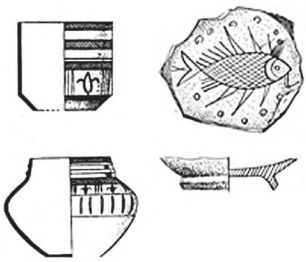

Рис. 2.

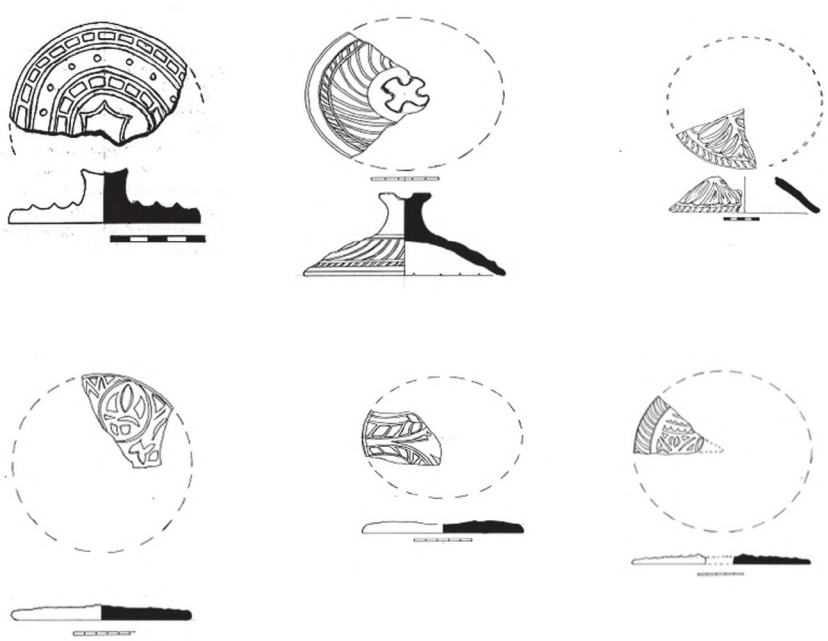

Рис. 3.

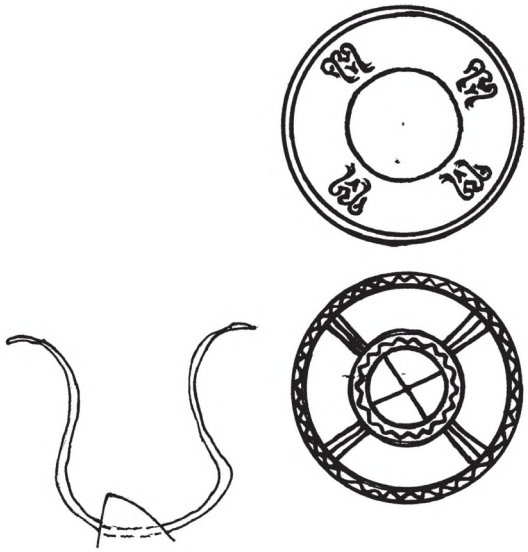

Рис. 4.

Литература

Акишев К. А., Байпаков К. М., Ерзакович Л. Б. Древний Отрар. – Алма-Ата: Наука, 1972. – 215 с.

Акишев К. А., Байпаков К. М., Ерзакович Л. Б. Отрар в XIII-XV вв. – Алма-Ата: Наука, 1986. – 253 с.

Байпаков К. М. Средневековая городская культура Южного Казахстана и Семиречья. – Алма-Ата: Наука, 1986. – 255 с.

Байпаков К., Ерзакович Л. Керамика средневекового Отрара. – Алма-Ата: Онер, 1990. – 211 с.

Байпаков К. М., Воякин Д. А., Умарходжаев А. А. Археологические исследования городища Джан-кала в Приаралье // Известия НАН РК, 2010. – № 1. – С. 100-122.

Жолдасбаев С., Мустапаева Д. Ортағасырлық Сығнақ каласының сәулеттик керамикасы // Известия НАН РК. Серия общественных наук, 2009. – № 1. – С. 196-199.

Кдырниязов М.-Ш., Уталиев С. А. Архитектурный декор золотоордынских памятников Миздахкана // Вестник ККО АН РУз, 1999. – № 2. – С. 44-47.

Кдырниязов М.-Ш., Миздахкан – памятник золотоордынской эпохи // Поволжье и сопредельные территории в средние века. Труды ГИМ. Вып. 135. – М., 2002. – С. 84-90.

Кдырниязов М.-Ш., Древний и средневековый Миздахкан // Вестник КГУ им. Бердаха. – Нукус, 2008. – № 1. – С. 107-109.

Кдырниязов М.-Ш., Раннесредневековый Миздахкан // Вестник ККО АН РУз, 2009. – № 2 – С. 82-86.

Кдырниязов М.-Ш., Искендерова А. Ж, Саипов С. Т. Гончарные печи средневекового Миздахкана // Ж. Вестник ККО АН РУз, 2004. – № 1. – С. 103-106.

Кдырниязов М.-Ш., Бауетдинов Р. Средневековый Миздахкан. – Самарканд, 2010. – 167 с.

Кдырниязов М.-Ш., Кдырниязов О.-Ш. Кочевнический компонент и демография золотоордынского города Хорезма (XIII-XIV вв.) // Известия НАН РК, 2010. – № 1. – С. 133-140.

Курманкулов Ж. К., Аржанцева И. А., Зиливинская Э. Д., Рузанова С. А. Археологические работы на городище Жанкент. Предварительные итоги // Материалы Международной НТК «Арало-Каспийский регион в истории культуры Евразии». – Часть 2. – Актобе, 2006. – С. 27-31.

Неразик Е. Е. Сельские поселения афригидского Хорезма. – М.: Наука,1966. – 153 с.

Кдырниязов М.-Ш., Кдырниязов О.-Ш.

Каракалпакский государственный университет им. Бердаха, г. Нукус, Узбекистан

СРЕДНЕВЕКОВАЯ УРБАНИЗАЦИЯ ПРИАРАЛЬСКОЙ ЧАСТИ КАРАКАЛПАКСТАНА

Археологические памятники приаральской части Каракалпакстана благодаря деятельности исследователей Хорезмской археологической экспедиции во главе с С. П. Толстовым, отрядом Института истории, археологии и этнографии (Каракалпакский научно-исследовательский институт гуманитарных наук) Каракалпакского отделения АН РУз и госуниверситета им. Бердаха к настоящему времени достаточно изучены. Например, усилиями археологов вдоль восточного чинка и в центральном Устюрте исследовано более семидесяти средневековых памятников: городища, святилище, грунтовые, курганные погребения и стреловидные планировки средневековья. Из них к урбанизированным объектам в периферийной зоне Каракалпакстана относятся городище Дэвкескен, Хантерсек (Ербурун), Шемаха-кала, Ай ата, Куланлы, Большой Айбуйир кала, Пулжай, Саксаулсай, Бограхан, Топрак-кала (Кунградская), Караумбет, Урге, Аджибай, Курганча, Кияжол I-II, Шибинды и другие. Все они соседствуют с оазисами оседло-земледельческой культуры или урбанизированными торгово-ремесленными центрами.

Структура периферийных городов отличается от поселений, расположенных в центральных земледельческих районах Центральной Азии. Археолого-топографические данные позволяют охарактеризовать особенности периферийных южно-приаральских средневековых городов. Здесь, как и в древние периоды истории Хорезма, города формировались у пограничных государственных крепостей. С. П. Толстов пишет: «Вдоль всей окаймляющей долину нижней Амударьи с запада могучей пятидесятиметровой стены чинка плато Устюрта расположена цепь хорезмийских укреплений, выстроенных в X в. и закрывающих все спуски с Устюрта в долину» (Толстов, 1948 б, с. 249). Следует указать, что эти крепости постепенно превратились в города, вокруг них существовали большие неукрепленные поселения с нерегулярной застройкой, типичные для этих мест хорезмшахского и золотоордынского времени. В них отсутствует четко выраженный ремесленный квартал и пригород-рабад. С раннего средневековья своеобразие наблюдается и в археологическом материале. Они представлены в виде сплава хорезмийских традиций и влияния извне, из сопредельных районов огузских и кердерских владений. Это показывает начавшееся ранее (IX-XII вв.) и продолжавшееся в XIII-XIV вв. проникновение в города Хорезма новых этнических элементов, активную тюркизацию местного населения.

Еще в раннем средневековье (X-XI вв.) происходит интенсивный рост городской жизни. В это время появляются и господствуют рабады – пригороды, сюда переходят центры экономической жизни городов. Начало этого процесса

зафиксировано у аль-Макдиси, который, перечисляя ряд городов в Хорезме, отмечает их рабады (Зардух, Садвар, Кят) (МИТТ, 1939, с. 187). Не случайно, именно в X-XII вв. некоторые раннесредневековые поселения превращаются в крупные городские центры (Толстов, 1948 а, с. 351-352).

Большинство городов периферийной зоны культурного оазиса развивались на одном и том же месте, это способствовало выделению городских территорий с торгово-ремесленным населением. По данным археолого-топографических изысканий, в X-XIV вв. значительный ремесленный подъем переживают крупные и средние города периферийной зоны оазиса. Большое значение для истории ремесленного производства имеет фиксация следов ремесленных мастерских на территории городов причинковой зоны Устюрта. Ремесленное производство существовало в X-XIV вв. в Большой Айбуйир кала (Баратегин), Топрак-кала (Кунградская), Пулжай и других городах. Еще в X в., по свидетельству средневековых авторов, в городах Южного Приаралья, помимо обработки продуктов сельского хозяйства и рыболовства, существовали металлообрабатывающая, оружейная, текстильная, кожевенная, судостроительная отрасли производства (МИТТ, 1939, с. 202). Следы ремесленной промышленности в последние годы изучены в Пульжае и Бограхане.

В памятниках северной части Каракалпакстана широко фиксируются кочевнические элементы. Отдельные памятники, например Пульжай, имеют своеобразную планировку. Обитатели этого открытого поселения, свои дома не строили по определенному плану. Здесь не наблюдается цепочек жилых кварталов и улиц. В планировке поселения господствуют развалины небольших построек, состоявших из одного, реже двух-трех помещений, без садово-огородных участков и дворовых оград (Кдырнизов, Искендерова, Турганов, 2006, с. 127-130; Кдырниязов М.-Ш., Амиров, Саипов, Кдырниязов О.-Ш., 2013, с. 81-88). Отсутствует общегородская стена. Такая хаотичная планировка, нерегулярные застройки типичны для этих мест, особенно хорезмшахского и золотоордынского времени. Возникновение этих памятников средневекового Хорезма над и под чинком Устюрта хронологически совпадает с усилением политической и культурной «экспансии» хорезмского государства. Хорезмшахи второй династии в лице Мамунидов (X в.) начали активные культурно-политические связи с Хазарией, Волжской Булгарией. Аль-Макдиси указывает, что «городами Хазарии иногда завладевает владетель Джурджании (Ургенча)». Их дела продолжают хорезмшахи-ануштегиниды. «Великие хорезмшахи» наряду с другими регионами Центральной Азии активно наступали на Мангышлак и низовья Сырдарьи. В свою очередь и кочевники Арало-Каспия благодаря интеграционным процессам проникают в культурные зоны. Это особенно наблюдается в памятниках каракалпакской части Устюрта. В районах Казган-2, Казган-4, Жарынкудук-4, Акчунгуль открыты многочисленные курганные могильники с характерными обрядами, инвентарем огузов и кыпчаков (Ягодин, 1991, с. 134-140). Полученные в последние годы материалы из городища Пулжай позволяют установить этнический состав, характерным для Средневековья этого региона. Здесь в двух объектах: мавзолее № 1 (2012 г.) и мечети (2014 г.) – обнаружен факт присутствия кочевого элемента. В мавзолее № 1 открыты длинные могилы

прямоугольной формы, заполненные темноватой глиной, отличающиеся от серо-песчаникового надувного насыпа, заполнявшего ограду (сохранившийся фундамент мавзолея). Внутри мавзолея выявлены останки взрослого и четырех детских погребений со слабо сохранившимися костями. Мелкая могила взрослого человека не превышает в глубину 30 см, по краям ямы аккуратно уложены четыре сырцовых кирпича, из которых сохранились два нижних ряда. Могила длиннее положенного костяка мужского пола. Костяк сохранился полностью, длина его составляла 185 см. Погребенный лежал на уровне пола сооружения на спине, кисти рук по бокам, ориентировано головой на запад. Головная часть (череп) погребенного перекрывалась сверху массивной плитой. В погребении найдено двусоставное железное удило с псалиями (Кдырниязов М.-Ш , Амиров, Саипов, Кдырниязов О.-Ш., 2013, с. 86-87). Захоронения с конскими принадлежностями являются несомненным атрибутом кочевников Арало-Каспийского региона, Южного Урала и Нижнего Поволжья, датируются периодом от IX-XI до XIII-XIV вв. (Фёдоров-Давыдов, 1966; Мажитов, 1981, рис. 17, 22, 24). Другая кочевническая могила в Пульжае открыта в 2014 г. в здании летней мечети. Здесь, на внешней стороне зимнего зала, ближе к западном углу полуоткрытой части летней мечети был помещен скелет в каменном ящике. Могильный ящик сооружен из каменных плит размерами 40х50х25, 68х45х20, 70х45х22, 72х45х27 см. Крышка гроба, немного сдвинутая к северу, также приспособлена из каменных плит. Скелет лежал на правом боку с согнутыми ногами, руки также согнуты, ориентировка черепа на запад с отклонением лица на юг. К ящику с восточной стороны вплотную погребен детский костяк. Детская могила аккуратно выложена из жженого кирпича с частичным применением каменных плит (неопубликованные материалы Пульжайского археологического отряда КГУ им. Бердаха, Нукус). Погребение в каменных ящиках в этом регионе характерно для кочевнических памятников, особенно для огузского (IX-XI вв.) и кыпчакского (XIII-XIV вв.) времени (Жарынкудук-4, Казган-4) (Ягодин, 1991, с. 136, 145).

Одной из отличительных особенностей процесса урбанизации в средневековом Хорезме следует считать возникновение ряда городов в результате взаимоотношений хорезмийского населения с кочевой степью. В связи с этим особый интерес представляют действия этнодемографического фактора. Наиболее распространенное явление для периферийной зоны территории Каракалпакстана в средневековую эпоху – это возникновение торгово-ремесленных поселений возле крепостей на периферии, в контактных зонах. В качестве примера можно привести памятники местной городской культуры: Пулжая, Богрохан, Шемаха-кала, Топрак-кала (Кунградская) и др. Археологический материал этих городищ представляет собой сплав хорезмийских традиций и влияний извне, из сопредельных районов огузских и кердерских владений (Древняя и средневековая культуре, 1978, с. 235; Ягодин, 1991, с. 173-175), что свидетельствует о начавшимся ранее (IX-XI вв.) и продолжавшемся в XIII-XIV вв. проникновениеи в города Хорезма новых этнических элементов, постепенной тюркизации им коренного населения. Таким образом, одна из причин активизации процесса урбанизации – этнодемографический фактор. Этнический фактор особенно характерен для новых левобережных городов и поселений городского типа в причинковой зоне

региона, таких как Баратегин (Большой Айбуир-кала), Гит (Пулжай), Мадминия (Богрaхан), Куджак (Топрак-кала Кунградская), Варгада (Кетенлер), Джувикан (Мончаклы).

В процессе урбанизации в Южном Приаралье важную роль сыграла торговля, связанная с внутренними и межрегиональными торговыми путями. В регионе в XI – начале XIV в. значительно выросла караванная торговля. С раннего средневековья население периферии выигрывало от удобного расположения в зоне контактов с кочевой степью, через Устюрт пролегали важные торговые пути, международного значения из Восточной Европы и обратно в Русь и на западные государства. Рост товарного производства в местных городах, активное вовлечение его в орбиту международной торговли, наличие трансрегиональных магистралей, проходивших через ремесленные центры, способствовали резкому повышению роли торговли. По данным аль-Макдиси, Хорезм в X в. торговал 43 видами продукции, из них 28 предметов ввозились из Волжской Булгарии (МИТТ, 1939, с. 202). Ф. Б. Пеголотти (1342 г.) в своей работе «Практический указатель купцам» также указывает на значение международной торговли через Устюрт. Другой итальянец, Джованни Монтекорвино, особо отмечая торговые дороги Золотой Орды, пишет, что «дороги императора северных татар самые короткий и безопасный». Тогда эта дорога осуществлялась из Золотой Орды в Западный Казахстан, Устюрт через Хорезм далее в Мавераннахр. Эта трасса существовала и во времена теимуридов (1388-1500 гг.) и купечества Антонио Дженкинсона (1558-1559 гг.).

В расширении торговли и повышении ее удельного веса во внутренней и международной сфере немалую роль играли дороги и торгово-транзитные магистрали, пересекавшие северную часть республики в XI-XIV вв. Изучение археологических памятников Восточного чинка и Центральной части Устюрта позволило наметить два направления торговых путей. Первое на северо-западе, где располагались сигнальные башни, караван-сараи, колодцы и сардоба (Манылов, 1982, с. 93-121). Другая дорога следовала из Гурганджа по Устюрту, выводила в Мангышлак (Астафьев, 2010, с. 38-117; Калменов, 2-13, с. 15-18). От этих магистралей расходились дороги между городами, и эти дороги играли важную роль в развитии торговли и установлении связей городов с внешним миром. Государство принимало меры для поддержки их благоустройства и безопасности.

Развитию урбанизационных процессов, появлению больших и малых городов способствовал ремесленный потенциал населенных пунктов. Еще на ранних этапах процесса урбанизации происходит отделение ремесла от сельского хозяйства, наблюдается концентрация ремесленного производства в определенных центрах земледельческих округов – в городах.

Культура периферийных городов характеризуется значительными изменениями. Приток в Хорезмский оазис новых масс кочевого населения, оседание их не только в приграничной зоне, но и в глубине области, иммиграция населения из низовьев Сырдарьи привели к инновации в городской культуре Хорезма. Городская культура в периферийной зоне области хотя и развивается под влиянием оседлого населения, здесь, как и раньше, параллельно с местными

традициями распространяются новшества в домостроительстве, керамике, украшениях и погребальном обряде.

Большинство городов в средневековом Хорезме возникли в результате социально-экономического развития страны, на базе земледельческих поселений. С. П. Толстов указывал, что города Хорезма в VIII-IX вв. сложились в виде торгово-ремесленных посадов у стен замков феодалов (земледельцев). Для городов IX-XII вв. характерно размещение городов близко к водным артериям. Города Гургандж, Миздахкан, Гулдурсун, Даудан-кала, Кават-кала, Хива, Джанпык-кала, Замахшар, Пулжай, Бограхан и другие или тяготели к самой Амударье, или к ее притокам: Дарьялык, Гавхорэ, Даудан, к каналам Хейканик, Мадра, Курдер.

Изменение гидрологического режима в дельте Амударьи привело к отмиранию жизни в некоторых городах и сельских поселениях. Изучение памятников IX-XIV вв.: Мончаклы, Кетенлер, Калалык, Топрак-кала (Кунградская), Томар кала I-III, Бограхан, Пулжай, Саксаулсай-кала, Шибинды, Караумбет, Кияжол и Урга-кала, расположенных в западной части Приаральской дельты, вдоль восточного чинка Устюрта, свидетельствует, что дельтовое русло было единственным источником водоснабжения городов. С изменением основного стока Амударьи в сторону Сарыкамыша (в конце XIV в.) города постепенно опустошались (Ягодин, 1986, с. 106-107). Таким образом, одним из факторов, способствовавших интенсивному развитию городских центров в северной части республики, было наличие крупных ирригационных систем в зоне орошения дельтовых протоков и русел Амударьи.

Несомненно, существенными факторами в сложении городов являлись благоприятная политическая обстановка и выгодное географическое расположение.

Совокупность фактов позволяет выделить основные этапы урбанизации в средневековом Хорезме. Урбанизация в Хорезме, как и в других районах Центральной Азии, имеет тысячелетнюю историю. В настоящее время установлено, что ранние этапы урбанизации в Хорезме начались в эпоху раннего железного века, т. е. в первой половине I тысячелетия до н. э. (Кюзелыгыр, VII-VI вв. до н. э; Хива, V-IV вв. до н. э; Ахшахан кала, IV в. до н. э – III в. н. э.). Однако, надо отметить, что на современном этапе археологического изучения территории северной части Каракалпакстана, на причинковой зоне не выявлены ранние этапы урбанизационного процесса.

На основе полученных археологических материалов в 40-60-х и 80-90-х годах XX в. мы выделяем следующие этапы средневековой урбанизации в Приаралье: раннесредневековый, хорезмшахский, золотоордынский и темуридской эпохи.

I. Раннесредневековый этап (VII-X вв.). Самыми раннесредневековыми городами Приаралья можно считать Кят (Фил), Хазарасп и Ургенч (МИТТ, 1939, с. 168). Как показали раскопки в двух последних городах, они сформировались еще в античное время (с VI в. до н. э. – IV в. н. э.). В результате развития градостроительной культуры региона число раннесредневековых городов увеличивается. В 30-х г. X в. число городов Южного Приаралья достигло тринадцати.

Среди них Кардар, Баратегин, Мазминия (МИТТ, т. 1, с. 178-179). Аль-Макдиси пишет: «Селение Баратегин (Большой Айбуйир-кала) большое. Оно в пустыне, поблизости от гор (Устюрт). Оттуда возят камень, в нем благоустроенный рынок и соборная мечеть на нем». Еще в раннем средневековье (X-XI вв.) происходит интенсивный рост городской жизни. В это время появляются и господствуют рабады – пригороды, сюда переходят центры экономической жизни городов. Стационарные раскопки на территории юго-восточной части Гяур-калы дали новые материалы о структуре раннесредневекового Миздахкана. В восточной части домонгольского памятника, ближе к крепости (Гяур-Кала), вне пределов городища обнаружены остатки стен и толщи культурного слоя более раннего времени (Кдырниязов, 2003, с. 83-84; Кдырниязов М.-Ш., Саипов, Кдырниязов А., 2004, с. 81-84). Видимо, в юго-восточной части крепости Гяур-калы (Миздахкан) в VIII-X вв. располагался пригород-рабад. Такой же процесс наблюдается и в крепостях неукрепленных поселениа Пульжай и Бограхан. Кроме того, раннесредневековые слои и артефакты обнаружены в городищах Караумбет, Куланлы, Аджибай и святилищах Сумбетимералан-куркреуик, Дуана, Жарын-кудук-10, стреловидных планировках Декча и Карам-ата. Керамические комплексы этих памятников относятся к хорезмскому, джетиасарско-кердерской (VII-VIII вв.) и огузскому периодом (IX-XI вв.) (Ягодин, 2013, с. 135-143).

II. XI – начало XIII в. «Хорезмшахский период». Урбанистический процесс затрагивает северо-западные окраины Приаралья. В это время городские центры отмечаются во всех регионах южной части Приаралья. Совокупность археологических и письменных данных показывает огромный шаг вперед экономики и культуры в культурной области низовьев Джейхуна по сравнению с предшествующими периодами (VII-X вв.). Расцвет городской жизни проходит на основе бурно развивающихся производительных сил, особенно городского ремесла. От этого периода сохранилось большое число археологических памятников – городищ (Куланлы, Большой Айбуйир кала, Миздахкан, Мончаклы, Кетенлер, Томар-кала I-III, Топрак-кала (Кунградская), Бограхан, Саксаул сай, Караумбет, Пулжай), факторий и караван-сараев (Малый Айбуйир-кала, Куланлы, Галыгумбез и др.). Они богато украшены глиняной декорацией – фигурной кладкой, резным штуком. Появляются кашинная, люстровая посуда и минай, разнообразный декор. Эти города расположены в зоне соприкосновения земледельцев Хорезма со скотоводами-кочевниками Арало-Каспийского междуморья. Некоторые из них выполняли задачу транзитного пункта для прохождения караванов и совмещали функцию торговой фактории (Куланлы, Малый Айбуйир-кала, Караумбет, Пульжай). Существенным фактором их развития являлись хорезмийско-кочевнические связи и их расположение возле крупной торговой трассы из Средней Азии в Восточную Европу.

III. Новый этап развития урбанизации в средневековом Приаралье относится к золотоордынскому периоду (XIII-XIV вв.). Археолого-топографический, структурно-планиграфический и экономический анализы памятников городской культуры этого этапа позволяют выделить три периода истории городов золотоордынской эпохи: 1 – раннезолотоордынский (40-50-е годы XIII в. – 1310 гг.), характеризуется восстановлением домонгольских городов; 2 – харак-

теризуется развитием градостроительства, замедленный рост сменяется подъемом городской жизни (1310-1360 гг.); 3 – характеризуется ослаблением градостроительной культуры (1370 – конец XIV в.). К северной периферий Каракалпакстана городами этого периода относятся Ургe, Пулжай, Саксаулсай, Каруамбет, Богрaхан, Кетенлер, Айата, Шемаха кала.

IV. Тимуридский этап. В это время северные периферийные города нынешней территории Каракалпакстана по-прежнему играли значительную роль в урбанизационных процессах. Источники сообщают, что в это время через Устюрт как и раньше, проходила караванная дорога (Ибн Арабшах – 1389-1450, Шамсуддин Мухаммед ходжа – 1438 г., Иоганн Шильтбергер – 1394 г., карты Бьянко – 1436 г. и Андряс Вальсбергера – 1448 г.). Эта дорога охватывала интересы расположенных городов причинковой зоны региона. К ним относятся городище Дэвкескен, Шемаха-кала, Богрaхан, Пулжай. В них отмечены находки тимуридской керамики и привозной импорт – селадоновые сосуды. Новое оживление урбанизационного процесса в XV в. связано с созидательной деятельностью Амира Темура и Темуридов.

Однако здесь надо отметить, что урбанистические явления, протекавшие в золотоордынскую эпоху, отличаются от предшествующих. Общий упадок оседло-земледельческой культуры в Средней Азии, Иране и в других сопредельных районах коснулся и Южного Приаралья. Начиная со второй половины XIII в. старые города в оазисах, где хозяйственная жизнь была временно приостановлена монгольскими завоеваниями, возродились и они становятся центрами торговли и ремесла в государстве Золотой Орды. Об оживлении городской жизни в золотоордынский период свидетельствуют историко-топографические наблюдения, продукция городского ремесла, архитектурные памятники и т. д.

Верификация письменных источников археологическими и нумизматическими материалами позволяет наметить изменения в городском организме, после монгольского нашествия. Здесь золотоордынские города занимали только внешние территории старых стен (Пулжай, Богрaхан, Топрак-кала Кунградская). Однако большинство городов, в связи с подъемом и ростом торговли, ремесла, с аграризацией городских поселений, продолжает свое развитие, наблюдается их территориальный рост. В XIII-XIV вв., как свидетельствуют археологические данные, в причинковой зоне оазиса новых городов, по существу, не появилось, но и количество старых резко не сокращалось.

Периферийные города оазиса возникали не в степях, как поволжские, а на месте старых городов и опирались на традиции оседло-земледельческой культуры. На развитие градостроительства повлияло удачное расположение области на отрезках дорог Великого шелкового пути. Материальная культура этих городов, развиваясь на основе достижений хорезмшахского времени, оставалась местной. Она являлась в меньшей степени «сплавом» различных культур по отношению к собственным центрам Золотой Орды. В целом письменные источники свидетельствуют, а археологические данные подтверждают, что многие города XIII-XIV вв. не были укрепленными.

Таким образом, в средние века вдоль чинка и центральных районов плато Устюрт появляются многочисленные поселения городского типа и караван-

сараи. Они служили интересам кочевников-скотоводов Арало-Каспийского междуморья и проезжим купцам из стран Востока и Запада. Материальная культура этих памятников оставалась местной, являлась в меньшей степени сплавом различных культур.

Литература

Астафьев А. Е. Пути торговых сообщений в эпоху средневековья на территории Арало-Каспийского водораздела. – Алматы, 2010. – 147 с.

Древняя и средневековая культура юго-восточного Устюрта. Ташкент: ФАН, 1978. – 327 с.

Калменов М. Д. Археологические памятники Устюрта и Мангистау на средневековых караванных путях (X-XIV вв.): автореф. дис. … канд. ист. наук. – Казань, 2013. – 27 с.

Кдырниязов М.-Ш., Кдырниязов А. Раскопки средневековых жилищ в южной части Миздахкана // Археологические исследования в Узбекистане 2002 г. – Ташкент, 2003. – С. 78-85.

Кдырниязов М.-Ш., Кдырниязов А., Саипов С. Продолжение раскопок средневековых построек в южной части Миздахкана // АИУ, в 2003 г. – Самарканд, 2004. – С. 76-84.

Кдырниязов М.-Ш., Искендерова А., Турганов Б. Археологические работы на городище Пулжай // в АИУ 2004-2005 гг. –Ташкент: ФАН, 2006. – С. 127-130.

Кдырниязов М.-Ш., Амиров Ш., Саипов С. Т., Кдырниязов О.-Ш. Археологические работы на городище Пулжай // Археологические исследования Узбекистана 2012 г. – Самарканд, 2013. – С. 81-88.

Мажитов Н. А. Курганы Южного Урала в VII-XIV вв. – М.: Наука, 1981. – 240 с.

Манылов Ю. П. Археологические исследования караван-сараев Центрального Устюрта // АП. Вып. I. – Ташкент,1982. – С. 93-121.

Материалы по истории туркмен и Туркмении. Том 1. – М.-Л., 1939. – 519 с.

Толстов С. П. Древний Хорезм. – М., 1948 а. – 352 с.

Толстов С. П. По следам древнехорезмийской цивилизации. – М.-Л., 1948 б. – 326 с.

Фёдоров-Давыдов Г. А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. – М.: МГУ, 1966. – 275 с.

Ягодин В. Н. Некоторые вопросы исторической географии Приаральской дельты Амударьи в VII-XIV вв. // АП. Вып. III. – Ташкент: ФАН, 1986. – С. 73-109.

Ягодин В. Н. Стреловидные планировки Устюрта (опыт историко-культурной интерпретации) // АП. Вып. V. – Ташкент: ФАН, 1991. – 203 с.

Ягодин В. Н. Типолого-хронологическая систематизация средневековой керамики Арало-Каспия // Приаралье на перекрестке культур. – Самарканд, 2013. – С. 135-143.

Жолдасбаев С. Ж., Нурханов Б. У., Бахтыбаев М. М., Мургабаев С. С., Малдыбекова Л. Д., Амантуров М. Қ., Арынов Қ. С.

Қ.А.Ясауи атындағы ХҚТУ Археология ҒЗО
Түркістан қ., Қазақстан

2014 ЖЫЛЫ ОРТАҒАСЫРЛЫҚ СЫҒАНАҚ ҚАЛАСЫНДА ЖҮРГІЗІЛГЕН ЗЕРТТЕУЛЕР

2014 жылы «Қызылорда облысы, Жаңақорған ауданындағы ортағасырлық Сығанақ қалашығына археологиялық қазба және зерттеу жұмыстарын жүргізу» атты ғылыми жобаны орындау барысында т.ғ.д., профессор С. Ж. Жолдасбаевтың жетекшілігімен Қ. А. Ясауи атындағы Халықаралық қазақ-түрік университеті Археология ғылыми-зерттеу орталығының Сығанақ археологиялық экспедициясы қаланың солтүстік қақпасында және қақпа маңындағы алаңда (қазба № 13) қазба жұмыстарын жүргізді.

Ғылыми жоба «Қызылорда облыстық Мәдениет басқармасының Қызыл орда облыстық тарихи және мәдени ескерткіштерді қорғау жөніндегі» коммуналдық мемлекеттік мекемесі тарапынан 262 «Облыстық мәдениет басқармасы», 005 «Тарихи-мәдени мұралардың сақталуын және қол жетімді болуын қамтамасыз ету» бағдарламасы аясында қаржыландырылды.

Зерттеудің негізігі мақсаты ортағасырлық Сығанақ қаласында зерттеу жүргізіп, материалдық және рухани мәдениетін, шаруашылық дәстүрін, әлеуметтік-экономикалық ахуалының негізгі элементерін қалпына келтіру болып табылды.

2014 жылы Сығанақ археологиялық экспедициясы археологиялық қазба жұмыстарын ортағасырлық Сығанақ қаласының солтүстік қақпасына, сонымен қатар қақпаның жанындағы алаңына салынды. Қазба алдында солтүстік қақпа аймағы толығымен ағаштар мен шөптерден тазартылды. Сонымен қатар жобасы сызылып, суретке, бейнекамераға түсірілді.

Қазба жұмыстарының алдында репер нүктесінен солтүстікке қарай 24х 24 м жерге 3х4 м көлемді шаршылар салынып, солтүстік қақпаның екі жеріне қазба жұмыстары басталып кетті (1-сурет). Қақпаның оң қапталындағы мұнараның үстіне көлемі 15х6 метр келетін кесік және қақпаның кіреберіс алаңына Ә-4, Ә-5 шаршыларына қазба жүргізілді. Қақпаның оң жақ бөлігіне салынған кесік 12 ярусқа дейін тереңдетілді (2-сурет). Қақпаға салынған кесіктің 5-6 ярусынан қорған дуалының қаланды кесектері шыға бастады. Осы ярустағы дуал іргесінен жалпы биіктігі 120 см келетін жартылай сақталған хум, түбек, екі дана майшам және бояулы-бояусыз керамикалық бұйымдардың сынықтары табылды. 11 ярустың тоғызыншы және он үшінші метріне дейін биіктігі 60 см жобасында көпір тіреуі тәрізді тапталған саз қабаты анықталды. Осы саз қабатының ортасынан аумағы 1,2 м келетін қоқыс тастайтын шұңқыр орны анықталды. Сонымен қатар қақпаның сол жақ бөлігін анықтау мақсатында екінші қазба салынды. Қазбаны тереңдеу кезінде ұзындығы 1,4 метр келетін үш қатар күйдірілген кірпіш қаландысы шықты. Қаланды сынық кірпіштерден

қаланған. Барлық кірпіштердің тегіс беті бір жақтама қойылған, яғни оңтүстік-шығыс жағы бір тегіс. Осы бөліктің жоғарғы қабатынан табылған археологиялық жәдігерлер.

Шыңылтырлы сегіз бұрышты қыш қаптама. Бұрыштан бұрышқа 16 см, қалыңдығы 2,1 см. Бетіне ақ, көк, сары (сирек кездесетін түс), жасыл түстермен өсімдікті-геометриялық өрнек түсірілген. Сақталуы орташа. Ұршық басы. Ешкінің түбітін иіруге арналған. Түбіт нәзік болғандықтан оның ұршығы да жіңішке болып келеді екен (Сунақата ауылының тұрғыны, өрмек тоқушы шебер Дүйсебаева Орыншаның айтуы бойынша). Табанының аумағы 5 см, биіктігі 3,5 см. Кесінді көрінісінде үшбұрыш тәрізді. Ортасында 0,7 см тесігі бар. Сонымен қатар қоладан жасалған безбен табылды.

Сонымен қатар, солтүстік қақпаның кіреберіс алаңының оң қапталына қазба салынды (3-сурет). Қазба бір күрек бойы қазылғаннан кейін шіріген қамыс пен пахса қабаты шыға бастады. Сонымен қатар осы күрек бойынан биіктігі 60 см көлемінде қос тұтқалы боялмаған құмыра (Ә-4) және сырлы, сырсыз керамикалық бұйымдар табылды. Осы қабатты анықтау масатында екінші күрек бойы қазба тереңдетілді. Осы қабаттан екі ошақ орны анықталды (Ә-4). Аршылған бірінші ошақтың аумағы 40х48 см, ошақ ауызынан оттығына қарай сопақша болып жасалған. Көлемі 25х25х5 см келетін күйген кіпіштерді тігінен қалау арқылы жасалған. Сақалған тереңдігі 30 см. Түбінде күл қалдықтары анықталды. Ішкі сылағының қалыңдығы 1,5 см. Сылағы сазбалшықтан иленгендіктен оттың әсерінен қызғыш түске енген. Ошақтың аузы 15-20 см көлемінде. Ошақтың алдынан 100х80 см көлемді ташнау анықталды. Ташнаудың ортасында көлемі 25х25х5 см, ортасында диаметрі 1 см тесігі бар бүтін кірпіш, ал қалған бөліктеріне сынған кірпіштер қиюласа төселген. Қазбаның солтүстік бұрышынан екінші ошақ орны аршылып, күл аралас бос топырақтардан тазартылып жобасы түсіріліп, фото суретке түсірілді. Ошақтың сақталған биіктігі 5 см. Ошақтың аузы, яғни батыс бөлігі күйдірілген қыштан тік қаланған. Осы кірпішке жалғаса аумағы 25х25х5 см келетін бір қатар қыш кесектер төселген. Ошақтың деңгейінен ұзындығы 10 см болатын қатты тотыққан темір жебе ұшы табылды. Қақпа алаңының батыс бөлігін тазалау барысында тоғыз қоқыс тастайтын шұңқыр аршылып, олардың іші бос топырақтардан тазартылды. Шұңқырлардың аумақтары 90-120 см, тереңдіктері 0,3-1 м. № 1 шұңқырды тазалау барысында керемикалық бұйымдар мен мал сүйектері табылды (Ә-6). Сонымен қатар жобасы сызылып, фото суретке түсірілді. Бұл қоқыс шұңқыры бірінші құрылыс кезеңінің еден деңгейінен басталды. Шұңқырдың ішкі бөлігі еден деңгейінен 50 см төмен жерінен қыш құмыраның бүйірі анықталды. Сонымен қатар құмыра орналасқан деңгей 20 см өртенген күл қабатынан тұрады. Қазба барысында Ә-5 шаршысынан оңтүстік бұрышынан № 2 қоқыс шұңқыры аршылып тазаланды. Аумағы 1,2 м, тереңдігі 0,5 м. Шұңқыр ішін бос топырақтардан тазарту барысында ірілі-ұсақты мал сүйектер мен сынған керамикалық бұйымдар теріліп алынды. Б-5 шаршы метрдің батыс бұрышынан № 3 қоқыс шұңқыр орны анықталды. Шұңқырдың аумағы 1,2 м тереңдігі 0,1 м.

Қоқыс шұңқыры бос топырақтан тазартылып, жобасы сызылды. Қазбаны солтүстік-шығысқа жалғастыру барысында Ә-3 пен Б-3 шаршы аралығынан № 4 қоқыс шұңқыры орны анықталды. Бұл шұңқыр қазбаның бастапқы деңгейіген 1 м тереңдіктен аршылды. Аумағы 1,5 м тереңдігі 1 м. Шұңқыр бос топырақтан және күлден тазартылып суретке түсірілді. Ішінен керамикалық бұйымдар мен мал сүйектері теріліп алынды. Шұңқырдың оңтүстік-шығыс бөлігі толығымен бұзылған. № 5 Қоқыс шұңқыры Б-1 және Б-2 шаршысынан бастапқы қазба деңгейінен 2 метр тереңдіктен анықталды. Шұңқырдың іші күлден толығымен тазаланды. Шамасы бұл қоқыс шұңқырына ошақ күлі тасталуы мүмкін. Шұңқырдың аумағы 1,65 метр, тереңдігі 0,4 м. Осы анықталған № 5 қоқыс шұңқырының оңтүстік бөлігінен 1,3 метр аралықтан қабырғаға жартылай кірген ошақ табылды. Бұл ошақ Б-1 шаршысының оңтүстігінде, қазбаның бетапқы деңгейінен 1,9 метр тереңдіктен ошақ орны анықталды. Ошақ қорған дуалының жиегінен жанама орналасқан. Ошақтың жалпы көрінісі жұмыртқа тәрізді. Ұзындығы 55 см. сақталған биіктігі солтүстік-шығысы 35 см. оңтүстік-батыс бөлігі 8 см. Ені 15-30 см. аралығында. Ошақтың алдын тазалау барысында күйдірілген кірпіштер қаландысы анықталды. Шамасы бұл қаланды кірпіштер ошақ алдындағы ташнауы болса керек. Ташнау кірпіштерін тазалау барысында яғни Б-2 шаршысының шығыс бұрышынан арабша жазулары бар мыс теңге табылды. Табылған мыс теңгенің сақталуы орташа. Ошақтың шығыс бұрышында аумағы 1 м. келетін жартылай сақталған шұңқыр орны аршылды. Сақталған биіктігі 70 см. Г-1 шаршыдан № 6 қоқыс шұңқыры анықталып, бос топырақтан тазартылды. Аумағы 1,5 м, тереңдігі 0,5 м. Шұңқыр ішінен мал сүйектері мен керамикалық ыдыс сынықтары теріліп алынды. Сонымен қатар Г,Д-1 шаршыларының ортасынан № 7 қоқыс шұңқырының орны анықталды. Шұңқырды құланды бос топырақтан тазалау барысында сынған керамикалық бұйымдар, хумның сынған бөліктері мен ірі мал сүйектері теріліп алынды. Шұңқырдың аумағы 1,5 метр, тереңдігі 2 метр. Бұл шұңқыр қорған дуалының жиегіне салынған. В-1 шаршысын қазу кезінде сынған хум табылды. Бұл хумның астынан биіктігі 89 см екінші бүтін хум табылды. Бетіне сынған хумның түбі қойылғандықтан ішіне топырақ түспеген. Шамасы хумдарды бір-бірінің үстіне қойған болуы керек. Г-1 шаршысын қазу барысында бастапқы қазба деңгейінен 2,5 м тереңдіктен № 8 қоқыс шұңқыры анықталды. Г-1 шаршысының оңтүстік бұрышында орналасқан, шұңқыр бос топырақтан тазартылып, жобасы түсірілді. Шұңқырдың аумағы 1,5 метр, тереңдігі 0,4 метр. Ішінен сынған керамикалық бұйымдар, мал сүйектері теріліп алынды. Д-1 шаршының солтүстік-шығыс бұрышынан № 9 қоқыс шұңқыры табылды. Аумағы 1,6 м, тереңдігі 0,6 м. Қоқыс шұңқыры бос топырақ пен күлден толығымен тазартылды. Сонымен қатар Д-1 шаршысының оңтүстік бөлігінен хум табылды. Ернеуінің аумағы 35 см, биіктігі 90 см. Бұл кездесіп отырған қоқыс шұңқырлары жоғарғы құрылыс кезеңінің сол замандарда пайдаланылған шұңқырлары болып табылады. Шұңқырлардың көп болуына байланысты астыңғы құрылыс орындарын анықтау мүмкін болмай отыр. Бұл шұңқылар құрылыстарды толығымен бұзып кеткен.

Сурет 1 – Солтүстік қақпа. Жалпы көрінісі

Сурет 2 – Кесік

Сурет 3 – Алаң. Қазбаның жалпы көрінісі

Нуржанов А. А.

Институт археологии им. А. Х. Маргулана, г. Алматы, Казахстан

СРЕДНЕВЕКОВЫЙ КАСТЕК

Условия и процессы формирования городской культуры в долинах рек Или и Чу, имеющих в Средневековье историческую со Средней Азией и Восточным Туркестаном, отличались от характера урбанизации юго-западных, южных областей этого обширного региона. До середины I тыс. н. э. вся территория Северного Притяньшанья была местом обитания кочевых скотоводческих племен, находясь как бы на периферии древних цивилизаций. С VI-VII вв. Шуйская, а с VIII в. Илейская долины превращаются в цветущие оазисы земледельческой и городской культур.

Урбанизация – одно из актуальных направлений исторической науки, охватывающих все сферы жизни общества. С ранних этапов становления и развития цивилизации ведущую роль в развитии общества и государственности играли города. Они совмещали в себе административные, военно-оборонительные, историко-экономические функции, являлись центрами науки, культово-культурной жизни, а также показателем уровня развития государственности и цивилизации народа.

Образование и развитие городов Средней Азии и Казахстана при всех общих закономерностях не были шаблонными, имели свои особенности. Структура средневековых городов также не была единой и зависела от объективных условий процесса градообразования. Этот вывод особенно важен и характерен для средневекового Казахстана, где формирование городских центров происходило в условиях исторически сложившегося взаимодействия оседло-земледельческого и кочевого населения, что сказалось на топографии и типах городов, своеобразии городской культуры (Акишев, 1983, с. 5-11).

Жетысу занимает Шу-Балхашский бассейн, средняя высота которого колеблется в пределах 300-400 м над уровнем моря, наиболее низкое место – низовья Шу. Продольная ось Шу-Балхашского междуречья проходит через низовья Шу-Балхаш, Алаколь и через Жунгарские ворота уходит в Западный Китай, к озеру Эби-Нор (Аболин, 1930, с. 60-61; Койчубаев, 1974, с. 78-79).

К югу от реки Или начинается Илийский (Заилийский) Алатау. Западная часть между правым берегом р. Шу и песками, окаймляющими нижнее течение р. Илие называется Шу-Илийскими горами, отдельные части которых носят название Кульжабасы, Хантау, Козыбасы. Они имеют многочисленные перевалы, удобные для колесного транспорта. Через Кордайский перевал проходит дорога, соединяющая Илийскую и Шуйскую долины. Еще один путь проходит через перевал Кастек, соединяя долину Или с котловиной Иссык-Куля и долиной Шу.

Перевал Кастек издревле служил для связи долин Шу и Или (Бартольд, 1966, с. 38). Упоминания об этом перевале сохранились в источниках XV в., описывающих поход Тимура. В 1375 г. армия Тимура из долины Иле шла в Атбаш через перевал Кара-Касман (Кастек) (Умурзаков, 1978, с. 81-83).

В 1390 г. Армия Тимура, преследуя Камар ад-Дина, бежавшего на Иртыш, шла из Ташкента к Иссык-Кулю, оттуда через горы Кок-тепе и через горный проход Арджату к Алмалыку (Алматы), через реки Или и Каратал к Иртышу (Бартольд, 1966, с. 205).

Горный проход Арджату, скорее всего, соответствует Урунг Арджу. Урунг, видимо, можно сопоставить с Узун, что означает в переводе с тюркских языков «долгий», «длинный». Ардж, как полагают исследователи, соответствует тюркскому же Арт и переводится как «горный перевал», «нагорье», «гора» (Кашкарий, 1966, с. 53-58).

Средневековое городище Кастек-1 (рис. 1) находится в 2,5 км от с. Кастек, на левом берегу реки Кастек, у подножья горы Суык-Тобе. Географические координаты: 43º03’03,54» С.; 75º59’09,11» В., на высоте 1296 м над уровнем моря. Перевал Кастек издревле служил для связи долин Шу и Или. Городище расположено на месте выхода горной речки из горных теснин на относительно широкую часть возвышенных прилавков, образующих возвышенное плато, при этом река еще сохраняет стремительность своего течения, создавая своеобразный звуковой фон местности.

Центральная часть памятника представляет собой несколько возвышенный, над общей поверхностью, подчетырехугольный участок, ориентированный углами по сторонам света. Размер по линии С-Ю – 210 м, В-З – 150 м, что составляет 4 га. Он обнесен крепостной стеной, которая выглядит как оплывший вал толщиной до 15 м, высотой до 4 м. По гребню вала видны впадины и всхолмления на месте оборонительных башен. В топографии городища выделяются 14 башен и 32 крупных домовладения, располагавшихся внутри стен, имеется и значительное число других построек, расположенных, главным образом, вдоль реки. Вокруг вала с трех сторон, кроме восточной, прослеживается ложбина рва глубиной 0,5-2 м и шириной 3-4 м, восточной стороной город располагался на высоком берегу реки, остатки построек не нем не зафиксированы Въезды находятся напротив друг друга в середине стен.

Археологические работы ведутся с 2011 г. Конструкции верхнего строительного горизонта, выявленные на глубине 0,6-0,8 м, были представлены основанием стен, сложенных из нескольких рядов булыжников средних и крупных размеров. Некоторые камни обрушились и сместились и таким образом не занимают четкого первоначального местоположения по отношению к основанию стен. Слой намытой глины, мусора и зольно-угольные прослои чередовались в раскопе. Они были насыщены раздробленными костями животных и мелкими фрагментами керамики, среди них встречались обломки сосудов разного размера и формы, украшенные зигзагообразным орнаментом.

При вскрытии верхнего культурного слоя, на глубине 0,5 м обнаружены стены и пол второго строительного горизонта. Стены помещений вытянуты с востока на запад. Сохранившаяся высота стен 0,4-0,5 м.

В 2013 году продолжены работы на раскопе 1. Раскоп заложен рядом с ЮЗ башней и примыкает изнутри к восточной стене.

Общий размер раскопа – 21х18,5 м; верхний строительный горизонт X-XIII вв. – 19х7 м; нижний строительный горизонт VIII-IX вв. – 19,5х10 м.

Верхний строительный горизонт X-XI вв.

Помещение 1а (6х5,3 м). Выше уровня пола находится тандыр из обожженной глины диаметром 40 см. Его внутренняя поверхность украшена орнаментом из углублений-вмятин и прорезных волнообразных линий, прочерченных вертикально. В помещении две мусорные ямы. Одна яма диаметром 150 см, вторая яма имеет внутренний диаметр 150 см, диаметр вместе с внешним обрамляющим выступом – 230 см. Входные проемы ведут в *помещения 2а* и *3а*.

Помещение 2а (4х1,6 м). В помещении находится глиняный тандыр диаметром 60 см. От тандыра отходит глиняный отросток, изгибаясь, он доходит до противоположной стены.

Помещение 3а (4х3,4 м). Возле юго-восточной стены расположена яма, диаметр которой 130 см. Яма окружена стенкой, от нее отходит отросток, который соединяется со стеной у входа.

Помещение 4а (4,1х3,1 м) объединяется входным проемом с *помещением 3а*. В южной части помещения имеется перегородка, отгораживающая часть помещения. В кладке северной стены сохранились камни. С юга на возвышенном участке расположено керамическое корытце, по форме напоминающее цифру 8.

Помещение 5а (1,8х2,2 м). Объединено проходами с *помещениями 7а* и *6а*.

Помещение 6а (2,2х2,2 м). Перегородка возле прохода в помещение образует тамбурный вход.

Помещение 7а (5х2 м). Помещение имеет входы в соседние *помещения 4а* и *5а*.

Помещение 8а (8,3х1,2 м) имеет вытянутую форму с переходом в *помещение 3а*.

Нижний строительный горизонт VII-IX вв. Стены сделаны из прессованной глины. Разрез стены по линии А-А в *помещении 2* с закладкой шурфа, обнаружен глиняный стилобат, на котором была возведена постройка. Толщина внутренних стен от 34 до 70 см, перегородок 25 см. На данном этапе работ помещения выявлены не полностью, стены уходят под бровки (рис. 2).

Помещение 1 (5х3 м). У юго-восточной стены толщиной 40 см расположен двухступенчатый жертвенник нишеобразных очертаний. Нижняя ступень выдвинута больше верхней, отступает от стены на 1,45 см. Ширина нижней ступени 1,5 м, ширина верхней – 1,1 см. На верхней ступени жертвенник – углубление из обожженной глины диаметром 40 см. С двух сторон от него – два шишковидных выступа диаметром примерно 8 см. У входа стоял сосуд, его верхняя часть отбита, диаметр широкой части тулова 35 см. На полу – очаг диаметром 0,52 см. *Помещение 1* соединяется с *помещением 2* входным проемом шириной 77 см. Южный угол помещения прорезает яма, вероятно, идущая с верхнего горизонта.

Помещение 2 (3,1х3,5 м). Вдоль северной стены протянута суфа шириной 80 см. Вдоль южной стены сделан стратиграфический срез А-А. Рядом заложен

шурф, обнаживший часть глиняного стилобата. В верхней части стены глина светлого оттенка, затем слой глины светло-кирпичного цвета. В глиняной стене есть тонкие прослойки известняка и вкрапления кусочков сухой глины.

Помещение 3 (5,2х3,9 м). *Помещение 3* соединяется проходом с *помещением 1*. Возле юго-восточной стены расположена суфа размером 2,7х1,85 м На суфе круглое углубление диаметром 1,60 см.

Помещение 4 (4,2х2,7 м). Вдоль западной и северной стен расположена суфа, ширина которой соответственно 70 и 50 см.

Помещение 5 (2,5х1,5 м). Толщина перегородки между *помещениями 5* и *7*, на которой обнаружены глиняные кирпичики, составляет 25 см. Кирпичи разного формата толщиной около 5 см, возможно использовались для облицовки. Ширина входного проема 80 см. Он соединяет *помещение 5* с *помещением 7*.

*Помещение 6 (*4,7х2,6 м) соединяется проходом с *помещением 7*.

Помещение 7 (неправильной формы 5,8х5,4 и 3,9 м) соединяется проходами с *помещениями 5*, *6* и *10*.

Помещение 8 (3,9х3,3 м). В *помещении 8* два входных проема. Один проем шириной 80 см ведет в помещение 7, второй проем шириной 90 см соединяет с *помещением 9*. Возле этого входа вдоль юго-восточной стены – суфа шириной 75 см. В северной части суфы имеется возвышение.

Помещение 9 (4х2,1 м) соединяется проходами с *помещениями 8* и *10*. В северо-западную стену врезан очаг диаметром 50 см.

Помещение 10 (8х2 м). *Помещение 10* соединяется с *помещениями 7* и *9* входными проемами шириной 80 см. Уровень пола в *помещении 10* ниже, чем у соседних. Из помещения 7 ведут две ступеньки, ширина нижней ступеньки 30 см, высота 10 см. Слева от входа расположена суфа шириной 60 см. Она примыкает к стене, толщина которой 40 см. Из *помещения 9* можно спуститься по одной ступеньке (рис. 3, 4, 5).

У юго-восточной стены расположен глиняный алтарь с двумя полуовальными ступенями. На верхней плоскости алтаря – углубление в виде чаши из обожженной глины диаметром 40 см. Поверхность чаши украшена наклонными прочерченными линиями. С двух сторон от нее находятся два шишковидных выступа диаметром около 8 см. На полу вблизи алтаря – очаг диаметром 52 см. У входа в помещение стоял керамический сосуд с отбитым верхом. Вдоль северной стены расположена суфа шириной 80 см. Помещение 1 объединяется проходами с помещениями 2 и 3.

Глиняные двух- и трехступенчатые алтари известны на средневековых памятниках Средней Азии, Южного Казахстана и Юго-Западного Жетысу. Археологические исследования показали, что подобные алтари могли использоваться по-разному: на одних возжигался огонь, на других устанавливались скульптурные изображения, символы богов, возлагались дары, производились воскурения. Форма жертвенников нишеобразная или арочная, подобная форма двухступенчатого алтаря из Кастек-1 объясняется единой с нишами символикой (Умирзаков, 1978, с. 53-58).

Основным материалом из раскопок городища Кастек-1 является керамика. По технологическим признакам определяются две большие группы керамики лепная и станковая. Вся керамика рассматривалась двумя хронологическими периодами: конец VIII – начало X в. и X – начало XIII в.

Керамика VIII-началохвека. Котлы, горшки, хумы представлены фрагментами венчиков, боковин и донцов. Для изготовления такой посуды использовалось местное сырье – ожелезненные глины с большим количеством естественных примесей – полевых шпатов, кварца, бурого известняка и слюды. В качестве отопителей применялась гранитная дресва, пух камыша, рубленная мелко соломка (стебли камыша).

Дастарханы сохранились во фрагментах, что, однако, позволяет определить их диаметр от 30 до 50 см. Массивности стола соответствовала небрежная орнаментация резьбой. Традиционные элементы орнамента на внешней стороне дастарханов – круги, зигзаги, насечки, стилизация растительности, параллельные врезные линии в различных направлениях создавали своеобразные неповторимые сочетания.

Украшались орнаментом и оборотные стороны столов, для того чтобы в тот период времени, когда столик не использовался, его вместе со всеми столовыми принадлежностями можно было поставить украшенной стороной к гостям. А также столики, как известно, до недавнего времени у народов Средней Азии выставлялись в специальных нишах (Нуржанов, Терновая, 2014, с. 312-316).

Дастарханы изготовлены обычно из теста с обильной примесью дресвы, шамота или песка. Обжиг высокий, но иногда неравномерный с серой прослойкой в толще дисков, ножек и подставках. Большое сходство в формах и орнаментальном убранстве дастарханов прослеживается в южно-казахстанских коллекциях (Пугаченкова, 1950).

Стол рассматривается как сакральный центр жилища. Переносный столик, как и очаг, мог служить местом жертвоприношения и пользовался особым почетом. В большинстве культур существует почтительное, религиозное отношение к пище. Угощение приобретает ритуализированный характер. Так, у многих народов, занимающихся скотоводством, существует связь между статусом участников застолья и определенными частями подаваемой к столу мясной пищи. Коллективная трапеза с расчленением туши животного восходит к древним ритуалам. В мифологической традиции человек или животное, приносимые в жертву, воплощают в себе космос и служат материалом для его создания (Сагалаев, Октябрьская, 1990).

Котлы. Наиболее распространенный тип посуды. Тулово имеет чаще всего сферическую форму. Диаметр устья варьирует от 20 до 30 см, покрытого с внешней стороны желтоватым «ангобом». Различаются по профилировке горловины, варианты которой бесчисленны. Налепные ручки также разнообразны: это и круглые в сечении, и в виде жгута, и полукруглые глухие. Часты вдавления пальцами и у основания ручек. Стабильность существования подобных котлов

позволяет о традиционности в технологии производства этого типа керамики. Аналогичные котлы широко распространены не только в Чуйской, но и в Таласской долине и Южном Казахстане (Агеева, Пацевич, 1958, с. 181-185).

Горшки также распространенный вид посуды данного периода. Общим видом напоминают котелки, т. к. имеют сферическое тулово. Однако отличаются меньшими размерами и профилировкой горловины. Закраина отогнута резко наружу, образуя зауженную горловину. Иногда на тулове, около горловины, имеется небольшая петлевидная вертикальная ручка.

Тагора – один из немногочисленных типов керамики, изготовлявшихся на гончарном круге из теста хорошей отлучки с небольшими примесями песка и гипса. Представлены во фрагментах верхней части сосудов. Утолщенная закраина обычно имела площадку, горизонтальная часть которой украшалась волнистой врезной линией. Диаметр устья достигал 54 см.

Кувшины, как гончарные, так и лепные, найдены целые и во фрагментах. Лепные с широкой горловиной и вертикальной укороченной ручкой в верхней части и налепом – шишечкой и вдавлениями у основания. Диаметр горловины 8-10 см. Служили для переноски жидкостей. Некоторые кувшины имели слабовыраженный слив. Внешняя поверхность покрывалась ангобом (рис. 6-11).

Кружки. Представлены открытой формой с перегибом и петлевидной вертикальной ручкой, нижнее основание которой находится у плоского дна, а верхнее над перегибом.

Профилировка кружек становится более четкой. Они все изготавливались на гончарном круге и орнаментировались штампованным орнаментом (рис. 12).

Котлы не претерпели каких-либо существенных изменений, они также остаются ведущей формой. Характерной особенностью котлов этого периода является изготовление их смешанной техникой. В этом случае венчик котла 4-4,5 см формовался на гончарном круге, тулово же лепилось от руки. Стабильность существования этих котлов наряду с лепными позволяет говорить о традиционности в технологии производства данного типа.

Крышки. Характерной особенностью украшения крышек карлукского периода является наличие более глубокого врезного волнистого и появление крестообразного штампованного и елочного орнаментов. Приемы оформления ручки в виде зооморфных фигур отражают преемственность традиции предшествующего времени. Крышки аналогичной орнаментации встречались в слоях IX-X вв. в Юго-Западном Жетысу на городище Кулан (Нуржанов, 1993, с. 102-112), а также на городищах Шуйской (Кожемяко, 1959, с. 40-42) и Таласской долин этого же времени.

Тагора в данный период получает широкое распространение. Некоторые элементы ее видоизменяются: так, появляется отогнутая закраина с горизонтальной площадкой и подтреугольная в сечении. Так, обычной становится небольшая петлевидная вертикальная ручка в верхней части корпуса. Диаметр горловины тагоры варьируется от 46 до 60 см, украшается волнистым орнаментом как по

внешней, так и по внутренней поверхности. Подобный орнамент наносится и на верхней площадке закраины, что объединяет эти сосуды с аналогичными в Таласской долине (Бубнова, 1963, с. 138).

Керамика второй половины X – начала XIII в. в отличие от предыдущего периода, изготавливается на гончарном круге, и лишь некоторые второстепенные формы по-прежнему лепились от руки.

В это время появляется поливная посуда (рис. 14, 15, 16).

Неполивная станковая посуда представлена следующими видами.

Котлы характеризуются сферическим приплюснутым сверху туловом, изготавливались из теста с примесью дресвы. Большинство котлов имеет две горизонтальные петлевидные ручки, круглые или овальные в сечении. Встречаются единичные экземпляры котлов с петлевидными, подквадратными в сечении ручками.

Горшковидные сосуды имеют округлое приземистое тулово и высокую горловину, диаметр которой равен или немногим меньше диаметра тулова. Среди горшковидных сосудов выделяются три разновидности по количеству ручек: горшки без ручек, с двумя и четырьмя ручками. Ручки вертикальные, петлевидные, чаще плоские сверху, реже с каннелюрами.

Кувшины двух видов: столовые и водоносные.

Столовые кувшины с узким (диаметр венчика 5-7 см), но невысоким горлом. Горловина и тулово соединялись коленчатой, округлой или уплощенной в сечении ручкой, иногда с одним или несколькими выступами.

Водоносные кувшины имеют широкое низкое горло, плавно переходящее в округлое тулово.

Хумы, как и прежде, имеют вытянутое яйцевидное тулово и изготавливаются техникой сборки из отдельных полос. На стенках ряда хумов и на венчиках есть оттиски штампов в виде «решетки в круге» или четырехлепестковых цветов. Аналогичный прием нанесения штампов на венчик и тулово хумов был распространен в XI-XII вв. в керамике Чуйской долины. Круглые штампы, по мнению А. Н. Бернштама, являлись одновременно и клеймами мастеров, и украшением. Штампы-клейма на хумах из Чуйской долины так же, как и на хумах с городищ Северо-Восточного Жетысу, бывают и круглые, и продолговатые, и различными заполнениями внутри – секторальной разбивкой «сеткой, виньетками» (Берштам, 1952, рис. 70).

Необычный керамический кувшин с носиком, по форме – *кумган* (тюркск.) или *афтоба* (иран) был найден в караханидском слое X-XI вв. Сосуд светло-кирпичного цвета, без лощения и ангоба. Форма его обтекаема – тулово плавно расширяется от венчика и сужается к донцу. Высота сосуда 22 см, диаметр донца 9 см, диаметр венчика 6,3 см. Самая широкая часть тулова – 15,5 см. Толщина донца 1,5 см, стенок – 0,6 см. Коленчатая ручка шириной 3 см с внешней стороны имеет незначительный выступ, проходящий посередине с внешней стороны. Крышка с выпуклым навершием прикреплена к венчику сосуда и составляет с ним

одно целое. Под крышкой, вплотную к венчику, на тулове сделан сквозной проем трапециевидной формы, высота его 5,2 см, нижняя грань равна 5 см, верхняя – 3 см. Диаметр носика в месте крепления к тулову равен 3,5 см, с противоположной стороны 1,5 см. Длина носика 2,5 см, сквозное отверстие имеет диаметр 0,8 см.

Керамический сосуд мургоби, светло-кирпичного цвета из слоя X-XI вв, имеет округлое тулово, сужающееся к донцу. Диаметр широкой части тулова – 20,3 см, донца – 11,5 см. Ручка прикреплена к верхней части сосуда и к его горловине. Высота сосуда с ручкой – 25 см. По тулову под ручкой прочерчены три линии.

Каменный оселок имеет размер 7,6х2,4 см. В верхней части толщина 0,6 см, в нижней стертой части – 0,4 см. Форма оселка – вытянутый овал. Отверстие для подвешивания имеет диаметр 0,4 см. На нерабочей поверхности белой краской изображен растительный орнамент (рис. 24).

Предметы вооружения представлены наконечниками копий, дротиков, стрел и пластинами от панцирных доспехов.

По функциональному назначению копья относятся к колющему древковому оружию ближнего боя (Мандельштам, 1956). Длина пера 8-15 см, диаметр втулки 3-4 см. Втульчатая часть орудия имеет «брюшко», образованное в результате смыкания железа: «сомкнутый шов». Копье было непременной принадлежностью тяжеловооруженного всадника, принадлежало к излюбленному и одному из основных видов оружия средневековых кочевников. В арабских письменных источниках особо отмечается, что копье тюрок короткое и полое. А короткие копья пронзают с большей силой и более легки для ношения (рис. 19).

По этнографическим данным, копье (туу, найза) играло определенную роль в погребально-поминальном обряде казахов и киргизов (Фиельструп, 2002). Наряду с любимым конем и одеждой оно выступало в качестве временного заместителя покойного. На сороковой день сквозь кошму юрты продевалось копье или деревянный шест с привязанным белым или красным платком (либо собственным знаменем умершего), что указывало на траурную церемонию. После окончания траура копье преломлялось. На могилу копья не ставились.

Защитный доспех является важной и неотъемлемой частью оружейного комплекса. Именно защитное вооружение, благодаря особенностям конструкции и оформления, может выступать дополнительным источником при этнографическом и историко-экономическом анализах. Массовое применение и высокое качество защитного доспеха позволяют судить о развитии военного дела, ремесла и т. д.

Основным критерием для выделения типа панциря служит тот или иной способ крепления панцирных пластин к основе либо скрепление их между собой. Форма и материал, из которого выполнены пластины, количество отверстий и прочее являются второстепенными признаками по отношению к конструктивным особенностям доспехов. Итак, различают четыре основных типа панцирей: а) чешуйчатый; б) ламеллярный; в) ламинарный; г) пластинчатый.

В ходе раскопок городища Кастек-1 обнаружены 2 типа панцирных пластин. Тип 1. Пластины, имеющие округлый верхний край и подпрямоугольный нижний. Длина пластин 7,0-7,5 см, ширина 2,5-2,7 см, толщина 0,1-0,3 см, у основания пластин слегка сужаются. Отличительные особенности: наличие полусферических выступов в верхней части и значительная толщина. Каждая пластина снабжена двенадцатью отверстиями.

Тип 2. Пластина, имеющие округлый верхний край и подпрямоугольный нижний. Размеры пластин: длина 9,5-10 см, ширина 2,3-3,0 см, толщина 0,1-0,2 см. отличительные особенности: часто слегка вогнуты в верхней части (рис. 21).

Ножи. Относятся к одной из наиболее массовых категорий сопроводительного инвентаря. Все ножи достаточно однотипны: однолезвийные, черешковые, спинка прямая, а лезвие иногда вогнуто. Ширина лезвия 1,5-2,0 см, а длина 12-14 см. при переходе к черешку имеется выступ с одной либо с двух сторон.

Наконечники стрел. Железные наконечники стрел относятся к отделу черешковых, которые делятся на типы по форме пера. Наиболее распространенными являются трехлопастные наконечники с различной формой пера. Трехлопастные наконечники с небольшими изменениями (в конце I – начале II тыс. н. э. становятся более массивными) применялись в течение всей второй половины I тыс. н. э. Часть из них имеет отверстия в лопастях, как считается, для усиления вращения стрелы в полете. О попадании крутящейся тюркской стрелы сообщается и в письменных источниках. Многие наконечники снабжены полыми шариками, свистунками, каждый из которых, как известно, мог служить муфтой, а также производил пронзительный свист при полете стрелы. Как правило, свистунками оснащены трехлопастные наконечники (рис. 22).

Снаряжение верхового коня. Конь играл огромную роль в жизни, религиозных представлениях и ритуалах древних тюрок. Его значение в военном деле, хозяйственной и других сферах жизни тюрок невозможно переоценить. Именно поэтому конь занимал особое место в мировоззрении тюрок: был жертвенным животным в посвящении божеству, в погребально-поминальном обряде и т. д. (Нестеров, 1990). Предметы, относящиеся к снаряжению (удила и псалии, стремена, подпружные пряжки), образуют представительные серии и зачастую обладают датирующими и этнопоказательными признаками.

Удила и псалии – наиболее массовый археологический материал, как известно, являющиеся важной частью узды. Псалии и удила представляют собой единый «комплект» (находки удил без псалий часто объясняются плохой сохранностью последних, т. к. часто они были выполнены из органических материалов), с другой стороны, окончания удил и псалий – наиболее изменчивая часть, тогда как грызло неизменно и состоит из двух подвижных стержней. Удила бывают однокольчатые и крюковые.

а) Однокольчатые удила со звеньями, заканчивающимися одним кольцом, предназначенным для крепления псалия и дополнительного кольца для повода.

б) Двукольчатые удила. Окончания звеньев удил снабжены двумя кольцами: внутреннее предназначалось для псалия, а во внешнее вставлялось кольцо для повода.

Уздечные наборы – важная составная часть узды. Они включают немногочисленные бляхи округлой формы. Бляхи прикрывают перекрестья ремней. Подобные уздечные наборы отличает значительная вариабельность и индивидуальность в оформлении блях, их размеры, наличие дополнительных деталей (налобной бляхи).

Подковы изготавливались из плоских пластин, к концам они несколько толще и уже. В сечении – треугольные.

Среди подков, составляющих коллекцию из городища Кастек, выделяются два вида.

Подковы первого вида – овальные размером 12х15,2 см, шириной 2,5 см, к концам сужаются до 1,2 см. Сечение подковы треугольное, толщина 0,6 см, концевые сечения квадратные, их размер 1х1 мм. Симметрично располагаются сквозные прямоугольные отверстия для заклепок. Концы разведены не широко. Подковы второго вида в форме полумесяца острые и разведены довольно широко. Изготовлены из плоской пластины, треугольной в сечении. Симметрично расположено 3 сквозных прямоугольных отверстия для заклепок.

С древнейших времен в жизни населения Юго-Восточного Казахстана важную роль играло земледелие. В эпоху бронзы большинство поселений располагалось на берегах маленьких степных рек либо ручьев, стекавших с гор. Рядом с ними в поймах рек находились поля и огороды. Позже различные племена также занимались как скотоводством, так и земледелием. Археологи доказали, что на юге страны примерно в II-III веках н. э. жили земледельческие племена. Занимаясь земледелием, они использовали оросительные системы в виде арыков и каналов.

Ущелья предгорий Жетысу вытянуты в направлении север-юг, что в утренние и вечерние часы знойного лета защищает почву дна вместе с растениями от палящих лучей. Это создает благоприятные условия для земледелия предгорья. «Лучшее мясо на костях, а лучшая земля средь гор» – гласит народная мудрость. При богарном (неполивном) земледелии посевы увлажняются за счет почвенной влаги и дождей, главным образом весенних. Само название такого вида земледелия происходит от иранского «бахор» – весна (Мурзаев, 1975).

Глядя на древние оросительные системы, физически невозможно охватить ее взглядом с одной точки. Только визуальный осмотр оросительных древних арыков сегодня занимает много часов. Нелегкий труд земледельца, включавший раскопку земли, посев, орошение, возможную прополку, охрану от потравы, уборку урожая, ремонт и чистку арыков, требовал участия многих людей. Остается предположить, что поля, вместе со всеми соответствующими обязанностями по их обработке, были поделены между различными группами людей городища Кастек.

Километровые акведуки и развитая ирригационная сеть, выявленные на сегодняшний день, не единственные свидетельства высокоразвитого поливного земледелия. На раскопе также найдены другие инструменты земледельцев.

Изучение коллекции металлических предметов выявило большую серию земледельческих орудий, набор которых говорит о высокой технике агрокультуры. В том числе кованые и литые лемехи, кетмени. Известно, что омач, соха и плуг – принципиально разные орудия. Омач работает как почвоуглубитель, на что уже обращали внимание некоторые специалисты.

Омачи изготавливались из дерева. Для корпуса использовались породы деревьев с плотной и крепкой древесиной: урюк, карагач, вяз, орех, шелковица (тут) и лох (джида). Обязательной деталью омача был металлический наконечник, называемый «тіс». Это двухлопастные литые чугунные и железные наконечники.

Кетмены – земледельческие орудия типа мотыги. Кетменем подготавливали целинный участок к пахоте, очищали его от кустарника и других растений, осуществляли планировку участка, разбивали крупные комья земли после пахоты, приготовляли арыки.

Все работы по созданию и поддержанию оросительных и мелиоративных систем производились исключительно кетменем. Изготовление кетменей в условиях кустарной кузницы было сложной и трудоемкой работой. Их производство было сосредоточено в ремесленных кузничных центрах, так как кустарным способом кузнецы чаще всего занимались только ремонтом инвентаря. Кетменщик относится к числу мастеров высшей категории (Савельева, Зиняков, Воякин, 1998).

Серпы – режущие орудия труда, применяемые при уборке хлеба. Наиболее жетысуская форма серпа та, у которой деревянная рукоять с копытообразным уступом на конце (для упора руки жнеца) расположена под прямым углом по отношению к лезвию. Стержень, соединяющий лезвие и рукоять-предручье, образует с лезвием угол в 60-80° и, соответственно, с рукоятью угол в 150-170°. Стержень заканчивается симметричным расширением в виде двух выступов и заостренным черенком, между выступами посередине пробивали отверстие для гвоздя. Во время исследования сельской округи городища Кастек найдены водопроводные трубы. Каждое звено водопровода – это труба из обожженной глины, покрытая светлым ангобом. Один ее конец несколько заужен, венчик отогнут слегка наружу, другой расширен раструбом, венчик утолщен в виде манжеты шириной 3 см. Внешний диаметр трубы: у узкого конца 15 см, у широкого – 16 см, длина трубы 42-43 см, толщина стенок 1,8-2 см. Узким концом труба вставлялась в широкий конец другой, соединение было плотным, так как дополнительной обмазки по стыкам не обнаружено (рис. 13).

Чираги. Лепные чираги представлены грубыми, небрежно обработанными сосудами, имеющими шаровидный уплощенный резервуар, длинный носик, перемычки между носиком и резервуаром нет. В центре корпуса – круглое отверстие для наливания масла, которое в некоторых случаях окружалось рельефным бортиком. Чираги имели петлевидную ручку, возвышавшуюся над туловом.

Поливные чираги с цилиндрическим резервуаром, длинным носиком покрыты зеленой и коричневой глазурью. Ручки некоторых чирагов имеют

щиток (или пяту) – упор для большого пальца, в основном листовидной или треугольной форм, но встречаются трапециевидной, округлой и пятиугольной форм. Щитки, как правило, орнаментировались. Изображения, оттиснутые на них штампом, в основном растительно-геометрического характера – стилизованные виноградные листья, трилистники, пальметты, побеги, составляющие симметричные либо асимметричные композиции. Все эти признаки характерны также и для светильников других памятников как Юго-Западного Жетысу, Южного Казахстана, так и для Средней Азии рассматриваемого времени (Сенигова, 1972, рис. 11, 14, 15).

Современные экспериментальные исследования осветительных приборов показали, что, несмотря на сравнительно небольшие размеры, в зависимости от толщины фитиля светильник мог гореть от 30-40 минут до 2-3 часов, давая сравнительно немного света. А при двух зажженных светильниках вполне можно читать (Журавлев, Хршановский, 2005).

К числу интересных находок относятся бронзовый светильник. Верхние части трубки не сохранились. Нижние детали светильников представлены подставками-триподами в виде выпуклого полушария на трех ножках, выполненных в форме стилизованных лап хищного животного кошачьей породы (рис. 17, 18).

Отдельные детали таких изделий и полный набор являются одними из наиболее часто встречаемых форм в средневековых городах Средней Азии и Казахстана. Большая коллекция их происходит из Тараза (Сенигова, 1968).

Каменные изделия.

Из камня изготавливались жернова для ручных мельниц, приводимые в движение водой и силой животных. Такие жернова найдены при раскопках городища Кастек-1. Изготовлены они из цельного мелкозернистого серого или розоватого цвета камня в форме круглого диска диаметром 110-113 см, в центре имеется круглое (диаметром 11 см) сквозное отверстие. Толщина диска в центре – 13 см, у края тоньше – 9 см.

Многочисленной категорией изделий из камня являются точильные брусочки. Выделяются 4 типа точилок – все некрупных размеров, изготовлены из камня с плотной мелкой структурой.

Бытовые изделия из железа.

Бытовые изделия представлены тремя чугунными котлами. В целом их форма аналогична глиняным котлам. Найдены гвозди, дверные ручки, приклады (рис. 20).

Стекло. Во время археологических работ на II строительном горизонте (датирующемся IX-X вв.) было обнаружено небольшое количество стеклянных фрагментов. Среди них фрагмент цилиндрического горлышка и часть тулова. Форма тулова цилиндрическая, сужающаяся кверху. Диаметр в основании горлышка 7,5 см. Диаметр верхней части 3 см. Верхняя часть горлышка оформлено стеклянным жгутом с косыми насечками. Венчик горлышка не сохранился.

По разрезу верхней части горлышка определяется ее толщина, равная от 0,3 до 0,5 см. Высота горлышка 11 см (рис. 23).

Сосуд был выполнен свободным выдуванием. Большое количество пузырьков характеризует его невысокое качество. Процесс осветления стекла, при котором происходит удаление газовых пузырьков, не производился. Мощности стекловаренной печи не хватало доведения температуры более 1000 градусов. Цвет стекла светло-оливковый.

Стекло полупрозрачное. Внутри стекла имеется множество пузырьков разных размеров и форм. На горлышке пузырьки имеют продолговатую форму, свидетельствующую о том, что при выдувании форма горлышка вытягивалась. Также на горлышке наблюдаются следы кручения. Поверхность стекла покрыта тонкой пленкой иризации. В тесте стекла имеются следы непроверенных частиц в виде нерастворившихся металлических примесей, содержащихся в песке. Они выглядят темными и черными пятнами внутри стекла.

Сохранились два фрагмента поддона. По ним ясно видно, что форма поддона была овальной с небольшим конусообразным возвышением в центре. Диаметр поддона составляет 14 см.

Также сохранился небольшой фрагмент тулова размером 5,4х10 см. По дуге данного фрагмента размером 10 см был определен его радиус – 20 см. Остальные фрагменты тулова также были определены, их радиусы составляли от 6 до 8,7 см. Из этого следует, что наибольший диаметр тулова составляет 20 см.

Графическая реконструкция графина.

Главной целью графической реконструкции является воссоздание утраченной формы сосуда. Геометрические измерения дают точную графическую копию разбитого сосуда.

Графическая реконструкция начинается с измерений всех сохранившихся частей и фиксируется на бумаге. Используя все измерения основных конструктивных элементов и сохранившиеся линии тулова, поддона, в результате графической прорисовки мы получили форму стеклянного сосуда в виде кувшина. Кувшин представляет собой типичную форму, имеющую шаровидное тулово, слегка приплюснутое, небольшое горлышко, венчающееся стеклянным жгутом. Типичные формы кувшинов встречены на городищах Южного Казахстана, Отрара, Куйрук-тобе, Тараза, Каялыка, Талгара. Этот графин отличается от всех тем, что горлышко имеет относительно тонкие стенки – от 0,2 до 0,4 см. Толщина стенок других кувшинов составляла от 0,5 до 0,8 см. Общая высота кувшина составляет 35 см.

На этом же городище были найдены два фрагмента банкообразного сосуда с рельефным рисунком в виде овальных кружочков. Данный сосуд был выполнен выдуванием в форму. Поверхность стекла покрыта местами радужной побежалостью и тонкой пленкой иризации. Стекло полупрозрачное. На донце с внешней стороны имеются центробежные следы, свидетельствующие о том, что выдувание в форму было с вращением. В центре поддона имеется след

понтии. Диаметр поддона 8,5 см. Почти все банкообразные сосуды, найденные на городищах Отрар, Куйрук-тобе, имеют соотношение высоты к диаметру 1:1. Такая пропорция неслучайна, так как иранские банкообразные сосуды также имеют аналогичные пропорции (Kordmahini, 1994). Следовательно, высота сосуда может быть 9 см.

Данные находки обогатили фрагменты стеклянных сосудов, которые были найдены в предыдущие годы. (2011-2012 гг.). Целых форм не было. Фрагменты стекла давали информацию о технологии, ассортименте. Среди фрагментов попадались оконные диски, части тулова небольших сосудов. На сегодняшний день в ассортименте стеклянных изделий имеется хозяйственно-бытовая посуда. Что касается технологии, то помимо свободного выдувания местные мастера выдували в формах.

Таким образом, как свидетельствуют новые открытия, поселения были не только укрепленными, но и неукрепленными. Часть из этих поселений и ставок, размещаясь на караванных путях, в стратегически удобных точках, в богатых долинах, превращалась в центры ремесла и торговли, становилась городами.

Часть такого пути развития прослеживается на примере городища Кастек. В частности, здесь на конусе выноса, на месте осенне-зимних пастбищ складывается вначале неукрепленное поселение в виде огороженных участков полей от 3 до 5 га, орошенных при помощи искусственной ирригации.

Затем на участке строятся небольшие одно- и двухкомнатные домики, а в центре поселения возводится укрепленная ставка. Первоначально она представляла собой торткуль, с мощной фортификацией, которая в начале IX века сформировалась в крупный городской центр (Байпаков, Савельева, Чанг, 2005).

Средневековый Жетысу, один из крупных культурно-исторических регионов Казахстана, где сохранилась древняя интереснейшая топонимика, в том числе и относящаяся к городской культуре, с древними караванными путями. Благодаря археологическим исследованиям, решен ряд вопросов археологической и истоической географии, получены о развитии здесь своеобразной цивилизации. Здесь города и степь, земледелие и скотоводство развивались в едином политическом, хозяйственно-экономическом и культурологическом комплексе.

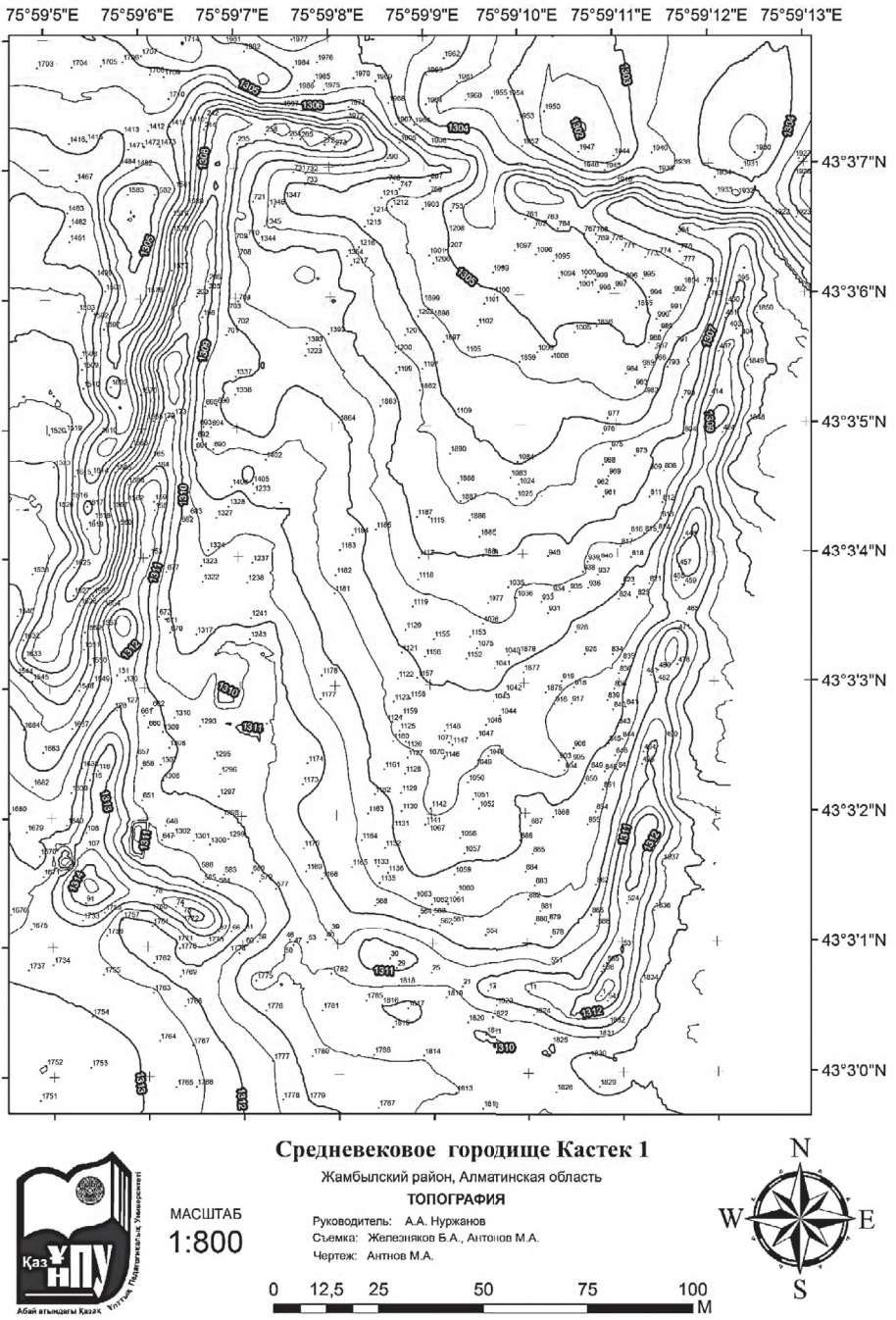

Рис. 1. Топоплан городища Кастек 1

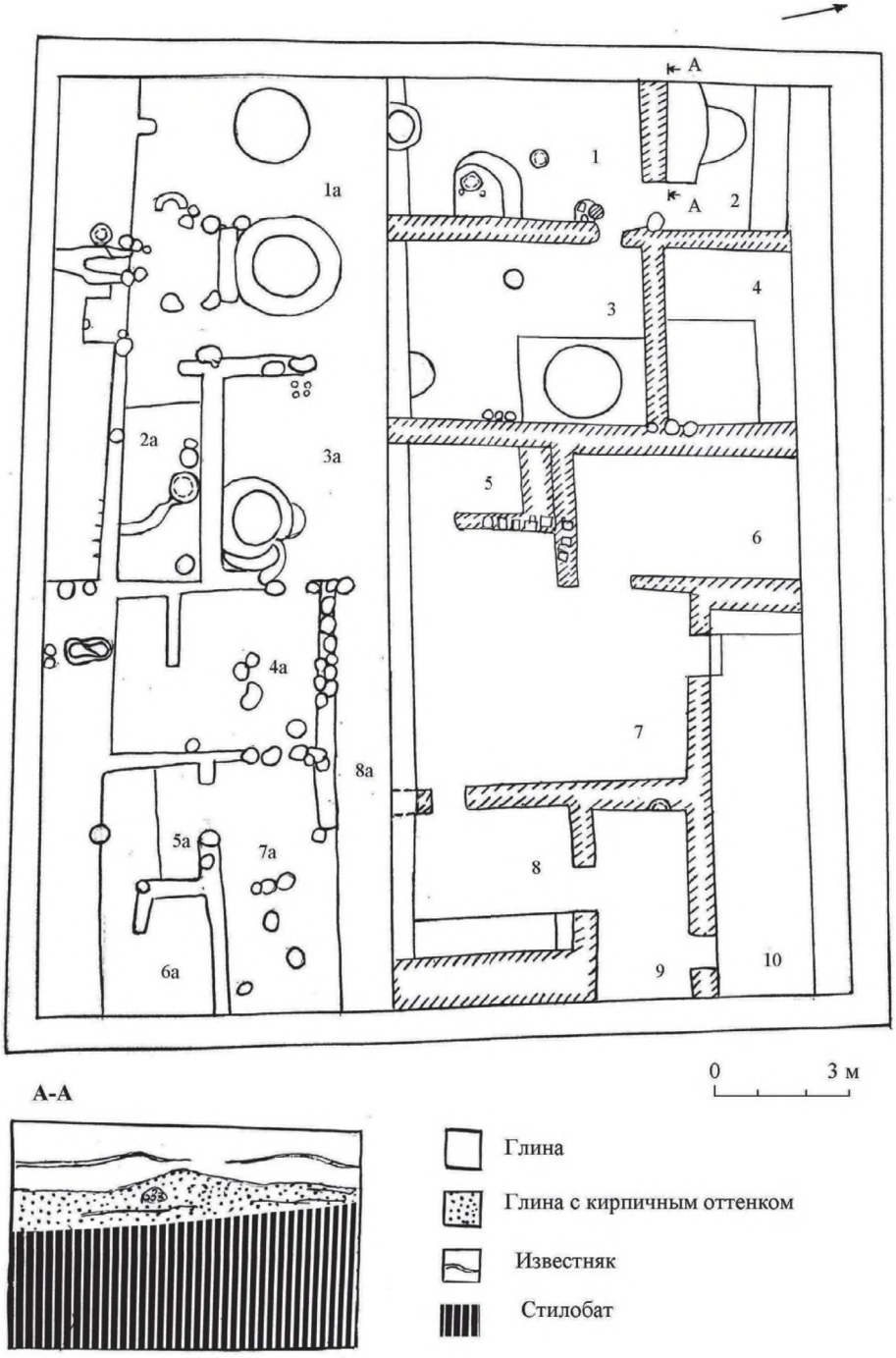

Рис. 2. План раскопа. Разрез стены

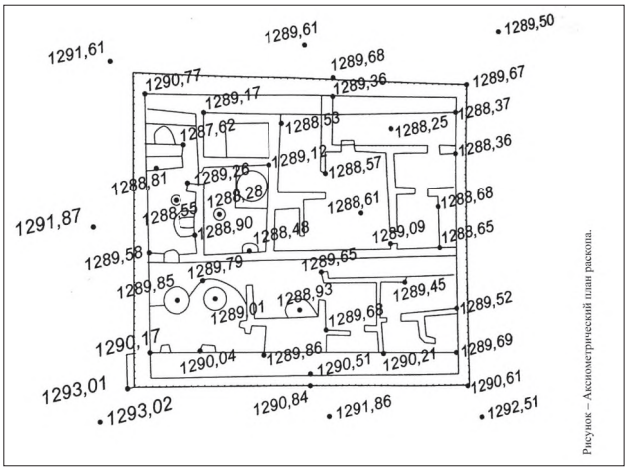

Рис. 3. Аксиометрический план раскопа

Рис. 4. Раскоп. Вид с северо-запада

Рис. 5. Раскоп. Вид севера

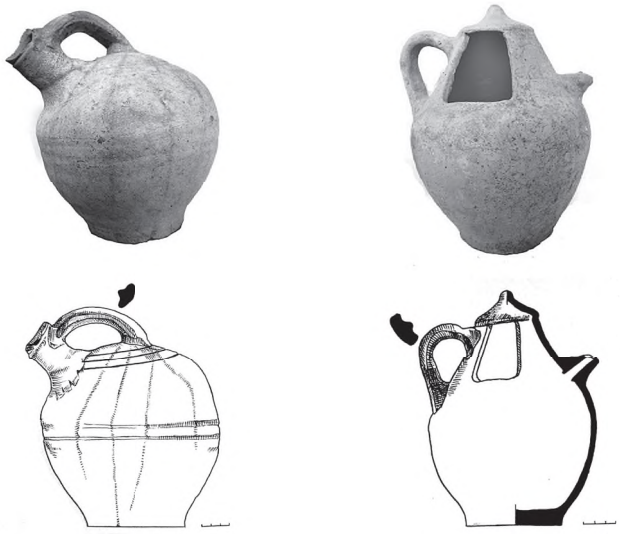

Рис. 6. Глиняный сосуд (водолей)

Рис. 7. Глиняный ритуальный сосуд (копилка)

Рис. 8-9. Кувшины

Рис. 10. Ручки кружек

Рис. 11. Водопроводная труба

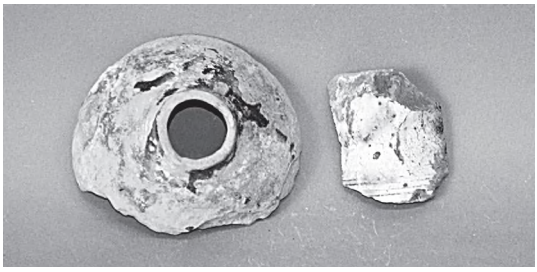

Рис. 12. Фрагменты поливной керамики

Рис. 13. Поливная керамика

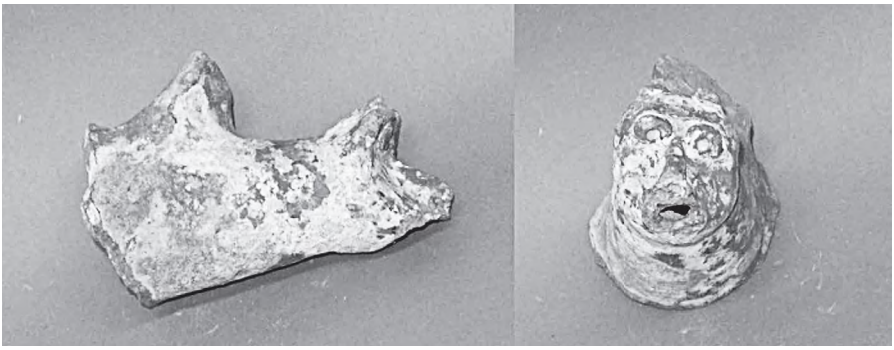

Рис. 14. Керамика. Носик сосуда в виде волка (тотоем тюрков)

Рис. 15. Бронзовый сосуд

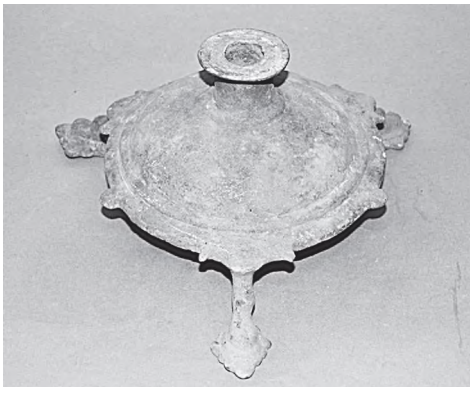

Рис. 16. Трипод (Бронзовый светильник)

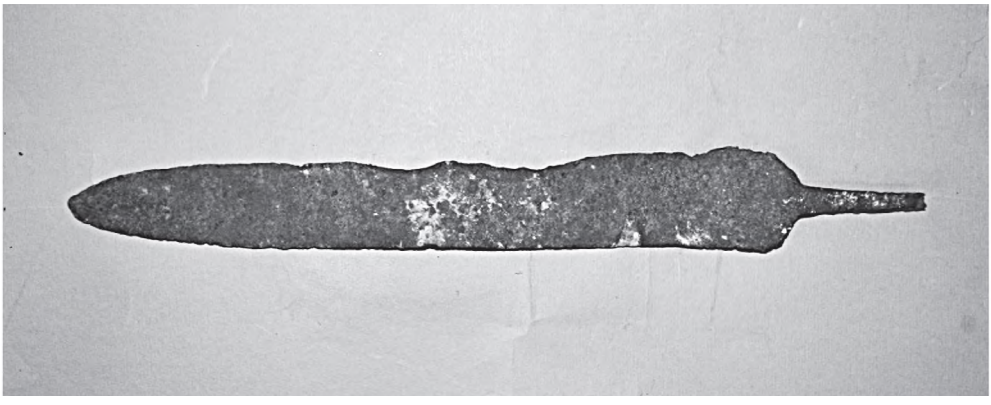

Рис. 17. Наконечник копья

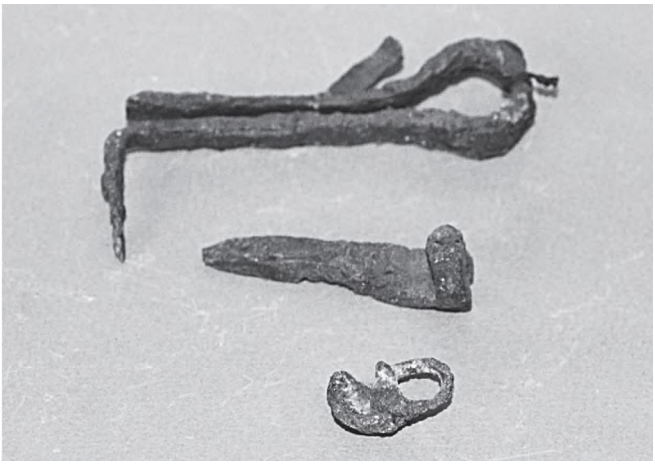

Рис. 18. Гвоздь и замки дверей

Рис. 19. Панцирные пластинки

Рис. 20. Наконечники стрел

Рис. 21. Стеклянный графин

Рис. 22. Ритуальный оселок

Литература

Акишев К. А. Перспективы изучения позднесредневековых городов Казахстана // Средневековая городская культура Казахстана и Средней Азии. – Алма-Ата, 1983. – С. 5-11.

Аболин Р. И. От пустынных степей Прибалхашья до снежных вершин Хан-Тенгри // Геоботаническое и почвенное описание южной части Алма-Атинского округа КазАССР. – Ташкент, 1930. – Ч. 1. – С. 60-61.

Койчубаев Е. Краткий толковый словарь топонимов Казахстана. – Алма-Ата, 1974. – С. 78-79.

Бартольд В. В. Отчет о поездке в Среднюю Азию с научной целью в 1893-1897 гг. // Сочинения. – М.: Наука ГРВЛ, 1966. – Т. 4. – С. 38, 81-83.

Умурзаков С. У. К исторической топонимике Киргизии // Ономастика Средней Азии. – М.: Наука ГРВЛ, 1978. – С. 53-58.

Бартольд В. В. Отчет о поездке в Среднюю Азию с научной целью в 1893-1894 гг. // Сочинения. – М.: Наука ГРВЛ, 1966. – Т. 4. – С. 81-83.

Махмуд Кашкарий. Девену могутит турк. – Ташкент, 1960. – Т. 1. – С. 354-364.

Умирзаков С. У. К исторической топонимике Киргизии // Ономастика Средней Азии. – М.: Наука ГРВЛ, 1978. – С. 53-58.

Нуржанов А. А., Терновая Г. А. К вопросу об обрядовой практике жителей Жетысу (Семиречья) в VIII-IX вв. // Труды «IV» XX Всероссийского археологического съезда, Казань, 2014. – С. 312-316.

Г. А. Пугаченкова. Самаркандская керамика XV века. Труды САГУ. Новая серия. Выпуск XI. – Ташкент, 1950. С. 118.

Сагалаев А. М., Октябрьская И. В. Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири. – Новосибирск: Наука, сиб. отд., 1990. – 209 с.

Е. И. Агеева, Г. И. Пацевич. Из истории оседлых поселений и городов Южного Казахстана. Труды ИИАЭ АН КазССР. Том V. – Алма-Ата, 1958. С. 181-185.

Нуржанов А. А. Керамика из дворцового комплекса объекта Луговое Г. городища Кулан // Археологические памятники на Великом шелковом пути. – Алматы: АГУ имени Абая, 1993. – С. 102-112.

Кожемяко П. Н. Раннесредневековые города и поселения Чуйской долины. – Фрунзе, 1959. – С. 40-42.

Бубнова М. А. Средневековое поселение Актобе-1 у с. Орловки // Археологические памятники Таласской долины. – Фрунзе, 1963. – С. 138.

Бернштам А. Н. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алтая // МИА. Вып. 26. – 1952. – рис. 70.

Мандельштам А. Н. Характеристика тюрок IX в. «Послание фатху б. Хакану» ал Джахиза // Труды ИИАЭ АН КазССР. – Алма-Ата, 1956. – Т. 1. – С. 227.

Фиельструп Ф. А. Из обрядовой жизни киргизов начала XX века. – М.: Наука, 2002. – С. 302.

Нестеров С. П. Конь в культах тюркоязычных племен Центральной Азии в эпоху Средневековья. – Новосибирск: Наука, 1990. – С. 143.

Мурзаев Э. М. Очерки топонимики. – М.: Изд-во «Мысль», 1975. – С. 128.

Савельева Т. В., Зиняков Н. Н., Воякин Д. А. Кузнечное ремесло Северо-Восточного Семиречья. – Алматы, 1998. – С. 168.

Сенигова Т. Н. Средневековый Тараз. – Алма-Ата, 1972. – Рис. 11, 14, 15.

Журавлев Д., Хршановский Л. Да будет свет! // В мире науки. – М., 2005. – № 10. – С. 72.

Сенигова Т. Н. Осветительные приборы Тараза и их связь с культом огня // Советская Археология. – 1968. – № 1. – С. 208.

Helen A. Kordmahini //Glass from the Bazargan collection// Iran National museum 1994 P. 95. 115.

Байпаков К. М., Савельева Т. В., Чанг К. Средневековые города и поселения Северо-Восточного Жетысу. – Алматы, 2005. – С. 72.

Хабдулина М. К.

Евразийский национальный университет им. Л. Н. Гумилева, г. Астана, Казахстан

К ФУНКЦИОНАЛЬНОМУ НАЗНАЧЕНИЮ ГОРОДИЩА БОЗОК

Археологический памятник, известный как «средневековое городище Бозок» – это комплекс разновременных и разнородных по назначению древних объектов, сосредоточенных на небольшой по площади территории восточного берега озера Бузукты. Озеро Бузукты расположено среди болот левой пойменной долины р. Ишим. Длина озера Бузукты 1 км, ширина 0,3 км.

Руины древних строений тянутся шириной в 100-250 м вдоль берега озера. Еще до раскопок на самой возвышенной точке берега рельефно выделялись три квадратной формы площадки, составленные в виде трехлепестковой розетки общей площадью 12636 кв. м. Площадки условно были названы нами «кварталами». Каждый квартал окружен внутренним рвом и внешним валом. Валы к настоящему времени оплыли и окружили площадки единой лентой. Внутренние размеры площадок примерно одинаковы: 35х35 м. В рельефе рвов видны перемычки входов. В центре между кварталами были видны руины погребальных сооружений. По наличию оборонительных сооружений памятник был отнесен к категории городищ и назван «городищем Бозок».

В 70 м севернее трех кварталов фиксировались валообразные всхолмления прямоугольной формы, оказавшиеся остатками жилищ земляночного типа. В 100 м южнее трех градообразующих площадок расположены развалины кирпичного мавзолея, кирпичеобжигательной печи, рядом холмики могил мусульманского некрополя. К этим трем комплексам руин с востока примыкает агроирригационная планировка. Общая площадь памятника 40 га. Поверхность останца, занятая руинами городища Бозок, проступает светлым полуовалом на космоснимке окрестностей Астаны.

Таким образом, еще до раскопок была видна сложная пространственная структура памятника. В процессе раскопок выяснилось, что все эти компоненты

возникли в разное время. Часть из них неоднократно перестраивалась, обживалась, забрасывалась. Археологическими методами памятник датирован VIII-XIV (XV) вв.

Раскопки Бозокского археологического микрорайона ведутся с перерывами более 10 лет с 1999 г. За это время раскопы были заложены на всех объектах микрорайона. Всего вскрыто более 8 тыс. кв. м. Полностью исследована внутренняя площадка северного квартала. Изучена архитектура и конструкция оборонительных сооружений, жилые и погребальные конструкции, открыты две кирпичеобжигательные печи, раскопаны фундаменты мавзолеев из жженого кирпича, раскопано 72 погребения XIII-XIV (XV) вв. Снят подробный план оросительной системы. Это первый масштабно исследованный в степной полосе Казахстана средневековый объект, предоставляющий огромный материал для реконструкции культурной, духовной, хозяйственной, экологической и этнической истории населения степного Средневековья (Материалы международного семинара, 2008, 208 с.).

Методы исследования. При исследовании памятника и исторической реконструкции использованы аэрофотоснимок и космоснимок. Космоснимок дает представление об окружающей природной среде и культурном ландшафте. Хорошо видны темные контуры болотных западин, извилистое русло Ишима, протекающего в 6 км севернее площадки памятника, сухие русла протоков, стариц и речек, соединявших когда-то две реки: Нуру и Ишим. На космоснимке видны контуры объектов Бозока, развалины строений казахских зимовок, располагавшихся вдоль соседних мелких степных речек.

Основной метод анализа археологических источников – стратиграфический, направлен на выявление хронологического соотношения разновременных объектов. За более чем десятилетний период исследования территории городища сделаны сквозные разрезы оборонительных сооружений, изучена конструкция двух входов в квартал, полностью раскопана внутренняя площадка северного квартала. Стратиграфические наблюдения дают картину неоднократного использования территории северного квартала. Стратиграфический метод анализа использован в реконструкции жилищ, очередности их строительства, в реконструкции культовых построек и кирпичеобжигательных печей.

Типологический метод используется для классификации мусульманских погребений, при датировке вещевого инвентаря могил XIII-XIV вв. Хронология комплексов и типология объектов определены путем привлечения широкого круга аналогий. Анализом археологических методов (вертикальной и горизонтальной стратиграфией культурных напластований, датировкой вещевых комплексов из погребений) намечена относительная хронология отдельных компонентов городища, выделены синхронные и диахронные объекты.

В истории Бозока выделяются три периода (Хабдулина, 2011, с. 264). VIII-IX вв. – освоение территории древними тюрками (кипчаками), возведение

здесь культового центра, использовавшегося, возможно, и в качестве ставки-резиденции. В X-XII вв. – в период Кипчакского ханства – появляются жилища земляночного типа. В золотоордынский период (XIII-XIV вв.) на заброшенных руинах предшествующего времени формируется мусульманский некрополь, строятся мавзолеи, печи для обжига кирпича. Наиболее загадочной является дата оросительной системы (Хабдулина, Гольева, Гаврилов, 2014, С. 686-703). Ясно одно – она возникла после древнетюркской эпохи, т. к. планировка ее перекрывает поверхность восточного квартала. Но к какому из следующих периодов – кипчакскому или золотоордынскому – относится ирригационная планировка, вопрос до конца не выясненный.

Перед нами археологический объект, имеющий длительную историю развития, сложную планиграфию, состоящую из разновозрастных, разнородных и полифункциональных компонентов, расположенных на ограниченной по площади территории. По этим составляющим логичнее рассматривать Бозок как археологический микрорайон, как особую модель освоения пространства в древности.

Цель статьи – выяснение причин длительного, многовекового использования территории Бозока, не привлекательной для жизни, с точки зрения современного человека.

По результатам археологических работ нами выдвигается гипотеза, что формирование сложной пространственной структуры Бозокского микрорайона, состоящей из разновременных оборонительных, жилых, производственных и культовых объектов, обусловлено первоначальным выбором этого места под культовый центр древнетюркской эпохи и сохранением в последующие периоды в генеалогической памяти поколений статуса сакральности этого пространства.

Наше предположение о первоначальном выборе площадки под культовый центр основано на «болотной» топографии памятника и данных, полученных в ходе раскопок северного квартала.

1. Изначально выбор места его первыми обитателями не предполагал рост, расширение территории, т. к. ему некуда расти. Эта небольшая возвышенная площадка в радиусе 5-6 км окружена со всех сторон болотными массивами. Само озеро Бузукты имеет низкие, топкие берега.

2. На внутренней площадке северного квартала нет никаких находок, кроме следов каркасных строений (Хабдулина, 2010, с. 183). От них остались столбовые ямки. В некоторых из них сохранилась древесина от основания столбов, и изредка встречены вбитые в дно ямок кости животных (ребра лошади, лопатки овец). Похоже, что костями животных закрепляли столбы или они были вбиты при ремонте каркасных строений.

3. При исследовании северного квартала зафиксировано два строительных горизонта, разделенных прослойкой чистой глины толщиной в 10-15 см. Нижний из них в сочетании с первоначальной конструкцией рва рисует картину закрытого

со всех сторон пространства, обнесенного со всех сторон глубоким рвом (2,8 м) и мощной крепостной стеной с одним проходом в середине южной стороны. В центре северного квартала расчищено основание круглого (юртообразного?) строения со входом с северо-восточной стороны. В 2 м от входа стоял «столб» (возможно, изваяние, менгир). Этот «столб» неоднократно ремонтировался (Хабдулина, 2010, с. 302).

4. Нерациональна с защитной точки зрения конструкция рва и вала-стены. Внутренний глубокий ров и внешний вал не могли нести оборонную функцию, но они закрывали происходящее от внешнего мира. Отсутствие вещественных находок при возведении трудозатратного строительства мощных крепостных сооружений свидетельствуют о каком-то ином, чем жилое, использовании площадок в течение по крайней мере одного-двух столетий. Получены даты о возведении крепостных стен в VII-VIII вв. и обновлении рва в VIII-IX вв. (Хабдулина, 2010, с. 183-184). Отсутствие следов постоянного длительного обитания наводит на мысль, что это было сезонно посещаемое место для проведения каких-то ритуалов, обрядов.

5. Проходят века. Руины трех кварталов и в целом возвышенный останец среди пойменных болот становятся местом строительства мусульманского некрополя в XIV в. Почему? Нет недостатка в сухих высоких площадках правого берега Ишима. И тем не менее здесь были возведены три мавзолея из жженого кирпича и два из сырцового кирпича, надмогильные оградки из дерна. В XIV-XV веках, возможно и позднее, пространство вокруг мавзолеев продолжает «обрастать» мусульманскими погребениями (Хабдулина, 2010, с. 384-391). В этом мы видим сохранение статуса сакральности этой небольшой территории. Можно сказать, что Бозок – это сакральное генеалогическое пространство тюркоязычных этносов Верхнего Приишимья.

Литература

Бозок в панораме средневековых культур Евразии. Материалы международного полевого семинара. – Астана: ЕНУ им. Л. Н. Гумилева. 2008. – 208 с.

Хабдулина М. К., Гольева А. А., Гаврилов Д. А. Загадки бозокской мелиоративной системы // Диалог культур Евразии в археологии Казахстана: материалы Международной научной конференции, посвященной 90-летию со дня рождения выдающегося археолога К.А. Акишева. Астана. 22-24 апреля 2014 г. – Астана: Сары-Арка, 2014. – С. 686-703.

Хабдулина М. К. Бозок как древнетюркский культовый центр на реке Ишим // Казахстан и Евразия сквозь века: история, археология, культурное наследие. Алматы: ТОО «Археологическая экспертиза», 2010. – С. 177-189.

Хабдулина М. К. Мавзолеи средневекового городища Бозок (р. Ишим) // Археология Нижнего Поволжья: проблемы, поиски, открытия // Материалы III

Международной Нижневолжской археологической конференции 18-21 октября 2010 г. – Астрахань: Издат-ский дом «Астраханский университет». 2010 – С. 384-391.

Хабдулина М. К. Новые открытия в археологии Дешт- и-Кипчака // Мыңжылдықтар куәлары: Қазақстан археология ғылымы 20 жылда (1991-2011): ғылыми мақалалар жинағы. – Алматы, 2011. – С. 261-283.

Ткачев А. А., Квашнин Ю. Н.

Институт проблем освоения Севера СО РАН, г. Тюмень, Россия

НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ К АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ КАРТЕ ТАЗОВСКОГО РАЙОНА ЯМАЛО-НЕНЕЦКОГО АВТОНОМНОГО ОКРУГА

Работа выполнена при финансовой поддержке администрации Тазовского района и на средства гранта РГНФ № 13-01-00097 «Этнодемографическое, биоантропологическое и археологическое комплексное изучение тазовских ненцев и селькупов»

Обширные пространства Северо-Западной Сибири в археологическом отношении изучены крайне неравномерно. Одним из наименее исследованных районов является территория Тазовского муниципального образования Ямало-Ненецкого автономного округа Тюменской области. Это связано с тем, что сложные природно-климатические условия предопределили слабую заселенность этих мест на протяжении голоцена: с древнейших периодов и до исторической современности. Открытие первых археологических и этнографических памятников в низовьях р. Таз относится к 20-м годам XX века, когда Р. С. Кольсом было осмотрено зимовье Мамеева и открыта стоянка Тазовская IV (Лашук, Хлобыстин, 1985, с. 43-50). И если местоположение первого объекта известно, то расположение второго памятника, соотносимого с древностями бронзового века, не установлено (Свод, 2012). Необходимо отметить, что основная часть археологических объектов на территории Тазовского района открыта во второй половине XX века: литейная мастерская (Могильников, 1987, с. 207), поселения Мыс-1, Мыс-2, Мыс-2а (Лашук, Хлобыстин, 1985, с. 43-50). В начале XXI в. на территории Тазовского района несколько разновременных поселений было обнаружено на юге Гыданского полуострова на р. Мессопарод (Багашев, Волков, 2002, с. 214-217).

В 2013 г. Тазовской археолого-этнографической экспедицией ИПОС СО РАН начато изучение территории Тазовского района Ямало-Ненецкого автономного округа Тюменской области. В процессе изысканий наиболее полно обследованы высокие участки левобережной коренной террасы р. Таз между поселками Тазовский и Газ-Сале, где выделены Тазовский и Мамеевский археологические микрорайоны. Внутри выделенных микрорайонов обследованы

как ранее известные, так и вновь выявленные археологические и этнографические объекты, часть из которых достаточно перспективна для дальнейшего изучения (рис. 1, *1*).

Тазовский микрорайон расположен на правом берегу безымянного ручья, являющегося левобережным притоком р. Таз, долина которого выступает своеобразной северной границей современной территории пос. Тазовский (рис. 1, *1А*). Комплекс памятников расположен в 0,3 км северо-западнее современного поселкового русско-ненецкого кладбища и в 0,3 км юго-западнее нефтебазы. Выявленные объекты «вытянуты» вдоль берега ручья на 250-300 м Микрорайон включает поселение эпохи раннего металла и 4 погребальных объекта.

Могильник Тазовский-I расположен на ровной мысовидной площадке в северной части комплекса (рис. 1, *2*). На современной хорошо задернованной дневной поверхности, поросшей мелким кустарником, прослеживается около 20 наземных деревянных ящиков – хальмеров, большая часть из них частично разрушена в результате природного и антропогенного воздействия. Видимые на современной дневной поверхности могилы расположены компактной группой, образуя погребальную площадку размером 20×30 м Высота стенок хальмеров 40-60 см, сооружены в 3-4 доски, основная часть ориентирована по линии СЗ-ЮВ. Судя по отдельным предметам, фиксируемым в открытых ящиках, могильник функционировал в первой половине XX в. Соответственно, его можно соотнести с археолого-этнографическим объектом.

Могильник Тазовский-II расположен на ровной мысовидной площадке в южной части комплекса (рис. 1, *2*). На современной хорошо задернованной дневной поверхности, поросшей мелким кустарником, прослеживается около 30 наземных деревянных ящиков – хальмеров, разрушенных в результате природного и антропогенного воздействия. Видимые на поверхности могилы вытянуты в виде неправильной цепочки по линии СВ-ЮЗ, вдоль русла ручья. Площадь погребальной площадки составляет 2,5-3 тыс. м^2. Высота хальмеров 0,4-0,5 м, сооружены в 3-4 доски, основная часть ориентирована по линии СЗ-ЮВ. Судя по отдельным предметам, фиксируемым в открытых ящиках, могильник функционировал в первой половине – начале второй половины XX в. и, вероятно, был оставлен в конце 1960 гг. В настоящее время к данному погребальному объекту почти вплотную приблизился участок современного ненецкого кладбища. Исходя из этого, рассматриваемый объект можно отнести к этнографическим памятникам.

Поселение Тазовское-I расположено в центральной части микрорайона на холме высотой 1,5-2 м, находящемся на краю мысовидной площадки, разрушенной в процессе сооружения линии газопровода (рис. 1, *2*). В результате воздействия началась ветровая эрозии и произошло переотложение песчаной основы холма и прилегающих участков террасы, на которых расположен памятник. Жилая площадка (35×20 м) вытянута в меридиональном направлении. Площадь распространения находок около 700 м^2. На современной дневной поверхности собраны единичные каменные изделия и обломки посуды.

Вещевой инвентарь представлен отщепом из белой кремнистой породы размером 1,2×0,9×0,2 м и сколом с гальки белого кварца размером 1,5×0,8×0,3-0,5 см. Посуда, собранная на поселении, представлена 8 фрагментами от плоскодонных емкостей. Черепки светло-коричневого цвета, поверхность гладкая, обжиг глубокий костровой, в изломе черного цвета. Внешняя поверхность орнаментирована вертикальными и наклонными линиями, выполненными гребенчатым штампом. По своим особенностям собранный материал имеет сходство с комплексами тазовской культуры бронзового века региона.

Могильник Тазовский-III расположен в южной части жилой площадки поселения Тазовское-I (рис. 1, *2*). В результате современного антропогенного воздействия, связанного с сооружением линии газопровода и последовавшей за этим ветровой эрозией, вдоль берега ручья образовались мощные и глубокие выдувы. В стенке одного из них обнаружены кости скелета человека, и на участке, прилегающем к обнаруженным костным останкам, заложен рекогносцировочный раскоп, ориентированный по сторонам света, площадью 4 м^2. В слое темно-желтого песка в западной части раскопа на глубине 30 см слабо фиксировалась придонная часть грунтовой ямы прямоугольной формы с закругленными углами, вытянутой в меридиональном направлении, размером 2×0,6 м, глубина придонной части составила около 0,1 м (рис. 1, *3*). В грунтовой яме расчищено разграбленное захоронение женщины в возрасте 20-30 лет (определение А. Н. Багашева). Судя по отдельным сохранившимся непотревоженным костям предплечья левой руки, голени и стопы левой ноги, погребенная женщина была уложена на левый бок, в скорченном положении, головой на север. Тело, располагавшееся параллельно руслу, ориентировано головой к устью ручья, находившемуся севернее, на расстоянии не более одного километра. В ногах погребенной обнаружен расколотый на две части камень-амулет (рис. 1, *4*). В центре ямы, близ восточной стенки, найден кусок гранита, а возле запястья левой руки зафиксирована голубая стеклянная бусина, вероятно выполнявшая роль оберега.

Описание вещей. Камень-амулет – кусок лимонита подтреугольной формы размером 8×5×1,8 см (рис. 1, *4*). Кусок гранита светло-розового цвета размером 3,8×3×2 см. Бусина из темно-синего стекла округло-уплощенной формы, овального сечения, размером 10×9 мм, высота 7 мм, диаметр отверстия 2 мм (рис. 1, *5*).

Могильник Тазовский-IV расположен в 50-70 м юго-восточнее могильника Тазовский-III (рис. 1, *2*). Памятник занимает ровную хорошо задернованную площадку размером 50×30 м, примыкающую к высокому участку террасы. На современной дневной поверхности слабо фиксировались признаки ненецкого кладбища, хальмеры которого практически полностью уничтожены временем. В пределах погребальной площадки обнаружены черепки, характерные для русской поливной посуды, сделанной на гончарном круге, обломок фарфоровой чашки и 6 железных кованых четырехгранных гвоздей разного размера, использовавшихся для изготовления ящиков-хальмеров. Особенности сохранности захоронений памятника характеризуют его как археологизированный погребальный объект, а специфика вещевого инвентаря позволяет датировать XVIII-XIX вв.

Мамеевский микрорайон расположен в 12 км юго-восточнее пос. Тазовского и в 2,5 км к северо-западу от поселка Газ-Сале, в урочище Мамеев Мыс (рис. 1, *1Б*). Территория урочища ограничена с запада долиной р. Вэсакояха, с севера – руслом р. Таз, с востока – руслом ручья Нум-хибя-сихэри, на юге холмистые увалы береговой террасы переходят в относительно ровную тундру. В пределах урочища находятся три памятника: Зимовье Мамеева (поселение Газ-Сале-I), жертвенный холм Газ-Сале-II и вновь открытый могильник Нум-хибя-сихэри.

Поселение Газ-Сале-I (Зимовье Мамеева) расположено в западной части урочища на краю береговой террасы, образованной слиянием р. Таз и левобережного притока р. Вэсакояха. Памятник получил название по фамилии купца Мамеева, семья которого проживала на данном месте вплоть до середины XX века. Р. С. Кольс первым из исследователей посетил в 20-е гг. XX в. место стойбища. Он и ввел данное название в научный оборот. Позднее у подножия жилой площадки располагалась буровая вышка геологоразведчиков, давшая в 1962 г. первый промышленный газ Тазовского района. В 90-е гг. XX в. на месте буровой установлен памятный знак об этом событии. Данное поселение можно рассматривать как памятник этнографии и современной истории.

Жертвенный холм (священное место) Газ-Сале-II, расположенный в восточной части урочища (рис. 2, *1А*), является наиболее высокой точкой левобережной террасы р. Таз, возвышающейся над поверхностью воды в реке на 22-23 м (29 м над уровнем моря). Вершина холма размером 30×20 м являлась и является объектом поклонения, где периодически осуществляются жертвоприношения, приносимые рыбаками и охотниками, проплывающими по реке. Вершина жертвенного холма изрыта «закопушками» «черных» археологов, что в свою очередь усилило негативное воздействие природных факторов, приведшее к разрушению значительных участков памятника. При осмотре священного места на современной дневной поверхности обнаружены предметы, выброшенные за ненадобностью при грабительских раскопках кладоискателей: каменное скребло, глиняные грузила, железный топор и помятые листы от медных емкостей. Особенности собранного вещевого инвентаря позволяют датировать время функционирования памятника второй половиной II тыс. н. э. вплоть до исторической современности.

Могильник Нум-хибя-сихэри. Памятник расположен в юго-восточной части урочища (рис. 2, 1 Б), занимая пологий склон левого коренного берега ручья Нум-хибя-сихэри (в переводе с ненецкого – «Дорога ушедших в небо»). Современная дневная поверхность в результате антропогенного воздействия, связанного с ранее функционировавшей тракторной дорогой пос. Тазовский – пос. Газ-Сале, сильно разрушена. Кроме того, судя по очертанию рельефа, на склоне террасы, занятой погребальной площадкой, периодически брали песок для отсыпки строительных площадок пос. Газ-Сале. После постройки шоссе тракторная дорога была заброшена, и в настоящее время разрушение погребальной площадки памятника связано только с водно-ветровой эрозией.

На песчаных выдувах и прилегающих участках непотревоженной тундры, на площади около 15 тыс. м^2 собраны обломки железных предметов, в том числе кусок кольчуги, орнаментированная пронизь (рис. 2, *7*) и изделия из бронзы (рис. 2, *3-5*). Прослежено несколько частично сохранившихся придонных частей могил, основная часть которых была законсервирована.

На одном из останцов над зафиксированными костными останками человека заложен раскоп площадью около 3 м^2 (рис. 2, *2*). В слое темно-желтого песка на глубине 10 см слабо фиксировалась придонная часть грунтовой ямы прямоугольной формы с закругленными углами (1,7×0,6 м), вытянутой по линии СЗ-ЮВ. Глубина придонной части около 0,1 м В яме выявлено разграбленное захоронение мужчины в возрасте 40-50 лет (определение А. Н. Багашева). Судя по отдельным непотревоженным костям бедер и одной из стоп, погребенный в процессе захоронения был, возможно, уложен на спину с поднятыми вверх и согнутыми в коленях ногами или скорчено на правый бок головой на юго-восток. Тело погребенного располагалось параллельно руслу ручья Нум-хибя-сихэри, головой к устью. В северной части могилы под ступнями обнаружены две деревянные плашки под небольшим углом друг к другу. Плашки длиной 0,5 м имели прямоугольное сечение размером 6×5 см. В центральной части ямы располагались бедренные кости мужчины, лежавшие поперек ямы. У коленного сустава правой ноги обнаружена бронзовая подвеска в виде птицы с прикрепленными к ней двумя цепочками, заканчивающимися колоколовидными подвесками (рис. 2, *8*). У верхней части бедра находилась стеклянная бусина коричневого цвета (рис. 2, *6*). В юго-западной части могилы обнаружены разрозненные кости скелета (левая лопатка и берцовые кости ноги) и отдельные сильно коррозированные обломки крупных железных пластин, неподдающиеся определению. Рядом, вдоль западной стенки, лежала деревянная палочка округлого сечения – длина изделия 32 см, диаметр около 2 см.

Описание вещей. Бусина из коричневого стекла округло-грушевидной формы, округлого сечения, диаметром 11 мм, высота 10 мм, диаметр отверстия около 3,5 мм (рис. 2, *6*).

Бронзовая подвеска в виде птицы была, вероятно, отлита по восковой модели. Основу изделия составляет удлиненно-овальная выпукло-вогнутая бляшка, в верхней части которой расположено круглое отверстие для подвешивания диаметром 4 мм. Изделие орнаментировано по основанию двумя горизонтальными выпуклыми линиями и одним рядом вертикальных выпуклых насечек, имитирующих крылья и перья птицы. К передней части припаяна головка с хорошо выделенным загнутым клювом и слабо намеченными глазами. Основание шейки украшено по окружности вертикальными выпуклыми насечками и четырьмя горизонтальными выпуклыми линиями. К задней более узкой части основы припаян фигурный загнутый хвостик. К основанию передней части скульптуры припаяны два колечка диаметром около 7 мм, к которым подвешены двусоставные цепочки, заканчивающиеся небольшими полыми колоколовидными подвесками (рис. 2, *8*).

Пронизка. Вероятно, отлита по восковой модели из сплава меди и серебра, округло-уплощенной формы, диаметром 1,3 см, высотой 1,4 см, толщина стенок до 1 мм, диаметр симметрично расположенных отверстий около 5 мм. Края отверстий украшены рельефными валиками. Вся внешняя поверхность украшена рельефными припаянными округлыми фигурками, выполненными из тонкой проволоки диаметром 0,2-0,3 мм, с последующей легкой проковкой и пришлифовкой. Размещены округлые рельефные украшения в 4 ряда: малые внешние ряды включают по 9 окружностей, большие внутренние – по 12 окружностей (рис. 2, *7*).

Накладка из медной пластинки с одним загнутым краем, длина изделия 3,3 см, ширина 1,2 см, ширина загнутой части 0,7 см, толщина пластинки 0,4 мм, (рис. 2, *4*).

Накладка из округлой бронзовой пластины выпукло-вогнутой формы диаметром 1,6 см, толщина до 3 мм, крепилась на украшаемом предмете железным стерженьком, для чего в центральной части пробито отверстие диаметром около 3 мм (рис. 2, *3*).

Бляшка, из бронзовой пластины выпукло-вогнутого сечения, оформленной в виде четырехлучевой звезды, центральная часть украшена округлой жемчужиной, размер по осевым линиям 1,5×1,6 см, высота 0,4 см, диаметр центральной жемчужины около 5 мм, закреплялась двумя зажимами, расположенными на внутренней части (рис. 2, *5*).

Изделия из железа. *Кусок кольчуги* из колечек диаметром 7 мм, изготовленных из проволоки толщиной чуть больше 1 мм, размер обнаруженной части изделия 2×2 см. *Ножевидная пластина* удлиненной формы уплощенного сечения размером 7,3×2,5×0,4 см, особенности формы позволяют предполагать принадлежность к изделию типа ножа. *Пластинка* округлой формы диаметром около 3 см, с одной стороны пробито отверстие диаметром около 2 мм. *Пластинка* неправильно-прямоугольной формы размером 3,2×3,1×0,3 см. *Обломки пластин* размером 4-9×3-5×0,3-1,2 см, возможно, принадлежат кованному из железа котелку.

Разведывательные работы, проведенные на территории Тазовского района ЯНАО Тюменской области РФ, позволили не только выделить два археологических микрорайона, но и впервые открыть и частично исследовать могильники, соотносимые с ранним Средневековьем. Материалы могильников Тазовский-III и Нум-хибя-сихэри сопоставимы с древностями кинтусовского типа и имеют аналогии в древностях Киевской Руси и Волжской Булгарии, что позволяет датировать данные археологические объекты рубежом I-II тыс. н. э. (Могильников, 1987, с. 208, табл. XCI). Дальнейшие исследования вновь открытых средневековых памятников позволят проследить культурно-генетические связи древнего и современного населения, обитавшего на территории Тюменского Заполярья.

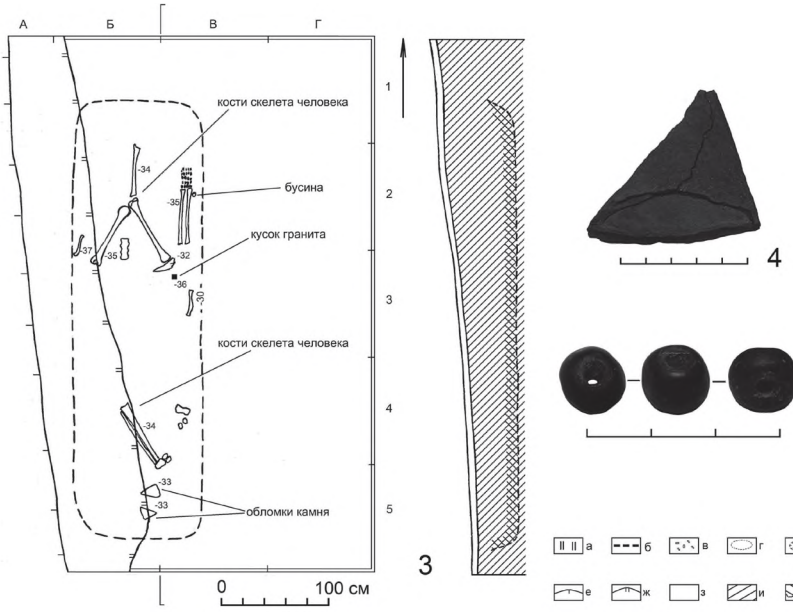

Рис. 1. Могильник Тазовский III.
1 – карта-схема местоположения памятников (А – Тазовский микрорайон; Б – Мамеевский микропрайон); 2 - карта-схема взаиморасположения памятников Тазовского микрорайона; 3 – могильник Тазовский III, план раскопа; 4 – каменный амулет; 5 – стеклянная бусина; а – пойма ручья; б – линия опор под газопровод; в – хальмеры; г – границы поселения; д – границы могильника; е – нижний край выдува; ж – верхний край выдува; з – дерн; и – темно-желтый песок; к – серо-желтый песок (придонная часть могилы)

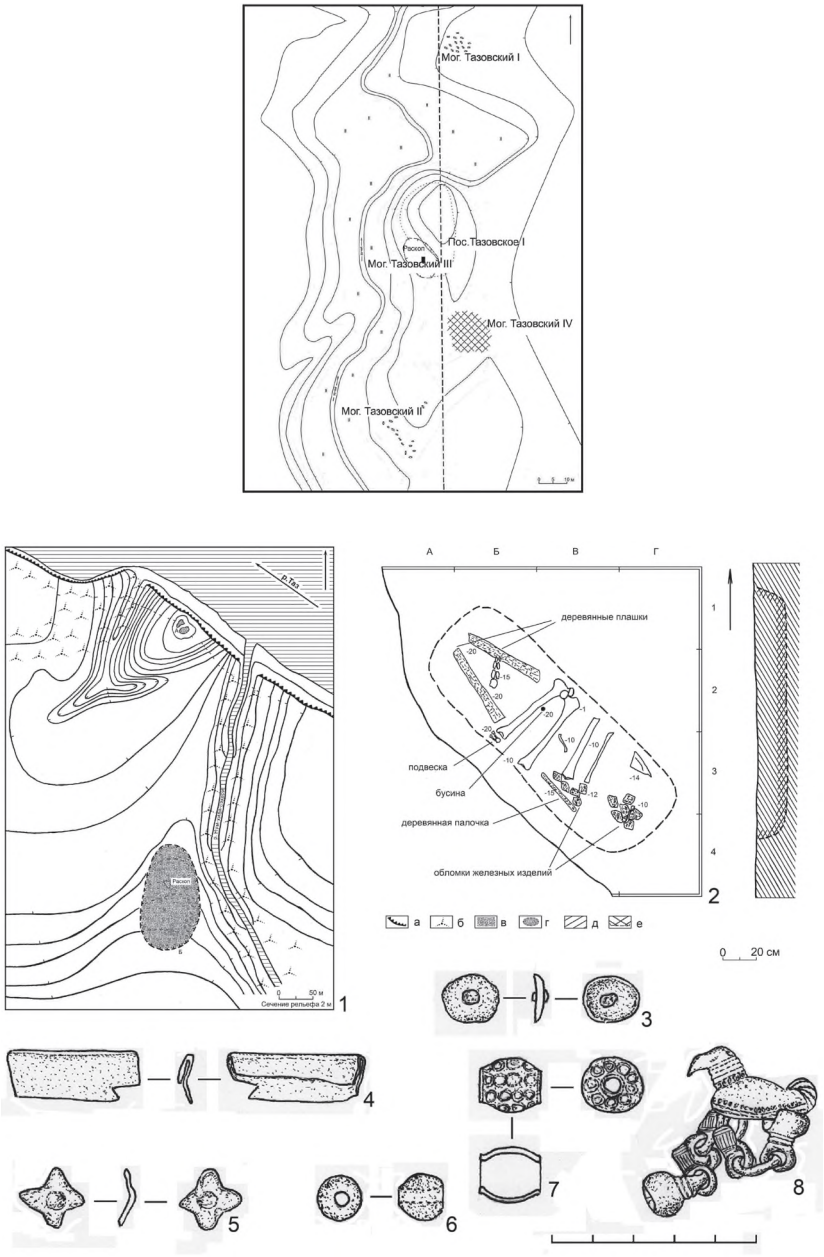

Рис. 2. Могильник Нум-хибя-сихэри.
1 – карта-схема местоположения памятников Мамеевского микрорайона (А – святилище Газ-Сале II; Б – могильник Нум-хибя-сихэри; 2 – могильник Тазовский III, план раскопа; 3 – бронзовая бляшка с железным крепежным шпеньком; 4 – бронзовая обойма; 5 – бронзовая бляшка; 6 – стеклянная бусина; 7 – серебряная пронизь; 8 – бронзовая подвеска; а – обрыв; б – кустаник; в, г – выдувы и разрушенные участки; д – темно-желтый песок; е – серо-желтый песок (придонная часть могилы)

Литература

Багашев А. Н., Волков Е. Н. Новые материалы к археологической карте Гыданского полуострова // Вестник археологии, антропологии и этнографии. – Вып. 4. – Тюмень; ИПОС СО РАН, 2002. – С. 214-217.

Лашук Л. П., Хлобыстин Л. П. Север Западной Сибири в эпоху бронзы // КСИА. – Вып. 185. – С. 43-50.

Могильников В. А. Угры и самодийцы Урала и Западной Сибири // Финно-угры и балты в эпоху Средневековья. – Археология СССР. – М.: Наука, 1987. – С. 163-235.

Свод памятников Тазовского района Тюменской области. – Тазовский, 2012. – 5 с.

Герасимов Ю. В., Корусенко М. А.

Омский филиал Института археологии и этнографии СО РАН, г. Омск, Россия

ПОГРЕБЕНИЯ НОВОГО ТИПА В СОСТАВЕ ПОГРЕБАЛЬНОГО КОМПЛЕКСА ЧЕРТАЛЫ В ТАРСКОМ ПРИИРТЫШЬЕ

Комплекс археологических памятников на правобережье р. Тара, в окрестностях д. Петропавловка, был открыт и частично исследован Б. В. Мельниковым в 1988-1990 годах (Мельников, 1989; Мельников, 1990). В его составе были выделены поселение Черталы 1, датированное XVII-XVIII вв., могильники Черталы 3 (того же времени) и Черталы 2, 4 (XIII-XIV вв.).

Погребальные памятники расположены на южной части мыса, образованного изгибом коренной террасы р. Тара в направлении север-северо-запад – восток-юго-восток. Терраса в этом месте достигает высоты 14 метров над уровнем поймы. Южный склон террасы в 50 метрах от мыса разрезан глубоким оврагом. Вдоль южной кромки мыса общим направлением юго-восток – северо-запад вытянута цепочка из 12 курганных насыпей. Вторая цепь курганов расположена перпендикулярно первой на некотором расстоянии от западного края террасы. Пространство между курганными рядами заполнено небольшими насыпями овальной или подпрямоугольной формы, образующими хорошо читаемые рядные структуры. Овраг делит могильное поле на две части – западную, в которой более крупные насыпи численно преобладают, и восточную, где преобладают насыпи меньших размеров. Б. В. Мельников разделил курганы и могильные насыпи на два разных памятника, обозначив их как грунтовый могильник Черталы – III и курганный могильник Черталы – IV. Отдельным памятником Черталы – II он считал насыпи, расположенные за оврагом. Раскопы Б. В. Мельникова охватили западную часть могильника Черталы-II и две курганные насыпи Черталы – IV. Результаты работ были частично опубликованы в небольших заметках (Мельников, 1991, с. 145-146; Мельников, Дрягин, 1988, с. 54-57).

Часть материалов не была доведена до отчетов, а полевая документация и коллекция артефактов серьёзно пострадали после затопления одного из помещений Музея археологии и этнографии Омского государственного университета. Указанные обстоятельства обусловливают актуальность дальнейших исследований могильника, который является ценным источником для изучения этнографо-археологического комплекса тарских татар и этнокультурной истории сибирских татар.

Изучение могильника было продолжено в 2010-2013 гг. экспедицией ОФ ИАЭТ СО РАН под руководством М. А. Корусенко. Раскопы были расположены к югу и к востоку от раскопа Б. В. Мельникова, в наиболее ранней части могильника. В результате работ было изучено 31 погребение из состава грунтового могильника и 4 курганные насыпи, относящиеся к памятнику Черталы – IV (Корусенко, 2012; Здор, 2013). Некоторые предварительные итоги работ были подведены в серии публикаций (Баранова, Герасимов, Корусенко, 2012, с. 164-170; Корусенко, Герасимов, 2014, с. 73-78).

В составе коллекции памятника можно выделить три культурно-хронологические группы (КХГ):

- КХГ бронзового века включает фрагменты плоскодонных керамических сосудов, орнаментированных оттисками палочки, мелкозубой гребенки и гладкого штампа. Находки этой группы дисперсно встречались на всей площади раскопа, но наибольшая концентрация их отмечена в южной и юго-западной частях. К этой же группе следует отнести единичные находки каменных изделий (2 пластины и скребок).
- КХГ развитого средневековья соотносима с погребениями в курганах. К этой группе относятся керамические сосуды (могила № 217, курганы № 8, 13), обломок железного черешкового ножа (могила № 217), пастовые бусины (могила № 217), арочные шумящие подвески (могила № 217), бляшки из свинцового сплава (могила № 217, курганы № 13, 14,), а также предметы вооружения, происходящие из погребения кургана № 13. Могильные ямы ориентированы по линии запад-восток, перекрыты округлыми насыпями высотой до 1,2 м, зафиксировано использование огня в ритуале. Особенности погребального обряда и вещевой комплекс позволяют отнести захоронения под курганами к усть-ишимской культуре. При раскопках насыпей № 10, 13 были зафиксированы следы ритуального ограбления погребений. Грабители вскрыли насыпи, извлекли костяки погребенных, разрубили крупные кости скелетов, а затем ссыпали их в беспорядке в ямы и закрыли их, восстановив внешний облик курганов. Мы предположили, что указанные действия преследовали цель ритуальной очистки местности.
- КХГ позднего средневековья связана с погребениями под небольшими насыпями северо-западной ориентации. Для большинства предметов этой группы известны параллели в погребальных и поселенческих комплексах аборигенного населения Западной Сибири XVII-XVIII веков. В составе кол-

лекции – украшения, детали погребального костюма, орудия труда и предметы вооружения, серебряные монеты (копейки) конца XVII века. Захоронения совершены в ямах подпрямоугольной формы, ориентированных по линии северо-запад – юго-восток. Вокруг могилы, как правило, фиксируется ров с одной или двумя перемычками. Высота овальной в плане насыпи не превышает полуметра. Вещевой комплекс и особенности погребального обряда позволяют интерпретировать выделенный комплекс как принадлежащий локальной группе тарских татар.

По итогам работ можно обоснованно утверждать структурную связь раннего курганного могильника и более позднего грунтового: насыпи первого образуют основания рядов второго. Именно близ курганов расположены наиболее ранние захоронения второго комплекса.

Работы 2014 года планировались как финальные, целью которых было получить статистические подтверждения выдвинутых ранее гипотез о культурно-хронологической и пространственной структурах могильника. Для решения поставленных задач было решено прирезаться северо-восточному углу раскопа 2013 года по его северной и восточной стенкам (рис. 1). Раскоп 2014 года охватил 14 насыпей разного размера из состава грунтового могильника и 1 небольшой курган; восточная граница раскопа практически достигла склона оврага. Общая площадь вскрытия составила 164 м^2, исследовано 16 захоронений и жертвенный комплекс, вероятно, соотносимый с курганным могильником усть-ишимской культуры. Шесть захоронений, судя по таким деталям, как ориентация погребенных, ровики вокруг могил, размеры и форма насыпей и могильных ям, могут быть отнесены к позднему комплексу. Остальные погребения отличаются прежде всего ориентацией умершего головой на северо-восток, что позволяет выделить третью группу захоронений в составе могильного комплекса. Сопроводительный инвентарь в погребениях этой группы относительно небогат: единичные находки наконечников стрел, железные ножи, бусины. Большинство могил перекрыто невысокими, до 0,4 м, насыпями овальной формы, ориентация которых совпадает с ориентацией ямы. Особенностью погребального ритуала этой группы можно считать наличие керамических сосудов в захоронениях (рис. 2 а). На этом фоне резко выделяется погребение в кургане № 21. Насыпь кургана округлых очертаний, диаметром до 4,5 и высотой 1,2 м, нарушена грабительским прокопом глубиной до 0,4 м, расположенным в центре. Умерший лежит вытянуто на спине, головой на северо-восток в яме глубиной 0,8 м Сопроводительный инвентарь включает бронзовый котел с остатками заупокойной пищи, набор железных и костяных наконечников стрел, детали колчана, железные кольчатые удила, бронзовое зеркало в берестяном чехле (рис. 2 б). На лицевой части черепа зафиксированы остатки погребальной маски в виде трех бронзовых фигурок рыбок, расположенных на глазницах и ротовом отверстии, и клыка животного на месте носа. В двух случаях удалось установить, что погребения с северо-западной ориентацией перекрывали могилы

третьей группы, что позволяет утверждать их более позднее происхождение. В пользу более ранней датировки погребений с северо-восточной ориентацией говорит и сопроводительный инвентарь, более архаичный по своему облику и составу. Так, в этом комплексе отсутствуют монеты, ножи и наконечники стрел морфологически тяготеют не к русским образцам, а к более ранним местным формам.

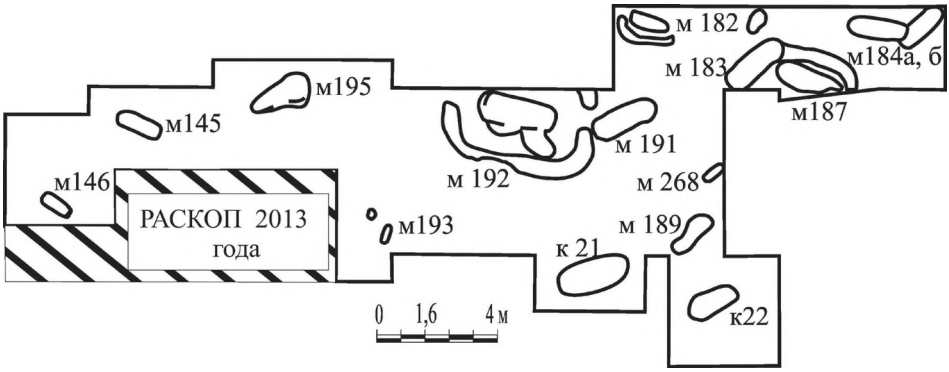

Рис. 1. План расположения погребений в раскопе 2014 года.

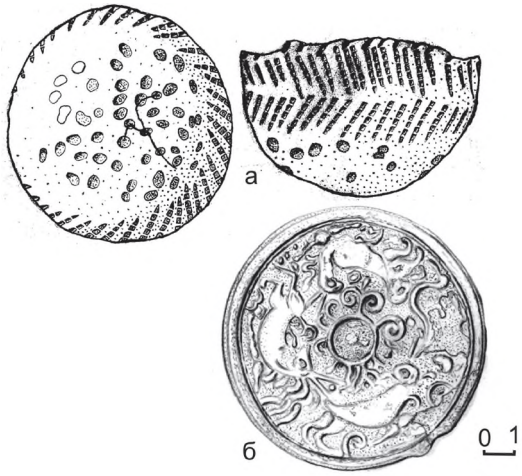

Рис.2. Инвентарь погребений:
а – сосуд из могилы № 195; б – зеркало из могилы 1 кургана 21

Таким образом, в результате работ 2014 года в составе курганно-грунтового могильника Черталы удалось выявить неизвестный ранее погребальный комплекс, ближайшие аналоги которого можно увидеть в могильнике Крюч-

ное-6, расположенном выше по течению р. Тара (Молодин, Новиков, Поздняков, Соловьев, 2012). Хронологически выделенный комплекс занимает промежуточное положение между курганами усть-ишимской культуры и невысокими насыпями, соотносимыми с погребениями возможных исторических предков современных тарских татар. Некоторые особенности ритуала и компоненты вещевого комплекса позволяют предполагать культурное влияние таежного (южнохантыйского или самодийского) населения.

Литература

Баранова Н. С., Герасимов Ю. В., Корусенко М. А. Средневековые погребения из состава могильника Черталы – 4: некоторые результаты изучения // Проблемы археологии, этнографии и антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во Института археологии и этнографи СО РАН, 2012. – С. 164-170.

Здор м Ю. Отчет об археологических раскопках могильников Черталы III, IV в Муромцевском районе Омской области в 2012 г. // Архив Музея народов Сибири ОФ ИАЭТ СО РАН. Ф. VII-1. Д. 48-1. – Омск, 2013.

Корусенко М. А. Отчет об археологических раскопках поселения Черталы I, могильников Черталы III, IV на территории Муромцевского района Омской области в 2010-2011 гг. // Архив Музея народов Сибири ОФ ИАЭТ СО РАН. Ф. VII-1. Д. 39-1. – Омск, 2012.

Корусенко М. А., Герасимов Ю. В. Раскопки некрополя Черталы в Тарском Прииртышье: некоторые итоги // Полевые исследования в Прииртышье, Верхнем Приобье и на Алтае в 2013 г.: археология, этнография, устная история. Вып. 9. – Павлодар: ПГПИ, 2014 – С. 73-78.

Мельников Б. В. Отчет о работе археолого-этнографической комплексной экспедиции в окрестностях д. Черталы Муромцевского района Омской области летом 1988 г. // Архив МАЭ ОмГУ. Ф. 2. Д. 62-1. – Омск, 1989.

Мельников Б. В. Отчёт об археологических раскопках поселения Черталы 1 в 1989 г. // Архив МАЭ ОмГУ. Ф. 2. Д. 66-1. – Омск, 1990.

Мельников Б. В. Поздние погребальные памятники таёжного Прииртышья // Древние погребения Обь-Иртышья. – Омск, 1991. – С. 145-146.

Мельников Б. В., Дрягин В. В. Место базового памятника в системе этнографо-археологического комплекса (постановка вопроса) // История, краеведение и музееведение Западной Сибири. Археология Западной Сибири. – Омск, 1988. – С. 54-57.

Молодин В. И., Новиков А. В., Поздняков Д. В., Соловьев А. И. Познесредневековые комплексы на озере Крючном (Средняя Тара). – Новосибирск, 2012 – 162 с.

Калменов М. Д.

Западно-Казахстанский центр истории и археологии, Уральск, Казахстан

НОВЫЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ГОРОДИЩА ЖАЙЫК (XIV в.)

Средневековое городище Жайык располагается на территории г. Уральска (Зачаганский территориальный округ) Западно-Казахстанской области в 12 км от трассы Уральск – Атырау. Привязка городища по GPS: N 51 06’16,88» E 51 19’17,59».

Памятник был открыт в 2001 г. во время археологических работ совместной Уральской археологической экспедиции Института археологии им. А. Маргулана и Областного историко-краеведческого музея, а затем Института археологии им. А. Маргулана и созданного в 2002 г. Западно-Казахстанского центра истории и археологии (Байпаков, 2005, с. 71).

Памятник расположен на морской аккумулятивной равнине нижнехвалынского возраста, на поверхности коренного берега, образованного крупным пойменным протоком реки Чаган, который формирует притеррасную пойму. Террасы здесь полностью размыты и прослеживаются на склоне долины далеко в стороне как выше, так и ниже по течению Урала. Далее, к руслу Урала, последовательно располагаются центральная, а затем прирусловая поймы.

В полевом сезоне 2012 г. было обнаружено несколько объектов строительного производства: кирпичеобжигательная печь, печь для сжигания извести.

Кирпичеобжигательная печь была засыпана аллювиальным песком (Калменов, 2013, с. 205). Контуры объекта: прямоугольная в плане, направление по оси СВ-ЮЗ. Это второй подобный памятник на городище Жайык, аналогичный объект был исследован в 2002 году (Байпаков, 2005, с. 89). В результате расчистки было установлено, что сохранилась лишь топочная (огневая) камера. Ее размеры: длина – 476 см, ширина – 360 см, а высота – 120-150 см. Координаты памятника по персональному навигатору GPS: N 51 06’13,19»; E 51 19’17,23».

Для постройки печи была выбрана верхняя надпойменная терраса реки, в которой был вырыт котлован в песке до уровня слоисто красно-коричневой глины, послуживший и уровнем первого основного пола топочной камеры. Стены объекта были выложены из кирпича размером 22х23х5; 28х28х5. Таким образом, топочная камера представляет собой котлован, в материке облицованный обожженным кирпичом. Поперек печи размещено восемь перегородок, имеющих в средней части проем, перекрытый аркой, – главный топочный канал. Высота перегородок 120 см; они перекрыты горизонтальной кирпичной площадкой, образующей над каждой секцией каналов прямоугольное отверстие – продух. Сохранилась только нижняя, топочная, камера, а от верхней, обжигательной, найдены упавшие кирпичи кладки. Стенки и перегородки сложены из кирпичей на глиняном растворе. Внутренняя поверхность стенок местами ошлакована

от действия сильного огня, а наружные – сырцовые. Очевидно, печь клалась из сырцов, которые обжигались в процессе ее эксплуатации. Кирпичи в продухах положены в вертикальном положении, высота кладки колеблется от 4 до 5 кирпичей. Промежуток между продухами составляет 25-32 см. В северо-восточной стене печи сохранились 7 продухов, а в юго-западной стене сохранились только 6 продухов. Размеры кирпичей на продухах: 30х25х6; 30х30х6. Северо-восточная стена печи сохранилась в длину 476 см, высоту 120-150 см, а юго-восточная сохранилась в длину 337 см, высоту 105-135 см (рис. 1; *I*). Соблюдая меры безопасности во избежание обрушения памятника, южная и северо-восточная сектора печи небыли расчищены до материка. Из всех арок полностью сохранилась первая арка во входной части печи. К сожалению, во время расчистки она также была обрушена, которая впоследствии была нами восстановлена (рис. 2). Высота первой арки над уровнем основного пола – 145 см, ширина пролета – 250 см. Пространство между изогнутой частью арки и стеной котлована заполнено кирпичом, выложенным горизонтально от замка почти до основания. Арка с внутренней и внешней сторон покрыта толстым слоем штукатурки. Внутреннее обследование топки печи показало, что она подвергалась многократному ремонту, это заметно по многослойной обмазке. В ходе раскопок было выявлено, что многослойное заполнение над полом обжиговой камеры состоит из трех слоев разной толщины и состава. Первый слой от основного пола из чистой древесной золы светло-коричневого цвета, толщиной до 8 см. Второй слой представлен по всей площади обжиговой камеры слоем грубой песочно-глиняной обмазки, толщиной 6-7 см, обогащенной древесно-пепельной массой, которая при обжиговом процессе, происходившем в топочной камере, из-за высокой температуры превратилась в массу темно-зеленого цвета. Третий слой, самый верхний, представляет собой зольное заполнение в центральной части по направлению оси топочной камеры, состоит в основном из древесных углей, местами встречаются кальцинированные кости крупного рогатого скота. Толщина слоя колеблется от 7 см, по краям до 12-14 см в центре. Выше до уровня верха топочной камеры, лежит однородный слой завала, состоящий из смеси обломков жженого кирпича и земли. При расчистке завала внутри топочной камеры каких-либо находок не обнаружено.

Реконструкция процесса обжига. Анализ устройства этих печей в сочетании с немногочисленными позднесредневековыми письменными источниками, а также этнографическими материалами о кустарном обжиге кирпича в XIX в. позволяет понять основные черты процесса эксплуатации таких печей. Прежде всего, очевидно, что при длинном топочном канале и относительно высоких перемычках должно было применяться длиннопламенное топливо, т. е. обычные дрова. Кстати, древесное топливо вплоть до начала XX в. продолжало считаться лучшим для этих целей (Раппопорт, 1994, с. 21).

Жар (т. е. горячие газы) распространялся по главному топочному каналу и по поперечным каналам между перемычками, создавая необходимую для обжига температуру. Возможно, подом печи служили верхние плоскости самих перемычек. Пространства между перемычками имели ширину не более

20 см; следовательно, если сырцовые кирпичи клали на ребро поперек этих каналов, то они не должны были проваливаться. Тем не менее, по-видимому, нижний ряд обжигаемых кирпичей, кроме того, еще подклинивали, чтобы они лучше держались и не проваливались в каналы между перемычками. Этот нижний ряд кирпичей создавал решетку, на которую укладывали подлежащую обжигу продукцию (Кузнецова, 1976, с. 39). Вероятно, для лучшего обжига ряды обжигаемых сырцов клались на ребро, причем кирпичи одного ряда размещались перпендикулярно кирпичам соседнего или же «в елку». Обжиг представлял собой достаточно сложный процесс, при котором в печи сначала создавали не очень высокую температуру, а затем поднимали ее до 800-950 °С. После того как обжиг завершался, ждали, пока печь остынет, на что уходило не менее недели. Весь цикл работы печи – от загрузки до выгрузки продукции – в XIX в. продолжался около двух-трех недель. Во время работы печи горячие газы должны выходить в верхнее отверстие. Отверстие это должно было быть достаточно большим, чтобы через него можно было вести загрузку и выгрузку продукции (Раппопорт, 1994, с. 21). Очень возможно, что печь вообще не имела сводчатого верха, а стенки ее поднимались на высоту, соответствующую высоте рядов загруженной продукции, т. е. не более 3 м над уровнем верхней площадки перемычек. Даже в XIX в. при кустарном производстве предпочитали строить печи с открытым верхом, без свода (Раппопорт, 1994, с. 22). В таком случае кирпичи двух-трех верхних рядов укладывали плашмя вплотную, так что они служили как бы крышей над остальной продукцией. Поверх этих кирпичей обычно насыпали тонкий слой песка или шлака. Для защиты от дождя над печью ставили деревянный навес. Реконструкция, хотя бы в самых общих чертах, процесса функционирования кирпичеобжигательных печей позволяет сделать примерный расчет их производительности. Как известно, при установке кирпичей на ребро между ними остаются свободные места, чтобы горячие газы могли охватить сырец со всех сторон, поэтому в одном ряду в печи можно было разместить примерно 400-500 штук. По высоте в кирпичеобжигательных печах XIX в. рекомендовалось укладывать не более 25 рядов сырца, а большей частью – значительно меньше, всего 16-18 рядов. Тонкие кирпичи XII в. гораздо легче поддавались деформации, и несомненно, что эти кирпичи нельзя было укладывать во много рядов, как брусковые. Если принять, что печь загружали плинфой на высоту 10 рядов, то окажется, что можно было одновременно обжигать до 4-5 тыс. штук кирпичей. Сезон работы кирпичеобжигательных печей мог продолжаться несколько дольше, чем сезон формовки сырцов, – до 150 рабочих дней. Учитывая, что цикл работы печи был примерно 2,5 недели, можно полагать, что каждая печь использовалась 8-10 раз за сезон и могла дать, таким образом, до 50 тыс. кирпичей. Количество кирпичей, необходимых для возведения достаточно крупного здания, несколько меньше 1 млн штук. А так как при обжиге получалось много брака, то примерным количеством можно считать 1200 тыс. штук (Коноров, 1956, с. 72).

Изучение аналогий жайыкских кирпичеобжигательных печей с печами соседних территорий дает основание заключить, что выявленные типы печей

имели широкое территориальное распространение. В 2009 году на округе городища Жалпактал была обнаружена аналогичная кирпичеобжигательная печь (Марыксин, Джубанов, 2009). Известна печь, по-видимому, X в. в Мадаре (Болгария) (Раппопорт, 1994, с. 19). Она врезана в землю, прямоугольная с поперечными перемычками, сквозь которые проходят два параллельных перекрытых арками топочных канала. Под обжигательной камеры здесь сложен из горизонтально расположенных кирпичей. Близкие по конструкции печи имели распространение и на территории, входившей в состав Золотой Орды. Так, печь для обжига кирпича, функционировавшая на рубеже XIII-XIV вв., была раскопана в древнем Сарайчике (Пацевич, 1957, с. 19). Здесь поперечные стенки были расположены настолько близко одна от другой, что их верхняя поверхность могла служить подом обжигательной камеры. Прямоугольная печь XIV в., размером 3.0х2.5 м, вскрыта в Болгаре (Хованская, 1954, с. 39). Она, по-видимому, имела под из горизонтально лежавших кирпичей, опиравшихся на поперечные стенки. Две печи, представляющие собой единый производственный комплекс и относящиеся к рубежу XIII-XIV вв., обнаружены в средневековом Белгороде (Кравченко, 1979, с. 115). Они встроены в остатки античных жилых построек. Стенки их сложены из сырцов на глиняном растворе, а пространство между стенками и каменными стенами древних построек забито для теплоизоляции землей. По предположению исследователей, печи служили для обжига кирпичей, черепицы, труб и прочих строительных материалов. Более крупная прямоугольная печь (4.5х3.0 м), с шестью поперечными стенками, раскопана в Старом Орхее (Полевой, 1969, с. 109). Сквозь поперечные стенки вдоль печи здесь также проходил перекрытый широкими арками топочный канал. Как была устроена верхняя камера (обжигательная), сведений нет. Печь служила для обжига кирпичей и относится к XIV в. Печи, специально предназначенные для обжига кирпичей, в значительном количестве изучены на территории Средней Азии. Здесь известны печи, относящиеся к XI-XII и XIII-XV вв. (Пругер, 1969, с. 120). Эти печи прямоугольные, с пятью-семью поперечными стенками внутри и проходящим сквозь них одним топочным каналом, перекрытым арками. Размер печей обычно около 3 м Подом обжигательной камеры служили верхние горизонтальные плоскости поперечных стенок.

Таким образом, почти идентичные по конструкции печи для обжига кирпича применялись в X-XV вв. на чрезвычайно обширной территории Юго-Восточной Европы и Средней Азии. Исследователи уже отмечали, что по происхождению данный тип связан с позднеантичными традициями. При этом выясняется, что расположение печей на плоской площадке или на склоне не является принципиальным отличием, а связано с местными условиями. Если была возможность врезать печь в глинистый склон, это, конечно, повышало ее теплотехнические качества и удешевляло строительство. Но если такого склона поблизости не было, печь строили на плоскости, значительно увеличивая толщину наружных стенок или же забучивая пространство вокруг стенок камнями и засыпая землей. Не является принципиальным отличием и форма печи –

прямоугольная или круглая, поскольку известны одинаковые по устройству печи как той, так и другой формы а иногда даже промежуточные – приближающиеся к прямоугольнику со скругленными углами. Более существенное различие – наличие или отсутствие специального пода с круглыми продухами. В тех печах, которые, несомненно, специально строились для обжига кирпичей, а не амфор или другой посуды, подом служили верхние поверхности стенок или же горизонтально лежавшие на этих стенках кирпичи. Печи с круглыми продухами, проходящими сквозь сводчатый под, большей частью предназначались для обжига сосудов, а не кирпичей. Очень возможно, что такое деление не было безусловным, и кирпичи обжигали в печах обоих типов.

Восточнее от печи в 100-110 см, на глубине 70-80 см было обнаружено захоронение (рис. 3). Дно могилы по нахождению костей человеческого скелета отмечается на глубине 65-78 см от современной поверхности. Дно могилы ровное. Здесь расчищен человеческий скелет, полностью сохранивший анатомическое положение костей. Кости залегали в слое плотного песка мощностью 10-12 см. Скелет находился в сильно скорченной позе на левом боку головой на восток. Судя по зарастанию черепных швов, скелет принадлежал молодому индивиду, возможно, женского пола. Позвоночный столб изогнут. Грудная клетка повернута к земле. Расположение костей грудной клетки указывают на разрушение ее анатомического объема в результате разложения органических тканей. Правая рука вытянута вдоль тела и согнута в локте. Кисть руки располагается под прямым углом к костям предплечья и обращена в сторону тела. Таз лежит на боку. Ноги сильно согнуты в коленях; бедренные кости располагаются почти под прямым углом к оси позвоночника.

В районе затылка скелета расчищен лепной глиняный сосуд (рис. 3) на песчано-земляном заполнении. Сосуд биконической формы приземистых пропорций. Верхняя часть не сохранилась. Он имеет прямой немного вогнутый край с оттянутым наружу бережком. Ребро-перегиб плавное. Дно плоское. Диаметр тулова по ребру 13,5 см, диаметр дна 8 см, сохранившаяся высота сосуда 12 см. В глиняном тесте имеется примесь дресвы. Толщина стенок 6 мм. Орнаментика отсутствует.

Самое интересное то, что захоронение было произведено без могильной ямы, по крайней мере, контуры ямы абсолютно не читаются. Человеческий скелет был захоронен в песке. На профилях восточной и южной брово раскопа четко просматриваются контуры насыпы из песка. Возможно, до постройки кирпичеобжигательной печи здесь была курганообразная насыпь из песка. Захоронение во время постройки печи не было потревожено.

Для выявления стратиграфии надпойменной зоны были заложены несколько шурфов. В одном из шурфов, в 50 м западнее от кирпичеобжигательной печи, на глубине 60-65 см были обнаружены контуры круглой в плане кладки из красного кирпича (впоследствии раскоп № 4). Кирпичи были сложены круглой формой в плане.

Как известно, основным связующим материалом, употреблявшимся в средневековом строительстве, была известь. На нашем примере, почти во всех постройках городища Жайык использовалась известь. Получали ее путем обжига известняка в специальных печах (Калменов, 2013, с. 357).

Печь имела форму цилиндрической шахты с внутренним диаметром 2,2-2,3 м (рис. 4). При раскопке каждый слой (толщиной 10-15 см) внутри шахты был тщательно фиксирован. В период запустения объекта она была заполнена бытовым мусором. Почти на каждом слое зафиксированы фрагменты керамики, костей мелкого и крупного рогатого скота, а также куски мела и известняка. Стенки печки сложены из кирпичей на глине. Размер кирпичей 30х30х6 см. Толщина стенок около 32 см, т. е. в один кирпич. Сохранились стенки на высоту 13 рядов кирпичей. Изнутри стенки ошлакованы от действия огня. С южной стороны в нижней части печи размещался устье, проем стрельчатой формы, шириной 90 см, немного расширявшийся наружу (рис. 5). Чуть ниже от проема находится проем-продух размером 20х15 см. Дно печи глиняное, прожженное на глубину 5 см. На высоте 70-80 см от дна внутренние стенки имеют уступ. Стенки уступа были белыми от приставшей извести, также отмечено скопление древесной золы и осколки белого камня – известняка. Там же имелись обожженная глина, культурные остатки. На глубине 20-25 см от уступа обнаружен толстый слой золы с мелкими фрагментами мела. В заполнении печи найдены куски ее стенок – битые плинфы на глине, фрагменты костей животных, а также фрагменты красноглиняной керамики. Ниже лежал слой извести и куски известняка. Дно печи – материковая глина, прожженное на глубину 5 см. Известь имелась и вне печи, перед ее проемом. В южной части вне печи был расчищен котлован глубиной 1,30 м. Внутренняя часть котлована была заполнена крупными кусками извести. По-видимому, данный котлован служил для хранения заготовок, т. е. мела, извести.

Для сравнения можно указать, что аналогичные известковообжигательные печи конца XIII – начала XIV в. известны по раскопкам в средневековых русских городах и в Уэлсе (Англия) (Раппопорт, 1994, с. 44). Эти печи круглые, сложенные из камней насухо. Внутренний диаметр их около 2 м, книзу они несколько сужаются. В отдельно стоящих печах толщина стенок почти 2 м, а в печах, врытых в холм, – всего 30 см. В нижней части печей имеется по два отверстия, расположенных одно против другого. Известь здесь выжигали из местного известняка или мела, а горючим служил местный древесный уголь. К сожалению, принцип функционирования таких известковообжигательных печей остается не вполне ясным. Печи такого типа могли иметь два варианта. В первом случае печь действовала периодически (так называемая непроходная печь), во втором была непрерывно действующей («проходная» печь). (Чеботаренко, Бырня, 1956, с. 109.) В «непроходной» печи над топочной камерой делали свод из крупных известняковых камней. Этот свод служил как бы решеткой, на которую загружали более мелкие куски известняка. Обжиг в такой печи продолжался около 3-5 дней (вместе с загрузкой и охлаждением после обжига),

затем печь выгружали. В «проходной» печи над топочной камерой размещалась решетка, поверх которой укладывали чередующиеся слои угля и известняка. При обжиге известь сквозь решетку попадала вниз и выгребалась через устье, а сверху загружался новый слой. Для прохождения известняка от загрузки сверху до выгребания извести требовалось около недели. При такой системе работы печи в извести оказывалось большее количество углей, чем при обжиге в «непроходной» печи. По какой системе работала обнаруженная нами печь, судить трудно. Уступ на внутренних стенках мог служить для укладки решетки (если печь работала как «проходная»), но мог быть предназначен и для опоры пят каменного свода (при «непроходной» печи).

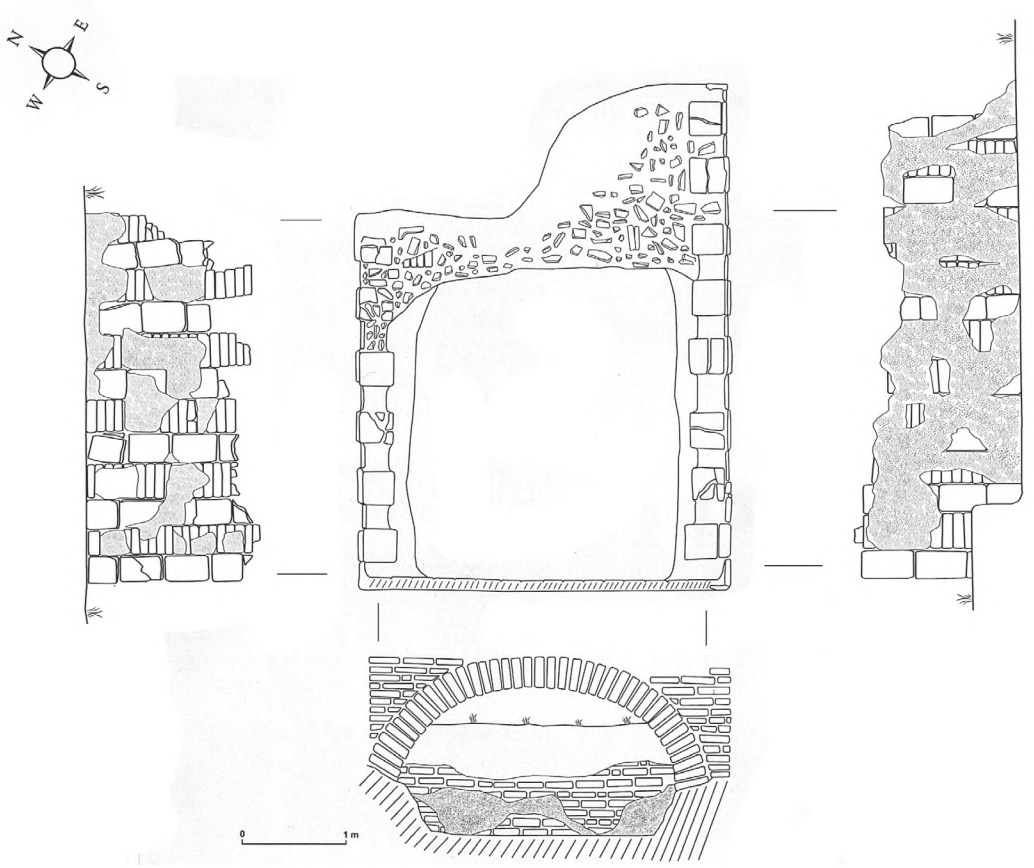

Рис. 1. Кирпичеобжигательная печь. Городище Жайык

Рис. 2. Арочные проемы кирпичеобжигательной печи. Городище Жайык

Рис. 3. Захоронение возле кирпичеобжигательной печи. Городище Жайык

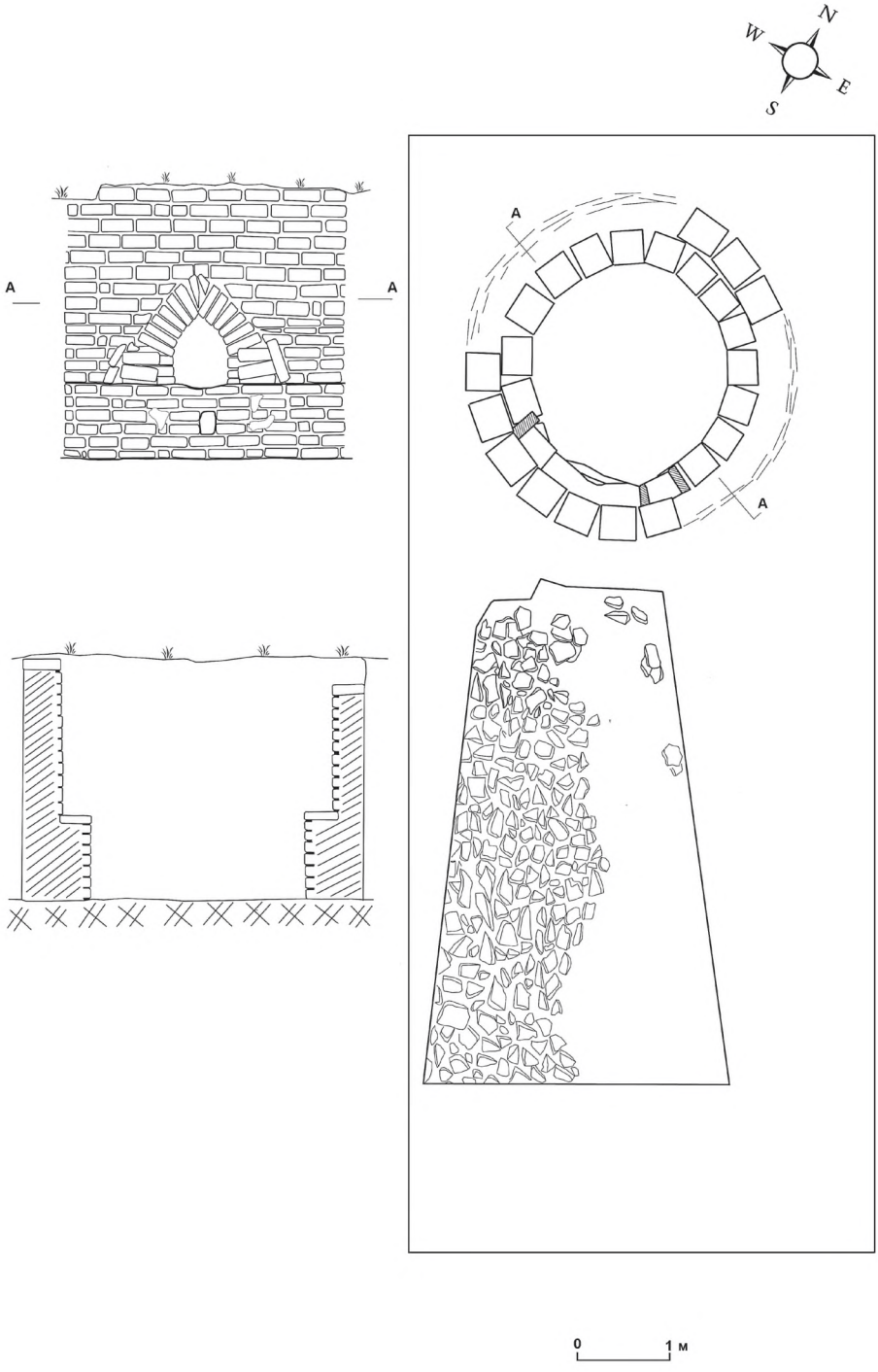

Рис. 4. План и разрезы печи для сжигания извести. Городище Жайык

Рис. 5. Устье-проем печи для сжигания извести. Городище Жайык

Литература

Байпаков К. М., Смагулов Е. А., Ахатов Г. А. Средневековое городище Жайык. – Алматы, 2005.

Калменов М. Д. Кирпичеобжигательная печь с городища Жайык // Поволжская археология – Казань, 2013.

Калменов М. Д. Печь для сжигания извести с городища Жайык //«Археология Восточно-Европейской степи». Материалы IV Нижневолжской Международной археологической конференции. – Саратов, 2013.

Калменов М. Д. Отчет об археологическом исследований средневекового городища Жайык в 2012 г. // Архив ЦИА ЗКО.

Калменов М. Д. Отчет об археологических исследованиях на городище Жайык в 2013 г. // Архив ЦИА ЗКО.

Кравченко А. А. Производственные комплексы Белгорода XIII-XIV вв. // Античная Тира и средневековый Белгород. – Киев, 1979.

Коноров А. В. К истории кирпича в России в XI-XX вв. // Тр. Института истории, естествознания и техники. – Т. 7. – М., 1956.

Кузнецова М. Ю. Раскопки печи для обжига кирпича в пос. Селище // АО, 1975 г. – М., 1976.

Марыксин Д. В., Джубанов А. А. Отчет о курганного комплекса Жалпактал 1 и городища Жалпактал в 2009 году // Архив ЦИА ЗКО.

Пацевич Г. И. Печь для обжига кирпича в древнем городе Сарайчике // КСИИМК, 1957. Вып. 69.

Полевой Л. Л. Городское гончарство Пруто-Днестровья в XIV в. – Кишинев, 1969.

Пругер Е. Б. Кирпичеобжигательное производство средневекового Мерва // ТЮТАКЭ. – Т. 14. – 1969.

Раппопорт П. А. Строительное производство Древней Руси X–XIII вв., – Наука, СПб:. 1994.

Чеботаренко Г. Ф., Бырня П. П. Археологические раскопки у с. Бравичены в 1956 г. // Изв. Молд. фил. АН СССР. № 4 (70).

Хованская О. С. Гончарное дело города Болгара // МИА. 1954. № 42.

Список сокращений

АО – Археологические открытия

КСИИМК – Краткие сообщения Института истории материальной культуры

МИА – Материалы и исследования по археологии СССР

ТЮТАКЭ – Труды Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции

ЦИА ЗКО – Центр истории и археологии Западно-Казахстанской области

Марыксин Д. В.

Западно-Казахстанский центр истории и археологии, Уральск, Казахстан

МЕЧЕТЬ ГОРОДИЩА ЖАЛПАКТАЛ (предварительное сообщение)

Городище Жалпактал расположено на границе Казталовского и Жангалинского районов Западно-Казахстанской области. Инструментальная съемка городища показала, что его площадь достигает 68 га (Марыксин, Алпаткина, 2011, с. 312-316). В центральной части городища наблюдается несколько крупных холмов высотой до 2 м и диаметром до 50 м, на остальной части – несколько десятков всхолмлений меньшего размера (рис. 1).

В 2014 году на городище раскопана мечеть размером 12х13 м (рис. 2). Южная стена длиной 12 м. Стена сложена в два кирпича (рис. 3). В западном углу стены наблюдается слой пожара, после расчистки которого была обнаружена печь шириной 1,28 м. Вторая подобная печь шириной 1,16 м с прослойкой золы обнаружена в восточной части стены. Центральная часть стены сложена из вертикально поставленных кирпичей, при расчистке которых был обнаружен михраб шириной 0,9 м. С восточной стороны к мечети пристроен минарет

размером 2,84х4,3 м. Ширина стен минарета – 1,2 м. Минарет имеет два входа шириной 0,7-0,8 м из мечети и с улицы. Мечеть сохранилась в высоту до 1 м. Вход в мечеть сделан в юго-восточном углу. Внутри мечеть имела обмазку, которая наиболее сохранилась на северной стене, возле входа в мечеть, где имелся небольшой ант, который был разрушен. При строительстве мечети использовался большеформатный сырцовый кирпич размером 40-45х22-23х8-9 см.

Большая часть известных в настоящее время мечетей Золотой Орды относится к одному типу. Это квадратные или прямоугольные в плане здания, внутреннее пространство которых разделено рядами колонн, поддерживающих плоское перекрытие в виде балок или аркад.

Совершенно очевидно, что столь единообразный, хорошо разработанный тип планировки не мог быть создан непосредственно в Золотой Орде. Скорее он был принесен извне или заимствован у оседлых народов, населявших ее земли. Наиболее известные золотоордынские мечети принято связывать с сельджукским зодчеством. Аналогии мечетям Золотой Орды следует искать не в караван-сараях, а в мечетях же Малой Азии. Последние представляли собой прямоугольные залы, разделенные на нефы рядами столбов или колонн, соединенных балками или аркадами, то есть базилики с плоским перекрытием. Характернейшей чертой сельджукских мечетей является наличие в крыше светового люка, под которым находится сильно редуцированный внутренний дворик с фонтаном. Над предмихрабной частью мог быть возведен небольшой купол. Надо отметить, что мечети базиличного плана встречаются в виде исключения в более раннее время не только в Малой Азии. Обычно это бывает, если с приходом арабов в мечети перестраивались христианские базилики или другие здания, а для двора в городской застройке уже не оставалось места.

Основной тип мечетей в Золотой Орде сложился под влиянием Малой Азии. Сельджукская строительная традиция могла распространяться через Закавказье. Взяв за основу базиличную планировку с плоским перекрытием, золотоордынские мастера творчески переработали ее, сообразуясь с местными условиями и вкусами заказчиков. Более того, можно смело утверждать, что в ряде случаев была воспринята сама идея закрытого зала, с плоским перекрытием, опирающимся на колоннаду, но воплощение ее в разных частях государства было разнообразным и часто оригинальным (Зиливинская, 2014, с. 41).

Сырцовые кирпичи, применяемые при строительстве, можно разделить на два вида – прямоугольные и квадратные по форме. Наиболее распространенный формат квадратного кирпича представлен стандартами от 21 до 27 см при толщине 4,5-6 см. Подобные стандарты сырцового кирпича были распространены на всей территории Золотой Орды – он встречается в Болгарах, Средней Азии, Приднестровье. Заимствование форматов квадратного сырцового кирпича, в том числе и большеформатного, следует связывать со Средней Азией; наряду с удлиненным он широко использовался в среднеазиатских постройках в домонгольское и монгольское время.

Прямоугольные сырцовые кирпичи делятся на группы по нескольким пропорциональным соотношениям. На городище Жалпактал отношение длины

и ширины сторон кирпича соответствует пропорции 1:2 при толщине кирпича в 4-6 см. Причем для данного соотношения характерно несколько стандартов, но наиболее распространенным размером является 40-44х20-23х5-8. Заимствование подобных стандартов также следует связывать со Средней Азией, где они были хорошо известны с домонгольского времени.

Отмечена следующая закономерность – большеформатные сырцовые кирпичи со стандартами 40-45х20-24х5-9 см использовались для возведения капитальных стен усадебных домов, общественных и мемориальных построек. Подобный стандарт кирпича (1:2) являлся наиболее оптимальным, позволяя чередовать кладку рядов тычком и ложком. При строительстве канов, суф, печей, цокольных частей и стен небольших домов употреблялся кирпич с меньшим форматом (Блохин, Яворская, 2006, с. 148-149).

Предварительно можно сказать, что мечеть Жалпактала воплощает в себе две традиции – малоазийскую и среднеазиатскую. За основу планиграфии взята малоазийская базиличная мечеть, типичная для Золотой Орды. Технические приемы, формат кирпича и технику кладки строители мечети Жалпактала переняли у Средней Азии.

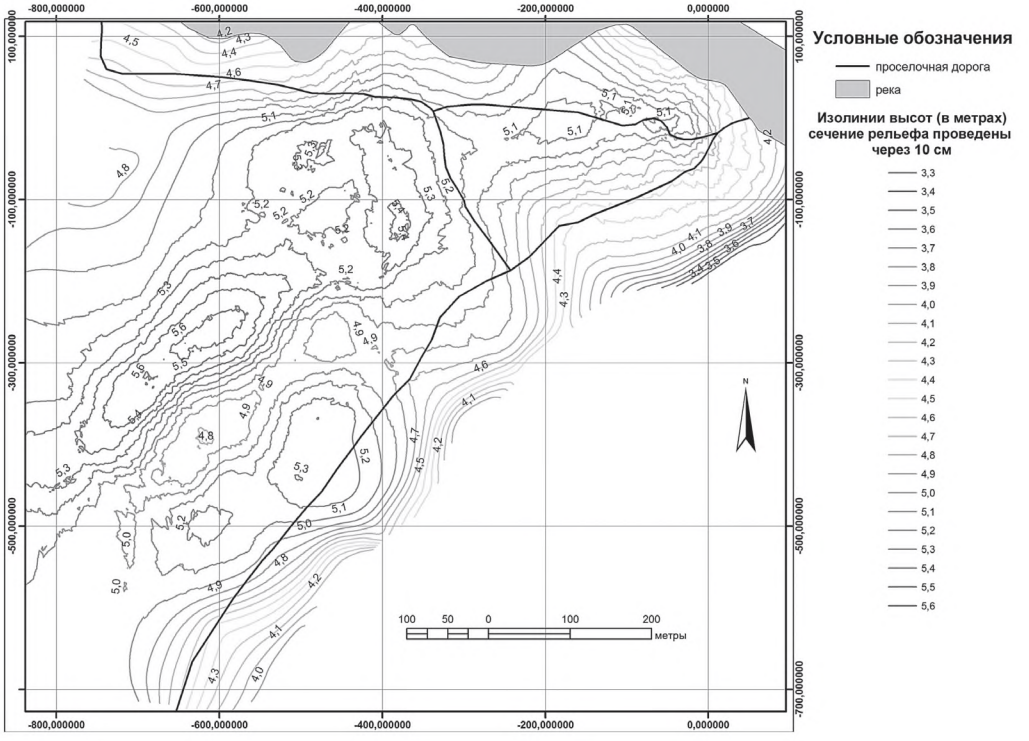

Рис. 1. План городища Жалпактал

Рис. 2. План мечети

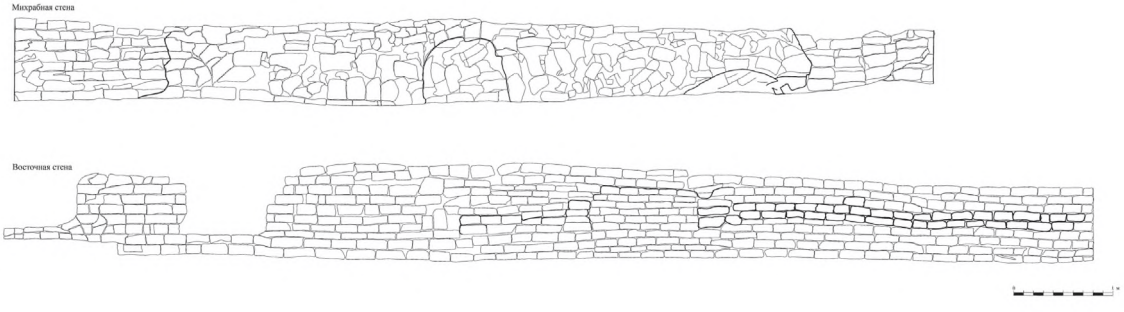

Рис. 3. Профили южной и восточной стен мечети

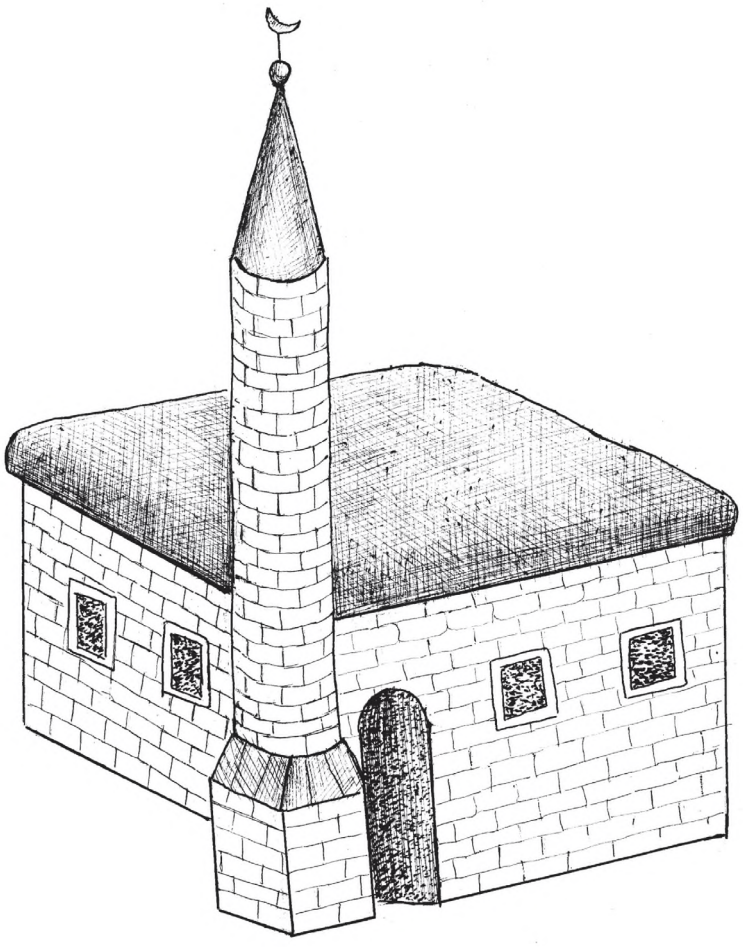

Рис. 4. Мечеть городища Жалпактал. Реконструкция

Литература

Блохин В. Г., Яворская Л. В. Археология золотоордынских городов Нижнего Поволжья [Текст]: [учеб. пособие] / В. Г. Блохин, Л. В. Яворская; ВолГУ, Фак. ист. и междунар. отношений, Каф. археологии, древ. и средневек. истории; отв. ред. и авт. предисл. А. С. Скрипкин. – Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2006. – 268 с.

Зиливинская Э. Д. Архитектура Золотой Орды. Часть I. Культовое зодчество: Монография. – Казань: Отечество, 2014. – 228 с + 220 с. иллюстрации.

Марыксин Д. В., Алпаткина Т. Г. Первые результаты работ на городище Жалпактал // Маргулановские чтения – 2011. Материалы Международной археологической конференции. Астана, 20-22 апреля 2011 г. – Астана: ЕНУ им. Л. Н. Гумилева, 2011. – С. 312-316.

Потемкина Т. М.

Донецкий национальный университет, г. Донецк, Украина

ЖЕРТВЕННАЯ ПИЩА В ЗОЛОТООРДЫНСКИХ ПОГРЕБЕНИЯХ С ПРИЗНАКАМИ МОНГОЛЬСКОЙ ОБРЯДНОСТИ

В начале II тыс. н. э. в степях Забайкалья и Прибайкалья в результате ожесточенной борьбы на историческую арену вышли консолидированные крупные монгольские этнополитические объединения. Племена, относящиеся к «раннемонгольской» (X-XIV вв.) археологической культуре, оставили погребальные комплексы со специфическими признаками обрядности. Среди исследователей, которые изучали этнокультурные особенности монгольских погребальных памятников, необходимо отметить И. В. Асеева, И. И. Кириллова, Е. В. Ковычева (Ковычев, 1981; 1984; 2011), С. В. Данилова (1985), Л. Хоголбоона (1994), В. Ф. Немерова (1981). Большой вклад в разработку признаков раннемонгольской (X-XIV вв.) культуры внес Н. В. Именохоев (1992; 2010; Именохоев, Коновалов, 1985). Золотоордынские восточноевропейские захоронения с признаками монгольской погребальной обрядности подвергались исследованию Г. А. Федоровым-Давыдовым (1966), Е. В. Шнайдштейн (1987), Л. В. Яворской (1999, с. 128).

Основной характерной чертой монгольских погребений Центральной Азии считается наличие в изголовье вертикально установленной берцовой кости овцы. Золотоордынские погребения с остатками загробной пищи в виде костей определенных частей туши овцы были проанализированы нами в ряде статей (Потемкина, 2011а; 2011б; 2012а; 2012б; 2012в; 2013; 2014; Потемкина, Пилипенко, 2011). Было выяснено, что в золотоордынских «монгольских» захоронениях, кроме классической ноги овцы часто встречаются остатки других частей туши животного (лопатка, позвонки и др.) и их сочетания. На наш взгляд, является также важным вопрос о местоположении жертвенной пищи в могильном сооружении.

Для решения поставленной задачи нами были проанализированы данные 270 золотоордынских погребений. Захоронения сгруппированы в 7 групп по принципу наличия загробной пищи: только с ногой (Н) – 108 комплексов, с ногой и лопаткой (НЛ) – 32, с ногой и другими частями (НД) – 38, с ногой, лопаткой и другими частями (НЛД) – 12, только с лопаткой (Л) – 9, с лопаткой и другими частями (ЛД) – 9, только с другими частями (Д) – 62.

Среди других частей овцы преобладают позвонки – 72 (54,5 %), почти треть (43-32,6 %) – астрагалы, встречаются также ребра (9-6,8 %), черепа (4), крестец (3) и др. Всего в 270 погребениях обнаружено 350 костей. Естественно, что наибольшее количество (почти треть) из них содержалось в группе Н (табл. 1). Жертвенная пища в золотоордынских захоронениях располагалась в разных частях могильной ямы, прежде всего в изголовье (27,4 %), слева (22,3 %) и справа (18,3%) от тела, в ногах (6 %), под умершим (8 %), в заполнении (11,1 %).

В 24 случаях (6,9 %) КЖ находились в нестандартных местах: на крышке гроба, между бедренными костями, на груди погребенного и т. п. (табл. 1).

Табл. 1

Группы Место-расположение	Н	НЛ	НД	НЛД	Л	ЛД	Д	Всего костей
В изголовье	44	9	15	6	3	2	17	96 (27,4 %)
Слева от тела	23	20	11	7	4	4	9	78 (22,3 %)
Справа от тела	24	12	8	3	1	0	16	64 (18,3 %)
В ногах	8	3	4	0	0	1	5	21 (6 %)
Под погребенным	0	1	8	6	0	3	10	28 (8 %)
В заполнении	8	2	9	2	1	3	14	39 (11,1 %)
Другое	5	2	8	2	1	1	5	24 (6,9 %)
Всего костей	112 (32%)	49 (14%)	63 (18%)	26 (7,4%)	10 (2,9%)	14 (4%)	76 (21,7%)	350 (100 %)

Интересно рассмотреть местоположение жертвенной пищи по группам. Необходимо обратить внимание, что во второй колонке даны цифры непосредственного количества костей данной группы, а в третьей колонке эти цифры даны в процентном соотношении, поскольку количество комплексов в группах разное (от 9 до 108) и, соответственно, разное количество костей. Для объективного сравнения они переведены в проценты (табл. 2-7). Как видим, чаще всего в изголовье укладывали (или ставили вертикально) ногу овцы (почти 40 %). Реже всего в изголовье найдено сочетание лопатки и других частей (группа ЛД – 14,4 %). В то же время почти треть лопаток (группа Л) найдена именно в изголовье (табл. 2).

Табл. 2

Месторасположение группы	В изголовье	В % соотношении
Н	44 (45,8%)	39,3%
НЛ	9 (9,4%)	18,5%
НД	15 (15,6%)	23,8%
НЛД	6 (6,3%)	23,1%
Л	3 (3,1%)	30%
ЛД	2 (2,1%)	14,4%
Д	17 (17,7%)	22,4%
Всего	96 (100%)	

Слева от тела погребенного найдено несколько меньше костей, чем в изголовье. Чаще всего в этой части могилы укладывали жертвенную пищу в группах НЛ (40,8 %) и Л (40 %). Для других частей овцы нехарактерно расположение слева от умершего – всего 11,8 % костей (табл. 3).

Табл. 3

Месторасположение группы	Слева от тела	В % соотношении
Н	**23 (29,5%)**	**20,6%**
НЛ	**20 (25,6%)**	**40,8%**
НД	**11 (14,1%)**	**17,5%**
НЛД	**7 (9%)**	**26,9%**
Л	**4 (5,1%)**	**40%**
ЛД	**4 (5,1%)**	**28,6%**
Д	**9 (11,6%)**	**11,8%**
Всего	**78 (100%)**	

Справа от тела погребенного остатки загробной пищи в комплексах группы ЛД отсутствуют. В других группах это местоположение также использовалось нечасто: максимум (24,5 %) – в НЛ, минимум (10 %) – в группе Л (табл. 4).

Табл. 4

Месторасположение группы	Справа от тела	В % соотношении
Н	**24 (37,5%)**	**21,4%**
НЛ	**12 (18,7%)**	**24,5%**
НД	**8 (12,5%)**	**12,7%**
НЛД	**3 (4,7%)**	**11,5%**
Л	**1 (1,6%)**	**10%**
ЛД	**0**	**0%**
Д	**16 (25%)**	**21%**
Всего	**64 (100%)**	

В ногах зафиксировано всего 6 % жертвенной пищи. Причем в комплексах двух групп (НЛД и Л) КЖ в ногах не обнаружено. В остальных группах количество костей примерно равное: от 6 до 7,1 % (табл. 5).

Табл. 5

Месторасположение группы	В ногах	В % соотношении
Н	**8 (38,1%)**	**7,1%**
НЛ	**3 (14,3%)**	**6%**
НД	**4 (19%)**	**6,3%**
НЛД	**0**	**0%**
Л	**0**	**0%**
ЛД	**1 (4,8%)**	**7,1%**
Д	**5 (23,8%)**	**6,6%**
Всего	**21 (100%)**	

Очень интересные данные дает местоположение «под погребенным». Ни одного случая нахождения КЖ под умершим в группах Н и Л не зафиксировано. Всего 1 подобный случай в группе НЛ (Красногоровка-13/3 – лопатка под черепом). Практически равные цифры в группах НД (12,7 %) и Д (13,2 %). А вот в погребениях групп НЛД и ЛД эти показатели достаточно велики: 23,1 и 21,4% соответственно (табл. 6). Необходимо отметить одну специфическую деталь обряда: специальное углубление под телом погребенного. В неглубоких ямках размерами от 10х10х5 до 20х15х10 см, как правило, находилось несколько позвонков овцы в сочленении (12 случаев, из них 6 – в могильнике Ливенцовский-VII). Чаще всего КЖ лежали под тазовыми костями, хотя нередки находки костей под шейными, грудными и поясничными позвонками человека. А вот в погребении Московский-II, 4/1, под спину с правой стороны был положен нож, острый конец которого лежал на лопатке овцы, а 4 позвонка в сочленении находились вдоль спинки ножа.

Табл. 6

Месторасположение группы	Под погребенным	В % соотношении
Н	**0**	**0%**
НЛ	**1 (3,6%)**	**2%**
НД	**8 (28,6%)**	**12,7%**
НЛД	**6 (21,4%)**	**23,1%**
Л	**0**	**0%**
ЛД	**3 (10,7%)**	**21,4%**
Д	**10 (35,7%)**	**13,2%**
Всего	**28 (100%)**	

Другое нестандартное местоположение частей овцы в золотоордынских погребениях достаточно редко. Как видим, в процентном соотношении это всего 4,1-7,7 %. Несколько чаще это местоположение встречается в группе НД – 12,7 % (табл. 7).

Табл. 7

Месторасположение Группы	Другое	В % соотношении
Н	**5 (20,8%)**	**4,5%**
НЛ	**2 (8,3%)**	**4,1%**
НД	**8 (33,4%)**	**12,7%**
НЛД	**2 (8,3%)**	**7,7%**
Л	**1 (4,2%)**	**10%**
ЛД	**1 (4,2%)**	**7,1%**
Д	**5 (20,8%)**	**6,6%**
Всего	**24 (100%)**	

Таким образом, можно констатировать, что в золотоордынских погребениях с признаками монгольской обрядности жертвенная пища не имела четкого, жестко закрепленного традиционного местоположения. Несколько выделяются такие участки могильного сооружения, как «изголовье» и «слева от тела погребенного». Ни в одной из 7 групп захоронений с разными частями овцы также не наблюдается предпочтения в размещении КЖ на площади могильной ямы. Только в группе Н почти 40% костей обнаружено в изголовье, а в группах НЛ и Л тоже по 40% остатков жертвенной пищи зафиксировано слева от умершего. Для «раннемонгольской» культуры типичной, как уже указывалось выше, является установка ноги овцы вертикально в изголовье. Тем не менее, там встречается и нехарактерное местоположение: «…но жертвенные кости барана располагались несколько необычно – слева от костяка, на уровне груди и колен» (Ухинов, 2014, с. 219-220). А вот укладка КЖ под тело человека являлась стандартной: «Обычно три бараньих позвонка подкладывали под спину покойного…» (Ухинов, 2014, с. 220). От чего зависело местоположение жертвенной пищи в пространстве могилы? Как известно, от социального и имущественного положения умершего, а также от его принадлежности к тому или иному племени или роду зависели конструкция погребального сооружения и состав сопроводительного инвентаря. На некоторые детали погребального обряда могли влиять пол, возраст, обстоятельства смерти (насильственная, естественная, болезни). О том, что у монголов существовала градация частей туши овцы по степени престижности, известно по этнографическим данным (Жуковская, 1988, с. 85, 124; Викторова, 1980, с. 27-29). По-видимому, все эти моменты учитывались и при выборе состава

частей овцы для загробной пищи и ее расположения относительно погребенного в золотоордынских «монгольских» захоронениях.

Литература

Асеев И. В., Кириллов И. И., Ковычев Е. В. Кочевники Забайкалья в эпоху средневековья. – Новосибирск: Наука, 1981. – 201 с.

Викторова Л. Л. Монголы. Происхождение народа и истоки культуры. – М.: Наука, 1980. – 224 с.

Данилов С. В. Жертвоприношения животных в погребальных обрядах монгольских племен Забайкалья // Древнее Забайкалье и его культурные связи. – Новосибирск: Наука, 1985. – С. 86-90.

Жуковская Н. Л. Категории и символика традиционной культуры монголов. – М.: Наука, 1988. – 196 с.

Именохоев Н. В. Раннемонгольская археологическая культура // Археологические памятники эпохи Средневековья в Бурятии и Монголии. – Новосибирск: Наука, 1992. – С. 23-48.

Именохоев Н. В. Древние тюрки и ранние монголы: проблемы этнической атрибуции археологических культур Западного Забайкалья // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири. Материалы международной научной конференции, 20-23 сентября 2010 г., Улан-Удэ / Центральная Азия и Прибайкалье в древности. – Вып.4. – Улан-Удэ, 2010. – С. 309-312.

Именохоев Н. В., Коновалов П. Б. К изучению погребальных памятников монголов в Забайкалье // Древнее Забайкалье и его культурные связи. – Новосибирск: Наука, 1985. – С. 69-85.

Ковычев Е. В. Монгольские погребения из Восточного Забайкалья // Новое в археологии Забайкалья. – Новосибирск: Наука, 1981. – С.73-79.

Ковычев Е. В. Раннемонгольская культура // Малая энциклопедия Забайкалья: Археология. – Новосибирск: Наука, 2011. – С. 257-258.

Немеров В. Ф. Восточное Забайкалье в первой половине II тыс. н. э. (по материалам погребений): автореф. дис. … канд. ист. наук. – Новосибирск, 1981.

Потемкина Т. М. Об этнокультурных признаках «монгольских» погребальных памятников Восточной Европы // Диалог городской и степной культур на евразийском пространстве: материалы V международной конференции (г. Астрахань, 2-6 октября 2011 г.). – Казань, Астрахань, 2011а. – С. 112-115.

Потемкина Т. М. Этнодиагностические признаки монгольских погребений золотоордынского времени // Матеріали наукової конференції професорсько-викладацького складу, наукових співробітників і аспірантів Донецького національного університету за підсумками науково-дослідної роботи за період 2009-2010 рр. Т. 2. – Донецьк: ДонНУ, 2011б. – С. 163-164.

Потемкина Т. М. Золотоордынские кочевнические захоронения с западной ориентировкой: признаки монгольского погребального обряда // Історичні і політологічні дослідження. – №1 (49). – Донецьк: ДонНУ, 2012а. – С. 17-21.

Потемкина Т. М. Признаки монгольского погребального обряда у золотоордынских кочевнических захоронений с западной ориентировкой // Матеріали III Луганської міжнародної історико-археологічної конференції, присвяченої пам'яті С. Н. Братченка «Проблеми дослідження пам'яток археології Східної України». – Луганськ, 2012б. – С. 461-463.

Потемкина Т. М. Признаки монгольской погребальной традиции (по золотоордынским кочевническим погребениям) // Донецький археологічний збірник. – № 16. – Донецьк: Вид-во Донецьк. ун-ту, 2012в. С. 144-151.

Потемкина Т. М. Специфический комплекс признаков средневековой монгольской погребальной обрядности Восточной Европы // Матеріали наукової конференції Донецького національного університету за підсумками науково-дослідної роботи за період 2011-2012 рр. Т. 2. – Донецьк: ДонНУ, 2013. – С. 116-117.

Потемкина Т. М. Золотоордынские кочевнические погребения с меридиональной ориентировкой: проблемы этнокультурной интерпретации // Верхнедонской археологический сборник. Вып.6. Материалы межрегиональной научной конференции «Археология восточноевропейской лесостепи: поиски, находки, проблемы», посвященной 125-летию первых археологических раскопок под эгидой Императорской Археологической Комиссии в Липецком крае (бывшем Задонском уезде Воронежской губернии), прошедшей в г. Липецке 20-22 декабря 2013 года. – Липецк: РИЦ ФГБОУ ВПО «ЛГПУ», 2014. – С. 589-593.

Потемкина Т. М., Пилипенко Д.В. К вопросу о монгольской погребальной обрядности (по материалам восточноевропейских золотоордынских погребений) // Літопис Донбасу. – №19. – Донецьк, 2011. – С. 54-62.

Ухинов З. Ч. Погребальные комплексы монголов первой половины II тыс. в Поононье // Древности Сибири и Центральной Азии. – Горно-Алтайск: ГАГУ, 2014, № 7 (19). – С. 216-223.

Федоров-Давыдов Г. А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. – М.: Изд-во Московского университета, 1966. – 274 с.

Хоголбоон Л. Средневековые погребения монголов (XII-XIV вв.): дис. … канд. ист. наук. – М.: ИА РАН, 1994.

Шнайдштейн Е. В. Нашествие монголов и кочевники Нижнего Поволжья в XIII-XIV вв. // Археологические исследования в Калмыкии. – Элиста, 1987. – С. 69-82.

Яворская Л. В. Могильники золотоордынского времени в окрестностях Царевского городища: дисс. … канд. ист. наук. 07.00.06 – Археология. Воронеж: ВГУ, 1999.

Корусенко М. А., Здор М. Ю.

Омский филиал Института археологии и этнографии СО РАН, г. Омск, Россия

ИССЛЕДОВАНИЕ ПОСЕЛЕНИЯ ЧЕРТАЛЫ-1 ЛЕТОМ 2011 г.

Летом 2011 г. археологическим отрядом Барабинско-Тарской археолого-этнографической экспедиции под руководством М. А. Корусенко исследовалось поселение XVII-XVIII вв. н. э. Черталы-1. Памятник располагается в Муромцевском районе Омской области на второй надпойменной террасе левого берега р. Тары. Река Тара от границы Новосибирской области до р. п. Муромцево умеренно меандрирует, образуя обширные участки поймы на участках левобережной террасы. Правый берег, как правило, обрывистый, образован первой и второй надпойменными террасами, местами сливающимися друг с другом. Рельеф осложняют овраги, имеющие достаточно широкие устья (до 50 м в ширину) и крутые берега.

Первые работы в 1988 году на памятнике провел Б. В. Мельников. Его раскоп располагался на восточном краю поселения. В 2010 Г. М. А. Корусенко был заложен шурф 4х4 м на западной окраине поселения, который дал материал в виде керамики, костей животных и остатков строительных конструкций. Шурф был законсервирован, а в 2011 г. исследования были продолжены.

В ходе работ был заложен раскоп общей площадью 85 м^2. В результате было исследовано жилище и прилегающая к нему территория и объекты межжилищного пространства.

Первые контуры объекта в виде прямоугольника, границы которого обозначены полосами серой супеси и полосами древесного тлена и плах, были выявлены после выборки 2-го горизонта. Объект занимал большую часть раскопа и представлял собой остатки деревянных конструкций, комплекс столбовых ям, подсыпку строительной площадки (основания жилища) (рис. 1).

Внутри контура выявлены следы деревянных конструкций, предположительно пола. Конструкции представляют собой полосы деревянного тлена и остатки плах, расположенных по направлению северо-запад – юго-восток, параллельно стенам дома (рис. 2). Поверх деревянных плах зафиксированы фрагменты берестяной покрышки, которая сверху была замазана жидкой смесью глины и песка. Прямоугольник жилища ориентирован по линии северо-запад – юго-восток. Отметим, что вдоль юго-западной и частично вдоль северо-западной стен дома прослежен слой органики (навоз, суглинок), образующий достаточно четкий контур, позволяющий предполагать, что этот слой коррелирует с общей конструкцией дома. Возможно, что указанный слой представляет собой остатки саманной обмазки нижней части дома.

В процессе расчистки жилища в его северо-восточном углу были открыты остатки основания отопительного устройства в виде плах, образующих прямоугольную раму размерами 295х190 см.

В верхних слоях этого сооружения выявлены остатки топочной конструкции. Они проступили уже при зачистке 1-го горизонта в виде двух пятен крупных кусков обмазки. При дальнейшем исследовании оказалось, что сооружение состоит из двух изолированных площадок. Первая площадка, размером 83х78 см, аморфных очертаний, вытянута по направлению юго-восток – северо-

запад, оконтурена с северной и восточной сторон остатками 11 сгнивших прутов диаметром до 1 см, вбитых вертикально в грунт (рис. 3). Детальное их обследование и обращение к известным этнографическим аналогиям привели нас к выводу, что это, скорее всего, остатки плетеной рамы, образовывавшей свод топки. Вторая площадка расположена в 20 см к северо-западу от первой. Она имеет овальные очертания, размеры 30х15 см, ориентирована на северо-восток – юго-запад. Поверхность горизонтальна, на ней расчищено несколько крупных фрагментов обмазки. Высота 18 см.

После удаления остатков описанного выше сооружения установлено, что площадка внутри рамы оказалась забутована песком белого цвета мощностью до 35-40 см. Как и в предыдущих наблюдаемых случаях, она лежит на темно-сером слое погребенной почвы, под которым наблюдается материк. При разборке рамы отопительной конструкции встречены отдельные фрагменты обмазки красного цвета, в углу рамы – заготовка костяной стрелы.

Вдоль северной стенки рамы внутри основания отопительного устройства расчищено скопление костей животных. Скопление располагалось полосой, вытянутой вдоль стенки рамы на 177 см, и, возможно, кости выполняли функцию арматуры фундамента печи. Отметим, что в пределах площадки, оконтуренной рамой, отсутствуют находки бересты, хотя с внешней стороны плах рамы береста есть.

При расчистке плах, образующих контур СВ стены жилища, в районе печи был обнаружен рог лося (правая лопасть), лежавший между двумя плахами. На расстоянии 216 см от плахи СВ стены прослежены остатки деревянной конструкции, состоящей из 6 полос тлена, маркирующих, вероятно, расположения плах пола жилища.

Плаха, образующая СЗ стенку жилища, сохранилась в виде полосы тлена, ориентированной по линии СВ-ЮЗ. К востоку, на расстоянии 220 см, прослежены остатки плахи, лежащей параллельно вышеописанной, связанной с рамой отопительной конструкции. Плаха сохранилась в виде двух отрезков – северного и южного. Эти детали конструкции имеют следы обожжения – верхние части обуглены. Пространство между плахой северо-западной стены и поперечиной рамы отопительной конструкции заполнено разрозненными фрагментами бересты. За пределами жилища, у северного его угла, обнаружена деталь биметаллической дверной петли – железная полоса дверной накладки и бронзовая декоративная накладка на петлю. Возможно, они маркируют вход жилища, расположенный в СЗ стене. Отметим также, что вблизи от места предполагаемого входа обнаружен железный серп.

Юго-восточный контур объекта образован сгнившей плахой, ориентированной по линии северо-восток – юго-запад. Эта плаха представляет собой часть расколотого в продольном направлении бревна, уложенного колотой стороной вверх. Дерево уложено на слой бересты, которая настелена на лежащую ниже сосновую плаху. С внутренней стороны линии стены расчищены плахи, образующие раму упомянутой площадки отопительного устройства, составленную из более тонких колотых плах. При разборке угла никаких следов конструкции сочленения проследить не удалось.

Расчистка пола показала, что продольные плахи были уложены на поперечину, элементов сочленения проследить не удалось. Остатки деревянных

конструкций лежат на слое светло-серой супеси, которая представляет собой подсыпку основания здания. Слой супеси был насыпан для выравнивания микрорельефа участка строительства; грунт для этого, скорее всего, брался рядом, из ям, которые в дальнейшем использовались как хозяйственные.

С данным объектом (жилищем), на наш взгляд, связано несколько скоплений бересты и саманной обмазки, которые прослежены в разных квадратах, но в пределах описываемого объекта. Скопления, как правило, представляли собой две пластины бересты, лежащие на деревянных плахах и серой супеси. Заполнение между пластинами – саман, толщиной до 1 см. Все скопления имеют сходную стратиграфию, а судя по месту их расположения – у стен жилища, с внутренней стороны контура, можно предполагать их связь с конструкцией пола.

Таким образом, в ходе полевых работ летом 2011 года на поселении Черталы-1 раскопками исследованы остатки одного жилища, имевшего наземную каркасно-столбовую конструкцию.

Судя по стратиграфическим наблюдениям, для строительства дома использовалась специально подготовленная площадка. Основание дома было оформлено рамой из деревянных полубревен.

В северо-восточном углу, напротив входа, полубревнами меньшего диаметра было оформлено место для печи, забутованное смесью песка, глины и золы. В качестве арматуры для укрепления основания топки были использованы кости животных. Свод топочного отделения был смонтирован на прутяном каркасе. Отопительное сооружение, вероятно, было разрушено, при этом его стенка упала за пределы жилища, возможно вместе со стеной.

Основание пола сделано из продольно расположенных плах, щели между которыми были заполнены смесью из песка, глины и золы. Затем полученная площадь была покрыта пластинами бересты, сверху помещена саманная стяжка, на которую был уложен еще один слой бересты, уже более тонкий. Вероятно, этот слой образовывал собственно покрытие пола.

В северо-западной стенке жилища, возможно, располагался вход. В пользу этого говорят остатки конструкции двери (биметаллическая петля и др.).

Само жилище, судя по прослеженным столбовым ямам в юго-западном и северо-западном углах, скорее всего, имело каркасно-столбовую конструкцию. Собранный инвентарь позволяет датировать исследованный комплекс XVII-XVIII вв. н. э.

Литература

Валеев Ф. Т. Западносибирские татары во второй половине XIX – начале XX в. Историко-этнографические очерки. – Казань: Татарск. кн. изд-во, 1980. – 232 с.

Корусенко М. А. Отчет об Археологических раскопках поселения Черталы I, могильников Черталы III, IV на территории Муромцевского района Омской области в 2010-2011 гг. // Архив МНС ОФ ИАЭТ СО РАН. Ф. VII-1. Д. 10-1. – Омск, 2012.

Мухаметшин Ю. Г. Этнографическое своеобразие традиционных сельских жилищ татар Западной Сибири // Сибирские татары. – Казань, 2002. – С. 86-113.

Соколова З. П. Жилище народов Сибири (опыт типологии). – М.: Наука, 1998. – 284 с.

Татары Среднего Поволжья и Приуралья. – М.: Наука, 1967. – 538 с.

Томилов Н. А. Этнография тюркоязычного населения Томского Приобья. – Томск: Изд-во Томского ун-та, 1980. – 201 с.

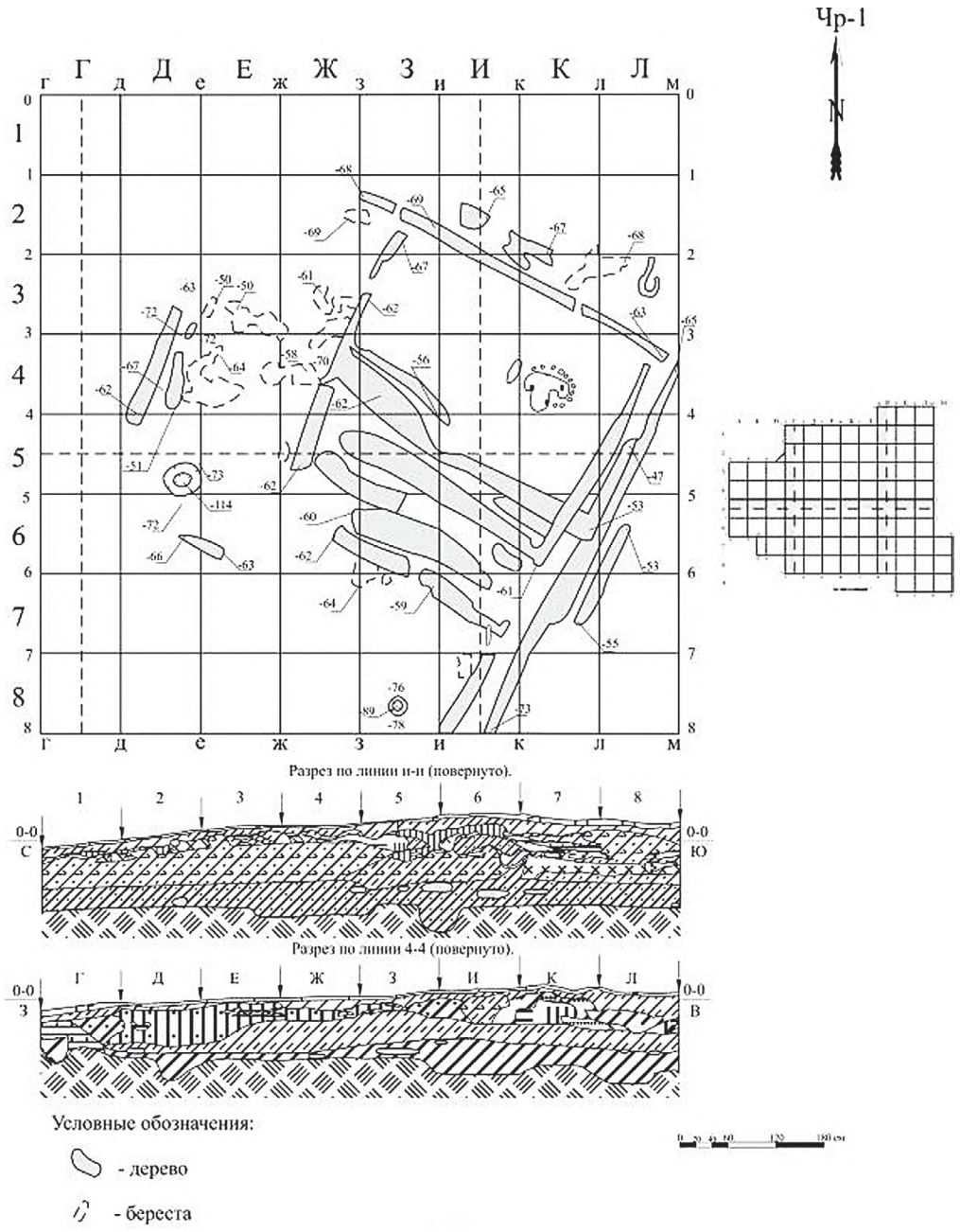

Рис. 1. Поселение Черталы-1. Жилище. План, разрезы

Рис. 2. Поселение Черталы-1. Жилище. Зачистка после выборки 2-го горизонта

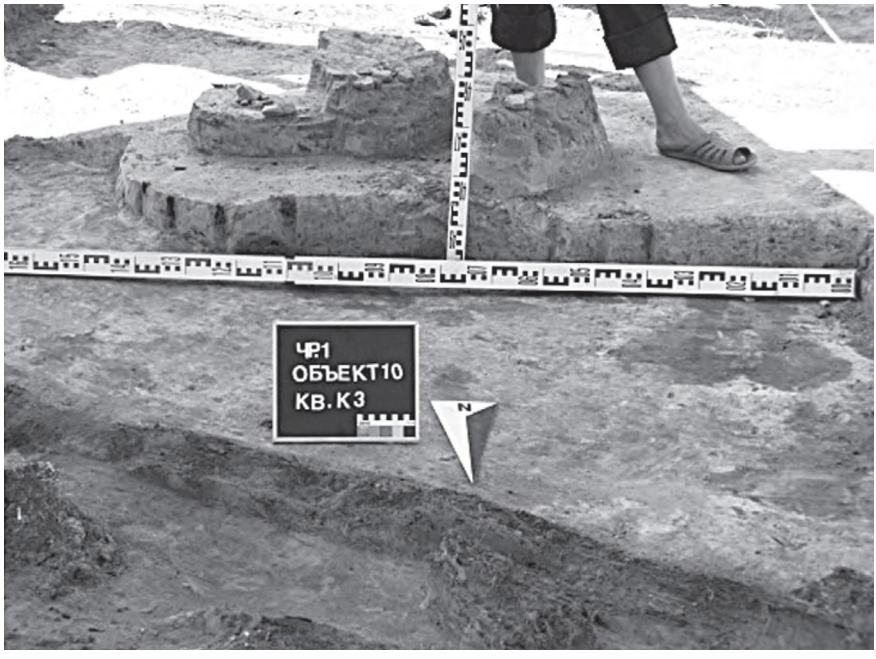

Рис. 3. Поселение Черталы-1. Фрагмент отопительной конструкции

Антонов М. А.

Компания «Savromat», г. Алматы, Казахстан

Китов Е. П.

Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН, г. Москва, Россия

АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ ДОКУМЕНТАЦИЯ. ВЕДЕНИЕ ФОРМАЛИЗОВАННЫХ ДОКУМЕНТОВ ПРИ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

Обязательным атрибутом полевого археологического исследования памятника является заполнение полевой документации. В европейских странах существует большое количество разнообразных форм для фиксации информации о раскопанном памятнике и процесса исследования. На территории СНГ подобные формы используются редко, часто исследователи используют алгоритм работы, заложенный в требованиях по написанию отчетов. Подобные формы являются документами, которые прикладываются к заключительному отчету. Также аналогичные по принципу фиксации формы используются в работе музеев, описании найденных артефактов и находящихся на хранении антропологических коллекций.

Надо не забывать, что заполненная полевая документация не является заменой основного отчета, который обычно стандартизован, а является основой, на которой базируется подготовка отчета после проведения полевых работ. В СССР полевые дневники не сдавались, но Институт археологии Академии наук СССР имел право в случае необходимости требовать для просмотра подлинную полевую документацию (дневники, чертежи и пр.). В европейских странах заполненные полевые формы часто переплетаются и сдаются в качестве дополнительного тома к основному отчету. Назначение формализованных документов – максимальное насыщение конкретных данных об определенных объектах, деталях, конструкциях, находках и т. д.

Если рассмотреть стандартизированные формы различных стран, можно отметить, что наиболее распространены британские формы, которые заполняются практически по всем особенностям проведения работ и описания памятников. Однако они очень детализованы и часто лишь необоснованно увеличивают время работы в поле. К примеру, можно перечислить формы, которые активно используются компанией **Archaeologycal Research Services**, которая проводит работы не только по всей территории Великобритании, но и в Восточной, Южной Европе, в Скандинавии и на Ближнем Востоке.

Context Recording Sheet – форма для описания слоев, включая предварительные заключения.

Context Register – список слоев с минимальным описанием и фиксацией находок.

Structure Recording Sheet – форма для описания обнаруженных структур.

Feature Recording Sheet – описание каких-либо конструкций, слоев, ям и их особенностей.

Feature Register – список вышеописанных объектов или слоев, обнаруженных на исследуемом объекте.

Burial Recording Sheet – подробная форма для внесения данных об обнаруженных останках.

Burial Register – список раскопанных захоронений.

Fieldwalking Recording Sheet – форма описания поверхности, случайных находок, погоды, особенностей ландшафта, истории проведения сельскохозяйственных работ на поверхности памятника, состояния памятника, геологии, геофизики и т. д.

Fieldwalking Register – список проведения вышеупомянутых поверхностных исследований.

Test Pit Recording Sheet – форма описания шурфов, находок и геоморфологии.

Test Pit Register – список произведенных шурфов.

Finds Register – список находок.

Drawings Register – список полевых рисунков, произведенных в процессе исследования памятника.

Levels Register – список высот, нанесенных на полевые рисунки.

Dating Samples Register – список датировок различных предметов.

Environmental Samples Register – список датировок образцов окружающей среды.

Photograph Register – список фотографий и др.

Core Recording Sheet – основная форма фиксации поперечного разреза.

Примеры одного из вариантов заполнения всех вышеназванных форм находятся в свободном доступе (http://www. archaeologicalresearchservices. com/useful-info/links/ars-ltd-recording-sheets-and-registers).

Однако в Казахстане в отдельных экспедициях хорошо зарекомендовал себя комплект форм Университета Аахена **RWTH aachen Stadtbaugeschichte**, впервые использованный в 2003 году на археологических работах в проекте ЮНЕСКО по сохранению и реставрации древнего городища Отрар. Основная форма – formU, необходимая для внесения данных об элементах (юнитах), в список которых попадают: слои, ямы, стены, захоронения, полы, следы костра, колодцы, выкладки и др. в виде единого списка нумерации, которая может быть создана для объекта в целом. Однако более перспективно для каждого раскопа и шурфа иметь отдельную нумерацию. Так как, к примеру, стены и слои могут нумероваться последовательно, то единственным правилом оставить «ноль» для обозначения современной дневной поверхности и для всех других номеров можно использовать произвольный порядок цифр. Т. е. когда начинаем копать поверхность, называем за ноль, а дальше стены, слои, и т. д. Нумеруем, как нам удобно, использование таких форм в комплекте с общими планами, схемами, прорисовками и др. в качестве дополнения к стандартному отчету увеличивает его информативность и облегчает поиск необходимых данных.

Исходя из задач, стоящих перед исследователями при проведении полевых работ на археологических памятниках, а также учитывая опыт внедрения европейских стандартов ведения полевой документации, мы сделали попытку создать в какой-то мере упрощенную и облегченную форму для работы в полевых условиях. За основу была взята формализованная документация, разработанная в Университете Аахена.

Форма «Разведка» (рис. 1). Форма заполняется при проведении разведочных работ. Она может быть построена на образце создаваемого паспорта памятника, однако, на наш взгляд, для ускорения работ достаточно использовать подобную форму, которая м б. необходима для картографирования и использования в ГИС. При осмотре памятника, нужно заполнить все необходимые поля. В графе «фото» записываются номера сделанных фотографий (или наименования файлов изображений), что ускоряет поиск фотографий из единого списка при рассмотрении заполненной формы. Далее идет стандартное «Описание», с заполнением фамилии с инициалами и подпись заполняющего.

«Основная форма» (рис. 2) содержит схожие элементы для описания. Графа «Элемент» необходима для нумерации элементов, а в случае большого массива информации, расположенной на нескольких страницах, в поле «Стр.» указываются номера страниц описываемого элемента. В поле «Краткое описание» вносится название описываемого элемента, к примеру: слой, стена, яма, хум и т. д. В «Описание» попадают: внешний вид, размеры, цвет, состав и пр. При наличии чертежа или наброска описываемого элемента на обратной стороне необходимо поставить галочку в поле «Рисунок на обороте». Форма также подписывается заполняющим. Если могильная яма, циста или каменный ящик попадают под описание в «Основной форме» (рис. 3), то костные останки описываются в отдельной форме «Захоронение». Образец формы построен на распространенной британской форме Skeleton recording sheet. В отличие от вышеописанных форм в ней имеются поля «Тип захоронения», «Глубина залегания», «Атрибутика». В поле «Захоронение» вносится номер. В центре листа находится поле с изображением развернутых костных останков. Заполняющий закрашивает отсутствующие кости (или имеющиеся, сделав поясняющую заметку в углу поля), отображает переломы и т. д. Обязательно необходимо отметить направление на север поверх круга с буквой»N». Отметки высот, как минимум три, также отображаются в этой форме в виде абсолютной или относительной высоты на усмотрение начальника экспедиции. Помимо полей «Описание» и «Фото» присутствует «Атрибутика», в которое вписываются любые находки, обнаруженные рядом с останками. В поле «Дополнительно» ставятся галочки, если останки изъяты или перезахоронены. Форма является дополненим к «Основной форме» и, разумеется, к чертежу захоронения. Также желательно выполнить фотофиксацию как самого захоронения, так и отдельных частей скелета крупным планом.

«Фотоиндекс» (рис. 4). Форма для краткого описания всех произведенных снимков. Так как зачастую в экспедиции используется одна или несколько камер,

в данной форме присутствует форма «Проект». В поле «Тип камеры» указывается модель с полным описанием. Для каждой отдельной камеры ведутся отдельные формы. При фотосъемке указывается номер снимка или имя файла в столбце «Снимок», день съемки в столбце «Дата», «Объект», на котором выполняется фотофиксация, в графе «Описание» в основном фиксируются номера элементов, указываемых в «Основной форме». В столбце «На» указывается направление камеры при съемке этого кадра, например на юго-восток – Ю-В. В столбец «Фотограф» вносятся фамилия и инициалы оператора, сделавшего снимок.

Ведение полевой документации при работе в поле является обязательным элементом исследования. Необходимо, чтобы работа проводилась с опорой на четкий алгоритм. Имея формы и последовательно заполняя их, исследователь вряд ли забудет выполнить необходимую последовательность работы и фиксации объектов и этапов работы, особенно это относится к молодым исследователям, кто, зачастую не имея достаточного опыта, остается один на один с необходимостью работы на объекте, часто без опытных исследователей.

В завершение хочется сказать, что статья не претендует на обязательное внедрение указанных форм в полевую практику археологов. Надеемся, что принятие за основу определенного алгоритма ведения работ и внесение данных в имеющиеся формы поможет добавить информативность произведенным исследованиям в виде приложения к стандартному отчету.

Литература

Archaeological site manual. Museum of London Archaeology Service Third edition. London. 1994 P. 23-57.

A Practical Guide to Recording Archaeological Sites. The Royal Commission on the Ancient and Historical Monuments of Scotland. 2011. P. 17-22.

Bjornar Olsen. Fieldwork as collective action // Archaeology: discipline of things. University of California. 2012. P. 68-75.

Интернет-ресурсы

CAL FIRE Archaeology Program: Survey and Recording Forms: [Электронный ресурс]. State of California, 2012-2014. URL: http://calfire. ca. gov/resource_mgt/archaeology-survey_forms. php (Дата обращения 10.10.2014 г.).

ARS Ltd Recording Sheets and Registers: [Электронный ресурс]. Derbyshire, 2014. URL: http://www. archaeologicalresearchservices. com/useful-info/links/ars-ltd-recording-sheets-and-registers (Дата обращения 10.10.2014 г.).

РАЗВЕДКА

Проект:	*Объект:	Дата:
Тип памятника:	Состояние:	**Датировка:
Координаты:		
Месторасположение:	Фото:	
Описание:		

*Наименование памятника или условный номер
**Предварительная датировка

Подпись:

Рис.1. Форма «Разведка»

ОСНОВНАЯ форма

Проект:	Объект:	*Элемент:	Дата:	Стр:
Краткое описание:				
Описание:				

*Условная номерация элементов (слои, структуры, стены, могильные ямы и т.д.)

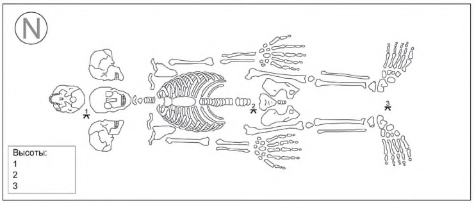
Рисунок на обороте: ☐ Да ☐ Условный

Подпись:

Рис.2. Форма «Основная»

ЗАХОРОНЕНИЕ

Проект:	Объект:	Захоронение:	Дата:
Тип захоронения:			
Глубина залегания:			
Фото:		Атрибутика:	

Описание:

Дополнительно: ☐ Изъято ☐ Перезахоронено

Подпись:

Рис.3. Форма «Захоронение»

Фото индекс

Проект:		Тип камеры:		Год:	
Снимок:	Дата:	Объект:	Описание:	*на	фотограф

*направление

Рис.4.Форма «Фото индекс»

КӨНЕ АРХИТЕКТУРА ЖӘНЕ ӨНЕР

ДРЕВНЕЕ ИСКУССТВО И АРХИТЕКТУРА

Исин А. И.

Государственный университет им. Шакарима, г. Семей, Казахстан

АБРАЛИНСКИЙ ТАНБАЛЫТАС

Памятник наскального искусства Абралинский Танбалытас (Абыралы Таңбалытасы) расположен в 35 км от села Кайнар, на гребне двух небольших сопок Айбас на север от одиночной горы Жалгызтау Абралинского района. Топонимы «Таңбалы», «Таңбалытас» в Казахстане довольно распространены, поэтому мы дали географическую маркировку названия памятника по основной горной системе, расположенной неподалёку от этого места, называя памятник Абралинский Танбалытас. К тому же название указывает на административную локализацию этого крупного памятника древнего искусства. В диссертации З. С. Самашева памятник назван «Абралы» (Самашев, 2009, с. 35). В «Своде археологических памятников Восточно-Казахстанской области» применено двойное название: «Абыралы Таңбалытасы» и «Абралы» (Свод, 2006, с. 37).

В 50-х годах XX в. наскальные изображения Абралинского Танбалытаса были осмотрены А. Х. Маргуланом. Памятник обозначен на карте археологических памятников Центрального Казахстана, помещённой в его классической монографии (Маргулан, 1979). Фотографии ряда рисунков были включены в третий том сочинений А. Х. Маргулана (Маргулан, 2003, ил. к 3-му тому, ил. с. 315-328).

В 1973 и 1976 гг. археолог Семипалатинского педагогического института, специалист по неолиту Л. А. Чалая выезжала на памятник со студентами исторического факультета. В дни археологической практики студенты под её руководством снимали копии рисунков, используя обыкновенную прозрачную бумагу тех лет. Как специалист по неолиту, Л. А. Чалая ищет в рисунках следы той эпохи. В сохранившихся дневниковых записях ею высказано предположение о принадлежности части рисунков эпохе неолита – времени появления домашних животных. Сохранились краткие дневниковые записи исследователя, переданные мне бывшей студенткой Д. И. Бралиновой. Л. А. Чалая насчитала на памятнике 230 рисунков и 77 композиций. Какой-либо отчёт Л. А. Чалой о памятнике не сохранился. Публикаций сделано также не было.

Много лет спустя уже нам пришлось возобновить исследование Абралинского Танбалытаса. 18 октября 2003 г. была создана небольшая команда,

в которую вошли кроме меня один из руководителей местного частного хозяйства С. Молдабаев, учитель школы Б. Турысбаев, студенты У. Жангалиев, Т. и А. Серикгалиевы. В ходе этой разведки был осуществлён подсчёт рисунков, фото- и видеосъёмка памятника. Некоторые итоги исследования были опубликованы в 2004 г. (Исин, 2004, с. 110-114).

За исследование памятника в 2004 г. принялся специалист по петроглифам, руководитель Восточно-Казахстанской археологической экспедиции З. С. Самашев. Мы изучали памятник в том году в составе его экспедиции. Краткая информация о памятнике приводится З. С. Самашевым в упомянутой нами его докторской диссертации, защищённой в 2009 г., и в коллективном исследовании «Памятники монументального искусства Восточного Казахстана», изданной в 2010 г. К сожалению, приводится ошибочное название горы с петроглифами (Самашев З. и др., 2010, с. 68-69).

В последние годы Абралинский Танбалытас неоднократно посещался нами, а также краеведами города Семей и села Кайнар Абралинского района.

Петроглифы Абралинского Танбалытаса занимают пространство на южном склоне двух сопок Айбас протяжённостью более чем 1,5 км. Рисунки нанесены на гладких поверхностях больших валунных камней тёмного цвета.

Многие валунные камни – магматического происхождения, очень гладкие, имеют большую плотность и звенят при небольшом ударе по ним. Вместе с камнями без изображений они протянулись на расстояние свыше 2 км.

Таблица 1. Количество камней с петроглифами по группам их сосредоточения, расстояние между группами и общая протяжённость памятника (По материалам полевых записей и подсчётов по ним)

Группы петроглифов памятника по расположению	**Количество зафиксированных в 2003 г. камней с изображениями**	**Протяжённость пространства с петроглифами**	**Расстояние между этой и последующей группой камней с петроглифами**	**Общая протяжённость памятника (Протяжённость по линии СВ – ЮЗ вместе с промежутками)**
1	5	75 м	77 м	152 м
2	13	207 м	92 м	299 м
3	52	296 м	85 м	381 м
4	62	222 м	33 м	255 м
5	38	265 м	~40 м	305 м
6	49	210 м		210 м
Вне групп (в направлениях СЗ-ЮВ)	44			
Всего	263	1275 м	357 м	1602 м

При подсчёте валунных камней памятника в 2003 г. было выявлено 263 больших камня с петроглифами. Это примерно десятая часть всех валунных камней в данной местности. При обходе памятника по направлению северо-восток – юго-запад взяли на учёт 6 групп рисунков по их расположению, между которыми имеются пространства без петроглифов. При анализе материала исследователи могут обратить внимание на степень концентрация рисунков в каждой точке памятника и имеющиеся какие-либо различия в изобразительных образах, что может помочь в хронологической и изобразительной интерпретации художественных образов.

Если учесть, что на каждом камне в среднем нанесено по 4 чётко видимых рисунка или символа, принимая цельную композицию за один рисунок, подсчёт камней с петроглифами показывает, что число рисунков значительно превышает то число, на которое указывала Л. А. Чалая в полевом дневнике. Наш подсчёт – не менее 1000-1050. Видимо, отдельные символические, тамгообразные знаки не были восприняты ранее как отдельные рисунки. Впрочем, более точный и профессиональный подсчёт рисунков на памятнике должен быть ещё осуществлён, чем это было сделано в рамках хотя и многочасовой, но всё же ограниченной по времени работы на памятнике.

При характеристике рисунков памятника выделяются такие образы, как верблюды, горные козлы, олени, «копыта коня», солярные и тамгообразные знаки, мифологические композиции, сцены поклонения и жертвоприношений, охоты и погони, ритуальные танцы.

Мы сочли целесообразным сохранить названия сюжетов на 14 камнях, которые приведены А. Х. Маргуланом и издателями его 3-го тома сочинений. Это такие названия, как «Вереница верблюдов», «Верблюды и охотник с копьём» (налицо две разные композиции), «Солярный знак и караван верблюдов» (здесь, видимо, также два сюжета), «Жертвенный камень кереитов», «Поклонение луне», «Горный козёл с козлёнком», «Ритуальный танец», «След копыта скакуна», «Олень», «Символы», «Знаки», «Ритуал жертвоприношения», «Ритуальный танец», «Поклонение небесному божеству» (Маргулан, ил. к 3-мутому, ил. 315-328).

Названия некоторых композиций можно скорректировать по числу повторяющихся образов. К примеру, одну из вереницы верблюдов мы назвали «Шесть верблюдов» («Алты түйе»). Абралинскому Танбалытасу присуще характерное для этого памятника стилизованное изображение движущихся по одной линии верблюдов. А. Х. Маргулан называл подобные изображения «кочевыми караванами верблюдов», отмечал, что эти образы перекликаются с древними легендами казахов о Желмае (Маргулан, 2003, с. 8, 14).

Среди мифологических сюжетов мы выделяем такой образ, как «Солнцеголовый Олень» («Күнбасты Бұғы»). Рога оленя трактованы как солнечный диск с расходящимися лучами внутри круга. Этот рисунок, безусловно, имеет мифологическое содержание и повествует о рождении мира, а олень

трактован не только как священное животное, но олицетворён с самим Солнцем. Не вызывает сомнения, что прародителем всего живого на Земле показан олень.

Вообще, видение своего предшественника в жизни на Земле в лице животного, интуитивно чувствуемое древним человеком и характерное для мифологического искусства бронзового и раннежелезного веков, нашло неопровержимое подтверждение в науке лишь в XIX веке.

По хронологии рисунков Абралинского Танбалытаса наиболее выделяются образы бронзового века и раннего железного века. Часть рисунков соотносится с хунно-сарматским временем и периодом раннего Средневековья. Не исключается принадлежность некоторых символов эпохам неолита и энеолита, что требует дополнительного изучения.

Двухколёсная повозка с двумя лошадьми имеет близкие аналоги в творчестве племён эпохи бронзы. То же касается стилизованных изображений верблюдов. Многочисленные образы горных козлов и оленей хронологически соотносимы с ранним железным веком. Более поздними представляются сцены конной охоты. Замечательна по своей динамике и показу многообразия вооружений человека композиция, которую мы назвали «В сражении» («Шайқаста»). В композиции изображены шесть человек, вооружение которых различно. У предводителя воинства над головой в одной руке копьё, в другой дротик. Другие вооружены такими предметами вооружения, как меч, кинжал, палица, камнемёт.

По технике исполнения рисунков преобладает сплошная выбивка. Как отмечает З. С. Самашев, «все рисунки выполнены техникой неглубокой выбивки, в ряде случаев фиксируются следы прошлифовки. Особенностью петроглифов Абралы является их слабая патинизация». Крупно- и мелкоточечная техники выбивки по камню не выражены. Прорисовок по контуру немного.

Литература

Абыралы Таңбалытасы // Исин А. Шыңғыстау, Берел, Шілікті, Абыралы. 1999-2003 жж. Археологиялық зерттеулер. – Семей, 2004. – 183 с.

Маргулан А. Х. Сочинения. Т. 3-4. – Алматы: Дайк-Пресс, 2003. – 50 с. + вкл. 246 с.

Маргулан А. Х. Бегазы-Дандыбаевская культура Центрального Казахстана. – Алма-Ата, 1979.

Самашев З. С. Наскальные изображения Казахстана как исторический источник: Дисс. … докт. ист. наук. – Алматы, 2009. – 406 с.

Самашев З., Сапашев О., Оралбай Е., Толегенов Е., Исин А., Сайлаубай Е. шығыс Қазақстанның байырғы өнер туындылары – Памятники монументального искусства Восточного Казахстана. – Алматы: ТОО «Археология», 2010. – 216 с.

Чалая Л. А. Полевой дневник. 1973, 1976 гг. Рукопись. – Личный архив А. Исина.

Шығыс Қазақстан облысы археологиялық ескерткіштерінің тізбесі – Свод археологических памятников Восточно-Казахстанской области. – Өскемен – Усть-Каменогорск, 2006. – 215 с.

Утепбаев Н. Н.

Шәкәрім атындағы мемлекеттік университеті,Семей қ., Қазақстан

ПЕТРОГЛИФТЕРДЕГІ ЖАСЫРЫН БЕЙНЕЛЕР

Кейінгі 60-70 жылдарда ежелгі тайпалардың өмірін зерттеуде археология ғылымы жан-жақты жетістікке жетті.

Қола және ерте темір дәуірлері жайында археологтардың, өнертанушылардың зерттеулері қазақ петроглифтану ғылымына қосылған үлес болды. Зерттеу жұмыстарында скиф-сібір «аң стилінде», сібір, сақ сармат, батыс скиф немесе қаратеңіз жағасы ерекшеліктері біршама анықталды.

Жартастағы бейнелер – адамзат санасының, әлемтану және әлемді қабылдаудың, оның жетілуін оқу мен қалыптасуының таптырмайтын әмбебап құралына айналды.

Қазіргі таңда петроглифтануда ежелгілердің көркем қабылдау ерекшелік қасиеттер жүйесіне жете көңіл бөлінбей келеді. Ежелгілердің тастағы сурет өнерінің бейнелеу стилі және суреттер топтамаларының идеялық құрылымы, сюжеттерінің тылсым құпиялары, абстракті бейнелеудің ішкі мазмұны сияқты мәселелер де ыждаһаттылықпен зерттеуді қажет етуде.

Ежелгі өнер жаңа трансформациялық көзқарастағы зерттеулерді қажет етеді. Қазіргі заманның этнографиялық жайын талдай келе З. Самашев былай деп жазады: «Мы часто действуем, основываясь не на личном наблюдении, а на знаниях, полученных извне, и такой способ бытия превращает нас в бездумную машину, делает неспособными к творчеству, старые навыки на новую ситуацию. Нужно изменить отношение ко всему известному, чтобы получить возможность действительно увидеть настоящее. Это не значит, что мы должны стереть память, нужно только перестать реагировать, исходя исключительно из прошлых знаний и привычек» (Самашев, 2006, 35-38 бб.).

Соңғы жылдары ежелгі топтардың суреттері туралы тамғалылық стильдегі петроглифтерді техникалық және көркемдік тәсілдердің жиынтығы деген пікір қалыптасты (Марьяшев, Горячев, 2002. 35 б.). А. Е. Рогожинский бұл стильді «натуралдық» ретінде айқындап берді. Бұл екі айқындама да стильдің ерекшеліктеріне түпкілікті баға беру мен тұжырымдауға толық жауап бере алмайды. Оны натуралдық деп атау қиын, өйткені басында сәуле шашқан және күннің дақтары бар құдайлардың бейнесін натурадан алынды деуге келмейді.

Зерттеуші З. Самашев «Петроглифтер кең байтақ Қазақстанның барлық аймақтарында тәжірибе жүзінде айқындалғанымен зерттеу біркелкі емес. Жартастардағы бейнелеу шығармашылық ескерткіштердің маңыздылығы мәдениет тарихының дамуындағы бірегей феномен ретінде – ежелден қазіргі этнографиялық түпкі мәнісі ұғынықсыз (Самашев, 2006. 15 б.) деп жазады.

Шын мәнінде ежелгі өнерді тану, графикалық бейнелеу стилі мен шығармашылық сюжеттерінің мақсаты мен мазмұнын оқу қиынның қиыны екендігі рас.

Я. А. Шер «Суреттің маңызды және айқын элементтеріне стилистикалық талдау жасау аса маңызды» (Шер, 2004. 9-13 б.) десе, М. С. Каган «Көркем шығармашылық жүйесінде стиль проблемасы үнемі өзекті болып қалып отыр» (Каган, 1987. 6-22 б.) деген пікірді айтады.

Петроглифтер – мәдени мұраның бірегей бөлігі. Таңбалы тастар ескерткіштері археологтардың дәстүрлі зерттеу обьектілері болып табылғанымен, оларды түбегейлі зерттеу мәселелеріне басқа мамандықтармен бірлесе және басқадай тың әдістерді пайдалану қажеттілігі бар сияқты. Петроглифтер жер қабатының бетінде орналасқандықтан археология ғылымы этнологиямен, психологиямен, өнертанумен, мифология, этносты зерттеумен қатар жүруі керек (Байпақов, Марьяшев, Потапов, 2006. 33-34 б.) деп есептейміз.

Ежелгі шығармаларда көркем ойлаудың метафоралы табиғаты ерекше көрнекі күйінде көз алдыңа оралады.

Аң стиліндегі скиф-сақ суретші-шеберлердің сәнді бұйымдары – нақты жануарлар формаларының күрделі үйлесімі. Сондай композициялық үйлесімнің негізі тастағы суреттерде жатыр, өйткені өнерде сабақтастықсыз болмайды. Алдыңғы өнер кейінгі өнерге тамырласып отыратындығы мәлім.

Мифологиялық тірі организмдерді бейнелеудің өзі көркем образдың моделі болып табылады.

Ал, көркем образ – көркем шығармашылықтың бүкіл категориясы. Бейнелеу өнерінде көркем образ – өмір құбылыстарын ұғу және әсерлі (картиналар, мүсіндер т. б.) өндіру формасы.

Өнер де ғылым сияқты қоршаған ортаны тану. Бірақ, қоғам мен табиғаттың шынайы заңдылықтарын зерттеу мен ашуға ұмтылатын оқымыстыдан ерекшелігі сол, суретші формаларды жасау және әлемнің көзге көрінетін құбылыстарын бейнелеу арқылы, ең бастысы өзінің дүниетанымын көрсетеді және ішкі сезімін, көңіл күйін білдіреді.

Өнер дәуірді бейнелейді, бұл жағынан алғанда өнерден сенімді де нанымды айна жоқ (Претте, 2002. 8 б.).

Тастағы суреттер ежелгі өнер десек, олардың шығармаларын, стильдері мен бейнелеу тәсілдерін, сюжеттерінің мотивтерін бейнелеу өнері зерттеу әдістері жүйесімен талдау аса маңызды. Археологтар, ежелгі өнерді зерттеушілер тас бетіне түсірілген сюжеттердің графикалық кескіндерін, мән-мағынасы жұмбақ әрі беймәлім таңбаларды зерттеумен келеді.

Біздің пікірімізше, жартастардағы суреттердің интерпретациясына өзгеше көзқарас қажет. Тастағы сюжеттерді талдағанда тұтас көрініс яғни, сюжеттер салынған тақта тастар, тас блоктары, жартас формалары толық есепке алынуы керек. Осындай талдау мүлдем өзгеше нәтиже береді. Тау-тас табиғатпен, ауа кеңістігімен астасып жатқандықтан, ежелгі суретшілер оны да есепке алған сыңайлы.

Бейнелеу өнерінде обьектіні не форманы екі жақты (двойственный) қабылдау немесе оптикалық иллюзия, өзгермелі және жасырын бейнелер, жаңылыс

көру – бүркеме, көргенді оймен шешу т. б. (Утепбаев, 2013. 29 б.) көріп қабылдаудың ерекше формалары бар.

Ежелгі немесе қазіргі заман бейнелеу өнері шығармаларының мазмұнын білу үшін арнайы бейнелеу «кодын» меңгеру керек. Шығарманың интерпретациясына терең талдау жасамай мазмұны мен мағынасына көз жеткізу мүмкін емес. Сол себепті кез келген обьектіні немесе өнер шығармасын көріп қабылдау мен талдау үшін арнайы білім мен кәсіби тәжірибе қажет. Көрушінің қабылдау структурасы сюжет композициясындағы форманы айырып тануға және ондағы ақпаратты оқуға мүмкіндік береді. Ал, кез келген өнер туындысы, көне заман немесе қазіргі заман болсын, ең бастысы ол образ.

Мысалы, Орталық Қазақстанда Желтау деп аталатын жоталарға жақын жеке-дара орналасқан монументті жартас бар, оған көз тастасаңыз ежелгілердің қолы тиген өнер туындысын аңғарасыз (1-сурет). Осы обьектіге мұқият қарасаңыз таңқаларлық монументті мүсін композициясын көресіз. Біздің пайымдауымызша, бұл ескерткіш дала «сфиксі». Басты кейіпкердің бас бейнесі көшпендіге ұқсас. Оның сом төбесінде шалқалап жатқан әйел адамның бас бейнесі көрінеді және оның шашы қоңырқай түсті. Шашта аюдың бейнесі қашалып салынған. Монументті обьектіде басқа да кіші образдар бар. Табиғи жартасты ежелгілердің өңдегені айқын байқалады, өңдегендегі олардың мақсаты бізге беймәлім.

Біздің пікірімізше, тастағы бейнелер мазмұнсыз жасалмаған, ол бәлкім діни ғұрыпқа байланысты тылсым күшке табыну орны болар.

Негізінде тастағы суреттер қазіргі заманның абстракциялық бейнелеу формасына келеді.

Абстракция (лат. Abstractio) – затты белгісінен, қасиетінен ажыратып, ойша дерексіздендіру, дерексіз түсінік десек тастағы сурет сюжеттерін қабылдаудың күрделілігі соған пара-пар.

Петроглифтердің екі жақты (двойственный), өзгермелі, бүркеме (маскировка) оптикалық иллюзиямен қабылдануы сюжет мотивтерін оқуға әжептеуір күш түсіреді. Оны арнайы қабылдау үшін дайындық тәжірибесі қажет.

Өнер шығармаларын талдау конотативтік оқу (Утепбаев, 2013. 27 б.) деп те аталады.

Ежелгі өнердің күрделілігі сол, петроглифтердегі жасырын образдарды тікелей табиғат аясында көріп қабылдау мүмкін емес, тек меңзей қарау күйінде қала береді. Оған әсер ететін факторлар жетерлік, ол мұқият зерттеуді техникалық құралдардың көмегімен жасаған дұрыс.

Біріншіден, фотосуреттердің немесе компьютерде басылған петроглиф сюжеттерін асығыстық жасамай зерделеуге мүмкіндік болады; екіншіден, түрлі-түсті фотоны монохроматикалы түске айналдыруға болады; үшіншіден компьютерде петроглиф сюжеттерінің нюанстарына көз жеткізе аламыз.

Монохроматикалық түс-сюжеттегі бейнелерді жеңіл ажыратып алуға мүмкіндік береді, оқуды жеңілдетеді, ал түрлі-түсті суретте жаңылыс көру ғажап емес.

Тастағы суреттерді оқып талдағанда оның бетіндегі фигураларға ғана көз тікпей тұтас көріп қабылдауға ұмтылған жөн, оған сюжеттің фоны, тас бедері мен формасы т. б. жатады. Қазіргі бейнелеу өнеріндегідей, ежелгі өнер де тастағы сюжеттерін тұтас формада бейнелеген.

Көлемі мен формалары әр қилы жартас блоктары пішіндерінің өзі сюжеттік шығармаларының өзегі болған сыңайлы.

Мистикалық және мифологиялық образдарды ежелгі суретшілер жартас формаларын елестетіп меңзеген болар және оларды өз өмірінен алған объектілермен, персонаждармен толықтырып отырған. Өздері елестеткен, қиялдаған бейнелерді салғанда тас бетінің бедерін, ондағы жарықтар мен сызаттарды, ойықтар мен дөңестерді есепке алып образдар жасаған. Ал, олар өз кезігінде жасырын образдардың айқындаушы элементтер міндетін атқарған.

Тамғалы ғибадатханасының орталығы саналатын күнбасты құдайлар бейнеленген жартастардағы бүркемелі жасырын образдар соның дәлелі.

Ежелгі суретшілердің бейнелеу стилі, бейнелеу формасы таңқаларлық жайт. Жартастардағы мазмұны күрделі шым-шытырық графика сюжеттерінің ішкі мәні беймәлім әрі жұмбақ күйінде қалып келеді.

Тамғалы – діни ғұрыптарды жасайтын құлшылық ететін және қандайда бір ғаламат тылсым күшке табынатын арнайы орын болып табылатын ғибадатхана екендігін жасырын образдар дәлелдей түседі (2-сурет).

Тамғалының орталық жартасында бірнеше жасырын образдар кезігеді. Фотода орталық тақтатаста жанынан қарағандағы адам кейпіне келетін құдайдың бас нұсқасын аңғаруға болады. Сол образдың басына қонған құс бейнесін де көреміз (3-сурет). Жалпы, ежелгілердің өнерінде басына құс қонған сюжеттер жиі кездеседі. Ондай образдар көктен түскен дегенді білдірсе керек. Жартастағы құдай бейнесінің тұтас бетіне петроглиф сюжеттері салынған солардың ішінде «күнбасты құдайлар» деп аталып жүрген бейнелер де бар.

Осы күнге дейін анықталмаған жасырын образдардың нұсқаларын фотосуреттерден тауып көрелік.

Тамғалы сюжетінде біріне-бірі қарсы бейнеленген екі персонаж бар. Суреттің сол жағында бас киімдегі көшпенді бейнеленсе, оң жақ бөлігінде тақия киген қарияның жанынан қарағандағы образы айқын бейнеленген (4-сурет). Тас бетіндегі петроглиф суреттер образдарды акценттеп тұр. Сюжетте көшпенділердің қарама-қарсы салынған бейнелері соншалықты шынайы.

Жоғарыда атап өткеніміздей бейнесюжеттер фотосуретке басқа жағынан қарағанда да көрініп қалады дедік. Осы фотоның оң жағынан мазмұны өзгеше сюжетті көреміз. Сюжетте екі ер адам және бала арқалаған әйел адам бейнелері жинақы салынған (5-сурет).

Жасырын образдар композициясы соншалықты әсерлі әрі шынайы. Бұл сюжетте тайпаның отбасы бейнеленген болуы да ғажап емес.

Жартас панорамасының орта тұсында қасқыр басының көлемді бейнесі орын алған (6-сурет). Оның маңдай тұсына күнбасты құдай суреті бейнеленген.

Әу баста қасқыр бейнесі көзге ілікпейді, мұқият зерделеп көз салсаңыз образ анық көрінеді.

Қасқыр образы екі жақты (двойстсвенный) көрінеді, оның бұл нұсқасы жаратылыстан пайда болды деуге келмейді, онда ежелгілердің әрекеті қалған.

Құлжабасынан түсіріп алынған «Қаруы бар маскарад киімдегі» деп аталатын фотосуретте (Самашев, 2006. 165-б.) тасқа қашалып салынған құс басты бейненің аң аулау кезі бейнеленген (7-сурет).

Сюжетті мұқият зерделесеңіз, екінші планда қара киімдегі сопы образын көресіз. Сопы бейнесінің оң жағында бірнеше ұсақ образдар салынған.

К. М. Байпақов пен А. Н. Марьяшевтің «Баян-Жүрек петроглифтері» атты кітабындағы 42-суретті талдап көрсек, бүркеме тәсілмен жасалған жасырын образдарды аңғарамыз. Зерттеушілер тастағы сюжетті «Қасқырлар мен теке» деп атаған (8-сурет). Тас бетінде қашалып бейнеленген ондай жануарлар бар. Шын мәнінде ежелгілердің композициялық ойы өзгеше, осы фотоға басқа жағынан қарасақ жанынан қарағандағы адам басының нұсқасын бірден аңғарамыз. Сюжетте оптикалық иллюзия әдісімен бейнеленген үш немесе одан да көп болуы мүмкін образдар бар. Тақта тастың пішіндік формасы жанынан қарағандағы адам басының нұсқасын білдіреді. Тас бетіне салынған петроглиф графикасын ежелгі суретші күрделі композицияға айналдырып әкеткен. Сюжеттің сол жақ бөлігі ер адамның образын берсе, оң жақ бөлігі бірден көзге ілікпейтін әйел адам образын көрсетіп тұр. Сондай-ақ композицияның ортасында үшінші графикалық нұсқа бейнеленген.

Көне өнер шығармаларының мәні мен мазмұнын түбегейлі зерттеу мүмкін емес, өйткені олардың тұрмысынан бейхабармыз. Тек ескерткіш обьектілерін зерделеп талдау нәтижелерінің арқасында оған бір қадам жақындай аламыз.

Ежелгілердің бейнелеу мәнері өте күрделі құбылыс, бейнелеу және қабылдау тәсілдері жаратылыспен тығыз байланыста болғандықтан шығармаларының мазмұнына жету оңай мәселе емес.

Біздің пікірімізше, петроглифтануда археологиялық зерттеулермен қатар өнер тілі мен форманы қабылдау заңдарын жетік меңгерген мамандарды да тарту керек.

Петроглифтанудағы интерпретациялық талдаудың кейбір күрделі мәселелері:

1. Көне петроглифтердің әбден тозығы жеткен және кейінгі дәуірлердегі қабаттастырыла бейнеленген графикалардың нұсқалары да оқуға бөгет жасайтындығы;

2. Бүгінгі күнге дейін петроглифтануда тасқа салынған сюжеттердің графикалық стилі жеке бейнелердің графикалық мәні зерттеу мақсаттары болып келеді, бұл дұрыс та болар, бірақ сурет бейнеленген жартастардың формалары мен пішіндері, бояу түстері, тақтатас бедерлері ондағы жарықтар мен сызаттар, ойықтар мен дөңестер т. б. зерттеуде есепке алынбай келетіндігі;

3. Тастағы суреттердің сюжеттерін талдаудың аса күрделілігі ежелгі суретшілердің жасырын образдарды бүркеме тәсілмен бейнелеулері;

4. Нақты адам бейнелерін жасырып бейнелеулерінің себебі не, міне осы сұраққа жауап іздеу қажет;

5. Түптеп келгенде, тастағы суреттерде кімдер бейнеленген және суретшілер қандай мақсат қойған ол да беймәлім.

Әдебиеттер

Археология Казахстана. – Алматы: Өнер, 2006. – 256 б.

Байпақов К. М., Марьяшов А. Н., Потапов С. А. Тамғалы петроглифтері. – Алматы, 2006. – 86 б.

Самашев З. Петроглифы Казахстана. – Алматы: Өнер, 2006. – 200 б.

Байпақов К. М., Марьяшев А. Н. Баян – Жүрек петроглифтері. Петроглифы Баян-Журека. Petroglyphs of Bayan Zhurek. – Алматы: ИД «Gredo», 2008. – 200 б.

Любимов Л. Ежелгі дүние өнері. – Алматы: Мектеп, 1980. – 335 б.

Маргулан А. Х. Казахское народное прикладное искусство. Том 1. – Алма-Ата: Өнер, 1986. – 256 с.

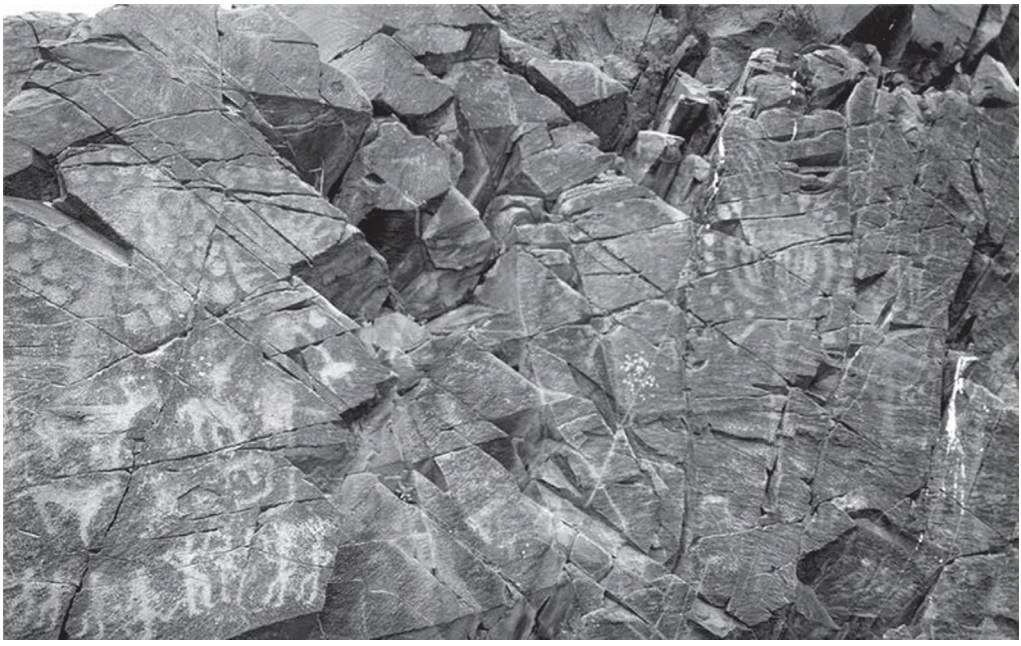
Новоженов В. А. Петроглифы Сары-Арки. – Алматы, 2002. – 125 с.

Претте М. К. Как понимать искусство: Живопись. Скульптура. Архитектура. История, эпохи и стили / Мария Карла Претте, Альфонсо Де Джоржис: Пер. с итал. – М: ЗАО «Интербук-бизнес», 2002. – 432 с.

Утепбаев Н. Н. Скрытые образы древнего искусства. – Семей, 2013. – 121 с.

1 сурет. Орталық Қазақстан. Желтау. «Дала сфинксі»

2 сурет. Тамғалы ғибадатханасының орталығы

3 сурет. Тамғалы. Күнбасты құдайлар бейнеленген жартас

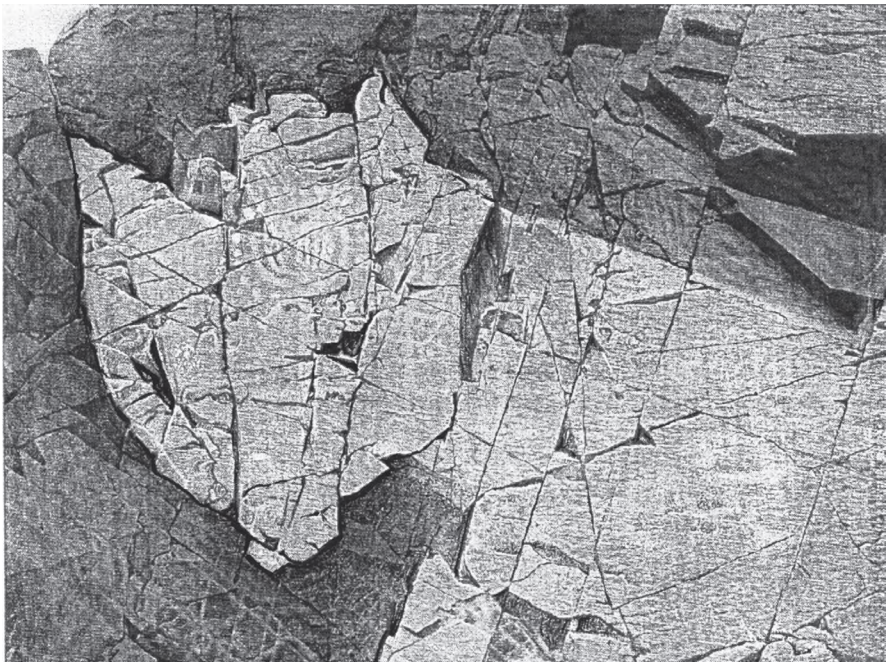
4 сурет

4а сурет. Көшпендінің жасырын бейнесі

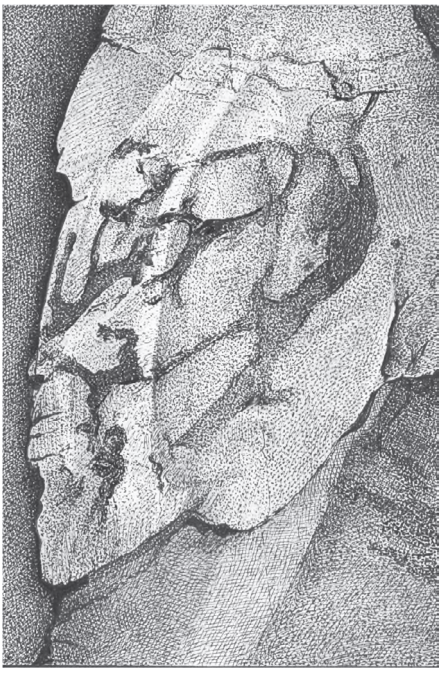
5 сурет. Бір топ көшпенділердің жасырын бейнелері

6 сурет. Тамғалы. Жартастағы қасқыр бейнесі

7 сурет. Құлжабасы. Қаруы бар маскарад киімдегі

8 сурет. Қасқырлар мен теке. «Баян-Жүрек» петроглифтері

Билялова Г. Д.

Л. Н. Гумилев атындағы Еуразия Ұлттық университеті,
Астана қ., Қазақстан

САРЫАРҚА ЕРТЕ САҚ МӘДЕНИЕТІНІҢ БИЛЕУШІЛЕРІНДЕГІ ЖОЛБАРЫСТЫҢ БЕЙНЕСІ – ПАТШАЛЫҚ КҮШ СИМВОЛЫ РЕТІНДЕ

Жыртқыш аңдардың бейнесі түрлі заттарда кездеседі: киімнің алтын жапсырма тоғаларында; ыдыстардың бетінде, ат-әбзелдерінің бөліктерінде (кекілдіріліктерде, айылбастарда, сұлықтарда), қасықтарда; қару-жарақтардың беті (пышақтардың, қанжарлардың сабы және т. б.). Бейнелеу өнерінде жыртқыштардың көп түрлері бар, олар: мысық тұқымдас (жиі жолбарыс, барыс), кейде қасқыр, аю. Кейде жыртқыштың биологиялық түрін емес, ал белгілі ерекшеліктерін көрсетуге тырысқан.

Б. з. д. I мың. Солтүстік және Орталық Қазақстан жерлерін тасмола тарихи-этнографиялық қауымдастық тайпалары мекен еткен. Олардың қалыптасуы аймақтың тарихи-мәдени дамуын бірнеше ғасырларға белгілеген. Тасмолалық мәдени ерекшеліктердің қалыптасуына басқа ерте сақ мәдениеттер секілді, шаруашылықтың көшпелі нысандарының үдерісі ықпал болған. М. И. Артамоновтың пікірі бойынша бұл «экономикалық және әлеуметтік қатынастардың маңызды құрылысына» апарады және мәдениеттегі милитаризм жүйесін іске асыруын жоғарлатады (Артамонов, 1973, 6-7 бб.). Тұрмыс пен шаруашылықтың жаңа нысандары ерте сақ ұжымындағы барлық ер адамдардың әрқашанда әскери дайындығын қажет етті. М. П. Грязновтың айтуы бойынша, тап осы күйзелісті шақта бірінші орынға «ең батыл, қайсар және іскерлік» жігіттер шығарылған, ал үздіксіз әскери қақтығыстар «жаңа халық қаһармандарын» туғызған (Грязнов, 1961, 7-8 бб.). Жалпы айтқанда ерте көшпенділер қоғамын М. П. Грязнов «ерлік» немесе «қаһарман дәуірінің қоғамы» ретінде белгілеген (Грязнов, 1961, 31-32 бб.).

Өкінішке қарай «Тасмола» халқы бізге өздерінің жазба дәстүрін қалдырмаған, бірақ олардың дүниетанымын қалпына келтірудің жалғыз дерегі археологиялық қазба жұмыстары барысында табылған артефактілердің семиологиялық анализі болып табылады. Яғни, зерттеушіге ең алдымен заттар әлемінің материалдық мәдениетімен қатар рухани жағына да назар бөлу керек.

Ерте көшпенділер мәдениетінің зерттелуі барысында, ғылым шектесетін мәдени құбылыстардың бірі – аң стилі. Бұл мәнердегі жасалған артефактілер тасмола археологиялық мәдениет өкілдерінің дүниетанымы мен идеологиялық (соның ішінде – космологиялық, теологиялық) түсініктерін сипаттайтын басты деректер түрінде көрінеді. «Тасмолалықтар» басқа көптеген ежелгі тайпалар секілді дүниенің шынайылығын мифологиялық ой арқылы түсінген, символ ретінде таңдалған жануардың бейнесі өзінің шынайы табиғаттағы прототипімен тығыз байланыста болуы керек еді. Үйлестік идеологиялық немесе космогониялық жүйесін көрсететін құрал ретінде болып табылады.

Тасмола тайпаларының бестиарий қабандар, грифон, тауешкілер, бұғы, аттың және т. б. жануарлардың бейнесін қамтыған, бірақ өзіміздің назарымызды жолбарыс/барыс/арыстанның жеке бейнесіне аударсақ.

Бүгінгі күні бізге Тасмола V қорымның 3, 4, 6 қорғандарынан; Талды 2 қорымының 2, 4, 5 қорғандарынан; Қарашоқы қорғандарынан қола мен алтыннан жасалған көптеген артефактілер белгілі.

Жолбарыстың бейнесін көрсететін алғашқы олжалардың бірі, алтыннан мәнерленген Тасмола V қорымының 3, 4, 6 қорғандарынан табылған жыртқыштар бейнеленген төрт мүсін болып табылады. Тасмола V қорымның 3 қорғаннан табылған тоға кекілбасар (милық) белдіктің, ал қалған мүсіндер – киім әшекейі ретінде қызмет еткен. М. Қ. Қадырбаевтың пікірі бойынша, оларда дене тұрысы тыныш, бастары оң жаққа бұрылған, тырнақтары ерекшеленген, көздері екі қос дөңгелектермен көрсетілген жолбарыстар бейнеленген (сурет 1) Мир Қасымұлы оларды б. з. д. VI ғ. соңы – V ғ. мерзімдеген (Маргулан и др., 1966, 328-333, 398 бб.).

Бірақ, 2010 жылдардан бастап ең маңызды жолбарыс бейнелері А. З. Бейсеновпен Қарағанды облысы, Қарқаралы ауданынан 44 км жерде орналасқан Талды-2 қорымынан алынған зерттеулер нәтижесі «сурет 6». Қорым орналасақан жерде жеті ірі қорғандар зерттелінген. Қазба жұмыстары барысында 5 қорғанда 30-35 жастағы ер адам жерленген. Антропологиялық сараптама бойынша алынған көптеген жарақаттар, бұл адамды әскери топқа жатқызады. 4 қорғанда 25-30 жастағы ер адам, ал 2 қорғанда шамамен жасы 50-55 құрайтын ер мен әйел адамдар жерленген. Қорымның зерттелуі барысында 200-ге жуық алтын бұйымдар мен 22 000 астам ұсақ әшекейлер табылған. Сонымен бірге 14 қола жебе ұштары, тас моншақтар шыққан. Алтын бұйымдардың арасында жыртқыш мысық тұқымдасының мүсіндері, белдік ұштығы бар құйылған белбеу құрсаулары, портупейлі белдіктің құрсауы, сырға, жыртқыш бейнеленген салпыншақтар таңқалдырады. Сонымен қатар басқа да салпыншақ әшекейлер мен жұқа фольга бөлшектері табылған. Табылған алтын артефактілердің мөлшері, жерлеулер аймақтың көшпелі элитасының ең жоғарғы әлеуметтік топ мүшелеріне тиесілі болғанына куә (Бейсенов, 2011, 12-13 бб.).

Зерттеудің авторы жазғандай, Талды-2 қорымындағы жерленген адамдардың киімі, мысық тұқымдас жыртқыш аңның – жолбарыстың мүсіндерімен әшекейленген.

Оның қырынан бейнеленуі Орталық Қазақстаннан Тыва (Аржан-2) жерлеріне дейін айтарлықтай біркелкі және танымал. Ғалымның пікірі бойынша жолбарыс түріндегі көмкерме, аңшылықта шынайы алынған айбынды батыр, жауынгер, патшаны әсемдеген тері оның ерекше мәртебесін көрсетуде (Бейсенов, 2011, 21 бб.). Зерттеуші Талды-2 қорымынан шыққан мысық тұқымдасты жыртқыштарды Түгіскен, Тасмола олжаларының стилистикалық бейнесімен байланыстырады, дегенмен Талды-2-ден табылған жолбарыстар шынайлығы азырақ (Бейсенов, 2011, 22-24 бб.).

Зерттеуші Қарашоқы (Қарағанды облысы, Қарқаралы ауданы) қорымынан алынған мәліметтерді келтірген, тасмола мәдениетіне жататын қорғандарының

бірінен қырынан «тұрған қалыпта» жолбарыс бейнеленген жапсырма тоға болып табылады (сурет 2). Аңның ала терісі S-тәрізді бұранда нәзік оюмен көрсетілген. Жолбарыстың ұзын төменге қаратылған құйрығының соңында шиыршығы бар, ұзын өткір тырнақтары ерекшеленген. Автор жасалған мәнердің аналогтарын Жетісу (Жалаулы көмбесі) және Алтай (Пазырық мәдениеті) (Бейсенов, 2011, 28-29 бб.), жерлерінде көреді. Бұл түймеліктегі үлкен басты, табандары тырнақты және ұзын құйрығының шеті бүктелген, жүні ирек сызықтармен көрсетілген жолбарыстардың бейнесі Алтайдағы Башадар 2 қорғанынан шыққан саркофагтағы жолбарыс бейнесімен өте ұқсас, осы саркофаг радиокөміртекті сараптама бойынша б. з. д. VI-V ғғ. (650-390 жж. аралығы).

2008 жылы жолбарыстың бір қатар бейнесі Ресейдегі Кичигин I қорымының 5 қорғанынан табылған. Бұл қорымның d – 35 м, h – 1,0 м болып табылатын ең ірі қорғаны. Бүгінгі күні бұл Оңтүстік Зауральдағы тасмола мәдениетінің ең бай жерлеуі. 1 жерлеу шұңқырынан шыққан заттардың талдауы Кичигино I қорымының 5 қорғанының құрылғанын б. з. д. VII ғ. екінші жартысына жатқызады. Жерлеу құрылысының өлшемі мен күрделілігі, және жерленген бұйымдардың құрамы, осында жерленген ер адамның әскери-аристократиялық басшы болғанын дәлдейді (Таиров, Боталов, 2010, 55-67 бб.).

Қорғандағы жерленген адамның үстіндегі табылған белдікте, тау текенің қарама-қарсы қойылған бастары бар көптеген қола құрсаулар мен тұрған қалпында екі мысық тұқымдас жыртқыштар ілгегі бар екі тоғада бейнеленген. Бәлкім сол жағында, шеттері рельефті бес алтын тоғалар қайыстан жасалған садаққап қойылған, ол жыртқыш мысықтың жатқан сәтін көрсететін бес алтын жапсырма. Олардың ішінен үшеуі кері жағынан үш дәнекерленген шығыршықтан – екеуі үстінгі, біреуі төменгі жағында орналасқан. Екінші жапсырмада да үш дәнекерленген шығыршықтар бар, бірақ біреуі үстінгі жағында, ал екеуі төменгіде бекітілген. Келесі жапсырма екі дәнекерленген шығыршықтан тұрады (екеуіде үстінгі жағында).

Садаққап пен жерленген адамның арасында, белдікке қайыс белбеумен ілінген үлкен сопақ тас қайрағы табылған. Белдікшенің бір шеті, екі аттың қарама-қарсы бастарының протомаларымен бейнеленген, қола жапсырманың айналасын ораған және белдікке екі ілгек арқылы қадалған. Осы айылбас пен жыртқыш құстың стильденген басы бейнеленген соңғы қапсырманың арасында, шығыршықтың үстінде арқасында қыран құсының стильденген басы салынған, «тұрған тұрыста» салынған жыртқыш мысықтың бейнесі көрсетілген. Бұл сақинаға, ұзын мойынды аттың басы түріндегі, қосымша ілгек асылған. Жерленген адамның кеудесінде «жатқан сәтте» мысық тұқымдас жыртқыш бейнеленген алтын рельефті жапсырма табылған (Таиров, Боталов, 2010, 56 б., рис. 3, *4-6;* 4, *3-5*). Авторлардың ойы бойынша жыртқыш мысық бейнесінің артында арыстан немесе барыс суреттелген. Бірақ біздің пікіріміз бойынша кичигин артефактілерінде үлкен дәрежеде жолбарыс бейнесі бейнелінген. Өйткені кичигин қорғанынан шыққан рельефті алтын жапсырмаларына өте жақын алтын жапсырмалар Орталық Қазақстаннан табылған. Жыртқыштардың

бедерленген мүсіндері жоғарыда айтылып кеткен Тасмола V және Талды-2 қорымдарынан ашылған.

Бүгінгі күні жолбарыс бейнесінің талдауы негізінде, біз бар мәліметтер арқылы Тасмола тайпаларының мәдени және этникалық екі негізгі векторларын анықтап ала аламыз. Біріншісі бізді Шығыс Арал маңындағы ертесақ тайпаларының әлеміне апарады.

Түгіскен мен Үйғарақ қорымдарының зерттелуі әлемге аң стилінде жасалған бірегей олжаларды ұсынды, солардың ішінде мысық тұқымдас жыртқыштың бейнелері де кездеседі. Бұл Оңтүстік Түгіскен қорымының (б. з. д. V ғ.), 53 қорғаннан шыққан он үш алтын қаптамалар, олардың біреуі қорамсақтың қапсырмасы, ал басқалары оның төменгі бөлігін әшекейлеген. 31 қорғаннан табылған басы профильде көрсетілген, «жатқан сәтінде» немесе «келе жатқан» арыстан түріндегі алтын жапсырма белгілі. Сол қорымның 4 және 6 қорғандарынан тағы сондай жыртқыштар бейнеленген жапсырмалар табылған. Соңғы қорғаннан көлемі әртүрлі екі жапсырма шықты. Б. з. д. VII-VI ғғ. мерзімделетін 45 қорғаннан «отырған сәтінде» арыстан бейнеленген, екі серіппелі жапсырмалар және төрт алтын бедерленген тілімшелер шыққан. Ұқсас айылбас Үйғарақ қорымының 49 қорғанының зерттелу барысында табылған (Вишневская, Итина, 1971, 197-208 бб.).

Екінші байланыс векторы бізді Саян-Алтай шығыстық сақ тайпаларының әлеміне апарады. Тасмолалы бейнелерге б. з. д. V-IV ғғ. мерзімделенетін Шығыс Қазақстаннан (Усть-Буконь) табылған «келе жатқан» қалпындағы мысық тұқымдас жыртқыштың бейнесі өте жақын. Орталық қазақстандық жыртқыш мысықтарға б. з. д. IV ғ. жататын Куйлуг-Хем I қорымының 9 қорғанынан, Кош-Пей қорымының 1 және 2 қорғандарынан алтын жапсырмалардағы бейнелер. Сулуг-Хем I (Тыва) қорымынан шыққан алтын тоғадағы мысық тұқымдасы, сонымен қатар Үлкен Полтав қорғанынан ашылған алтын белдік тілімшесіндегі мысық тұқымдас жыртқыштардың бейнелері өте ұқсас болып табылады (Devis-Kimball, 1995, p. 241-242, table 28).

Бірақ тасмола жолбарыстарына ұқсастығы жақын мүсіндер Тыванының солтүстігіндегі орналасқан d – 80 м, h – 2 м Аржан-2 қорғанының зерттелуі барысында табылған. 2001 жылы негізгі «патшалық» жерлеуі ашылған. Ежелгі тонаушылар, шетінде орналасқан басты жерлеуді таба алмаған. Жерлеу шұңқыры жартас монолитіне дейін қазылған және ішіне қарай сәл тереңдетілген, соның нәтижесінде ондағы ағаш жерлеу камерасы жақсы сақталған. Қиманың ішінде ер және әйел адамдардың қаңқасы жерленген. Жерлеу жабдықтарының арасында алтыннан жасалған әшекейлердің байлығы және олардың мұқият орналасуы, патшалық жерлеу ғұрпының, сонымен қатар киім кешектің реконструкциясын жасауға көмектесті. Ер адамның костюмы жыртқыш мысықтардың (жолбарыс) алтын рельефті мүсіндерімен әшекейленген. Олар оң немесе сол жаққа қаратылып профильды мүсіндер түрінде құйылған, бұл мүсіндердің саны екі жарым мыңнан астам. Сондай – ақ алтын мойын алқада мысық тұқымдастың бейнесі жақсы көрсетілген, анығырақ айтсақ оның сыртқы беті кесек түрінде жасалған, алдыңғы қырында «тұрыс қалпында», бастары оң

жаққа бағытталған, қатарлармен тұрғызылған мысық тұқымдас жыртқыштар бейнеленген (Черемисин, 2008, 52 б.). «Аңдардың шеруі» бейнеленген мойын алқа, сөзсіз иесінің тірі кезінде де пайдаланылған, оған ежелде бір жыртқыш мүсінінің жоқ болуы, сызаттар мен үйкеленген жерлер көрсетеді. Кесектің беткі жағында, жыртқыш мысықтардың 22 мүсіні бар (біреуі ежелгі уақытта жоғалған) төрт қатар, үстіңгі жағында 23 мүсін бейнеген екі қатар орналасқан (сурет 3). Мүмкін, бейнеленген мүсіндердің саны белгілі түсінікте болған. Әйел киімін де сондай жапсырмалар әшекейлеген, бірақ аз мөлшерде. Олар барлығы, ер адамның киіміндегі жыртқыш мысықтары секілді жасалған, бірақ әрқашанда сол жаққа бағытталып бейнеген. Осы мүсіндерді дайындау барысында басқа техниканы қолдаған – жіңішке алтын тілімшедегі бедерлеу тәсілі пайдаланылған. Осыған қарап біз қайсы ер адамның, қайсы әйел адамның әшекейлері болып табылатынын анықтауға көмектесті. Аңдардың жиынтығы бір өрнекті көрсеткен, ал әйел киіміндегі ою – өрнек басқа – алаудың тілдері секілді бейнеленген. Негізінен киімдегі иық пен арқа жағы жапсырмалармен әшекейленген. Аржан 2 жерлеуінен шыққан мысық тұқымдастардың бейнелеу мәнері мен жасалу тәсілінің біркелкілігін анықтап, дала аумағында тек байланыс факторлар ғана емес, сонымен қатар миграциялық жолдарды да аңғару мүмкін. А. И. Мартынов еуразиялық бірліктің қалыптасуына ықпал еткен факторладың арасынан, территориалды-географиялық (Еуразияның дала аймақтары мен таулы алқаптар), территориалды байланыстар, дала арқылы қарым-қатынастар (коммуникациялық фактор); белгілі табиғи аймақтарды рационалды пайдалануда негізделген экономикалық базис-фактор. Сонымен қатар, ұлан-ғайыр кеңістіктегі бірліктің қалыптасуына: этникалық, идеологиялық, әлеуметтік фактор әсер етті, олар сол кездегі дала өркениетінің бір келкі дамуын көрсетеді. Зерттеуші сыртқы саяси факторының ықпалын да белгіледі, өйткені далалы Еуразия Ежелгі Грек, Ахеменидты Парсы, Қытай әлеміне қарсы тұра алатын аймақ болған. Сол уақытта далалы Еуразия өзінің шаруашылық және тарихи-мәдени бағыты өзгеше аумақ болған (Бейсенов, 2011, 14-20 бб.).

Тасмоладағы жолбарыс бейнесінің семантикасына оралсақ, Оңтүстік Орал маңындағы скиф-сармат өнеріндегі басқа жыртқыш бейнесінің интерпретациялауына көңіл аударуға болады. С. Ю. Гуцалов қасқырдың бейнесін маңызды етіп қарастырады (Гуцалов, 2005, 437-447 бб.). «Жауынгер-жыртқыш» сөзі «жауынгердің іс-әрекетімен, оның батылдығы өлтіруімен, жыртқыш аңның қимылымен» байланыстырылған. Соғыстың кезінде жауынгер жабайы аңға теңестірілген, «furor heroicus» сезіміне енген (Черемисин, 2008, 54 б.). Зерттеушінің сөзі бойынша Орталық Азия көшпелілерінің дүниетанымын салыстырмалы-типологиялық талдау арқылы жыртқыш тобы мен әскери құрылымдардың тікелей байланысын көрсетеді (Черемисин, 2008, 55 б.).

Бірақ, түрлі жерлерде қасқырдан басқа да жауынгерлік символдар «аңның кәрігі» («звериной ярости», мысалы скандинавтардағы аю – берсеркерлер бейнесі (Гуцалов, 2005, 437-447 бб.). Бәлкім тасмолалықтардағы сондай жауынгер аңның бейнесі – жыртқыш мысық тұқымдасының, яғни жолбарыстың бейнелерін жатқызуға әбден лайық.

Д. В. Черемисин қасқыр мен жыртқыш мысықтың арасындағы паралельды ұқсастықты байқап, олардың бейнесін скиф – сақ әлемінің өнерінде жақындығын ерекшелеген. Айтылған жыртқыштардың аң аулау ерекшелігі (жемтігін қылқындырады) – Ордос пен Минусин шұңқырқазанының торевтикасында жолбарыс тұяқты жануарды мойыннан ұстаған сәті көрсетілген (Черемисин, 2008, 53 б.).

Біздің ойымыз бойынша тасмола және аржаннан табылған жолбарыстар бейнесінің мазмұнын түсіндіретін қызықты және маңызды ежелгі үнді, үндіарий мәдениетіндегі мәліметтер болып табылады. Егер біз үндіиран тайпаларын Орталық Азия мен Индостан жартыаралына Қазақстан жерінен көшкені туралы ойды ұстансақ, онда сақ пен үндіарий тайпаларының мәдени мұрасының жартысы үндіирандық материалдық және рухани мәдениетінде ұзақ уақыт бойы сақталғаны мүмкін.

Сонын өзінде, жолбарыс бейнесі үндіарий мәдениетіне гипотетикалық отанында болғанда енгені мүмкін – жолбарыс (закавказ, кәспи, тұран – лат. *Panthera tigris virgata*) Орта Азия мен Қазақстан жерлерінде XIX ғ. дейін мекен еткен. «Орта Азияда жолбарыстар Сумбар, Атрек, Теджен, Мургаб, Шу және басқа өзендердің тоғайлы және қамысты жерлерді мекендеген. Әсіресе олардың көбісі Әмудария, Сырдария, Іле өзенінің төменгі алқаптарында, Балқашта өмір сүрген». Балхаш жолбарыстары Көкшетау даласына дейін барған, кейде Ақмоланың маңында кездескен; 1887 жылы осы қаланың жанында соңғы жолбарысты өлтірген. 1948 жылға дейін жолбарыс Қарқаралы ормандарында да кездескен (Ержанов, 2001, 112-146 бб.), (Слудский, 1973, 1-5 бб.). Жолбарыстар Алтайда орманды тауларда өмір сүрген, сол жерден түсіп далалы аймақтарға, кейде Барнаулға дейін барған. Үндіарийлер бұл бейнені Үндіге барғанынан бұрын пайдаланғанына күмән жоқ.

Үндістан және үндіарийлік фольклордың зерттеушілері «метафор аңдар» бейнесінің белсенді пайдалануын дәлелдейді, бұл жауынгер–қаһарманды күшті және қатал аң – жолбарысқа теңестіреді (nara-śārdūla «ер-жолбарыс», bhārata-śārdūla «жолбарыс-бхарата», rāja-śārdūla «патша-жолбарыс» және т. б.) (Васильков, 2012, 57-71 бб.), (Маретина, 2012, 41-56 бб.).

Духшанте патша туралы айтылатын «Махабхаратадан» бір әңгіме бойынша патшаға «ер-жолбарыс» метафорасыдан басқа, Духшанте патшаның орманға аңшылыққа шыққан нөкерлерін «орман тұрғындары» және «аш ер-жолбарыстар» деп атаған. Арджун шығармашылықтағы басты қаһарманды «орман тұрғыны» деп атаған. Зерттеуші бұл терминді әлеуметтік жастан өтетіндердің топтарымен байланыстырады, мысалы жас баланың жігіттік жасқа немесе жауынгердің әскери топқа өтуін қарақшылықпен бастамалау.

Қасқыр мен жолбарыс бейнелерінің тоғысы жөнінде жоғарыда жазылған, үнді мәліметтер арқылы біз оны дәлелдедік. Қазіргі Декан мен Оңтүстік Үндістандағы бақташылар тайпаларының мәдениетінде, ежелгі үндіарийлердің архаикалық мәдениетіне ұқсас бір қатар аналогтар бар. Бұл халықтың мифологиясында Кхандобы, Маллари, Майлар құдайларының бейнелері бар. Олар өздерін vāghyā (маратхи) және vaggayya (каннада) деп атайды, яғни ежелгіүн-

дістандық vyāghra «жолбарыс» деген мағынада. Кхандоб-Майлар бхакттардың белгілерінің бірі салттық құрқуманы салуға арналған жолбарыс терісінен жасалған қапшық. Бұл ғұрып жолбарыс терісінде отырған үндіарийлік Рудраны және Махараштрдағы Вагхоб секілді – «Жолбарыс Әкені» құрметтеу дәстүрінен сақталған. Және өзіне жолбарыс пен иттің бейнелерін қамтыған Шива-Бхайраның құрметтеуі.

Сонымен, үндіарийлік фольклор мен эпос бойынша мәліметтерді келтіріп және тасмола мәдениетінің археологиялық мәліметтерін пайдаланып, біз «тасмола тайпаларындағы» жолбарыс символын үндіарийлік мәтіндерде жақсы түсіндіретінін анықтаймыз. Б. з. д. I мың. бірінші жартысында жауынгерлік одағының символы ретінде пайда болған жолбарыстың бейнесі Орталық Қазақстан мен оданда шығыстық аймақтарда ертесақ мәдениетінің билеушілерінде патшалық күш символына айналады. Ал «тасмола» билеушілерін, әсіресе Талды 2 қорымының 5 қорғанындағы жерленген ер адамды, «ер-жолбарыс» не «жолбарыс-патша» деп атауға әбден дұрыс.

Әдебиеттер

Артамонов М. И. Сокровища саков. – М.: Искусство, 1973. – 152 с.

Бейсенов А. З. Талды-2 и памятники раннесакского времени степной Евразии // Сакская культура Сары-Арки в контексте изучения этносоциокультурных процессов степной Евразии. Тезисы докладов круглого стола, посвящённого 20-летию Независимости Республики Казахстан. – Караганда, 2011. – С. 14-20.

Бейсенов А. З. Сары-Арка – колыбель степной цивилизации. – Алматы, 2011. – 32 с.

Вишневская О. А., Итина М. А. Ранние саки Приаралья // Проблемы скифской археологии. МИА. – 1971. – № 177. – С. 197-208.

Васильков Я. В. «Мужи-тигры», «человекольвы» и «люди-вепри» в индийском эпосе, культуре и истории // Бестиарий-II. Зооморфизмы Азии: движение во времени. МАЭ РАН. – 2012. – С. 57-71.

Грязнов М. П. Курган как архитектурный памятник // Тезисы докладов на заседаниях, посвященных итогам полевых исследований в 1961 г. – М., 1961. – С. 22-25.

Гуцалов С. Ю. Волчье племя (к семантике образа волка в искусстве древних кочевников Южного Урала) // Древности Евразии: от ранней бронзы до раннего Средневековья. Памяти Валерия Сергеевича Ольховского. Сб. статей / Гл. ред. В. И. Гуляев. – М.: Институт археологии РАН, 2005. – С. 437-447.

Ержанов Н. Т. Перспективы сохранения и рационального использования зверей Казахского мелкосопочника // Редкие и исчезающие млекопитающие Казахского мелкосопочника. – Караганда: Изд-во КарГУ, 2001. – С. 112-146.

Маргулан А. Х., Акишев К. А., Кадырбаев М. К., Оразбаев А. М. Древняя культура Центрального Казахстана. – Алма-Ата: Наука, 1966. – 436 с.

Маретина С. А. Тигр/лев в мифологической традиции индийцев // Бестиарий-II. Зооморфизмы Азии: движение во времени. – СПб.: МАЭ РАН, 2012. – С. 41-56.

Слудский А. А. Распространение и численность диких кошек в СССР // «Промысловые млекопитающие Казахстана». – Алма-Ата, 1973. – С. 5-106.

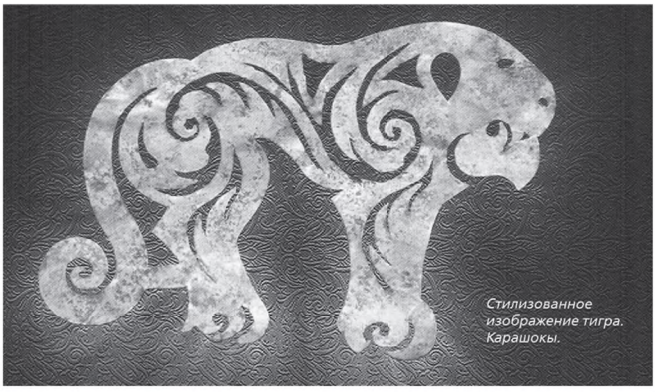
Таиров А. Д., Боталов С. Г. Погребение сакского времени могильника Кичигино-I в Южном Зауралье // Археология и палеоантропология евразийских степей и сопредельных территорий. – М., 2010. – 496 с.

Черемисин Д. В. Искусство звериного стиля в погребальных комплексах рядового населения пазырыкской культуры: Семантика звериных образов в контексте погребального обряда. – Новосибирск: ИАЭ СО РАН, 2008. – 136 с.

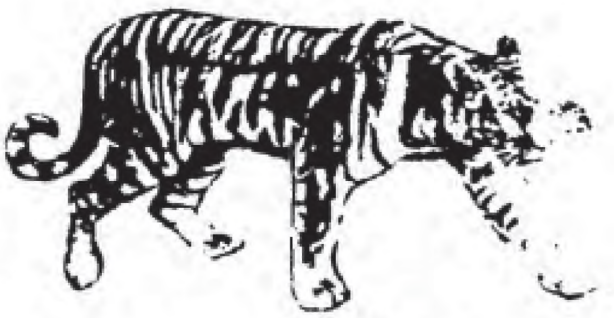
Devis-Kimball J., Bashilov V. A., Yablonsky L. T. Nomads of the Eurasian Steppes in the Early Iron Age. – Berkeley: Zinat Press, CA. 1995. – 438 с.

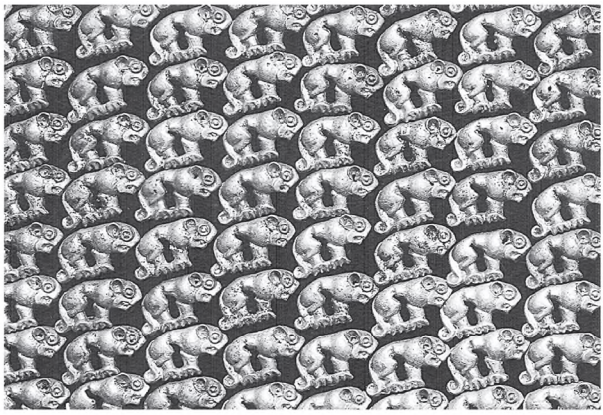
1 сурет. Жыртқыш мысықтардың бейнесі, Тасмола V қорымы. 3-4-6 қорғандары. Алтын.Орталық Қазақстан. М. Қ. Қадырбаевтың қазбасы.

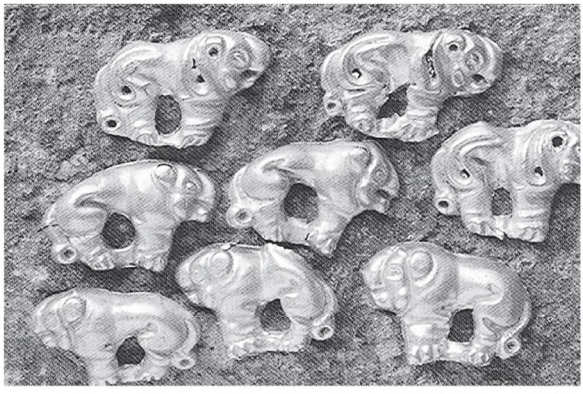
2 сурет. Жолбарыстың стильденген бейнесі. Қарашоқы. А. З. Бейсеновтың қазбасы. (Бейсенов А.З. Сарыарка – колыбель степной цивилизации. – Алматы, 2011. – 16 с.)

2а сурет. Жолбарыстың биологиялық бейнесі
(Королькова Е. Ф. Звериный стиль Евразии. Искусство племен нижнего Поволжья и Южного Приуралья в скифскую эпоху (VII-IV вв. до н. э.). – СПб., 2006, табл. 34, – 203 с.)

3 сурет. Қырыннан тұрған жыртқыштардың мүсіндері. Аржан II. Тыва. К. В. Чугуновтың қазбасы. (Чугунов К. В., Парцингер Г., Наглер А. Золотые звери из долины царей. Открытия российско-германской археологической экспедиции в Туве. – СПб., 2004. – 8 с.)

3а сурет. Қырыннан тұрған жолбарыстың мүсіні. Талды II. Орталық Қазақстан. А. З. Бейсеновтың қазбасы.
(Бейсенов А. З. Сарыарка – колыбель степной цивилизации. – Алматы, 2011. – 19 с.)

Сейткалиев М. К.

Институт археологии им. А. Х. Маргулана,
г. Алматы, Казахстан

ЖЕТЫТОБИНСКИЙ ГРИФОН
(к вопросу о переднеазиатском влиянии на искусство кочевников Семиречья)

В 1986 году археологическая экспедиция Свода памятников истории и культуры ИИАЭ им. Ч. Ч. Валиханова АН КазССР под руководством Р. Б. Исмагилова продолжила раскопки курганного могильника Жетытобе, начатые годом ранее П. Е. Каратаевым. Памятник находится в Жамбылском районе Жамбылской области в 8 км к северо-востоку от г. Тараза и расположен в предгорной равнине, сформированной вдоль северной части гор Киргизского Алатау недалеко от поймы р. Талас. Могильник протяженностью 1,5 км состоял из 25 насыпей, вытянутых двумя параллельными цепочками по линии север-северо-восток – юг-юго-запад, занимает ровную площадь, с востока на запад пересеченную рядом мелких пересохших саев.

Первая линия курганов состояла из семи крупных курганных насыпей, диаметром от 50 до 73 м, высотой от 4 до 7 м и одной небольшой. Вторая линия находилась к западу от первой и включала в себя 17 курганов и несколько десятков набросов камней. Диаметр насыпей варьировался от 8 до 40 м, высота – от 0,1 до 3 м.

На второй год археологических исследований, проведенных на могильнике, было раскопано тринадцать курганов западной цепочки. К сожалению, все погребения группы были подвергнуты в древности полному разграблению. В ходе раскопок кургана 18 Р. Б. Исмагиловым была найдена золотая бляха с изображением орлиноголового грифона (Байпаков, Капекова, Воякин, Марьяшев, 2011, с. 91). Так как результаты работ, проведенных на данном кургане, не были опубликованы в полном объеме, уместно остановиться на подробном описании погребения и на археологическом контексте, в котором бляха была обнаружена.

Курган располагался в центральной части западной цепочки могильника. Насыпь, сложенная из земли, имела округлую в плане форму, в сечении полусферическую. Зафиксированные на момент исследования размеры кургана составляли: диаметр – 34 м, высота – 3 м.

Под насыпью, в отличие от большинства других курганов могильника, чётко фиксировался могильный выкид. Он был расположен по обе стороны ямы (очевидно, кольцеобразно) на расстоянии 2,25-2,5 м от её границ на уровне материка.

Погребение выявлено в центре кургана. Могильная яма была вырублена в скально-галечной породе, имела подпрямоугольную в плане форму и была ориентирована длинными стенками по линии запад-восток. Стенки неровные, сужались к придонной части, дно ровное. Размеры могилы составляли: длина – 4,6 м, ширина – 2,5 м, глубина от уровня материка – 1,1 м.

К узкому западному краю могильной ямы вплотную примыкали два крупных материковых валуна, образующих как бы естественную стенку. В юго-восточном углу, в 0,2 м выше дна, была выдолблена небольшая горизонтальная ниша округлого сечения – длиной 0,57 м, высотой 0,38 м, шириной 0,38 м. В неровностях восточной стенки фиксировались остатки налипшего чёрного растительного тлена. У противоположного, западного, конца примерно на середине высоты лежали куски деревянных жердей.

Погребение ограблено. В процессе выборки заполнения могилы найдено 4 фрагмента красноглиняных станковых сосудов. У западного конца ямы, на самом дне лежала единственная сохранившаяся от ограбления тесненая бляха, публикации которой, собственно, и посвящена настоящая статья.

Бляха с изображением обращенной в профиль фигуры орлиноголового грифона изготовлена из золотой фольги. К сожалению, ни рисунка, ни подробного описания предмета в отчете Р. Б. Исмагилова не приводится. Автор статьи также не имел возможности изучить бляху и составить ее описание с натуры, но ознакомился с ее фотографией, качество которой позволяет использовать ее как источник для умозрительных заключений.

Грифон на бляхе изображен в низком барельефе в обобщенной манере, по ряду признаков угадывается экстерьер орла. Голова существа округлой формы, с обозначенным вдавлением крупным глазом, повернута назад. Брови переданы в виде скобки. Покатый лоб плавно переходит в надклювье. Клюв массивный, крючковатый, небольшой по своей длине, с выделенной двумя желобками восковицей. Разрез клюва не обозначен. Под подбородком двумя вдавленными скобками выделена «бородка». Шея длинная, на зашейке слабо просматривается «воротничок». Отличительной чертой грифона является наличие двух пар крыльев. Передняя оформлена в форме простого прямого крыла, прикреплена к груди существа, просматриваются схематично проработанные пять маховых перьев, концы которых направлены назад. Вторая же пара имеет несколько иную трактовку, она оформлена в виде изогнутого крыла серповидной формы, прикрепленной к плечам существа, выделено тринадцать маховых перьев, концы которых направлены кверху и вперед. Верхняя часть крыла обозначена вдавленной линией, имитирующей границу верхних кроющих и нижних маховых перьев. Четко обозначено оперение цевки. Лапы переданы условно, угадывается лишь отставленный задний палец. Хвост широкий, веерообразный, отделен от туловища вдавленной линией, контурно обозначены три рулевых пера (рис. 1, *1*).

По нашим данным, это первая находка полнофигурного изображения орлиноголового грифона в Семиречье. Существо из Жетытобе имеет ряд своеобразных черт, отличающих его от изображений синкретических животных, представленных в бестиариях других культур. В первую очередь обращает на себя внимание трактовка формы и размера клюва. В искусстве ранних кочевников Семиречья и соседних регионов хищные птицы или существа, включающие в себя отдельные их компоненты, как правило, изображались с мощными, прямыми и длинными клювами, в некоторых случаях данная часть тела пернатых умышленно передавалась гиперболизацией. В нашем случае мы наблюдаем обратную картину, что нехарактерно как для местного стиля, так и

в целом для искусства ранних кочевников евразийского пояса степей. Подобную манеру передачи клюва мы наблюдаем в иконографии Передней Азии. Здесь следует привести наиболее раннее изображение протомы грифона, входившую в состав клада, обнаруженного у деревни Зивие в Курдистане, относящегося к VIII-VII вв. до н. э. (рис. 1, *2*) (Луконин, 1977, с. 50). Покатый лоб, плавно переходящий в небольшой клюв существа из саккызского клада, в общих чертах напоминает его семиречинский аналог. Однако некоторые детали переднеазиатского грифона, такие как наличие выделенной ушной раковины и раскрытого зубастого клюва с высунутым языком, не позволяют говорить о полном тождестве трактовок головы грифонов Зивие и Жетытобе. Поздние воспроизведения короткоклювых синкретических животных и хищных птиц известны в изобразительном искусстве ахеменидского Ирана. Их изображения, представленные в мелкой пластике, скульптуре, торевтике, глиптике и других направлениях персидского искусства VI-IV вв. до н. э., можно условно разбить на три группы.

Для первой характерно сохранение традиции Зивие, особенно это влияние угадывается в торевтике. Головы грифонов этой группы обладают теми же деталями, что и существа предыдущего времени, в одинаковой манере передан зубастый раскрытый клюв, подчеркнуты брови и «бородка» существа. Классическое изображение грифона из этой группы мы наблюдаем на ритоне V в. до н. э. из северо-западного Ирана, в трактовке головы которого наблюдается практически полное сходство с изображением из Зивие (рис. 1, *3*) (Луконин, 1977, с. 54).

Изображения грифонов второй группы включают в себе черты первой, но здесь имеется следующая деталь: четко выделяется гребень. Данная черта присутствует у ряда грифонов, изображенных на предметах торевтики, глиптики и скульптуры. Гребень прорабатывается даже на мелких изделиях, как это видно на распределителе ремня из собрания Британского музея (рис. 1, *4*) (Tallis, 2005, p. 219, fig. 389). Данная деталь выделена и на головке существа, украшавшей навершие держала серебряной столовой ручки IV в. до н. э. (рис. 1, *5*). Детально показан гребень и на парных грифонах, украшавших капитель колонны из дворца Персеполя (рис. 1, *6*) (Curtis, Razmjou, 2005. p. 53, fig. 42). С гребнем представлены существа, украшавшие браслеты в руках лидийца, изображенного на ападане вышеупомянутого дворца (Simpson, 2005. fig. 46).

В воспроизведении головы грифона следующей группы обозначены рога. Рогатый грифон становится, по всей вероятности, каноническим для искусства ахеменидского Ирана, его изображения мы находим на предметах торевтики, вооружения, печатях и в памятниках архитектуры. Изделия с изображением рогатого грифона найдены на довольно обширной территории, как некогда включенной в состав империи Ахеменидов, так и далеко за ее пределами. Так, например, изображения грифонов известны в памятниках Алтая. Одно из них, выполненное на медной пластине, обнаружено во втором Пазарыкском кургане (рис. 1, *7*) (Грязнов, 1950, рис. 26). Скульптура рогатого существа украшает серебряный ритон, найденный в восточной Турции (рис. 1, *8*) (Simpson, 2005, p. 122, fig. 119). Аналогичные грифоны венчают браслеты из знаменитого Амударьинского клада (рис. 1, *9*) (Armbruster, 2005, p. 398, fig. 36.1). Воспроизведение

рогатого грифона известно и в самом центре Ахеменидской державы. Упомянем широко известную шиферную плитку, найденной в Персеполе, на которой изображен грифон, почти не отличающийся от вышеприведенных (рис. 1, *10*) (Herzfeld, 1941, p. 258, fig. 362). Как уже было отмечено ранее, изображения головы рогатого грифона воспроизводились и в глиптике, как, например, на буле из Ура (рис. 1, *11*) (Kantor, 1957, p. 9, fig. 5).

Уникальной чертой жетытобинского грифона является наличие двух пар крыльев. Кроме изображений гениев (Куликан, 2002, рис. 18; Руденко, 1968, рис. 54, *в*) и грифоподобных существ в переднеазиатском искусстве, грифоны с двумя парами крыльев нам неизвестны. Бросается в глаза резкое различие крыльев грифона из Жетытобе. Переднее оформлено в форме простого прямого крыла, второе же имеет серповидный абрис. Одно из ранних изображений грифона с прямым крылом происходит из Суз и относится к IV тыс. до н. э. (рис. 2, *1*) (Канторович, 2010, рис. 4, *1*). Сходную трактовку крыла мы наблюдаем в вавилонском (Канторович, 2010, рис. 4. *2*, *12*, Herzfeld, 1987, fig. 33, 35) и в ассирийском искусстве (Harper, Klengel-Brandt, Aruz, Benzel, 1995, fig. 27, Канторович, 2010, рис. 4, *3-8*). На ставших уже знаменитыми сосудах из Марлика мы также находим изображение грифона с прямым крылом (Канторович, 2010, рис. 4. *10*). В аналогичной манере передана рассматриваемая часть тела и у ряда синкретических существ, изображенных на нагрудных пластинах из Зивие (рис. 2, *2*) (Куликан, 2002, рис. 12). Прямое крыло также свойственно и для изображений фантастических зверей в урартском искусстве (рис. 2, *3*) (Пиотровский, 1959, рис. 71, Есаян, 1986, табл. VI). Как мы видим, для иконографии большей части Передней Азии доахеменидского времени характерно изображение грифонов с прямым крылом.

В ахеменидское время серповидно изогнутое крыло становится типичным признаком иранского искусства при воспроизведении птиц, грифонов и других крылатых фантастических животных. Трактовка крыла подобным образом, по мнению Е. Е. Кузьминовой, отличает ахеменидское искусство данного периода от иконографии предшествующих эпох (Кузьмина, 1979, с. 17). Однако данный признак известен уже в изобразительных памятниках XIII-VII вв. до н. э. Луристана (рис. 2, *4-9*) (Farrokh, 2007, p. 15, Muscarella, 1988, fig. 276, 308). Но наибольшее распространение настоящая манера передачи крыла, безусловно, получила в искусстве ахеменидского Ирана.

В иконографии Семиречья также широко представлены изображения крылатых животных, среди них олени, пантеры, барсы. Крыло в большинстве своем имеет серповидную форму (Акишев, 1978, рис. 62-63, Артамонов, 1973, рис. 43-45, 49) – элемент, как мы уже рассмотрели выше, характерный для переднеазиатского искусства. Однако здесь следует оговорить, что, как правило, форма крыла в иконографии саков Семиречья передавалась посредством изогнутых линий, повторяющих абрис данной части тела животного, в то время как для изображений Передней Азии характерна тщательная проработка, при которой четко обозначаются перья, легко угадывается граница между кроющим и маховым оперением.

Следующее, что обращает внимание, – это хвост семиреченского грифона. Как правило, грифон изображался с кошачьим телом и конечностями, жетытобинский же, как мы видим, имеет птичьи лапы и хвост. Изображения птицехвостых грифонов относительно редки, но всё же встречаются в изобразительных памятниках Передней Азии. Одно из самых первых изображений грифона с птичьим хвостом мы находим на вавилонской печати с изображенной на ней сценой борьбы человека и грифонов, датируемой старовавилонским периодом (рис. 3, *1*) (Pittman, 1987, fig. 35). Грифоны с птичьими хвостами воспроизведены на глиняной табличке среднеассирийского периода, времени правления царя Эриба-Адада I (рис. 3, *2*) (Harper, Klengel-Brandt, Aruz, Benzel, 1995, fig. 27). В произведениях эламского искусства также имеются изображения птицехвостых грифонов. Так, изображение львиноголового грифона с птичьим хвостом мы находим на золотом браслете из гробницы Арьян, обнаруженной у берега реки Марун, относящейся к новоэламскому периоду (рис. 3, *3*) (Potts, 2004, fig. 8, *10*). С птичьим хвостом изображен грифон на одной из блях боевого урартского пояса (Пиотровский, 1959, рис. 71). На нагрудной пластине из Зивие мы также видим птицехвостых грифонов (Руденко, 1961, рис. 31). Изображения синкретических животных с птичьим хвостом известны и в искусстве ахеменидского Ирана, как, например, на табличках, найденных в Персеполе (рис. 3, *4*) (Root, 2002, fig. 5. *3*). С птичьим хвостом изображен львиноголовый грифон на печати из Лидии (рис. 3, *5*) (Boardman, 1970, p. l, *1. 8*).

Другой отличительной чертой грифона из Жетытобе является наличие четырех птичьих лап. Как правило, грифоны изображались с кошачьими конечностями, но, за исключением грифона (дракона?), воспроизведенного на печати периода старовавилонского царства (рис. 3, *6*) (Pittman, 1987, fig. 32), изображения синкретических животных с четырьмя птичьими лапами нам неизвестны. Самое раннее изображение грифона с передними птичьими лапами относится к IV тыс. до н. э. (Канторович, 2010, рис. 4, *1*). Орлиноголовый грифон с задними птичьими лапами изображен на уже упоминавшейся выше печати старовавилонского периода (Pittman, 1987, fig. 35). На одном из кубков, найденном в Марлике и датируемом XI в. до н. э., мы также находим рисунок грифона с задними птичьими лапами. Фантастические существа с задними птичьими лапами стали распространенным сюжетом в ахеменидском искусстве. Их изображения широко представлены в глиптике, торевтике, скульптуре персидской державы. Упомянем классические изображения орлиноголовых грифонов из Персеполя (Herzfeld, 1941, p. 258, fig. 362, Луконин, 1977, с. 33) и львиноголового, украшавших фриз дворца в Сузах (рис. 3, *7*) (Руденко, 1968, рис. 69). Орлиноголовые рогатые грифоны с задними птичьими ногами украшают концы омеговидного браслета из Амударьинского клада (Armbruster, 2005, p. 398, fig. 36.*1*). Из этого же клада происходит золотая бляха с изображением львиноголового грифона, также изображенного с задними птичьими лапами (рис. 3, *8*) (Curtis, 2005, fig. 183). Многочисленные воспроизведения сцены борьбы царя с львиноголовым грифоном с задними птичьими лапами представлены в памятниках монументального искусства. Прежде всего, следует упомянуть прекрасные барельефы, украшающие дворец Дария в Персеполе, изображающие

царя, пронзающего мечом грифона (рис. 3, *9*) (Curtis, Razmjou, 2005, fig. 41-42). Аналогичные либо близкие персепольским сцены представлены в ахеменидской глиптике (рис. 3, *10-13*) (Meadows, 2005, fig. 202, Boardman, 1970, p. l, *4. 93, 97-98*, p. 5, *115*, Kuhrt, 2007, fig. 7.5, Луконин, 1977, с. 87). За пределами империи Ахеменидов изображения грифонов с птичьими лапами известны лишь в Пазарыкских курганах на Алтае (рис. 3, *14*) (Руденко, 1968, рис. 43-44).

Проведенный анализ указывает на то, что иконография жетытобинского грифона нехарактерна для изобразительного искусства семиреченских саков. В регионе неизвестны какие-либо прототипы, которые могли послужить основой для создания образа синкретического существа наподобие того, что изображено на бляхе из Жетытобе. Несмотря на то, что воспроизведения хищных птиц известны в регионе, их отличает наличие мощного, прямого клюва, в то время как у жетытобинского грифона он трактован несколько в иной манере. Клюв у существа из Жетытобе небольшой, крючковатый. Подобная трактовка данной анатомической части хищной птицы сближает его с изображениями синкретических животных, представленных в изобразительных памятниках Передней Азии. Данную черту мы наблюдаем у грифона из Зивие и условно выделенной нами первой группы изображений фантастических животных Ирана VI-IV вв. до н. э. Следующее, что говорит о переднеазиатском влиянии на формирование образа семиреченского грифона, – это трактовка крыльев. Манера воспроизведения крыльев демонстрирует две переднеазиатские изобразительные традиции: первая характерна для искусства доахеменидского времени, вторая же типична для последующего этапа. Несмотря на то, что в иконографии Семиречья широко представлены изображения крылатых животных с серповидной формой крыла, оно передавалась в несколько иной манере, отличной переднеазиатской традиции. Для искусства Передней Азии характерна тщательная проработка, при которой четко обозначаются перья, легко угадывается граница между кроющим и маховым оперением, что мы и видим на жетытобинской бляхе. О переднеазиатском, а если быть точнее, ахеменидском влиянии говорят и птичьи лапы жетытобинского грифона. Как было уже показано, в Передней Азии начиная с IV тысячелетия до н. э. существовала устойчивая традиция изображения грифона с птичьими конечностями, однако своего расцвета она достигает в искусстве Ирана в VI-IV вв. до н. э.

Несмотря на большое число аналогий предмету в изобразительных памятниках Передней Азии, рассматриваемая бляха не представляет собой продукт прямого импорта. Грубая техника изготовления и сильная схематизация изображения говорит о местном производстве предмета. Жетытобинский грифон – несомненно, произведение сакского искусства, но вобравшее в себя очевидные заимствованные черты. Под влиянием переднеазиатского искусства в зверином стиле саков Семиречья появляется новый тип синкретического существа – орлиноголового грифона. Однако данный образ, по всей видимости, был чужд семиреченским сакам и не нашел отражения в их искусстве, в отличие от ряда областей евразийского пояса степей. Некоторый «сумбур» в трактовке отдельных частей грифона, а также «синтез» разновременных элементов, вероятно, говорит о том, что сакский ювелир, имея перед собой разнородные

памятники или когда-то увидев их, скопировал отдельные детали, объединил их, не заботясь об их иконографии.

Что же касается точной датировки предмета из кургана 18, то она затруднена в первую очередь полным разграблением погребения и отсутствием сопровождающего инвентаря. Отдельные элементы изображения жетытобинского грифона, имеющие широкий круг аналогий в изобразительных памятниках Передней Азии, позволяют отнести бляху к VI-IV вв. до н. э. и, возможно, даже к V-IV вв. до н. э. Анализ же погребального обряда свидетельствует о том, что захоронение было совершено в пределах V-III вв. до н. э.

Большие размеры кургана и сложное устройство насыпи говорят о высоком социальном статусе погребенного. Вполне вероятно, что в кургане был захоронен знатный воин, непосредственно побывавший в Передней Азии и видевший «вживую» изображения фантастических животных. Скорее всего, это произошло после того, как земли саков тиграхауда были включены Дарием I в состав Ахеменидского государства. Неся воинскую повинность в армии царя царей, саки активно участвуют во всех конфликтах на стороне Ирана. Античные источники упоминают об успешных действиях сакской конницы в центре армии Дария I в битве против афинян при Марафоне (Доватур, Каллистов, Шишова, 1982, с. 160). Блестяще она проявила себя и в битве при Платеях (Геродот, IX, с. 71). О наличии воинских поселений саков на территории отдаленных сатрапий говорят археологические находки. Так, например, терракотовые статуэтки сакских воинов найдены во многих городах Персидской державы, начиная от Египта и кончая Средней Азией (Дандамаев, 2009, с. 326). Таким образом, саки, участвуя в военных кампаниях ахеменидского Ирана, по возвращений домой служили своего рода ретрансляторами изобразительных традиций Передней Азии в Великую степь.

Литература

Акишев К. А. Курган Иссык. – М.: Искусство, 1978. – 130 с.

Артамонов М. А. Сокровища саков. – М.: Искусство, 1973. – 279 с.

Байпаков К. М., Капекова Г. А., Воякин Д. А., Марьяшев А. Н. Сокровища древнего и средневекового Тараза. – Алматы: Luxe Media Group, 2011. – 620 с.

Геродот. История в девяти книгах. – М.: Ладомир, 1993. – 600 с.

Грязнов М. П. Первый Пазарыкский курган. – Л.: Государственный Эрмитаж, 1950. – 92 с.

Дандамаев М. А. Месопотамия и Иран в VII-IV вв. до н. э. Социальные институты и идеология. - СПб.: Факультет филологии и искусств СПбГУ, 2009. – 512 с.

Доватур А. И., Каллистов Д. П., Шишова И. А. Народы нашей страны в «Истории» Геродота. – М.: Наука, 1982. – 456 с.

Есаян С.А. Доспех Древней Армении. – Ереван: Ереванский университет, 1986. - 88 с.

Канторович А.Р. Истоки и вариации образов грифона и грифоноподобных существ в раннескифском зверином стиле VII-VI вв. до н.э. // Археологический альманах. – 2010. – Вып. 21. – С. 189-225.

Кузьмина Е.Е. Золотая пластина из Амударьинского клада. // КСИА. – 1979. – Вып. 159. – С. 16-21.

Куликан У. Персы и мидяне. Подданные империи Ахеменидов. – М.: Центрполиграф, 2002. – 224 с.

Луконин В. Г. Искусство Древнего Ирана. – М.: Искусство. – 232 с.

Пиотровский Б. Б. Ванское царство (Урарту). – М.: Восточная литература. 1959. – 340 с.

Руденко С. И. Искусство Алтая и Передней Азии (в середине I тыс. до н. э.). – М.: Восточная литература, 1961. – 91 с.

Руденко С. И. Древнейшие в мире художественные ковры и ткани из оледенелых курганов Горного Алтая. – М.: Искусство, 1968. – 136 с.

Статьи в сборнике:

Armbruster B.R. Technological Aspects of Selected Gold Objects in the Oxus Treasure. //The world of Achaemenid Persia. – London, New York, 2005. – P. 397-408.

Boardman J. Pyramidal Stamp Seals in the Persian Empire. // British Institute of Persian Studies. – 1970. – Vol. 8. – P. 19-45.

Kantor H.J. Achaemenid jewelry in the oriental institute. // Near eastern studies. – 1957. – Vol. XVI. – P. 1-23.

Curtis J. Jewellery and personal ornaments. //Forgotten Empire. The world of Ancient Persia. – London, 2005. – P. 132-149.

Curtis J., Razmjou S. The Palace. //Forgotten Empire. The world of Ancient Persia. – London, 2005. – P. 50-103.

Farrokh K. Shadows in the desert. Ancient Persia at war. – New York: Osprey Publishing, 2007. – 324 p.

Herzfeld E.E. Iran in the ancient east. – London, New York: Oxford University, 1941. – 353 p.

Harper O.P., Klengel-Brandt E., Aruz J., Benzel K. Discoveries at Ashur on the Tigris. Assyrian Origins. – New York: Mercantile Printing Company, 1995. – 144 p.

Kuhrt A. The Persian Empire. – London, New York: Taylor & Francis Routledge, 2007. Vol. I. – 465 p.

Meadows A.R. The administration of the Achaemenid empire. //Forgotten Empire. The world of Ancient Persia. – London, 2005. – P. 181-209.

Muscarella O.W. Bronze and Iron: Ancient Near Eastern Artifacts in the Metropolitan Museum of Art. – New York: Metropolitan, 1988 – 509 p.

Pittman H. Ancient Art in Miniature. – New York: Schneidereith & Sons, 1987. – 60 p.

Potts D.T. The Archaeology of Elam. – Cambridge: Cambridge University Press, 2004. – 522 p.

Root M.C. A History of the Animal World in the Ancient Near East. – Brill; Leiden; Boston; Koln: Netherlands, 2002. – P. 169-210.

Simpson St.J. The roual table. //Forgotten Empire. The world of Ancient Persia. – London, 2005. – P. 104-132.

Tallis N. Transport and warfare. //Forgotten Empire. The world of Ancient Persia. – London, 2005. – P. 210-235.

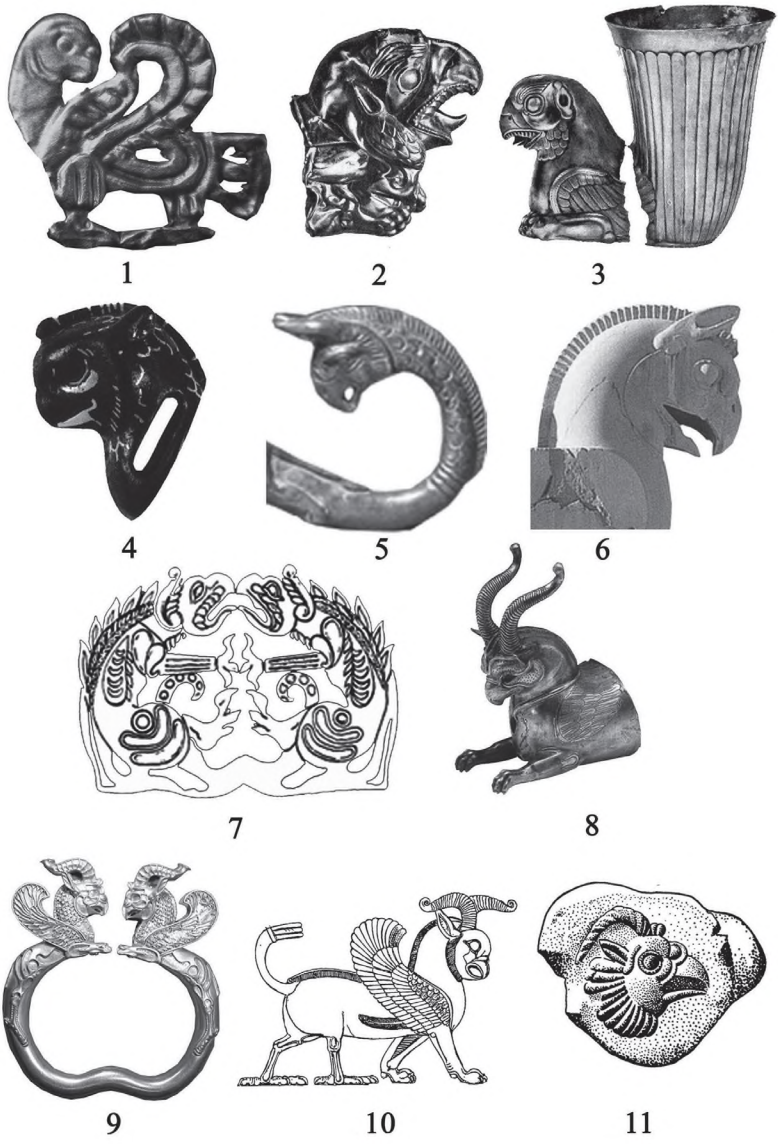

Рис. 1. Изображения «короткоклювых» грифонов.
1 – бляха из Жетытобе (Семиречье); 2 – атташ котла из Зивие (Курдистан); 3 – ритон (северо-западный Иран); 4 – распределитель ремня (Иран); 5 – навершие держала ложки (Иран); 6 – капитель колонны (Персеполь, Иран); 7 – изображение на медной пластине (Пазарык, Алтай); 8 – ритон (восточная Турция); 9 – браслет (Амударьинский клад, Таджикистан); 10 – изображение на шиферной плитке (Персеполь, Иран); 11 – булла (Ур, Иран)

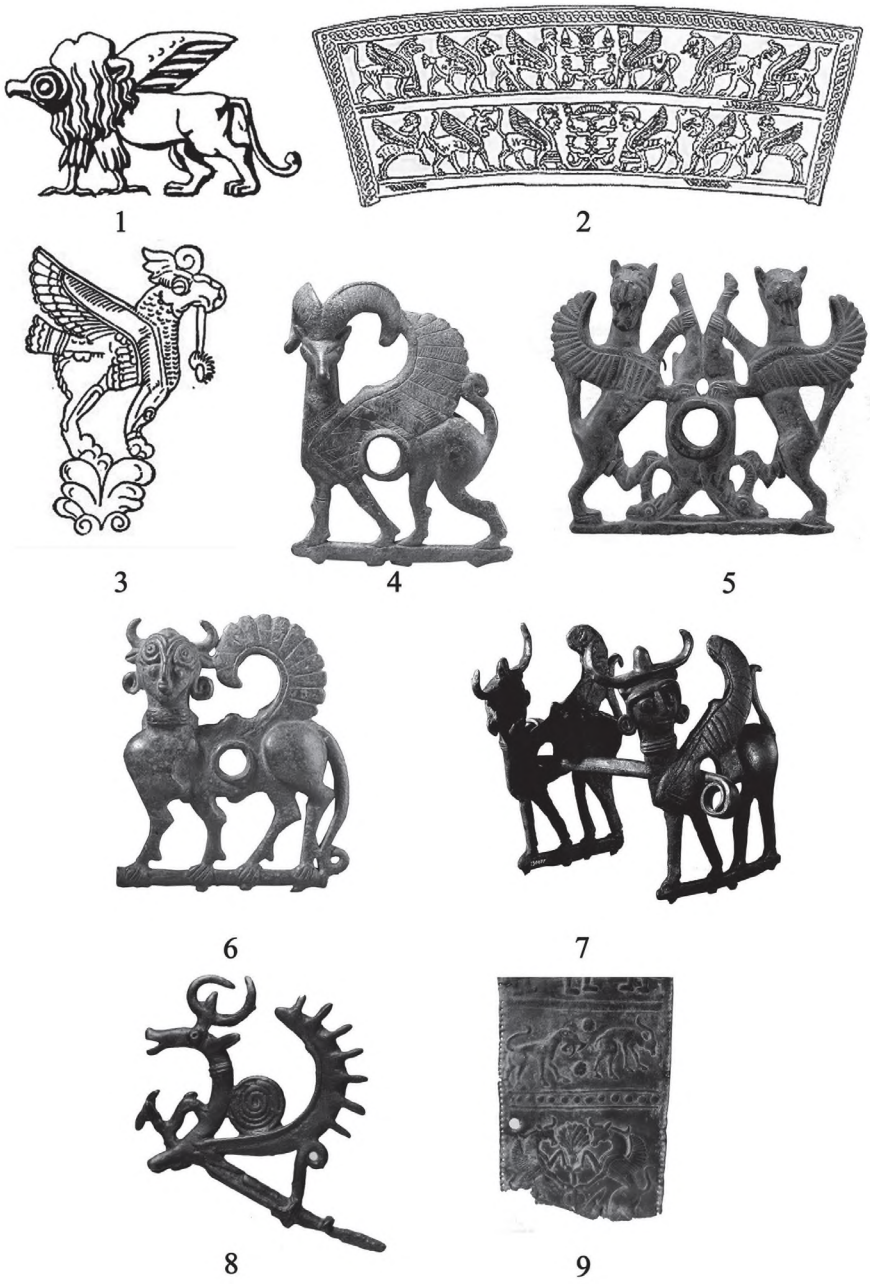

Рис. 2. Изображения грифонов с прямым и серповидным крылом.
1 – изображение на печати (Сузы, Иран); 2 – нагрудная пластина (Зивие, Иран);
3 – изображение на поясной бляхе (Армения); 4-8 – предметы конской узды
(Луристан, Иран); 9 – пластина (Луристан, Иран)

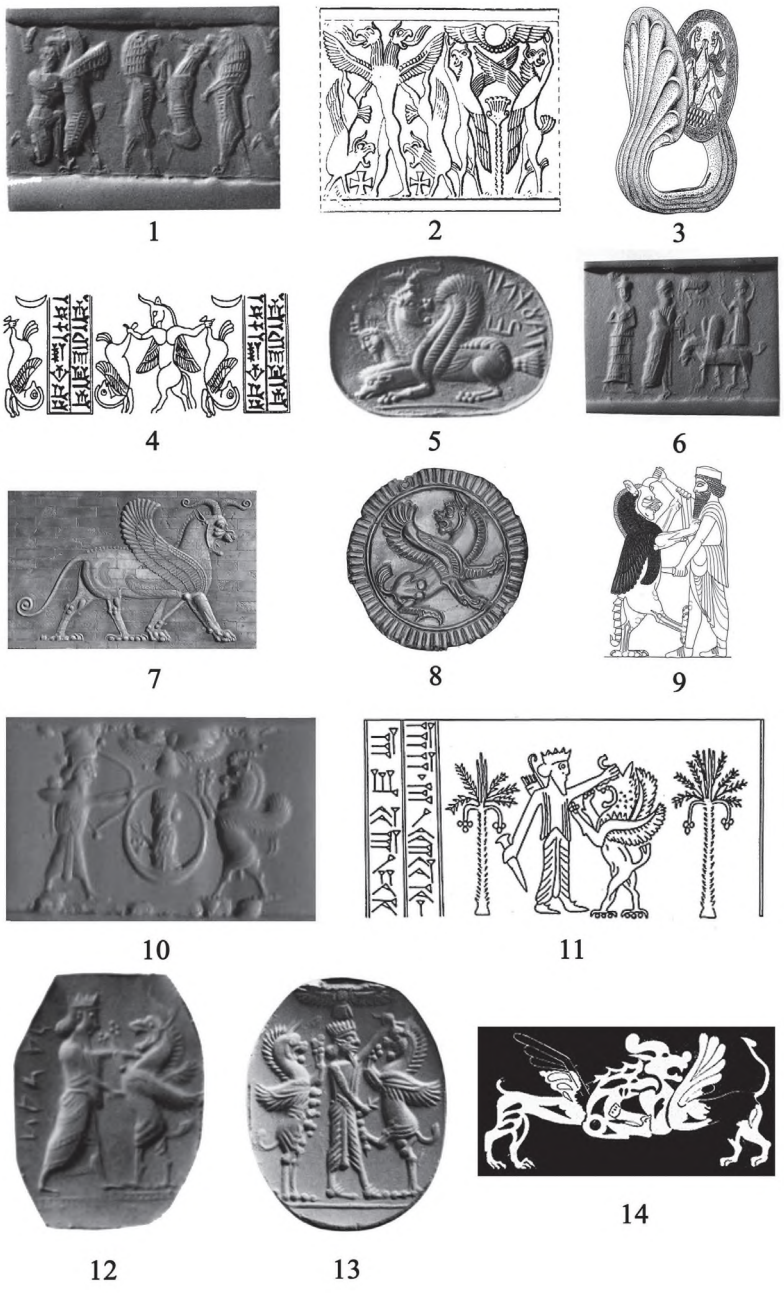

Рис. 3. Изображения птицехвостых и птиценогих грифонов.
1 – изображение на печати (Вавилон); 2 – глиняная табличка (Ассирия); 3 – браслет (Арьян, Иран); 4 – глиняная табличка (Персеполь, Иран); 5 – печать (Иран); 6 – печать (Вавилон); 7 – изображение на фризе дворца в Сузах (Иран); 8 – бляха (Амударьинский клад, Таджикистан); 9 – барельеф дворца в Персеполе (Иран); 10-13 – печати (Иран); 14 – медная пластина (Пазарык, Алтай)

Әубәкір А.

Әл-Фараби атындағы Қазақ Ұлттық университеті, Алматы қ., Қазақстан

КӨНЕ ТҮРІК ДӘУІРІ ҒҰРЫПТЫҚ КЕШЕНДЕРІНІҢ ЭТНОСЕМАНТИКАСЫНЫҢ КЕЙБІР СЫРЛАРЫ ЖАЙЫНДА

Қазақстанның кез келген аймағынан үлкенді-кішілі ғұрыптық кешендер және олардың басты атрибуттары тасмүсіндер (көне түрікшесі бәдіздер) жиі кездеседі. Дегенмен, культтік кешендер Орталық Қазақстанда молынан ұшырасады. Академик Әлкей Марғұланның айтуынша, тас мүсіндер Торғай өзені мен Ұлытау төңірегінен бастап, бүкіл Сарыарқаның жонымен күншығысқа қарай созылып, Алтай, Тарбағатай тауларына барып тіреледі. Оңтүстікте тас мүсіннің көбірек кездесетін жері Қаратаудың екі жақ бөктері, Бурылтау, Талас тауларының жазық іргесі, Алатаудың жазық алаңдары. Тас мүсіндер таулы өлкелердің жазық алаңдарында, өзен-судың (Талас, Шу өзендері) бойында кездесетіндігі анықталған. Тау мен су көшпелі қауым үшін қасиетті ұғымды білдірді, сонымен қатар, тау баурайында мүсін жасауға тау-тас керек болады. Расында да, зерттеу жұмысымыздың барысында, ғұрыптық кешендер негізінен тау немесе шатқал баурайында, өзен немесе терең арық бойында, ат шаптырып, ас беруге қолайлы жазық алаңқайда орналасатындығын аңғардық.

«Орталық Қазақстандағы тас мүсіндердің топографиялық орналасуында бірталай өзгешелік бар. Олар көбінесе қола дәуірінің ескерткіштері сақталған жерлермен қанаттас сақталып отырады. Қай жерде қола дәуірінің тас шарбағы кездессе, соның қасынан Түрік қағандығы кезінде орнатылған тасшарбақтар мен тасмүсіндер қатар тұрады. Атасу, Қарқаралы, Беғазы, Баянауыл тауларында сақталған тас мүсіндердің көпшілігі осы түрде кездеседі. Бұл, әрине, Түрік қағандығы кезінде жасалған тас шарбақ пен тас мүсіндердің қалыптасып өркендеуіне қола дәуірінің тастан жасалған ескерткіштері зор әсер еткенін көрсетеді» дейді Ә. Х. Марғұлан (Маргулан, 2003, 50 б.). Расында, қола дәуірі ғана емес, кейінгі сақтардың, сарматтардың, ғұндардың обалары мен қорғандарында көне түрік дәуірінің ескерткіштері көптеп кездесетіндігі қайран қалдырады. Бұдан шығатын қорытынды, түрік дәуірінің көшпелі қауым өкілдері өздерінің байырғы ата-бабаларының жатқан жерін білуі, ата-бабалары жатқан жерге өздерінің де жерленуін қалауы бек мүмкін. Жоғарыда атап өтілгендей, табиғаттың тамаша жерлері қасиетті ретінде балануынан бөлек, аруақтар мекені болғандықтан да ғұрыптық кешен орналасқан жердің киелі орын ретінде ұлықталуы заңды құбылыс.

«Орталық Қазақстандағы тас мүсіндер қашан да болсын таулы бұйраттардың шығысқа қарай көсіліп жатқан жазық алаңында немесе өзен аңғарларының тау жақ етегінде кездеседі. Мұндай алаңдар ежелгі мал өсіруші тайпалардың қызықтап әуестеген жерлері болған. Халықтың ұлы мерекесі, өлген адамына ас беру, ат шаптыру, балуан күрестіру қашан да сондай жазық алаңда өткізілетін

болған. Сондықтан, ондай жерлер халық аңызынан белгілі орын алып, ел есінде сақталатын, тарихи – шарбақ тас, мүсін тастар тұрғызылып отырған.

Сыртқы құрылысы бойынша тас мүсіндер екі түрде кездеседі: бір тобы граниттен жасалған төртбұрышты тас шарбақтың күншығыс жиегінде, екінші тобы үйген тас обалардың күншығыс жақ етегінде. Тас мүсіндердің бұлай кездесуі екі түрлі дәуірді көрсетеді: бірінші тобы VI-VIII ғасырлардағы Түрік қағандығы кезіндегі жұртшылық салтымен байланысты болса, екіңші тобы VII-XIII ғасырлардағы Орталық Қазақстанды мекендеген Қыпшақ тайпаларынан қалған ескерткіш екенін білдіреді» дейді Әлкей Хақанұлы Марғұлан.

Шынымен-ақ, тас мүсіндердің әр дәуірде әртүрлі жасалуы өте заңды нәрсе. Дегенмен, олардың негізгі ортақ белгілерінің бірі – күншығысқа қаратылғаны. «Тегінде мұндай тас мүсіндер әрбір өлген адамның ескерткіші ретінде орнатылған, сондықтан олардың әр қайсысы әрбір өлген адамның келбетін бейнелейді деуге болады. Бұл сияқты жеке адамның келбетін бейнелейтін мүсіндер орхон жазуларында бәдіз деп аталған. Әрбір мүсінтас тұрған шарбақтардан шығысқа қарай созылып тік орнатылған тас бағаналардың тізбектері тұрады, оларды Орхан жазуларында балбал деген» деп академик Ә. Х. Марғұлан ең алғашқылардың бірі болып балбал мен бәдіздің аражігін айырып беріп отыр. Осы күнге дейін Қазақстан аумағында бәдіз тастарды балбал деп қате атау үрдісі қалыптасқан. Осы күнге дейін көптеген ғалымдар балбал тастардың функцияын түрліше жорамалдап, әр тарапқа тартып келеді. Академик Әлкей Марғұлан осыдан 70 жылдай бұрын бұл мәселеге түйінді шешімін айтып кеткен екен. Ол кісі: «Батырлар мен қолбасы көсемдер мүсіндерінің алдында самаладай тізіліп, балбалдар қатары суреттеледі. Ондай балбалдар саны кейде 200-ге дейін жетеді (Қазақстан аумағы бойынша 200-ге дейін жеткен балбалдар тізбегі анықталған, Моңғолияда 3 шақырымға созылатын 1000-дай балбалдар тізбегі болған – А. Ә.) Халық аузында сақталған тарихи аңыздар бойынша, ас беру тойына әрбір тайпалардың елшілері қатынасып, өлген адамның басына ескерткішті бірлесе отырып орнатқан, әр тайпаның өкілі салт бойынша бір-бір тастан қоятын болған. Демек, балбал тізбегінде қанша бағана тас болса, ол оны орнатуға қанша ру, қанша тайпа қатынасқанын көрсетеді. Әрбір тайпа өкілдері, әсіресе, атақты, не беделді адамдарының басына ескерткіш орнатуда көбірек жиналатын болған. Олардың көпшілігі құрмет көрсету үшін келсе, кейбіреулері бағыну белгісін білдіруге келген. Тас бағаналар тізбегінде мықты ұлыстар орнатқан балбалдар қашан да құрметті орында тұрады, демек, тарихи адамның портрет мүсініне жақын тұрады» деп балбалдар тізбегінің қызметін айтқан. Одан бөлек, ол кісі «Орхон жазуларындағы деректер бойынша Түрік қағандығының шарбақтарындағы бас балбалдар көбінесе қырғыз бен тардүш тайпаларынікі. Бұлар ол кезде ең мықты тайпалардан саналған» деп бас балбалдың өте маңызды адамның қоятындығы айтып өткен (Марғұлан, 1966, 8-56 бб.).

Әлкей Марғұланның айтуынша, түрік дәуірінен қалған тас мүсіндердің ерекшелігі, олар қашанда әскери қарулармен (қылыш, қанжар, жорық белбеу), құты сауытпен бірге суреттеліп отырады. Қолбасы алыптар не батырлар құты сауытын әдетте оң қолымен көтеріп, сол қолымен белбеуіне сүйеніп не

қылыштың сабын ұстап тұрады. Хан, бек, биге арнаған мүсіндерді шеберліктің бір талай жоғарғы сатысына жеткізіп, олардың айбынды, байсалды сазығыр түрін жақсылап келтірген. Оларға тән ерекшелік басындағы алтын айдары, құлағындағы сырғасы, қолындағы аса таяғы, беліндегі кісесі. Көне дәуірдің безеушілері бұл айтқан тәптіштерді аса қадағалап, көңіл күйінің шалқуымен келістіре безеген (Марғұлан, 1979).

Ғұрыптық кешендердің даралық сипатының қалыптасуы аруақты құрметтеу танымымен тікелей байланысты. Б. з. д. V мыңжылдық тарихы бар, бәлкім, одан әрі кететін тастағы петроглифтер, таңбалар, идеограммалар, пиктограммалар Ұлы түрік даласындағы қасиетті таулардан көптеп кездеседі. Мұндай киелі орындар оңғанға (аруаққа) құрбандық шалып, ас беретін, Тәңірге мінәжат ететін жер ретінде қарастырылатындығын жоғарыда сөз еттік. Мысалы, Алматы облысындағы Таңбалы шатқалында күн дидарлы Тәңір бейнесі, құрбандық шалып, Тәңірге табыну рәсімі тәрізді көріністер айқын сақталған. Тасқа таңбалар мен бейнелерді түсірудің өзі абыздардың (бақсылардың) қасиетті борышы болғандығын ескерсек, сонда абыз-бақсылардың рухани дәрежесінің беймәлім бір қыры да ашыла түседі. Кейіннен абыздардың тасқа таңба салу өнері кемелденіп, бәдіздік (тасмүсін) және қолданбалы бұйымдардағы ең жоғары деңгейдегі шеберлікке ұласқанын бағамдаймыз. Академик Әлкей Марғұлан қазақ ғалымдарының ішінде алғашқылардың бірі болып Сарыарқадағы петроглифтерді зерттеп, топтастырып жинақ ретінде шығарған еді. Кейінгі кезде жартас суреттерімен жүйелі шұғылданып жүрген ғалымдарымыздың бірі – Зейнолла Самашев. Археолог Зейнолла Самашев «Петроглифы Казахстана» атты еңбегінде былай дейді: «на горно-степных просторах Казахстана выявлены местнахождений петроглифов, десятки из которых представляют собой поистине древние святилища – долговременно функционировавшие сакральные центры сосредоточения духовной культуры человеческих сообществ. В этих своеобразных храмах под открытым небом, где благодаря наличию комплекса почитаемых объектов – скал с пригодными для нанесения рисунков, водных источников, жертвенных площадок и т. д., совершались различные культово-мистериальные действия, приуроченные, вероятно, к важнейшим событям календарного или иного цикла в жизни конкретных социумов и связанные с их религиозно-мифологическими представлениями». Оның айтуынша, қазақ жеріндегі Ешкіөлмес, Баян Жүрек, Тамғалы, Құлжабасы, Сауысқандық, Арпаөзен, Қасқабұлақ, Қызылшын, Тектұрмас тәрізді таңбалы тастар кешені – бағы бабаларымыздың тәу ететін дала ғибадатханалары. Қазақ жеріндегі мұндай далалық ғибадатханалардың ең ерте уақытқа тәні саусақпен санарлық. Атап айтсақ, олар: Ақтау қаласы маңындағы Қоскұдық I, Қоскұдық II кешендері, Ақтөбе облысына қарасты Шалқар ауданындағы Төлеубұлақ таңбалы үңгірлік кешені және Павлодар облысының Екібастұз ауданындағы Өлеңті шатқалы. Өлеңті кешенінің түбінде XIX-XX ғасырға дейін адамдар жерленген қазақ зираттарының болуы – бұл маңның мұндайға дейін қасиеттілік нышаны туралы түсініктің жойылмағандығын білдіретін тәрізді. Ас беруге, ат шап-

тырып, үй тігуге қолайлы жазық дала, үш әлемді (жоғарғы, ортаңғы, төменгі) біріктіруші заңғар тау, тау жыныстарынан сүзіліп шығып тазаланған, өзі де мәңгілік тазалықтың белгісі, тіршіліктің нәрі – өзен, тарылған тынысқа оттегін беріп, сая болар қасиетті ағаш – бұлардың бәрі де мыңжылдықтар бойы ғұрыптық кешендердің өзгермей, баз қалпынан еш айнымай келе жатқан «сыртқы құрылымдары». Тау шатқалдарындағы таңбалы ғибадатханалардан да біз әлгіндей ерекшелікті аңғарамыз. Қазақ жеріндегі таңбалы тастардың ең ерте уақыты жөнінде белгілі археолог Зейнолла Самашевтың пікірі мынаған саяды: «Предположительное самые ранние символические знаки на наклонных площадках низких гротов-навесов могли появиться в мезолите, может быть, и еще раньше – в палолите, но не позже эпохи неолита» (Самазев, 2006). Ғалымның сөзінен көріп отырғанымыздай, тас дәуіріндегі адамзаттың алғашқы дүниетаным ошақтарының бірі қазақ жерінен табылып жатқандығы ұлттық мақтаныш сезімін тудыруы тиіс-ақ.

Геродот «сақтар жерінде адам табынатын тасқа түсірілген Тәңірінің табан ізі бар» деген. Расында, ондай тасқа түскен із Ұлытауда, Сарысу бойында, Теректі әулие тасында, Арғанаты тасында кездеседі. Бируни мен Казнивидің хабарлауынша, ондай тасқа түсірілген адам ізі қыпшақ пен Оғыз дәуірінде ерекше орын алады. Таңбалы тау шатқалдарында түрлі тайпалардың таңбаларының кездесуі – нақ сол жерде түрлі тайпалардың бас қосқандығын, олардың әртүрлі діни әрі ғұрыптық рәсімдердің бірлесіп атқарғандығын топшылауға жол ашады. Таңбалы тастардағы ру-таңба белгілері үлкен идеологиялық мәнге ие. Таңбалар рулардың ерекшеліктері, өзара туыстығы және тағы басқа мәселелерді анықтауға жәрдемдеседі (Самашев, Базылхан, Самашев, 2010. 167 б.) «…Таңбалы тас көшпелі дала руларының бірлік-пәтуасына айғақ, тұтастығына белгі, ант беріп ауыз біріктірген орыны екенін аңғартады. Жай аңғартып қоймайды, далалық көшпелі рулардың ерте заманда-ақ топтасып біріге бастағаны, ел болып бас құрағаны көрінеді» дейді этнограф Ақселеу Сейдімбек «Қазақ әлемі» атты еңбегінде. Ғұрыптық рәсімдердің көрінісі антикалық дәуірдегі алтын, қола және темірден жасалған, ағаштан оюалған тұрмыстық заттарда, әшекейлерде, марқұмды жерлеу және еске алу кешендерінде кеңінен орын алды. Ежелгі түркілердің ең жоғары құдіреті көк аспандағы Тәңір болып табылады. Байырғы тайпалардың көсемдері, қағандары тәңіртекті делініп, көктің ұлы саналған. Археолог Әбдеш Төлеубаев «Тәңірге табынудың тамыры өте ерте замандардан келе жатыр. Аспан құдайын білдіретін Тәңір сөзінің «дингир» (тнгр) формасында сонау шумерлер заманынан келе жатқандығын ескеретін болсақ, онда Тәңір құдайына сену кем дегенде 5-6 мың жыл бұрын пайда болған діни жүйе» дейді (Сейдімбек, 1997). Ғалымның бұл пайымдауына жоғарыда атап өткен таңбалы тастардағы Тәңір бейнелері мен зооморфты жануарлар бейнесін қосыңыз. Табиғат аясында өмір сүріп, көк пен жердің, тау мен тастың, су мен нудың (ағаштың) қадірін түсінген ата-бабаларымыз күнді тіршіліктің көзі ғана емес, Тәңірдің жердегі белгісі, көзге көрінетін бейнесі деп таныған секілді. Бұл наным бойынша Көк Тәңірі көзге көрінбейді, алайда өзінің Күн тәрізді

құдіреті арқылы адамдарға, жан-жануарларға жылу, өмір сыйлайды. Адам баласы әуелі табиғат құбылыстарына қайран қалады. Осы орайда Шоқан Уәлиханов мысалға келтірген «Табыну – таңданудың аса биік түрі» деген Карлейльдің сөзі орынды-ақ (Дәуренбеков, Тұрсынов, 1993, 20-53 бб.). Табиғат құбылыстары зерттеліп қорытынды жасалады, сөйтіп, мыңжылдықтар бойы табиғаттың тынысынан білім алады. Сөйтіп, оны қажетіне жаратады. Еуразия кеңістігіндегі ежелгі көшпелі және жартылай көшпелі түрік тайпаларында Күннің культі өте ертеден басталады. Қола дәуіріндегі жерлеу орындарының үстіне салынған дөңгелек қоршаулар, сақтардың «мұртты» обаларының есіктерінің шығысқа қаратылып қойылуы мен кейінгі түрік даласындағы мүсінтастардың күншығысқа қаратылып тұрғызылуы, мұндаға дейінгі қазақ даласындағы киіз үйлердің есігінің шығысқа қаратылып тігілуі арасында үлкен сабақтастық жатыр. Есік обасынан табылған күн дидарлы алғашқы алтын адамның да киімі қызыл және сары түстен болса, алтыннан құйылған жапсырмаларындағы зооморфты образдар – аң-құс бейнесіндегі киелі күштер орын алған. Алтын адамның тәжінің, алтын дулығасының артқы жағында тау басындағы арһар бейнесі құйылып, бас киімге жапсырылған. Сақтардан да, Қос өзен (Тигр мен Ефрат) аралағындағы мәдениет иелері шумерлерден бұғы, арһар бейнелі өнер туындылары көптеп ұшырасады. Шумерлерде тіпті жартылай адам, жартылай бұғы кейіпті ғажайып өнер туындылары ертедегі танымнан хабар береді. Ең ерте дәуірдегі петроглифтер санатындағы Өлеңті таңбалы шатқалында көркем бейнеленген бұғы бейнесін ұшыратамыз. Таңбалы тастардағы құрбандық шалу, аңшылық және басқа ғұрыптық дәстүрлер көріністерінде ең көп кездесетін де – бұғы, арһар бейнелері екендігі ойландырады. 629 жылы Мың бұлақта (Меркіде) буддалық монах Сюань-цзян болған. Ол: «Цянь-цюань елді мекені 200 ли аумақты алып жатыр, оңтүстігінде басын қар шалған тау, қалған үш жағында теп-тегіс дала жатыр. Мұнда жер дымқыл, тоғайы қалың, көктем айларында, гүлдері безендірілген жібек мата секілді. Бұлақтардың саны мыңға жетеді. Сондықтан, ол жер осындай атауға ие. Әрі онда көл бар. Түрік қағаны жыл сайын осында келіп жазғы ыстықтан паналайды. Бұл жерде бұғылардың саны көп, олардың біразының мойнына қоңыраулар тағылып безендірілген. Бұғылар адамдарға көндігіп кеткені соншалықты, олар үркіп қашпайды. Түрік қағаны бұғыларды жақсы көргендіктен, оларды өлтіруге тыйым салған. Бұғыны өлтіргендер кешірілместен жазаланады. Осыған орай бұғылар табыны сақталып тұрған» деді. Бұғыларға зияндық істеуге тыйым салынудың себебі, көне генеалогиялық түсінікке сәйкес бұғылар киелі саналған. Көне наным бойынша бұғы сәуле шашқан мүйізімен Күнді алып жүреді және түрік қағандары бұғыдан тарайды деген де наным болған көрінеді.

Ежелгі ғұн дәуірі, Көк түріктердің заманы, тіпті кейінгі Моңғол империясына дейінгі түрік жұртының қағандары таққа отырып, ел басқарған орталығы Орхон бойындағы жазиралы кең алқап, бүгінгі Моңғолия аумағы екендігі баршаға мәлім. Осынау дүниенің төрт тарабына құлаш созған империяның астанасында киіз туырлықты жұрттың классикалық үлгідегі Тәңірге, киелі рухтарға,

ата-баба ардағына табыну кешендері өмірге келген еді. Мұндағы қағандарға, билеуші тап өкілдеріне арналған ғұрыптық кешендердің құрылымы (бәдізтас, қорған, барық, бақатас, қойтас, бітіктас және т. б.), семантикалық мән-мазмұны, қорғау және сақтау, қайта қалпына келтіру мәселелері толықтай шешімін тапты деп айту әлі ерте. Дегенмен, бұл тарапта тың ізденістер мен ғылыми жаңалықтар, қызықты болжамдар да баршылық (Самашев, Базылхан, Баяр, 2009, 30-39 б.). Көшпелі ата-бабаларымызға тиесілі ғұрыптық кешендердің классикалық нұсқасы Түрік қағандығы дәуіріне тән екендігін баса айтуымыз керек.

Ерте антикалық дәуірдегі зооморфты дүниетаным Түрік қағандығы кезіндегі ғұрыптық кешендерден де жеткілікті дәрежеде көрініс табады. Сақтардың әлемге танылған «аң стилінің» сабақтастығы VI-VIII ғасырлардағы ғұрыптық кешендерден де байқалады. Қазіргі Моңғолиядағы Түрік қағандығының астанасы болған Өтукендегі қағандарға арнап салынған ғұрыптық кешендердегі тасбақа, арыстан, қой тәрізді мүсіндермен қатар, тауешкі таңбасы, Күлтегін ұстанындағы құс бейнесі және тағы басқа зооморфты кескіндер ғалымдар тарапынан зерттелу үстінде. Алайда, ғалымдар тарапынан бұл зооморфты бейнелердің тамыры тым тереңде жатқандығына жеткілікті дәрежеде көңіл бөлінбей келеді. Білге қаған, Күлтегіндердің әулеттік таңбасы – тауешкі (Самазев З., 2006). Сақтар дәуірінде көп бейненленетін арһар мен бұғы да, кейінгі қағандардың әулеттік, бәлкім, рулық таңбасы тауешкі де тауды мекендейтін аңдар санатынан болып табылады. Шатқал, үңгірлердегі петроглифтерден соң ерте дәуірлерге жататын ғұрыптық кешендердің маңызды бір түрі – бұғытас кешені. Өте ыждаһаттылықпен әрі аса үлкен шеберлікпен салынған бағаналардағы бұғы бейнелері – бүгінгі оюөрнектердің де бастауы тәрізді. «В Центральный Азии «оленные» камни появляются в самом начале 1 тыс. до н. э. и по стилистическим особенностям, сделанным на них изображениям, генетически связаны с культурами эпохи бронзы этого региона. Особенно их много в Монголии, где их зафексировано более 500 экземпляров. Здесь «оленные» камни встречены как в погребальных, так и в поминальных комплексах. Значительно меньше их в Забайкалье, Тыве, Алтае и Казахстане и совсем единицы обнаружены в Северном Причерноморье. Они антропоморфны и, даже если изображение лица человека и пояса со всеми атрибутами на этих столбообразных камнях порой чрезвычайно схематичны или же вообще отсутствуют, но как раз «оленные» камни могут помочь восстановить духовную культуру прошлого» (Президенттік мәдениет орталығы, 2008, 134-146 бб.). деп Н. Боковенко бұғытастың миссиясын тура айқындап жазып отыр. Қола дәуіріне тән бұғытастар Қазақстан жерінде сирек кездесетіндігі турасында айтқан Н. Боденконың пікірін жоғарыда келтірдік. Адамзаттық өнердің және дүниетанымның бастапқы қалыптасу кезеңінде қола дәуірі үлкен рөл атқарады. Қол дәуіріндегі Қазақстан аумағында ең белгілі табыну кешенінің бірі «Беғазы-Дәндібай мәдениеті» деген атпен белгілі. Әлкей Хақанұлы Марғұлан бұл ескерткіштер кешенін зерттеуге ыждаһатты көңіл бөлген болатын (Марғұлан, 1979. Академиктың сұрыптаған материалдары негізінде Беғазы-Дәндібай мәдениеті мен Моңғолия жерінде жиі кездесетін бұғытас кешен-

дерінің өзара ұқсатықты аңғаруға болады. Мысалы, бұғытастар да, Орталық Қазақстандағы жалпақ бағана тастарда да (тастың ең жоғарғы бөлігінде) күн, ай белгілері ұшырасады. Бұл Еуразия кеңістігіндегі көшпелі тайпалардың ортақ дүниетаным негізінде дамығандығын айғақтай түсетін жайт.

М. П. Грязнованың айтуынша, далалық эпостар, аңыз-әңгімелер, батырлардың ерлігін жырға қосу көшпелі қоғамда екі түрлі өнердің үлгісін өмірге әкелді. Олар: зооморфты және антропоморфты. Расында, бұғы тастардан уақыт өте келе зооморфты сипаттан ақырындап антропоморфты үлгіге ауысу процесі аңғарылады. Бұғы тастар кейінгі дәуірлерде марқұмның бет-пішіні, дене сұлбасы кескінделетін бәдіз тасқа ауысқанын көреміз.

Бұғының тауды мекендейтін аң екендігі белгілі. Ежелгі түрік тайпалары тау мен алып ағашты ежелден қасиетті деп білген. Обалардың, баскиімдердің, ошақтардың (күннен негіз алған от культі бөлек тақырыптың жүгі), баспаналардың (жылжымалы күйме, киіз үй) және тағы басқалардың тау сипатты (күн бейнесімен де ұқсастық аңғарылады) болып келуінің мәнісі тауды қасиетті деп санағандығында болса керек. Тау іспетті шоқтеректің (байтерек) киеліге телінуі бекерден бекер емес. Жер асты, жер үсті, көк аспанды байланыстырушы тау және шоқтерек (алып ағаш) көк түріктер дүниетанымы бойынша құрметті орынға ие екендігі туралы қытай жылнамашылары да мол деректер жазып қалдырған. «Моңғолдың құпия шежіресінде» Шыңғыс хан бастаған топтың кезекті бір жеңістен кейін әулие ағаштың түбінде аяқтары талғанша, аяққиімдері жерге желінгенше билегендері жазылады.

Бұдан бөлек, шумерлердің де, сақтардың да ескерткіштерінде киелі ағаш кескіндері өте жиі көрініс табады. Этнограф Қалиолла Ахметжан қаружарақтардың құрылысын, ою-өрнектерін жасауда «өмір ағашы» танымы қолданылатыны туралы жазады. «Бұл көне түсінік бойынша әлем үш бөлікті тік, төрт бөлікті көлденең құрылымдардан тұрады. Тік бағытта (вертикаль) әлем үш қабаттан: жоғары (аспан, құдіретті күштер дүниесі), ортаңғы (жер беті, адамдар, жануарлар) және төменгі (жер асты, жер асты тіршілік иелері) дүниелерден құралады. Көлденең бойынша әлем төрт бөлікке: дүниенің төрт тарабына бөлінеді. Бұл әлем бейнесінің тернарлық құрылымы көшпелі халықтарда өте ерте дәуірлерде пайда болған, үш бөлікті космостық моделді скиф-сақтардың мифологиясында кездестіреміз. Мифологиялық космостың кеңістіктік-уақыттық моделі оның бел ортасы саналатын, үш дүниені бойлай өтетін әлемнің осі (кіндігі) арқылы бекітіледі. Көне мифтерде осы кіндік сызықты белгілейтін бірнеше рәміздер қалыптасты» дейді Қ. Ахметжан. Осы символдардың негізгісі – «әлем ағашы», «өмір ағашы» бейнесі. Бұл ағаш әлемнің үш дүниесін, төрт тарабын жалғастырып тұрады деп түсіндірлді. Әрмен қарай Қ. Ахметжан былайша сөз қозғайды: «Әлемдік ағаш «бәйтерек» дүниенің сакальды центрінде (кіндігінде) орналасқан да, үш дүниені жалғастыра тік жоғары бағытталған. Сондықтан, дәстүрлі дүниетанымда тік бағытталған заттардың бәрі сакральды болып, әлем ағашына изоморфты (ұқсас бейне) болады да, тік тұрған заттың бәрі (өсіп тұрған

ағаш, діңгек, адалбақан, бақан, адам денесі және тағы басқалар) әлем ағашының алломорфты рәміз саналды. Ағаш сапқа орнатылып тік бағытталған қару да дәстүрлі мәдениетте әлемдік ағаштың символына айналып, ол да әлемдік ағаш сияқты медиативтік функциясын атқаратын. Сондықтан, қарудың (әсіресе, айбалта, найза, күрзі сияқты ғұрыптық мәнде қолданылатын қарулардың) басындағы өрнектер – «әлем ағашы, өмір ағашы» өрнегінің түрлі варинаттары. Қарудың сабы да «әлем ағашының» діңі ретінде (сап көбіне ағаштан жасалады) сол мәндес өрнекпен әшекейленген» (Ахметжан, 2006. 56-60 бб.). Бұл пікірге өз тарапымыздан қосарымыз, билеушілердің және бақсылардың қолындағы асатаяқ та «әлем ағашының» кішірейтілген моделі екені түсінікті. Үш әлемге билік жүргізетін қаған да, үш әлемнің тылсымын ұғатын бақсы да аса таяқ ұстауға құқылы саналған тәрізді. Бақсылардың жындарды бағындыратындығын, рухтармен тілдестіндігін есіңізге алыңыз.

«При зачистке почвы вокруг могильной ямы одного из курганов рабочий-землекоп приподнял лежавшую в земле небольшую каменную плитку, и под ней сверкнули золотые горлышки какой-то посуды. Расчистив землю вокруг них, мы обнаружили, что здесь, в специально выкопанной ямке (размером 30х30 и глубиной 25 сантиметров), были поставлены на серебряном блюде четыре золотых сосуда».

Л. А. Евтюхова Оңтүстік Сібірден құпия қоймалардың ондағы алтын ыдыстар табылғандығын жазады. Оның «Южная Сибирь в древности» атты еңбегінде былай делінеді: «Продолжая зачистку почвы по соседству с тайником, мы обнаружили ещё один тайник в такой же ямке. В нем лежало сильно помятое, согнутое пополам золотое блюдо и завёрнутые в войлок украшения поясного набора и конской сбруи из золота, бронзы и серебра. Надо сказать, что совсем рядом с последним тайником проходил грабительский подкоп в могильную яму; если бы он прошёл на 20 сантиметров левее, то мы уже не нашли бы лежавшие здесь замечательные вещи. Внимательное изучение почвы под курганной насыпью привело нас к новому открытию тайников в другом кургане, где также в стороне от могильных ям были обнаружены два тайника с ценными вещами. Открытые в тайниках вещи впервые знакомят нас с выдающимися образцами художественного производства из металла, сделанными руками местных кыргызских мастеров. Рассмотрим эти находки. В первом тайнике, как сказано выше, мы нашли четыре золотых сосуда. Один из них в форме узкогорлой бутылки с крышкой, весом 593 грамма, имеет одинаковую форму с глиняными сосудами, найденными прежде в других кыргызских чаатасах. Этот сосуд особенно ценен тем, что на дне имеет процарапанную древнетюркскую надпись на орхоно-енисейском алфавите. Она и следующая за ней прочитаны С. В. Киселёвым и в переводе означают: «Бэгское серебро мы дали». На другом золотом гладком сосуде в форме кувшинчика местного производства есть такая же надпись, гласящая: «Золото… дар Ача». Обе эти надписи чрезвычайно интересны, так как вскрывают данническое, зависимое положение народа от аристократии» (Евтюхова, 1952. 71-120 бб.). Келтірілген мысалдан оқып отырғаны отырғанымыздай, алтын ыдыстардағы жазулар бұл

«құпиялы» қорғандардың абыздарға тиесілі ғұрыптық кешендерге келетіндігін аңғару қиын емес. Ыдыстағы жазулар да осыған меңзейді.

Өткендегі Түрік қағандығының ғұрыптық кешендерінен жерлеу орындары табылмады. Осыдан қағандық орталығының өзге аймақтардан дара сипаты аңғарылады. Алтай, Енесей, Талас ескерткіштерінде мұндай бірізділік байқала бермейді. Сақ, ғұн дәуіріндегідей ғұрыптық кешен мен жерлеу орны кейде бір жерде тоғысса, марқұмның кей жерлерде еске алу орны бөлек салынып, жерлеу нысаны бөлек әзірленетін тәрізді. Мәйітті өртеу ғұрпы жиі қолданылған, сондықтан ғұрыптық кешендерден адам сүйегі табылмады деген көзқарастағы ғалымдар тобы бар екені жасырын емес. Ғұрыптық кешендердегі ең маңызды ескерткіштің бірі – бәдіз тас. Сақтарда да марқұмның бейнесін мүсін етіп қашау дәстүрі болған. Бірақ, бұл өте сирек кездеседі (Жетісу обларынан бар-жоғы үш мүсінтас табылған). Есесіне, ғұндар мен сарматтардың ескерткішінен мүсінтастарды жиі ұшыратуға болады. Қоладан, алтыннан құйылған көсемдердің, абыздардың бас мүсіндері туралы тарихи деректер мен нақты артефактілер де жеткілікті дәрежеде табылып жатыр. Бәдіз тастар қазақ даласына ислам діні келгенге дейін орнатылған. Кейін діни танымның кейбір өзгерістеріне байланысты бәдіз тастардың орнына құлпытастар тұрғызыла бастайды. Түрік қағандығы тұсында мүсінтас қою дәстүрі кемелденген деңгейге көтерілді. Сақ обалары кейде шеңберленіп, кейде төртбұрыш формасында жалпақ тастармен қоршалып отырды. Тіпті бағана тастармен қоршалған да обалар бар. Түрік қағандығы кезеңіне тиесілі ғұрыптық кешендерден шарбақтастардың көркем үлгілерімен ұшырасамыз. Тау шатқалдарындағы халыққа белгілі ежелгі таңбалар, суретті әңгімелер, көне жазулар, сақ, ғұн обаларындағы сирек те болса, табылып жатқан көне жазулар – жазу, жазбаша ақпарат беру тарихымызды тереңдете түсері анық. Түрік қағандығы кезінде бітік тастарға тұтастай жыр-дастандардың таңбалануы кездейсоқ болмаса керек. Мыңжылдықтар бойы қалыптасқан жазу дәстүрінің бірегейленген үлгісін Білге қаған, Күлтегін, Тоныкөк эпикалық жырларынан да айқын көреміз. Бір ғажабы, осы күні де байырғы түрік бабаларымыз тәрізді марқұмға жоқтау айту, ескеткіш қою, ас беру дәстүрі жалғасын тауып келеді. Күлтегін жырларын бір жағынан бітік тастағы жоқтауға балауға болады. Ауызша айтпады демесеңіз, мұнда да оғланның ерлігі, игі істері әңгімеге арқау етілген. Анадолы түріктерінде қайтыс болған адамға «топырағы мол болсын!» деген тілек айтылады екен. Сақ қорғандары да мейлінше биік етіп (тау үлгісінде) көтеріледі. Неғұрлым топырағы биік болса, марқұмның о дүниедегі мәртебесі жоғары, мерейі үстем болады деген наным түрік ағайындарда сақталыпты. Ал алғашқы алтын адамды табуға мол үлес қосқан археолог Бекмхамбет Нұрмұхамедов сақ қорғандарының биіктігіне орай әулеттің де беделі, мәртебесі айқындалады деп есептейді. Жыл сайын марқұм басында ас беріліп, топырақпен оба көтеріліп отырған. Әр жылы сақ обасының беті бір қабат топырақ үйіліп, беті түрлі тастармен көмкеріліп, жабылып шығады. Есік қорғанындағы алтын адам алты метр биік обадан табылғандығын айта кеткен жөн (Акишев, 1984. – 176 б.). Біздіңше, сақ қорғаны кезіндегі обалардың қызметі түрік қағандығы

кезінде балбал тастармен (тас бағана) ауыстырылды. Тас бағаналар қағанның әлеуметтік дәрежесін ғана емес, ел алдындағы абыройынан хабар береді. Әрбір ру-тайпа көсемі балбал тастар орнатып, дүниеден қайтқан қағанға өз ықыластарын білдіріп, құрметтерін көрсеткен деген болжам жасаймыз. Балбал тастарды орнатуға байланысты ғалымдар ұстанымының сан тарапқа тартқан пікір қайшылықтарына қарамастан (соғыста өлтірілген жаудың саны, ат байлайтын бағаналар және тағы басқа болжамдар), қола дәуірі, сақ, ғұн обаларымен жүргізілген салыстыру нәтижесі бізді осындай ойға тоқтауға итермелейді.

Әдебиеттер

Акишев А. К. Искусство и мифология саков. – Алма-Ата: Наука, 1984. – 176 с.

Ахметжан Қ. Қазақтың дәстүрлі қару-жарақ этнографиясы. Алматы, «Алматыкітап», 2006. 56-60 бб.

Евтюхова Л. А. Каменные изваяние Южной Сибири и Монголии // Материалы и исследования по археологии СССР. – М.,1952. – № 24. – С.71-120.

Қазақ бақсы балгерлері. Құрастырғандар: Дәуренбеков Ж., Тұрсынов Е. – Алматы, «Ана тілі», 1993. – 20-53 бб.

Қазақ даласының көшпенділері: Еуразиядағы скиф-сақ дәуіріндегі этноәлеуметтік-мәдени үрдістер мен қарым-қатынаста халықаралық ғылыми конференциясының материалдары. – Астана, Президенттік мәдениет орталығы, 2008. – 134-146 бб.

Қазақстан тарихы туралы моңғол деректемелері. I том. Моңғолдың құпия шежіресі. – Алматы, «Дайк-Пресс», 2006. – 104-111 бб.

Маргулан А. Х. Бегазы-дандыбаевская культура Центрального Казахстана. – Алма-Ата: Наука, 1979. – 360 с.

Маргулан А. Х. Сочинения в 14 томах. Т. 3. Петроглифы Сарыарки. Гравюры с изображением волчьего тотема. Т. 4. Каменные изваяния Улытау. / Сост. Д. А. Маргулан, Д. Маргулан / Алматы, 2003. – 50 с. + вкл. 246 с.

Марғұлан Ә. Х. Ұлытау төңірегіндегі тасмүсіндер // Ежелгі мәдениет куәлары. – Алматы, 1966. – 8-52 бб.

Самашев З. Петроглифы Казахстана. – Алматы, «Өнер», 2006. – 196 б.

Самашев З., Базылхан Н., Баяр Д. Древнетюркские каменные извания евразийских степей // Мәдени мұра. Культурное наследие. № 1 (22) қаңтар-наурыз, 2009. – Астана. – С. 30-39.

Самашев З., Базылхан Н., Самашев С. Көне түрік таңбалары. Древнетюркские тамги. – Алматы: Abdi company, 2010. – 167 б.

Сейдімбек А. Қазақ әлемі. Этно-мәдени пайымдау: оқу құралы. –Алматы, «Санат», 1997. – 464 б.

Төлеубаев Ә. Қазақстан археологиясының қола және ерте темір дәуірі мәселелері. I том. – Алматы, «Service Press», 2013. – 99-123 бб.

Сурет 1. Батыс Қазақстан өңірінен табылған сарматтардың тас мүсіні (Сурет Ерлан Қаринның «Balbal» сайтынан алынды)

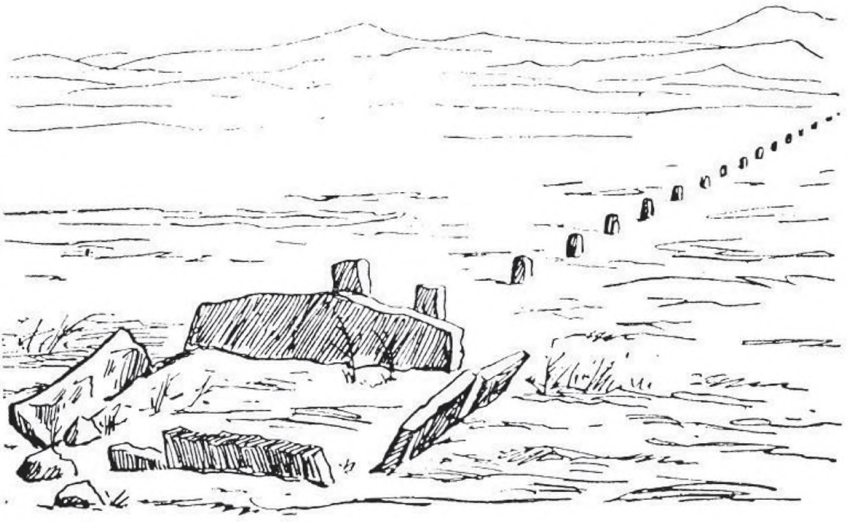

Сурет 2. Жамбыл облысынан табылған көне түрік ғұрыптық кешендегі бәдізтас (Сурет Ерлан Қаринның «Balbal» сайтынан алынды)

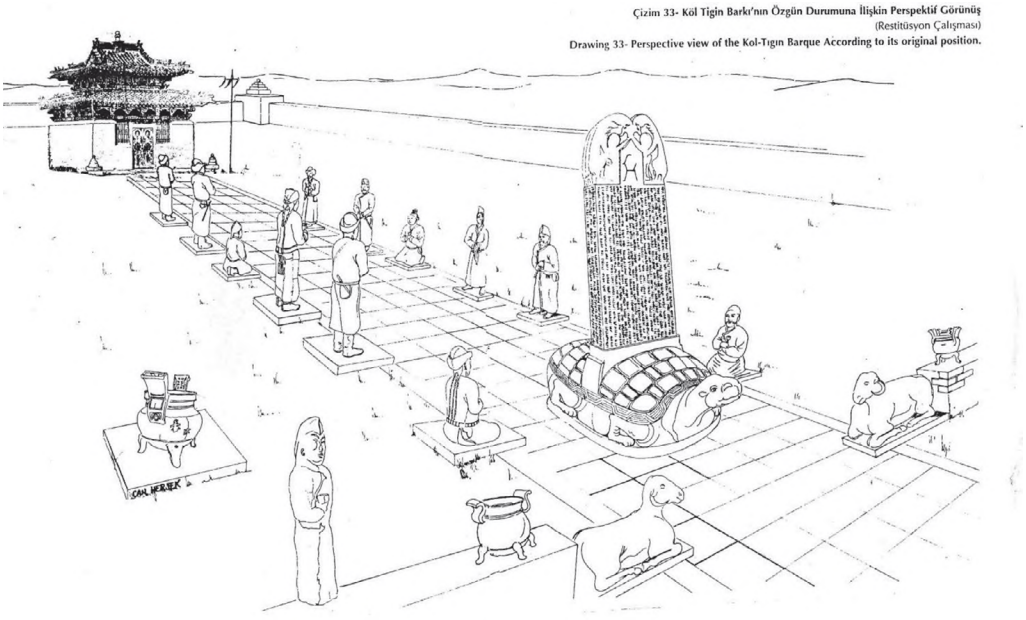
Сурет 3. Көне Алтайдан табылған бұғы бейнелі қола айна (Сурет Зейнолла Самашевтың «Көне Алтай қазыналары» кітабынан алынды)
Сурет 4. Алтынмен апталған күміс бұғы. Білге қаған ғұрыптық кешені. Д. Баярдың зерттеуі

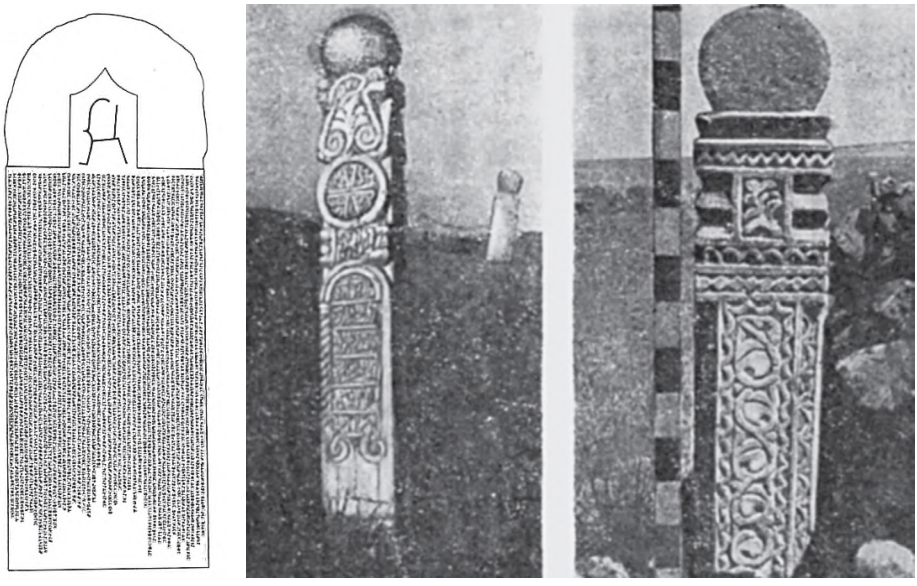
Сурет 5. Атасу өзені. Қызылтастағы көне түрік ғұрыптық кешені. Академик Әлкей Марғұланның зерттеуі бойынша

Сурет 6. Қазақ бақсысы. XVIII-XIX ғасырлар
(Сурет Зәбира Жәкішованың «Қазақ музыкалық аспаптары» кітабынан алынды)

Сурет 7. Күлтегін (685-731) ғұрыптық кешені сызбасы (2001-2003 жж. Моңғолия, Түркияның ТИКА басқарған зерттеулері бойынша жаңғыртпасы)

Сурет 8. Күлтегін бітіктасы. Қағандардың әулеттік таңбасы – тауешкі (Н.Базылханның көшірмесі бойынша)
Сурет 9. Қазақстандағы құлпытастар (Әлкей Марғұланның зерттеуі бойынша)

Жалмағанбетов Ж. М.

«Ә. Х. Марғұлан атындағы археология институты»
РМҚК Астана қаласындағы Филиалы. Астана қ. Қазақстан

ҚАЗАҚ АЛТАЙЫНЫҢ ОРТАҒАСЫРЛЫҚ КӨШПЕНДІЛЕР ӨНЕРІНДЕГІ БҰҒЫ БЕЙНЕСІ

З. Самашев басқарған А. Х. Марғұлан атындағы археология институтының Астана қаласындағы филиалының Қарақаба экспедициясының 2013 жылғы жұмыстарының нәтижесінде Шығыс Қазақстан Облысының Катонқарағай ауданындағы ескерткіштер зерттелді. Зерттеу жұмыстары Қарақаба өзенінің ұзындығы шамамен 15 км, ал ені шамамен 2 км болатын алаңда жүргізілді. Зерттелген ерте орта ғасырлық ескерткіштердің ішінде Қарақаба I қорғандар тобының № 9 қорғаны ерекше назар аудартты.

Кескіні бойынша төртбұрышты, өлшемдері 10х11 м болып келеді. Үйінді көлемі үлкен емес көгілдір және сұр түсті уатылған тастардан үйілген. Тастарды тазалағаннан кейін бұрыштары айқындалған төртбұрышты тастан қаланған қоршау анықталды. Оның өлшемдері тұстар бойынша СШ-ОБ – 10 м, ОШ-СБ – 10,4 м. Конструкциясы көкжиек тұстарына бағытталып, плитка тәрізді тастардан қаланған. Адамды жылқымен бірге жерлеген, бірақ жылқы адаммен бір деңгейде емес, адамнан біраз жоғары жерленген. Адам басы шығысқа қаратылып, шалқасынан жатқызылып жерленген. Жерленген адамның оң жағында қару-жарақтары: садақ, семсер, қорамсақ жебе ұштарымен қойылған (Самашев, Чотбаев, Жалмаганбетов және тб., 2013, 164 б.). Қорамсаның үстінде төртбұрыш пішінді бұғы бейнесі бар алтынмен жалатылған күміс айылбас орналасқан. Айылбас садақтың былғары қынын әрлендірген, себебі айылбас теріс жағымен емес қорамсаға бет жағымен қаратылған. Одан басқа қорамсаның қасынан сондай стильде жасалған тағы бір айылбас табылды. Өлшемі 2,5х2,5 см жұқа бедерлі шаршы пішінді айылбас (фото 1, сур. 1), жақтау ішінде қозғалыстағы бұғы бейнеленген. Бұғы мүсіні толығымен барлық жағынан жақтаумен шектеседі, мүсін солдан онға жүрген болып көрсетіледі, мүйіз тармақтары анық көрсетілген, төрт тармағы барлық дене ұзындығына созылған, астынғы тармағы денесімен жанасады. Бұғы бейнесі шынайы, басы үлкен емес, құлағы, көзі айқындалған, ауызы ашып көрсетілген, мойны жуан, ірі денелі, құйрығы қысқа, алдыңғы оң аяғы артқы оң аяғына тиген, қозғалыста екені анық көрсетілген, тұяқтары да айқын бейнеленген. Айылбаста марал бейнеленген деп болжам жасалады. Айылбастың жақтауы шаршы пішінді ортасында терең емес науа тәрізді ойығы бар. Назар аударатыны бір бүйір жақтауы көлбеу орналасқан. Бұйым былғарыға төртеуі төрт бұрышында, біреуі отрасында орналасқан бес шеге тәріздес өзекшемен бекітіледі. Зертеушілер айылбасты белдікке өзекшенің бастарын майыстырып немесе бастарын жапыру тәсілдерімен бекіткенін атап көрсетті. (Горбунова, 2003, бет 112). Айылбас құйылып жасалып, алтынмен апталған, алтын тек беткі жағында ғана сақталған.

Бұғы көшпенділер өнерінде ең кең тараған бейнелердің бірі: олардың бейнелері қару-жарақ пен ат әбзелдерін безендірген, айна мен киімдерді, жар-

тастар мен тас беттеріне ойып салынған. Бұғы тек Еуразияның көшпенді тайпаларында ғана емес Азия мен Еуропаның халықтарыныңда қадірленетін жануар болған.

Бұғы бейнесі ертелерден бастау алады, тас дәуірінде, адамдар аңшылық және терімшілікпен айналысқан ерте темір дәуірінен басталады. Әр бір ерте темір дәуірінің Берел және Шілікті сияқты ескерткіштерінде бұғы бейнесі ат әбзелдерімен киімдердің әшекейі ретінде кездеседі. Түрікілердің дүниетанымында бұл жануар туралы тәңірге, күнге табынумен байланысты көнекөз қарастар сақталып қалынған. Бұғы бейнесі ертеректегі өнерде кеңінен тараған, бұғының адам өміріндегі (діни, мифологиялық) орнын көрсетеді.

Г. Г. Король Саян-Алтай өңіріндегі шамалы торевтика анализ негізінде зооморфты безендіру типін зерттеді. Негізінен атты жауынгердің белдік әшекейлерін (түсті металдан жасалған жүген мен белдіктер), бұғыға ерекше назар аударылған (Король, 2008, бет 138).

Ю. П. Алехинның 1994 ж. жұмыстар нәтижесі көрсетілген, зертеуші екі қабірден тұратын Кондратьевка IV қорғандар тобының № 2 қорғанды суреттейді. № 2 қабірде (баланың) жерленгеннің басының астынан қоладан құйылған айылбастар табылған, бір бөлігі алқа ретінде қалғаны бас киімге тігілген (Алехин, 1998, 201-202 бет). Табылған олжалардың ішінде солдан оңға жүріп бара жатқан бұғы бейнеленген қола айылбас бар. Кондратьев IV қорғандар тобының № 2 қорғанындағы айылбастағы бұғының стилдік бейнелеуі Қарақаба I қорғандар тобының № 9 қорғандағы айылбас ұқсас. Қимақ ақсүйегіне тұрғызылған қорған IX-X ғасырға жатқызылады.

Зооморфты зергерлеу типінің ортағасырлық көшпенділер өнерінде өз ықпалын жойып, екінші орынға түскеніне қарамастан, бұғы бейнесін қимақтар кезіндегі жерлеуде кездестіруге болады.

Зевакин қорғанын қазу кезінде № 254 қорғанынан Ф. Х. Арслановамен белдікке тағылатын жүгіріп бара жатқан бұғы мен оны қуған екі арыстан бейнесі бар 12 ұштық (айылбастар) табылды (Арсланова, 2013, бет 44). Сол жылдары Шемонайха ауданы, Орловка ауылына қарсы беттегі қорғанды Арсланова Ф. Х. қазды. Бұл жерден былғары белбеудің бөлігі, төртбұрышты айылбастың орны мен өзекшелері сақталып қалынған (Арсланова, 2013, бет 191). Былғары белбеудің реконструкция нәтижесінде айылбаста бір-біріне қарама-қарсы тұрған екі бұғы бейнесін көруге болады. Айылбас санын, белдік ұштарын, олардың бекіту тәсілдерін ескере отырып автор оларды түркілердің ерте типтегі белдіктеріне жатқызады, ал жерлеудің өзі VIII-IX ғасырға жатқызады. Тағы бір ұқсастық ретінде Алтайдағы Ұзынтал қорымының № 2 қорғанында табылған белдік ұштарын атауға болады. Беткі жағында «өсінділер арасында шоғырланған кермарал» бейнеленген (Савинов, 1982, бет 107). Ұзынтал қорымы IX-X ғ. жатады.

Осы мақалада біз Қарақаба I қорымының № 9 қорғанынан табылған археологиялық материал негізінде ортағасыр көшпенділер өнеріндегі бұғы бейнесін көрсетуге әрекеттендік. Бұғы бейнесі, басқада зооморфты әрлеу типі

сияқты ортағасырлық көшпенділер өнерінде екінші оынға ауысып, өсімдік типті өрнектерге орын берді. Бұғы бейнесі көне түркілердің діни, мифологиялық әлемінің көрнісі болып табылады. Белгілі себептердің бірі бұғының Дүние ағашымен байланысы.

Әдебиеттер

Алехин Ю. П. Курган кимакской знати на Рудном Алтае // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. – Барнаул, 1998 – С. 201-203.

Арсланова Ф. Х. Очерки средневековой археологии верхнего Прииртышья. Материалы и исследования по археологии Казахстана. Т. 3. – Астана, 2013. – с. 405.

Горбунова Т. Г. Наконечники ремней конского снаряжения раннесредневековых памятников Алтая (классификация и типология) // Древности Алтая. Межвузовский сборник научных трудов. – Вып. 11. – Горно-Алтайск, 2003. – С. 112-123.

Король Г. Г. Искусство средневековых кочевников Евразии. Очерки. – М.: – Кемерево: Кузбассвузиздат, 2008, с. 332.

Савинов Д. Г. Древнетюркские курганы Узунтала // Археология Северной Евразии. – Новосибирск, 1982. – С. 102-122.

Самашев З., Чотбаев А. Е., Жалмаганбетов Ж. М., Хасенова Б. М., Киясбек Г., Ахметов М. Г. Исследования древнетюркских памятников на Каракабе // Труды филиала Института археологии им. А. Х. Маргулана в г. Астане. Издательская группа ФИА им. А. Х. Маргулана, 2012. – Т. 2. 302 с. – 167-167 с.

Сурет 1 – Қарақаба I қорымы, № 9 қорған. Айылбас суреті

Кожа М. Б.

Международный казахско-турецкий университет им. Х. А. Ясави, г. Туркестан, Казахстан

ОБ ОГУЗСКИХ ПОСТРОЙКАХ ДОЛИНЫ р. СЫРДАРЬИ

Среди памятников монументальной архитектуры Средней Азии особое место занимают загадочные башенные сооружения, обнаруженные в низовьях Сырдарьи русскими офицерами во второй половине XIX в. Первые сведения об этих памятниках находим в публикациях А. И. Макшеева. О башне Бегим-ана офицер Генерального штаба написал следующее: «Стоит на возвышенном месте, вероятно, прежде бывшем острове, верстах в четырех от Кара-арыка и в 10 – от берега Аральского моря… здесь похоронена жена Кызылбашского хана Чанджара» (Макшеев, 1856, с. 68). В газетной публикации, посвященной развалинам Жанкента, А. И. Макшеев отметил, что «далеко к западу от Джаныкента есть надгробные памятники Бик-Мана, Сарамана и другие, которые обложены жженым кирпичом и принадлежат, по всей вероятности, к одной с ним эпохе» (Макшеев, 1867).

Следующий по времени автор – Л. Мейер – дал весьма сжатую характеристику Бегим-ана: «Верстах в десяти от него (г. Жанкента) находится могила в виде восьмиугольной башни из обожженного кирпича, вышиной до восьми саженей, известная под названием Бекмен, что значит в переводе «княгиня-мать» (Мейер Л., 1865, с. 285). Описание сооружения Сараман-Коса и легенда, связанная с памятником Бегим-ана, были изложены И. Аничковым в «Протоколах заседаний и сообщений членов Туркестанского кружка любителей археологии» за 1897 г. К статье было приложено фото памятника Сараман-коса (Аничков, 2011, с. 120-123). В обобщающей работе И. А. Кастанье в 1910 г. изложены ранее опубликованные сведения И. Аничкова, Л. Мейера (Кастанье, 2007, с. 338-341).

Без датировок и с указанием ошибочных координат Бегим-ана и Сараман-коса были включены в «Археологическую карту Казахстана» (АКК, 1960, с. 192).

Спустя почти более века после первого упоминания в литературе вышеназванные сооружения стали объектами исследования казахских архитекторов. В архиве института «Казпроектреставрация» в 1983 г. нами были просмотрены «Бегим-ана. Кроки» и рукопись Т. Джанысбекова «Башня Сараман-Коса». Особо следует отметить многолетние исследования в Кызылординской области Э. Байтенова, который ввел в научный оборот результаты своих полевых изысканий о башенных сооружениях региона (Бәйтенов, 1984, 15 б.; Байтенов, 1986, с. 43-46; Байтенов, 1990, с. 335-336; Байтенов, 2007, с. 281-282). Эти работы важны и тем, что фиксируют состояния памятников еще не подвергшихся ремонту. Последовавшие вскоре реставрационные работы, к сожалению, в определенной степени исказили облик памятников. На Бегим-ана утрачено очертание архивольта арки, цвет кирпичей.

Весной 2012 г. мы посетили эти труднодоступные постройки и убедились в важности исследования их для познания истории огузов. Необходим комплексный подход в изучений этих уникальных башенных сооружений,

включающий в обязательном порядке и археологические методы. В данной статье мы расматриваем вопросы датировок, функционального назначения и генезиса монументальных построек нижнего течения Сырдарьи.

Башня Бегим-ана находится в 68 км от г. Казалинска. Она сложена из сырцового кирпича и облицована обожженным кирпичом 23х23х5/6 см на глиняном растворе (рис. 1). Бегим-ана представляет в плане восьмигранник, одна сторона которого без облицовки равна 2,32-2,34 м. Башня имеет форму слегка сужающейся восьмигранной призмы, увенчанной восьмигранной усеченненной пирамидой. Общая высота чуть более 10 м. На северо-восточной стороне, на высоте 4,8 м от дневной поверхности имеется арочный проем, ведущий в сводчатую камеру. Большое зенитное отверстие диаметром более 1 м соединяет камеру с расположенной выше верхней площадкой. Диаметр верхней площадки равен 2,3 м. Она огорожена стеной типа парапета.

Историки архитектуры предварительно датируют башню Бегим-ана в пределах X-XII вв. (Бәйтенов, 1984, 15 б.; Байтенов, 1986, с. 43; Мендикулов М. М., 1987, с. 42; Байтенов, 2004, с. 70). Размер обожженного кирпича башни Бегим-ана близок к параметрам кирпича таких известных сооружений IX-XI вв., как мавзолей Саманидов, мавзолей Араб-ата, мечеть Деггарон, Шабурган-ата (Пугаченкова, 1963, с. 30; Крюков, 1964, с. 155-165). По мнению С. Г. Хмельницкого, квадратный кирпич со сторонами 20-23 см был характерен для построек Среднеазиатского региона IX-X вв. (Хмельницкий, 1996, с. 48).

На наш взгляд, уточнить время возведения башни помогает и анализ местной легенды, неоднократно зафиксированной во второй половине XIX в. По записи Л. Мейера: «Похороненная здесь женщина была царица Джанкента и по клевете придворного невинно заподозрена в измене… Само разрушение Джанкента приписывается этому преступлению царя его» (Мейер, 1865, с. 285). Согласно опубликованному в 1897 г. варианту легенды (Аничков, 2011, с. 120-123): «Жена Санджара, по имени Бегим-ана,… была брошена супругом и повелителем в яму за мнимую измену». Вполне вероятно, что Бегим-ана является исторической личностью. Термин «бегим» означает госпожа и приравнивался к титулу «ханым». Так, слово «бегим» прилагалось к имени жены Абулхаира – хана кочевых узбеков. По мнению С. Г. Агаджанова, жены огузских правителей играли большую роль при дворе (Агаджанов, 1969, с. 144). Вряд ли для жены рядового чиновника стали бы возводить столь монументальное сооружение. Легенда связывает окончательную гибель города с проклятием отца Бегим, которую он послал правителю города за несправедливое наказание дочери.

С. М. Ахинжанов считал, что в этой легенде в завуалированной форме отображено нашествие кыпчаков, среди которых находилось племя змей, или кимаков-каи (Ахинжанов, 1989, с. 188). События, приведшие к гибели города Жанкента, произошли, по мнению Агаджанова, в середине XI в. (Агаджанов, 1969, с. 154-158). Однако археологические исследования верхнего слоя городища Жанкент показали, что жители начали покидать свои жилища в 50-60-е гг. X в. (Зиливинская, 2011, с. 117). Поэтому, на наш взгляд, с учетом новых данных

археологии и размеров обожженного кирпича постройку башни Бегим-ана нужно датировать X в.

Менее чем в 15 км от Бегим-ана располагается другая башня, известная как Узынтам. Сооружение в плане круглое, диаметр у основания около 7 м (рис. 2). Башня сооружена из сырцового кирпича 22-23х22-23х5-5,5 см и имеет цилиндрическое, слегка сужающееся в верхней части тело высотой до 10 м. Внутри располагается камера со сводчатым перекрытием. Выше сохранились остатки площадки, обнесенной парапетом.

Хотя Узынтам впервые упоминается в записях А. И. Макшеева, памятник был вновь открыт в 1983 г. и введен в научный оборот архитектором Э. Байтеновым (Байтенов, 1986, с. 43-46). Участок вокруг постройки насыщен фрагментами обожженного кирпича. Облицовочный кирпич Узынтама был также использован для сооружения надмогильных памятников позднего времени, которые располагаются рядом. Сооружение в настоящем времени находится в аварийном состоянии. К сожалению, отсутствие элементарного ограждения способствует дальнейшему разрушению памятника.

Наличие мелкоразмерного кирпича, характерного для IX-X вв., и худшая сохранность Узынтама позволяют предполагать более раннюю датировку памятника в сравнении с Бегим-ана. Причем, на наш взгляд, Узынтам располагается на насыпном холме. Представляется необходимым археологическое изучение искусственного возвышения Узынтама, напоминающего земляной курган.

Башня Сараман-коса (или Сараманкожа) расположена в 2 км к северо-востоку от поселка Каукей, в 60 км от центра Казалинского района. Как и Бегим-ана, она сложена из сырцового кирпича на глиняном растворе и сохранила часть внешней облицовки из обожженного кирпича 24х24х5 см. Сараман-коса в плане круглая, без облицовки, диаметр в оснований башни составляет около 5 м, толщина стен более 1 м (рис. 3, 4). Высота сооружения около 15 м Башня слегка сужается вверх. Угол наклона стен башни к центру около 5º. Сооружение состоит из трех расположенных по вертикали сводчатых камер. Верх башни завершается усеченным шатровым куполом. Вход в сооружение с северо-востока. Нижняя камера крупнее и изолирована от остальных камер. Она перекрыта куполом. Средняя камера через зенитное окно сообщается с верхней. Имеется, как и на Бегим-ана, верхняя площадка.

Архитекторы датируют башню Сараман-коса X-XI вв. Антропоним Сараман-коса близок к огузским именам, таким как Караман, Акман. Определенный интерес вызывает приставка коса, скорее всего, видоизмененная форма от кожа-ходжа. Слово «ходжа» буквально означает хозяин, господин; знатный / уважаемый человек; учитель и т. п. По мнению специалистов, семантика и сфера применения термина «ходжа» с течением времени претерпели значительные изменения. Первоначально (VII-VIII вв.) этим словом в Средней Азии обозначали буддийского монаха, в мусульманский период истории стал осмысляться и как потомок арабов. Обычно этот термин прилагался к людям грамотным, образованным, всегда довольно высокого ранга (Настич, 1989,

с. 174-175). Есть свидетельство Фазлаллах Рашид ад-дина об одном управлявшем г. Жанкентом представителе огузской элиты, к имени которого прилагался термин ходжа: «Огуз в давние времена возвел один город, которому дал имя Еникент. Этот город он передал под управление весьма умного и рассудительного человека по имени Иркыл Ходжа. Иркыл Ходжа был пожилым человеком, повидавшим и испытавшим всё» (Фазлаллах Рашид ад-дин, 1987, с. 68). Сараман-коса, судя по приставке и по высоте сооруженной постройки, превышающей Бегим-ана и Узынтам, являлся важной персоной своего времени. Скорее всего, памятник был воздвигнут в XI вв.

Сараман-коса, Бегим-ана и Узынтам архитектурными формами резко отличаются от синхронных по времени мусульманских мавзолеев Средней Азии. Сырдарьинские сооружения по времени близки к загадочной башне Ак-Сарай-Динг, которая располагается в северной части Туркмении и относится к XI-XII вв. (Хмельницкий, 1996, с. 160). В соответствии с туркменской легендой Ак-Сарай-Динг была возведена местным богачом, чья дочь умерла до того, как выйти замуж. Девушка явилась ему во сне и попросила его соорудить ей «кеджебе» – седло с балдахином, традиционно водружаемое на верблюда невесты во время туркменских свадебных процессий. Поэтому отец построил на могиле (?) дочери башню Ак-Сарай-Динг. По преданию, из-за боязни обрушения, в начале XII в. нижний ярус башни был засыпан землей (Восстановление.., 2007, с. 33).

Необходимо особо отметить, что в башнях Приаралья погребений не обнаружено (Байтенов, 1986, с. 44). Как отметил еще И. Аничков о Сараман-коса «эта башня или мунара не представляют собою могильного памятника» (Аничков И., 2011, с. 121). Нередко исследователи предполагают караульные функции, хотя в них отсутствуют следы каких-либо лестниц. По мнению Э. Байтенова, отмеченные башни имели в основном мемориальные функции, «они ставились в память о людях, обиженных (Бегим-ана), умерших не своей смертью (Сараман-коса), останки которых не были обнаружены (Байтенов, 2004, с. 70).

Безусловно, данные памятники являются доисламскими. Не случайно загадочная туркменская башня Ак-Сарай-Динг в названии имеет приставку «динг». Ряд доисламских сооружений в Центральном и Восточном Казахстане обозначался словом «дын» и «дынгек». А. Х. Маргулан относил подобные памятники к VIII-X вв. (Маргулан, 1947, с. 63). Сооружения Кос-Уй-Тас-1, Уйтас, Карадын в плане имели округлую форму. Краткая информация о них отразилась и в сводном труде по археологическим памятникам (АКК, 1960, с. 142, 143, 149, 151).

В определении функции этих памятников необходимо учесть, что слово «тын/ тин / дын / дің» означало душу (Семби, 2002, с. 92), т. е. сердцевину, стержень человека. Скорее всего, такие памятники, как «дын» или «дынгек» (казахский вариант правописания «дың», «діңгек»), представляют собой храмы для духов предков.

Примечательно, что согласно сообщениям китайских хроник древние тюрки «по окончании похорон», или «после похорон», или же в «день похорон» воздвигали сооружение из камня – «столб», «знак», «мачта» (Войтов, 1996, с. 112).

Весьма близко к «дын» и второе обозначение «дынгек», что означает столб, стержень. Указанное в китайских хрониках сооружение «столб», «знак», «мачта», на наш взгляд, соответствует памятникам, обозначенным как «дын» и «дынгек».

Первым о башнеобразных сооружениях, расположенных на территории Казахстана, сообщил Гильом Рубрук, проехавший с дипломатической миссией через срединную часть Великого пояса степей в 1253-1255 гг. в столицу Монголии Каракорум. Дипломат, отмечая памятники, сооружаемые степняками, отмечал: «…кое-где я видел большие башни из кирпичей» (Гильом Рубрук, 1957, с. 102).

Сооружение Козы-Корпеш – Баянсулу (рис. 5) является ключевым памятником в познании степных доисламских памятников тюркской элиты (Кожа, 2011, с. 299-304). Одно из первых известий о памятнике оставил И. Г. Андреев: «При реке Аягуз находится древнее строение, построенное из дикого плиточного камня, наподобие пирамиды; стены внутри убраны, равно как вытесаны, и сведены сводом; одни вхожие двери, и на двух стенах по одному окну. И всё строение укреплено по древнему азиатскому обыкновению деревянными связями. Внутри оного поставлены три статуи: одна мужская, а другая – женская, рядом, из коих мужская с опущенными вниз руками, а у женской одна опущенная, а другая приложена к груди, как бы что принимала, коим статуям киргизцы, подошед, по суеверию своему, в руку сию кладут приношения. Третья стоит поодаль у стены, смотрящая в окно; величиною всё в совершенной человеческой рост, иссеченые из камня» (Андреев, 1998, с. 49-50). По А. И. Левшину еще в первой половине XIX в. внутри сооружения Козы-Корпеш-Баянсулу находились «три каменных статуи, из коих две, по словам киргиз-кайсаков, изображают прославляемых в сказках любовников Баян-хана и Куз-Курпяч, и третья – их служанку» (Левшин, 1996, с. 107). Согласно данным Ч. Ч. Валиханова, «к стене приставлены четыре гранитных истукана» (Валиханов, 1984, с. 195-196). В книге Н. Н. Пантусова на фотографии памятника мы видим каменное изваяние с отбитой головой (Пантусов, 1902, с. 18). О внешнем облике статуи мы можем судить по рисункам Ч. Ч. Валиханова и иллюстрациям, приложенным в книге И. А. Кастанье (Валиханов, 1972, с. 85; Кастанье, 2007, табл. XIV, 14, 15, 10, 17). Статуи с сосудом в обеих руках, в островерхих головных уборах относятся к IX-XII вв. (Чариков, 1979, с. 181). Примечателен факт нахождения каменного изваяния внутри памятника типа «дын» Кос-Уй-Тас (Марғұлан, 1966, 22-23 б.).

Поиск аналогов приводит к памятнику в честь Кюль-тегина, к орхонским комплексам (Кляшторный 1978, с. 20). Для поминальных сооружений древнетюркской знати характерна тщательно сделанная круглая скульптура, изображавшая погребенного, а также попарные изображения мужской и женской фигур. Парные скульптуры были найдены при раскопках памятника в честь Кюль-тегина в Монголии, при поминальных сооружениях знати в Сарыг-Булуне и Кзыл-Мажалыке в Туве. Элементы орхонских комплексов прослеживаются в сооружении Козы-Корпеш-Баянсулу и позволяют интерпретировать данный памятник не как мавзолей, где погребен покойник, а как поминальное сооружение типа древнетюркских храмов.

В честь кого было воздвигнуто монументальное здание, стоящее вблизи ж.-д. станции Тансык? Вот что пишет по этому поводу Ч. Ч. Валиханов: «Эти истуканы, как говорят, изображают героев из поэмы, которую рассказывают кайсацкие импровизаторы в долгие ночи. По имени героя поэмы называется и могила Козу-Курпеч» (Валиханов, 1984, с. 197). Согласно содержанию эпоса Козы-Корпеш являлся сыном хана. Локализовать же ханство отца Козы-Корпеш в пространстве и во времени позволяет интересная деталь в эпосе: на поиски исчезнувшего хана собирают «числом одиннадцать народ», на поминки хана пришел «числом одиннадцать народ», одиннадцать человек во главе с сыном визиря едут сватать Баянсулу. Отсюда можно предположить, что ханство отца Козы-Корпеш делится на одиннадцать частей. Примечательно, что среди огузских владык встречаются антропонимы с приставкой Кузы: Кузы Йавы-хан и Кузы-Тегин (Фазлаллах Рашид ад-дин, 1987, с. 11-12).

В средневековой истории Казахстана лишь Кимакский каганат, существовавший в IX-XI вв., состоял из 11 областей (Кумеков, 1996, с. 324). В составе Кимакского каганата было семь племен, главными из которых считались кимаки и кипчаки. По одной из версий древнего сказания, «в Хасакской (Казацкой, Киргизской) степи жили два знатных и богатых султана Карабай (Черный-богатый) и Сарыбай (Желтый-богатый)» (Археология Семиречья, док № 1). Интересно, что имя отца Козы-Корпеш – Сарыбай, что можно перевести и как бай светло-желтых, «половых». В средневековых источниках этнонимом шары (сары) обозначал кипчаков или половцев, русское слово «половцы» («половые») означает светло-желтые (Плетнева, 1990, с. 35).

В эпосе отца невесты Козы-Корпеша-Баянсулу именуют Карабай и его называют «туркменом». Термином «туркмен» обозначалась часть карлуков и огузов, обитавших в X-XII вв. в Семиречье и присырдарьинских областях, т. е. ближайшие соседи кимаков. О тесном соседстве кимако-кипчаков и огузов свидетельствуют средневековые источники. На наш взгляд, в «Козы-Корпеш-Баянсулу» нашли отражения контакты кимако-кипчакских и огузских племен в период IX-XI вв.

Поэтому мы считаем, что сооружение Козы-Корпеш-Баянсулу является поминальным храмом, воздвигнутым в IX-X вв. в честь одного из членов правящей династии Кимакского каганата. Сооружения подобной формы известны в Восточной Монголии (Шер, 1966, с. 46), что позволяет считать памятники типа «дын» одним из видов древнетюркских поминальных сооружений.

Судя по описаниям, в лучше других сохранившихся памятниках этой категории – Козы-Корпеш-Баянсулу, Дынгек (рис. 6), Домбаул имелись оконные проемы, полочки, деревянные конструкции, которые были, скорее всего, предназначены для прилета душ умерших. Схожие конструкции имеются в поминальных башенных сооружениях Приаралья, выстроенных из сырца и облицованных обожженным кирпичом. Согласно одной легенде перед правителем Янгикента – Санджаром постоянно возникал образ незаслуженно обиженной и исчезнувшей супруги Бегим-ана. Мучимый видением, Санджар велел построить

на этом месте башню, чтобы заключить образ исчезнувшей супруги, но мираж переместился в другое место. Так продолжалось три раза, и только третья башня избавила правителя от видений (Байтенов, 2004, с. 71), т. е. душа Бегим-ана нашла место упокоения в башне. Согласно другой легенде, опубликованной 1898 г., «жена Санджара по имени Бегим-ана… была брошена своим супругом и повелителем в яму за мнимую измену; но когда невинность ее обнаружилась, она, обратившись в птицу, улетела в башню Бегим-Мунара (Кастанье, 2007, с. 340). Как известно душа у тюркских народов представлялась в виде птицы: «по турецким народным верованиям душа обращалась в птицу или насекомое; об умершем говорится, что они улетают (учду)…» (Бартольд, 1967, с. 30).

Таким образом, башенные сооружения Приаралья представляют элитные постройки для душ умерших представителей огузской знати. Генезис башенных сооружений огузов лежит в древнетюркской эпохе. Прототипами были сооружения из камня типа «дын» и «дынгек», сохранившиеся в Центральном и Восточном Казахстане, в Восточной Монголии. В новых условиях, в период господства огузов на Сырдарье поминальные башни типа «дын» и «дынгек» стали возводиться не из камня, а из сырца и облицовываться обожженным кирпичом.

Примечательно, что Э. Байтеновым были выявлены в Кызылординской области почти аналогичные огузским башням сооружения из сырца и из обожженного кирпича у казахов XVIII-XX вв., воздвигнутые для душ умерших. Они также не имеют следов захоронений внутри (Байтенов, 1990, с. 337-344). Сооружения типа «дын» этнографического времени и небольших размеров зафиксированы и в Карагандинской области (Ошанов, 2004, с. 97-99). В 70-х годах XX в. в ряде узбекских поселений Южного Казахстана были выявлены небольшие башнеобразные сооружения для духов предков (Тайжанов, Исмаилов, 1980, с. 87-93). В современных казахских кладбищах Казалинского района Кызылординской области нами встречены небольшие башнеобразные сооружения из обожженного кирпича (рис. 7). Как видим, древнетюркский и огузский обычаи возведения башнеобразных сооружений для духов предков сохранялись у некоторых групп казахов и узбеков до середины XX в. включительно.

Литература

Агаджанов С. Г. Очерки истории огузов и туркмен Средней Азии IX-XIII вв. – Ашхабад: Ылым, 1969. – 294 с.

Агаджанов С. Г. Огузские племена Средней Азии IX-XIII вв. // Страны и народы Востока. Вып. X. – Москва: Наука, 1971. – С. 179-193.

Андреев И. Г. Описание Средней орды киргиз-кайсаков. – Алматы: Ғылым, 1998. – 280 с.

Аничков И. О некоторых местностях Казалинского уезда, интересных в археологическом отношении // Протоколы заседаний и сообщений членов Туркестанского кружка любителей археологии. Историко-культурные памятники Казахстана. – Туркестан: Туран, 2011. – С. 120-123.

Археологическая карта Казахстана. – Алма-Ата: Издательство Академии наук Казахской ССР, 1960. – 450 с.

Археология Семиречья. 1875-1912 гг.: Сб. док. и мат-в / Сост. И. М. Самигулин. – Алматы: Издательство «Lem», 2011. – 664 с.

Ахинжанов С. М. Кыпчаки в истории средневекового Казахстана. – Алма-Ата: Наука, 1989. – 293 с.

Байтенов Э. М. Загадки башни Узун-там и других памятников Приаралья // Памятники истории и культуры Казахстана. Вып 2. – Алма-Ата: Казахстан, 1986. – С. 43-46.

Байтенов Э. М. Казахские мунара // Архитектурное наследство. Сб. 37. – Москва: Стройиздат, 1990. – С. 335-336.

Байтенов Э. М. Мунара Бегим-ана // Свод памятников истории и культуры Республики Казахстан. Кызылординская область. – Алматы, 2007. – С. 281-282.

Байтенов Э. М. Мемориальное зодчество Казахстана: эволюция и проблемы формообразования. – Алматы, 2004. – 243 с.

Бәйтенов Е. М. Күмбездер // Білім және еңбек. – 1984 № 7. – 15 б.

Бартольд В. В. Двенадцать лекций по истории турецких народов Средней Азии. Соч.: в 9 томах. – Москва: Наука, 1967. – Т. 5. – С. 17-192.

Валиханов Ч. Ч. Графическое наследие. – Алма-Ата: Наука, 1972.

Валиханов Ч. Ч. О киргиз-кайсацких могилах (молах) и древностях вообще // Собрание сочинений в пяти томах. Т. 1. – Алма-Ата: Наука, 1984. – С. 190-197.

Войтов В. Е. Древнетюркский пантеон и модель мироздания в культово-поминальных памятниках Монголии VI-VIII вв. – Москва: Гос. музей Востока, 1996. – 152 с.

Восстановление башни Ак Сарай Динг рядом с Дашогузом // Охрана исторических ценностей при поддержке США, 2007. – С. 33.

Гильом де Рубрук. Путешествие в восточные страны // Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука. – Москва: Государственное издательство географической литературы, 1957. – 270 с.

Джанысбеков Т. Башня Сараман-Коса // Архив института «Казпроектреставрация» Министерства культуры Казахской ССР. Рукопись. Инвентарный номер 79.

Зиливинская Э. Д. Исследования жилого комплекса в северо-восточной части городища Жанкент // Тәуелсіздік кезеңіндегі Қазақстан археологиясы: қорытындылары мен келешегі. – Алматы, 2011. – С. 109-117.

Кастанье И. А. Древности киргизской степи и Оренбургского края. – Алматы: Дайк-пресс, 2007. – 516 с.

Кляшторный С. Г. Храм, изваяние и стела в древнетюркских текстах // Тюркологический сборник. – Москва: Восточная литература, 1978.

Кожа М. Б. Монументальные древнетюркские сооружения Казахстана // IV Международный тюркологический конгресс. – Туркестан: Туран, 2011. – С. 299-304.

Крюков К. С. Модуль в памятниках среднеазиатского зодчества // Архитектурное наследство. – № 17. – Москва: Стройиздат, 1964. – С. 155-165.

Кумеков Б. Е. Государства раннего Средневековья // История Казахстана. Т. 1. – Алматы: Атамура, 1996. – С. 296-347.

Левшин А. И. Описание киргиз-казачьих или киргиз-кайсацких орд и степей. – Алматы: Санат, 1996. – 656 с.

Макшеев А. И. Описание низовьев Сырдарьи. – Санкт-Петербург, 1856.

Макшеев А. И. Остатки старинного города из Сырдарьи // Санкт-Петербургские ведомости, 1867. – № 60.

Маргулан А. Х. Архитектурные памятники в долине р. Кенгир // Вестник АН Казахской ССР, 1947. – № 11. – С. 62-71.

Марғұлан Ә. Х. Ұлытау төңірегендегі тас мүсіндері // Ежелгі мәдениет куәлары. – Алматы, 1966.

Мейер Л. Киргизская степь Оренбургского ведомства. – Санкт-Петербург, 1865. – 288 с.

Мендикулов М. Памятники народного зодчества Западного Казахстана. – Алма-Ата: Өнер, 1987. – 160 с.

Настич В. Н. К эпиграфической истории Баласагуна // Красная речка и Бурана. – Фрунзе: Илим, 1989. – С. 158-177.

Ошанов О. Ж. Реликтовые черты казахской мемориально-поминальной архитектуры // Интеграция археологических и этнографических исследований. – Алматы – Омск: Наука, 2004. – С. 97-99.

Пантусов Н. Н. Памятник Денгек в Лепсинском уезде. Памятник Козы-Курпеч и Баян-Сулу в Лепсинском уезде. – Казань, 1902. – С. 9-17.

Плетнева С. А. Половцы. – Москва: Наука, 1990. – 208 с.

Пугаченкова Г. А. Мавзолей Араб-ата // Искусство зодчих Узбекистана. Вып. 2. – Ташкент: Издательство АН Уз. ССР, 1963. – 117 с.

Семби М. К. Тюркский меридиан. – Алматы, 2002. – 128 с.

Тайжанов К., Исмаилов Х. Макчам – дом для духов предков // СЭ. – 1980. – № 3. – С. 87-93.

Фазлаллах Рашид ад-дин. Огуз-наме. – Баку: Элм, 1987. – 128 с.

Хмельницкий С. Г. Между саманидами и монголами. Архитектура Средней Азии XI – начала XIII в. – Берлин – Рига, 1996. – Часть 1. – 336 с.

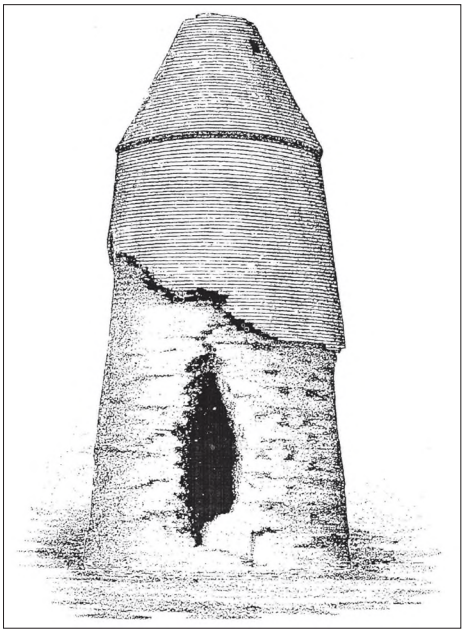
Чариков А. А. О локальных особенностях изваяний Прииртышья // СА. – 1979. – № 2. – С. 179-190.

Шер А. Я. Каменные изваяния Семиречья. – Москва – Ленинград: Наука, 1966. – 144 с.

Рис. 1. Сооружение Бегим-ана. X в. Фото М. Кожа, 2012 год
Рис. 2. Сооружение Узынтам. IX-X вв. Фото М. Кожа, 2012 год

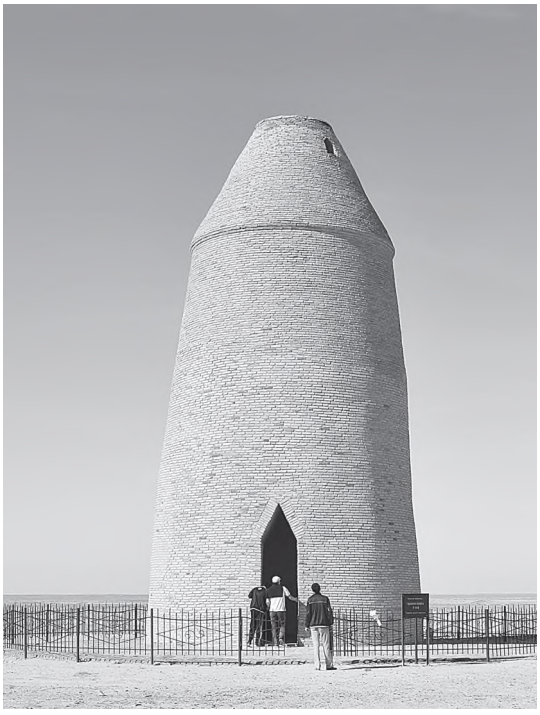

Рис. 3. Сооружение Сараман-коса. Рисунок из статьи И. Аничкова 1897 года
Рис. 4. Сооружение Сараман-коса. XI в. Фото М. Кожа, 2012 год

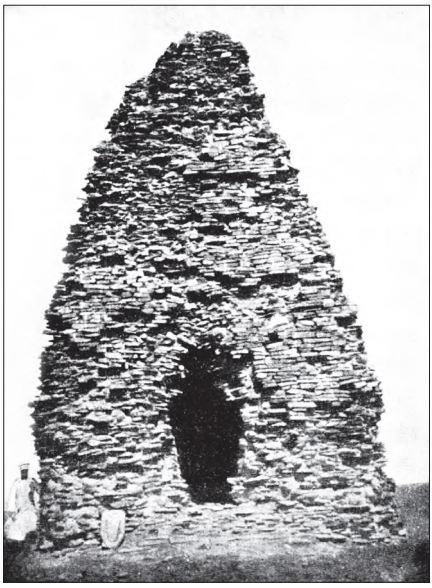

Рис. 5. Памятник Козы-Курпеч и Баян-Сулу. IX в. Из книги Н. Пантусова 1902 года
Рис. 6. Памятник Дынгек. IX в. Из книги Н. Пантусова 1902 года

Рис. 7. Башнеобразный памятник в мусульманском кладбище с. Бирлик Казалинского района Кызылординской области. Фото М. Кожа, 2012 год

Петенёва Г. Г.

Восточно-Казахстанский областной архитектурно-этнографический и природно-ландшафтный музей-заповедник, г. Усть-Каменогорск, Казахстан

КИТАЙСКИЕ БРОНЗОВЫЕ ЗАСТЕЖКИ «ДАЙГОУ» С ИЗОБРАЖЕНИЕМ ДРАКОНА И РЫБЫ

Национальный костюм Древнего Китая, как один из элементов, составляющих историю и культуру каждой династии, стал своеобразной эмблемой китайской традиции. Взаимовлияние многих национальных культур в пределах китайского государства, контакты с соседними странами, иноземные вторжения – всё это в той или иной степени отражалось в истории китайского костюма. С появлением каждой новой династии одежда претерпевала изменения и ярко отражала образ жизни, социальный статус, идеологию и понятия своего времени. В соответствии с занимаемым положением в иерархии знати представителям аристократии и чиновникам полагались определенные облачения. В костюме военных и гражданских чиновников условно можно выделить основу, т. е. минимум возможного костюма и «периферийные элементы» – аксессуары, как наносимые на одежду, так и надеваемые отдельно. В отличие от самой одежды семиотический статус этих «периферийных элементов культуры» высок постоянно. Основа может существовать как минимум без аксессуаров, аксессуары же невозможны без базиса. К числу «периферийных элементов» можно отнести и пояс. Его цвет, материал и украшения отражали различия среди аристократии и чиновничества. С I тыс. до н э. в Китае застежка-крюк является одним из распространенных типов мужских поясных застежек, которые имели разнообразные формы и богатый декор. Их изготавливали из нефрита и из металла, главным образом бронзы. Бронзовые застёжки-крюки могли инкрустироваться золотом, серебром, украшаться каменными вставками. Мода на крюки сохранялась при династиях Юань (1271-1368 гг.) и Мин (1368-1644 гг.). Таким образом, застежка-крюк имеет довольно продолжительную историю своего существования. Среди всего многообразия застежек «дайгоу» выделяются пряжки в виде фигуры фантастического существа с богатым декором, в котором главное место занимает рыба.

На территории Восточно-Казахстанской области, в окрестностях г. Зайсан в 2009 г. были найдены две бронзовые литые поясные пряжки типа «дайгоу», в виде дракона (рис. 1). Находки были сданы в фонды Восточно-Казахстанского областного архитектурно-этнографического и природно-ландшафтного музея-заповедника (шифр в фондах – КП52-30763). Длина пряжек – 12,5 см, толщина 0,6 см, ширина в центре – 1,8 см, на концах – 0,9 см. Пряжка имеет вполне законченную скульптурную форму фантастического существа. Один конец пряжки отогнут на лицевую сторону крючком размером 1,4х1,2 см в виде головы дракона, другой имеет форму раздвоенного рыбьего хвоста.

Голова дракона посажена на плавно изогнутую шею. Морда заужена книзу. На голове обозначены прижатые уши в виде неглубоких выемок овальной

формы, обведенных по контуру узкой выпуклой линией. Рельефно показаны маленькие миндалевидные глаза, над которыми расположены дугообразные брови, сходящиеся на переносице и плавно переходящие в нос, от которого в разные стороны расходятся такие же дугообразные линии, обозначающие верхнюю половину рта. Далее линия рельефа плавно идет вдоль щек и соединяется с линией бровей, замыкая общий контур. Нижняя половина рта передана углубленной дугообразной линией, идущей по всему периметру нижней части морды – от одного уха к другому. Верхняя часть головы с боков слегка заужена, что придает ей заостренную форму. На лбу между бровями расположена небольшая шишка высотой 0,2-0,3 см, возможно рог. Никаких дополнительных декоративных элементов на голове нет. Она четко отделена от «туловища», которое сплошь покрыто рельефным узором. Художественную композицию составляет профильное изображение рыбы, плывущей в волнах по направлению к хвосту. Сама рыба расположена в центре пряжки, её туловище овальной формы, массивная голова с выступающим «ртом» отделена от туловища глубокой косой линией. «Губы» заужены и вытянуты, очень напоминают нос дельфина. Глаз круглый, выпуклый, по контуру дополнительно обведен углубленной линией, усиливающей рельефность рисунка. На туловище мелкими рельефными ромбиками показана чешуя. Хвост широкий, раздвоен на две части. Закругленные хвостовые плавники имеют по три вертикальных валика. Волны образованы тремя узкими рельефными линиями с плавными изгибами и закрученными в ажурные завитки. Они набегают друг на друга, сталкиваются и текут далее, вперед, изображая тем самым сплошной водный поток, который устремляется к широкому раздвоенному концу пряжки. Узкие горизонтальные рельефные линии, повторяющие форму хвоста и расположенные параллельно друг другу, как бы ограничивают и останавливают движение волны. Хвостовые плавники асимметричны. Одна из половин больше другой, имеет загнутый, заостренный конец, подтянутый кверху.

Оборотная сторона пряжек гладкая, по центру расположен массивный штифт, с помощью которого пряжки крепились к основе. Основание штифта имеет вид круглого в сечении штырька d=0,6 см, высотой 0,5 см. На штырь «посажена» круглая плоская шляпка d=1,75, толщиной 0,25 см, с ровной поверхностью. Поверхность пряжек покрыта темной патиной и местами слабым налетом коррозии зеленого цвета.

Прямую аналогию пряжке из Зайсанской котловины удалось найти на сайте американского INTERNET-аукциона (рис. 2) (http://www. ebay. com/sch/i. html?_kw=bronze+belt+hooks).

Крючки с декором в виде мифического существа с рыбой в лапах были обнаружены на территории Китая в провинциях Хэбэй, Шаньдун, Юньнань, Чунцин, Цзянсу и в основном хранятся в местных музеях или в частных коллекциях. Получить более или менее достоверную информацию об этих находках весьма проблематично.

Ближайшими аналогиями пряжке из Восточного Казахстана являются несколько экземпляров, датированных эпохой династии Хань (206 г. до н. э –

220 гг. н. э.) – началом династии Западная Цзинь (265-316 гг.). Одна из застежек хранится в Художественном музее «Метрополитен», США, изготовлена из бронзы и богато инкрустирована золотом, серебром, слоновой костью, имеет бирюзовые и нефритовые вставки (рис. 3). Длина пряжки 12,4 см, ширина 2,5 см. Голова овальной формы, заужена книзу, в носовой части имеется сквозное отверстие. В глаза вставлены круглые камни зеленого цвета. Аналогичный камень закреплен на лбу по центру. Над глазами расположены дугообразные широкие брови, сходящиеся на переносице и «заштрихованные» косой насечкой. Уши показаны рельефным круглым завитком. Голова посажена на высокую изогнутую шею, которая отделена от туловища широким горизонтальным пояском-лентой или гривной. Фигура дракона сплошь покрыта рельефным ажурным орнаментом, дополнительно декорированным гравировкой и инкрустацией каменными вставками. В лапах в виде голов драконов существо держит рыбу. На туловище рыбы вместо чешуи изображен цветок лотоса. Голова рыбы показана широким рельефом с четко смоделированными губами. Хвост раздвоен, имеет острые концы, расходящиеся в стороны, покрытые узкими рельефными полосками. От туловища хвост отделен двумя горизонтальными валиками. Рыба обращена своей головой к хвосту дракона, в большей степени напоминающему трилистник, у которого к широкому центральному плавнику с боков примыкают расположенные асимметрично боковые плавники в виде круглых завитков со сквозными круглыми отверстиями в центре. С оборотной стороны пряжки, в центре находится большой штифт с круглой шляпкой. По периметру шляпки концентрическими узкими рельефными валиками выделена полоска. На внутренней плоскости по кругу нанесен орнамент в виде чередующихся круглых завитков и плодов «луковичной» формы (возможно лотоса или граната), зерна которых показаны белыми вставками в виде точек. В центре штифта – зеленый круглый камень. В верхней части фигуры дракона от штифта и до затылка широкой лентой, расположенной по центру, нанесена надпись, состоящая из 13 символов, которая была прочитана следующим образом: «Крюк духа военной силы, его рот держит жемчуг, его руки ухватили рыбу ([возможно положение владельца]), повысится до самого высокого». Расшифровка китайской каллиграфии выполнена Акико Иамазаки и Джерри Янгом. С оборотной стороны пряжка также полностью покрыта ажурным «облачно-волнообразным» орнаментом. Пряжка датирована III в. (http://www. metmuseum. org/collection/the-collection-online/search/49494).

Еще один экземпляр застежки «дайгоу» хранится в Лувре. Пряжка была опубликована Ростовцевым М. И. (рис. 4). Она очень близка к застежке из музея «Метрополитен». Отличие заключается в том, что дракон держит в лапах рыбу, туловище которой сплошь покрыто косой ромбической сеткой – чешуей. Жабры рыбы показаны тремя широкими концентрическими рельефами полукруглой формы. В центре головы большой круглый глаз. Хвост отделен от туловища углубленной горизонтальной линей. М. И. Ростовцев отмечает каменные вставки на лбу, в глазах, в отверстиях на месте ушей. К сожалению, перевода надписи, расположенной на оборотной стороне, нет. Зато есть указание на то, что пряжка

имеет парный экземпляр, который, по указанию профессора Умегары, находится где-то в Берлине (Ростовцев, 1993, табл. VIII, рис. 38, с. 60, 61).

Информацию и прорисовки еще трех «дайгоу» удалось получить с сайта музея провинции Хэнань в Чжэнчжоу, Китай (рис. 5, 6, 7) (http://english. chnmus. net/fortnightselection/node_4973. htm).

Данные экземпляры также находят множество общих признаков с застежками из Лувра и музея «Метрополитен», как в самой форме пряжек, так и в декоре. Трактовка головы общая для всех пряжек, включая пряжку из Зайсана. Маленькая, зауженная книзу овальная голова, на лбу каменной вставкой или шишкой показан рог, уши круглые или овальные, иногда со вставкой. На шее широкий поясок (гривна, лента), который отделяет верхнюю зону от туловища (средней зоны). Тело дракона богато украшено сложным рельефным узором, дополненным гравировкой, каменными вставками и слоновой костью. На застежке из Зайсана все свободное пространство заполнил «водный» узор, который присутствует и на других экземплярах и сочетается, а иногда и можно сказать трансформируется в другой также достаточно популярный «облачный орнамент». Облачно-водяной орнамент, заполняя пустые участки, объединяет все элементы и мотивы в единое целое и увеличивает выразительность композиции. Аналогичный «водный» узор присутствует на зеркалах с изображением рыб, датированных временем династии Цзинь (1115-1234 гг.), где рыбы по своей иконографии также близки рыбам на застежках «дайгоу». Зеркала с изображением рыб достаточно популярны. Они известны в Китае и Корее (Шэнь Цун-вэнь, 1959, № 66, 80; Тё: сэн косэки дзуфу, 1932, № 3881, 3882.) Бронзовые зеркала с изображением двух карпов известны в памятниках приморских чжурчжэней, на Ананьевском городище в жилище № 4 и два зеркала в составе клада зеркал в долине р. Тигровой, у с. Хмельницкого (Шавкунов, 1990, табл. 63, рис. 1; табл. 62 (2); табл. 61 (6)). В собрании Минусинского музея хранится несколько экземпляров бронзовых зеркал с изображением двух рыб, принадлежащих к трем различным вариантам по классификации Лубо-Лесниченко Е. И. (№ 5060 – обнаружено у с. Очуры; № 5061 – с. Шошино; № 35059 – с. Курагино; № 5063 – дер. Каменка; № 5059 – с. Бейское; № 5062 – с. Тесинское). Один экземпляр хранится в Археологическом музее Томского государственного университета (№ 3305). Зеркала датированы XI-XIII вв. (Лубо-Лесниченко, 1975, с. 55-56, рис. 56) Данный сюжет был знаком и населению Прииртышья в IX-XII вв., о чем свидетельствует бронзовое зеркало с изображением пары рыбок в растительных завитках из Ждановского могильника, к. 14. (Арсланова, 1968, рис. 135). Еще одной категорией предметов из средневековых погребений Прииртышья, на которых представлены рыбы, являются рыбообразные амулеты с растительным орнаментом на поверхности: Трофимовский мог. 1, к. 13 (Агеева, Максимова, 1959, с. 48, рис. 2); Бобровский могильник, к. 4, погребение 7 (Арсланова,1968, рис. 188); могильник Зевакино, к. 146, п. 1; Карашат-I, объект 22, погребение 1 (Археологические памятники в зоне затопления Шульбинской ГЭС. – Алма-Ата, 1987, рис. 102 (1)). Приведенные аналогии и параллели позволяют датировать застежку «дайгоу» из Восточного Казахстана IX-XII вв.

Важным элементом на пряжках данного типа, датированных периодом династии Хань, является наличие благопожелательных надписей в сочетании с орнаментом в виде растительных побегов, облачных и водных завитков. Орнамент настолько сложен, что трудно понять, где заканчивается один и начинается другой. Интересен тот факт, что традиция размещать надписи на бронзовых предметах присутствует в тюркской культурной среде, в частности на зеркалах. Известно несколько экземпляров зеркал с руническими надписями азиатского региона (Рыгдылон, 1951, рис. 4-9, с. 116-120). Два зеркала происходят из Восточного Казахстана. Руническая надпись из 14 знаков присутствует на зеркале 8-лопастной формы с изображением четырех уток в окружении пчел и цветочных пальметт из Урджара. Зеркало датировано А. Н. Бернштамом VII-X вв. – династия Тан (Аманжолов, 2003, с. 199-200). Еще одно зеркало из Зевакинского могильника, кургана 146, датированное IX-X вв., содержит руническую надпись, состоящую из 31 знака (Арсланова, Кляшторный, 1973, с. 312). Еще одним объединяющим моментом на всех ханьских пряжках является достаточно своеобразная трактовка хвоста в виде трилистника с круглыми боковыми «плавниками». Хвост пряжки из Зайсанской котловины в большей степени напоминает хвост рыбы.

Яркой отличительной чертой драконов на застежках «дайгоу» является то, что существо изображено «лежащим на спине» с приподнятой головой, держащим в лапах на брюхе большую рыбу. Многочисленные изображения драконов на зеркалах, как правило, выполнены в профиль. Возможно, что это объясняется плоской формой самого предмета. Следует также заметить, что на зеркалах драконы более разнообразны по своему виду, позе и сопровождающим художественным образам и декоративным элементам.

Морфологический анализ дает возможность максимально рассмотреть аспекты семиотики в декоре пряжек через глубокий смысл изображенных образов и мотивов (семантику), композицию и внутреннюю иерархию элементов (синтаксис, отношение знака к знаку) и, наконец, отношение образов (знаков) к человеку (прагматика). В декоре пряжек, безусловно, преобладает орнаментализм, особенность которого заключается в том, что он не существует в виде самостоятельного произведения, а неразрывно связан с вещью. С другой стороны орнамент представляет собой достаточно сложную структуру, состоящую из упорядоченного сочетания более простых частей и составных мотивов. В результате между знаком и предметом устанавливается неразрывная связь, в которой знак обозначает и одновременно созидает сам предмет. Символическое значение становится столь же важным, как и эстетическое.

Центральное место в декоре пряжек занимает образ мифического существа – дракона, довольно противоречивого существа в китайской мифологической и культурной традициях. Ученый ханьского времени Ван Фу (王符, 78-163 года) сделал описание дракона, в котором указывает на необходимость строго учитывать «три соединения» – в направлении от головы к плечам, от плеч к груди, от груди к хвосту и «девять анатомических подобий». На своей голове дракон имеет нечто похожее на широкий выступ – гребень, который называется

«чиму» (尺木). Если у дракона нет «чиму», он не может подняться в небеса. Этот гребень он «занял» у петуха и не отдал (Эберхард, 1977, с. 56). Аналогичные требования к изображению дракона повторяются в трактате XI в. «Записки о живописи: что видел и слышал» китайского мастера Го Жо-сюя, где он также указывает на необходимость предельно полно выражать великолепие его изгибов, щетину, гриву и волосы (Го Жо-сюй, 1978, с. 37). Что касается девяти подобий (сходств), существуют их различные варианты. Рога дракона – как у оленя, голова – как у верблюда (лошади), глаза – как у демона, его шея и туловище – как у змеи, покрыто чешуей, с гребнем на спине, которые по строению и твердости подобны щиту черепахи. Брюхо дракона – как у моллюска, его чешуя – как у карпа, когти – как у орла (сокола, хищной птицы), подошвы (лапы) – как у тигра, уши – как у быка, хвост – как у змеи (Яковлев, 1946, с. 19). Встречается описание дракона, имеющего атрибуты остальных 11 знаков китайского 12-летнего цикла – усы крысы, рога вола, когти и зубы тигра, брюхо кролика, тело змеи, ноги лошади, бороду козла, находчивость обезьяны, гребень петуха, уши собаки, морду свиньи. В описании драконов отмечается, что ои слышат звуки не ушами, а рогами и имеют 117 чешуек, из которых 81 чешуйка янская, 36 – иньские. Здесь видна явная нумерологическая составляющая: кратность 9, одному из основополагающих чисел в китайской культуре: 9х9=81, 9х4=36; нечетные числа символизируют ян, четные – инь.

Китайский дракон – существо в китайской мифологической и культурной традиции довольно противоречивое. На протяжении веков дракон – Лун был символом китайского императора, власти и государства. Однако даже сами китайские исследователи признают, что далеки от однозначной трактовки всех моментов, связанных с драконом. В наиболее ранних преданиях и легендах содержатся сведения о четырех драконах-императорах – божественных правителях четырех морей: Гуан-дэ – Восточного моря, Гуан-ли – Южного, Гуан-жун-Западного и Гуан-цзэ – также Западного. Помимо исполнения своей основной функции – управления океанами и морями, четыре брата-дракона повелевали облаками и дождями и могли насылать потопы. Главным среди них считался старший брат Гуан-дэ, которого также звали Лунван. Ему подчинялись бог грома Лэйгун, богиня молнии Дянь-му, владыка дождя Юйши и бог ветра Фэнбо. Представление о драконах четырех морей получило развитие в даосской мифологии, а в буддийской традиции их стало восемь или, по другим источникам, десять. Кроме Лун-вана и его братьев существовало бесчисленное множество других драконов – страж востока (Цин-Лун), юга (Чжуняо), севера (Сюань-ю) и запада (Бай-ху). Драконы-божества Луны различались по своему виду. Среди них были цзяо – чешуйчатые, ин – крылатые, цю – рогатые, чи – безрогие (Терентьев-Катанский, 1971, с. 120) Небесные драконы – Тин-Луны – защитники обители богов и императора, жили на вершинах гор и были желтого цвета, с огромной золотистой гривой. Это высшая категория божественных драконов. Они обладали способностью подниматься на небо. Двукрылый дракон Ин-Лун служил Небесному владыке и ведал дождями, а также помогал устранять последствия потопов. Божественный дракон Шен-Лун управлял ветром, тучами

и дождем. У него не было крыльев, а сам он похож на огромную змею с красными и голубыми полосами. Чанг-Луны – великие драконы, повелители рек. Это были кроваво-красные змеи, чья грива достигала невероятных размеров. Драконы земли – Тай-Луны – управляли водой, определяли направление и глубину рек, но потеряли свою способность подниматься на небо. Подземные драконы – Фу-Тсан-Луны и Пан-Луны, хранители сокровищ и кладов, стражники потаенных мест, оберегали сокрытые в земных недрах драгоценные камни и металлы. Они были похожи на змей и так же, как и змеи, сбрасывали кожу (Яковлев, 1946, с. 20). Это далеко не полный перечень китайских драконов, из которого ясно, что дракон – это центральное, главное божество, способное проявляться в разных формах. Наверное, отсюда и столь богатая иконография данного художественного образа на изделиях из бронзы.

Наряду с драконом в декоре пряжки особое место занимает рыба. Художественная трактовка, выразительность отдельных элементов достаточно реалистично передают признаки карпа.

Символика священной рыбы «Тай» (карпа) в китайском изобразительном искусстве имеет глубокие легендарные корни. Первая версия основана на естественных особенностях поведения карпа в природной среде. Это очень жизнестойкая рыба, она может преодолевать огромные расстояния и колоссальные препятствия в поисках еды и продолжения рода. С этими выдающимися качествами и связана самая популярная легенда, согласно которой карп настойчиво плывет против течения, преодолевая бурные потоки Желтой реки и водопады, к символическим «Вратам дракона». Благодаря своему огромному упорству и целеустремленности он перепрыгивает их, превращается в дракона и поднимается в небо. Находясь в процессе перерождения, карп обладает головой дракона и телом рыбы. В этом качестве карп символизирует упорство, настойчивость, способность преодолевать трудности и преграды в достижении поставленной цели, поэтому он еще и символ успеха, победы над обстоятельствами, силы духа и военной славы. В представлениях китайцев человек в течение жизни проходит через множество рубежей или критических моментов – «гуань». Но особенно легенда превращения простой рыбы в мощное и грозное животное была близка людям, стремящимся к более высокому социальному положению, к особым, порой честолюбивым, целям. В Китае строгая иерархия класса чиновников первоначально была организована в систему девяти рангов, а с эпохи Суй и до заката династии Цин в экзаменационную систему кэцзюй, обеспечивавшую доступ в государственный бюрократический аппарат Китая. Существовали строго разработанные процедуры проведения государственных экзаменов и очень жёсткие требования к лицам, проходящим это испытание. Для получения должности чиновнику необходимо было пройти сложные многоступенчатые испытания. При династиях Мин и Цин они делились на следующие категории: туншэнши, сянши, хуэйши, дяньши. Экзамены туншэнши проводились раз в год в уездных центрах. В случае успешной сдачи этих экзаменов испытуемому присваивалось звание «шэнъюань» и предоставлялось право участвовать в следующих экзаменах – сянши, которые проводились в административных

центрах провинций раз в три года. Сдавший их получал звание «цзюйжэнь» и мог участвовать в следующей категории испытаний – хуэйши. Для этого приходилось добираться до столицы, где хуэйши проводились также раз в три года. Те, кто выдерживал это испытание, назывались «гуншэн», и перед ними открывалась возможность раз в три года попытаться сдать главный экзамен – дяньши, который проходил в императорской резиденции. Пройдя и это испытание, человек приобретал учёное звание «цзиньши» и право поступить на государственную службу. Каждая следующая категория экзаменов была сложнее предыдущей, и подавляющее большинство соискателей не проходило даже первую ступень. А уж осилить всю «лестницу» государственных экзаменов и получить хорошую должность в имперском чиновничьем аппарате удавалось лишь единицам, причём они достигали этого, как правило, в уже далеко не молодом возрасте. Успешная сдача всей серии экзаменов обеспечивала кандидату должность в корпусе высших чиновников. Система девяти рангов классифицировала гражданских и военнослужащих всех уровней. Чиновники прямого подчинения императору именовались «Первым рангом», а провинциальные соответственно спускались до 9-й ступени. Кроме того, существовало дополнительное деление девятого ранга на «чжэн» (正, zheng), «цун» (從, cong), «шан» (上, shang) и «ся» (下, xia).

Вторая легенда о карпе связана с даосским святым Цинь Гао, который сидел на берегу большого пруда, созерцал водную гладь и наблюдал за рыбами. Пруд был красивым и широким. Вдруг старцу захотелось переправиться на другой берег. Он попросил рыб перевезти его, но они были заняты своими делами, и только карп вызвался помочь ему. Цинь-Гао сел на карпа, и они поплыли. Рыба плыла так спокойно и неторопливо, что мудрец начал терять терпение. Однако мудрость старца подсказала ему, что тот, кому оказали одолжение, не должен предъявлять претензий и жаловаться на неудобства. Когда карп, наконец-то доплыл до противоположного берега, Цинь-Гао понял, что прошло 100 лет и в мире все изменилось. Любознательный старик захотел получить новые знания и поделиться со своими современниками. Он усердно познавал все новое, проявляя терпение и настойчивость. Цинь-Гао вернулся на берег озера, снова сел на карпа и поплыл обратно в прошлое, чтобы рассказать людям какое будущее их ждет. Пока они плыли, снова прошло 100 лет, и мир опять поменялся. Мудрецу пришлось вернуться и собрать новые знания и достижения. Снова он отправился к другому берегу, чтобы напомнить людям то, что они забыли или потеряли в прошлом. И опять переправа длилась сотню лет… Так мудрец пересекает реку времени и по сей день, но никак не может предупредить человечество о грядущем. Считается, что только рыба карп может пересечь границы времени и поведать о путешествиях Цинь-Гао и его открытиях, но рыбы не умеют говорить, или люди разучились слушать. В чтении орнамента одним из способов выражения является способ двойного прочтения, построенный на звуковом совпадении. В символике карпа омонимический аспект проявляется в том, что иероглиф для рыбы читается как «юй». Иероглиф, обозначающий слово «излишек», также произносится как «юй», по этой причине символ рыбы используется для

обозначения самых благоприятных категорий, имеющих отношение к достатку, да ещё и с излишком. Слово карп – «ли», также произносится как «выгода, прибыль», «сила, мощь». Кроме того, карп – символ гармоничных отношений в брачном союзе и многочисленности потомства.

На зеркалах и застёжках иконографически близки не только изображения рыб, но и волн. В представлениях древних китайцев началом жизни является единство двух противоположных сил: Неба и Земли. Конкретным выражением их слияния был дождь. Отсюда волны, облачные ленты и спирали – символы грома и молнии, а образ дракона – символ повелителя дождя, плывущего в волнах или парящего среди облаков и в то же время объятого пламенем. Как явление природы, облака переменчивы и связывались с предзнаменованиями. Облачный узор при династии Хань становится популярным и самым важным из узоров. При династии Тан получает распространение узор плывущих облаков, который происходит от более древнего орнамента с фигурами безрогого дракона и птиц. Появляется узор «облака и цветы», в котором четко различается изображение стебля и цветка (листа) в виде облака. В семантике такого узора проявляется созвучие слов «облако» и «удача» – юнь. Поэтому облако стало символом счастья и удачи. В дальнейшем появились более сложные облачные мотивы – «летящее облако», «неподвижное облако», «собирающиеся облака» и т. д., отражающие богатство и разнообразие существующих в природе облаков. Водный орнамент также является очень популярным в искусстве Китая. Вода как источник жизни, в семантике узора означает святость и чистоту. В зависимости от её состояния появились и разные виды данного мотива. Вода может журчать, волноваться, быть ровной или, напротив, безостановочно бегущей. Переменчивость воды обусловила множество вариаций данного орнаментального мотива, богатство значений и смыслов (Тянь Хэ, 2011, с. 176).

На одной из пряжек (музей «Метрополитен») на рыбе изображен цветок лотоса. Лотос – нежный и светлый цветок, произрастающий из тины и ила к поверхности воды, раскрывающий над ней свой бутон, для китайцев является символом чистоты, совершенства и созидательной силы и символизирует нравственно чистого человека, благородного ученого, стойко проходящего через грязь и соблазны, окружающие его в жизни.

Художественная композиция на пряжке вполне могла определять либо статус человека, либо его место в служебной карьере. К сожалению, на данном этапе пока сложно достоверно определить, к какому классу чиновников – гражданских или военных – мог относиться владелец пряжки. Хотя, принимая во внимание пожелания достичь самых больших высот, проявляя настойчивость, мужество и терпение, переданные с помощью отдельных образов и мотивов, можно предположить, что человек уже имел определенный уровень. В то же время не исключено, что эти пожелания могут трактоваться и как стремление человека обрести духовную силу и чистоту, познать философию и глубину смысла жизни. Такая задача куда более сложная, и такая пряжка становится уместной на поясе подвижника, выполняющего духовную миссию. Безусловно, рассмотреть все аспекты и проблемы, которые возникают при изучении предметов декоративного искусства, в одной статье просто невозможно. Однако вполне реально наметить

основные направления для дальнейшего изучения такой категории предметов, как застежки «дайгоу».

Литература

Агеева Е. И., Максимова А. Г. Отчет Павлодарской экспедиции 1955 г. // Тр. ИИАЭ АН КазССР. Т. 7 (Археология). – Алма-Ата, 1959. – С. 32-58.

Аманжолов А. С. История и теория древнетюркского письма. – Алматы: Мектеп, 2003. – 368 с.

Арсланова Ф. Х. Памятники Павлодарского Прииртышья (VII-XII вв.). // Новое в археологии Казахстана. – Алма-Ата, 1968. – С. 98-111.

Арсланова Ф. Х., Кляшторный С. Г. Руническая надпись на зеркале из верхнего Прииртышья // Тюркологический сборник 1972 г. – М., 1973. – С. 306-315.

Археологические памятники в зоне затопления Шульбинской ГЭС. – Алма-Ата: Наука, 1987. – 278 с.

Го Жо-сюй. Записки о живописи: что видел и слышал. – М.: Наука, 1978. – 237 с.

Лубо-Лесниченко Е. И. Привозные зеркала Минусинской котловины. К вопросу о внешних связях древнего населения Южной Сибири. – М., 1975. – 170 с. + 109 ил.

Ростовцев М. И. Срединная Азия, Россия, Китай и звериный стиль // ПАВ. – 1993. – № 5. – С. 57-75.

Рыгдылон Э. Р. Китайские знаки и надписи на археологических предметах с Енисея // Эпиграфика Востока. V. – М.-Л., 1951. – С. 113-120.

Терентьев-Катанский А. П. Китайская легенда о драконе // Страны и народы востока. Вып. 11. Страны и народы Центральной, Восточной и Юго-Восточной Азии. – М.: Гл. ред. вост. лит., 1971. – С. 119-126.

Тё: сэн косэки дзуфу (Иллюстрированный перечень древних памятников Кореи). – Токио, 1932.

Тянь Хэ. Семантика традиционного китайского орнамента // Общество. Среда. Развитие (Terra Humana). – 2011. – № 1. – С. 173-178.

Шавкунов Э. В. Культура чжурчжэней-удигэ XII-XIII вв. и проблема происхождения тунгусских народов Дальнего Востока. – М.: Наука, 1990. – 282 с.

Шэнь Цун-вэнь. Тан Сун тун цзин (Бронзовые зеркала периодов Тан и Сун). – Пекин, 1959.

Эберхард В. Китайские праздники. – М.: Наука, 1971. – 128 с.

Яковлев Л. М. Дракон (Этнографический очерк) // Записки Харбинского общества естествоиспытателей и этнографов. – Харбин, 1946. – № 1. – С. 20-24.

http://www. ebay. com/sch/i. html?_kw=bronze+belt+hooks. Адрес сайта американ ской компании «ebay».

http://www. metmuseum. org/collection/the-collection-online/search/49494. Адрес сайта Художественного музея «Метрополитен».

http://english. chnmus. net/fortnightselection/node_4973. htm. Адрес сайта музея провинции Хэнань.

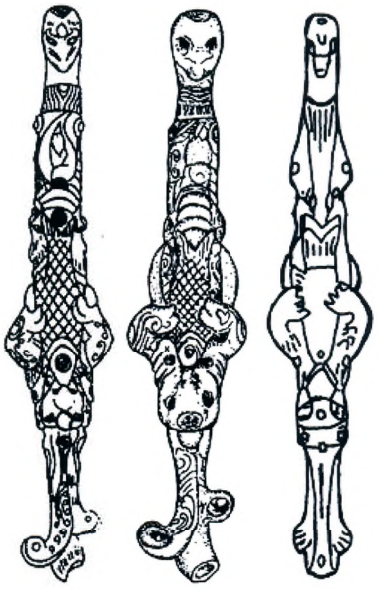
1 2

Рис. 1. Бронзовая пряжка из Зайсанской котловины (случайная находка). Фонды Восточно-Казахстанского областного архитектурно-этнографического и природно-ландшафтного музея-заповедника, г. Усть-Каменогорск
Рис. 2. Бронзовая пряжка, Китай. Сайт американского INTERNET-аукциона ebay

3 4

Рис. 3. Пряжка из собрания Художественного музея «Метрополитен», США
Рис. 4. Пряжка из собрания Лувра, Франция (опубликована М.И. Ростовцевым, 1929 г.)

5 6 7

Рис. 5. Пряжка из провинции Хэбэй
Рис. 6. Пряжка из провинции Чунцин
Рис. 7. Пряжка из провинции Цзянсу (прорисовки взяты с сайта музея провинции Хэнань в Чжэнчжоу)

Оразбаева З. Б.
Евразийский национальный университет имени Л. Н. Гумилева, г. Астана, Казахстан

ЗООМОРФНЫЙ ДЕКОР СРЕДНЕВЕКОВОЙ ТОРЕВТИКИ ПРИИРТЫШЬЯ

К концу I тысячелетия н. э. на территории Евразии сформировалось художественное направление – «орнаментализм нового степного стиля» или «степной орнаментализм», характерной особенностью которого стало сочетание растительного орнамента с изображениями животных и птиц (Фёдоров-Давыдов, 1976, с. 61-62). Новый стиль искусства степной Евразии наиболее ярко отражает торевтика – один из важнейших способов художественной деятельности рассматриваемого периода Она представлена в культуре средневековых кочевников Прииртышья многочисленными находками. Это ременные украшения воина-всадника (преимущественно уздечная и поясная гарнитура из цветного металла), украшения предметов вооружения и костюма. Большая часть этих изделий имеет характерные формы и декор.

Образы и символы средневекового искусства Прииртышья включают в себя антропоморфно-сюжетные изображения в сочетании с зооморфным декором,

отдельные зооморфные и орнитоморфные изображения, а также растительные мотивы.

Набор зооморфных мотивов Прииртышья можно разделить на нижеследующие группы по имеющимся образам.

Хищники и мифические животные. В кургане 145 Зевакинского могильника серебряные позолоченные концевые бляхи первого «парадного» пояса и трех его подвесных ремешков украшены рельефным изображением дракона (Арсланова, 2013, с. 37). Животное передано в напряженной позе, будто перед прыжком – задние когтистые лапы поджаты, пасть оскалена, из нее торчит язык-жало. В нижней части живота, у задних лап, обозначен фаллос, а с наружной стороны задних лап – поджатый, сужающийся к концу чешуйчатый хвост.

Наиболее близкой аналогией зевакинским ременным наконечникам является бронзовая концевая бляха пояса из погребения 1 объекта 23 могильника Карашат-I (Археологические памятники…, 1987, с. 202, рис. 102, *2*). На поверхности бляхи изображена фигура крылатого хищника-грифона. Крыло передано в видеполупальметты с загнутыми концами. Голова в деталях не прослеживается, закрученный на спину хвост заканчивается трилистником. Такой же трилистник помещен и между задними «шагающими» лапами зверя.

Бляхи с изображениями хищников известны из средневековых памятников Семиречья (Археологическая карта Казахстана, 1960, табл. VIII, *201*), но карашатский образец своеобразен и в передаче отдельных деталей имеет сходство с элементами декора сасанидских и согдийских изделий и датируется X в. (Арсланова, Самашев, 1987, с. 132).

Образ кошачьего хищника в средневековом искусстве Прииртышья представлен изображениями львов. В кургане 10 могильника Пчела Восточно-Казахстанской области была найдена фигурка «сидящего» льва (Король, 2008, с. 276, табл. 16, *4*). Ближайшими аналогиями прииртышской фигурки льва являются две находки из кургана ОлтарьI Обь-Иртышского междуречья и кургана 3 могильника Екатериновка III (Бараба в тюркское время, 1988, рис. 40, *4*; Чекрыжова, 2002, рис. 1, *5*). Изображения практически идентичны и соответствуют традиционной позе сидящего льва-прообраза и имеет больше основных иконографических черт оригинала: короткие ноги, укороченные пропорции тела, специфические морда мопса и грива льва, пышный хвост и подчеркнуто огромные глаза (Король, 2008, с. 276, табл. 16, *5*).

Львы изображены также в сцене охоты на оленя на ременных накладных бляхах из воинского захоронения кургана 254Зевакинского могильника (Арсланова, 2013, с. 44). Животные показаны бегущими влево: два льва находятся впереди и позади, между ними – олень. Львы изображены с оскаленной пастью и загнутым вдоль спины хвостом. Голова оленя поднята, ветвистые рога простираются параллельно спине и достигают поднятого хвоста. Судя по всему, в данном случае воспроизведена сцена загонной охоты хищников на оленя. Характерные пропорции тела, крупная гривастая голова, длинный хвост с четко обозначенной кисточкой на конце позволили Ф. Х. Арслановой отнести их к азиатскому подвиду львов, обитающих по сегодняшний день в северо-западной

Индии. Также исследователь подчеривает, что в отличие от тигров, добывающих себе пропитание в одиночку, львы охотятся и парами, и семьями, и группами (прайдами) по 5-10 особей на крупных копытных животных, в том числе и на оленей (Арсланова, 2013, с. 44). Поэтому обозначенный на данной бляхе сюжет «загонной» охоты двух львов на оленя вполне соответствует реальности. Возможно, он также отражает и тотемические представления племен, оставивших эти памятники. Прямые аналогии этому изображению неизвестны. Почти идентично зевакинскому хищнику изображение льва на бронзовой монете из Отрара, найденной в слоях VII – начала VIII в., только идущего вправо, а не влево. Авторы публикации Т. Н. Сенигова и Р.З. Бурнашева отмечают, что в «тюркское время изобразительный мотив льва получил широкое распространение как на металле, так и на керамике» (Сенигова, Бурнашева, 1980, с. 67, рис. 3).

Копытные животные. Среди находок из Прииртышья к данной группе относятся изображения оленей, ланей (лежащих и бегущих), а также лошадей.

Одним из ярких образцов является наконечник ремня из кургана 1 могильника Орловка VIII-IX вв. с рельефным изображением двух оленей с лентой на шее, лежащих у священного дерева (Арсланова, 1969, с. 44, рис. 1, *2*). Рога плохо проработаны, поэтому оленей можно принять за ланей. По мнению Ф. Х. Арслановой, сцена на бляхе была скопирована с согдийского оригинала, попавшего в Прииртышье в результате экономических, политических и культурных взаимоотношений, имевших место между племенами Западнотюркского каганата и Согда (Арсланова, 1969, с. 56). Наконечник ремня, являясь предметом прикладного искусства с практическим назначением, как нельзя лучше отражает синкретическое искусство древних тюркоязычных племен. На рассматриваемой орловской накладке как форма рогов, так и развевающийся шарф – элементы иранского происхождения. Последний прием в раннем средневековье (VIII – вторая половина IX в.) распространен также в Согде и Хорасане (Маршак, 1971, табл. Т 27, *28, 34, 35*; Даркевич, 1976, рис. 8).

Изображение оленя в Прииртышье также отмечено в сцене львиной охоты на зевакинских ременных бляхах, о чем говорилось выше. С образом оленя (лося) были связаны древнейшие космогонические представления сибирских народов, в которые входит культ солнца. У селькупов он представляется и как «господин синего неба» (Мартынов, Бобров, 1974, с. 68). В шаманских обрядах саяно-алтайских народов образ оленя (марала) играл значительную роль. Олень наряду с конем был священным животным, которого специально посвящали божествам, духам гор, воды (Король, 2008, с. 139).

Образ лошади в средневековом искусстве Прииртышья запечатлен в бронзовом литье, на так называемой коньковой привеске из Павлодарского музея. Это изделие является изображением двух изящно очерченных лошадиных голов, повернутых в противоположные стороны (Смагулов, 2006, с. 88, рис. 2, *2*). Шеи лошадей и основание привески украшены линиями бугорков-жемчужин. В основании расположены шесть круглых отверстий – петель, на которых крепились подвески в виде маленьких колокольчиков. В верхней части между гривами лошадей имеется еще одна петля, служившая для крепления изделия. В

средневековье подобные украшения были широко распространены среди угро-самодийских народов Приуралья и Западной Сибири (Смагулов, 2006, с. 90).

Коньковые привески (парные протомы) известны в раннесредневековой культуре Хазарского каганата как импорт из регионов с финно-угорским населением и как элемент особой группы салтовских древностей, возможно имеющей тюркский компонент в своем составе. По мнению В.Е. Флеровой, салтовские «двуглавые коньки» являются парными протомами верблюдов или птиц. Здесь имеет место быть возможное переосмысление ремесленниками орнитоморфного облика протом в зооморфные, в том числе с конскими головками (Флерова, 2001, с. 43-47).

Рыбы. В наборе зооморфных декоративных мотивов присутствуют изображения рыб в виде пластических объемных двусторонних фигурок и в украшении зеркала.

К настоящему времени в Казахстанском Прииртышье известно 7 металлических скульптурок рыб. Из средневековых памятников ТрофимовкаI, Зевакино, Выдриха, Боброво II, Карашат I – по одному экземпляру, а также из раскопок Г. Ф. Миллера – два экземпляра (Миллер, 1937, рис. 22).

Образ рыбы – один из сюжетов, довольно часто встречающихся в археологическом материале либо в форме объёмной скульптуры, либо в рисунках.

В соседней с прииртышским регионом территории Барабинской степи известны скульптуры каменных рыб. Они трактованы очень схематично. Кроме того, в раскопанных Миллером курганах, в районах между Обью и Иртышом, были обнаружены две серебряные скульптуры рыб.

Основой хозяйства племен, населявших районы бассейнов рек Оби, Иртыша в древности, являлись охота и рыболовство. В большинстве случаев изображения рыбы связаны с культовыми предметами, чаще всего – с отображением потустороннего мира, в котором якобы встречаются те же живые существа (звери, птицы, рыбы), которые знакомы человеку из конкретной окружающей его природы. К числу их следует отнести изображения рыб, обнаруженных в Прииртышье, исполненные очень реалистично.

В кургане 13 могильника ТрофимовкаIVIII-IX вв. обнаружено скульптурное изображение рыбы, сделанное из металла. Изделие состоит из двух половинок, отлитых отдельно, а затем склёпанных на плавниках небольшими гвоздиками со шляпками (Агеева, Максимова, 1959, рис. 2, *5*). Хорошо и чётко моделированы плавники, хвост, разинутая пасть. Перья хвоста переданы небольшими выпуклыми валиками. Внутри сохранились остатки ткани, очевидно от пояса, на котором она была привешена. По тулову рыбы с двух сторон идет растительный орнамент, состоящий из розеток и длинных узких листьев. По мнению авторов раскопок, скульптурное изображение рыбы, обнаруженное в кургане 13, безусловно, является культовым предметом, связанным с широким кругом шаманистских представлений того времени, взятым из окружающей человека природы (Агеева, Максимова, 1959, с. 50).

Аналогичная скульптурка найдена в погребении 1 объекта 23 могильника КарашатI (Самашев, 1983, с. 444-445).

Практически копией трофимовской рыбы является бронзовое скульптурное изображение из кургана 146 IX-X вв. Зевакинского могильника (Арсланова, 2013, с. 225). Зевакинское изображение, как и павлодарское, состоит из верхней и нижней полых половинок, отлитых отдельно, а затем склепанных через отверстия на плавниках. Поверхность изображения полностью покрыта рельефным растительным орнаментом, состоящим из розеток, стеблей и листьев. Несмотря на всю похожесть двух фигурок, у них есть отличия: в трофимовском экземпляре отсутствуют прямоугольные выступы по бокам, по-разному очерчен хвостовой плавник. Наличие остатков войлочного шнура, плотно заполнявшего внутреннюю часть зевакинской «рыбы», позволяет предполагать, что ее носили подвешенной на шнурке, надетом на шею. Фигурка, плотно насаженная на конец этого шнура, висела вертикально, головой вверх.

Все три фигурки рыб из Трофимовского, Зевакинского и Карашатского курганов исполнены в одинаковой манере и имеют идентичный по сюжету орнамент. Он покрывает всю поверхность тулова рыбы. На всех экземплярах своеобразно изображено древо жизни. Пышные ветки стилизованного трилистника вырастают из шестилепесткового цветка. Вся эта композиция включена в овал и повторяется дважды. Три шестилепестковых цветка, расположенных друг над другом, связаны между собой центральным стеблем. При этом на плавниках всех трех рыб изображен заштрихованный поперечными рельефными линиями лист. Подобный лист нанесен также между верхним и средним цветком. Многие элементы растительного орнамента (цветы, листья) заимствованы в искусстве стран Востока и творчески переработаны местными мастерами. Так, на поверхности еще одной «рыбки» из разрушенного кургана у с. Выдриха Шемонаихинского района Восточно-Казахстанской области изображены расходящиеся из одного стебля трехлепестковые цветы, которые составляют самостоятельные композиции, отделенные друг от друга рельефно переданным кругом (Арсланова, 1985, с. 68). На остальных трех экземплярах – два из раскопок Г. Ф. Миллера (Миллер, 1937, рис. 22) и один из Бобровского могильника (Арсланова, 1968, табл. 1, *188*) орнамент отсутствует или схематично (подковообразными линиями) передает чешуйки. Ф. Х. Арсланова подтверждает предположение Е. И. Агеевой и А. Г. Максимовой о том, что изображение рыбы считалось принадлежностью шаманского культа и добавляет, что образ рыбы также связан и со сложным мифом о Сэнмурве (Арсланова, 1985, с. 68).

Распространение известных аналогичных изображений рыб ограничено Прииртышьем и Приобьем. Все эти изображения сближают стиль, форма, способ и время изготовления. Пока преждевременно считать рассматриваемые изделия этническим признаком, однако следует учесть, что культ рыбы в Прииртышье был распространен еще в предшествующее время и сохранился до позднего средневековья.

Изображение парных рыб встречено на зеркале из кургана 14 Ждановского могильника X-XII вв. (Арсланова, 2013, с. 178, рис. 1). Пространство между двумя рельефными изображениями рыб заполнено стилизованным растительным орнаментом, характерным в Китае для танского времени. Происхождение

мотива парных рыб восходит к древнекитайскому искусству. Там этот мотив считается древнейшим из известных, популярным вплоть до современности символическим мотивом(Арсланова, 2013, с. 168).

Птицы. Одним из самых излюбленных мотивов тюркского декоративно-прикладного искусства, украшавших конское снаряжение, вооружение, одежду, предметы быта, являлся образ птицы.

На обломке ажурной бронзовой пластинки из средневекового могильника Сандыккала Восточно-Казахстанской области изображены парные противостоящие птицы, напоминающие фениксов (Археологические памятники…, 1987, с. 232, рис. 113, *10*). У них имеются характерные хохолки, сложенные крылья, пышные хвосты с загнутыми кончиками перьев. Данный мотив изображения парных птиц встречается повсеместно на Алтае и прилегающих территориях. Две практически идентичные композиции изображены на нашивной бляхе и накладке из собрания П. К. Фролова из района Змеиногорска Алтайского края (Король, 2008, с. 212, рис. 63, *7, 8*). На изделиях изображены фениксы с хохолками, вытянутыми шеями, приподнятыми крыльями, между ними – символическое «древо жизни».

Образ феникса в средневековом искусстве кочевников Прииртышья восходит к танскому искусству Китая (VII-X вв). Данный образ пришел из Китая в Саяно-Алтай через торговлю, вместе с танскими зеркалами, на которых изображались эти птицы (Лубо-Лесниченко, 1975, рис. 24, 25).

Заимствованный образ феникса по мере стилизации был постепенно трансформирован местными мастерами в образ петуха. Экзотические образы петуха-феникса зафиксированы на таких предметах украшения как навершия, заколки, булавки, бляшки.

Обнаруженное серебряное литое навершие в могильнике КарашатI в Восточном Казахстане было выполнено в виде плоской фигурки птицы, с гребешком на голове и поднятым хвостом, напоминающей петушка (Археологические памятники…, 1987, с. 202, рис. 102, *4*). Похожее навершие в виде петуха-феникса, но с каплевидным отверстием на хвосте, представлено в комплексе кургана IX-X вв. из Семипалатинска, раскопанного И. А. Армстронгомв 1857 г.(Король, 2008, с. 142, рис. 34, *3*).

В кургане 145а Зевакинского могильника в Восточном Казахстане у головы погребенной была обнаружена серебряная бляха, выполненная в виде петушка. Она крепилась к головному убору, благодаря двум отверстиям внизу изделия (Арсланова, 1998, с. 100).

Заколки и булавки с навершиями в виде петушка встречены в инвентаре погребения у с. Выдриха Восточно-Казахстанской области, семипалатинского средневекового кургана, раскопанного И. А. Армстронгом (Арсланова, 1998, рис. 2, *24*; Король, 2008, с. 142, рис. 34, *1, 2*). Здесь прослеживается мотив «птицы на дереве», который восходит к мифу о Мировом древе как источнике жизни и птицах, которые являются хранилищами душ (Король, Конькова, 2007, с. 236).

Образ павлина также можно отнести к переработанному образу китайского феникса (Король, 2008, с. 218). В Павлодарском Прииртышье на ременной

накладке встречено изображение павлина с поднятыми крыльями и хвостом между гроздьями винограда (Агеева, Максимова, 1959, с. 53). Мотив виноградной лозы и гроздьев, пришедший из сасанидского искусства V в. (Даркевич, 1976, с. 75), широко распространяется в танском Китае, в сочетании с изображениями животных. Зеркала с такими композициями были наиболее востребованными для копирования местными мастерами (Лубо-Лесниченко, 1975, с. 23, 24).

Образом водоплавающей птицы украшались оружие, конское снаряжение, детали одежды, предметы быта.

К примеру, фигурная бляха, скреплявшая обоймы ножен сабли из могильника Зевакино (курган 145) Восточного Казахстана X-XI вв., украшена изображением человека, сидящего между двумя гусями (Арсланова, 2013, с. 37).

Другим вариантом изображения образа водоплавающей птицы являются застежки и бляшки в виде летящих уток с распростертыми крыльями. В прииртышском регионе они обнаружены у г. Семипалатинск, при раскопках И. А. Армстронга в XIX в. (Король, 2008, с. 142, рис. 34, *4*), и в могильнике КарашатI в Восточно-Казахстанской области (Археологические памятники…, 1987, с. 207). Застежки из Семипалатинска представлены в количестве трех штук, уплощенной формы: две с продолговатыми отверстиями на шее и одна без отверстий. Три стилизованные в виде фигурок уток пластинчатые бляшки из КарашатаI также имеют продольные и мелкие отверстия, предназначенные для нашивки изделий на материю или кожу, а лицевые стороны украшены рельефным растительным орнаментом. Застежки и бляшки из обоих памятников датированы исследователями кимакским временем – IX-X вв. (Король, 2008, с. 142; Археологические памятники…, 1987, с. 176).

Традиция изображения водоплавающих птиц в средневековом искусстве Прииртышья имеет глубокие корни. Как известно, в тюркском пантеоне основными богами являются Тенгри (Небо) – бог Верхнего мира, Жер-Су (Земля-Вода) – бог Среднего мира и Эрклиг – бог Нижнего мира. Богиня жизни, плодородия, детей и воинов – Умай также является божеством Верхнего мира, наряду с Тенгри. В то же время одним из владений Великой богини-матери Умай считается водоем (молочное озеро) – источник жизни (Традиционное мировоззрение…, 1988, с. 123-136). Поэтому образ богини-матери мог бы восприниматься как соединяющий земную и водную поверхности с небесами, а исходя из этого, соединяться с чертами водоплавающей птицы (Король, 2008, с. 90-91). По этой причине у тюркских народов утка входят в число особо почитаемых, поскольку она является отражениями образа Умай, символами единства воды, земли и неба.

Многие образы и мотивы средневекового искусства Сарыарки были заимствованы из Передней Азии и Ближнего Востока в результате торговых контактов по Великому Шелковому пути. Моду задавало городское оседлое население. Кочевники копировали образы, творчески перерабатывая их под себя. Но все же существовало несомненное единство художественного стиля в декоративно-прикладном искусстве древнетюркской эпохи степной Евразии, которое было проявлением общности истоков культуры евразийских степей.

Литература

Агеева Е. И., Максимова А. Г. Отчет Павлодарской экспедиции 1955 года // Труды Института истории, археологии и этнографии. – Алма-Ата: Изд-во Академии наук КазССР, 1959. – Т. 7. – С. 32-58.

Арсланова Ф. Х. Женские погребения с бусами IX-X вв. из Казахстанского Прииртышья // Вопросы археологии Казахстана. – Алматы-Москва: «Ғылым», 1998. – Вып. 2. – С. 97-110.

Арсланова Ф. Х. Жоғарғы Ертіс өңірінің ортағасырлық археологиясының очерктері. Очерки средневековой археологии Верхнего Прииртышья. – Астана: Ә. Х. Марғұлан атындағы Археология институты Астана қаласындағы филиалының баспа тобы, 2013. – Т. III. – 405 б.

Арсланова Ф.Х. К вопросу о взаимосвязях урало-алтайского населения в IX-X вв. // Урало-Алтаистика. Археология. Этнография. Язык. – Новосибирск, 1985. – С. 63-69.

Арсланова Ф. Х. Памятники Павлодарского Прииртышья (VII-XII вв.) // Новое в археологии Казахстана. – Алма-Ата: Изд-во «Наука», 1968. – С. 98-111.

Арсланова Ф. Х. Погребения тюркского времени в Восточном Казахстане // Культура древних скотоводов и земледельцев Казахстана. – Алма-Ата: Изд-во «Наука», 1969. – С. 43-57.

Арсланова Ф. Х., Самашев З. С. Курганы кимаков в Семипалатинском Прииртышье // Проблемы средневековой археологии Урала и Поволжья. – Уфа, 1987. – С. 122-133.

Археологическая карта Казахстана. Реестр. – Алма-Ата: Изд-во АН КазССР, 1 960. – 488 с.

Археологические памятники в зоне затопления Шульбинской ГЭС. – Алма-Ата: Изд-во «Наука», 1987. – 280 с.

Бараба в тюркское время. – Новосибирск, 1988. – 176 с.

Даркевич В. П. Художественный металл Востока VIII-XIII вв. – Москва, 1976. – 198 с.

Король Г. Г. Искусство средневековых кочевников Евразии. Очерки. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2008. – 332 с.

Король Г. Г., Конькова Л. В. Торевтика малых форм IX-X вв. из раскопок И. А. Армстронга у Семипалатинска (комплексное исследование) // Культурно-экологические области: взаимодействие традиций и культурогенез. – СПб, 2007. – С. 228-248.

Лубо-Лесниченко Е. И. Привозные зеркала Минусинской котловины. – М., 1975. – 170 с. + 109 илл.

Мартынов А. И., Бобров В. В. Образ космического оленя в искусстве тагарской культуры // Бронзовый и железный век Сибири. – Новосибирск, 1974. – С. 65-73.

Маршак Б. И. Согдийское серебро. Очерки по восточной торевтике. – М.: Наука, 1971. – 157 с.

Миллер Г. Ф. История Сибири. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1937. – Т. 1. – 607 с.

Самашев З.С. Раскопки могильника Карашат // Археологические открытия. – 1981. – М., 1983. – С. 444-445.

Сенигова Т. Н., Бурнашева Р.З. Изобразительный мотив льва в прикладном искусстве древнего Казахстана // Археологические исследования древнего и средневекового Казахстана. – Алма-Ата: Наука, 1980. – С. 65-82.

Смагулов Т. Н. Памятники потчевашского типа в Казахстанском Прииртышье // Известия НАН РК. Серия общественных наук. - Алматы: НАН РК, 2006. – № 1 (252). – С. 85-91.

Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири. Пространство и время. Вещный мир. – Новосибирск, 1988. – 224 с.

Федоров-Давыдов Г. А. Искусство кочевников и Золотой Орды. – Л.: Искусство, 1976. – 228 с.

Флерова В. Е. Образы и сюжеты мифологии Хазарии. – М., Иерусалим: Гешарим, Мосты культуры, 2001. – 159 с.

Чекрыжова О. И. Образ фантастического хищника в древнем и средневековом искусстве Алтая // Культурология и история древних и современных обществ Сибири и Дальнего Востока. – Омск, 2002. – С. 460-463.

ПӘНАРАЛЫҚ ЗЕРТТЕУЛЕР

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Гайдученко Л. Л., Кирюшин К. Ю.

Челябинский государственный университет, г. Челябинск, Алтайский государственный университет, г. Барнаул, Россия

НОВЫЕ ОСТЕОЗООЛОГИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ ИЗ РАСКОПОК ЭНЕОЛИТИЧЕСКОГО ПОСЕЛЕНИЯ НОВОИЛЬИНКА-VI В КУЛУНДЕ*

*** Работа выполнена по гранту РГНФ № 14-11-22601 «Археологические исследования поселения Новоильинка-6».**

*** Работа выполнена** при поддержке гранта Министерства образования и науки РФ (постановление № 220), полученного ФГБОУ ВПО «Алтайский государственный университет», договор № 14. Z50. 31. 0010 проект «Древнейшее заселение Сибири: формирование и динамика культур на территории Северной Азии».

До недавнего времени памятники эпохи энеолита на территории Кулунды были неизвестны, поэтому каждый новый объект археологического наследия этого времени существенно расширяет круг источников по этому периоду в древнейшей истории Алтая. В 2013 г. в Хабарском районе Алтайского края выявлен новый памятник эпохи энеолита – поселение Новоильинка-VI (Кирюшин, 2013). Летом 2013 г. на территории поселения были заложены два шурфа общей площадью 8 кв. м С небольшой площади было получено 694 фрагмента керамики, 2146 каменных артефактов (Кирюшин, 2013) и 695 костей и зубов животных (Гайдученко, Кирюшин, 2013).

Летом 2014 г. исследования памятника были продолжены. На площади памятника была выполнена геомагнитная съемка с использованием квантового градиентометра G-858 методом вертикального градиента. Проведено картирование двух участков размером 40×40 м Это позволило более рационально спланировать дальнейшие работы, определить границы сетки раскопа и места складирования отработанного грунта.

В процессе раскопок было организовано просеивание и промывка грунта. В результате было обнаружено несколько десятков тысяч каменных артефактов, среди которых численно преобладают каменные чешуйки и мелкие фрагменты керамики (менее 1х1 см), но среди них много обломков каменных орудий, отщепов с ретушью, наконечников стрел, микроскребков.

В июле-августе 2014 г. на поселении исследовано 96 кв. м Несмотря на небольшую вскрытую площадь, полученные материалы позволяют отнести поселение Новоильинка-VI к числу наиболее высокоинформативных памятников эпохи неолита-энеолита Западной Сибири. В площадь раскопа практически полностью попало долговременное (зимнее) жилище эпохи энеолита (жилище № 1). На фоне материка хорошо читается котлован жилища размерами 7х6 м, ориентированный по длинной оси по линии ЮВ-СЗ. С северо-западной (наветренной) стороны находится выход. В площадь раскопа попали части ещё двух жилищ. Часть жилища № 2 находится в восточной, а часть жилища № 3 – в юго-западной части раскопа.

В процессе раскопок в центральной части раскопа (юго-восточная часть жилища № 1) был заложен шурф размерами 0,5х0,5 м (с целью отбора проб для почвенных и микробиоморфных анализов). В стенке шурфа хорошо выделяются два горизонта:

1 – периода, когда жилище использовалось как место, куда выбрасывали мусор и пищевые отходы;

2 – периода функционирования жилища.

В 2014 г. работы не были завершены. Были зачищены котлованы жилищ и объекты в межжилищном пространстве на уровне материка. После этого раскоп был законсервирован.

Уверенно можно говорить о том, что полученные в 2014 г. археологические коллекции относятся к периоду, когда жилища использовались как место, куда выбрасывали мусор, кухонные и технологические отходы. Первый горизонт, представляющий единое целое, был разобран условными слоями 1 – (0,1 м), 1А – (0,1 м) и 1Б – (0,05 м). Исследуемое поселение является открытым археологическим комплексом, и нельзя исключать возможности, что в составе археологических коллекций могут присутствовать артефакты более раннего и более позднего времени, которые попали в слой в результате механического перемещения грунта (кротовины, норы, хозяйственные и столбовые ямки и т. д.), но подобные включения следует считать единичными. В целом комплекс представляется единым целым.

Для первого горизонта жилища № 1 (слой 1) получены две радиоуглеродные даты 4290±95 л. т. н. (СОАН-9042) и 4320±100 л. т. н. (СОАН-9043), что позволяет датировать материалы памятника серединой – второй половиной III тыс. до н. э. Калибровка дат почти на тысячу лет удревняет время формирования этого слоя памятника. Максимальный разброс по сигме 1 (68,2 % probability) и по сигме 2 (95,4 % probability) составил 800 лет. Это очень значительный интервал. Скорее всего, процесс формирования культурного слоя памятника происходил в течение более короткого временного промежутка. С учетом калибровки радиоуглеродных дат можно уверенно говорить о том, что материалы первого горизонта относятся к эпохе энеолита, и датировать их первой половиной III тыс. до н. э.

Материалы второго горизонта датируются более ранним временем. В самой первой публикации, посвящённой открытию памятника, мы отмечали, что склонны считать, что коллекции поселения Новоильинка-VI относятся к раннему энеолиту, но не исключаем, что хронология и периодизация памятника

могут быть скорректированы по мере накопления материала и получения результатов радиоуглеродного датирования (Кирюшин, 2013). По результатам работ 2014 г. можно сделать предварительные выводы, что материалы второго горизонта предварительно можно отнести к раннему энеолиту, не исключая, что хронология и периодизация этого горизонта могут быть скорректированы по мере накопления материала. Археологические коллекции второго горизонта (а тем более остеозологические) в данный момент нельзя назвать представительными, поэтому в данной статье мы остановимся только на материалах первого горизонта.

Можно констатировать, что поселение Новоильинка-VI является сложным археологическим объектом с большим количеством различных структур, хронология и периодизация которых потребует тщательного анализа археологических коллекций и радиоуглеродного датирования каждой структуры.

В настоящей статье излагаются первые результаты обработки новых остеозоологических материалов.

В ходе разведочных работ из этого поселения было собрано 695 остеозоологических остатков (Гайдученко, Кирюшин, 2013, с. 213). В полевой сезон 2014 г. собрано 38 634 остатка, из которых 2877 определимы до вида или иной приемлемой систематической категории. Данные определений коллекций 2013 и 2014 гг. приведены в таблице 1.

Таблица 1. Систематическая принадлежность археологических остатков из раскопок Новоильинка-VI

Систематическая принадлежность	Горизонт 1		Горизонт 1а		Горизонт 1б		Всего	
	2013-2014*		2014		2014		2013-2014	
	Кости	Особи	Кости	Особи	Кости	Особи	Кости	Особи
Домашние								
Лошадь	1297	90	736	41	46	3	2079	134
КРС	415	54	246	30	13	2	674	86
Собака	24	10	12	7	–	–	36	17
Дикие								
Лось	3	2	18	7	–	–	21	9
Кулан	–	–	3	2	–	–	3	2
Кабан	1	1	–	–	–	–	1	1
Косуля	20	10	19	9	–	–	39	19
Медведь	1	1	–	–	–	–	1	1
Волк	3	3	–	–	–	–	2	2
Лисица	–	–	5	2	–	–	5	2

Корсак	**1**	**1**	**10**	**6**	**–**	**–**	**11**	**7**
Заяц	**–**	**–**	**2**	**2**	**–**	**–**	**2**	**2**
Птица	**2**	**2**	**–**	**–**	**1**	**1**	**3**	**3**
Неопределимые	**27272**		**6294**		**501**		**34067**	

* Данные о сборах 2013 г. взяты из статьи (Гайдученко, Кирюшин, 2013, табл. 1).

По количеству костей абсолютно преобладают домашние виды – 96,9 %, среди которых доминирует лошадь – 74,5 %. Крупный рогатый скот занимает вторую позицию – 24,2 %.

Поскольку основной функцией животных, кости которых изучаются, было мясообеспечение, то для выяснения значимости конкретного вида или группы необходимо определить поедаемую массу тела (далее – ПМТ). Для более конкретного определения ПМТ в расчёты следует вовлечь категорию «неопределимые остатки», насчитывающую 36452 разновеликих обломка, что составляет 92,7 % от всего остеологического материала. Методика пропорционального распределения «неопределимых остатков» отработана (Гайдученко, 2012; Гайдученко, Кирюшин, 2013). Отметим лишь то, что в данном случае в пересчёт не вовлечены 4 систематические категории – лисица, корсак, заяц и птица, так как обломки их костей на фоне остальных распознаются вполне удовлетворительно и в категорию «неопределимых» они не попали. В таблице 2 представлены количественные показатели состава изучаемого массива кухонных остатков с учётом категории «неопределимые остатки» – промежуточные расчёты опущены. В этой таблице не приводятся и в дальнейшем не рассматриваются данные для горизонта 1б, так как эта структура памятника ещё только вскрыта раскопками и пока остаётся неизученной.

Таблица 2. Количество костей и особей животных из раскопок поселения Новоильинка-VI с учётом группы «неопределимые»

Систематическая принадлежность	**Горизонт 1**		**Горизонт 1а**	
	Кости	**Особи**	**Кости**	**Особи**
Домашние	**30487**	**2547**	**8039**	**626**
Лошадь	**22818**	**1493**	**5952**	**321**
Крупный рогатый скот	**7250**	**889**	**1990**	**243**
Собака	**419**	**165**	**97**	**57**
Дикие	**477**	**268**	**326**	**146**
Лось	**53**	**33**	**146**	**57**
Кулан	**–**	**–**	**9**	**6**

Кабан	**18**	**17**	**–**	**–**
Косуля	**350**	**165**	**154**	**73**
Медведь	**18**	**17**	**–**	**–**
Волк	**35**	**33**	**–**	**–**
Лисица	**–**	**–**	**5**	**2**
Корсак	**1**	**1**	**10**	**6**
Заяц	**–**	**–**	**2**	**2**
Птица	**2**	**2**	**–**	**–**

Из таблицы 2 следует, что по количеству костей в горизонте 1 и 1а доминируют домашние виды – 98 % от общего количества костей. Среди домашних лидирует лошадь – 74,68 %; крупный рогатый скот, как и по данным таблицы 1, занимает второе место – 24 %.

ПМТ всей совокупности и отдельных групп животных определяем по разработанной методике (Гайдученко, Зданович, 2000; Гайдученко, 2012; Гайдученко, Кирюшин, 2013). Промежуточные расчёты опускаем – окончательный результат приведён в таблице 3.

Таблица 3. Поедаемая масса тела (ПМТ) животных из кухонных остатков поселения Новоильинка-VI (кг)

Систематическая принадлежность	**ПМТ одной Особи***	**Горизонт 1**		**Горизонт 1а**	
		Кол-во особей	**Общая ПМТ**	**Кол-во особей**	**Общая ПМТ**
Домашние	**–**	**2547**	**487328**	**621**	**114354**
Лошадь	**217**	**1493**	**323981**	**321**	**69657**
КРС	**183**	**889**	**162687**	**243**	**44469**
Собака	**4**	**165**	**660**	**57**	**228**
Дикие	**–**	**268**	**11569,1**	**146**	**12366**
Лось	**176**	**33**	**5808**	**57**	**10032**
Кулан	**106**	**–**	**–**	**6**	**636**
Кабан	**50**	**17**	**850**	**–**	**–**
Косуля	**23**	**165**	**3795**	**73**	**1679**
Медведь	**50**	**17**	**850**	**–**	**–**
Волк	**8**	**33**	**264**	**–**	**–**

Лисица	**3,5**	**–**	**–**	**2**	**7**
Корсак	**1,5**	**1**	**1,5**	**6**	**9**
Заяц	**1,5**	**–**	**–**	**2**	**3**
Птица	**0,3**	**2**	**0,6**	**–**	**–**

* Поедаемая масса тела одной особи принята по (Гайдученко, Зданович, 2000, с. 45-72; Гайдученко, 2012) ПМТ птицы с учётом её костей, условно принята за 0,3 кг.

Поскольку до полного завершения раскопочных работ на данном памятнике рассматривать остеологические особенности его структур не имеет смысла, то сообщаем объединённые данные для горизонтов 1 и 1а. Суммарная ПМТ для них равна 625617,1 кг (625 т и 617,1 кг). ПМТ домашних видов равна 601682 кг, что составляет 96,175 % от всей ПМТ. Для диких видов эта величина равна 23935,1 кг и 3,825 % соответственно.

В группе домашних видов по показателю ПМТ первое место занимает лошадь – 393638 кг, или 65,423 %; второе место принадлежит крупному рогатому скоту – 207156 кг, или 34,430 % соответственно; третье – собаке (естественно, при условии, что её мясо употреблялось в пищу) – 888 кг, или 0,148 % соответственно.

В группе диких видов пищевая значимость распределяется следующим образом: лось – 15840 кг, или 66,179 %; косуля 5474 кг, или 22,871 %; кабан и медведь – по 850 кг, или по 3,552 % каждый; кулан – 636 кг, или 2,658 %; волк – 264 кг, или 1,103 %; корсак – 10,5 кг, или 0,044 %; лисица – 7 кг, или 0,030 %; заяц – 3 кг, или 0,013 %; птица – 0,6 кг, или 0,003 %. Следует отметить условность помещения в вышеприведённый ряд волка, лисицы и корсака – мы не знаем точно, ели их мясо в древности или не ели, но, учитывая съедобность мяса этих видов, допускаем это. По крайней мере, другого способа оценки хозяйственной (= пищевой, в данном случае) значимости видов животных мы пока не имеем.

В результате полевых работ и выполненных камеральных исследований получены новые материалы и данные для выявления хозяйственной деятельности энеолитического населения Кулунды. По сравнению с 2013 годом расширен видовой состав домашних (добавлена собака) и диких животных, добывавшихся охотами (добавлены: лось, кулан, кабан, медведь, волк, лисица, корсак, заяц, птица).

Подтверждён преимущественно животноводческий характер экономики энеолитических племён Кулунды. Варьируя в соотношении видов домашних животных, животноводство энеолитического населения Кулунды сопоставимо с животноводством энеолитических племён степного Казахстана (Тургая, Сары-Арки, Кокшетауской возвышенности).

Литература

Гайдученко Л. Л. Расчеты величин биомассы и поедаемой массы тела копытных в археоэкологических исследованиях / Л. Л. Гайдученко, Д. Г. Зданович // Археолог.

источник и моделирование древних технологий: труды музея-заповедника «Аркаим». – Челябинск: Центр «Аркаим»; Ин-т истории и археологии УрО РАН, 2000. – С. 45-72.

Гайдученко Л. Л. Остеологический комплекс поселения Токсанбай / Л. Л. Гайдученко // Труды филиала Института археологии им. А. Х. Маргулана в г. Астане. Т. 1. – Астана, 2012. – С. 160-170.

Гайдученко Л. Л. Остеологический комплекс раннеэнеолитического поселения Новоильинка-6 в Кулунде / Л. Л. Гайдученко, К. Ю. Кирюшин // Труды филиала Института археологии им. А. Х. Маргулана в г. Астане. Т. II. – Астана, 2013. – С. 212-220.

Кирюшин К. Ю. Поселение Новоильинка-VI – новый памятник энеолита Кулунды // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Материалы итоговой сессии Института археологии и этнографии СО РАН, 2013 г. – Т. XIX. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2013. – С. 202-206.

Зеленко М. Г., Рахимжанова С. Ж.

Академия «Кокше», г. Кокшетау, Казахстан,
Алтайский государственный университет, г. Барнаул, Россия

ТЕХНИКО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ КЕРАМИКИ БОТАЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ (ПО МАТЕРИАЛАМ РАСКОПОК 2011 г.)

В статье представлены результаты технико-технологического анализа керамики ботайской культуры эпохи энеолита в Северном Казахстане из раскопа 2011 года. Поселение Ботай было открыто в 1980 г. В. Ф. Зайбертом. Памятник располагается на правом берегу р. Иман-Бурлук (правый приток р. Ишим) в 1,5 км к юго-востоку от села Никольского Айыртауского района Северо-Казахстанской области (Зайберт, 1983).

Исследование проведено в рамках историко-культурного подхода (Бобринский, 1978), который рассматривает процесс изготовления глиняной посуды как устойчивую систему выполняемых гончаром действий, направленных на создание сосуда.

Целью данной статьи является реконструкция гончарных традиций у носителей ботайской культуры на доступных для изучения ступенях гончарного производства, а также характеристика орнаментальных традиций.

Основными задачами работы являются: выявление навыков отбора и обработки исходного сырья, навыков составления формовочной массы, реконструкция культурных традиций на данных степенях гончарной технологии, изучение орнаментальных традиций ботайской керамики.

Керамическая коллекция представлена 180 фрагментами венчиков, стенок и днищ от разных сосудов. Технологическому анализу были подвергнуты только фрагменты венчиков от 26 разных сосудов. Форму сосудов определить не удалось

из-за сильной фрагментарности керамики. Толщина стенок сосудов варьирует от 0,5 до 0,9 см. Судя по обломкам верхних частей, 3 сосуда относятся к закрытым и 23 – к открытым формам. По остальным фрагментам сделать вывод о форме сосудов невозможно.

Изучение фрагментов керамики осуществлялось под микроскопом МБС-2 по свежим изломам. Степень ожелезненности исходного пластичного сырья определялась после вторичного обжига в муфельной печи при 850 °С небольших фрагментов от каждого сосуда. Затем эти фрагменты сравнивались по цвету с экспериментальной шкалой ожелезненности глин (Цетлин, 2006). В связи с тем что керамика была представлена мелкими фрагментами, технологический анализ был проведен только по трем ступеням гончарной технологии, относящимся к подготовительной стадии производства: 1) отбор исходного сырья, 2) обработка исходного сырья 3) составление формовочной массы. По итогам проведенного анализа по вышеперечисленным ступеням нами были получены следующие данные.

Исходное сырье. По материалам поселения было выделено три вида исходного сырья: высокоожелезненная, среднеожелезненная, слабоожелезненная глины (табл. 1)

Таблица 1. Степень ожелезненности пластичного сырья, число сосудов, %

высокоожелезненная	среднеожелезненная	слабоожелезненная
9	**16**	**1**
34,6	**61,6%**	**3,8%**

Для определения степени пластичности глины нами были использованы критерии размерности и концентрации примеси естественного песка, предложенные Е. В. Волковой (Волкова, 1996, с. 33). По особенностям навыков отбора исходного сырья выделено использование местным населением двух видов глин: средней пластичности – Гл. 1 (65 %), и низкой пластичности – Гл. 2 (35 %), которые сочетались с различным составом естественных минеральных примесей (табл. 2).

Выявленные по степени пластичности и составу естественных примесей особенности глин позволяют предположить, что местные гончары использовали не менее 7 вариантов исходного пластичного сырья:

I. Гл. 1 + песок пылевидный – 9 сосудов (35 %)
II. Гл. 2 + песок пылевидный – 5 сосудов (19 %),
III. Гл. 1 + бурый железняк – 4 сосуда (15,4 %),
IV. Гл. 2 + тальк + песок мелкий – 3 сосуда (11,5 %),
V. Гл. 1 + тальк – 2 сосуда (7,7 %),
VI. Гл. 2 + бурый железняк + песок некалиброванный – 2 сосуда (7,7 %),
VII. Гл. 1 + известняк – 1 сосуд (3,7 %).

Следует отметить, что во всех 26 случаях (100 %) природная глина использовалась в состоянии естественной влажности.

Таблица 2. Виды исходного пластичного сырья, число сосудов, %

Степень пластичности глины	Состав естественных минеральных примесей в глинах								
	песок пылевидный	песок некалиброванный	тальк 1:3 +песок мелкий	тальк 1:6	известняк	бурый железняк	б. ж. +песок некалиброванный	всего	%
средняя	9		2	1	1	4		17	65%
низкая	4	1	1	1		1	1	9	35%
всего	13	1	3	2	1	5	1	26	100%
%	50%	4%	12%	7%	4%	19%	4%		100%

Формовочная масса. В качестве искусственных минеральных примесей использовались песок – 73 % случаев, шамот – 7,7 % и песок+шамот – 3,8 % (табл. 2). В остальных случаях (15,6 %) в качестве искусственных компонентов формовочной массы вносились *только* органические добавки.

Таблица 2. Сочетание искусственных минеральных примесей и глин разной пластичности в формовочной массе, число сосудов, %

Степень пластичности глины	Виды искусственных минеральных примесей		
	песок	шамот	шамот + песок
низкая	4	2	
средняя	15		1
всего число сосудов	19	2	1
%	73%	7,7%	3,8%

В качестве искусственной примеси гончары применяли главным образом песок разного размера и концентрации (табл. 3).

Таблица 3. Концентрация искусственной примеси песка разного размера в формовочной массе, число сосудов, %

Песок, мм	1:2	1:3	1:4	1:5	всего	%
некалиброванный песок		2			2	11%
средний песок 1,1-2,0 мм	1	4	7	1	13	68%
крупный песок >2,0 мм		3	1		4	21%
Всего:	1	9	8	1	19	100%
%	5%	47%	43%	5%		100%

Исходя из полученных данных, можно предположить, что ботайские гончары при составлении формовочных масс наиболее часто использовали в качестве искусственной добавки песок среднего размера, в концентрации 1:3-1:4 (42 %). Реже они применяли для этого некалиброванный или, напротив, крупный песок в концентрации 1:3 (19 %).

Шамот по сравнению с песком значительно реже вводился в формовочную массу керамики (7,7 %). По изученным сосудам зафиксировано использование примеси среднего и крупного шамота (табл. 4).

Таблица 4. Концентрация примеси шамота в формовочной массе, число сосудов

ШАМОТ	1:6	1:8	1:10	всего
средний шамот – 1,1-2,0		1		1
крупный шамот, >2,0	1		1	2
Всего:	1	1	1	3

В качестве искусственных органических примесей (табл. 5) был зафиксирован *навоз животных во влажном состоянии* (35 %), характеризующийся изогнутыми растительными отпечатками в виде хаотично расположенных пучков, пор различных форм с потеками на стенках *и в сухом состоянии* (46 %), представленны отпечатками растительности более короткими и прямыми, также *органический раствор* (15 %) в виде пор овальной и аморфной формы с потеками на стенках и *органические растворы,* которые фиксируются по черному «жирному» блеску на поверхности минеральных включений и аморфным пустотам, стенки которых также покрыты налетом.

Таблица 5. Сочетание искусственных органических примесей и глин разной пластичности в формовочной массе, число сосудов, %

Пластичность	Искусственные органические примеси			Всего число сосудов
	органические растворы	навоз сухой	навоз влажный	
средняя	3/11%	8/31%	6/23%	17/65%
низкая	2/8%	4/15%	3/12%	9/35%
Всего число сосудов	5/19%	12/46%	9/35%	26/100%

Судя по этим данным, гончары при составлении формовочной массы чаще всего использовали органические примеси в сочетании с глиной средней пластичности. Обобщая всю полученную информацию о составе искусственных примесей, использовавшихся гончарами поселения Ботай, представляется возможным выделить 5 разных культурных традиций составления формовочных масс керамики (табл. 6).

Таблица 6. Соотношение вариантов исходного сырья и рецепты формовочных масс керамики, число сосудов, %

Варианты исходного сырья с разным составом естественных примесей	Рецепты формовочной массы					
	песок-навоз	шамот+ навоз	навоз	песок+ органический раствор	Органический раствор	песок+ навоз+ шамот
Гл. 1 – песок пылевидный	7/27%			2/7,8%		
Гл. 2 – песок пылевидный	2/7,8%	1/3,8%	2/7,8%		1/3,8%	
Гл. 1 – тальк 1:3 – песок мелкий	1/3,8%		1/3,8%		1/3,8%	
Гл. 1 – тальк 1:6 – песок пылевидный	1/3,8%	1/3,8%				
Гл. 1 – известняк – песок пылевидный	1/3,8%					
Гл. 1 – бурый железняк – песок пылевидный	3/11,6%					1/3,8%
Гл. 2 – бурый железняк – песок некалиброванный					1/3,8%	

Для определения естественного происхождения талька были использованы критерии, предложенные Л. А. Краевой: разнообразие размеров включений, наличие значительной концентрации талька, значительное преобладание тальковой «пыли», присутствие включений разнообразных форм (Краева, 2010).

Среди 5 выделенных рецептов формовочных масс наиболее массовым был только один – «Гл. 1 + песок + навоз» (27 %), относительно часто использовались еще четыре рецепта: «Гл. 1 + бурый железняк + песок + навоз» (11,6 %), «Гл. 2 + песок + навоз» (7,8 %), «Гл. 2 + навоз» (7,8 %) и «Гл. 1 + песок + органический раствор» (7,8 %). Остальные рецепты зафиксированы суммарно в 38 % случаев.

Описание орнаментов проводилось по методике, разработанной Цетлиным Ю. Б. (Цетлин, 2008).

Элементы орнамента. Элемент орнамента – «отпечатки» или динамические «следы» на поверхности сосуда, создававшиеся мастером за один трудовой акт. На керамике ботайской культуры удалось зафиксировать использование 6 элементов орнамента: гребенчатого, фигурного, ямочного, веревочного, гладкого, накольчатого, а также наличие неорнаментированных участков. Наиболее

распространенными являются гребенчатый орнамент (53,8 %), веревочный (25 %) и ямочный (11 %). Остальные элементы встречены в единичных случаях.

Узоры. Узор – это локализованное изображение на поверхности сосуда, состоящее из одинаковых или разных элементов орнамента и выполненное за несколько трудовых актов. Узоры орнамента зафиксированы на 23 % всех изученных сосудов: узор из гребенчатых элементов (7,7 %), из веревочных элементов (7,7 %), из веревочных (7,7 %), из фигурных (3,8 %), гладких (3,8 %).

Мотивы. Мотив – это способ повторения элементов и узоров орнамента на поверхности сосуда. Элементы и узоры орнамента образуют разные мотивы, в зависимости от способов и направления их тиражирования. Простые мотивы (Вид-1) образованы из одинаковых элементов или узоров орнамента, а сложные мотивы из двух или большего числа сочетающихся или пересекающихся друг с другом элементов. Сложные мотивы (Вид-2 и 3) состоят из двух или большего числа сочетающихся или пересекающихся друг с другом элементов (Цетлин, 2012, с. 201). Среди простых мотивов (Вид-1) встречаются чаще всего мотивы из гребенчатых элементов – 54,1 %, веревочных – 29,1 %, в единичных случаях, из гладких – 4,2 %, рамчатых – 4,2 %, накольчатых – 4,2 %, ямочных – 4,2 %. Мотивов из объединяющихся элементов орнамента (Вид-2) зафиксировано 5 вариантов, среди которых к массовому относится мотив из двух гребенчатых элементов 46,7 %, веревочных элементов – 26,7 %. Мотивов из пересекающихся элементов выявлено 4 варианта. Все 4 мотива встречаются в единичных случаях: 1) из фигурных узоров и ямочных элементов, 2) из гребенчатых элементов и гребенчатых узоров, 3) из гребенчатых и ямочных элементов, 4) из двух гребенчатых элементов.

Образы. Образ – это часть декора сосуда, состоящая из двух или трех соседних мотивов, образованных определенными элементами или узорами орнамента. По своему составу орнаментальные образы могут состоять из простых мотивов Вида-1, простых и сложных мотивов или только из сложных мотивов Видов 2 и 3. Кроме того, тройные орнаментальные образы по своей структуре могут быть симметричными или асимметричными (Цетлин, 2008, с. 90).

Двойные образы. По изученным материалам зафиксировано 4 варианта простых двойных образов (Вид-1), которые представлены в единичных случаях: из гребенчатого мотива и зоны без орнамента, из двух веревочных мотивов, из гребенчатых и рамчатых, из гладкого мотива и зоны без орнамента. Сложных объединяющихся двойных образов – 4 варианта. Наиболее массовый – из гребенчатого мотива и сложного объединяющегося мотива из гребенчатых элемента и гребенчатого узора – 75 %. Сложные пересекающиеся двойные образы выявлены только в двух единичных случаях: сложного пересекающегося фигурного и ямочного мотива и зоны без орнамента, рамчатого мотива и пересекающегося гребенчатого и ямочного мотива.

Тройные образы. Среди изученного материала фиксируется всего 4 таких образа (асимметричные). К простым тройным образам (Вид-1) относится 1 образ

из гребенчатого мотива, зоны без орнамента и ямочного мотива; к сложным объединяющимся (Вид-2) – образ из гребенчатого мотива и объединяющегося мотива из гребенчатых элементов и гребенчатого узора; к сложным пересекающимся (Вид-3) – 2 орнаментальных образа: из пересекающихся фигурного и ямочного мотивов, зоны без орнамента и мотива из фигурных узоров и образ из гребенчатого мотива, рамчатого и пересекающихся гребенчатого и ямочного мотива.

По итогам технологического анализа 26 сосудов из раскопа 2011 года поселения Ботай можно сделать следующие выводы:

– ботайские гончары для изготовления посуды использовали главным образом среднеожелезненные (61,6 %) и реже – высокоожелезненные (34,6 %) глины.

– по результатам анализа степени пластичности глины и состава естественных минеральных примесей удалось предположительно выделить 7 разных «мест» добычи исходного пластичного сырья. Можно предположить, что на поселении, в разные периоды его существования, было несколько разных традиций по отбору пластичного сырья. Среди них наиболее массовые традиции были представлены тремя видами залежей – это среднепластичная глина с примесью только естественного песка (35 %), аналогичная глина с естественной примесью бурого железняка и естественного песка (15 %), а также глина низкой пластичности в сочетании с естественным песком (15 %);

– судя по рецептам формовочных масс на поселении Ботай в разное время жили представители трех групп гончарных традиций. Наиболее массовой традицией была «глина + песок + органика» (65 %), менее встречаемой является «глина + органика» (23 %). Еще реже применялся рецепт «глина + шамот + органика» (8 %). Здесь очень важно отметить один случай смешанного рецепта формовочной массы – «глина + песок + шамот + органика» (4 %), что может указывать на смешанность гончарных традиций.

Изучение орнаментальных традиций ботайской керамики позволило сделать следующие выводы: наиболее распространенными элементами орнамента являются гребенчатый (52,8 %), веревочный (25 %). Среди простого мотива (Вид-1) наиболее встречаемый мотив из гребенчатых элементов (54,1 %), веревочных элементов (29,1 %). Массовым среди сложных объединяющихся (Вид-2) является мотив из двух гребенчатых элементов (46,7 %), мотив из двух веревочных элементов (26,7 %). Среди образов часто встречаемым был отмечен двойной сложный объединяющийся мотив (Вид-2) из гребенчатых элементов и гребенчатых узоров (75 %). Таким образом, наиболее массовым населением были носители культуры гребенчатой (рис. 1) и веревочной керамики (рис. 2).

Работа выполнена при поддержке гранта Министерства образования и науки РФ (постановление № 220), полученного ФГБОУ ВПО «Алтайский государственный университет», договор № 14. Z50. 31. 0010 проект «Древнейшее заселение Сибири: формирование и динамика культур на территории Северной Азии».

Литература

Бобринский А. А. Гончарство Восточной Европы. Источники и методы изучения. М., 1978. – 272 с.

Бобринский А. А. Гончарная технология как объект историко-культурного изучения // Актуальные проблемы изучения древнего гончарства (коллективная монография). – Самара: Изд-во Самарского ГПУ, 1999. – С. 5-109.

Волкова Е. В. Гончарство фатьяновских племен. – М:. Наука, 1996. – С. 33.

Зайберт В. Ф. Ботайская культура. – Алматы: ҚазАкпарат, 2009. – 576 с.

Краева Л. А. К вопросу о примеси талька в сарматской керамике Южного Приуралья // Древнее гончарство: итоги и перспективы изучения. – М.: ИА РАН, 2010. – С. 58.

Цетлин Ю. Б. Об определении степени ожелезненности исходного сырья для производства глиняной посуды // Вопросы археологии Поволжья. Выпуск 4. – Самара: Изд-во «Научно-технический центр», 2006. – С. 421-425.

Цетлин Ю. Б. Неолит центра Русской равнины: орнаментация керамики и методика периодизации культур. – Тула: Гриф и К, 2008. – 352 с., ил.

Цетлин Ю. Б. Древняя керамика. Теория и методы историко-культурного подхода. М.: ИА РАН, 2012. – 384 с.: ил.

Федорук О. А.

Алтайский государственный университет, г. Барнаул, Россия

ПАЛЕОДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА АНДРОНОВСКОГО НАСЕЛЕНИЯ СТЕПНОГО И ЛЕСОСТЕПНОГО АЛТАЯ[50]

Демографический анализ является важным этапом реконструкции экономики, социальной организации и других сфер жизни древних обществ. Тем не менее данные по палеодемографии пока еще недостаточно полно используются археологами, особенно в области палеосоциальных исследований.

Благодаря археологическим исследованиям за последние 20 лет был накоплен значительный объем материалов по погребальным памятникам андроновской культуры степной и лесостепной зон Алтая. Анализ полученных антропологических материалов довольно хорошо представлен в научной литературе (Дремов, Козьмин, 1993; Солодовников, 2005, 2007; Тур, 2013 и др.). Однако в данных работах большее внимание уделяется этнической характеристики

[50] Работа выполнена при поддержке гранта Министерства образования и науки РФ (постановление № 220), полученного ФГБОУ ВПО «Алтайский государственный университет», договор № 14. Z50. 31. 0010 проект «Древнейшее заселение Сибири: формирование и динамика культур на территории Северной Азии». Опубликована при поддержке Министерства образования и науки РФ в рамках базовой части государственного задания в сфере научной деятельности ФГБОУ ВПО «Алтайский государственный университет» (проект № 1006).

населения, практически отсутствует информация по составу населения. В данной работе представлены основные демографические показатели для эпохи развитой бронзы региона, делается попытка определить позиции разных возрастных групп и полов.

В настоящее время для территории степного и лесостепного Алтая доступна информация по 329 погребениям, содержащим 378 костяков, по которым выполнены антропологические определения (выполнены С. С. Тур, А. Р. Кимом, Д. В. Поздняковым, В. А. Дремовым, В. А. Козьминым). По могильнику Фирсово-XIV имеются данные по 181 погребению, Рублево-VIII – 75 погребений, Кытманово – 32 погребения, Чекановский Лог – 41 погребение.

Основная часть могил – одиночные (86,1 %). Среди детских одиночными были 88,9 % погребений, среди взрослых – 87,5 %. Парными были 9,1 % детских могил и 12,5 % взрослых (без учета совместных погребений детей и взрослых). Тройными были 2 % детских захоронений, в случае со взрослыми индивидами в одной могиле не захоранивали более двух человек. Также следует отметить, что во всех случаях (кроме одного погребения) в парных взрослых могилах были погребены разнополые субъекты. 198 погребений определены как детские (0 – 12-13 лет) (60,1 %), 120 – взрослые (36,4 %), в 11 погребениях взрослые и дети были захоронены совместно (3,3 %). Из массива взрослых захоронений удалось определить, что 50 останков принадлежали женщинам, столько же определено как мужские.

Из материалов некрополя Фирсово-XIV 147 скелетов определено как детские и 68 – взрослых индивидов (из них 37 определены как мужские и 26 – как женские, в пяти случаях пол определить не удалось) (определения А. Р. Кима, С. С. Тур).

На могильнике Рублево-VIII 48 скелетов определены как детские, 22 – взрослые индивиды. Из них 12 определены как женские, пять – как мужские (определения Д. В. Позднякова).

По памятнику Кытманово определено 37 костяков, из них 15 принадлежало детям, 22 – взрослым (8 мужских и 14 женских) (определения В. А. Дремова и В. А. Козьмина) (Уманский, Кирюшин, Грушин, 2007, с. 124, 125).

По данным могильника Чекановский Лог имеются определения 44 скелетов: 30 – детские, 8 – взрослые (4 – мужских, 5 женских) (Демин, Ситников, 2007, с. 31-51).

Полученные антропологические определения позволяют говорить о том, что материалы исследуемых могильников представляют собой палеопопуляцию, т. е. более или менее объективно отражают существовавшую в обществе структуру и состав населения. По определению В. П. Алексеева, палеопопуляция – это «число объектов, захороненных в одном могильнике, который, судя по сопровождающему его археологическому инвентарю, не представляет собой случайное скопище погребений (например, воинов после битвы) или совокупность ритуальных захоронений (например, жреческое или шаманское кладбище)» (Алексеев, 1989, с. 75). Таким образом, термин «палеопопуляция»

противопоставляется термину «селективная выборка» (Епимахов, Ражев, 2003, с. 26-27).

В пользу палеопопуляции указывает наличие в представленной выборке всех основных возрастных категорий, выделяемых антропологами: infantilis I (I период детства) – от 0 до 6-7 лет, infantilis II (II период детства) – от 6-7 до 12-13 лет, juvenis (юношеский возраст) – от 12-13 до 18-20 лет, adultus (возмужалый возраст) – от 18-20 до 35 лет, maturus (зрелый возраст) – от 35 до 50-55 лет, senilis (старческий) – старше 50-55 лет (Алексеев, 1972, с. 3). Соотношение полов в могильниках близко к естественному (табл. 1).

Средняя продолжительность жизни населения составляла 35,3 лет (без учета детской смертности), у мужчин – 37,3 года, у женщин – 27,5 лет.

У мужчин пик смертности приходится на возрастной отрезок 25-35 лет, у женщин выделяется два пика: первый приходится на возраст 18-25 лет, второй – 35-50. При этом первый пик для женщин может объясняться неблагоприятными условиями родов, что приводило к высокой смертности (табл. 3, 4, 5).

По данным могильника Майтан, средний возраст смерти у мужчин составляет 37,56 года, у женщин – 35,43 года (Ткачев, Ткачева, 2004, с. 117). По данным андроновских могильников. Минусинской котловины средний возраст составлял 38-39 лет (Антропоэкология…, 2005, табл. 9.1). В. П. Алексеев определяет средний возраст андроновцев в 33,1 года (Алексеев, 1972, с. 14). Таким образом, полученные результаты в целом соответствуют показателям по другим регионам и эпохе бронзы в целом.

Наиболее высокая смертность среди детей (66,3 %) наблюдалась на протяжении первого года жизни. Подобный показатель на фоне сравнительных данных мирового масштаба является очень высоким, на что не раз обращали внимание исследователи (Михайлов, 2001, с. 101-102; Ражев, Епимахов, 2005, с. 107-113; Тур, 2013 и др.). Однако подобная ситуация в целом характерна для большинства андроновских некрополей (Молодин, 1985; Бобров, Михайлов, 1989; Комарова, 1961; Максименков, 1978; Ткачев, Ткачева, 2004). Высокая детская смертность в младенческом возрасте могла быть связана с неблагоприятными условиями беременности, а также инфекционными заболеваниями, плохим питанием.

В последующий период – от 1 года до 6 лет, а также во второй период детства смертность была относительно невысокой – 26 и 7,7 % соответственно. Что касается взрослого населения, в юношеском возрасте смертность составляла 12,7 % (от числа взрослого населения), в возмужалый период – 52,3 %, в период зрелости – 20,9 %. До старческого возраста доживало 13,9 % населения. Однако абсолютное большинство индивидов (за исключением одного случая) умерло в возрасте до 60 лет (табл. 6). Схожие результаты демонстрируют материалы елунинских некрополей (Грушин, 2003, с. 48).

В традиции андроновской культурно-исторической общности и эпохи бронзы в целом известны примеры сепаратных детских кладбищ (Хлобыстина, 1975, с. 25). Некоторые исследователи предполагают наличие подобной традиции

и на территории Алтая, а также существование специальных мест для детей на общих могильниках (Грязнов, 1956, с. 22-25; Кирюшин, 1995, с. 63-65). Однако, как показывает планиграфический анализ представленных могильников, детские могилы распределялись по всему полю некрополя, иногда образовывая скопления. В то же время следует отметить, что на могильнике Фирсово-XIV часть детских погребений располагалась по краю могильного поля, маркируя таким образом границу сакрального пространства.

Особое внимание обращает на себя наличие на могильниках парных и коллективных детских захоронений. В них были обнаружены останки детей разных возрастов. Наибольшая разница в возрасте захороненных совместно детей зафиксирована в могиле № 8 Кытманово, в которой находился ребенок 6-7 лет и новорожденный. Все подобные захоронения были одноактными, признаков совершения подхоронений не зафиксировано. Факты совместного погребения двух и более детей могут указывать на наличие вспышек инфекционных заболеваний. В научной литературе существует также гипотеза, согласно которой парные детские погребения трактуются как захоронения малолетних «супругов», то есть являются ритуальными (Хлобыстина, 1975, с. 32). Однако данная трактовка не объясняет наличие тройных и более детских погребений.

На андроновских могильниках Алтая зафиксированы также случаи погребения взрослого с ребенком (детьми). В большинстве случаев это женщина, в одном – мужчина (могильник Кытманово). Кроме того, встречены парные разнополые погребения взрослых и одно захоронение двух женщин.

Совместные захоронения взрослых и детей – единовременные. Скорее всего (в случае погребения женщин), это были захоронения матери с детьми. Чаще всего с женщинами были захоронены дети от 0 до 3 лет. Самому старшему ребенку, погребенному с женщиной, было около 8-9 лет (Федорук, 2013, с. 66).

Что касается погребения мужчины с ребенком, то оно могло носить особый, ритуальный характер. По мнению Ю. И. Михайлова, мужчины, погребенные с детьми, отличались особым социальным статусом при жизни (Михайлов, 2001, с. 113).

Для парных разнополых погребений зафиксированы как случаи одно временного положения тел в могилу, так и случаи подхоронения. Такие захоронения чаще всего трактуются как погребения супругов (Хлобыстина, 1989; Рафикова, 2008). Возраст захороненных совместно мужчин и женщин был примерно одинаковым, большой разницы не зафиксировано. По мнению Я. В. Рафиковой, появление одноактных совместных захоронений связано с одновременным наступлением смерти двух и более людей, т. е. насильственное умерщвление отдельных индивидов не применялось (Рафикова, 2008, с. 9). Однако, на наш взгляд, полностью такую возможность исключать нельзя. В целом же такие случаи носят единичный характер, могут быть связаны с экстраординарными явлениями (необычный характер смерти, особый социальный статус и т. д.) и не влияют на общую картину смертности населения. В целом можно говорить

о том, что антропологические материалы андроновских могильников достаточно объективно отражают существовавший в древности состав населения.

Проведенный анализ позволяет сделать следующие выводы. Рассмотренные половозрастные характеристики погребенных свидетельствуют о том, что демографическая структура андроновского общества Алтая была близка к нормальной и соотносилась с общими тенденциями эпохи бронзы. Высокая естественная женская и детская смертность, превышавшая мужскую, компенсировалась низким уровнем смертности детей старшей возрастной группы (infantilis II).

Полученные результаты во многом носят предварительный характер. Для получения наиболее точной и объективной картины состава андроновского населения требуется исследование полностью раскопанных погребальных комплексов, которые на сегодняшний день, к сожалению, отсутствуют. Также отсутствуют и достаточно хорошо изученные поселения эпохи развитой бронзы, по которым можно было бы составить представление о численности популяции. Накопление нового антропологического материала и других источников позволит проверить и при необходимости скорректировать полученные результаты.

Табл. 1. Возрастное распределение антропологической серии из могильников андроновской культуры

памятник / возраст	Фирсово-XIV	Рублево-VIII	Кытманово	Чекановский Лог-II, X	всего
0-1	1051	18	4	24	151 (45,4%)
1-3	25	4	2	8	39 (11,7%)
3-6	12	7	5	3	27 (8,1%)
6-12	7	7	1	5	20 (6%)
12-18	6	4	1	1	12 (3,6%)
18-20	6	3	-	1	10 (3%)
20-25	12	2	-	2	16 (4,8%)
25-30	4	1	-	2	7 (2,1%)
30-35	11	3	2	2	18 (5,4%)
35-40	5	1	-	2	8 (2,4%)
40-50	7	-	3	1	11 (3,3%)
50-60 и более	8	2	1	2	13 (3,9%)
итого					332 (100%)

[1] учитывались только те случаи, где возраст выражен в годах

Табл. 2. Кривая смертности андроновской палеопопуляции (распределение по возрасту)

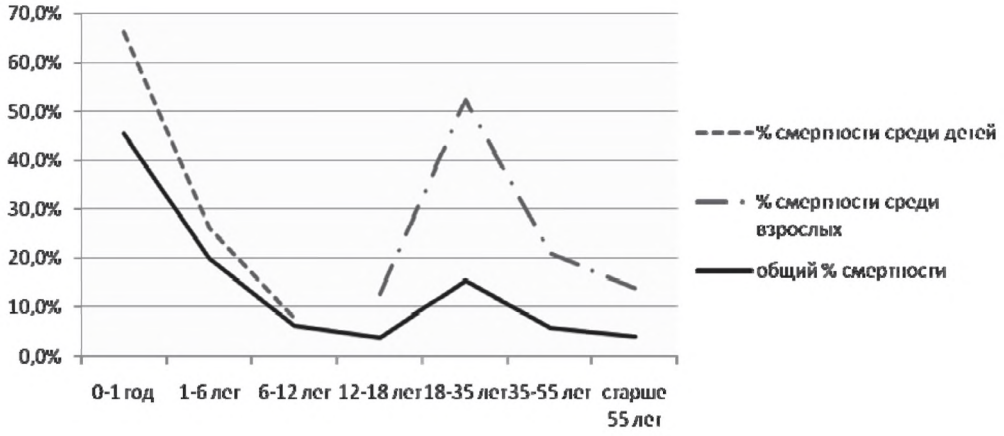

Табл. 3. Возрастное распределение женской антропологической серии

Памятник / Возраст	Фирсово-XIV	Рублево-VIII	Кытманово	Чеканов-ский Лог-II, X	всего	
18-20	41	4	-	1	9	38%
20-25	7	1	-	2	10	
25-30	1	1	-	1	3	26%
30-35	7	1	2	-	10	
35-40	3	1	2	2	9	24%
40-50	2	-	-	1	3	
50-60	3	1	1	1	6	12%
итого					50	100%

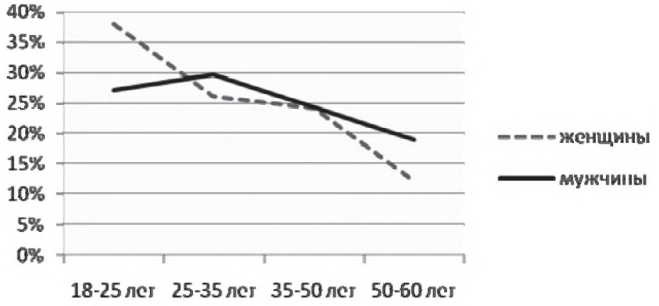
[1] учитывались только те случаи, где возраст выражен в годах

Табл. 4. Возрастное распределение мужской антропологической серии

Памятник / Возраст	Фирсово-XIV	Рублево-VIII	Кытманово	Чеканов-ский Лог-II, X	всего	
18-20	2	-	-	-	2	27,1%
20-25	7	1	-	-	8	
25-30	3	-	-	1	4	29,7%
30-35	4	1	1	1	7	

35-40	3	1	1	-	5	24,3%
40-50	4	-	-	-	4	
50-60	5	1	-	1	7	18,9%
итого					37	100%

Табл. 5. Кривая смертности андроновской палеопопуляции (распределение по полу)

Литература

Алексеев В. П. Палеодемография СССР // СА. 1972. – № 1. – С. 3-21.

Алексеев В. П. Палеодемография: содержание и результаты // Историческая демография: проблемы, суждения, задачи. – М., 1989. – С. 63-90.

Антропоэкология Центральной Азии. – М., 2005. – 368 с.

Бобров В. В., Михайлов Ю. И. Андроновские памятники Обь-Чулымского междуречья. – Деп. в ИНИОН, 26.06.89, № 38518. – Кемерово, 1989. – 10 п. л.

Грушин С. П. Палеодемографический анализ антропологических материалов из могильников елунинской культуры // Социально-демографические процессы на территории Сибири (древность и средневековье). – Кемерово, 2003. – С. 47-52.

Грязнов М. П. История древних племен Верхней Оби по раскопкам близ с. Большая Речка. – МИА. – М.-Л., 1956. – № 48. – 256 с.

Демин М. А., Ситников С. м Материалы Гилевской археологической экспедиции. – Барнаул: Изд-во БГПУ, 2007. – Ч. 1. – 274 с.

Дремов В. А., Козьмин В. А. Антропологический материал из Кытмановского могильника андроновской культуры // Культура народов евразийских степей в древности. – Барнаул, 1993. – С. 42-66.

Епимахов А. В., Ражев Д. И. Тафокомплекс и социальная реальность: постановка проблемы // Социально-демографические процессы на территории Сибири (древность и Средневековье). – Кемерово, 2003. – 243 с.

Кирюшин Ю. Ф. Особенности погребального обряда и погребальной посуды андроновской культуры // Моя избранница наука, наука, без которой мне не жить…

(Сборник, посвященный памяти этнографов Г. Н. Грачевой и В. И. Васильева). – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1995. – С. 58-75.

Комарова М. Н. Памятники андроновской культуры близ улуса Орак // АСГЭ. 1961. – Вып. 3. – С. 32-73.

Максименков Г. А. Андроновская культура на Енисее. – Л.: Изд-во Наука, 1978. – 192 с.

Михайлов Ю. И. Мировоззрение древних обществ юга Западной Сибири в эпоху бронзы. – Кемерово: Изд-во «Кузбассвузиздат», 2001. – 363 с.

Молодин В. И. Бараба в эпоху бронзы. – Новосибирск: Изд-во «Наука», 1985. – 200 с.

Ражев Д. И., Епимахов А. В. Феномен многочисленности детских погребений в могильниках эпохи бронзы // Вестник археологии, антропологии и этнографии. – Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2005. – № 5. – С. 107-113.

Рафикова Я. В. Парные погребения срубно-алакульской контактной зоны южного Зауралья // Вестик ЧелГУ, 2008. – 18 (119): История. – Вып. 25. – С. 5-13.

Солодовников К. Н. Антропологические материалы из могильника андроновской культуры Фирсово-XIV: к проблеме формирования населения верхнего Приобья в эпоху бронзы // Вестник археологии, антропологии и этнографии. – Тюмень, 2005. – № 6. – С. 127-147.

Солодовников К. Н. Палеоантропологические материалы эпохи средней бронзы верховий р. Алей / Демин М. А., Ситников С. М. Материалы Гилевской археологической экспедиции. – Барнаул: Изд-во БГПУ, 2007. – Ч. 1. – С. 129-149.

Ткачев А. А., Ткачева Н. А. К вопросу о демографической ситуации в степях Центрального Казахстана в эпоху средней бронзы // Вестник археологии, антропологии и этнографии. – Тюмень: ИПОС СО РАН, 2004. – № 5. – С. 114-119.

Тур С. С. Биомеханический подход к изучению физической активности скотоводов лесостепного Алтая эпохи бронзы и раннего железа // Современные решения актуальных проблем евразийской археологии: сб. науч. ст. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2013. – С. 110-114.

Уманский А. П., Кирюшин Ю. Ф., Грушин С. П. Погребальный обряд населения андроновской культуры Причумышья (по материалам могильника Кытманово). – Барнаул, 2007. – 132 с.

Федорук О. А. Совместные захоронения в погребальном обряде андроновской культуры Алтая // Новые материалы и методы археологического исследования. Материалы II Международной конференции молодых ученых. – М., 2013. – С. 66-67.

Хлобыстина М. Д. Вопросы изучения структуры андроновских общин «алакульского типа» // СА. 1975. – № 4. – С. 23-36.

Хлобыстина М. Д. Андроновский керамический комплекс // Керамика как исторический источник. – Новосибирск, 1989. – С. 118-134.

Алтынбеков К., Чарлина Л.

Научно-реставрационная лаборатория ТОО «Остров Крым», г. Алматы, Казахстан

КОНСЕРВАЦИЯ ШЕЛКА ИЗ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО КОМПЛЕКСА АУЛИЕКОЛЬ

Археологический комплекс Аулиеколь, датируемый XIV в., расположен в степном Прииртышье к северо-западу от г. Экибастуза, в месте впадения р. Оленты в озеро Аулиеколь. Представленный на реставрацию фрагмент ткани обнаружен в элитарной части некрополя под головой погребенной женщины (Смагулов, 2011, с. 118-125). В научно-реставрационную лабораторию «Остров Крым» находка поступила после двухлетнего хранения в необработанном состоянии, первичная консервация ее не проводилась (рис. 1).

Описание состояния. Сохранившийся фрагмент представлял собой плоский комок беспорядочно расположенных слоев шелка размером 23х40 см, толщиной до 5 см, количество слоев нельзя было оценить даже приблизительно, так как они спрессованы между собой. Ткань пересохшая, хрупкая, ломкая; это не цельное полотно, а отдельные сцементированные фрагменты, которые удерживаются загрязнениями. Местами шелк рассыпался, видна просто мешанина из мелких кусочков текстиля. Участки с плотно спрессованным материалом внешне напоминают древесную кору или перегной. На поверхности присутствуют фрагменты дерева толщиной до 5 мм, отделенные от шелка прочным слоем грунта, с нижней стороны их количество больше. Возможно, это корка от нижележащей доски, а может быть, элемент другого предмета. Внизу дерево и ткань в основном черного цвета. Наличие грибов в виде плесени обнаруживается визуально. Все слои «сшиты» или даже «простеганы» тонкими прочными нитями растительных корней, мощное развитие которых, возможно, связано с микоризным симбиозом, когда гифы грибов подпитывают высшее растение водой, минеральными солями и биологически активными веществами (Фёдоров, 1976, с. 233). Таким образом, представленный на реставрацию образец является конгломератом из сильно деструктированного текстиля, почвы, дерева, корней, грибов и продуктов органического распада.

Исследования. В связи с полным отсутствием средств на выполняемые работы и в то же время с учетом их неотложности во избежание утраты ценного археологического источника, был проведен лишь крайне необходимый минимум исследований. Для выявления посторонних предметов, не относящихся к ткани, выполнен рентгеновский снимок конгломерата, который показал относительную однородность комка текстиля (рис. 2). Вывод, что это шелк, подтвержден химическим анализом. Определен состав пряденой в виде спирали золотой нити, содержание золота составляет 99 %, благодаря чему металл оказался устойчивым к окислению.

В период работы над материалом в лаборатории находилась профессор Сургутского государственного педагогического университета, специалист

по археологическому текстилю, д. и. н. Глушкова Т. Н. По нашей просьбе она любезно согласилась выполнить предварительное исследование образца шелка, приведенное ниже:

«Фрагменты шелковой ткани сложного переплетения с тканым узором и вышивкой рыжего цвета. Ткань находилась на реставрации во влажном состоянии, не все анализы доступны. Сырье – шелк. Нити чаще всего не имеют кручения. В ряде мест – слабо скручены. Под микроскопом в структуре нитей определяются отдельные волокна. Можно точно определить, что основные нити есть некрученые и слабо скрученные по схеме Z-крутки, утки – без крутки. Нити тониной 0,1-0,2 мм. Плотность нитей в разных местах ткани может колебаться, это связано со сложным тканым узором. Средние параметры – 36 н/см по основе, 46-48 н/см по утку. Структура переплетения – чередование фрагментов фона полотняного переплетения и узора, вытканного саржевым переплетением (на лицевой стороне саржа 3/1). Узор, который образован чередованием разных фактур поверхностей, геометрический, представляет собой чередование прямоугольников и полос, которые, на первый взгляд, расположены в беспорядке. Ткань атрибутируется как камка. Полное технико-технологическое исследование всех компонентов золотного шитья возможно провести после консервации при наличии финансирования».

Консервация. Начальным и очень трудоемким этапом консервации стало разделение конгломерата, выявление фрагментов текстиля. По результатам экспериментальных обработок образцов установлено, что только длительное замачивание ткани приводит к размягчению скрепляющих ее трудноудаляемых загрязнений и немного ослабляет нити корней, сшивающие слои. В качестве пластификатора был выбран полиэтиленгликоль ПЭГ-400, широко применяемый в нашей лаборатории для консервации бересты, кожи, меха, а также рекомендованный для текстиля Н. П. Синицыной (Синицына, 2009). Состав отличался от московского тем, что в качестве растворителя использована не вода, а спирт-вода (1:1).

Ткань помещена в пластиковый контейнер и постепенно залита приготовленным раствором с добавлением тимола. Вопреки общепринятым методикам очистки текстиля, процесс отделения ткани от других компонентов конгломерата проводился в среде жидкости – пластифицирующего раствора.

По достижении некоторого размягчения твердых загрязнений они размывались струей раствора из груши, воздействие которой смягчалось жидкой средой. Осыпавшиеся неорганические загрязнения в виде песка удаляли также грушей. Постепенно разрывали с помощью пинцетов, а иногда и разрезали слегка ослабляющиеся нити корней. По мере загрязнения рабочего раствора его заменяли свежим.

После такой предварительной подготовки начали разделение ткани в растворе. Стало видно, что загрязнения, скрепляющие слои, с трудом смачиваются жидкостью и препятствуют ее проникновению вглубь материала,

поэтому использовалась специальная установка, обеспечивающая небольшое движение раствора. Края ткани «рваные», сгнивший и истонченный шелк при пересушивании в процессе хранения сломался на многочисленных сгибах, получено множество мелких кусочков.

Выявленные и промытые фрагменты текстиля помещались между листами фильтровальной бумаги под стекло (рис. 3). Отдельные, похожие на перегной кусочки так и не удалось разделить, темная масса выглядит однородной, хотя по толщине – это несколько слоев. По окончании разборки конгломерата площадь ткани увеличилась более чем в 10 раз, так как некоторые очень уплотненные комки содержали до 15 слоев текстиля. После высыхания состояние материала стало стабильным, появился характерный блеск шелка, ранее видимый лишь под микроскопом. Пропитанная почвенным раствором, скомканная и спрессованная ткань приобрела заломы, подобные крэш-эффекту, которые не распрямились в процессе замачивания и сушки под стеклом с грузом.

Следующим этапом стало механическое удаление довольно ослабленных после промывки нитей-корней с помощью пинцета (рис. 4).

Начата реконструкция изделия плоскостным методом (рис. 5). Выявлено круговое центрическое расположение орнаментальных зон. Центральная зона в виде круга – орнамент, напоминающий арабские буквы, выполнен плотной вышивкой золотными и шелковыми нитями (рис. 6). Вторая зона – растительный орнамент: контур цветов – золотное шитье, внутри – заполнение вышивкой шелком. Третья зона – редкий растительный орнамент, выполненный контурным золотным шитьем. Четвертая зона – ткань без вышивки, но с отделкой тем же шелком другого, сейчас почти черного цвета. Встречаются швы, расположение которых пока кажется бессистемным, возможно, отдельные куски ткани сшиты еще до выш

Литература

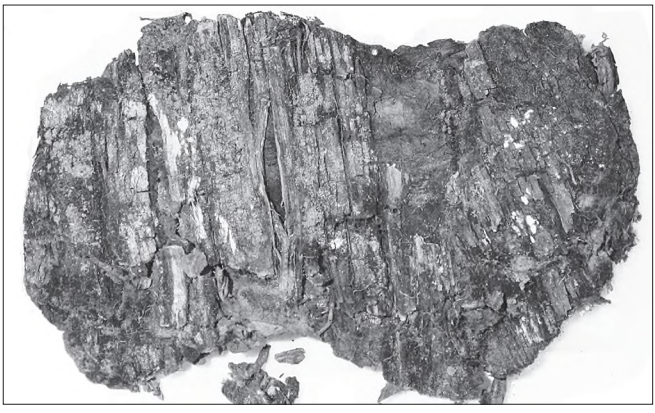
Синицына Н. П. Методика первичной обработки и консервации археологического текстиля и кожи в лабораторных условиях // Некрополь русских великих княгинь и цариц в Вознесенском монастыре Московского Кремля. Т. 1. – М., 2009. – С. 72-79.

Смагулов Т. Н. Новые материалы к изучению археологических памятников кочевников Золотой Орды в Среднем Прииртышье // Материалы Международной научной конференции «Археология Казахстана в эпоху независимости: итоги перспективы». Т. 3. – Алматы, 2011. – С. 118-125.

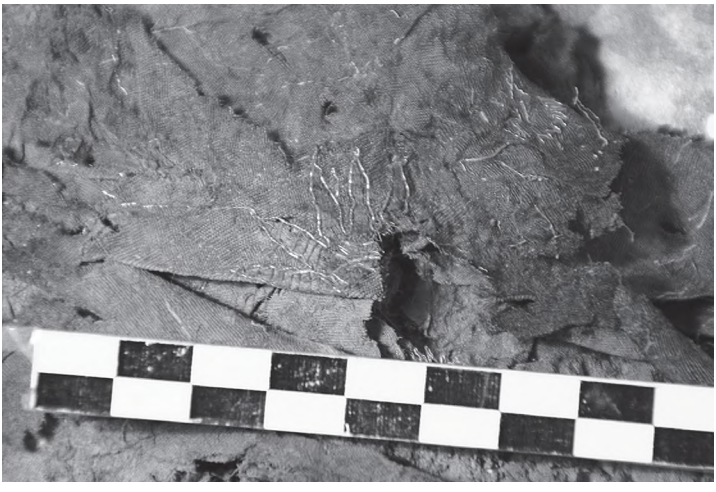
Фёдоров А. Х. Жизнь растений. Т. 2. – М., 1976. – 545 с.

а

б

в

Рис. 1. Фрагмент текстиля при поступлении в лабораторию: а – верх; б – низ; в – золотное шитье

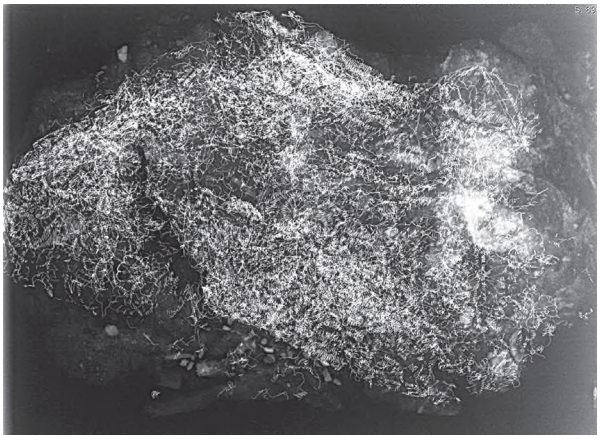

Рис. 2. Рентгеновский снимок фрагмента шелка

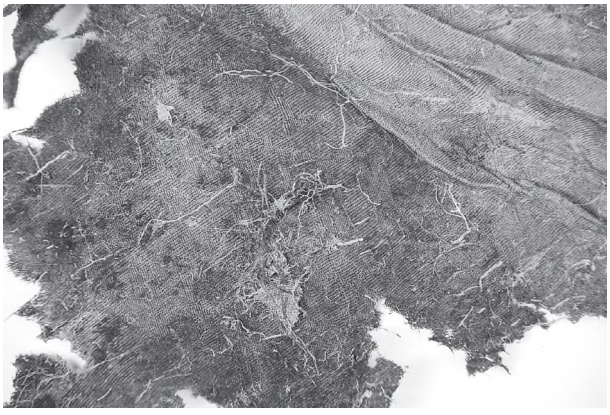

Рис. 3. Сушка выявленных фрагментов текстиля

Рис. 4. Нити-корни после разделения слоев шелка

Рис. 5. Реконструкция орнамента

Рис. 6. Центральная часть орнаментальной композиции

Жолдасов Т.

«Әзірет Сұлтан» тарихи-мәдени қорық мұражайы, Түркістан қ. Қазақстан

ОТЫРАР КҮМІСТЕЛГЕН ДИРХЕМДЕРІ ЖӘНЕ ОЛАРДЫҢ ЭМИССИЯСЫНЫҢ 646 ЖӘНЕ 663 ЖЫЛДАРЫ АРАЛЫҒЫНДАҒЫ ТҮРЛІ БОЛЫП КЕЛУІНІҢ СЕБЕПТЕРІ ЖАЙЛЫ

XIII ғ. басында Отырар ақша сарайында ақшалар өлке атауы-Параб атымен соғылып отырды. Ақша сарайының осы атауымен хижраның 607 (1210-11) жылы Хорезмшах Мұхаммед бин Текеш атымен соғылған күмістелген мыс дирхемдер белгілі. Қазіргі таңда бұл ақша сарайының Отырар атауымен ақша шығара бастағандығын дәлелдейтін, бетіне Отырар» атауының жазбасы түсірілген ең көне ақша үлгісі, 613 х. ж. /1216-17 жж. соғылған д: 26-27 мм. болатын мыс (күмістелген мыс дирхемдер?) дирхемдері болып отыр (Кочнев, 2006, с. 44).

Ортағасырлық Отырар қаласы XIII-ші ғасырдың басында Моңғолдардың батысқа жасаған жорығында ең алғаш жаулап алған қалаларының бірі болды. Моңғол әскерлері басып алған Отырар қаласының одан кейінгі тағдыры туралы түрлі пікірлерді кездестіруге болады. Дегенмен, Отырар қаласында соғылған ақшалар қаланың айналасы 25-30 жыл ішінде ірі саяси және экономикалық орталыққа айналғандығын көрсетіп отыр.

1219-20 жылдардағы моңғол әскерінен 6 ай бойғы қорғаныстан соң жаулап алынған Отырар ақша сарайы 30 жылдай жұмысын тоқтатқанға ұқсайды. Қазіргі таңда бұл ақша сарайында Моңғол шапқыншылығынан кейін соғылған ақша үлгілерінің ең көнесі хижраның 646 (1248-49) жылы соғылған күмістелген дирхемдер болып отыр (бүгінге дейін Отырар ақша сарайында соғылған күмістелген мыс дирхемдердің 646 х. жылынан ерте соғылған үлгілері табылған жоқ).

Е. А. Давидовичтің кезеңдестіруі бойынша Шағатай ұлысының ақша соғу ісінің алғашқы екі кезеңдерінде (XIII ғасырдың 2-3 ширектерінде) бірнеше ақша сарайлары қызмет атқарып, олар, алтын және күміс ақшалармен қатар, күмістелген дирхемдер және мыс фельстер де соғып отырған. Аталмыш кезеңде күміс ақша тек Алмалықта ғана соғылып, алтын ақшалар Бұхара, Самарқан, Ходжент, Отрырар және Алмалықта, ал күмістелген мыс дирхемдер Бұхара, Самарқан, Отырар және Ходжент ақша сарайларында соғылған. Е. А. Давидович бұл кезеңде мыс фельстердің тек Алмалықта ғана соғылғандығын айтады (Давидович, 1972, 9 б.). Алайда, 1972 жылы Отырар маңындағы Алтын арықтан (канал) табылған көмбе құрамында Отырарда соғылған күмістелген мыс дирхемдермен бірге 17 дана фельстердің табылуы Отырар ақша сарайында да мыс фельстердің соғылғандығын көрсетті (Бурнашева, 1980, 84 б.).

XIII ғ. ақша соғу ісінің екінші кезеңіне жататын күмістелген мыс дирхемдер соғып отырған Бұхара және Самарқан ақша сарайлары өнімдерінің айналым ауқымы тым тар болып, тек ақша соғылған қала мен аумақты ғана қамтып отырған. Бұған Самарқан мен Бұхарада соғылған күмістелген дирхемдер

мен олардың көмбелерінің тек осы қалалар мен олардың төңіректеріндегі аумақтардан ғана табылып отыруы, әр қаланың ақша өнімдерінің салмақ және көлем өлшемдеріндегі үлкен алшақтық және кей дирхем үлгілерінің беттерінде қала мен оның төңірегінде ғана айналымда жүретіндігі көрсетілген жазбалардың орын алуы дәлел болып отыр. Мәселен, Самарқанда 622/1225 ж., 624/1226-27, 630/1232-33 жылдары соғылған күмістелген дирхемдер беттерінде Самарқан және оның төңірегіндегі аумақтарда ғана айналымда жүретіндігі тиындар беттерінде жазбалар түрінде нақты көрсетілген (Давидович, 1972, 41-47 б.).

Ал, Отырар ақша сарайында соғылған күмістелген мыс дирхемдердің айналым ауқымының көлемі жайлы екі түрлі пікірлер айтылады. Шынында да XIII ғасырдың 2-ші жартысында Отырарда соғылған күмістелген мыс дирхемдер Отырар аумағынан шет жатқан аймақтардан табылып жатуы, олардың айналым ауқымы кең болған деген ойға жетелейді. Дегенмен, әр аумақтан табылған көмбелер құрамының тек осы ақша сарайының ақшаларынан ғана тұруы Отырар дирхемдерінің де тек Отырар аумағанда ғана айналымда жүргендігін көрсетіп тұрғандай. П. Н. Петров Отырар дирхемдерінің ақша соғылған жерлерден алшақтағы жерлерден табылып жатуын 663 х. жылы (1265-66 жж.) қаланың Алғу хан тарапынан басылып алынып, ақша сарайларының тоналып, ондағы көп мөлшердегі ақша өнімдерінің шет аумақтарға тасылып кетуінен немесе Отырар күмістелген мыс дирхемдерінің өндірілуі тоқтатылған 663 х. жылы мен 670 х. жылы (1271-72 жж.) моңғолдардың Орта Азияның билеушісі ретінде тағайындаған Масуд бек жүргізген ақша реформасына дейінгі аралықта күміс ақшалар емес, мыс ақшалар қызметін атқарып отыруы мүмкіндігінен орын алған болуы керек деген екі түрлі болжамды айтады (Петров, 2003, 33 б.).

XIII ғасырдың екінші және үшінші ширектерінде Отырар ақша сарайының күмістелген мыс дирхемдері аталмыш кезең бойында тек бір типте және бір құндылықта ғана соғылып отырды (Д. Х. С. А, 41-42 б.).

Ал Р. З. Бурнашева Орта Азиядағы ақша айналымының II-кезеңінде Отырарда соғылған Шағатай ұлысының күмістелген мыс дирхемдерінің айналым аумағының кең болуын, Отырар дирхемдерінің салмағының басқа ақша сарайлардың ақша өнімдеріне қарағанда жоғары болғандығынан деп түсіндіреді. Ол кісі жүргізген есептер бойынша Отырар дирхемдері 7,5-7,8 г, ал Бұхара және Самарқан дирхемдері 6 г. аумағын көрсеткен. П. Н. Петров Отырар ақша сарайында XIII ғасырдың екінші жартысында соғылған (646-663 х. ж. 1248-65 жж.) күмістелген мыс дирхемдердің айналым аумағының басқа ақша сарайлар өнімдерінен кең болуы оның құнының тұрақты кепілдендірілуінен болса керек деген болжам да жасаған (Петров, 2003, 25 б.).

Күмістелген мыс дирхемдердің құндылық көрсеткіштерін салмақ өлшемдері арқылы айырудың ешқандай да пайымдық негізі байқалмайды. Өйткені бұл ақша түрлерінің құндылық мүмкіндігі онсыз да мәжбүрлі түрде ендіріліп отырған (бұл ақшалардың негізі мыс болғандықтан оның салмақтық

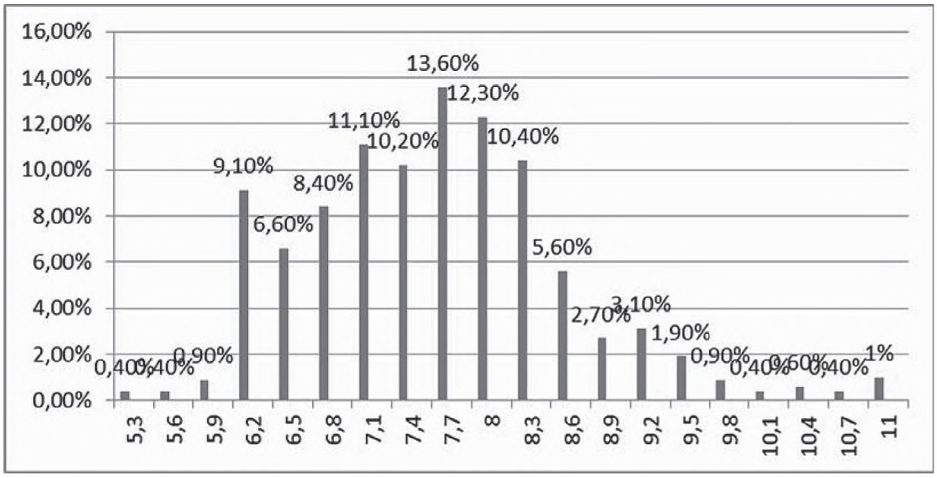
көрсеткіштері оның күміс ақша түріндегі құнына кепілдік бермеген). Сондықтан да, П. Н. Петров Отырар күмістелген мыс дирхемдерінің құндылық ерекшелігін айқындауды дирхемдер көлемінен іздеуді ұсынады. Өйткені күмістелген мыс дирхемдердің бетіне жағылатын күміс қабатының көлемі тиын диаметріне байланысты. Ал күмістелген ақшалардың құнын айқындайтын белгі-оның бетіне жағылған күміс көлемі (Петров, 2003, 24-25 б.).

П. Н. Петров көмбелер құрамына жүргізген сараптама жұмыстары нәтижесінде аталмыш кезеңде Отырарда соғылған күмістелген дирхемдерді салмақ өлшемдеріне қарай екі кезеңге бөлген. Отырар күмістелген мыс дирхемдерін соғудың алғашқы кезеңі хижра жыл санағымен 646 мен 650-інші жылдар ортасы (нақты 656 х. жылы (1258-59 жж.) болуы мүмкін), екінші кезең-650-інші жылдардың ортасынан 663 х. жылдар арасы. Ол кісінің сараптама жұмыстарының нәтижесінде алғашқы кезең дирхемдерінің орташа салмақтары шамамен-8,4 г. 2-нші кезең дирхемдерінің орташа салмақтары-7,35 г. шамасын көрсеткен. П. Н. Петров Отырар дирхемдері көмбелеріне жүргізген сараптамалық зерттеу жұмыстарын жүргізу арқылы екі кезең дирхемдері арасындағы салмақ айырмашылықтары х. 650 жылдардың ортасынан бастап орын ала бастаған және екі кезең дирхемдерінің салмақтары арасында 1 г. айырмашылық болса да, құндылық айырма болмаған (40-41 мм.) деген тұжырымды ойға келеді (Петров, 2003, 21 б.).

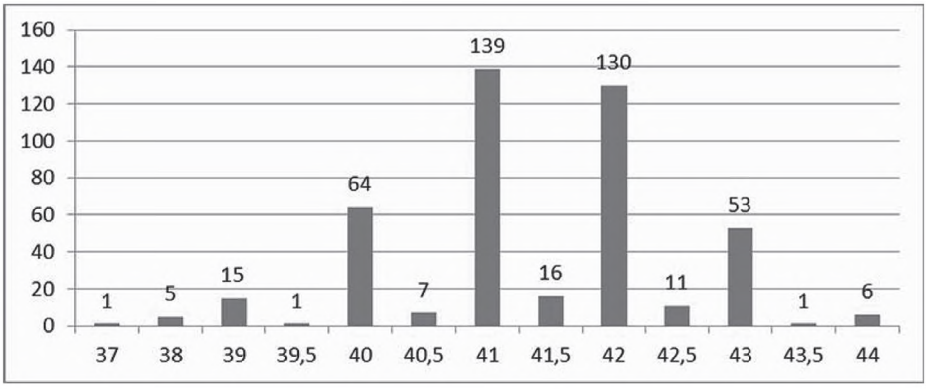
Отырар маңындағы Алтын арықтан табылған көмбе құрамында орташа көлемі 41 мм құрайтын дирхемдермен қатар 2 дана, жиектерінде дирхем деген құндылық жазбасы сақталған диаметрлері 24-26 мм болатын кіші дирхемдердің табылуы, Отырар күмістелген мыс дирхемдерінің кем дегенде 2 құндылықта соғылғандығын көрсетіп отыр. Үлкен дирхемдер мен кіші дирхемдердің сыртқы безендірілуінде ешқандай типологиялық айырмашылықтар жоқ, олар тек көлемдері арқылы ғана ерекшеленген (Бурнашева, 1980, 84 б.).

Назарларыңзға ұсынылып отырған еңбекте аталмыш кезеңде Отырар ақша сарайында соғылған дирхемдерді зерттеуде бұған дейін толыққанды шешімін таппай келген XIII ғ. 2-3 ширектерінде Отырарда соғылған күмістелген дирхемдердің әл жылғы соғылу қарқынының ауқымы қарастырылады.

Жоғарыда айтып өткеніміздей П. Н. Петров жүргізген зерттеулер нәтижесінде Отырар күмістелген мыс дирхемдерінің салмақ көрсеткіштері 650-ші Х. жылдары орталарында 1 грамға төмендегені анықталды (Петров, 2003, 13-30 бб.). Отырар дирхемдерінің салмақ көрсеткіштері арасындағы бұл өзгеріс те зертеу жұмыстары кезінде айтарлықтай көмек беруі мүкін. Сондықтан, зерттеушілер назырына «Әзірет Сұлтан» қорық мұражайының қорларында сақтауға алынған Құрысай көмбесіндегі 450 дана Отырардың күмістелген мыс дирхемдерінің салмақтарына қатысты жасалған гистограмманы ұсынамыз (көмбе құрамындағы дирхемдердің салмақ өлшемдеріне қатысты туындаған ойлар мен жасалған болжамдар келесі мақалада ұсынылады. Гистограммада көмбе құрамындағы дирхемдердің санына қатынасы пайыздық өлшемде берілді).

№ 1 гистограмма. Құрысай көмбесіндегі Отырар күмістелген мыс дирхемдері санының салмақтарына қатынасы (айырмалар 0,3 г. көлемінде есептелді)

Зерттеушілердің назарына Құрысай көмбесіндегі дирхемдердің көлем көрсеткіштеріне қатысты жүргізілген жұмыстар нәтижесінде жасалған гистограмманы қоса ұсынамыз

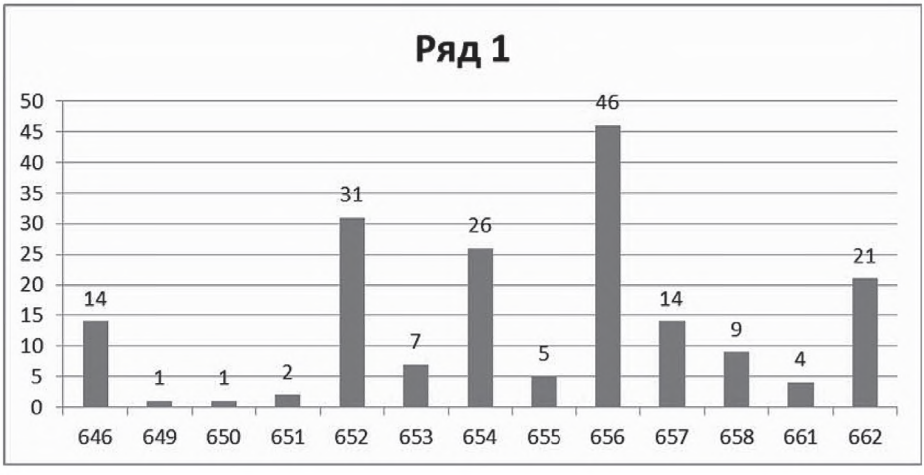
XIII ғ. II және III-ші ширектерінде соғылып отырған Отырар күмістелген дирхемдерінің соғылған жылдарын анықтауда кедергі келтіретін ең басты қиындық, дирхем жиектерінде орын алған жылдық көрсеткіш жазбаларының көп жағдайда тиын шеңберіне түспей қалып отыруы мен тиын алаңының ортасында орын алған жазбаларға қарағанда жылдамырақ жойылып кетіп

отыруында. Дирхемдердің екі беттерінде соғылған жылдық көрсеткіштерінің сақталып қалуы сирек кездесетін жағдай. П. Н. Петров дирхемдер жиектеріндегі соғылған жылдық жазбаларының көп жағдайда толық түрде кездеспеуінің себебін дирхемдерді соғуда қолданылған технологияның әсерінен деп түсіндіреді (Петров, 2003, 31-32 бб.). Алайда біз қарастырып отырған 4 көмбе құрамындағы 720 дана дирхемдер арасында соғылған жылдық көрсеткіш-жазбалары сақталған үлгілер әр жылдардағы дирхемдер эмиссиясының көлемін анықтауға мүмкіндік бере алады.

Біз бұл мақалада негізгі жұмысты Әзірет Сұлтан мұражайының қорларында сақтауға алынған Құрысай көмбесі (450 дана), Ташкент маңынан табылған Отырар күмістелген дирхемдер көмбесі (43 дана), 1991 жылы Отырар маңындағы Алтын төбеден табылған көмбе (37 дана) және Алтын арық көмбесінің (190 дана) құрамындағы дирхемдер жайлы берілген ақпараттар негізінде Отырар күмістелген дирхемдерінің әр жылғы соғылу қарқынын анықтауда байқалған ерекшеліктерге қатысты туындаған ойлар мен тұжырымдарды ұсынамыз.

Отырар ақша сарайының күмістелген мыс дирхемдерінің қазіргі таңда белгілі болып отырған ең көне үлгісі 646 х. жылында соғылған. Бұл жылдан ерте соғылған дирхемдердің бүгінгі күнге дейін табылмауы, Отырар күмістелген дирхемдері дәл осы жылдан бастап соғыла бастады деген тұжырым жасауға негіз болып отыр. Дегенмен Шағатай ұлысында орын алып отырған саяси жағдайлар мен ақша өндірісін реттеп отыру арқылы ақшаның құнсыздануына қарсы билік тарапынан жүргізіліп отырған алдын алу шаралары Отырар ақша сарайының хижраның 663 жылына дейін әр жылы үздіксіз, тең қарқында ақша өнімін өндіріп отыруына теріс ықпал еткен секілді.

XIII ғ. II-ші және III-ші ширектерінде Отырар ақша сарайының күмістелген дирхемдерді әр жылғы соғу қарқыны турасында жалпы көрініс беру үшін гистограмма жасадық. Гистрограмма тек соғылған жылдық жазбалары анық сақталған дирхемдер негізінде ғана жасалды.

№ 3 гистограммадан көріп отырғанымыздай Отырар ақша сарайының жұмыс қарқыны барлық жылдары бірдей болмаған. Отырар ақша сарайының күмістелген мыс дирхемдеріндегі жазбаларға қарағанда ақша сарайының әр жылғы ақша өндіру белсенділігінің әр-түрлі болып отыруының себебі неде деген заңды сұраққа жауап іздей келе, 646-663 х. ж. аралығында күмістелген мыс дирхемдер соғып отырған Отырар ақша сарайында ақша соғу ісінің қарқынын анықтау барысында, аталмыш кезеңнің барлық жылдарында бірқалыпты қарқында жүрмегендігі, ақша сарайларының жұмысы бір жылдары қарқынды жүрсе, бір жылдары бәсеңдеп, кей жылдары жұмысын мүлдем тоқтатып отырғандығы байқалды.

Мәселен, қарастырылып отырған XIII ғасырдың II-ші жартысында соғылған Шағатай ұлысының күмістелген мыс дирхемдерінің 4 көмбесінің ешқайсысында да хижра жыл санағы бойынша 647, 648 және 659-ыншы жылдары соғылған ақша өнімдері кездеспейді. Осыған орай, әзірше (келешекте Отырар ақша сарайы ақша өнімдері арасында аталмыш жылдарда соғылғандығын дәлелдейтін ақша үлгісі табылғанға дейін) ол жылдары күмістелген мыс дирхемдер өндіру ісі мүлдем іске асырылмаған деген тұжырым жасауға негіз бар.

Отырар ақша сарайының жұмысының белсенділігінің басқа жылдармен салыстырғанда біршама төменірек болған жылдарды ретімен айтар болсақ, аталмыш көмбелер арасында Құрысай Отырар күмістелген мыс дирхемдер көмбесінде ғана 649 х. жылы соғылғандығы көрсетілген бір ғана дирхем бар.

650 жылы соғылған дирхемдер П. Н. Петров сипаттап берген Ташкент көмбесінде де (43 данадан тұратын), Отырар маңында 1991 жылы Алтын төбе ортағасырлық археологиялық ескерткішінде жүргізілген қазба жұмыстары кезінде табылған (Л. Б. Ерзакович 1991 жылы жүргізген археологиялық қазба жұмыстары кезінде) көмбе құрамында да (37 дана), Р. З. Бурнашеваның еңбегіне арқау болған Отырар маңындағы Алтын арықта табылған XIII ғ. II-ші жартысында соғылған күмістелген мыс дирхемдер қатарында да (171 дана) кездеспейді. Біздің қарастырып отырған 450 дана күмістелген мыс дирхемдерден тұратын Құрысай көмбесі қатарында 650 х. жылы (1252-53 жж.) соғылғандығы көрсетілген дирхемдердің тек 1 ғана үлгісі бар. Ол үлгінің өзінде «Хани» эпитеті түсірілген бетіндегі жылдық көрсеткіші 650 х. жылы деп берілсе, келесі бетінде 646 х. жылы көрсетілген (ақша соғуға арналған штемпельдің бір жағына ескі үлгіні қолданған).

651 х. жылғы дирхемдердің Алтын арық (Р. З. Бурнашеваның мәліметі бойынша) көмбесінде 3 (651 хижра жылы соғылған дирхемдер арасындағы 1 данасының тиын бетіндегі жылдық көрсеткіштің оқылуы қате болуы керек. Себебі бұл үлгі «Менгу хани» эпитетімен берілген, ал бұл эпитетпен дирхемдер тек х. 652 жылдан (1254-55 жж.) бастап соғыла бастады) және Құрысай көмбесінде 1 данасы ғана кездескен.

Ташкент көмбесінің 43 дана дирхемдерінің ішінде 6 данасы 655 жылы соғылған дирхемдер болса, біздің қарастырып отырған «Құрысай» көмбесінің 450 дана тиын арасында 6 данасы ғана бар.

Қарастырылып отырған 4 көмбе қатарында тек Отырар маңындағы Талапты аулынан табылған 37 дана дирхемнен тұратын көмбе құрамында ғана 655 х. ж. (1257-58 жж.) соғылған 1 дирхем, біздің қарастырып отырған Құрысай көмбесінде 651 х. жылы (1253-54 жж.) соғылған (тиын жиегіндегі жылдық көрсеткіші жазбасы анық сақталған) 1 ғана тиын бар. Р. З. Бурнашева зерттеген Отырар көмбесінде 3 дана, оның бірі «Менгу хани» эпитетімен берілген. «Менгу хани» эпитеті 652 х. жылдан 658 аралығында соғылған тиындарда ғана кездесетіндігін ескерсек, Райхан Закиқызының Менгу хани эпитетімен 651 х. жылы соғылған деп көрсеткен дирхемінің соғылған жылдық көрсеткішін анықтау кезінде қате жіберілген болса керек (Тиындардың жиектерінде орын алып отыратын жылдық көрсеткіштер көбіне көп тиын шеңберіне түспей қалып, және ақша айналымда жүрген уақыт аралығында бедерлері тез жойылып кетіп отырғандықтан, жылдық көрсеткіштерді айыру өте қиынға соғып, тиын бетінде көрсетілген жылдық көрсеткіштерді басқа жылдармен шатастырып алу оңай). П. Н. Петровтың зерттеген екі көмбесінің құрамында да 651 х. жылы соғылған дирхемдер жоқ.

Хижра жыл санағымен 653 жылы соғылған дирхемдердің 450 дана дирхемнен тұратын Құрысай көмбесінде 7 данасы, Отырар маңынан табылған Алтын арық көмбесінде 1 ғана данасының, Ташкент және Талапты көмбелерінде бұл жылғы өнімдердің кездеспеуі, 653-інші хижра жылы Отырар ақша сарайының ақша өндіріс қарқыны көршілес 652хж. және 654 х. жылдарымен салыстырғанда төмен болғандығын көрсетеді. Сонымен қатар, қарастырылып отырған 4 көмбе құрамында хижра жыл санағы бойынша 655 жылы соғылған ақша өнімінің саны да 652-інші (1254-55 жж.) және 654 (1256-57 жж.) хижра жылдарындағы ақша өнімдері санынан аз екендігі байқалады.

659 хижра жылы (1261-62 жж.) соғылған Отырар күмістелген мыс дирхемдері қарастырып отырған көмбелердің 4-еуінде де кездеспейді. Ал 660 х. жылы (1262-63 жж.) соғылған Отырар дирхемдерінен аталмыш көмбелер қатарында тек Алтын төбе көмбесінде ғана 1 данасы бар.

XIII ғ. II-ші жартысына тән Отырар ақша сарайында соғылған күмістелген мыс дирхемдердің 4 көмбесі қатарында тек Р. З. Бурнашева зерттеген Отырар маңындағы Алтын арық көмбесінде ғана 663 х. ж. (1265-66 жж.) соғылған дирхемдердің 3 данасы бар.

Жоғарыда аталған мәліметтерге қарағанда Отырар ақша сарайларында күмістелген мыс дирхемдерді соғу ісі 646-663 хижра жылдары арасында әр жылда түрлі қарқынмен жүрген.

Шағатай ұлысында ақша соғу ісінің қарқыны мемлекеттегі әр жылдары қалыптасқан саяси жағдайларға байланысты өзгеріп отырғанға ұқсайды. 1246 жылы Үгедейдің үлкен ұлы Күйік ұлы хан болып жарияланған соң, Шағатай ханның ұлы Есу-Мөңкені Қара Хулагудың орнына Шағатай ұлысының ханы етіп қояды. Хижра жыл санағы бойынша 646 жылы (1248-49 жж.) соғылған дирхемдер Күйік хан тұсында соғылған болса керек. Бірақ көп ұзамай Күйіктің өлімінен кейін Үгедей мен Төле ұрпақтары арасында тағы да билік үшін күрес басталып,

бұл таласта Төленің үлкен ұлы Мөңке, Бату ханның көмегімен жеңіске жетіп (Х. 648-49 ж. 1251 ж.), Шағатай мен Үгедей тұқымынан шыққан ханзадаларды Мөңкеге қарсы қастандық жасады деген себеппен біразын өлтіріп, біразын жер аударып жібереді. Осылайша Шағатай ұлысы ханзадаларының тарихи мәні біраз уақытқа бәсеңдеп қалады (Петров, 2003, 35 б.). Бұл кезең хижра жыл санағымен 648-649 жылдарға сәйкес келеді. Көмбе құрамында хижра жыл санағының 647-48 жылғы ақша өнімдерінің кездеспеуі Моңғол мемлекетінде, оның ішінде Шағатай ұлысында осынау тарихи оқиғалардың орын алуымен байланысты болса керек.

Қаралып отырған 4 көмбе ішінде тек Құрысай көмбесінде ғана хижраның 649 жылы (1251-52 жж.) соғылғандығы көрсетілген дирхемнің 1 данасының кездесуі, осы жылы Отырарда күмістелген мыс дирхемдерді соғу ісі біртіндеп қайта қолға алына бастады (х. 649 жылдың соңы болуы мүмкін) деген жорамал жасауға себеп болып отыр.

Шағатай ұлысындағы саяси-экономикалық жағдай біршама тұрақтанған кезеңдер 653 (1255-56), 655 (1257-58), 657 (1259-60) хижра жылдары Отырар күмістелген мыс дирхемдерінің өндірілу қарқынының көршілес 652, 654, 656 хижра жылдарының ақша өнімдерінен аз мөлшерде соғылу жағдайын жергілікті нарықта күмістелген мыс дирхемдердің санын реттеп, қадағалап отыру қажеттілігінен, олай етпеген жағдайда бағалы металға жатпайтын, бағамы мәжбүрлі түрде белгіленіп отырған мыс-қоладан соғылған күмістелген мыс дирхемдердің бағасы күрт төмендеп, өте жылдам уақытта инфляцияға ұшырауы мүмкіндігі себебінен туындаған қажетті әрекеттер нәтижесі деп тапқан дұрыс секілді. Мемлекеттің экономикалық жағдайына кері әсер ететін мұндай жағдайды болдырмас үшін ақша өнімінің өндіріс көлемін реттеп отыру өте маңызды. Осыған орай дирхемдер өндірісінің қарқыны бір жылы жоғары болып, келесі жылы өлке нарығындағы күмістелген мыс дирхемдер қажеттіліктен асып кетпеуі үшін әдейі төмендетіліп отырғанға ұқсайды (бұл жорамал тек 653, 655, 657 хижра жылдарының ақша өнімдеріне байланысты жасалған).

4 көмбе құрамында 658 х. жылы (1260-61) соғылған дирхемдер саны 23 дана. Оның ішінде Алтын арық көмбесіндегі 13 дирхемнің 1-еуі «Хани» эпитетімен берілген. Бұған дейін кездескен 658 х. жылы соғылған дирхемдердің бәрі тек «Менгу Хани» эпитетімен берілгенін ескерсек, бұл дирхемнің соғылу тарихының жазбаларын анықтауда қателік жіберілген сияқты. 658 х. жылғы ақша өнімдерінің көршілес 656-657 х. жылдары (1258-60 жж.) соғылған дирхемдер санынан салыстырмалы түрде аз болуы, бұл жылы да ақша сарайы жұмысы біршама бәсең болған деген тұжырым жасауға негіз болды.

Хижра жыл санағы бойынша 659 жылы соғылған күмістелген мыс дирхемдердің 4 көмбенің ешқайсысында кездеспеуі Мөңке ханның өлімінен кейін басталған мемлекеттегі саяси жағдайдың тұрақсыздығынан туындаған ақша сарайы жұмысындағы үзіліс болса керек.

Мөңке ханның екі інісі Арығ-Бұқа мен Құбылай арасында таққа таластан туындаған күрес мемлекеттегі жағдайды тағы да тұрақсыздандырды (Султанов,

2006, 70 б.). 1259 жылы (658 х. ж.) Мөңке қаған өлімінен кейін Қытай жерлерінде жорықта жүрген Құбылай ханды, айналасындағы моңғол үстемтаптары ұлы хан етіп, ал Қарақорымда қалған үстемтап өкілдерінің бөлігі Арығ Бұқаны ұлы хан етіп жариялайды. Арығ Бұқа Шағатай ұлысының билігін Алғұй ханға (Шағатайдың немересі, Байдардың ұлы) береді. Алғуй хан тұсында, Мөңке қаған өлімінен кейін тоқтап қалған Отырар ақша сарайында күмістелген мыс дирхемдер соғу ісі қайта қолға алынады. Алайда Мөңке қаған тұсында «Мөңку хани» эпитетімен соғылып отырған ақшалар қайтадан «Хани» эпитетімен соғыла бастады.

Е. А. Давидовичтің еңбегінде «Мөңкү хани» сөзінің Мөңке қағанның аты емес, «хан ақшасы» немесе «Хан күмісі» деген мағына беретін жазба екендігі және бұл ақшалардың заңды айналым құралы екендігін растайтын белгі болғандығы мейлінше тиянақты дәлелденген (Қазақстан тарихы, 79 б.). Дегенмен «Мөңкү хани» эпитетінің Мөңке хан ұлы хан тағына отырған жылдан бастап тиын беттерінде орын ала бастауы мен оның өлімінен кейін ақша беттерінен алынып тасталып, «Хани» эпитетімен қайта соғылуы және «Мөңку» эпитетінің жазылу үлгісінің Мөңке хан жазуымен бірдей болуы (араб әріптерімен) себептері Мөңке қаған тұсында тиын бетіне осы эпитеттің түсірілуі әдейі таңдалып алынған болуы мүмкін деген ой туындатады. Бұл ойды белгілі нумизмат П. Н. Петров та өз еңбегінде атап өткен (Давидович, 1972, 23-27).

Алғуй хан билік еткен тұста да Мәуераннахрдың ішкі билігі тағы да Шағатай ұлысы билеушілерінің өкілі, жергілікті көпес Масуд бекке өтіп, Отырар күмістелген мыс дирхемдері бұрынғы үлгіде (Хани эпитетімен) қайта соғыла бастайды.

Көмбе құрамында 659 х. жылы соғылған ақшалардың болмауы мен 660 х. жылғы ақша өнімінің көмбелер құрамында тек 1 данасының ғана кездесуі, Мөңке хан өлімінен кейін орын алған тарихи оқиғалардың (Петров, 2003, 26 б.). Отырар ақша сарайының жұмысына да кері әсер еткендігін және Отырар ақша сарайының тек Алғу ханның, Арығ Бұқаның Құбылай ханды мойындап, сауға тілеп барғаннан кейін, қайтадан Шағатай ұлысының ханы ретінде мықтап отырғаннан соң ғана қайта іске кіріскендігін (661-62 х. ж.) көрсетіп отыр.

Отырар ақша сарайында ақша соғу ісі қолда бар нумизматикалық материалдар бойынша 660 х. жылы (1262-63 жж.) қайта басталғанға ұқсайды. Алайда, көмбелер құрамындағы дирхемдер қатарында 660 хижра жылында соғылған күмістелген мыс дирхемдердің Алтын төбе көмбесінде ғана тек 1 данасының кездесуі бұл жылы ақша сарайының жұмыс қарқыны төмен болғандығын көрсетеді.

Көмбелердегі нумизматикалық материалдардың құрамын зерттеу нәтижесінде Мөңке хан қайтыс болған соң, тек екі жылдан кейін ғана ақша өндірісі біртіндеп жолға қойылғандығы байқалды. Мәселен 659 х. жылы соғылған дирхемдердің мүлдем кездеспеуі мен 660 х. жылы соғылған ақшалардың 4 көмбе құрамында тек бір ғана нұсқасының кездесуі (оның өзі жылдық көрсеткіштің қате оқылуы себебінен болуы мүмкін) және 661 хижра жылғы ақша өнімдері 4

көмбе құрамында 9 данасының ғана кездесуі, 662 х. жылғы ақша өнімдерінің көмбелер құрамындағы санының алдыңғы жылға қарағанда 3,5 есе көп мөлшерде кездесуі, 1259 (657 х. ж.) жылы Мөңке ханның өлімінен кейін орын алған саяси тұрақсыздық орын алған кезеңнен кейін 658 хижра жылы (1260-61) Шағатай мемлекеті басына Шағатайдың немересі Алғуй хан таққа отырғаннан соң (деректерде 660-ыншы хижра жылдары делінген) Отырар ақша сарайында ақша өндіру ісінің біртіндеп қайта жолға қойылғандығын көрсетіп отыр.

1265-66 (663-64 х. ж.) жылы Алғуй хан қайтыс болады (Караев, Бишкек, 1995, 19 б.). Қарастырылған көмбелер қатарында Р. З. Бурнашева зерттеген көмбе құрамында ғана 663 х. ж. (1265-66) соғылған күмістелген дирхемдердің 3 данасының кездесуі (Бурнашева, с. 87) мен бұл жылдан кейін соғылған күмістелген дирхемдердің әлі күнге кездеспеуі Отырар ақша сарайы жұмысының 663 х. ж. уақытша тоқтатылғандығын көрсетіп отыр (670 х. жылы Масудбек жүргізген ақша реформасынан кейін жоғары сынамды күміс ақшалар соғыла бастады.). Яғни Алғуй ханның қайтыс болған жылы Отырар күмістелген дирхемдердің соғылуының тоқтатылуымен сәйкес келеді.

Отырар күмістелген дирхемдерін зерттеген ғалымдар дирхемдердің әр жылғы эмиссиясының қарқыны жайлы зерттеулер жүргізбеген. Оның ең алғашқы себебі бұл бағытта зерттеу жұмыстарын жүргізуге қажетті материалдың (Отырар күмістелген дирхемдерінің) жеткілікті мөлшерде болмағандығы екендігі анық.

Жорғарыда қозғалып өткен мәселелер Отырар күмістелген мыс дирхемдерін зерттеу мен өлке тарихын зерделеуде көмегін тигізер деген үміттеміз.

Әдебиеттер

Бурнашева Р. З. Клад чагатайских монет 2-й половины XIII века с городища Отрар. // История материальной культуры Казахстана. – Алма-Ата, 1980. – 116 с.

Давидович Е. А. Денежное хозяйство Средней Азии в XIII веке. М.: Наука, 1972. – С. 9.

Давидович Е. А. Денежное хозяйство Средней Азии в XIII веке. М.: Наука, 1972. – С. 41-47.

Давидович Е. А. Денежное хозяйство Средней Азии после Монгольского завоевания и реформа Масуд-бека (XIII век). М., 1972. – С. 23-27.

Кочнев Б. Д., Нумизматическая история Караханидского каганата (991-1209 гг.). М.: София, 2006. – С. 44.

Қазақстан тарихы II т. 79 б.

Караев О. Чагатайский улус. Государство Кайду. Могулистан. Бишкек. 1995. – С. 19.

Петров П. Н. Очерки по нумизматике монгольских государств XIII-XIY веков. – Нижний Новгород, 2003. – 180 с.

Султанов Т. И. Чингис хан и чингизиды. Судьба и власть. М.: Аст, 2006. – С. 70.

1. сурет. XIII г. 646-663 х. ж. аралығында соғылған Отырар күмістелген дирхемдерінің әр жылғы өнімдерінің фото суреттері

Ахметкалиев Р. Б.

Научно-реставрационная лаборатория ТОО «Остров Крым», г. Алматы, Казахстан

ОБРАЗОВАНИЕ КОМПОЗИТНОГО МАТЕРИАЛА ПРИ ПРОПИТКЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ ДРЕВЕСИНЫ

Поверхность древесины является пористой средой, ее сорбционная емкость может изменяться при изменении атмосферного давления. Уменьшение давления – предварительное вакуумирование древесины – приводит к уменьшению давления газа в ее порах и способствует сорбции большого количества пропиточного раствора. После нанесения пропиточного состава увеличение давления может увеличить проникновение раствора в древесину как по количеству, так и по глубине.

После предварительной откачки воздуха из объема пропитки образца пониженное давление воздуха может быть заменено пропиткой древесины в атмосфере паров спирта. Пропиточный раствор должен иметь спирт в качестве растворителя.

В условиях изолированного объема пары спирта вытесняют значительную часть воздуха. Парциальное давление воздуха в рассматриваемом объеме уменьшается до 650-700 мм рт. ст. Поры древесины освобождаются от воздуха и насыщаются парами спирта. Такое состояние спиртовой декомпрессии может поддерживаться значительное время за счет периодического испарения спирта в заданном объеме. Пары спирта одновременно создают избыточное давление для пропиточного состава. Увеличение парциального давления паров спирта насыщает поры древесины этим газом и увеличивает его проникновение во внутренние слои материала. Нанесение пропиточного состава производится кистевым способом до полного насыщения образца консолидирующим составом. Завершение пропитки определяется кристаллизацией полиэтиленгликоля (ПЭГ) на поверхности изделия.

Перед началом пропитки древесины консолидирующим составом производится очистка поверхности изделия. Частичное удаление загрязнений из объема изделия, обусловленное более высокой сорбционной способностью ПЭГ как более сильного поверхностно-активного вещества, происходит при его пропитке консолидирующим составом.

Практика показывает, что такая очистка недостаточна. Надо путем дополнительных воздействий ослабить связь загрязняющих веществ с сорбционной поверхностью материала древесины. Таким видом воздействия является электромагнитное излучение инфракрасного (ИК) диапазона 2-50 мкм. Большинство органических веществ, находящихся в жидком, твердом и газообразном состояниях, хорошо поглощают электромагнитное излучение указанного диапазона. Энергия излучения указанного диапазона идет на увеличение энергии колебательного движения атомов и молекул, увеличение среднего расстояния между ними. Макроскопически это проявляется в виде роста

линейных размеров и объема вещества. ИК-излучение указанного диапазона содержит частоты, совпадающие с собственными частотами колебаний атомов и молекул органических веществ и хорошо ими поглощается. Это сопровождается ростом амплитуд и энергий колебательно-вращательных степеней свободы атомов в молекулах. Увеличение линейных размеров под действием ИК-излучения происходит очень интенсивно, т. к. интенсификация колебательного процесса начинается со всего объема облучаемого вещества. Происходит рост размеров всех микропор древесины, которые поглощают большее количество пропиточного состава, т. е. происходит рост сорбционной емкости вещества. Интенсификация колебательно-вращательных степеней свободы атомов в молекулах, рост среднего расстояния между молекулами сопровождается ослаблением связей между ними, особенно между разными молекулами, объединенными сорбционной связью. Очистка микропор древесины от загрязняющих веществ приводит к дополнительной сорбции на них консолидирующего состава для укрепления ее физико-механических свойств.

Под действием ИК-излучения происходит также улучшение пропиточных свойств раствора полиэтиленгликоля (ПЭГ) за счет диспергирования агломератов молекул ПЭГ в спирте, уменьшения вязкости раствора ПЭГ. Указанные изменения вызывают увеличение проникающей способности раствора в более мелкие поры. Увеличение сорбционной способности пор древесины и улучшение пропиточных свойств раствора ПЭГ приводят к значительному увеличению поглощения консолиданта пропитываемым образцом.

Под действием ИК-излучения в некоторых высокомолекулярных соединениях, например в полиэтилметакрилате, может происходить дополнительная полимеризация и уплотнение полимера, которое сопровождается увеличением его механической прочности. Используя пропиточный состав, содержащий полиэтилметакрилат, и насыщая им образец древесины, последующей ИК-обработкой можно значительно увеличить механическую прочность обрабатываемого материала.

Для пропитки деградированной древесины использовался пропиточный состав, содержащий полиэтилметакрилат, полиэтиленгликоль, этилированный алкилфенол и этиловый спирт при следующем соотношении компонентов, массы, % [2]:

Полиэтилметакрилат 10-15
Полиэтиленгликоль
(с молекулярной массой 1500-4000) 20-25
Этилированный алкилфенол 0,3-0,5
Этиловый спирт, остальное.

Была проведена пропитка нескольких образцов деградированной и механически поврежденной древесины кистевым способом пропиточным составом по указанному выше примеру, по технологии инновационного патента РК № 25464, включающая предварительное вакуумирование обрабатываемых изделий, пропитку подогретым пропиточным составом под избыточным давлением, в котором пониженное парциальное давление воздуха и избыточное

давление для пропиточного состава в объеме пропитки образца поддерживается за счет увеличения парциального давления паров спирта. После пропитки до состояния насыщения все они подвергались воздействию электромагнитного излучения ИК-излучателя мощностью 100 ватт в течение 15-20 часов. Изделия находились в герметичном контейнере, сделанном из материала, пропускающего инфракрасное излучение. Температура в объеме расположения изделий поддерживалась 50-60 °С [3].

Инфракрасная обработка изделий в изолированном объеме позволяет создавать условия, аналогичные режиму пропитки этих образцов древесины при избыточном парциальном давлении паров спирта. Под действием ИК-излучения происходят изменения в структуре полиэтилметакрилата, которым пропитана древесина. Внешне это проявляется в уменьшении размеров трещин в древесине, исчезновении мелких трещин. Увеличивается механическая прочность изделий, они становятся более эластичными, не ломаясь при изгибах.

Было получено, что оптимальными параметрами процесса являются следующие величины: время обработки изделий после завершения пропитки в поле ИК-излучателя в течение 15-20 часов при температуре 50-60 °С.

После пропитки и обработки инфракрасным излучением определялись водостойкость изделия по показателю водопоглощения (ГОСТ 16483. 20-72), биозащитные свойства по весовому методу при воздействии дереворазрушающего гриба. Механические свойства – по показателю предела прочности при сжатии (ГОСТ 16483. 10-73).

Таблица 1. Показатели свойств обработанного материала

Наименование показателей	**Содержание по номерам изделий**				
	1	**2**	**3**	**4**	**известный способ**
Поглощенное количество состава, %	63	68	79	92	43
Водопоглощение на 25-е сутки, масс. %	3	3	3	3	4
Биозащитная способность: степень обрастания образцов	отсутствует	отсутствует	отсутствует	отсутствует	отсутствует
Потеря массы, масс. %	0	0	0	0	0
Предел прочности при сжатии, % к контролю	33	36	38	42	30

Анализ данных проведенных исследований и таблицы 1 показывает, что применение предлагаемого способа пропитки древесины обеспечивает увеличение степени пропитки изделий и увеличение прочности при наличии механических повреждений. Обработка археологических предметов предлагаемым способом сохраняет цвет, текстуру и фактуру материала, что приводит к значительному улучшению экспозиционного вида артефактов.

Литература

Ахметкалиев Р. Б., Алтынбеков К. Патент РК № 12176 «Состав для пропитки деградированной археологической древесины» // Бюллетень изобретений РК № 5. – 2007.

Ахметкалиев Р. Б., Алтынбеков К. Инновационный патент РК № 25464 «Способ пропитки древесины» // Бюллетень изобретений РК № 1. – 2012.

Савельев И. В. Курс общей физики. Т. 3. – М., 1973. – С. 389-405.

Нуржанов А. А.

Институт археологии им. А. Х. Маргулана, г. Алматы, Казахстан

НЕКОТОРЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ПАЛЕОЗООЛОГИЧЕСКИХ И ПАЛЕОБОТАНИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ НА ГОРОДИЩЕ КАСТЕК

В ходе проведенных раскопок на городище Кастек нами был собран остеологический материал, который был обнаружен на площади размером 22,5х18,7 м городища Кастек на различной глубине – от одного до 10 метров от дневной поверхности. Полученный остеоматериал подвергался механической очистке, визуальному осмотру, остеометрии, оценке сохранности и характеристике палеопатологических изменений.

Кости крупного рогатого скота. Археоостеоматериал состоит из поясничного позвонка, локтевой кости, плечевой кости и остатков роговой основы двух астрагалов. Кости животного в целом хорошо сохранились и цельные, за исключением некоторых посмертальных переломов. Периостально-суставные поверхности желтовато-белого цвета и гладкие со всеми сохраненными анатомо-топографическими признаками. Метафизарные области трубчатых костей опорно-двигательного аппарата отчетливо выделялись. Позвонок был с выпавшим каудальным эпифизом, и не полностью сращен краниальный эпифиз с головкой.

Локтевая. При патологоанатомическом осмотре нами установлен поперечный перелом нижнего конца локтевой кости, сопровождаемый длительной костно-суставной перестройкой. Кроме того, отмечается рост новой кости с расширением и появлением множественных костных канальцев на парасуставной области дистального конца лучевой кости. Перисуставная область левой части дистального конца характеризовалась редукцией костной массы, истонченностью краев сустава с признаками энтезита. Животное длительное время страдало, в результате травматическо-воспалительного характера, изменениями конечности и было прирезано на мясо.

Астрагалы представлены из двух одинаковых по размеру и анатомо-топографических признаков (рис. 1).

Рога с небольшой черепной основой принадлежат двум разным по возрасту животным. Маленький рог небольшой длины, вероятно, принадлежит к выше описываемому крупному рогатому скоту. Второй рог относится к старшему по возрасту крупному рогатому скоту.

Таким образом, описываемые кости принадлежат крупному рогатому скоту приблизительно в возрасте трех-четырех лет (рис. 2).

Кости мелкого рогатого скота. Кости мелких животных представлены в виде разной величины астрагалов, указывающих в какой-то мере на разновозрастные особенности, от годовалого и выше. Следует добавить к сказанному, что из числа имеющихся 36 астрагалов (асыки) левые 28 экземпляров, а правые – 18, причем доминирует количество молодняка мелкого рогатого скота. Аборигены довольно часто использовали мясо молодняка. Из общего количества астрагалов 9 были подвергнуты обработке (шлифовке) путем выравнивания боковых выступающих их поверхностей в целях эффективного использования при проведении казахской национальной детской традиционной игры «Асык ойнау». В то же время некоторые астрагалы (8) были покрашены светло-коричневой, стойкой равномерно пропитываемой краской, а единичные, но крупные (от взрослых животных) были просверлены для придания массивности и достижения позитивного успеха во время игр. О природе, технологии окраски и химическом составе используемой краски вопросы остаются открытыми.

Рог косули. Он сохранился с тремя веточками с характерными анатомо-топографическими признаками для косули. Последние в настоящее время обитают на предгорных и горных массивах Заилийского Алатау и их низменностях. Археологическая находка, начиная от основания (развилка между веткой и стержневой частью рога) первой ветки до верхушки третьей ветки, исходная роговая поверхность слегка стерта, местами более гладкая по сравнению с интактными участками нижней части, но с сохранением характерной для рога формы. Вероятно, рог использовался аборигенами в качестве вешалки (рис. 3).

Зубная щетка. Следующим костяным предметом является длинная (225 мм) костяная палочка из компактной кости (?) животного, светло-желтоватого цвета, плотная и массивная. Она имеет несколько вытянутую плоско-выпуклую часть головки размером 36,5х10,5 мм, которая затем переходит в виде шейки и на четырехгранную ручку (6х5 мм в середине и 6х5,5 мм в конце). Головка имеет лицевую плоскую сторону с двумя двухсторонними парными нитевидными неглубокими аккуратно выполненными надрезами по длине головки. Вдоль этих двух парных линий в цепочку расположены по 5 цилиндрической формы отверстий-ячеек (диаметр – 2,5 мм) с не до конца просверленными тонкими просвечивающими отверстиями на задней выпуклой стороне головки описываемого предмета. Нижняя часть всех отверстий в совокупности формирует лицевую часть продолговатой кармашки. Двухрядные отверстия замыкаются по нижним и верхним концам головки еще двумя идентичными по диаметру и глубине сквозными отверстиями.

Противоположная сторона головки несколько выпуклая и гладкая и имеет по сагиттальной линии третью линию надреза (длина – 25 мм), но более

широкую и глубокую, переходящую и формирующую заднюю стенку с гребенчатым выступом по центральной части кармашка по длине головки зубной щетки, которая также является несколько скошенным дном, 5 цилиндрических парных ячеек. Данные трасологических исследований указывают, что предмет был изготовлен вручную, по всей поверхности, отмечаются частые прерывистые насечки от режущего аппарата во время обработки поверхности исследуемого предмета (рис. 4).

На наш взгляд, трудность установления наименования изучаемого предмета заключается в том, что он в период наших исследований не имел главного в функциональном и технологическом отношениях элемента (пучков волос животного происхождения или других волокон для чистки зубов). Вероятно, он отсутствовал из-за полной естественной деструкции в археологической среде. Одной из подтверждающих версий в пользу предполагаемого нами предмета является то, что ручка предмета в средней части деформирована на лицевую сторону в результате регулярного силового воздействия руки человека во время чистки зубов.

Древние тюрки, вероятно, делали щетки из конского волоса. В Древнем Китае также использовали щетки для зубов – деревянные палочки со свиной щетиной. В середине XVI века жесткую и неприятно пахнущую щетину европейцы заменили на беличью или барсучью шерсть, но она, напротив, была слишком мягкой. Наконец нашли разумный компромисс – щетку стали делать из конского волоса. Такой щеткой пользовался Наполеон, который чистил зубы морским песком с добавкой опиума для успокоения нервов.

Заколки для женской прически (рис. 5). Интерпретируемый предмет состоит из двух одинаковых по длине (219 мм) легких палочек и рожка животного происхождения с характерными морфоструктурными особенностями. Палочки строго округлые, и легкие диаметры на конце – 3х3 мм, в середине – 6х6 мм, а на расширенной части – 6,5х6,5 мм, розовато-белого цвета, конусообразной формы. Снаружи палочки имеют хорошую полировку из особого блестящего и плотного вещества, внутри содержат мелкопористые трабекулярные сети костной ткани, вероятно животного происхождения. Третьим предметом является необычайно маленького размера рожок с отверстием, соответствующим наружным диаметрам палочек. Рожок визуально напоминает форму роговой основы крупного рогатого скота (рис. 6). Он имеет расширенное основание округлой формы, суживающееся в виде запятой на сторону кончика рожка. На наружной костной пластинке отчетливо прослеживаются углубленные отпечатки от сервисных наружных кровеносных ветвящихся сосудов. Последующим внутренним веществом является спонгиозная ткань с однородным диаметром костных канальцев. Однако вопросы вида животного, откуда был получен органически предмет (рожок), требуют проведения дальнейших поисковых работ.

При изготовлении палочек – заколок для женских причесок, по-видимому, использовалась после соответствующих технологических процедур спонгиозная ткань, вырезанная из костей молодых или павших новорожденных животных или плодов, затем она полировалась.

Таким образом, косторезные мастера в исследуемом регионе, вероятно, умели изготовить вышеперечисленные костные предметы быта для индивидуального пользования. В то же время мы не исключаем завоза их торговцами по Великому шелковому пути из восточных стран.

Палеоботаническое исследование древних зерен.

Образец был дифференцирован на почвенные и растительные остатки, из которых наибольшую часть составляли створки орешков размером от 3-3,5 мм в длину и 1,5-2 мм в ширину. Также были обнаружены объекты, похожие на зародыши семян и несколько нераскрывшихся орешков Створки плодов идентифицируемого растения были серо-коричневого цвета и имели характерный мозаичный рисунок.

Определение растения проводилось по ботаническому признаку – тип плода. Плод был классифицирован как орех. Характерный рисунок на створках искомого растения был похож на рисунок плода растения конопля.

Для более точной идентификации образца нами проведен электрофорез запасных белков семени ископаемой формы и предполагаемого зародыша семени в сравнении со спектром белков семян сорной конопли настоящего времени. Результаты электрофореза, проведенного в ДДСТ, показали, что семя в закрытом плоде достаточно хорошо сохранилось, поскольку получен довольно четкий спектр белков с молекулярной массой 43-45 kDa, 36-38 kDa и 20 kDa, позволивший соотнести его со спектром *Cannabis Sativa,* изученным рядом авторов (Jum-Ji Kim and Mi-Young Lee, 2011; X.–S. Wang, Ch.–He Tang, X.–Q. Yang, W-R. Gao, 2008). Отсутствие следов белков в дорожке № 4 свидетельствует либо о гидролизе белков незащищенного семени в условиях доступа влаги почвенных растворов, либо об отсутствии белка в этой фракции образца. Анализ семян современной сорной конопли оказался неинформативным ввиду их недозрелости (рис. 7, 8, 9).

Более точная верификация плодов и семян изучаемого растения, предположительно установленного нами как конопля, требует более тщательного исследования на уровне ДНК-анализа, хроматографических данных, что позволит выявить эволюционные изменения и отличия современных культурных форм конопли от их древних аналогов.

Конопля посевная описана в 19-м и 20-м томах «Естественной истории» Плиния Старшего, которые упоминает ее использование как прядильного, пищевого и лекарственного растения. Упоминается, что конопляные семена – хорошее средство для лечения запора у домашних животных, сок травы помогает от отита, а корень можно использовать в качестве припарок от боли в суставах, подагры и ожогов.

Конопля имеет богатую историю использования человечеством в качестве пищи (семена), материала для изготовления бумаги, одежды, обуви, веревок, канатов, тросов и ниток (стебли растения состоят из весьма прочных волокон), а также в качестве психотропного средства.

Конопля впервые описана в Китае около 2800 года до н. э. Геродот так описывает оргии скифов: «Они бросали конопляное семя на горячие камни и выли, и вопили от удовольствия». В Северной Африке конопля – источник

счастья. В Индии (VIII-VI века до н. э.) жрецы-брахманы готовили крепкий отвар конопли, чтобы приблизиться к божеству.

В Скифской земле произрастает конопля – растение, очень похожее на лён, но гораздо толще и крупнее. Взяв это конопляное семя, скифы подлезают под войлочную юрту и затем бросают его на раскаленные камни. От этого поднимается такой сильный дым и пар, что никакая эллинская паровая баня не сравнится с такой баней. Наслаждаясь ею, скифы громко вопят от удовольствия (Геродот, 1972).

М. Элиаде указывал на «шаманский характер этого погребального очищения; культ умерших, использование конопли, удушье и крики составляют, по сути, специфический религиозный комплекс, целью которого мог быть только экстаз» (Элиаде, 2014).

Заключение по изучению древесных остатков из городища Кастек

В ходе детального изучения полученного ископаемого древесного материала был проведен микроскопический анализ и сделаны следующие выводы:

Древесный остаток сгнивший, быстро разрушается. При касании рукой остается порошкообразный след. Под микроскопом видны годичные кольца древесины, смоляные ходы и угол прикрепления веток составляет больше чем 45° (рис. 1, 2, 3), что указывает на принадлежность исследуемого объекта к хвойному виду.

Характер и структура разрушения (трещиноватость, блеск в ранней древесине) древесины характерны для ели (рис. 4).

По результатам изучения установлено, что остаток древесины принадлежит ели Шренка (тянь-шаньская).

Краткая дендрологическая характеристика

Ель Шренка, или тянь-шаньская (P. Schrenkiana).

Дерево высотой до 42 (45) м и диаметром более 2 м В благоприятных условиях произрастания достигает в высоту 85 м и диаметра 2,8 м (Яблоков, 1962). Крона узкоконическая, с несколько повислыми ветвями. Кора темно-серая. Хвоя длинная, до 30-40 мм, светло-зеленая или голубоватая, сохраняется на ветвях от 8 до 22 лет, в зависимости от условий и высоты произрастания над уровнем моря. Шишки цилиндрические, длиной 8-12 см, толщиной 2,5 см, коричневатые, с широкими цельнокрайними клиновидными блестящими чешуями. Семена длиной 4-5 мм, крылышко буроватое с крапинками, длиной 12-15 мм (рис. 10-13).

Таким образом, археологические исследования городища Кастек-1 позволили выделить еще один важный регион развития средневековой городской и оседлой культуры Юго-Восточного Казахстана.

Литература

Jum-Ji Kim and Mi-Young Lee. Isolation and Characterization of Edestin from Cheungsam Hempseed //J. Appl. Biol. Chem. – 2011. – 54(2). – P. 84-88.

2X. – S. Wang, Ch. –He Tang, X. – Q. Yang, W – R. Gao. Characterization, amino acid composition and in vitro digestibility of hemp (Cannabis sativa L.) proteins// Food Chemistry. – 2008. –107. – P. 11-18.

История в девяти книгах / Перевод и примеч. Г. А. Стратановского. – Л.: Наука, 1972. – С. 73.

Элиаде М. Шаманизм. Архаические техники экстаза. – М.: Академ. проект, 2014. – С. 291.

Рис. 1. Астрагалы

Рис. 2. Кости КРС

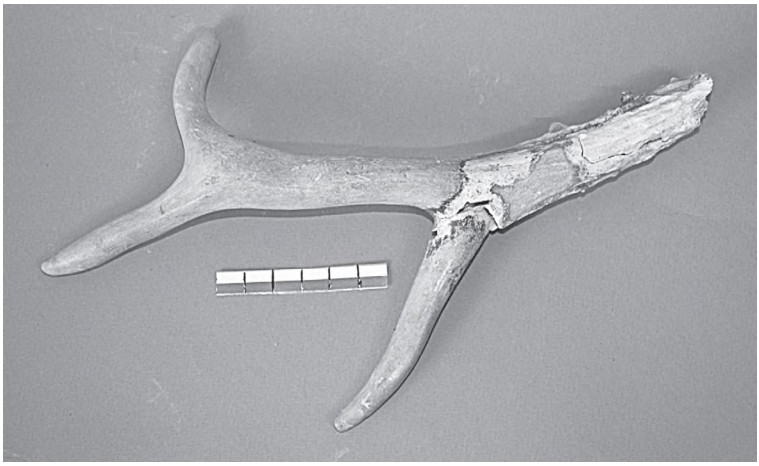

Рис. 3. Рог косуля

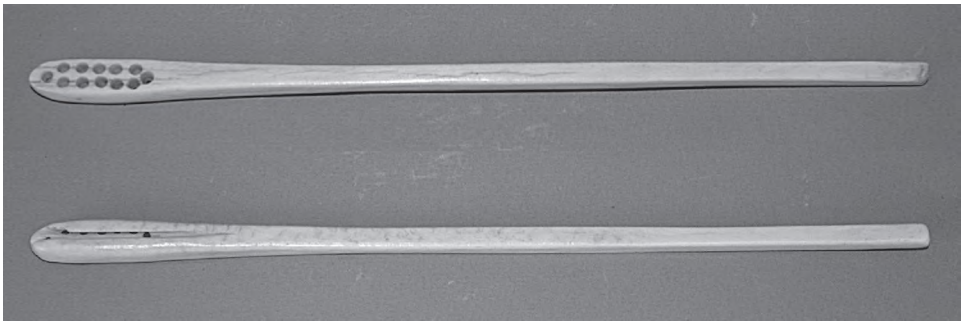

Рис. 4. Зубная щетка

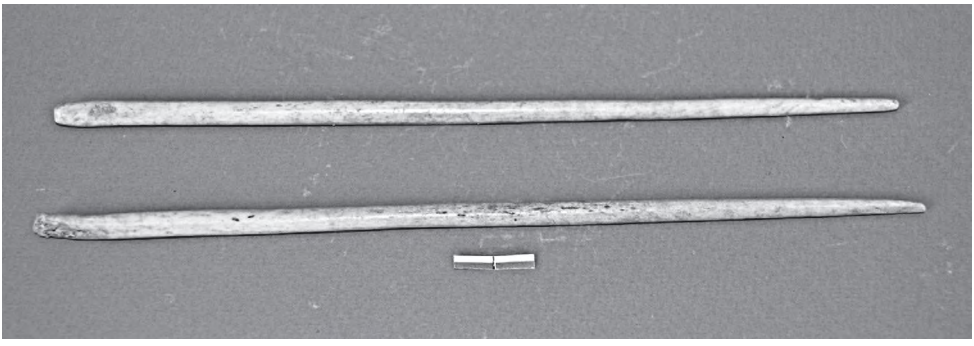

Рис. 5. Костяная заколка для волос

Рис. 6. Амулет. Рог животного.

Рис. 7. Дифференциация образца и выделение остатков семян неизвестного образца а-общий вид; б-скорлупа; в- целые плоды – орешки; г-остатки проросших семян.

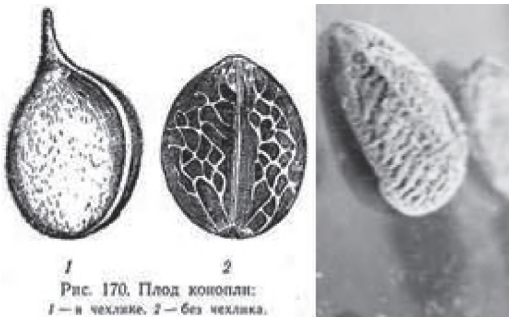

Рис. 8. Внешний вид скорлупы орешка идентифицируемого растения

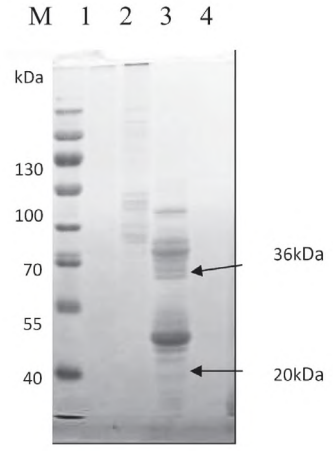

Рис. 9. Спектр запасных белков семени идентифицируемого ископаемого растения М – маркеры молекулярной массы, 1,2 – спектр семян конопли дикой, 3-спектр запасных белков семян ископаемой формы, 4 – спектр предполагаемого зародыша.

Рис. 10. Выраженность годичных колец

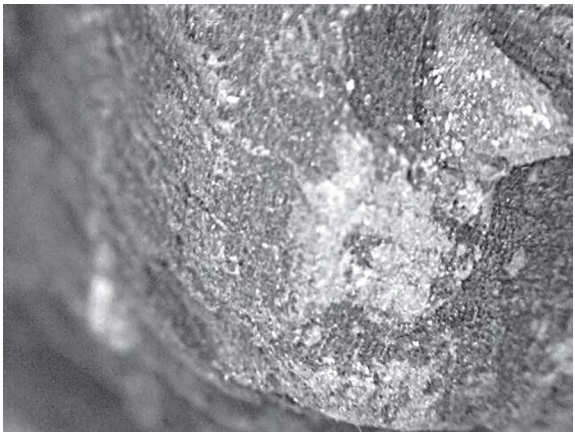

Рис. 11. Выраженность годичных колец

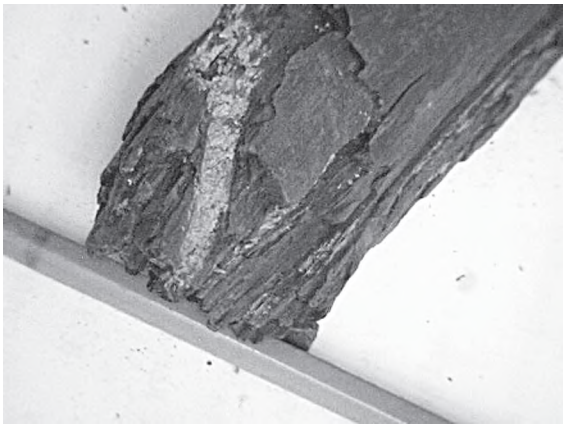

Рис. 12. Смоляные ходы. Угол крепления боковых ветвей

Рис. 13. Трещины и блеск ранней древесины

Китов Е. П., Китова А. О.

Институт этнологии и антропологии РАН,
Центр египтологических исследований РАН, г. Москва, Россия

АНТРОПОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗУЧЕНИЕ ОСТАНКОВ ИСТОРИЧЕСКИХ ЛИЦ ИЗ МАЗАРОВ АЛМАТИНСКОЙ ОБЛАСТИ

В ходе археологического изучения захоронений из мазаров позднего средневековья Аксуского и Саркандского районов Алматинской области республики Казахстан под руководством сотрудника Института археологии Нуржанова А. А. получено 3 скелета удовлетворительной сохранности.

Целью исследования, поставленного перед авторами данной работы, было антропологическое изучение имеющихся скелетов с описанием краниологических, остеометрических, палеопатологических и морфологических особенностей. В связи с тем что костные останки индивидов, возможно, соотносились с историческими лицами, они были переданы на обработку с этикетками, на которых были подписаны имена, однако в тексте они будут приводиться под номерами, в связи со спорностью соотнесения их с конкретными историческими лицами. Правильность исторических свидетельств соотнесения места захоронения и имен индивидов полностью относится к компетентности автора археологических изысканий и находится вне нашего исследования. Также была поставлена задача проверить наличие возможных родственных связей между индивидами, при наличии маркирующих их специфических признаков, что часто возможно лишь по данным палеоантропологии при близком родстве изучаемых индивидов. В связи с небольшим количеством антропологических данных о населении с территории современного Казахстана позднего Средневековья – Нового времени было принято решение опубликовать имеющиеся данные, несмотря на спорное соотнесение имеющихся индивидов с конкретными историческими лицами. Реконструкция лица по имеющимся черепам не проводилась, работа с костными останками была проведена в г. Алматы.

Половозрастные определения представлены в таблице 1.

Таблица 1. Половозрастные определения

	пол	**возраст**
Индивид 1	**мужской**	**больше 55 лет**
Индивид 2	**мужской**	**больше 55 лет**
Индивид 3	**мужской**	**больше 55 лет**

Индивид 1 – Саурык-батыр; Индивид 2 – Ескожа баба; Индивид 3 – Наурызбай.

Для изучения по краниологической программе пригодными оказались лишь 2 мужских черепа (рис. 1, 2). Для остеологического изучения пригодными оказались 3 мужских скелета (рис. 9). Сохранность костей удовлетворительная, в одном случае отсутствует череп (Наурызбай). Определение пола и возраста проведено по стандартным методикам. Фиксировалась корреляция между данными, состояние швов черепа, стертости жевательной поверхности коронок зубов и состояние посткраниального скелета (Герасимов, 1955; Алексеев, Дебец, 1964; Пашкова, 1963; Ubelaker, 1978 и др.). Возраст индивидов определен как старческий. Ограничение методики позволяет сказать о возрасте всех трех индивидов больше 55 лет. По возможности фиксировались также патологические изменения и травматические повреждения (Историческая экология человека. Методика биологических исследований, 1998).

Краниологическая характеристика.

Краниологическая характеристика мужских черепов позднего средневековья представлена в табл. 2

Индивид 1. Череп целый, среднемассивный, фиксируется небольшая посмертная деформация, которая не повлияла на размерные характеристики (рис. 1). На черепной коробке фиксируется вымывание кальция, что может говорить о старческом возрасте индивида. Макро- и микрорельеф выражен средне. Продольный диаметр средний при очень большом поперечном и малом (b-br) высотном диаметрах, по указателю гипербрахикранный. Длина основания черепа малая, длина основания лица средняя. Лоб наклонный, широкий. Ширина основания черепа и затылка очень большая. Лицевой отдел широкий, высокий, по указателю мезен. Лицевой отдел по вертикали ортогнатный при прогнатной альвеолярной части. Горизонтальные углы уплощенные на обоих уровнях. Орбиты очень широкие, высокие, мезоконхные. Нос широкий, невысокий, платиринный. Носовые кости низкие, среднеширокие, имеют вогнутую спинку носа, в профиль выступают средне.

Нижняя челюсть имеет очень широкую мыщелковую ширину при широкой угловой и передней ширине. Высота симфиза очень большая, при средней ширине тела. Ширина ветви челюсти большая.

Рис. 1. Череп Индивида 1

Индивид 2. Череп целый, массивный (рис. 2). На черепной коробке фиксируется вымывание кальция, что может говорить о старческом возрасте индивида. Макро- и микрорельеф выражен средне. Продольный диаметр средний при очень большом поперечном и среднем (b-br) высотном диаметрах, по указателю брахикранный. Длина основания черепа большая, длина основания лица малая. Лоб наклонный, широкий. Ширина основания черепа очень большая при средней ширине затылка. Лицевой отдел широкий, высокий, по указателю мезен. Лицевой отдел по вертикали ортогнатный при прогнатной альвеолярной части. По горизонтали лицо уплощенное на верхнем уровне при клиногнатном на среднем уровне. Орбиты очень широкие, высокие, гипсиконхные. Нос широкий, высокий, мезоринный. Носовые кости среднеширокие, средневысокие, имеют вогнутую спинку носа, в профиль выступают средне.

Нижняя челюсть имеет очень большую мыщелковую ширину при широкой угловой и передней ширине. Высота симфиза малая, при очень малой ширине тела. Ширина ветви челюсти большая.

Рис. 2. Череп Индивида 2

Индивид 3. Череп отсутствует, представлен только нижней челюстью. Челюсть имеет очень большую мыщелковую ширину при широкой угловой и среднеширокой передней ширине. Высота симфиза большая, при очень большой ширине тела. Ширина ветви челюсти большая.

Рассматривая оба черепа, можно отметить их брахикранность. Лицевые отделы широкие и высокие. Глазницы высокие и широкие. Носовые кости несколько заужены в верхней трети. Имеется уплощение лицевого отдела по горизонтали. По вертикали оба черепа ортогнатны при прогнатной альвеолярной частьи. Носовые кости в профиль средневыступающие. Скуловые кости имеют слабовыраженную скуловую вырезку. Небольшую разницу в размерах можно отнести к индивидуальной изменчивости, что подтверждается сходными указателями на обоих черепах.

Рассматривая оба имеющихся черепа, можно отметить некоторое морфологическое сходство между собой. Оба черепа несут на себе как европеоидные, так и монголоидные особенности. Надо отметить, что подобные морфологические

особенности характерны для физического облика современных казахов. На обоих черепах имеется небольшая теменная деформация бешикового типа.

С помощью методов физической антропологии доказать генетическое родство между индивидами возможно лишь при наличии генетически наследуемых особенностей. На рассматриваемых индивидах подобные маркеры не обнаружены.

Остеометрия и палеопатология

Остеометрическая характеристика мужских скелетов позднего средневековья представлена в табл. 3. Наличие костей индивидов представлено на рисунке 9.

Индивид 2. Состояние зубочелюстной системы. Все моляры утрачены при жизни, альвеолярные края в местах их выпадения полностью облитерированы. Резцы, клыки и премоляры покрыты зубным камнем средней степени развития. Альвеолярные дуги в области сохранившихся зубов имеют признаки пародонтоза высокой степени (расширение лунок зубов, порозность и лизис альвеолярного края, апикальные абсцессы).

Спереди альвеолярные края обеих челюстей имеют трещины (рис. 3). Такие повреждения могли быть получены в результате удара в лицо (в т. ч. удар лицом при падении). Признаки регенерации костной ткани в области повреждений выражены слабо. Вероятно, травма была получена незадолго до смерти.

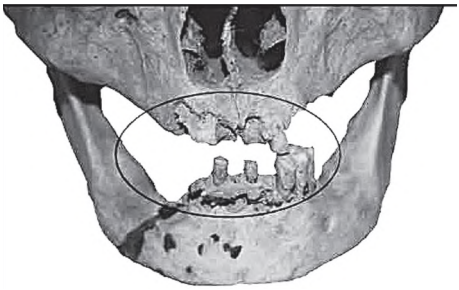

Рис. 3. Повреждения альвеолярных краев обеих челюстей (Индивид)

Нос асимметричен, на левой носовой кости имеется изменение левой половины носовых костей (рис. 4). Возможно, это последствие перелома носа, случившегося задолго до смерти.

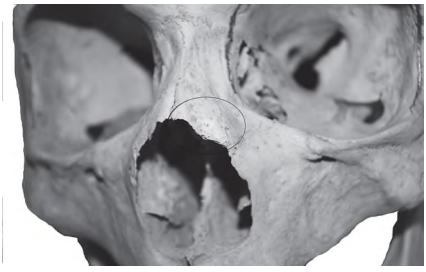

Рис. 4. Возможный перелом носовых костей (Индивид)

Посткраниальный скелет. Рост, вычисленный на основании продольных размеров длинных трубчатых костей, средний – 162,4 см. Размеры всех длинных костей, как продольных, так и поперечных, также попадают в категорию средних величин. Соотношение длины руки к длине ноги также среднее. Плечо слегка укорочено относительно предплечья, а бедро – относительно голени. При этом кости отличаются большой прочностью, особенно плечевые и большеберцовые. Левые конечности длиннее правых, но оказываются чуть менее прочными. Возможно, правые конечности испытывали большую нагрузку при жизни, чем левые. Это подтверждается и выраженностью мышечного рельефа.

Макрорельеф длинных костей хорошо выражен. Наблюдается некоторое усиление его в местах прикрепления мышц, участвующих во вращении плеча, отведении его назад и приведении к туловищу.

На позвонках фиксируются дегенеративно-дистрофические возрастные изменения (спондилоз и остеохондроз грудного и поясничного отделов позвоночника), а также повреждения позвонков предположительно травматического характера – компрессионные переломы тел грудных и поясничных позвонков с последующим их анкилозированием (рис. 5).

Рис. 5 Повреждения позвонков с их анкилозированием (Индивид)

Сломаны два левых ребра (рис. 6). Переломы позвонков и ребер прижизненные, сросшиеся задолго до смерти. Крупные суставы имеют следы дегенеративно-дистрофических изменений.

Рис. 6. Перелом ребра (Индивид)

Изменения суставов и позвонков, а также особенности рельефа костей в местах прикрепления мышц позволяют говорить о возможном наличии «комплекса всадника» – сочетании признаков на костях скелета, связанных преимущественно с верховой ездой.

Индивид 3. Состояние зубочелюстной системы. При жизни утрачены все моляры и левые резцы нижней челюсти. Альвеолярный край челюсти в местах выпадения зубов полностью облитерирован. Сохранившиеся зубы покрыты зубным камнем средней степени развития. Альвеолярные края обеих челюстей имеют признаки пародонтоза высокой степени.

Посткраниальный скелет. Рост средний – 161,3 см. Длины плечевых, лучевых и большеберцовых костей также относятся к средним величинам, в то время как длины локтевых и бедренных костей попадают уже в категорию малых величин. В свою очередь, поперечные размеры костей (особенно бедренных), а также указатели их прочности довольно велики. Пропорции: правые конечности длиннее левых, руки укорочены относительно ног, бедренный сегмент ноги укорочен относительно берцового.

Макрорельеф длинных костей значительно выражен. На верхних конечностях это места прикрепления мышц, участвующих во вращении плеча. На нижних конечностях усилен макрорельеф в местах прикрепления мышц, приводящих ногу к туловищу.

Особенности скелета. На позвонках фиксируются дегенеративно-дистрофические изменения (спондилоз и остеохондроз грудного и поясничного отделов позвоночника), а также компрессионные переломы тел грудных и поясничных позвонков с последующим их анкилозированием. Повреждения позвонков имеют, скорее всего, травматический характер. Кроме этого имеются признаки артроза локтевых и лучезапястных суставов, связанного, вероятно, со специфической трудовой деятельностью. Точный характер этой деятельности по имеющимся данным установить не удалось. Изменения суставов и позвонков, а также особенности рельефа костей в местах прикрепления мышц позволяют говорить о возможном наличии «комплекса всадника» – сочетании признаков на костях скелета, связанных преимущественно с верховой ездой.

Индивид 3. Состояние зубочелюстной системы. На альвеолярном крае нижней челюсти фиксируются признаки пародонтоза высокой степени (рис. 7).

Рис. 7. Нижняя челюсть с признаками пародонтоза (Индивид)

Посткраниальный скелет. Рост выше среднего – 175 см. Размеры длинных костей, как продольных, так и поперечных, также относятся к большим величинам. Бедро слегка укорочено относительно голени, при этом бедренные кости отличаются большей прочностью относительно большеберцовых. Правая нога немного короче левой, но отличается большей прочностью.

Макрорельеф всех имеющихся длинных костей хорошо выражен. На костях верхнего плечевого пояса особенно усилен рельеф в местах прикрепления мышц, выполняющих вращение, приведение и отведение плеча. На костях нижних конечностей усилен рельеф в местах прикрепления мышц, приводящих ногу к туловищу.

Из особенностей отмечается перелом середины диафиза правой локтевой кости, заросший без смещения (рис. 8). Также наблюдаются дегенеративно-дистрофические изменения некоторых отделов посткраниального скелета. Это спондилоз и остеохондроз поясничного отдела позвоночника, а также артроз плечевых и тазобедренных суставов. Сочетание этих изменений позволяет говорить о наличии «комплекса всадника».

Рис. 8. Правая локтевая кость со следом от перелома середины диафиза (Индивид)

Суммируя все полученные данные, можно отметить схожесть морфологических особенностей индивидов *1, 2, 3 Индивид* отличается особенностями физической активности, массивности скелета и реконструированным ростом. К сожалению, краниологическое сравнение всех трех индивидов невозможно в связи с утратой черепа Наурызбая из-за повреждения захоронения при строительстве триангуляционного пункта, что и повлекло утрату черепа и ряда костей. Какие-либо генетически наследуемые морфологические признаки, с высокой долей вероятности указывающие на родство между индивидами, обнаружены не были. Таким образом, отмеченные в ходе работы краниологические, остеометрические, палеопатологические и морфологические особенности скелетов, позволяют выявить некоторые физические особенности давно ушедших из жизни людей. А при наличии исторических свидетельств о перенесенных ранениях, травмах, болезнях и увечьях можно их сопоставить со следами на костях и сделать вывод об идентификации останков с конкретными историческими лицами.

Литература

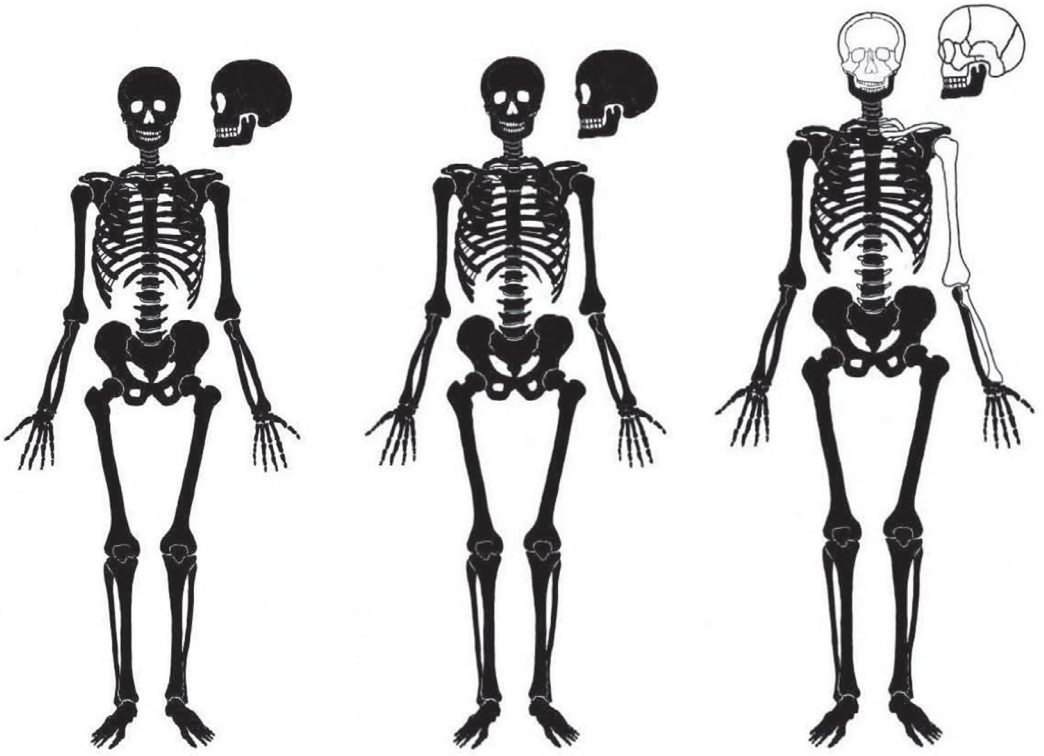
Алексеев В. П. Остеометрия. Методика антропологических исследований. М.: Наука. – 251 с.

Алексеев В. П., Дебец Г. Ф. Краниометрия. Методика антропологических исследований. – М.: Наука, 1964. – 128 с.

Бужилова А. П., Козловская М. В., Лебединская Г. В., Медникова М. Б. Историческая экология человека. Методика биологических исследований. – М.: ИА РАН, 1998. – 260 с.

Пашкова В. И. Очерки судебно-медицинской остеологии. – М., 1963. – 153 стр.

Ubelaker D. Human skeletal Remains. Excavation, Analysis, Interpretation. Smithoinam Institution. Chicago: Adline Publishing Company. 1978.

Индивид 1
Рост 161,3

Индивид 2
Рост 162,4

Индивид 3
Рост 175

Рис. 9. Наличие костей индивидов, пригодных для изучения (заливкой выделены кости, имеющиеся для анализа)

Таблица 2. Краниологическая характеристика мужских черепов позднего средневековья

		Индивид 1	Индивид 2	Индивид 3
		♂	♂	♂
		>55	>55	
Признак	**Линейные:**			
1.	Продольный диаметр	179,0	183,0	-
8.	Поперечный д.	151,0	158,0	-
17.	Высотный д.	135,0	125,0	-
20.	Ушная высота	117,5	116,0	-
5.	Длина осн. черепа	104,0	97,0	-
9.	Наим. ширина лба	99,0	102,0	-
10.	Наиб. ширина лба	130,0	123,0	-
11.	Шир. осн. черепа	136,0	137,0	-
12.	Ширина затылка	111,0	127,0	-
25.	Сагиттальная дуга			-
26.	Лобная дуга	146,0	144,0	-
27.	Теменная дуга	137,0	145,0	-
28.	Затылочная дуга	131,0	137,0	-
29.	Лобная хорда	118,0	112,0	-
30.	Теменная хорда	106,0	114,0	-
31.	Затылочная хорда	93,5	95,0	-
40.	Длина осн. лица	95,0	98,0	-
43.	Верхняя ширина лица	109,0	111,0	-
45.	Скуловой диаметр	145,0	138,0	-
46.	Средняя ширина лица	104,0	100,0	-
47.	Полная высота лица	-	75,0	-
48.	Верхняя высота лица	75,0	75,0	-
51.	Ширина орбиты	47,6	45,0	-
51a.	Ширина орбиты от d.	41,8	41,3	-
52.	Высота орбиты	40,6	35,3	-
54.	Ширина носа	27,1	28,2	-

55.	Высота носа	55,8	50,7	-
60.	Длина. альвеол. дуги	53,0	52,5	-
61.	Шир. альвеол. дуги	54,5	58,0	-
62.	Длина неба	44,9	43,6	-
63.	Ширина неба	-	-	-
sc.	Симотическая ширина	7,7	7,8	-
ss.	Симотическая высота	3,7	2,6	-
mc.	Максиллофр. ширина	18,0	19,5	-
ms.	Максиллофр. высота	5,9	5,5	-
dc.	Дакриальная ширина	23,3	24,3	-
ds.	Дакриальная высота	13,3	9,9	-
FC.	Глуб. клыковой ямки	4,3	6,3	-
Sub. NB	Высота изгиба лба	25,0	24,0	-
Угловые:				-
32.	Наклона лба	78,0	79,0	-
GM/FH	Профиля лба от g.	71,0	71,0	-
33(1).		83,0	83,0	-
33(4).	Перегиба затылка			-
72.	Общелицевой	87,0	89,0	-
73.	Среднелицевой	90,0	93,0	-
74.	Альвеолярной части	78,0	74,0	-
75.	У. наклонанос. костей	65,0	66,0	-
75(1).	Выступания носа	22,0	23,0	-
77.	Назомалярный	136,0	143,0	-
zm.	Зигомаксиллярный	126,0	138,0	-
Указатели:				-
8/1.	Черепной	84,4	86,3	-
17/1.	Высотно-продольный	75,4	68,3	-
17/8.	Высотно-поперечный	89,4	79,1	-
20/1.	Высотно-прод. от р.	65,6	63,4	-
20/8.	Высотно-попер. от р.	77,8	73,4	-

9/8.	Лобно-поперечный	65,6	64,6	-
9/43.	Фронто-малярный	90,8	91,9	-
40/5.	Выступания лица	91,3	101,0	-
48/45.	Верхнелицевой	51,7	54,3	-
52/51.	Орбитный	85,3	78,4	-
54/55.	Носовой	48,6	55,6	-
61/60.	Альвеолярный	102,8	110,5	-
ss/sc.	Симотический	48,1	33,3	-
ms/mc.	Максиллофронтальный	32,8	28,2	-
ds/dc.	Дакриальный	57,1	40,7	-
Описательные:				
Надпереносье		3,0	2,0	-
Затыл. бугор.		1,0	1,0	-
Сосцев. отр.		1,5	1,5	-
Пер.-носов. к.		3,0	1,0	-
Нижняя челюсть:				
65.	Мыщелковая ширина	134,5	132,0	133,5
66.	Угловая ширина	103,7	103,5	117,2
67.	Передняя ширина	47,5	49,6	46,3
68.		-	-	-
68(1).		-	-	-
69.	Высота симфиза	31,3	34,3	35,7
69(1).	Высота тела	-	-	36,4
69(3).	Толщина тела	10,1	11,7	14,1
70.	Высота ветви	-	-	-
71a.	Наим. ширина ветви	35,7	35,3	37,1
C.	У. выст. подбородка	-	71,0	69,0

Таблица 3. Остеометрическая характеристика мужских скелетов позднего Средневековья

№ по Мартину	Признак	Индивид 1		Индивид 2		Индивид 3	
		правый	левый	правый	левый	правый	левый
1.	Наибольшая длина	303	297	310	305	-	-
2.	Вся длина	299	294	306	301	-	-
3.	Ширина верхн. эпифиза	44,5	45	44,5	45	-	-
4.	Ширина нижн. эпифиза	60	59	60	61	66	-
7.	Наим. окр. диафиза	60	58	63	63	94	-
7а.	Окр. середины диафиза	63	61	66	68	70	-
7/1.	Указатель массивности	20,0	19,5	20,3	20,7	-	-
Лучевая кость:							
1.	Наибольшая длина	230	234	238	239	262	-
3.	Наим. окр. диафиза	38	38	38	40	46	-
Локтевая кость:							
1.	Наибольшая длина	252	253	246	-	-	278
3.	Наим. окр. диафиза	36	38	39	-	-	41
Бедренная кость:							
1.	Наибольшая длина	-	416	419	418	481	482
2.	Длина в естеств. полож.	-	418	417	416	480	483
8.	Окр. середины диафиза	80	79	89	88	95	95
9.	Верх. попереч. диаметр	24	22	36	33,5	29	31
10.	Верх. сагитт. диаметр	28,5	31,5	25	25	29	29
21.	Ширина нижн. эпифиза	78	77	77,5	78	83	83
8/2	Указатель прочности	-	18,9	21,3	21,2	19,8	19,7
Большеберцовая кость:							
1.	Полная длина	350	351	339	338	394	396
5.	Ширина верхн. эпифиза	75	73	76,5	75	79	78
6.	Ширина нижн. эпифиза	53	52	51	49	55	55
8.	Сагитт. д. сер. диафиза	22	21,5	21,5	21,5	22	21
8а.	Саг. д. на ур. пит. отв.	23	22,5	24	25	28	25
9.	Попер. д. сер. диафиза	29	30	27	26,5	30	31

9а.	Попер. д. на ур. пит. отв.	33	34	33	34	39	38
10.	Окр. середины диафиза	80	83	80	80	84	83
10в.	Наим. окр. диафиза	73	72	72	72	75	74
10в/1.	Указатель прочности	20,9	20,5	21,2	21,3	19,0	18,7
Ключица:							
1.	Наибольшая длина	146	143	137	131	147	-
6.	Окружность	39	38	38	37	-	-
6/1	Указатель прочности	26,7	26,6	27,7	28,2	-	-
Указатели скелета:							
R_I/H_I	Луче-плечевой	76	79	77	78	-	-
T_I/F_2	Берцово-бедренный	-	84	81	81	82	82
$\underline{H_I}\pm$	Интермембральный	-	69	72	72	-	-
H_I/F_2	Плече-бедренный	-	71	74	73	-	-
R_I/T_I	Луче-берцовый	66	67	0,7	71	67	-
Рост по формулам:							
Бунака		-		159,6		174	
Дебеца		-		163,8		177,9	
Пирсон-Ли		159,7		158,8		172,4	
Троттер-Глезер		165		163		175,5	
Средняя по формулам		**162,4**		**161,3**		**175**	

Каздым А. А.

Российский университет дружбы народов, г. Москва, Россия

КУЛЬТУРНЫЙ СЛОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ КАК РЕЗУЛЬТАТ РАЗВИТИЯ ТЕХНОСФЕРЫ

В 20-х годах XX века в работах Э. Зюсса, Э. Ле Руа, П. де Шардена, В. И. Вернадского и А. Е. Ферсмана были заложены и получили широкое развитие идеи о человеке как мощном геологическом факторе, идеи о ноосфере, техносфере, техногенезе.

В. И. Вернадский наравне с биосферой и геосферой выделял ноосферу – новое мощное геологическое явление на планете, когда человечество становится планетарной геологической силой. Он писал: «…Ноосфера – есть новое геологическое явление на нашей планете. В ней впервые человек становится

крупнейшей геологической силой… В ноосфере должна геологически проявляться его мысль, его сознание, его разум…» (Вернадский, 2004).

В настоящее время ноосфера и ноосферное развитие понимается в основном как коэволюция, разумно управляемое соразвитие человека, общества и природы, при котором удовлетворение жизненных потребностей человечества осуществляется без ущерба для интересов будущих поколений.

Воздействие на геосферу началось со сбора и использования каменного сырья еще в плиоцене (около 2 млн лет назад, а может, и ранее).

Можно выделить несколько основных этапов техногенного воздействия на геосферу (Каздым, 2006, 2007, 2010):

Палеолит – минимальное (или локальное) воздействие, связанное в основном с примитивными видами антропогенного воздействия – собирательство и охота. Первое воздействие человека на геосферу – это каменные орудия, которые датируются примерно 1.5-2 млн лет. В этот период характерно использование горных пород для изготовления каменных орудий (в основном это кремень, яшма, халцедон, обсидиан, песчаник) и некоторых минералов для минеральных красок. В дальнейшем каменная индустрия интенсивно развивалась и появлялись специализированные центры по разработке сырья и изготовлению каменных орудий.

Неолит – переход человека от охоты и собирательства к сельскому хозяйству, возникновение постоянно существующих поселенй и городов, интенсивное освоение природных ресурсов, развитие новых производственных технологий. Интенсивное использование горных пород для строительства, использование металлов – сначала самородных (медь, золото, редко самородное и метеоритное железо). Развитие гончарного производства, создание керамики.

Бронзовый век – ранний железный век – интенсивно развивается металлургия и гончарное ремесло, возникают крупные поселения (протополисы), а также поселения, специализирующиеся на определенных технологических процессах (поселки гончаров, металлургов, кузнецов). Техногенное воздействие усложняется, расширяется освоение территорий, начинается новый этап развития антропосферы – урбанизация территорий обитания. Многократно усиливается агрогенное воздействие на биосферу в связи с интенсивным развитием земледелия и скотоводства.

Раннее-позднее средневековье – современность. Увеличение числа городских и сельских поселений, резкое увеличение промышленного и аграрного воздействия на природу, мощное освоение новых территорий, экологические катастрофы в ряде регионов.

Одним из наиболее широко распространенных и достаточно хорошо изученных субаэральных техногенных отложений («техногенных урбофаций») является культурный слой, сформировавшийся на территории поселений, городов, различных заселенных и урбанизированных территорий (Каздым, 2006, 2007, 2010, 2010).

Степень и интенсивность взаимодействия человека и лито- педосферы зависит от природно-климатических условий местности, гидрологических

особенностей, растительности и прочих природных компонентов, а также интенсивности антропогенного и техногенного воздействия. Именно данные процессы формируют специфическую структуру, которая отвечает определению «культурного слоя».

По определению археологов, культурный слой – это слой или пласт любой горной породы и почвы со следами деятельности человека, т. е. наличия в его толще различных артефактов.

Понятие культурного слоя определяется «…как слой земли (напластование) на месте поселений минувших эпох (городов и сельскохозяйственных поселений), состоящий из двух связанных компонентов – остатков сооружений (строительных и архитектурных, развалин), являющихся его скелетом, и напластований или наслоений (насыпей), отражающих основные направления хозяйственной жизни…» (Каздым, 2010).

Отмечается, что культурный слой фиксирует отношение явлений, изучаемых археологией, к природной среде, кроме того, определение культурного слоя, соответствующее процессу, невозможно без использования понятий «техносфера», «техногенез», «культурный ландшафт».

Н. Б. Леонова определяет культурный слой как сложную систему материальных свидетельств деятельности конкретной культурно-исторической общности, включенных в геологическое образование и взаимодействующих с ним (Леонова, 1990).

Изучение культурных слоев предпринималось инженерами-геологами (Котлов, 1977, 1978; Саваренский, 1938; Сергеев, 1978). С точки зрения инженеров-геологов, культурный слой относится к искусственным грунтам без кристаллизационных связей (Сергеев, 1978).

Ф. В. Саваренский определял культурный слой как класс искусственно созданных грунтов, обладающих в зависимости от уплотненности и связанности различными физико-химическими свойствами, отмечая, что современный культурный слой – это рыхлый, неслежавшийся материал, иногда содержащий неразложившиеся органические остатки. По мнению Ф. В. Саваренского, древние культурные слои отличаются большим уплотнением и связностью (Саваренский, 1938).

Д. Ю. Здобин, вероятно, первый попытался классифицировать культурный слой, определяя его как «…геологическое образование, часть литосферы (шире – биосферы, еще шире – ноосферы…)», отмечая при этом, «…что к нему применимы все естественно-научные методы исследований, в том числе и геологические…» Таким образом, Д. Ю. Здобин определяет культурный слой как «…полигенетическое, исторически сложившееся образование (искусственное геологическое тело), включающее в себя антропогенные образования (археологические артефакты), техногенный грунт и палеопочвы…» (Здобин, 2008). Но тем не менее в основу классификации культурного слоя Д. Ю. Здобиным положена все та же инженерно-геологическая, точнее грунтоведческая, классификация, при этом автор отмечает, что неоспоримым преимуществом грунтоведческой классификации является генетическая составляющая – общая

инженерно-геологическая классификация, построенная на генезисе образований, а также «…их математическая наполненность – строгое цифровое выражение выделяемых объектов…» (Здобин, 2008).

Вне зависимости от геологической основы формирования для культурного слоя городов и поселений характерна высокая перемешанность и гетерогенность, в ряде случаев слоистость, иногда присутствие отдельных почвенных горизонтов. Характерно высокое содержание техногенных включений (привнесенных минеральных и органических): обломки кирпича, черепицы, извести, керамики, металлические предметы, гравий и щебень различных горных пород, стекло, шлак, асфальт, бетон, уголь (древесный и каменный), древесина в различной степени разложения. В ряде случаев количество техногенных включений может составлять 90 % и более. В отдельных случаях отмечено исключительно высокое содержание органического вещества (углей, древесины, бересты) различной степени разложения. Некоторые горизонты и слои на 80-90 % состоят из органического вещества. Цвет культурного слоя в основном бурый, темно-бурый, до черного (Каздым, 2010).

Формирование культурного слоя связано как с геологическими и геоморфологическими условиями местности, так и с историей города, характером хозяйственно-культурной деятельностью человека.

По определению географов и почвоведов, культурный слой – это антропогенный почвенный или почвенно-литологический горизонт, образованный на месте поселения людей, включенный в профиль как древних, так и современных почв (Александровский, 1997; Сычева, 1994).

Рядом авторов подчеркивается, что культурный слой является уникальным объектом, продуктом «…творения природы и человека, имеющим двойственную основу – природный и антропогенный компоненты…» (Сычева, 1994).

Основным отличием культурного слоя, как почвенно-литологического субстрата, от других типов техногенных отложений, в частности антропогенно измененных почв, по мнению ряда исследователей, является наличие в нем артефактов, определенных вещественных остатков искусственного происхождения, т. е. «…культурный слой можно определить как целостное природно-историческое тело, …представленное вещественными остатками искусственного происхождения (артефактами) и органоминеральным субстратом (заполнителем), имеющим природные и антропогенные составляющие…» (Сычева, 1994).

Исследование культурного слоя и связанной с ним палеоэкологической реконструкции – важнейшее направление современных археологических исследований. Изучая культурный слой, археологи фиксируют не только различные находки, но пытаются реконструировать весь комплекс археологического объекта, оценить длительность существования объекта, освоение прилежащих территорий, решить некоторые частные задачи (использование сырьевой базы, интенсивность заселения территории). Ряд исследователей отмечают, что культурный слой – это поверхностные и приповерхностные части земной коры, превращенные деятельностью человека в целостную систему напластований и сооружений, рельефов и ландшафтов.

М. В. Александрова отмечала, что «…культурный слой имеет смешанный антропогенно-природный генезис и состоит из двух равноценных частей «собственно материальных остатков поселения» и «заполнителя» (четвертичной породы, сохраняющей материальные следы присутствия и модификации ее человеком палеолита, являющейся в значительной степени продуктом его жизнедеятельности), выступая одновременно органически целостным образованием…» (Александрова, 1989).

По мнению Н. Б. Леоновой, процесс формирования культурного слоя может быть одноразовым (непрерывным) или площадь могла использоваться многократно (Леонова, 1993). Отмечены и своеобразные нарушенные культурные слои (Синицын, 1989).

С. Д. Захаров отмечает, что могут существовать и «размываемые культурные слои», формирующиеся на месте затопленных поселений и городов, определяя при этом некоторые особенности культурного слоя, связанные с его затоплением и разрушением: «…Вода как бы производит «горизонтальную зачистку» слоя. В случае большей крутизны берега возникает значительный абразионный врез, вызывающий интенсивное разрушение культурного слоя и отступание береговой линии… В ходе этого процесса идет постоянное погребение вымытых артефактов продуктами абразии и их проецирование на площадь размыва новых изделий…». В данном случае фактически образуется культурный слой, состоящий исключительно из одних артефактов, при этом артефакты могут образовывать (в случае размывания разновозрастных культурных слоев, или культурных слоев, относящихся к различным археологическим этапам или культурам) своеобразные «местонахождения культурных остатков», тяготеющие часто к берегам рек, озер, современных водохранилищ и т. д. (Каздым, 2010).

И. С. Каменецкий различает «правильные» и «мусорные» напластования, определяя «правильными» те культурные слои, которые образовались постепенно на месте человека (остатки жилищного строительства, золы из очагов и печей, кости животных и рыб, обломки керамики и др.), причем особенность правильных напластований – одновременность слоя с входящим в него материалом. «Мусорные» слои связаны с вывозом мусора и являются свалочными, переотложенными, или как частный случай опрокинутые (Каменецкий, 1970).

Наиболее распространенным признаком длительного функционирования поселения является мощность культурного слоя, но следует отметить, что мощность культурного слоя максимальна в отрицательных формах рельефа и может быть связана не только с длительностью освоения территории, но и с интенсивностью и мощностью техногенного воздействия.

Некоторые древние (и ныне не существующие) поселения, протополисы и города имели значительную площадь, при этом мощность культурного слоя также могла достигать нескольких метров, а для многих городов, ныне существующих, чей возраст превышает сотни и тысячи лет, мощность культурного слоя может достигать первые десятки метров. Так, например, мощность культурного слоя в Москве достигает 24 метра, Одессе и Киеве до 44 метрав, Перми – 40 метров, Таганроге – 25 метров, Ростове-на-Дону – 25 метров, Воронеже –

20 метров, Ташкенте – 18 метров, Волгограде – 17 метров, Новгороде – 14 метров, Саратове – 12 метров, Санкт-Петербурге – 10 метров, Лондоне – 25 метров, Париже – 20 метров, Сан-Франциско – 23 метра (Котлов, 1976).

Для некоторых древних поселений характерны телли – искусственные холмы, представляющие собой многометровые наслоения развалов глинобитных стен и строений (фактически представляющие собой культурный слой). Мощность теллей может достигать 32-36 метров (Анау, Намазга-Тепе).

Таким образом, рассмотрев и проанализировав различные понятия термина «культурный слой», можно отметить, что в широком смысле слова культурный слой – это отголосок определенной материальной культуры, а в узком смысле слова – это скопление бытовых, производственных и иных отходов, своеобразный тип отложений, созданный человеком на местах его жизнеобитания при участии различных природных и техногенных процессов.

Нами неоднократно отмечалось (Каздым, 2006, 2010), что культурный слой древних и современных урбанизированных и протоурбанизированных территорий – это специфический литогенно-педогенный субстрат, один из видов техногенного литогенеза, своеобразная техногенная фация, сформировавшийся в местах жизнеобитания человека и обладающий рядом специфических свойств, отличающих его от горных пород и почв, послуживших базисом его формирования, в ряде случаев не имеющий природных аналогов. В целом культурный слой является зоной интенсивных процессов техногенного седиментогенеза и первых стадий техногенного диагенеза.

Изучение литолого-микроморфологических характеристик культурного слоя – это, во-первых, установление горной породы, почвы и ее минерального состава и, во-вторых, степень изменения горной породы или почвы при антропогенном (техногенном) воздействии.

Кроме того, исследование горных пород и почв, находящих под или над культурным слоем или курганной насыпью, дает возможность установить седиментационные и диагенетические процессы до и после формирования.

В ряде случаев возможно установить и то, какие природные (или антропогенные) процессы способствовали накоплению и диагенезу данного вида осадков (делювиальные, аллювиальные, эрозионные, эоловые, криогенные и т. д.).

При исследовании литолого-микроморфологических характеристик культурного слоя используются самые различные методы, принятые в литологии, – фациальный анализ, различные методики по изучению слоистости и т. д. Однако следует учитывать тот факт, что верхняя, древняя, поверхность горных пород и почв, на которой сформировался культурный слой, могла испытать определенное техногенное воздействие, а накопление вышележащих осадков могло быть спровоцировано антропогенными (техногенными) процессами)

Изучение минерального состава культурного слоя разделяется на два основных направления:

— изучение унаследованных минералов, т. е. минералов, сохранившихся в горной породе после формирования на ее поверхности культурного слоя, или вследствие изменения горной породы техногенными процессами;

— изучение новообразованных аутигенных минералов, генезис которых связан с воздействием человека на окружающую среду (горную породу и почву), с привносом и разложением (разрушением, окислением и т. д.) различных антропогенных включений (Каздым, 2010).

Унаследованные минералы могут дать определенную информацию о степени изменения горной породы, антропогенном воздействии на нее, их изучение позволяет более точно установить «остаточный минеральный состав». Сохранность минералов в культурном слое связана с их устойчивостью к выветриванию, гидролизу, гидратации и растворению. Так как в большинстве случаев культурный слой формируется на осадочных горных породах (лессах, суглинках, глинах, песках) или почвах, «набор» унаследованных минералов зависит от их сохранности в осадочных горных породах или почвах.

Диагенетические минералы, характерные для ряда молодых (четвертичных) горных пород, например кальцит или гипс, обладают лишь определенной устойчивостью, и их присутствие в культурном слое зависит от климатических или гидрологических факторов. В большинстве случаев унаследованные минералы представлены кварцем, халцедоном, полевыми шпатами, небольшим количеством пироксенов, мусковитом, глауконитом, а также минералами тяжелых фракций (магнетитом, ильменитом, оксидами и гидрооксидами железа). В ряде случаев в культурном слое присутствуют и обломки различных горных пород, в основном аллювиального генезиса.

Следует отметить, что генезис аутигенных минералов и вообще процессы техногенного аутигенного минерагенеза в большинстве случаев не связаны с горной породой или почвой, послужившими основой формирования культурного слоя, и в большинстве случаев их генезис связан исключительно с антропогенным воздействием. Единственным фактором, который в той или иной степени может влиять на генезис процессов аутигенеза, является количество осадков и химизм грунтовых вод, однако эти факторы проявляются в основном уже на постдиагенетическом уровне, после того как процесс диагенетического изменения техногенных отложений (культурного слоя, культуросодержащих отложений) уже завершен.

Микростроение культурного слоя – устойчивый временной диагностический признак. При изучении микростроения необходимо выделить признаки характеризующие:

— антропогенное (техногенное) воздействие;
— признаки, сохранившиеся от почв и горных пород, на которых происходило формирование культурного слоя;
— признаки, характеризующие степень изменения почвы или горной породы.

Наиболее простым является возможность определения унаследованных признаков – фрагментов, остатков почв и горных пород. Для погребенных почв хорошо сохраняющимися диагностическими признаками, по определению Т. Д. Морозовой (Морозова, 1976), являются особенности микростроения, конфигурации агрегатов и пор, глинистые кутаны, оптически ориентированные глины.

Более сложно определить антропогенное воздействие, однако эти признаки проявляются в разрушении агрегатов, появлении агрегатов или блоков неправильной формы, повышенной уплотненности или, наоборот, пористости (причем поры имеют большей частью неправильную форму), слоистости, наличии генетически не связанных зон и микрозон, деформации и включений в общую массу культурного слоя кутан, наличии большого количества углей (часто с хорошо сохранившимся клеточным строением), высокого содержания костей, органического вещества, хорошо сохранившихся остатков растений.

Для культурного слоя урбанизированных территорий микростроение весьма специфично и в большинстве случаев практически не имеет черт схожести с горной породой и почвой данной территории. В этом случае происходит полное изменение базиса формирования культурного слоя и образования «техногенных урбофаций» (Каздым, 2006, 2010). Для подобного рода образований характерно наличие огромного количества органического вещества различной степени разложения, углей, обломков кирпича и горных пород, строительной извести, глины. Именно для «урбофаций» характерны интенсивные процессы аутогенеза минералов.

Признаки, характеризующие степень изменения почв и горных пород, послуживших основой формирования культурного слоя, являются важнейшим палеоэкологическим признаком. В настоящее время практически отсутствуют работы, в той или иной степени осветившие данную проблему. Исследование палеопочвоведами погребенных почв плейстоцена и голоцена на различных территориях (в основном степной и лесостепной зон) и до настоящего времени не дают четкого ответа о степени антропогенного воздействия в древности. Изучение микростроения культурного слоя при исследовании различных археологических объектов эпохи неолита, бронзы, раннего железного века отечественными исследователями практически не применялись (Каздым, 2010).

Однако следует отметить, что некоторые работы по исследованию микростроения культурного слоя середины – второй половины голоцена свидетельствуют о том, что нарушенная человеком экосистема на протяжении нескольких тысяч лет до конца не восстанавливается. На культурном слое древних поселений, курганов формируется почвенный профиль, однако микростроение почвенного профиля весьма специфично и в ряде случаев резко отличается от фоновых почв. Тем более, вероятно, не всегда правильно оцениваются почвы, принимаемые за фоновые, находящиеся вблизи поселения; так, они могли быть в той или иной степени нарушены антропогенной деятельностью жителей поселения (например, выпасом скота).

Итак, применение в палеоэкологических исследованиях определенного набора петрографических, литологических, минералогических и микроморфологических методов существенно расширяет круг знаний о взаимодействии человека и природы в древности. При подобного рода исследованиях возможно оценить степень воздействия человека на экосистему в целом и отдельные ее составляющие в частности, а также попытаться оценить буферность экосистемы,

ее устойчивость в системе «человек-биосфера», скорость восстановления экосистемы после снятия антропогенной (техногенной) нагрузки.

Весьма характерно то, что загрязнение находящегося под современными отложениями древнего культурного слоя в ряде случаев превышает все допустимые концентрации и санитарные нормы! Для культурного слоя характерно повышенное и аномальное содержание отдельных элементов (фосфора, свинца, цинка, меди, мышьяка, кадмия, никеля, марганца, магния, алюминия и некоторых других элементов), что связано с древним техногенным воздействием. Многие химические элементы, присутствующие в техногенных отложениях, – своеобразные индикаторы определенной производственной или бытовой деятельности.

Геохимические аномалии, в совокупности со специфическими микробиологическими особенностями, наличием анаэробной, т. е. бескислородной, среды, присутствием некоторых микроорганизмов, характерных для жизнедеятельности человека, а также определенными физико-химическими характеристиками (например, повышение pH в сторону щелочной среды), дают возможность возникновения и формирования некоторых минералов и минеральных ассоциаций (Каздым, 2006, 2010).

Литература

Александрова М. В. Некоторые замечания по теории палеолитического культурного слоя // КСИА. 1989. – Вып. 202. – С. 4-8.

Александровский А. Л. Почвы археологических памятников бассейна р. Пахры как источник информации о природных и социально-экономических процессах // Сохранение и восстановление природно-культурных комплексов Подмосковья. М., 1995. – С. 132-137.

Вернадский В. И. Живое вещество и биосфера. – М.: Наука, 1994.

Здобин Д. Ю. О классификации грунтов культурного слоя // Российская археология. – 2008. – № 1. – С. 48-52.

Каздым А. А. Культурный слой как один из видов техногенного литогенеза и его литогеохимические особенности // Минералогия техногенеза – 2002. – Миасс: Имин УрО РАН, 2002. – С. 226-247.

Каздым А. А. Минералогическое и микроморфологическое изучение культурного слоя //Минералогия техногенеза – 2004, / Под ред. С. С. Потапова. – Миасс: Имин УрО РАН, 2004. – С. 165-182.

Каздым А. А. Техногенные отложения древних и современных урбанизированных территорий (палеоэкологический аспект). – М.: Наука, 2006. – 158 с.

Каздым А. А. Историческая экология. – М.: «ИП Скороходов», 2008. 209 с.

Каздым А. А. Археологическая минералогия. – М.: ЧП Скороходов. – 2010. 44 с.

Каздым А. А. Историческая экология. 2-е изд., испр. – М.: Изд. ЧП «Скороходов», 2010. – 148 с.

Каздым А. А. Техногенные отложения и техногенное минералообразование. – М.: рис. ФГУП ВИМС, 2010. – 178 с.

Каменецкий И. С. К теории слоя // Статистико-комбинаторные методы в археологии. – М.: Наука, 1970. – С. 83-94.

Котлов Ф. В. Антропогенные геологические процессы и явления на территории города. – М.: Недра, 1977. – 171 с.

Котлов Ф. В. Изменение геологической среды под влиянием деятельности человека. – М.: Недра, 1978. – 263 с.

Леонова Н. Б. Длительность обитания на верхнепалеолитических стоянках // Проблемы палеоэкологии древних обществ / Под ред. Н. Б. Леоновой, С. А. Несмеянова. – М., 1993. – С. 74-98.

Морозова Т. Д. Развитие почвенного покрова в Европе в позднем плейстоцене. М.: Наука, 1981. – 281 с.

Саваренский Ф. П. Инженерно-геологические свойства горных пород территории Москвы // Геология в реконструкции Москвы. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1938. – С. 119-234.

Сергеев Е. М. Инженерная геология. – М.: Изд-во МГУ, 1978. – 383 с.

Синицын А. А. О признаках нарушений культурного слоя (по материалам стоянок залегающих в костенковских гумусах) // КСИА. 1989. – Вып. 202. – С. 33-37.

Сычева С. А. Почвенно-геоморфологические аспекты формирования культурного слоя древних поселений / Почвоведение. – 1994. – № 3. – С. 28-33.

ЭТНОАРХЕОЛОГИЯ

Ахметова Ш. К., Толпеко И. В.

Омский филиал Института археологии и этнографии СО РАН,
Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского,
г. Омск, Россия

ПАМЯТЬ О МАЛОЙ РОДИНЕ В МЕМОРИАЛЬНОЙ АРХИТЕКТУРЕ КАЗАХОВ ОМСКОЙ ОБЛАСТИ

С начала XXI в. среди казахов Омской области получила широкое распространение установка памятных знаков на местах исчезнувших аулов и старых кладбищ, многие из которых продолжают функционировать. Так их уроженцы решили увековечить память о своей малой родине. По данным этнографо-археологических исследований Омского филиала ИАЭТ СО РАН, такие мероприятия активно проводятся в Азовском, Одесском, Таврическом, Шербакульском, Исилькульском и Москаленском районах Омской области. Среди таких памятников встречаются как небольшие стелы, так и сложные монументальные сооружения. Каждый памятник по-своему самобытен. Это выражается в их архитектурном решении, оформлении прилегающей территории, используемых строительных материалах, в оформлении и тексте надписи. В этом аспекте изучения их с полным основанием можно отнести к отдельному направлению творческой деятельности казахов Омской области (Ахметова, Толпеко, 2013, с. 396-399).

С 2003 по 2012 г. были установлены памятники на местах исчезнувших аулов Каржас и Коктерек Одесского района, Амре Таврического района, на кладбище аула Дюсембай Шербакульского района, на кладбищах и местах исчезнувших аулов Мукуш (Жана Жол) (рис. 1, 2), Атығай (рис. 3), Торат Исилькульского района (рис. 4), на кладбищах аула Тумба, на местах исчезнувших аулов Ақ Жігіт (рис. 5) и Шотпай Москаленского района и т. д.

Памятные знаки устанавливают не только на местах бывших населенных пунктов, но и на кладбищах. Их ставят как на действующих мемориальных комплексах существующих аулов (например, два кладбища аула Тумба), так и на тех, которые располагаются у исчезнувших аулов. В подавляющем большинстве эти некрополи продолжают функционировать. Казахскому населению Омской области свойственна традиция активного использования родового кладбища для захоронения умерших, даже спустя многие десятилетия после исчезновения населенного пункта. На некрополе памятный знак устанавливается в пределах его огороженной территории, рядом с воротами (рис. 2, 3, 5).

Одним из первых был поставлен памятник на месте исчезнувшего аула Кожан-Бекен Таврического района (рис. 6). Инициаторами установки стали

М. Е. Аятов, м З. Буланов и К. К. Хусаинов. Аул баба атыгаев был ликвидирован в 1968 г. Заказанный в Омске памятный знак представляет собой большой камень из серо-розового гранита, установленный на массивном кирпичном постаменте. Надпись лаконична – название аула и годы его существования. В июне 2001 г. состоялось торжественное открытие.

Один из самых первых коллективных памятных знаков был поставлен в 2002 году также на территории Таврического района. Он установлен на месте средней школы в ауле Амре Стахановского аулсовета, в который входили 12 аулов. Памятник состоит из массивного бетонного монумента, покрашенного голубой краской. К нему прикреплены две небольшие таблички из светло-серого мрамора. Надписи лаконичны. На одной указаны место и дата установки знака, на другой перечислены двенадцать аулов, располагавшихся неподалеку (Амре, Арбабай, Жапырақты, Жүзбай, Касым, Қара Сырым, Қара Құнан, Рыспай, Сара Сырым, Саттібай, Іргебай, Ұкібай). Во всех аулах были начальные школы, выпускники которых получали среднее образование уже в Стахановской школе-интернате в ауле курман кереев Амре.

В 2005-2006 годах на месте аула Сара Сырым был сооружен настоящий мемориал. Инициаторами выступили мулла А. Шалагаев, фермер Г. Балтабеков и С. Нурахметов. Аул Сара Сырым объединял когда-то четыре аула: Теміраулы – Уақ, Қара Құнан, Ұкібай и Арбабай. Их уроженцы установили целый памятный комплекс, посвященный пяти аулам и воинам Великой Отечественной войны, погибшим в 1941-1945 годах. Мемориал располагается на специально отсыпанном возвышении (рис. 7). К памятнику ведет бетонная лестница, покрашенная белой краской. Доминирующее сооружение – пирамидальная стела высотой около 4 метров, отлитая из бетона с мраморной крошкой. Вершина ее увенчана полумесяцем. На двух черных досках – перечисление пяти аулов и текст на казахском языке с указанием времени установки:

А. Сары Сырым
А. Теміраулы – Уақ
А. Қара Құнан
А. Ұкібай
А. Арбабай
Ата-Анаң тұрган ауылда
Бесауыл біріккен орында
Аруақ қолдап жүрсіндеп
Белгі Тас қалдыр тарихта!
2005 ж.

Слева от этой стелы располагается другая – на массивном основании поднимается вверх прямоугольная стена, оканчивающаяся сверху треугольным выступом, увенчанным полумесяцем. Все сооружение построено из кирпича и выкрашено желтой краской (у основания и посередине – белой). На стене закреплены три плиты из серого мрамора с фамилиями и именами жителей аулов, погибших в Великой Отечественной войне. Слева и справа от стел выложены из кирпича два постамента (окрашены желтой краской). Сверху на них уложены

большие глыбы камня. Еще по одному камню прислонено к постаментам с внешней стороны. Все части комплекса стоят на бетонных фундаментах.

Мемориальный комплекс строили в два этапа. Стела аулам установлена в 2005 году. Памятник участникам Великой Отечественной войны построен в 2006 году. По окончании работ на этом месте был устроен той с проведением общей молитвы и обрядом жертвоприношения с поминовением всех предков рода, известном в народе под названием дұға – молитва. Жители пяти аулов приезжают на мемориал ежегодно на Рамадан, Курбан-байрам и 9 Мая после проведения торжественного собрания и проводят дұға без пиршества. Потом расходятся по расположенным рядом кладбищам своих аулов.

Пять аулов окончательно перестали существовать в 1989 году. Уезжать из аулов начали с 1975 года. В период расцвета в самом крупном из них, ауле Сара Сырым, было 80 дворов. До 1929 года этот аул располагался за переездом. В этот год после наводнения из-за разлива Иртыша жители Сара Сырыма переехали на место за мемориалом. В окрестностях Карповки до революции были аулы двух братьев Сара Сырыма и Қара Сырыма. Аул Қара Құнан существовал с 1900 года.

В 2010 году поставлен и памятный знак на месте аула Қара Сырым. Он представляет собой квадратную в основании колонну из красного кирпича, пирамидально сужающуюся вверху. Сооружение увенчано полумесяцем. Лицевую сторону украшает плита из серого мрамора. В ее верхней части в орнаментальном обрамлении представлен рисунок мечети, а ниже – указание на место и год установки памятника. Подход к монументу вымощен бетонными плитами.

В 2010 году по инициативе м Булхаирова, Б. Ахметова Д. Жукенова был установлен памятный знак на месте некогда расположенных рядом аулов Жүзбай и Саттібай. Это монументальное краснокирпичное сооружение с обрамлением из желтого кирпича. На двух небольших табличках из серого мрамора указано время установки и названия двух аулов – Жүзбай и Саттібай. Большую часть лицевой стороны монумента занимают четыре плитки из серого мрамора с фамилиями и именами жителей этих аулов, погибших на фронтах Великой Отечественной войны.

В 2011 году был установлен интересный памятник бывшими жителями аула Іргебай по инициативе одного из потомков старейшины Іргебая. Памятный знак и сопутствующие ему элементы (выкладка перед знаком, бортики, обрамляющие подход к сооружению) выполнены из желтого кирпича. Лицевую сторону памятника украшает плита из черного мрамора с надписью, указывающей на место и дату установки. Оригинальность оформления демонстрирует картина, занимающая чуть меньше половины плиты. На ней изображена юрта с привязанной рядом оседланной лошадью. Перед юртой сидят ребенок и старик, играющий на домбре (рис. 8).

В июне 2014 г. в ауле Байдалин по инициативе профессора Евразийского университета З. Е. Кабульдинова состоялось открытие памятника герою-батыру казахско-джунгарской войны из рода керей Байболату Шегірекұлы (1694-1782) (рис. 9). Он построен из желтого кирпича. Симметричный комплекс состоит из центрального элемента и двух боковых элементов, соединенных посредством

стенок из кирпичной кладки. Наиболее объемной частью является центр, выполненный в виде неправильной геометрической фигуры. С передней стороны это прямоугольник, боковые стороны которого представляют собой фрагменты круга. В нише передней части поставлена высокая плита из полированного базальта с надписью на казахском языке, что памятник посвящен Байболату Шегірекұлы (1694-1782), батыру казахско-джунгарской войны из рода керей, и установлен в 2014 г. его потомками, жителями аула Байтуяк (Байдалин) Таврического района Омской области. Боковые фигуры выполнены в виде параллелепипедов, в ниши которых вделаны аналогичные плиты меньшего размера. На одной надпись повторяет на русском языке текст центрального элемента. На другой плите выгравирована цитата Балтабека Жүрсінұлы.

Неподалеку от комплекса расположена высокая трехгранная стела воинам-односельчанам, погибшим в Великой Отечественной войне. Ко всем граням прикреплены таблицы с их именами. Сама стела установлена на высоком белом постаменте, к которому пристроены три лестницы (рис. 10).

Таким образом, в Таврическом районе в полном объеме получила развитие новая традиция казахов Омской области – установка памятных знаков на местах исчезнувших населенных пунктов или на территории некрополей. Но эти объекты обладают целым рядом специфических черт, выделяющих их среди многих памятников подобного назначения в других местах проживания казахского населения Омской области. Одной из таких черт является индивидуальный подход к оформлению. Во многих случаях в других местах памятные знаки представляют собой небольшой бетонный постамент со стелой. На исследованной территории не выявлено ни одного стандартного, более того – похожего на другой, памятника. Все они в той или иной степени оригинальны. Еще одной особенностью является совмещение памятных знаков аулам и воинам, погибшим в Великой Отечественной войне. Это явление, свойственное именно традиции казахского населения Таврического района.

Одной из последних была поставлена стела на месте бывшего аула Бибатыр в Азовском районе (рис. 11). Памятник из серого с прожилками мрамора установлен на бетонном постаменте.

На сегодняшний день памятные знаки представляют собой отдельный пласт культуры и определенное направление творчества казахского населения Омской области. Похожих памятников нет. Встречаются как довольно монументальные сооружения, иногда с весьма своеобразной архитектурой, так и небольшие стелы. Как правило, памятник – это кирпичный или бетонный постамент, на котором установлен камень или стела с надписью. Текст выполняется в основном на казахском языке, но встречаются вставки на русском и арабском языках. Он может быть как очень коротким (название аула и годы его существования), так и достаточно длинным – с обращением к потомкам помнить свою Родину и предков, перечислением родов, датой установки. Иногда указываются фамилии организаторов установки памятника. Могут присутствовать строки из Корана и рисунок мечети. Надпись на стеле у аула Бибатыр сделана в стихотворной форме. Предлагаем её перевод:

Бибатырскому аульному поселению посвящен памятник	**Как непорочная чистота младенца**
Словно взгляд предков	**Священная Родная земля как ты мне дорога!**
Как сама мать	**От потомков Бибатыра и родственников**
	17. 08. 2013 г.

Это инициативное добровольное начинание казахского населения Омской области, по сути, – новая традиция, призванная сохранить историческую память народа, родовую принадлежность отдельных (локальных) групп населения. Интересен тот факт, что на приграничных территориях Республики Казахстан также много оставленных аулов и кладбищ. Однако, несмотря на активные контакты с населением Омского Прииртышья, пока эта традиция не нашла там продолжения.

Литература

Ахметова Ш. К., Толпеко И. В. Памятные знаки как новая традиция казахов Омского Прииртышья // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Материалы итоговой сессии Института археологии и этнографии СО РАН. 2013 год. – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2013. – Т. XIX. – С. 396-399.

Рис. 1. Памятный знак на месте исчезнувшего аула Мукуш (Жана Жол) Исилькульского района Омской области

Рис. 2. Памятный знак на кладбище исчезнувшего аула Мукуш (Жана Жол) Исилькульского района Омской области

Рис. 3. Памятный знак на кладбище исчезнувшего аула Атығай Исилькульского района Омской области

Рис. 4. Памятный знак на кладбище исчезнувшего аула Торат Исилькульского района Омской области

Рис. 5. Памятный знак на кладбище исчезнувшего аула Ақ Жігіт Москаленского района Омской области

Рис. 6. Памятный знак на месте исчезнувшего аула Кожан-Бекен Таврического района Омской области

Рис. 7. Мемориальный комплекс на месте исчезнувшего аула Сара Сырым Таврического района Омской области
Рис. 8. Памятный знак на месте исчезнувшего аула Иргебай Таврического района Омской области

Рис. 9. Памятник герою - батыру казахско-джунгарской войны Байболату Шегірекұлы (1694-1782)

Рис. 10. Стела воинам – односельчанам, погибшим в Великой Отечественной войне
Рис. 11. Памятный знак на месте исчезнувшего аула Бибатыр Азовского района Омской области

Тихонов С. С.

Омский филиал ИАЭТ СО РАН г. Омск, Россия

СОЛЯНОЙ ПРОМЫСЕЛ КАК ОБЪЕКТ ЭТНОГРАФО-АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ (постановка вопроса)

Проблема. Концепция изучения этнографо-археологических комплексов (ЭАК) предполагает, что исследование их компонентов будет проведено методами археологии и этнографии. Это позволяет рассмотреть динамику каждого отдельно взятого компонента (и ЭАК в целом) на всём протяжении времени его существования. К таким компонентам мы относим системы расселения этносов, погребальный обряд, домостроение, совокупность путей сообщения и их инфраструктуру и т. д. Методами археологии и этнографии можно изучать также категории предметов, например керамическую посуду, орудия труда, одежду и обувь, предметы культа и т. д. Наконец, этнографо-археологически можно исследовать производственные процессы (рыболовство, земледелие, скотоводство, бронзолитейное производство, обработку черных металлов и другие).

Полагаю, что в этот список может быть включен и процесс добычи поваренной соли, одного из за важнейших химических соединений для жизни и деятельности человека (приправа к пище, средство для консервации продуктов питания, наконец ионы Na и Cl играют большую роль в обмене веществ в организмах людей). Солью торговали, из нее воевали, устраивали бунты. О значимости соли говорит тот факт, что на гербах российских (Сольвычегодск, Солигалич, Энгельс, Усолье Сибирское) и украинских (Бахмут, Дрогобыч) городов изображены кристаллы соли. Роль некоторых городов в добыче соли закрепилась в их названиях. Известны Соль-Илецк, Соликамск, Сольвычегодск, Солигалич и три Усолья (в Иркутской и Самарской областях, в Пермском крае).

Возможно, что изучение этого процесса помогло бы более полно разработать методику изучения ЭАК, а также проанализировать сюжеты, связанные с историей промышленности, экономики, торговли в России.

Однако практика показывает, что до наших дней сохранилось не так много феноменов прошлого, которые можно было бы изучать методами археологии и этнографии. Некоторые из них разрушены и не могут быть изучены археологически, другие сохранились, но нет возможности собрать этнографические сведения, поскольку память людей их не сохранила. Поэтому поиск новых объектов для этнографо-археологических работ и определение перспектив работ на них – одна из задач, стоящих перед этноархеологом. В связи с этим попытаюсь предварительно определить возможности работ по изучению соледобычи на Ямыше.

История изучения соледобычи в отечественной науке. Насколько мне было известно, изучение процесса добычи соли не было в числе приоритетных у отечественных археологов и этнографов. Одним из пионеров в изучении процессов добычи соли был Л. Н. Соловьев, раскопавший в 1930-х годах на берегу Черного моря в Абхазии серию памятников, материалы которых позволили ему

говорить о процессе добычи соли из морской воды и о необходимых для этого приспособлениях. (Соловьев, 1947, с. 22-55).

Со ссылкой на работу м Е. Ворожейкиной приведу сведения о том, что в ходе строительства Молотовской (ныне Камской) ГЭС в 1950-х годах (фактически в 1951-1954 годах. – С. Т.) были раскопаны остатки солеваренных заводов XVII-XVIII веков (Ворожейкина, 2001). Другие сведения об этих работах мне неизвестны. В этой же работе она приводит сведения, что в 1966-1972 гг. в Старой Руссе А. Ф. Медведев раскапывал соляные варницы. Сведения о них размещены на одном из сайтов этого города (Бани-Солеварни…). Рассмотрев состояние изученности вопроса в литературе, исследовательница сделала вывод, что «масштабные и целенаправленные археологические исследования солеваренного производства в отечественной археологии пока не проводились… предстоит выработать методику выявления и изучения памятников археологии этого специфического производства. …Вследствие малого количества археологических исследований по данной тематике пока отсутствует и надежная атрибуция предметов…» (Ворожейкина, 2001).

В 1999 году отдел региональной культуры Санкт-Петербургского филиала Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия приступил к изучению истории соляного промысла в эпоху Средневековья. Отряд Северо-Западной археологической экспедиции этого института возглавила м Е. Ворожейкина, которая с этого года по настоящее время провела разведки в Архангельской, Вологодской, Костромской, Нижегородской, Новгородской, Псковской, Рязанской и Ярославской областях и Республике Коми. Она обследовала 130 объектов и 70 из них отобрала для дальнейших исследований (Ворожейкина, 2001, 2013; Галушин, 2011; Тотьма). Этим и исчерпывается известная мне история археологического изучения соляного промысла. Возможно, что М. Е. Ворожейкина – единственный археолог в России, систематически занимающийся изучением процесса добычи соли по археологическим данным.

Из современных работ в области истории как пример приведу две диссертации, где имеются небольшие разделы о соледобыче (Джумагалиева, 2010; Павленко, 2006), и одну статью (Богданова, 2014, с. С. 31-48). Этими работами и исчерпывается список известных мне статей и монографий.

Вывод неоптимистичен: в наши дни изучение процесса добычи соли не является приоритетным направлением исследований среди российских ученых, в том числе и этноархеологов. В зарубежной науке ситуация иная: процессы добычи соли, ее транспортировки, хранения и продажи исследователи изучают серьезно.

Перспективы изучения. Человек может получать соль из морской воды, из минеральных источников или в шахтах добывать каменную соль. В мировой науке этот процесс может быть изучен по материалам зарубежной Европы и Азии с эпохи бронзы, и по этой теме существует обширная литература. Что касается России, то известно, что в ее европейской части соль добывали из скважин, что фиксируется со времен Киевской Руси.

Можно уверенно говорить, что соль добывали для нужд населения в Сибири и Казахстане как минимум с конца XVI века. В «Наказе князю Андрею Елецкому с товарищами…», данному ему царем Фёдором Иоанновичем в конце 1593 или в начале 1594 года, говорится: «…идти города ставить вверх Иртыша … чтоб пашню завести, и Кучума царя истеснить, и **соль устроить**…(выделено мной, – С. Т.)» (Наказ князю Андрею Елецкому с товарищами… 1999, с. 347). Можно только предполагать, в каком месте князю Андрею Елецкому было поручено «соль устроить»; скорее всего в Ямыше, поскольку оно находилось недалеко от Иртыша и оттуда удобно было соль вывозить речным путем.

Всего к началу XVIII века в Сибири и Казахстане было известно три озера, в которых можно было добывать осадочную соль:

- Озеро Боровое: «…в середине степи (между Обью и Иртышом, в Кулундинской степи. – С. Т.) расположено озеро, в котором соль, подобно как в Ямышеве, садится на дно и считается очень хорошей для употребления в пищу… По форме это озеро составляет почти правильный круг с диаметром в одну версту. Соль лежит на дне слоем толщиной примерно в ширину ладони… как соль, так и вода имеют в себе немного красного и фиолетового цвета, а также резкий запах, как у Ямышевского соляного озера… (Миллер, 1996, с. 19).
- Кулундинское соленое озеро: «Другое подобное соляное озеро находится в той же степи …Оно, однако, гораздо больше предыдущего… (Борового. – С. Т.) … по величине в четыре раза превосходит соляное озеро у Ямышева…» (Миллер, 1996, с. 19).
- Ямышево: «Оно не глубоко и везде можно видеть дно, на котором множество ключей, из которых истекает вода, толь много соли в себе содержащая, что соль и при умеренном исхождении паров без огня сама собой садится и дно якобы толстым слоем покрывает… Количество соли там столь велико, что можно бы было достать оттуда больше, нежели бы во всей Сибири исходило… Другое преимущество состоит в белости, чистоте и в общей доброте соли, которою она самой лучшей шпанской и французской соли не уступает. Еще у сего озера сие особливо, что оно фиалковый запах испущает… в ясную погоду темно-пурпуровый цвет от воды над озером виден…» (Миллер, 2005, с. 482).

Итак, есть соленые озера, где можно было добывать соль. Из них более всего внимания отведено Ямышевскому озеру. Рассмотрим, какие сведения для его изучения мы можем получить, и начнем с материалов «Чертежной книги…» составленной в 1697-1701 годах С. У. Ремезовым (1882). Приведу фрагмент листа 25 из этой книги (рис. 1, *1*). На нем показана общая ситуация. Озеро находилось в «землях Алая тайши с каменными городами». К западу от этих земель в верховьях Ишима была «земля кучумовская». К востоку от Алая тайши в Барабе и в верховьях Иртыша кочевали калмыки. На рис. 1, *2* – фрагменте листа 24 «Чертеж всех Сибирских градов и земель» – ситуация показана

детальнее: показано Ямышевское озеро, протока Иртыша «Белые воды» (название гидронима сохранилось в форме «Белая»), небольшие речки и дорога к верховьям Ишима. Лист 23 «Чертеж земли всей безводной» наиболее подробен. На нем имеется озеро Ямыш, показана сеть рек, а также места расположения юрт кочевников и, возможно, город. Указаны дороги, броды на Иртыше и культовое место. Иными словами говоря, в окрестностях Ямышева озера есть объекты для археологических исследований.

«Хорографическая чертежная книга…» (2011) более подробна, нежели «Чертежная книга…» (1882). На листе 97 (рис. 2, *1*) красным цветом показано озеро. Об особом цвете воды писал и Г. Ф. Миллер (Миллер, 2005, с. 482). Показано место расположения русских укреплений, места стоянки речных судов – лодей, а также лагерь калмыков. К югу от озера располагалась мечеть и «мольбище Заилово». На этом же листе «Хорографической чертежной книги…» С. У. Ремезов изобразил процесс русскими добычи соли (Хорографическая чертежная книга…, 2011, лист 97). Одна часть отряда добывает соль в озере, стоя в нем по пояс. Некоторые отвозят соль на ручных двухколесных тележках к лодьям. Третья часть людей, вооруженных копьями и при пушках, несут охрану трех имеющихся ворот (проходов в валу?). Для обороны и отдыха на берегу было выстроено прямоугольное укрепление и стояли сооружения для хранения припасов и жилья. На острове напротив укрепления располагалась стоянка калмыков. Эти объекты можно датировать временем ранее 1697-1701 годов.

В 1715 году Д. И. Бухольц, становясь на зимовку близ озера, «недалеко от устья Преснухи на вышине северо-восточного берега при Иртыше выбрал … место под крепость… Сделан был земляной вал, наподобие половинного шестиугольника, при котором три больверка, в степь простирающиеся, флангами к Иртышу сомкнулись. Вокруг был обведен ров… Для артиллерии построен вблизи крепости малый деревянный острог, а подле оного … два больших амбара. Для офицеров и солдат построены дома и казармы на лугу при устье реки Преснуха и окружены палисадом» (Миллер, 2005, с. 483).

Итак, вблизи Ямышевского озера есть потенциальные объекты для археологических исследований XVII и XVIII веков, которые можно сопоставлять и с картографическими материалами. Естественно, для их поиска и изучения необходимы силы и время. Однако поиски может облегчить то, что географическая ситуация показана С. У. Ремезовым вокруг озера практически правильно и сопоставима с материалами спутниковой съемки (рис. 2, *2*) и с современной географической картой (рис. 2, *3*).

Что касается сведений исторических, то они есть. Например, их приводит Г. Ф. Миллер (1999, с. 259), М. Д. Чулков (1780, с. 130). Материалы о Ямыше собирал известный омский краевед, директор Омского краеведческого музея А. Ф. Палашенков (Антология…, 2013, с. 477-499). Пока все эти сведения я рассмотрел весьма бегло. Как потенциальные сведения можно рассматривать

записки членов Семипалатинского подотдела Западно-Сибирского отдела Императорского русского географического общества.

В целом мне представляется, что Ямышевское озеро – перспективный для археолого-этнографического исследования комплекс, где как минимум два столетия добывали и торговали поваренной солью, и где встречались представители разных народов.

Литература

Антология Омского краеведения. Т. 1. Избранные труды А. Ф. Палашенкова. – Омск: ОГИК-музей, 2013. – 742 с.

Бани-Солеварни Русского Приильменья / Эл. ресурс: http://rushanin. narod. ru/bani. html#bani. Дата обращения – 28.08.2014 г.

Богданова А. В. Соляной промысел Соловецкого монастыря накануне секуляризации 1764 года // Вестник православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. – 2014. – Серия 2: История. История Русской православной церкви. – Вып. 56 (1). – С. 31-48.

Ворожейкина М. Е. Тотема. – Вып. 3. – Вологда: Легия, 2001 / Эл. ресурс: http:// www. booksite. ru/fulltext/tot/maf/ree/5. htm. Дата обращения – 12. 09. 2014.

Ворожейкина М. Е. Солеварный промысел Русского Севера в XVII столетии // От смуты к империи. Новые открытия в области археологии и истории России XVI-XVIII веков. – М.: Изд-во ИА РАН, 2013. – С. 12.

Галушин А. Корабелы стали археологами // Вечерний Северодвинск, 2011, 11 августа. Эл. ресурс. http://old. vdvsn. ru/papers/vs/2011/08/11/88503. Дата обращения 18.09.2014 г.

Джумагалиева К. В. Развитие соляного промысла в Западном Казахстане в XIX веке: автореф. дис. к. и. н. – Атырау, 2010. – 24 с.

Миллер Г. Ф. Описание Кузнецкого уезда Тобольской провинции в Сибири в нынешнем его состоянии, в сентябре 1734 года // Сибирь XVIII века в путевых описаниях Г. Ф. Миллера. – Новосибирск: Сибирский Хронограф, 1996. – С. 17-36.

Миллер Г. Ф. Известие о песошном золоте в Бухарии, о чиненных для оного отправлениях и о строении крепостей при реке Иртыше которым имена: Омская, Железенская, Ямышевская, Семипалатная и Усть-Каменогорская // Г. Ф. Миллер. История Сибири. – Т. III. – М.: Восточная литература, 2005. – С. 472-507.

Наказ князю Андрею Елецкому с товарищами, отправленным в Сибирь для построения города на реке Таре с приложением описи посланного с ними // Миллер Г. Ф. История Сибири. – Т. 1: М.: Издательская фирма «Восточная литература РАН», 1999. – С. 347-353.

Павленко Ю. А. Хозяйственные занятия, быт и материальная культура русского населения Нижнего Поволжья в позднем средневековье – начале нового времени. Автореф. дис… к. и. н. – Йошкар-Ола, 2006. – 20 с.

Соловьев Л. Н. Следы древнего соляного промысла близ г. Сухуми и г. Очамчире // Труды Абхазского государственного музея. – Т. 1. – Сухум, 1947. – С. 22-55.

Тотьма // Эл. ресурс http://vital4321. narod. ru/arheologiya_1292_totmaf4v. html. Дата обращения 28 сентября 2014.

Хорографическая чертежная книга Сибири С. У. Ремезова. – Т. 1. Факсимильное издание Houghton library of the Harvard college Harvard university. Тобольск. [б. и.] 2011. – 350 с.

Чертежная книга Сибири, составленная тобольским сыном боярским Семеном Ремезовым в 1701 г. – СПБ, 1882.

Чулков М. Д. Историческое описание российской коммерции. – Т. 1. 1780. – 220 с.

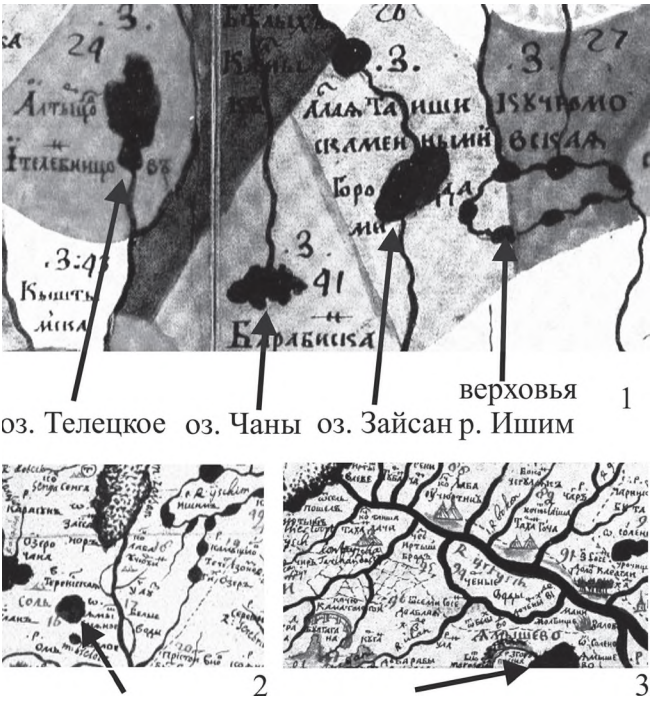

Рис. 1. Ямышевское озеро на листах «Чертежной книги…» С.У Ремезова
1 – лист 25 «Чертеж и сходство наличия земель»; 2 – лист 24 «Чертеж всех Сибирских градов и земель»; 3 – лист 23 «Чертеж земли всей безводной»

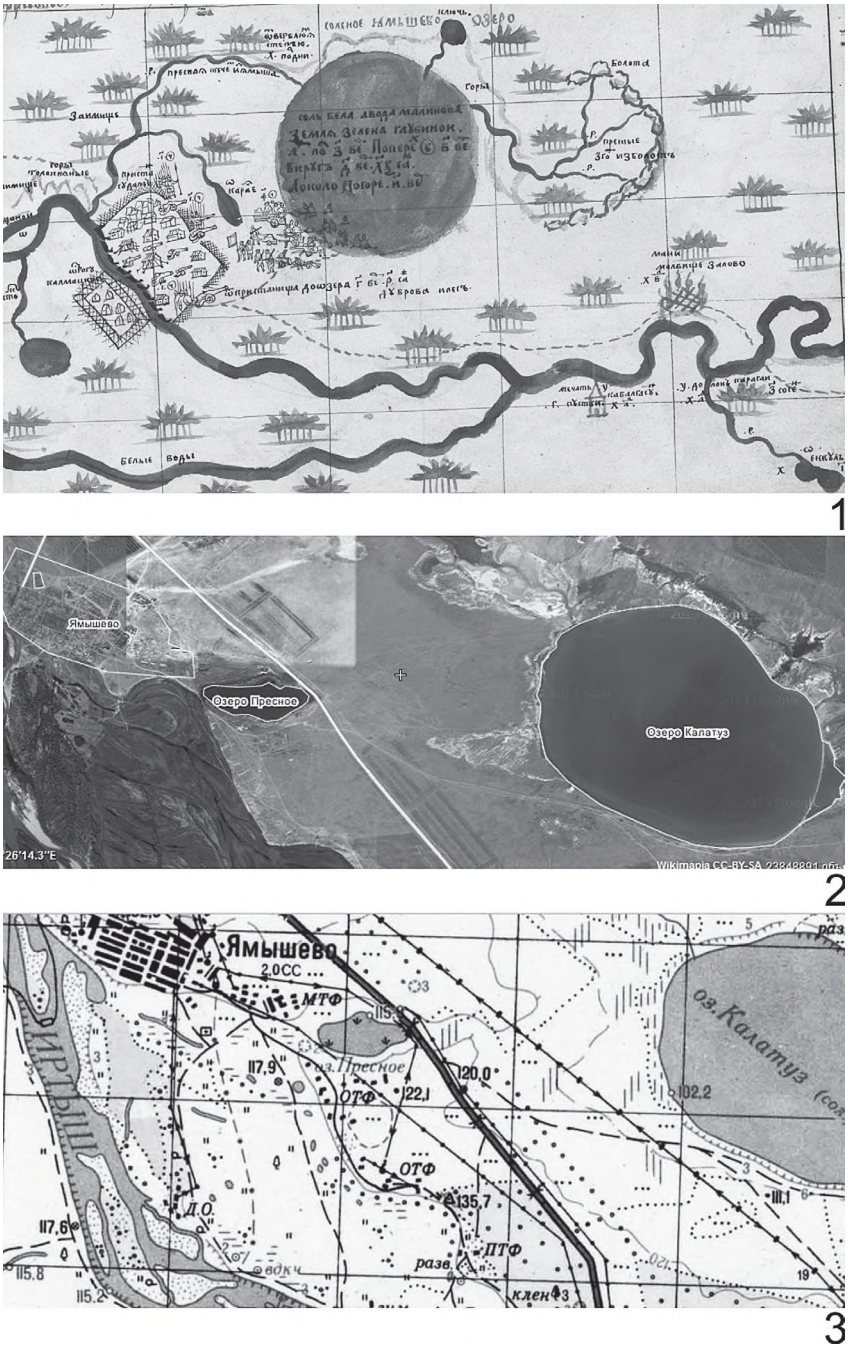

Рис. 2. Ямышевское озеро на старых и современных картах
1 – «Хорографическая чертежная книга, лист 97; 2 – спутниковая съемка Ямышевского озера. Сервис Wikimapia.org. Доступ 14 сентября 2014 года; 3 – Современная карта масштабом 1:100000. Лист М43-011 в стандартной системе обозначений. Съемка 1982 г. с дополнениями 1987 года

Аргунов В. Г., Пестерева К. А.

Северо-Восточный федеральный университет, г. Якутск, Россия

ОСОБЕННОСТИ АРХЕОЛОГИИ ЦЕНТРАЛЬНОЙ ЯКУТИИ

Центральная Якутия обширная область, характеризующаяся разнообразными природно-ландшафтными условиями, которые повлияли на развитие культур древнего населения. В первую очередь речь идет о территории, ограниченной реками Леной и Амгой – наиболее крупными речными артериями Якутии, ставшими путями распространения переселенцев из южных районов. Этот район можно выделить в Лено-Амгинскую провинцию, образованную из междуречья Лены, Алдана и Амги, на юго-востоке Центрально-Якутской равнины. Пространство между этими крупными реками занято тайгой и замкнутыми котловинами. Такой ландшафт был образован в результате термокарстовых процессов, которые являются постоянными. Геологическое образование в виде термокарстовой котловины называется в Якутии «алас». Формы аласов разнообразны, но в большинстве своем, округлые, размеры колеблются от 0,1 до 10 км в диаметре (Босиков, 1991, с. 44). Глубина термокарстовой котловины может достигать 60 м (Босиков, 1991, с. 46). Таким образом, алас – это округлая или овальная котловина, с достаточно высокими бортами и озером, также с лугово-степной и степной растительностью на дне. Площадь озера может варьировать в зависимости, от уровня влажности сезона и температуры в течение года. Так, можно привести пример, когда в самом большом аласе Якутии – Мюрю, уровень воды колебался очень сильно в течение ста лет (Босиков, 1991, с. 69). На аласе даже образовывалось несколько озер. Такие же процессы затрагивают крупнейшие аласные озера Тюнгюлю (в 80 км. от Мюрю) и Балыктаах (в 40 км. от Мюрю) (Десяткин, 2008, с. 39).

Колебания размера озера влияют на хозяйствование и современного населения Центральной Якутии. Объем хозяйственного освоения, включающего сенокос и выпас рогатого скота и лошадей, целиком зависит от свободных от воды и достаточно увлажненных для роста питательной травы, лугов. Предкам народа саха удалось адаптировать скотоводство и коневодство под экосистему таежно-аласного ландшафта Центральной Якутии. Так, аласы по сей день являются экологической основой для традиционных способов землепользования якутов.

Будучи важнейшим хозяйственным объектом жизни коренного населения Якутии, аласы играли и значительную духовно-религиозную роль. Практически каждый алас является местом поклонения божествам и духам, а также местом захоронения представителей рода. Погребения располагались на возвышенных террасах (халдьаайы) или естественных холмах, расположенных в середине аласа и образованных в результате возникновения мерзлотной линзы (булгуннях) (Бравина, Попов, 2008, с. 35). Нередко это были родовые кладбища, где похоронены разные поколения рода, владением которого был данный алас.

До настоящего времени в большинстве аласов сохранились памятники истории и культуры якутов – образцы якутского традиционного строительства и погребального обряда. По этой причине долгое время в археологии Якутии сложилось мнение об освоении аласов предками якутов. Планомерные археологические работы по поиску и исследованию стоянок эпохи камня и палеометаллов касались лишь долин крупных рек, Лена, Вилюй, Алдан, Амга. Но вместе с тем, таежные межречные пространства, занятые термокарстовыми котловинами, были охвачены деятельностью экспедиций по изучению погребальных памятников древних якутов. Так, в период 1929-1938 гг. сотрудники Якутского республиканского краеведческого музея (ЯРКМ) раскопали и исследовали более десяти позднеякутских погребений, датируемых XVII-XVIII вв. Позднее раскопки древнеякутских погребений на территории районов были продолжены в 1944-1945 гг. (Новгородов, 1955, с. 73). Яркие открытия погребальных памятников были сделаны в 1965 г., всего было исследовано 24 погребения, в том числе 2 погребальных комплекса, датируемых XVIII в. (Константинов, 1971, с. 105-124). В 1977 г. в данном районе проводила работы археолого-этнографическая экспедиция Якутского государственного университета под руководством А. И. Гоголева. Отличие этой экспедиции от предыдущих заключалось в исследовании средневековых якутских поселений и жилищ. В результате была открыта кулун-атахская средневековая культура, которая стала основой для зарождения культурного и хозяйственного облика якутского народа (Гоголев, 1990, с. 192; Гоголев, 1993, с. 200). Позднее в 1976-1982 гг., Р. И. Бравиной проводился сбор полевых материалов по погребальному обряду якутов. Помимо этнографической работы проводились также раскопки якутских погребений XVIII-XIX вв. Таким образом, археологические исследования на территории таежно-аласной зоны Центральной Якутии сводились лишь к поиску и изучению погребальных и хозяйственных объектов культуры древних якутов.

Ситуация изменилась, когда к работе на данной территории приступает Новостроечный отряд археологической экспедиции ЯГУ в 1985 г. Исследованиями были охвачены территории, выделенные для строительства автодорог. Результатом работы Новостроечного отряда стало открытие множества разновременных стоянок и погребений древнего человека, датированных промежутком от неолита до эпохи Средневековья. Таким образом, было доказано раннее заселение аласов древним человеком. Однако планомерное целенаправленное археологическое исследование начинается лишь в 2008 г., когда был создан отряд археологической экспедиции СВФУ, целями которого стали поиск и исследование древнейших стоянок на аласах Центральной Якутии. С этого времени были открыты и исследованы десятки новых и ранее известных памятников разных эпох (Аргунов, Пестерева, 2014, с. 173-177; Пестерева, Николаев, 2014, с. 30-38; Пестерева, Пестерев, Chlachula, 2013, с. 93-100).

Большинство стоянок древнего человека расположены на северо-западных бортах котловин. Причем для проживания выбирались более высокие, хорошо

продуваемые ветрами и освещенные солнцем мысовидные террасы. Довольно часто древние стоянки бывают нарушены якутским поселением или кладбищем, для которых якуты также выбирали места по подобным характеристикам. Анализ материала, найденного на памятниках, позволяет реконструировать некоторые аспекты жизни древнего населения Центральной Якутии. Наличие наконечников стрел разнообразных форм и размеров, а также обломков костей птиц, крупных и мелких млекопитающих указывает на преимущественно охотничью основу хозяйства. Среди прочего инвентаря отсутствуют рыболовные крючки и гарпуны, это может объясняться расположением стоянок на озерах, рыболовство на которых было возможно лишь в теплый сезон года. Наряду с наконечниками стрел каменный инвентарь представлен топорами и теслами. Наличие подобных орудий свидетельствует о довольно развитой деревообработке.

О социальных отношениях и духовной культуре свидетельствуют уникальные погребения каменного века. Данные памятники позволили узнать о сложной социальной организации обитателей Центральной Якутии. В 2004 г. было обнаружено погребение воина или военного вождя с костяной кирасой и щитом, изготовленным из костяных пластинок (Алексеев и др., 2006, с. 45-52; Степанов и др., 2012, с. 51-61). Этот погребальный памятник свидетельствует о том, что в конце каменного века начались военные столкновения между родами и появилась особая прослойка людей, занимающихся военным делом. Важной особенностью данного погребального памятника является наличие второго костяка, расположенного в ногах погребенного. При изучении оказалось, что эти разрозненные кости являются фрагментом скелета мужчины, который мог являться элементом обряда жертвоприношения. О некоторых сторонах духовной жизни древних племен может свидетельствовать другой памятник. Здесь погребенной женщине, которая при жизни (?) не имела кисти левой руки, положили заднюю лапку зайца (Pestereva, 2014, с. 64-68). Сакральное значение зайца, который был у некоторых народов Сибири тотемом, подтверждается этнографическими данными. Здесь также можно проследить связь женщины и зайца как ипостаси женского божества и символа женского начала. Данные погребения являются яркими памятниками, их дальнейшее изучение позволит раскрыть разные грани жизни древнего населения Якутии.

Таким образом, долгое время аласные стоянки были за пределами внимания археологов. На аласах исследовались лишь памятники якутской культуры. Но на данный момент работами последних лет открыто множество памятников эпохи неолита и палеометаллов, которые дали уникальный, яркий материал. Наличие археологического материала на термокарстовых котловинах и отсутствие каких-либо следов пребывания древнего человека на террасах множества мелких речек, притоков Лены и Амги, свидетельствуит о концентрации населения на аласных образованиях. Анализ инвентаря, отходов производства каменных орудий и фрагментов керамики доказывает достаточно долговременный характер стоянок и высокий уровень адаптации населения к таежно-аласному ландшафту.

Литература

Алексеев А. Н., Жирков Э. К., Степанов А. Д., Шараборин А. К., Алексеева Л. Л. Погребение ымыяхтахского воина в местности Кёрдюген // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2006. – № 2 (26). – С. 45-52.

Аргунов В. Г., Пестерева К. А. Археология каменного века Центральной Якутии // Актуальные вопросы общественных наук: социология, политология, философия, история. – 2014. – № 35. – С. 173-177.

Босиков Н. П. Эволюция аласов Центральной Якутии. – Якутск: ИМЗ СО АН СССР, 1991. – 128 с.

Бравина Р. И., Попов В. В. Погребально-поминальная обрядность якутов: памятники и традиции (XV-XIX вв.). – Новосибирск: Наука, 2008. – 296 с.

Гоголев А. И. Археологические памятники Якутии позднего Средневековья (XIV-XVIII вв.). – Иркутск: 1990. – 192 с.

Гоголев А. И. Якуты (проблемы этногенеза и формирования культуры). – Якутск: Изд-во ЯГУ, 1993. – 200 с.

Десяткин Р. В. Почвообразование в термокарстовых котловинах – аласах криолитозоны. – Новосибирск: Наука, 2008. – 324 с.

Константинов И. В. Материальная культура якутов 18 века (по материалам погребений) // Якутский филиал СО АН СССР. ― Якутск: Якутское книжное издательство, 1971. – 212 с.

Новгородов И. Д. Археологические раскопки музея // Сборник научных статей ЯРКМ. – Якутск, 1955. – вып. 1. – С. 73.

Пестерева К. А., Николаев Е. Н. Новые археологические памятники Чурапчинского улуса Республики Саха (Якутия) (неолит – эпоха палеометаллов) // Итоги и перспективы научных исследований. – Краснодар, 2014. – С. 30-38.

Пестерева К. А., Пестерев Д. А., Chlachula J. Новые неолитические памятники Центральной Якутии // Сборник научных трудов Sworld. – 2013. – Т. 51. – № 3. – С. 93-100.

Степанов А. Д., Кузьмин Я. В., Ходжинс Г. Л. В., Джалл Э. Дж. Т. Интерпретации обряда и проблемные вопросы Кёрдюгенского погребения ымыяхтахской культуры (Якутия) // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2012. – № 4 (52). – С. 51-61.

Pestereva K. A. Neolithic burials of Central Yakutia // The second International Congress on Social Sciences and Humanities/ Vienna. 2014. P. 64-68.

Қожамұратов Д. Н.

«Әзірет Сұлтан» тарихи-мәдени қорық мұражайы, Түркістан қ. Қазақстан

ОҒЫЗДАН ЖЕТКЕН ОЖАУ ХАЛЫҚ КӘДЕСІНЕ ЖАРАСА ИГІ

Халық өнері – бағзы замандардан бері Ұлы Даланы мекен етіп келген тайпалардың заттық және рухани көне мәдениетінің дәстүрлі жалғасы. Қолөнер бұйымдарынан қазақ халқының тек өзіне тән төл мәдениеті мен тұрмыс-салты сияқты, ғасырлар бойы оның өзге халықтарға ұқсамайтын өзіндік ерекшеліктері мен қолтаңбасы, өзіндік нақыш бояуы мен әшекей-өрнектерін, тіпті оның жасалуына қарап аймақтық ерекшеліктерін де аңғара аламыз. Олар көшпелілер тұрмысы мен мәдени болмысынан, халқымыздың дүниетанымы мен наным-сенімдерінен мол мағлұмат береді. Қазақ қолөнерінде пайдаланған негізгі шикізат түрлері – тері, жүн, ағаш, ши, сүйек, мүйіз, алтын, күміс, асыл тастар болды.

Адамзат өмірінде белгілі бір орын алатын табиғат нысандарының бірі – ағаш. Баяғы замандардан-ақ адам баласы ағаштың қадір-қасиетін жоғары бағалап, оған табынған. Баршаға белгілі ата-бабаларымыз жапан далада жалғыз өскен ағашты кесуге, қандай да бір зақым келтіруге тыйым салған. Себебі, ол ағашты киелі немесе әулие санаған. Адам баласы жер бетінде пайда болған кезде ең алғаш тұтынған материалы да ағаш еді. Байырғы қазақтар киіз үйден бастап, күнделікті тұрмыста ағаштан жасалған бұйымдарды көптеп қолданған.

Қазіргі таңда ғылым мен техниканың дамыған заманында да біздің күнделікті өмірімізде ағаштың алатын орны зор, ұста-шеберлер үшін өте маңызды шикізат. Қалтамыздағы сіріңкенің бір тал шырпысынан бастап, кеңбайтақ еліміздің шартарабында жүріп жатқан алып құрылыстарда да ағашсыз көп ісіміз ақсап жатқан болар еді. Айта кететін жайт қазақ жері де орман-тоғайға өте бай (Республикамыздың жалпы орман қоры 22 миллион гектар) (Шоқпаров, 2005, 55 б.).

Ежелгі Римнің тарихшысы әрі жазушысы Танит байырғы германдықтардың емен мен қарағай өте киелі, өйткені ол ағаштарда бүкіл тіршіліктің иелерінің жаны мекендейді деп сенгендігін жазған (Лес и человек, 1979).

Этнографияның берер мағлұматтары әр халықтың өсіп-өркендеу этникалық тегін, әлеуметтік рухани болмысын, мәдени талғамын, және де моральдық-этикалық қалыптарын саралауға көмектесері анық.

Ағаш түрлері жасалатын бұйымдарына қарай таңдалады. Ата-бабаларымыз ағаштың түрін, жай-күйін өте жақсы білген. Бұрынғы уақытта ағашты ию, жұмсартудың тәсілдерін жетік меңгерген. Ол үшін ағашты су құйып малдың қиымен араластырып, жерге көміп тастайды екен. Сол кезде ол қызады да, белгілі бір бабына жеткенде ағаш жұмсарады. Дәл осы сәтте қазып алып, тезге салып, өзіне қажетті қалыпқа иіп, керек бұйымын жасайды. Міне, осындай күрделі әдіс-тәсілдердің арқасында бүгінгі күнге дейін жеткен адам баласының қиялынан туған ғажайып дүниелер пайда болған (Құтышева, 2011).

Себебі, ертеде қазақтың баспанасы киіз үйінен бастап, қарапайым қасығына дейін ағаштан жасалып отырған. Неге десеңіз, ағаш бұйымдар ыңғайлы, пайдалануға тиімді, сонымен бірге ол тұрмыстық зат есебінде ғана емес, сән үшін

де қолданылып, биік өнер дәрежесіне жеткізілген. «Алтынмен аптап, күміспен күптеп» дегендей, әр әулеттің жағдайына қарай зерлеп, әшекейлеп жасалған дүниені тұтынып келген. Ерте кездері бұл өнердің иесін ұста, он саусағынан өнер тамған шебер деп құрмет тұтқан. Қазіргі күні бұл кәсіп қолданбалы сәндік өнер деп айтылады.

Ағаштан түйін түйген қолөнер шеберлері ағашты ойып, қымыз сапыруға арналған ожау, тегене, саптыаяқ, күбі, табақ, астаулар, бидай, тары түйетін келі мен келсап, піспек сияқты бұйымдарды жасаған. Ағаштан ойып жасалған кішілеу ыдыс – «тостаған» деп аталса, ас салатын жайпақ ыдыс «табақ» деп аталған (Нысанбаев, 1998, 107 б.). Ал қымыз құйып, оны ожаумен сапырып отыруға арналған шұңғыл ағаш ыдыс – тегене. Бұл бұйымды күмістелген темір әшекейлермен, асыл тастармен безендірген. Күбіде немесе сабада әбден пісілген қымыз, алдымен, осындай кең де шұңғыл ыдысқа, одан әрі аяқтарға құйылып көпшілікке таратылатын болған. Той-топырда осындай жұмысты атқарушыны «аяқшы» деген. Тегенеге құйылған қымызды саптыаяқ немесе ожаумен сапырып, аяқ-табақпен таратқан. Ағаштың өзегінен шауып жасалған сабы бар шұңғыл ыдыс «саптыаяқ» деп аталады (Нысанбаев, 1998, 107 б.).

Біз бүгін жоғарыда айтылған қолөнер шеберлердің қолынан шыққан асыл бұйымдардың ішінде ожауға арнайы тоқталмақпыз. Ожауды жалпы негізінен көбінесе қымыз сапыруға, құюға қолданылатын ыдыс деп айтады. Шұңғыл бөліктен және қолға ұстауға ыңғайлы саптан тұрады. Ожау ағаштан, металдан жасалады. Археологиялық деректерге қарағанда, ожаудың ағаштан жасалған түрлерін Орталық Азия халықтары ерте темір дәуірінде-ақ қолдана бастаған, яғни б. з. б. II-ғ да-ақ қолдана бастаған. Металл ожау XYI-XIX ғғ. кең тарады. Дәстүрлі қазақ қоғамында дастарқанның шырайын келтіретін мүлік ретінде ерекше бағаланған. Оны қазақ шеберлері әр түрлі ағаштардан (тораңғы, емен, т. б.) ойып дайындаған. Кейде сабы ою-өрнектермен безендірілген ауқатты қазақтар сәндік бұйым есебінде ожауды алтынмен, күміспен әшекейлетіп, кейде сабына асыл тас та орнаттырған.

Әзірет Сұлтан мемлекеттік тарихи-мәдени қорық мұражайының қорында осындай ожаулардың 10-н астамы сақталған. Оның ішінде ағаштан, мыстан жасалған ожаулар кездеседі. Ясауитанушы Орынбай Дастановтың «әулиелі жерлер туралы шындық» атты еңбегінде, Қожа Ахмет Ясауи кесенесі ішінде «хәлімхана» бөлмесі бар екенін айтады, яғни қазіргі асхана бөлмесі. Сол асханада екі ошақ бар, екеуіне екі үлкен қазан орнатылған. Мұнда «хәлім» пісірілетін болған. Хәлім (қазақтар «әлім» деп атаған) дегеніміз ет қосқан бидай ботқа. Ол Әмір Темірдің «уақыф гамасы» (Вакуф) бойынша, аптасына екі рет (әр дүйсенбі, жұма сайын) екі жарым батпан бидай, екі батпан еттен дайындалуға (Түркістанда бір батпан деп ауырлығы екі пұтқа тең мөлшерді атаған) тиісті болған. Мавзолейде бүгінге дейін жәдігер ретінде сақтаулы тұрған ағаштан ойып жасаған екі астау, бір шөміш бар деп көрсеткен. Асты сол үлкен шөмішпен осы екі астауға салып, қазандыққа шығарған. Сөйтіп жұма намазынан соң әркімге бір қасықтан үлестірген (О. Дастанов, 1967).

Белгілі Махмұд ал-Қашқаридің «Диван Лугат ат-Турк» еңбегінде жалпы ағаштан жасалған ыдысты «**жанақ**» деп көрсеткен. «**Жанақ**» – деп Оғыздар да ыдысты атаған екен (Қашқари, 2005). Әсілінде осы бір көне сөз «жанақпен»

домбыра, қобыздың «шанағы» бір ұғым екені даусыз. Халқымызда бұл сөздің киелілігі Жанақ деп ұлдарына есім бергенінен-ақ белгілі. Мысалы Жанақ Марабайұлы – айтыс ақыны, жыршы. Сондай-ақ басқа да атаулар бізге көне мұралармен бірге жетіп отыр. Аттың терісінен жасалған қымызды сақтайтын сабаны **«курлук»** деп айтады екен. Жалпы ожауға келетін болсақ парсы тілінде ожауды **«тәғар»** деп көрсетіпті (Жеменей, 2007).

Әзірет Сұлтан мемлекеттік тарихи-мәдени қорық мұражайының қорында сақтаулы ерекше жәдігердің бірін қолөнерші Шымкент қаласының тұрғыны педагогига ғылымының кандидаты Бәкіржан Айдарбеков 2000 жылы Түркістанның 1500 жылдық тойына арнап ожау жасап, сол ожауды мұражайға сыйға тартқан болатын. Ожаудың жасалу тарихы мен оның жасалу мақсаты жөнінде автор былай дейді: «Түркістандағы Тайқазан бірнеше жылдан бері ожаусыз тұр, (мүмкін бұрын болған да шығар) бірақ қазан тұрған жерде оның серігі ретінде жанында ожау тұру керек деп, ожауын жасауға кірістім. Әрі Түркістан қаласының 1500 жылдығын әлемдік деңгейде атап өту мерекесіне сый ретінде, мен де өнер иесі ретінде танылып, А. Яссауи кесенесіндегі қазан – дүние жүзіндегі ең үлкен Тайқазан болса, осы қазанға арнап ожау жасауға ағаш іздей бастадым. 1999 жылдың желтоқсан айыннан бастап, кімнің үйінде үлкен ағаш бар екен деп қараудамын. Ағаш іздеу оңайға түскен жоқ. Мерекелі де, берекелі Наурыз айы басталды. Наурыз айының 5-6-ларында күн қатты ысып кетті. Қатты ысып кетсе, артынан бір суық келетінін білеміз. Наурыздың 7-сі күні кешке жаңбыр, түнде қар жауып, қатты аяз басталды. Азанда талдардың бәрі ақ қырау, қар жамылып талдар қарды денесіне көтере алмай жерге жатып, жатпағаны сынып қалыпты. Күн шақшыйып төбеге көтеріліп, жер ғырт-ғырт, әдемі дауыстар естіледі. Ертеңгілік сабаққа барайын деп, қалың киініп 13 жыл бойы ары-бері сабаққа барып жүрген қуыс көшеме қарай бет алдым. **Сол жолда бір тұт ағашы аппақ қарды көтере алмай иіліп, жолды жауып тастапты, бірінші күні арасынан зорға өттік. Үш күн кесілмей жатты сол ағаш.** Мүмкін іздеп жүрген ағашым осы шығар, не де болса, үй иесінен сұрайын деп, сабақтан қайтып келе жатып үй иесінен сұрадым. Үй иесі: **«Бұл ағашты көктем шығысымен түбімен жұлдыртпасам болмайды, жер жаһанды көлеңке етіп, ештеңе өсірмейді»**, – деп кесіп алуыма рұқсатын берді. Ертесіне ағашты абайлап қырқып, керек жерін 1,5 метр кесіп, қалған ағаштарын бұтап, жинап қойдым. Кесіп алған 1,5 метр дөңкені есек арбаға салып үйге әкеліп тапша астына тастадым. Ертесінен сабағымды беріп асығып үйге келдім, тамақ ішіп болған соң, қолыма балтамды, шотымды алып, шабуды бастадым. Алты ай шаптым дегенде, наурыз айының 11-де бастап, тамыз айының 11-інде соңғы жазуын жазып, бояп, әлгі ағаштың ішінде тұрған ожауды, долбарсыз (эскизсіз) жасап шығардым. Ағаштың өзі икемделіп тұрмаса, ондай ожау шығуы мүмкін емес. Ожау бітпей жатып құйма жағы тон беріп үлгерді. **Папа Карло Буратиноны қалай шауып шықса, мен де солай шығардым. Бұл ожауды үш ай ауылда, үш ай қалада жасап, аяқтадым»** (А. Әбілхан, 2012).

Негізінен аса көп қолданысқа ие тұт ағашы жібек құртын өсіруге пайдаланылады. Оның діңінің беріктігіне қарап әлемнің көптеген шеберлері музыка аспаптарын әзірлеуге ең тиімді ағаш ретінде тұт ағашын өте жоғары бағалайтыны да сондықтан. Одан шеберлер музыка аспаптарын тұтас шауып та,

құрап та жасайды, дыбыс жаңғырту қасиеті өте жоғары болады деп есептейді (Д. Шоқпаров, 2005, 64 б.).

«Бір жыл тұт еккен кісі Жүз жыл гауһар терер». *Шығыс нақылы.*

«Тұт еккенің – құт еккенің». *Қазақ нақылы.* – **деуіде содан болар.**

Б. Айдарбеков осы ерекше туындысымен Түркістанның 1500 жылдық тойында көрмелердің көшін бастап тұрды. Бұл атаулы ожау қазіргі таңда Әзірет Сұлтан музейінің қорында КК 2622 санды нөмірімен тіркеліп, сақтаулы тұр. Автордың айтқанындай бұл керемет ожау тайқазанның сыңарындай болып, Қазақстанның көптеген қалаларында ұйымдастырылған көшпелі көрмелерде қойылып, келіп көрушілердің назарларына ұсынылды. Атап айтсақ Қарағанды, Қостанай, Павлодар, Көкшетау, Талдықорған, Ақтөбе қалаларында көрмеге қойылды.

Екі ойығы бар байқаған жанға бұл ожау екі ожаудың қоспасы іспеттес. Қызығының өзі сонда, бұл екі ойыққа анықтап қарасаңыз үкінің екі көзіне өте ұқсас болып келетінін аңғара алады. Бұндай ожауларды үкі басты ожау дейтіні сондықтан секілді. Кейбір деректерде оны бүйрек ожау деп те атайды екен. Бүйрек ожау – аты айтып тұрғандай шөміші қосарланып, бүйрек тәрізді жасалған сабы ұзын қымызға арналған ожау түрі. Бүйрек ожаумен әдетте, тегештегі қымызды сапырып, аяқ, тостағандарға құяды. Ожаудың қосбүйірлі болып келуі қымыздың құрамындағы ашу барысында пайда болған газды сапырып шығаруды қамтамасыз етеді. Саба, күбідегі қымызды шара, тегенеге қотарған соң ыдыс-аяққа құйып таратпас бұрын әбден сапыру қажеттілігінің бір қыры осында жатыр (Энциклопедия, 2011).

Иә әр заттың өз құпиясы бар. Әсіресе мұражай жәдігерлерінің бағын ашатын да, бабына келістіре таныстыратын да біздің әріптестеріміз. Танымал ұста – Бәкіржан ағамыздың бұл ожауы әлі талайға таңдай қақтырары ақиқат.

Әдебиеттер

«Қазақстан»: Ұлттық энциклопедия / Бас редактор Ә. Нысанбаев – Алматы, 1998 ж.

М. Құтышева, Бөкей Ордасы тарихи-мұражай кешенінің экскурсия жүргізушісі.

http: //kk. wikipedia. org/Ағаш

Дәркембай Шоқпаров «Қазақтың қолөнері», 55 бет. Алматы, 2005.

Қазақ халқының ұлттық тағамдары кітабы,Атамұра 2011 ж.

Қазақ ұлттық энциклопедиясы, 7 том, 107 бет.

Орынбай Дастанов, «әулиелі жерлер туралы шындық». Алматы, 1967.

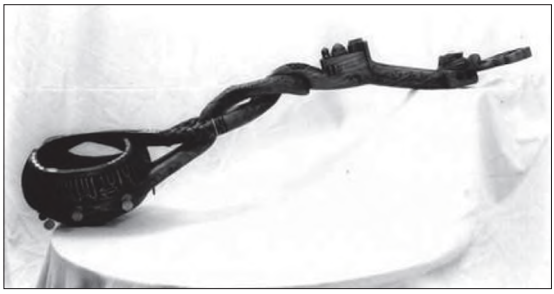
Махмұд ал-Кашгари «Диван Лугат ат-Турк», Алматы, 2005.

Ислам Жеменей, «Қазақша-Парсыша сөздік». Алматы, 2007 ж.

Ақерке Әбілхан. «Тайқазан ожауы», www. massaget. kz. 22.11.2012 ж.

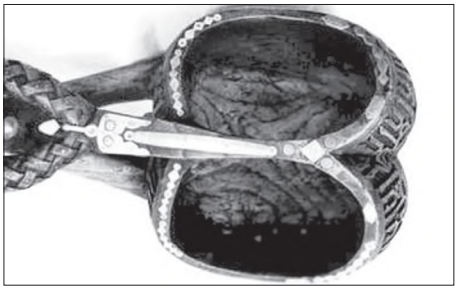
Дәркембай Шоқпаров «Қазақтың қолөнері», 64 бет. Алматы, 2005.

Қазақтың этнографиялық категориялар, ұғымдар мен атауларының дәстүрлі жүйесі. Энциклопедия. – Алматы, 2011.

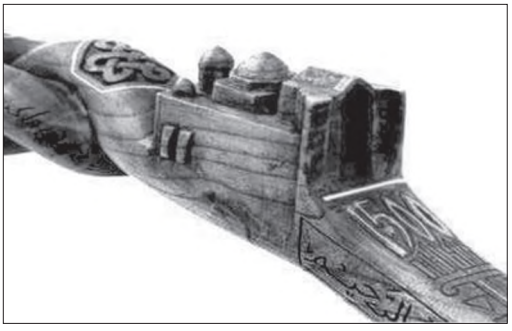

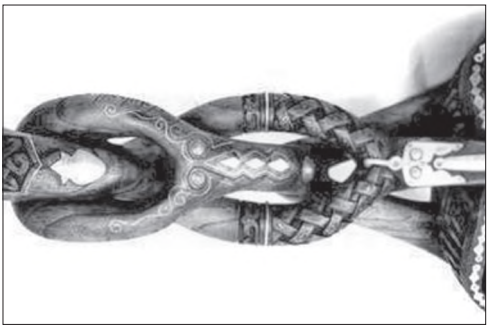
1 сурет. Ожаудың ұзындығы 115 см. Диаметрі 18 см
2 сурет. Тайқазанға арналғандықтан, ожаудың басын Тайқазандағы араб сөздерімен өрнектеген

3 сурет. Ожау түркі тілдес халықтар ұғымында достықты, бақытты, мәңгілікті, білдіретін «Қошқар мүйіз», «Бітпес», «Тұйық» сынды қазақ оюларымен әрленген. Ожаудың қос ернеуі – айқастыра киілер әжелер білезігінің көрінісін еске түсіреді
4 сурет. Әмір Темір шырағданынан алынған айдаһар басы ұшына қарай бейнеленген

5 сурет. Түркістан тойына арнайы жасалғандықтан, ожау сабының орта тұсында Қ. А. Яссауи кесенесі орын тапқан. Кесенеден төмен Түркістанның жасы, ал, екі шетіне «Бисми-л-лаһи-р – Рахмани-р-Рахим» деген Құран сөзі жазылған
6 сурет. Ожауда тек араб сөздері ғана емес, Абайдың «Өлең – сөздің патшасы, сөз – сарасы» өлеңінен «Әуелі аят, хадис – сөздің басы, Қосарлы бәйтімысал келді арасы» шумағынан үзінді жазылған

Толобаева Э. А.

Факультет истории и регионоведения КНУ им. Ж. Баласагына, г. Бишкек, Кыргызстан

К ВОПРОСУ ИССЛЕДОВАНИЯ ЭТНИЧЕСКОГО СОСТАВА ТРАДИЦИОННОГО НАСЕЛЕНИЯ КОКАНДСКОГО ХАНСТВА (исторический анализ)

Изучение этнического состава населенияе Ферганы в период Кокандского ханства актуально в общеисторическом плане. Также в том, что при создании культуры и цивилизации Ферганской долины как с древнейших времен, так и в период Кокандского ханства, как и истории, свой вклад внесли множество этнических групп, народов и народностей. Это – естественно. Кокандское ханство являлось полиэтническим ханством. В этом планеодной из актуальных проблем отечественной историографии является изучение в историко-этнографическом аспекте истории и этнографии различных этнических групп, живущих на территория, которая в настоящий момент входит в состав трех государств – Узбекистана (Андижан, Ассаке, Коканд, Кувасай, Маргилан, Наманган и Фергана), Кыргызстана (Джалалабад, Ош, Узген, а также окружающие долину с севера, востока и юга горы и предгорья) и Таджикистана (Исфара, Канибад) (Губаева, 1991, с. 4).

Ферганская долина – регион с богатой историей, сложными процессами формирования многонационального населения. Изучение этнического состава и формирования населения Ферганской долины периода Кокандского ханства проблема, привлекавшая внимание исследователей, однако для разных территориальных частей данного региона но она решалась далеко не равномерно и не полно.

Первые сведения о Фергане и ее населении относятся ко II в. до н. э. (Губаева, 1991, с. 7). В китайских источниках Фергана упоминалась еще в раннем Средневековье (под названиями *Давань*, реже *Фар-ги*, *Фар-ши*) (Бабаджанов, 2010, с. 91), которая была богатой земледельческой страной с высокоразвитой экономикой, сельским хозяйством и ремеслом.

Со второй половины VI века территория Ферганской долины находилась под властью Тюркского каганата; VII век ознаменовался первыми походами арабов на территорию нынешней Средней Азии, которую они полностью подчинили себе в первой половине VIII века. С середины IX до конца X века долина входит в состав государства Саманидов. Затем им на смену приходят караханиды (конец X – конец XII века). Начало XIII – первая половина – XIV века – период порабощения среднеазиатских народов монголами. Вторая половина XIV – конец XV века – Фергана в составе государства Тимуридов. Начало и конец XVI века – правление династии Шейбанидов. Начало и вторая половина XVII века – в составе государства Аштраханидов.

В начале – XVIII века на территории Ферганской долины возникает новое государственное объединение – Кокандское ханство – со столицей в Коканде.

Данная статья посвящена изучению этнического состава традиционного населения Кокандского ханства, так как сегодня после обретенеия независимости выходит новые данные и источники, которые требуют заново рассмотреть историю данного периода.

Этнический состав изучаемого региона в XVIII в. выглядел следующим образом: сарты, таджики, узбеки, кыргызы, казахи, кипчаки, каракалпаки, тюрки, кашгарцы, курама, арабы и уйгуры, а также некоторое количество представителей других народов, включая русских.

По данным известного кыргызского ученого – исследователя кокандского периода Кененсариева Т. К., Кокандское ханство было создано двумя этнокомпонентами: это сартия и илатия (Кененсариев, 1997, с. 5), или же как кочевое и оседлое население.

С образованием Коканда как самостоятельное ханство кыргызы были основным населением, а с XIX века если смотреть с территориальной точки зрения, они составляли большинство или значительную часть и внесли большой вклад в образование и дальнейшее развитие данного ханства.

Для изучения формирования и развития этнического состава Ферганы в период Кокандского ханства в различные исторические периоды привлекался комплекс доступных источников: археологических, письменных и этнографических, в том числе собственные полевые материалы.

Археологические источники позволяют осветить древние этапы истории данного региона, говорить о возникновении и развитии отдельных поселений.

К письменным свидетельствам относятся материалы восточных и китайских древних и средневековых историков, географов и путешественников, также статистические источники новейшего времени, содержащие сведения о народонаселении края, особенно достаточно регулярно публиковались с момента присоединения Средней Азии к Российской империи.

Историография данной проблемы раскрывает сущность и структуру Кокандского ханства. Первым российским путешественником был Ф. Ефремов, побывавший в пределах Кокандского ханства и прошедший по территории, где кочевали кыргызы от Оша до Кашгара, также упоминает об их торгово-политических связях с Кокандским ханством и Восточным Туркестаном.

Следующую важную информацию о структуре населения Кокандского ханства мы берем у Ф. Назарова, направленного в Коканд в 1813 году. В своих записках о некоторых народах и землях Средней Азии он привел немало географических, политических, исторических и этнографических сведений о Кокандском ханстве. Он провел в ханстве около года, посетив за это время наиболее крупные города Кокандского ханства. Также автор приводит интересные подробности о жизни населения Ферганской долины, быте и нравах, роли духовенства, некоторых особенностях феодального управления.

Более успешное накопление материалов о Кокандском ханстве и о его населении встречаются в обзорах и описаниях путешественников. Одни из ценнейших материалов по Фергане, в частности о Кокандском ханстве, и ее населению содержатся в трудах выдающегося ученого Ч. Ч. Валиханова. Он

прожил около полугода в Кашгарии, граничившей с Кокандским ханством. Дает сведения о кыргызах, кипчаках, минг, юз, казахах, и по его свидетельству, уже в середине XIX века в Кокандском ханстве проживало около 300 тысяч уйгуров, составлявших весомую часть населения Андижанской, Наманганской, Ферганской областей. Встречаются важные фрагменты о населении Кокандского ханства в трудах А. П. Федченко, который был отправлен по инициативе царского правительства. Он собрал не только богатейшую зоологическую и ботаническую коллекцию как ботаник, но и оставил интереснейшие записи о народах Ферганской долины, их хозяйственной деятельности, быте и обычаях, взаимоотношениях с другими народами.

Позже появляется ряд работ о внутреннем положении и торговле Кокандского ханства, написанных В. В. Вельяминовым-Зерновым по материалам, собранными от очевидцев, добросовестных русских и азиатских купцов.

В XVIII во киргизские родоплеменные группы, по сведениям китайских авторов, образовали две большие группы – западную и восточную. В восточную входили родоплеменные группы, объединявшие правое крыло, кочевавшие Тянь-Шаня, а в западную входили группы ичкиликов и некоторые группы правого и левого крыла, т. е., главным образом, современные ферганские и южные кыргызы (Петров, 1961, с. 66)

Известный археолог А. Н. Бернштам в своей статье «Источники по истории кыргызов в XVIII в.» дает сведения по данным китайских источников, что западные кыргызы находились в 300 ли (по А. Н. Бернштаму 300 ли □ 150 км) и указывает пятнадцать племен, но приводит названия только четырех: эдгене (адыгине), монголдор, черик и босто (Бернштам, 1946, с. 128).

Об этническом составе Ферганской долины и кыргызов достоверно пишет И. К. Петров, который приводит следующие данные относительно изучаемого периода: численность родоплеменной группы басыз была более 1300 кибитов, адыгине и монголдор численностью в 700 кибиток, подразделение черик численностью более 200 кибиток (Петров, 1961, с. 66).

Таким образом, по данным китайских источников Петров дает общую численность (от 1762 и с добавлениями 1782 г.) южно-кыргызских племен, которая достигала 200 тыс. человек (Петров, 1961, с. 67). Кочевавшие в горных зонах Ферганы (север, восток и юг долины) кыргызы занимались преимущественно скотоводством и соответствующими ремеслами (выделка кож, кожевенные изделия и т. п.) (Бабаджанов, 2010, с. 92). Кроме того, значительная их часть проживала в Ошском, Андижанском и Наманганском вилайетах и менее значительная в Ходженте, а также на Памире, в пределах Бухарского ханства (История Киргизской ССР, 1984, с. 503).

О численности всего населения Кокандского ханства, в том числе и кыргызских кочевников, исходит от членов кокандского посольства в Турцию в 1832-1833 гг. По их словам, население Кокандского ханства со всеми городами составляет около трех миллионов жителей, из которых 200 тыс. кибиток (История Киргизской ССР, с. 503) составляет кыргызы, каракалпаки и узбеки.

На юго-запад от Кашгара в 1770 г. кочевали подразделения сарт, тейит, найман, земли которых на севере граничили с кыргызскими племенами (Петров, 1961, с. 67).

Также сарты составляли большинство населения на территории всей Ферганской долины. Здесь проживали как тюркоязычные, так и ираноязычные сарты.

Сарты – оседлое население Ферганы, имеющее как тюркское, так и арийское происхождение, говорящее на тюркском (сартовском) или таджикском языках. В Кокандском ханстве термин «сарт» использовался в значении «оседлый, городской житель» как противопоставление термину «кочевник». Известный ученый В. В. Бартольд отмечал: «В XIX в. слово «сарт» употреблялось часто кокандскими историками, причем неоднократно упоминаются вместе «узбеки, таджики и сарты» (Бартольд, 1964, с. 527). Лучший знаток жизни и быта Кокандского ханства В. П. Наливкин говорит, что оседлое население Ферганы, носящее название сартов, состоит из узбеков и таджиков, но ввиду того, что в пределах Ферганы сарты-узбеки значительно преобладают над таджиками (Наливкин, 1886, с. 3).

Таким образом, этот этноним был неустойчив, как и многие другие обозначения этнических групп, например «кипчаки», одновременно именуемые «киргиз-кипчаками». По другим версиям, «киргиз-кипчаки» возникли в результате смешения двух этнических групп. Кроме того, в центре Ферганской долины проживала большая группа каракалпаков, которые, возможно, переселились вместе с кипчаками (Плоских, 1977, с. 37-42).

На протяжении XVII-XIX вв. к оседлому населению прибавлялись (иногда в массовом порядке) «кашгари» (кашгарцы), о чем в письменных источниках можно встретить довольно часто.

Политической истории Кокандского ханства, жизни и быта его населения. Не потеряли своего значения работы В. П. Наливкина. Труды выдающегося востоковеда В. В. Бартольда по средневековой истории и исторической этнографии имеют важное значение при решении любых научных задач, связанных с исследованием-среднеазиатского региона.

Кроме того, выходит обобщающее исследование С. С. Губаевой, посвященное основным этапам этнической истории Ферганы и этническим процессам в Ферганской долине на рубеже XIX-XX вв.

Итак, рассмотрев опубликованные работы, посвященные этническим и социальным процессам территории Ферганы периода Кокандского ханства, можно отметить, что уровень изученности вопроса формирования и развития этнического состава является недостаточным для такого значительного региона.

Существующие исследования по данному региону имели ограниченный характер либо по территориальному, либо по хронологическому признаку. Пока не существует работ, специально посвященных формированию этнического состава Ферганы периода Кокандского ханства.

Историческая информация о численности разноэтнического населения Ферганской долины в период Кокандского ханства очень скудна. Воспользуемся

сведениями востоковеда А. Куна. По оценкам автора, опиравшегося на устную информацию кокандских чиновников, в 1870-е годы в Ферганской долине проживало 132 тыс. семей оседлого и 60 тыс. семей кочевого народа. Это дает 960 тыс. человек. Если учесть, что кочевники в 1870-е годы в основном состояли из кыргызов и немногочисленных кыпчаков, то можно примерно определить количество кыргызского населения юга Кыргызстана как 350-400 тыс. человек и столько же на севере.

О точной численности коренного населения Кыргызстана в колониальный период трудно вести речь, но всё же приблизительные оценки можно дать. По подсчетам историков, основанным на разрозненных источниках, всего кыргызов было более 800 тыс. человек (Кун, 1874, с. 420-432).

Известный исследователь XIX века Р. А. Ражабов в своей докторской диссертации «История и этнография арабов Узбекистана (середина XIX – начало XXI в.)» дает сведения об образе жизни, культуре, традиционной обрядности арабов Ферганской долины. По его сведениям, арабы являлись одним из наиболее древних народов, проживающих в Фергане, обосновались в регионе еще в средние века. Придя в Мавераннахр, наряду с принятием традиций, обрядов и обычаев, присущих местным народам, они внесли большой вклад в распространение в регионе исламской религии (Ражабов, 2012, с. 3).

Анализ литературы XVIII-XIX вв. показывает, что посетившие край в этот период послы, разведчики, путешественники и ряд исследователей собрали много сведений о населении, проживавшем на территории ханства, его территориальном размещении, этнокультурных особенностях и т. д.

В целом в трудах вышеперечисленных авторов содержатся обширные фактические материалы, касающиеся этнического состава населения Кокандского ханства, что свидетельствует, о том, что данное ханство было образовано полиэтническим населением.

Литература

Бабаджанов Б. М. Кокандское ханство: власть, политика, религия. – Ташкент – Токио: Yangi nashr, 2010. – 744 с.

Бартольд В. В. Сарт // Сочинения. Т II, Ч. 2. – М., 1964.

Бернштам А. Н. Источники по истории киргизов в XVIII в. // Вопросы истории. АН СССР, 1946. – С. 126-131.

Валиханов Ч. Ч. Записки о киргизах // Собр. соч. в пяти томах. – Алма-Ата, 1985. – Т. 2. – С. 82-89.

Вельяминов-Зернов В. В. Исторические известия о Кокандском ханстве, от Мухаммеда Али до Худояр-хана. – СПб. – П,. 1856. – 42 с.

Губаева С. С. Население Ферганской долины в конце XIX – начале XX в. – Ташкент, 1991. – 127 с.

История Киргизской ССР с древнейших времен до XIX в. Т. 1. – Фрунзе, 1984. – с. 798.

Кененсариев Т. Кыргыздар жана Кокон хандыгы – Ош: ОшМу, 1997.

Кун А. Некоторые сведения о Ферганской долине // ВС. – 1874. – № 4. – С. 417-448.

Назаров Ф. Записки о некоторых народах и землях средней части Азии. – СПб., 1821.

Наливкин В. Краткая история Кокандского ханства. – Казань: Типография Императ. ун-та, 1886. – 215 с.

Петров К. И. Очерки феодальных отношений у киргизов в XV-XVIII вв. – Фрунзе, 1961. – 175 с.

Плоских В. М. Киргизы и Кокандское ханство. – Фрунзе, 1977. – 368 с.

Ражабов Р. А. История и этнография арабов Узбекистана (середина XIX – начало XXI в.): автореф. дис … д. и. н. – Ташкент, 2012. – 48 с.

Федченко А. П. Путешествие в Туркестан. – С-Пб., Москва, 1875. Т. 1. Ч. 2. – 161 с.

АРХЕОЛОГИЯЛЫҚ ЗЕРТТЕУЛЕРДІҢ ТАРИХЫ

ИСТОРИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Айтбаева А. Е.

Ә. Х. Марғұлан атындағы археология институты, Алматы қ., Қазақстан

А. Н. БЕРНШТАМНЫҢ ӨМІР ЖОЛЫ МЕН ҚЫЗМЕТІ

Александр Натанович Бернштам (1910-1956) – көрнекті археолог, шығыстанушы ғалым 1956 жылы 1-қазанда Керч қаласында большевик-революционердің жанұясында дүниеге келді. Әкесі екі революция мен Қырымдағы азамат соғысын басынан өткерген және 1920 жылы Қырымды азат ету жолында қайтыс болған әскери адам болған. Орта мектептің оқып жүрген кезінде А. Н. Бернштам Қырымдағы Н. И. Репниковтың археологиялық қазбаларына қатысты. 1928 жылы Ленинград университетіне оқуға түсіп, 1931 жылы этнографиялық бөлімде оқуын өте жақсы бітіріп шығады. Талантты жас ғалымның талабын қолдап, ұстаздары аспирантураға қалдырады. Ғалым өзінің шығармашылық жолын осы оқу ордасы қабырғасында бастайды. Ғалымның ғылыми қоғамдық қызметінің алғашқы жылдары өлкетанушылық қозғалыстарға басшылық етумен байланысты болды.

1930 жылы А. Н. Бернштам КСРО ҒА Материалды Мәдениет тарихы институтының қызметкері болып еңбек жолын бастады. Александр Бернштамның алғашқы ғылыми еңбегі «К методике построения археологических отделов в краеведческих музеях» деп аталып 1929 жылы жарыққа шықты (Бернштам, 1929). Ал алғашқы сүбелі еңбегі 1931 жылы жарық көріп, Қырым татарларының тұрғын жайларына арналды (Бернштам, 1931). Содан 20 жылға созылған белсенді ғылыми қызметінің нәтижесінде 200 ге таяу ғылыми жұмыстар жазды.

Кейіннен А. Н. Бернштамды Орта Азия археологиясы қызықтыра бастады (Советская этнография, 1957, 178 б.). 30-жылдардың басына қарай Орта Азия археологиясы дамудың ең алғашқы сатысында тұрған еді. А. Н. Бернштамға осы бір енді ғана дүние есігін ашқан жас сәбидей ғылым саласының негізін салушылардың бірі болу бақыты бұйырған ды. Ғалым тыңнан түрен түргендей Қазақстан мен Қырғызстанны кең байтақ аумағының, Тянь-Шань, Памир, Алтай және Ферғана жазығын археологиялық жағынан зерттеген көшбасшылардың бірі болды.

1936 жылдан бастап А. Н. Бернштам жыл сайын Материалды мәдениет тарихы институтының және республикалық ғылыми-зерттеу ұйымдарының ірі археологиялық экспедицияларына жетекшілік етті. Бұл экспедициялар солтүстікте Қаратау тауларынан оңтүстікте Памир тауларына дейін Шығысында Іле өзенінен Батысында Зарафшанға дейінгі ұлан-байтақ аймақты қамтыды.

1936 жылы ғалым КСРО ҒА Материалды мәдениет тарихы институты, Ғылым Академиясының Қазақ филиалы және Қырғыз КСР ғылым комитеті бірлесе ұйымдастырған Жетысу археологиялық экспедициясына жетекшілік етті. Бұл экспедиция 1936-1938 жж. Талас жазығында, 1938-1940 жж. Шу және Іле жазықтарында археологиялық зерттеулер жүргізді (Бернштам, 1950).

Талас жазығында жүргізілген барлау жұмыстары нәтижесінде Талас өзенінің жоғарғы және төменгі ағысынан, Тараз қаласы маңынан, Асы жазығынан, Шу-Талас өзен аралығынан ондаған ортағасырлық елді мекендер мен қалашықтар ашылды. Кейіннен ерекше белгілі болған Талас өзенінің жоғарғы ағысындағы Кеңкөл обасында, сондай-ақ, Берікқара, Қарғалы Жуантөбе обаларында қазба жұмыстары жүргізілді. Көшпелілердің обаларымен қатар ортағасырлық қалашықтар Тараз, Сарыг, Красная Речка, Ақ-Бешим, Қысмычы орындарында да зерттеу жұмыстары қатар жүргізіліп отырғанды. Сондай-ақ, экспедиция ортағасырлық Құлан, Аспара, Мерке қалашықтарын, сонымен катар Жетісудың солтүстік-шығыс бөлігіндегі Талғар және Дүнгене қалашығы мен Іле бойында Қойлық қалашығында қазбалар жүргізілді. (Бернштам, 1946, 110 б.).

Экспедиция жұмысы Жетісудағы отырықшы елді мекендердің хронологиялық шеңберін анықтады. 1936-1939 жж. Таразда оның басшылығымен жүргізілген қазба жұмыстары деректерінің нәтижесінде осы аймақтаға қалалар мен қалалық елді мекендердің даму сипаты анықталды. Ортағасырлық Тараз қалашығында жүргізілген кең масштабты қазбалар және оның округіндегі ескерткіштерді зерттеу нәтижесінде осы аудан археологиялық материалдарын периодизациялау ұсынылды, қала дамуының негізгі этаптары айқындалды, қала аймағының құрылу жолы анықталды.

1939 жылы Жетісу археологиялық экспедициясы Алматы облысы территориясында зерттеу жүргізді. Экспедиция маршруты төмендегідей болды: Алматы, Іле жазығы бойынша, Талғар, Есік, Түрген, Шелек, Сөгеті жазығы, Шарын, Көктал т. б. Маршруттың жалпы ұзындығы 1500 шақырымға дейін созылды. Бұл жұмыстардың нәтижесінде барлау жұмыстары жүргізілген аудандарының археологиялық картасы құрастырылып, ескерткіштердің сипаттамасы және топонимикалық түсірілімі жасалды (пам стар). А. Н. Бернштамның Алматы қаласын археологиялық зерттеуде қосқан үлкен үлесінің бірі – Алматыдағы отырықшы елді мекендердің жүйесін негіздеу болып табылады.

А. Н. Бернштамның «Прошлое района Алма-Ата» атты еңбегі сол уақытқа дейін жинақталған ақпаратты жүйелеумен қатар, ғылыми айналымға жаңа материалдарды енгізген құнды мәлімет көзі болып табылады. Еңбекте қала орнындағы б. з. д. III мыңжылдықтан кейінгі ортағасырға дейінгі қоныстану көрсетілді. Сонымен қатар, Бернштам Алматының тарихи өткенінің көптеген кезеңдері бойынша археологиялық материалдардың аздығын атап көрсетеді (Бернштам, 1948, 91 б.).

Осы зерттеулер нәтижесінде Жетісу тарихына арналған көп материалдарға қол жеткізілді. Бұл жұмыстар нәтижелері ғалымның «Солтүстік

Қырғизияның археологиялық очеркі» (Бернштам, 1941), «Талас жазығының ескілік ескерткіштері» (Бернштам, 1941), «Жетісу археологиялық экспедициясы еңбектері. «Шу жазығы» (Бернштам, 1950), сондай-ақ «Жетісу археологиялық экспедициясы еңбектері. Талас жазығы» атты жарық көрмей қалған монографиясында жүйеленген.

Осы Жетісу археологиялық экспедициясы нәтижесінде Жамбыл (қазіргі Тараз) қаласында Оңтүстік Қазақстанда стационарлы археологиялық зерттеулер жүргізетін археологиялық пункт ашылып, осы пункт аясында Археологиялық мұражай жұмысын бастады (Бернштам, 1946, 111 б).

Экспедиция жұмысы нәтижесінде ортағасырлық қала орындарынан өзге Қарғалы 1, Қайыңды секілді қола дәуірі ескерткіштері ашылды. Осы ескерткіштерден табылған материалдар негізінде ғалым Жетісу өлкесінде оңтүстік сібірлік қоладан өзге «батыстық» әсер де байқалатынын және орта қола дәуірі мәдениетінің солтүстік-қырғыздық вариантын атап көрсетті (Бернштам, 1946, 111 б.). Ұлы Отан соғысының басталуымен 1941 жылы А. Н. Бернштам Үлкен Шу каналы құрылысының салынуына байланысты археологиялық экспедицияға басшылық етті. Бұл экспедиция жұмысы нәтижесінде Қырғызстан тарихы бойынша көптеген материалдар жинақталды.

Қырғызстанда жүріп, А. Н. Бернштам «Қырғыздар мен Қырғызстанның ежелгі дүниеден монғол шапқыншылығына дейінгі тарихы» тақырыбында докторлық диссертациясын жазуды аяқтап, 1942 жылдың 24 тамыз айында қорғады. Зерттеудің негізгі иедясы – қырғыз этносының қалыптасуы ирантілдес жергілікті тұрғындар мен сырттан келген түркітілдес тайпалардың көпғасырлық қарым-қатынасының нәтижесі болғаны болып табылды (Бернштам, 1950). Бұл шығарма ғалымның көзі тірісінде жарық көрмеді. Кейіннен қырғыз әріптесер А. Н. Бернштамның қырғыз тарихына арналған екі томдық жинағына енді (Бернштам, 1997).

1944, 1946, 1949 жылдары Тянь Шань экспедияциясына басшылық етіп, Қырғызстан аумағын археологиялық жағынан зерттеуді жалғастыра берді.

Қазақ КСР Ғылым академиясының құрылуымен Қазақстан археологиясының дамуында жаңа кезең басталды. 1947 жж. А. Н. Бернштам жетекшілік еткен Оңтүстік Қазақстан археологиялық экспедициясы жұмысын бастады. Бұл экспедиция 1947-1952 жж. аралығында барлау, қазба, зерттеу жұмыстарын жүргізді.

Александр Натанович жетекшілік еткен жиырма археологиялық экспедиция жұмысы нәтижесінде ғылым үшін қола дәуірінен б. з. XVIII ғасырына дейінгі уақытты қамтитын дәуірлер тарихынан мәлдімет беретін үлкен көлемді материалдар жинақталды. жаңа ескерткіштерді фиксациялап және сипаттап қоймай, қолда бар дерек көздерін пайдалана отырып, бұл ескерткіштерге таризхи интерпретация жасауға ұмтылды. Осы жерде айта кететін жәйт. А. Н. Бернштам қытай және ерте түріктік жазба деректерді түппнұсқадан оқи алатыны бұл жұмыстарда ғалымның үлкен нәтижелерге жетуіне мүмкіндік берді.

Археология саласында ғалымның ашқан ірі жетістіктері – экспедициялар нәтижесінде жинақталған материалдар нәтижесінде Жетісудың тарихын қола дәуірінен бастап б. з. XV ғасырына дейінгі уақытты қамтитын археологиялық ескерткіштерін кезеңдеуі болып табылады. «Среднеазиатская древность и е изучение за 30 лет» атты мақаласында ғалым өңір тарихын кезеңдеуде осыған дейін орын алған жаулап алулар бойынша кезеңдеуден бас тартып, мұсылмандыққа дейінгі уақытты келесідегідей кезеңдерді бөліп көрсетті:

1. Скиф-соғдылық б. з. д. VII-IV ғғ.
2. Сақ-хорезмдік б. з. д. IV-III ғғ. (380-250)
3. Кангюй-парфяндық б. з. д. III-II ғғ. (250-140)
4. Кушан-Тохарстандық б. з. д. II ғғ. (б. з. д. 140- б. з. 180)
5. Кейінгі Кушандық б. з. II-V ғғ. (180-420)
6. Ғұн-эфталиттік б. з. V-VI ғғ. (420-570)
7. Түрк- соғдылық б. з. VI-VII ғғ. (570-783) (Бернштам, 1947, 91-92 бб.).

Бұл бағыттағы жұмыстар Жетісумен көршілес Тянь-шань, Ферғана және Памир-Алтай аумақтарында да өз жалғасын тапты (Бернштам, 1952, 111 б.).

Өзінің «Очерки истории Семиречья», «Древняя Фергана», «Древнейшие тюркские элементы в этногенезе Средней Азии» атты еңбектерінде Қырғызстан, Қазақстан және Өзбекстан халықтарының тарихының өзекті мәселелерін жіктеп көрсетеді.

Түркі халықтарының этногенезі мәселесінде ғалым Жетісудағы ғұн тайпаларының пайда болуы мен әсері мәселесін ерекеше ден қоя отырып көтереді. Ғалым түркілер тарихына үңіле отырып, ғұндар тарихына да қалам тартты, ғұн тарихына арналған бірнеше еңбектер жазды (Бернштам, 1937, 947-968 бб., Бернштам, 1940, 51-77 бб., Бернштам, 1956). 1938-1939 жж. Талас маңындағы Кеңкөл обасы анықталды (Бернштам, 1940, 34 б.). Ал осы саладағы сүбелі еңбегі ретінде біз 1951 ж. жарық көрген «Ғұндар тарихының очерктерін» атап көрсете аламыз (Бернштам, 1951, 256 б.). Бұл еңбегінде ғалым әлеметтік құрылымының ерекшелігі, ғұндардың тайпалық мемлекеттік ұйым ретінде құрылуы және алғаш рет Азия мен Европаның көптеген елдерінің тарихи дамуына әсер еткен Халықтардың Ұлы қоныс аудару үрдісіне алып келген ғұндардың оңтүстік эәне солтүстік болып екіге бөліну үрдісінің мағызы ашып көрсетіледі. Бұл еңбек 50-жылдары саяси жағдайға байланысты қатаң сынға ұщырады және «өте үлкен саяси қателіктер жіберілген» деп айыпталған болатын. Ғалымды «жаулап алу соғыстарының аппологеті» деп кіналап, еңбекте ғұндардың ролі асыра күшейтіліп көрсетілген дей келе «пантюркизмге» қатысы бар деп санады. А. Н. Бернштам ұстаздық қызметінен және экспедициялық жұмыстардан аластатылды (Бернштам, 1997, 8-9 бб.).

Археологиялық жұмыстардан өзге ғалым түркология сласында да көп еңбек сіңірді. Аспирантурада оқып жүргенде-ақ А. Н. Бернштам ірі тюркологтар С. Е. Малов пен А. Н. Самойловтың жетекшілігімен ертетүріктік руналық жазуларды оқып үйреніп, ертетүріктік жаба ескерткіштерді зерттеумен айналысты. Түрік мемлекеті тарихының дерек көзі ретінде орхон-енисей

жазбаларын зерттеу нәтижесінде А. Н. Бернштам VI-VII ғғ. түрік тайпаларының әлеуметтік экономикалық өмірі мен саяси құрылысын зерттеумен айналысып, осы тақырыпта бірнеше ғылыми мақалалар жазды (Бернштам, 1935, 43-54 бб.).

1935 жылы А. Н. Бернштам «Б. з. VI-VIII ғғ. ертетүріктік қауымның әлеуметтік-экономикалық құрылысы. Түріктер Монғолияда» тақырыбында кандидатттық диссертациясын қорғады. Ал кейіннен өзгертілулер мен толықтырылулардан соң «VI-VIII ғғ. орхон-енисей түріктерінің әлеуметтік-экономикалық құрылысы. Шығыс түрік қағанаты және қырғыздар» атауымен жарық көрді (Бернштам, 1946, 207 б.).

А. Н. Бернштам түркі, ғұн тарихымен қоса үйсіндер тарихына да қалам тартты (Бернштам, 1947, 41-47 бб.)

Сонымен қатар, ғалым түркі және ұйғыр эрпиграфикасы мен нумизматикаға арналған бірнеше мақалалар жазды (Бернштам, 1956., 1952).

А. Н. Бернштам кезінде В. В. Бартольд жазба деректерге сүйене отырып қарастырған соғдылық отарлау мәселесін зерттеуді жалғастырды. Өзінің «Согдийская колонизация Семиречья» атты еңбегінде осы аумақтың соғдылық отарлауға дейінгі тарихи-мәдени және әлеуметтік-саяси дамуын қарастырып, кезеңдеу мәселелеріне тоқталады. Ғалым VI-VIII ғғ., яғни батыс түркілер және түргештер билігі кезеңінде Жетісуға Зеравшан аумағынан қоныс аударған соғдылықтар әсерінен аймақ тарихы өзгерді деп атап көрсетеді (Бернштам, 1940, 34-43 бб.). Бұл мәселе ғалымдар арасында әлі күнге дейін талас тудыруда.

А. Н. Бернштамның ғылымға сіңірген үлкен еңбегі – В. В. Бартольд пен Н. Я. Бичуриннің классикалық еңбектерін қайта жарыққа шығаруда көп септігі тиді. В. В. Бартольдтың «Очерки истории Семиречья», «Киргизы» (1943) және Н. Я. Бичуринның «Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена» (1950) атты еңбектерін даярлау және қайта шығаруы болды.

1956 жылдың 10 желтоқсанында бар жоғы 46 жасында әйгілі ғалым дүниеден озды. Санкт-Петербург қаласындағы Богословское бейітіне жерленді.

Қорыта келе, А. Н. Бернштам Қырғызстан мен Қазақстанның ежелгі тарихын зерттеудің негзін салды деп айтуға болады. Ол тек археолог, этнограф қана емес, тарихшы, көптеген теориялық мәселелерді қоя білген және шешімін табуға тырысқан. А. Н. Бернштам мақалаларында тек жаңа мәліметтер ғана жарияланып қойған жоқ, сонымен қатар тарихи топография, қала және оның тарихи-мәдени байланыста салынуы, Қазақстанның оңтүстігі мен Жетісудың көшпелі және отырықшы тайпаларының өзара қатынасы, ортағасырлық қала тарихының маңызды проблемалары да біршама шешімін тапты.

Ғылымға сіңірген еңбегі үшін А. Н. Бернштам Қырғыз КСР «Ғылымға еңбегі сіңген қызметкері» және «Еңбек Қызыл Ту орденімен» және «Ерен еңбегі үшін» медалімен марапатталған (Советская археология, 1957, 290 б.).

Ғалымның ғылыми қызметі 25 жылға созылды және артына бай мұра қалдырды. Ғалым еңбектерінің саны 150 ден аса, ал кітаптары 20 шақты. Бұл көлемі жағынан да, мазмұны жағынан да аса құнды еңбектер болып табылады.

Әдебиеттер

Бернштам А. Н. Кенкольский могильник. – Л., 1940. 34 с.

Бернштам А. Н. Археологический очерк Северной Киргизии. – Фрунзе, 1941.

Бернштам А. Н. Памятники старины Таласской долины. Историко-археологический очерк. – Алма-Ата, 1941.

Бернштам А. Н. Социально-экономический строй орхоно-енисейских тюрок VI-VIII вв. Восточнотюркский каганат и киргизы. – М.-Л., 1946. – 207 с.

Бернштам А. Н. Прошлое района. – Алма-Ата, 1948. – С. 91.

Бернштам А. Н. Очерк истории гуннов. – Л., 1951. – 256 с.

Бернштам А. Н. Избранные труды по археологии и истории кыргызов и Кыргызстана. – Бишкек. – Т. 1. – 1997; Т. 2. – 1998.

Бернштам А. Н. // Советская этнография. – 1957. – № 1. – С. 178.

Бернштам А. Н. // Советская археология. – 1957 № 1 289-290 бб.

Бернштам А. Н. К методике построения археологических отделов в краеведческих музеях. «Методический сборник», 1929.

Бернштам А. Н. Жилище Крымского предгорья. «Изв. ГАИМК». Т. IX, вып. 6-7, 1931.

Бернштам А. Н. Происхождение турок. К постановке проблемы. – ПИДО, 1935, № 5-6, 43-54 бб.

Бернштам А. Н. Наследственность и выборность у древних народов Центральной Азии. – ПИДО, 1935, № 7-8, 160-174 бб.

Бернштам А. Н. Гуннский могильник Ноин-Ула и его историко-археологическое значение. – ИАН СССР. Отд. обществ. наук, 1937, № 4, 947-968 бб.

Бернштам А. Н. Из истории гуннов I в. до н. э. (Ху-хань-е и Чжи-чжи-шаньюи). – СБ, т. Бернштам А. Н. 1, 1940, 51-77 бб.

Бернштам А. Н. Археологические работы в Семиречье // КСИИМК, 1940. IY. 42-48 бб.

Бернштам А. Н. Согдийская колонизация Семиречья. – КСИИМК, вып. VI, 1940, 34-43 бб.

Бернштам А. Н. Некоторые итоги археологических работ в Семиречье // КСИИМК, 1946. Вып. XIII. 110-118 бб.

Бернштам А. Н. К вопросу об усунь // кушан и тохарах // СЭ, 1947. № 3. 41-47 бб.

Бернштам А. Н. Среднеазиатская древность и ее изучение за 30 лет. ВДИ, 1947, № 3.

Бернштам А. Н. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая, № 26, МИА, 1952.

Бернштам А. Н. Труды Семиреченской археологической экспедиции. «Чуйская долина» [Введение; гл. I, чч. I-II; гл. II; Заключение]. МИА, 14. – М.-Л., 1950.

Бернштам А. Н. Древнетюркские рунические надписи из Ферганы. ЭВ, XI, 1956.

Бернштам А. Н. Уйгурская надпись из Эрши (Фергана). ЭВ, VI, 1952.

Зинченко С. А.

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», г. Москва, Россия

С. С. ЧЕРНИКОВ И ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ ПАМЯТНИКОВ ЧИЛИКТИНСКОЙ ДОЛИНЫ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Первые упоминания об археологических памятниках, происходящих с территории Восточного Казахстана, приходятся на время переселения русских крестьян на «вольные земли» Сибири и связаны со случайными находками, либо с разграблением курганов («бугров») во второй половине XVII века.

За первыми попытками в начале XVIII века сохранить эти находки (указы Петра I, создание им же «Сибирской коллекции») позднее последовали в Сибирь и первые научные экспедиции: экспедиция датского учёного Д. Г. Мессершмита (1721 г.), затем первая и вторая академические экспедиции, в составе которых были Г. Ф. Миллер, И. Г. Гмелин.

Г. Ф. Миллер, совершая поездку по Сибири в составе Первой Академической экспедиции (1733-1743 гг.), исследовал и территорию Восточного Казахстана (Верхнее Прииртышье), регистрируя археологические памятники и производя раскопки курганов близ Усть-Каменогорска и в Семипалатинской области (Миллер, 2005, с. 472-507; Андреев, 2005, с. 72).

В работах И. Г. Гмелина и Х. Барданеса, участников Второй Академической экспедиции (1768-1774 гг.), упоминаются курганы и могильники в Семипалатинской области (упоминание об этом см. Археологическая карта Казахстана, 1960, с. 9; Археологические памятники, 1987, с. 6). Но эти исследования носили предварительный характер.

Серьёзные и методические исследования для памятников на территории долины Шиликты (Чиликтинской) начались только в середине – второй половине XX века. В 2014 году исполняется 105 лет со дня рождения Сергея Сергеевича Черникова (1909-1976 гг.) – известного археолога, исследователя памятников долины Шиликты (Чиликтинской). Именно с его именем связаны первые подлинно научные археологические исследования памятников Чиликтинской долины. Начало этим исследованиям было положено в 1949 году, когда была проведена разведка под руководством Восточно-Казахстанской экспедиции Ленинградского отделения Института археологии СССР (руководитель С. С. Черников) (Черников, 1951; Черников, 1962). Как пишет С. С. Черников, «задачи экспедиции – проверка сведений об археологических памятниках Чиликтинской долины» (Черников, 1951, с. 144)[51]. В 1960 году Восточно-Казахстанская экспедиция Ленинградского отделения Института археологии СССР под руководством С. С. Черникова раскопала в Чиликтинской долине курганы № 5, 3, 4 (Черников, 1960; Черников, 1962; Черников, 1964; Черников, 1972). В 1971-1972 гг. С. С. Черников возобновил исследования Чиликтинского могильника: в 1971 го-

[51] В результате этих исследований был раскопан курган № 7 (Черников, 1951).

ду были продолжены раскопки кургана № 35 (Черников, 1972); в 1972 году были исследованы курганы 2-а, 10, 35 (Черников, 1972).

Сергей Сергеевич изучал памятники Чиликтинской долины не только как полевик, но и исследовал архивные материалы, связанные как с раскопками, так и с просто упоминаниями об интересующих его объектах. С. С. Черникова отличало очень серьёзное отношение к исследуемому материалу. Анализируя историю изучения памятников Чиликтинской долины, он детально просматривал любое свидетельство, любое упоминание о чиликтинских памятниках. Особенно его привлекал материал, связанный с исследованиями либо просто упоминанием памятников, относящийся к второй половине XIX – началу XX века, так как именно этот период стал временем первых попыток изучения курганов Шиликты. Но в своей работе «Загадка Золотого кургана», С. С. Черников приводит самую малую часть проведённой им работы с архивными материалами (Черников, 1965, с. 10-11).

Изучение метода работы С. С. Черникова, и прежде всего работы с архивными материалами, было интересно для автора статьи с точки зрения полноты анализа исследуемого материала. Для этого автором статьи был детально изучен как фонд С. С. Черникова, так и большинство архивных материалов, связанных с изучением памятников Чиликтинской долины во второй половине XIX – начале XX века.

Первые сведения, свидетельствующие об интересе к памятникам Чиликтинской долины, как пишет С. С. Черников, «появились в «Томских областных известиях за 1869 г., № 29» (Черников, 1965, с. 10).

В данных по Чиликтинской волости за 1879 год приводятся следующие факты: «по Чиликтинской долине находится ряд курганов, пересекающих долину от хребта Монрак до Тарбагатайского хребта, кроме того близ Чаган-Обо тоже два кургана с ямами и камнями» (Черников, 1965, с. 10-11; фонд С. С. Черникова, д. № 54, инвентарная карточка 25).

В работе С. С. Черникова также были приведены сведения о том, что материалы по памятникам Чиликтинской долины упомянуты в «Сибирской газете» № 9 за 1881 год (Черников, 1965, с. 10).

В связи с интересом к памятникам Чиликтинской долины возможно упомянуть и дело о выдаче в 1889 году Императорской археологической комиссией открытых листов на право раскопок курганов в Усть-Каменогорском и Зайсанском уездах Семипалатинской области членам Семипалатинского статистического комитета – потомственному гражданину Н. В. Новопашенному и врачу Г. И. Гизлеру[52]. Но так как раскопки не производились, хотя есть сведения, что Н. В. Новопашенный выезжал в Усть-Каменогорский и Зайсанский уезды, невозможно ответить однозначно, насколько был связан маршрут поездки Н. В. Новопашенного с посещением памятников Чиликтинской долины (О раскопках действительными членами Семипалатинского областного статистического комитета – потомственным почётным гражданином Н. В. Новопашен-

[52] Эти архивные данные не упоминаются в записях С. С. Черникова, и информация по этому вопросу не представлена в Фонде С. С. Черникова.

ным и врачом Г. И. Гизлером курганов в Усть-Каменогорском и Зайсанском уездах Семипалатинской области, 1889).

В 1896 году семипалатинский краевед В. П. Никитин составил «Краткое описание памятников древностей Семипалатинской области», где указывал, что «по Чиликтинской долине по направлению с севера на юг, т. е. от Монрака к Тарбагатаю тянется непрерывный ряд курганов, числом до 70, из которых 20 резко выделяются большими размерами. Все курганы одного и тоже характера: насыпи сверху имеют воронкообразное углубление, а кругом обложены несколькими концентрическими кругами из камней» (Никитин, 1896, с. 23-24; Никитин, 1902, с. 104).

Следующий виток интереса к чиликтинским древностям возникает в связи с тем, что в дар Императорской Археологической Комиссии в 1899 году была принесена А. П. Плаховым «золотая пластинка, украшенная зернью и гнёздами, найденная в Новочеркасском прииске Зайсанского уезда» (Отчёт Археологической комиссии, 1902, с. 123). Судя по рисунку (Отчёт Археологической комиссии, 1902, с. 123, рис. 277), пластинка представляет собой часть некоего предмета. Возможно предположить, что выполнена данная вещь в технике напайки зерни и чем-то отдалённо напоминает обоймицу от ремня из Чиликтинского кургана № 5. Находка, согласно записи С. С. Черникова, была передана в Государственный Эрмитаж (Фонд С. С. Черникова, д. № 54, карточка 111).

В 1901 году было составлено письмо с описанием Чиликтинской долины и курганов, расположенных на её территории (Фонд ИАК, 1901, д. № 148, листы 10-13). На эти данные также ссылается С. С. Черников (Фонд С. С. Черникова, д. № 54, карточка 116). Но А. П. Плахов раскопки не производил, пропав с полученной на исследования суммой (Черников, 1965, с 10-11; Фонд ИАК, 1900, д. № 107; Фонд ИАК, 1901, д. № 148).

Достаточно подробное описание памятников Чиликтинской долины принадлежит другому семипалатинскому краеведу Н. Коншину, составившему обширный перечень археологических памятников, вышедший в 1903 году (Коншин, 1903,С. 1-32; Черников, 1965, с. 10; Археологическая карта Казахстана, 1960, с. 14-15; Археологические памятники, 1987, с. 7). Приводя данные, связанные с исследованиями Н. Коншина, С. С. Черников при этом отмечает, что «последний (Н. Коншин. – *С. 3*), основываясь на опросах волостных старшин, указывал, что в Чиликтинской долине в 72 пунктах находятся 1675 курганов. Сведения эти оказались преувеличены» (Черников, 1965, с. 10).

В 1904 году Императорская Археологическая комиссия выдаёт открытый лист на имя Семипалатинского подотдела Западно-Сибирского Русского Географического общества на право раскопок в Зайсанском уезде Семипалатинской области (О раскопках Семипалатинского подотдела Западно-Сибирского Русского Географического общества, 1904). По этому открытому листу летом 1909 года, как было заявлено в письме распорядительного комитета Семипалатинского Подотдела Западно-Сибирского Русского Географического общества в Императорскую Археологическую комиссию от 7 марта 1912 г., гидротехник Семипалатинской переселенческой партии Г. И. Бокий начал

раскопки «одного из самых больших курганов в Чиликтинской долине Зайсанского уезда Семипалатинской области» (Переписка Семипалатинского подотдела Западно-Сибирского Русского Географического общества и Императорской Археологической комиссии, 1912). По мнению С. С. Черникова, курган, раскопанный Г. И. Бокием, – это большой курган в урочище Чаган-Обо (Черников, 1965, с. 11)[53]. Раскопки Г. И. Бокия в 1909 году ощутимых результатов не дали, т. к. большой обвал выемки[54] заставил прекратить работы. Летом 1909 года, как было написано в вышеназванном письме, «…Бокием на средства Академии наук были продолжены раскопки кургана, начатые в 1909 году. В этот раз дошли до сруба[55], помещённого внутри кургана. Но случившийся второй обвал всей выемки опять не позволил вскрыть могилу. Таким образом, двукратная попытка раскопать курган не дала положительных результатов» (Переписка Семипалатинского подотдела Западно-Сибирского Русского Географического общества и Императорской Археологической комиссии, 1912)[56].

Приостановление работ, связанных с раскопками Г. И. Бокия вызвало со стороны Императорской Археологической комиссии запрос на выдачу открытого листа за 1904 год. В ответ на запрос распорядительный комитет (Переписка Семипалатинского подотдела Западно-Сибирского Русского Географического общества и Императорской Археологической комиссии, 1912) Семипалатинского Подотдела Западно-сибирского Русского Географического общества в Письме Распорядительного Комитета Семипалатинского подотдела Западно-Сибирского отдела Императорского Русского Географического общества и Императорскую Археологической комиссии от 7 марта 1912 года сообщает о результатах исследований и обращается вновь с просьбой «…о высылке подотделу открытого листа на право раскопок в Семипалатинской области в 1912 году» (Переписка Семипалатинского подотдела Западно-Сибирского Русского Географического общества и Императорской Археологической комиссии, 1912). К сожалению, сведения о раскопках отсутствуют.

В 1910 году В. Н. Каменский совместно с А. Белослюдовым и В. Пилетичем отправляется в экспедицию для раскопок курганов в Семипалатинской области, собранную на средства Русского комитета по изучению Средней и Восточной Азии. Судя по запискам В. Н. Каменского, памятники Чиликтинской долины производили сильное впечатление: «По дороге в Зайсан я видел много курганов, из которых отмечу у Чёрной могилы близ Кокпектов и особенно группу больших курганов недалеко от тракта и не доезжая пикета Джус-Агач. Они

[53] См. также отчёт В. И. Каменского (Архив МАЭ, к коллек. 1726/2) – данные даются по архиву С. С. Черникова (Фонд С. С. Черникова, д. № 31, с. 20).

[54] На то, что территория близ кургана Чаган-Обо обладает нетвердыми почвами, а также на наличие причин для оползней указывает Д. Троицкий, изучавший почвы Чиликтинской долины (Троицкий Д. Чиликтинская долина (почвенный очерк), 1914, с. 8, 10).

[55] В архиве С. С. Черникова, в материалах, посвященных раскопкам Г. И. Бокия, встречены следующие данные: «В другом отношении «дошли до кладки» (Фонд С. С. Черникова, ф. 81, лист 105).

[56] См. также отчёт о деятельности Семипалатинского подотдела за 1909 г. с протоколами общих собраний членов подотдела и заседаний Распорядительного комитета (Записки Семипалатинского Подотдела Западно-Сибирского отдела Русского Географического общества, 1911, с. 1-32).

имеют вид земляных, высотою в сажени в две, обнесены вокруг рвом и имеют в окружности шагов 150-170. На вершине их виднеются небольшие естественные впадины от оседания почвы. Они производят впечатление своей сохранностью и внушительностью размеров. Точно такие же курганы я видел в долине Чиликты по дороге из Зайсана мимо волостного дома на пост Кизеун и в долине Чаган-Обо, где раскапывал Глеб Иванович Бокий свой огромный курган… недалеко от кургана г. Бокия есть ещё два кургана такого же образца, но значительно меньше по размерам… По всей Чиликтинской долине насчитывают свыше одной тысячи курганов, из них раскопаны далеко не все. Из них некоторые только начаты и брошены, как, например, известный курган г. Плахова» (Отчёт В. И. Каменского[57]).

В работе экспедиции В. И. Каменского принимали участие студенты Горного института Г. Бокий и Н. Бобков. Раскопки производились несколькими отрядами, Г. Бокий исследовал курганы в долине р. Чиликты. Согласно данным, представленным во «Введении в отчёт по экспедиции», «Г. Бокий направляется в долину Чиликты к перевалу Чаган-Обо» (Введение в Отчёт по экспедиции В. И. Каменского[58]; Археологическая карта Казахстана, с. 15, с. 189 – № 2750).

В том же 1910 году Академия наук собирается отправить в этот район ещё одну экспедицию, финансируемую за счёт Русского археологического комитета. О чём и было сообщено в заметке, опубликованной в «Омском вестнике» № 123 от 11 июня 1910: «В настоящем году Академией наук предпринято рекогносцировочное исследование Зайсанского уезда, ввиду обнаруженных там в прошлом году ценных научных находок Н. Н. Беляевым и чинами переселенческого гидротехнического отдела. Предполагается произвести раскопки некоторых курганов в Челектинской долине (сохранена орфография источника – *С. З.*) и в юго-западной части Зайсанского уезда… Деятельное участие принимает академик Василий Васильевич Радлов» (ИАК, 1910, с. 123). К сожалению, экспедиция не состоялась.

В 1914 году по сообщениям М. Чернова, Горбатова, Титова[59] и Бейсембая Байбулова[60] «Записки по истории и этнографии киргизов» приводится описание памятников Чиликтинской долины (Байбулов, Горбатов, Титов, Чернов М. Заметки по истории и этнографии киргизов. – 1914. – 16 с.) Как указывает С. С. Черников, ссылаясь на вышеприведенный источник, исследователи отмечают, что в Чиликтинской долине насчитывается до 60 курганов, содержащих лошадей, сёдла и т. п. (Фонд С. С. Черникова, д. 54, л. 88; Черников, 1965, с. 142, прим. 7). Более детальное ознакомление с первоисточником приводит к инте-

[57] Данные приводятся по архиву С. С. Черникова (Фонд С. С. Черникова, д. № 31, с. 20-21).

[58] Данные приводятся по архиву С. С. Черникова (Фонд С. С. Черникова, д. № 31, с. 2).

[59] Инициалы Горбатова, Титова, также как и полные инициалы М, Чернова, не приведены в первоисточнике (см. Байбулов Б., Горбатов, Титов, Чернов м Заметки по истории и этнографии киргизов // Записки Семипалатинского подотдела Западно-Сибирского отдела Русского Географического общества, вып. 8, 16 с.)

[60] В Примечании 7 к главе «Золотой курган» С. С. Черников приводит фамилию данного информатора как Бакбулов (Черников, 1965, с. 142, прим. 7). Неверно записана эта фамилия и в архивных записях, хранящихся в Фонде С. С. Черникова (Фонд С. С. Черникова, д. 54, л. 88).

ресным результатам. Так, по сообщению Титова, «курганы находятся по всей Чиликтинской долине. Всего их насчитывается до 60. По разсказам (авторская орфография сохранена. – *С. З.*) – эти курганы суть памятники умерших китайцев. Величина кургана зависела от положения и богатства умершего китайца. Зарыты в этих курганах вместе с покойниками лошади с седлами, на которых ездили умершие при жизни. Вместе с богатыми умершими китайцами зарывались ценности, как-то слитки серебра, вещи, кинжалы и т. п. Некоторые курганы выложены из плитняка и засыпаны землей. В семи верстах от волостного дома из раскопанного киргизами лет 30 тому назад кургана взято до 10 камней с высечками фигуры человека и лица человека. Камни эти увезены в г. Зайсан» (Байбулов Б., Горбатов, Титов, Чернов М. Заметки по истории и этнографии киргизов, 1914, с. 6-7). Вполне возможно, что Титов использовал свидетельства, которые были связаны с фольклорной традицией. Приведенные им сведения, вероятно, важны для него прежде всего с точки зрения сбора этнографического материала[61]. Только так могут трактоваться факты, связанные с наличием в захоронениях лошадей и конской упряжи, что не было подтверждено дальнейшими раскопками С. С. Черникова (Черников, 1960, с. 19; Черников, 1965, с. 24). Вполне возможно, что явный фольклорный характер приведенного Титовым материала и не привлёк С. С. Черникова – сведения об ознакомлении с данным источником в архивных записях, сделанных С. С. Черниковым, имеются, но крайне скудны (Фонд С. С. Черникова, д. 54, л. 88).

Тщательное изучение истории изучения памятников Чиликтинской долины, проведённое С. С. Черниковым, показало, насколько важен был период второй половины XIX – начала XX в., период, в течение которого начал формироваться научный интерес к археологическим памятникам данного региона.

Литература

Андреев А. И. Труды Г. Ф. Миллера в Сибири // Миллер Г. Ф. История Сибири. Т. I. – М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2005. – С. 66-149.

Археологическая карта Казахстана. Реестр. – Алма-Ата: Издательство Академии наук Казахской ССР, 1960. – 484 с.

Археологические памятники в зоне затопления Шульбинской ГЭС. – Алма-Ата: Наука, 1987. – 280 с.

Байбулов Б., Горбатов, Титов, Чернов М. Заметки по истории и этнографии киргизов // Записки Семипалатинского подотдела Западно-Сибирского отдела

[61] Достаточно близко по характеру изложения материала сообщению Титова сообщение м Чернова: «В Монракской волости древних памятников и могильных камней не сохранилось, да и были ли таковые в районе волости – сведений нет. Имеются курганы, о которых говорят, что в них зарыты останки знаменитых воинов и что с последними зарывались их золотые изображения, драгоценное оружие и все те же вещи, которые почившие пользовали при жизни. К какому приблизительно времени относятся эти курганы и какой народ жил в то время на этих местах, никто из киргизов сказать не может» (см. Байбулов Б., Горбатов, Титов, Чернов м Заметки по истории и этнографии киргизов, с. 2).

Русского Географического общества. – вып. 8. – Семипалатинск: Семипалатинская областная типография, 1914. – 16 с.

Введение в отчёт по экспедиции В. И. Каменского // Архив МАЭ им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, кол. 1726/1.

Записки Семипалатинского подотдела Западно-Сибирского отдела Русского Географического общества. – Семипалатинск: Типография Семипалатинского областного правления, 1903. – Вып. 1. – 282 с.

Записки Семипалатинского подотдела Западно-Сибирского отдела Русского Географического общества. – Семипалатинск: Тип. – лит. Торг. дома «Плещеев и К°», 1911. – Вып. 5. – 248 с.

Записки Семипалатинского подотдела Западно-Сибирского отдела Русского Географического Общества. – Семипалатинск: Семипалатинская областная типография, 1914. – Вып. 8. – 260 с.

Известия Императорской Археологической комиссии. – СПб., 1910. – Вып. 37. Прибавление. – 253 с.

Коншин Н. Я. О памятниках старины в Семипалатинской области // Записки Семипалатинского подотдела Западно-Сибирского отдела Русского Географического общества. – Семипалатинск, 1903. – Вып. 3. – С. 1-32.

Миллер Г. Ф. История Сибири. Т. III. – М.: Издательская фирма «ВОСТОЧНАЯ ЛИТЕРАТУРА» РАН, 2005. – 600 с.

Никитин В. П. Краткое описание памятников древности Семипалатинской области // Архив ИИМК РАН, ф. 1, 1896, д. № 235, с. 23-24.

Никитин В. П. Краткое описание памятников древности Семипалатинской области // Известия Археологической комиссии. – СПб., 1902. – Вып. 2. – С. 103-111.

О раскопках действительными членами Семипалатинского областного статистического комитета – потомственным почётным гражданином Н. В. Новопашенным и врачом Г. И. Гизлером курганов в Усть-Каменогорском и Зайсанском уездах Семипалатинской области // Архив ИИМК РАН, ф. 1, 1889, д. № 66.

О раскопках Семипалатинского подотдела Западно-Сибирского Русского Географического общества // Архив ИИМК РАН, ф. 1, 1904, д. № 58.

Отчёт Археологической комиссии за 1900 г. – СПб.: Типография главного управления уделов, Моховая, № 40, 1902. – 173 с.

Отчёт В. И. Каменского // Архив МАЭ им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, кол. 1726/2.

Переписка Семипалатинского подотдела Западно-Сибирского Русского Географического общества и Императорской Археологической комиссии // Архив ИИМК РАН, ф. 1, 1912, д. № 170.

Троицкий Д. Чиликтинская долина (почвенный очерк) // Записки Семипалатинского подотдела Западно-Сибирского отдела Русского Географического общества. – Семипалатинск: Семипалатинская областная типография, 1914. – Вып. 8. – 33 с.

Черников С. С. Отчёт о работе Восточноказахстанской археологической экспедиции. – 1947 // Известия Академии наук Казахской ССР. Серия Археологическая. – 1949. – № 67. – Вып. 2. – С. 52-56.

Черников С. С. Восточноказахстанская экспедиция // КСИИМК. – 1951. – Вып. 37. – С. 144-150.

Черников С. С. Восточноказахстанская экспедиция 1950 г. // КСИИМК. – 1952. – Вып. 48. – С. 86-91.

Черников С. С. Полевой дневник № 1. Восточно-Казахстанской археологической экспедиции ЛО ИА СССР // Архив ИИМК, ф. 35, 1960а, д. 42.

Черников С. С. Отчёт о работах Восточноказахстанской археологической экспедиции. Рукопись, 1960 // Фонд ВКОМ КПо 16 – 6467.

Черников С. С. К вопросу о связях Приуралья с Алтаем в VI-IV вв. до н. э. // III Уральское археологическое совещание в г. Уфе (февраль 1962.). Тезисы докладов. – Уфа, 1962. – С. 48-51.

Черников С. С. Золотой курган Чиликтинской долины // КСИА. – 1964. – Вып. 98. – С. 29-32.

Черников С. С. Загадка Золотого кургана. Где и когда зародилось «скифское искусство». – М.: Наука, 1965. – 190 с.

Черников С. С. Раскопки Большого кургана в Чиликтинской долине // Тезисы докладов на секциях, посвященных полевым исследованиям. – М., 1972. – С. 423.

Фонд ИАК, 1900, д. № 107 // Архив ИИМК РАН, ф. 1.

Фонд ИАК, 1901, д. № 148 // Архив ИИМК РАН, ф. 1.

Фонд С. С. Черникова // Архив ИИМК РАН, ф. 81.

Список сокращений

ВКОМ – Восточно-Казахстанский областной историко-краеведческий музей, г. Усть-Каменогорск

ИАК – Императорская Археологическая комиссия

ИИМК РАН – Институт истории материальной культуры Российской академии Наук

КСИА – Краткие сообщения Института археологии Академии наук СССР (РФ).

КСИИМК – Краткие сообщения Института истории материальной культуры Академии наук СССР

МАЭ им. Петра Великого – Музей истории и этнографии им. Петра Великого, СПб.

Дашковский П. К.

Алтайский государственный университет, г. Барнаул, Россия

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И МЕТОДИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ РЕКОНСТРУКЦИИ МИРОВОЗЗРЕНИЯ СКИФО-САКСКИХ ПЛЕМЕН ЕВРАЗИИ В ТВОРЧЕСТВЕ Е. Е. КУЗЬМИНОЙ

Изучение мировоззрения скифо-сакских племен степной полосы Евразии являлось одной из центральных тем в научной деятельности Е. Е. Кузьминой, что нашло отражение в многочисленных публикациях, позднее удачно аккумулированных в единой ее книги «Мифология и искусство скифов и бактрийцев (культурологические очерки)» (2002). Особую важность представляет изучение теоретических и методических основ, на которые опиралась Е. Е. Кузьмина и другие ученые, занимающиеся данной проблематикой. В этой связи остановимся на данной тематике подробнее.

Необходимо отметить, что конец 1960-х-1980-е гг. явились одним из самых ярких периодов в развитии советской скифологии и номадологии в целом (Васютин, Дашковский, 2009; Дашковский, 2011), поэтому не случайно на это время приходится наибольшее количество работ Е. Е. Кузьминой по обозначенной тематике. На развитие мировоззренческих реконструкций в отечественной археологии наибольшее влияние из инновационных методологий, распространявшихся в зарубежной науке, оказал структуралисткий подход, на который активно опиралась в своих изысканиях и Е. Е. Кузьмина. Правда, следует подчеркнуть, что в полной мере распространению структурализма в советской науке долгое время препятствовали идеологические барьеры, поскольку такое течение воспринималось как одно из маргинальных проявлений «буржуазной мысли». Наиболее легальное использование этого метода было возможно на начальном этапе через его критику, что хорошо видно из специальных изданий, например «Структурализм: «за» и «против» (1975). В то же время, несмотря на эти трудности, разработки структуралистов стали использоваться в различных гуманитарных науках: языкознании, литературоведении, культурологии, религиоведении и др. Вслед за Е. М. Мелетинским (1976) структурный метод исследования культур, предложенный структуралистами, в отечественной гуманитарной науке стал именоваться структурно-семиотическим. В СССР сложилось два основных центра реализации указанного направления: кафедра русской литературы Тартуского государственного университета (Ю. М. Лотман, З. Г. Минц, И. А. Чернов и др.) и сектор структурной типологии языков Института славяноведения и балканистики АН СССР в Москве (Вяч. Вс. Иванов, В. Н. Топоров, И. И. Ревзин и др.) (Зеленская, 2000, с. 14). Важным фактором в консолидации и распространении структуралистских исследований в стране стали «Ученые записки Тартуского государственного университета. Труды по знаковым системам» (1964-1989). Именно это издание, несмотря на труднодоступность, послужило источником информации для большинства ученых, в т. ч. археологов, о развитии данного направления. Не менее значимые статьи по семиотическим исследованиям публиковались в выпусках «Новое в

лингвистике», «Вопросы философии», «Советская этнография» и др. Особо стоит отметить выпуск монографий и сборников в сериях «Этнографическая библиотека» (с 1983 г.) и «Исследования по фольклору и мифологии Востока» (с 1969 г.). В этих изданиях публиковались как труды зарубежных классиков структурализма (Леви-Стросс, 1983), так и работы отечественных ученых, развивающих данное направление (Мелетинский, 1976; 1979; Новик, 2004; Архаический ритуал…, 1988; Этнографические изучения…, 1989; Этнознаковые функции культуры, 1991; Островский, 1988; и др.). Кроме того, в рамках указанных научных серий издавались работы по различным аспектам духовной культуры (фольклор, мифология, религия и др.) как традиционных, так и древних народов Востока, в которых рассматривались указанные явления в русле других методологических парадигм. Все это, безусловно, подчеркивало возрастание интереса и значимости изучения религиозно-мифологической проблематики в советской науке начиная с конца 1960-х – начала 1970-х гг.

В советской, а затем в постсоветской науке структурно-семиотический подход в области изучения мифологии и традиционной культуры разных народов в советский период стали успешно в большей или меньшей степени применять В. В. Иванов, В. Н. Топоров, А. К. Байбурин, Н. Л. Жуковская, Е. С. Новик, Е. М. Мелетинский, Е. С. Семека, А. Л. Топорков и многие другие ученые. Успехи специалистов в области фольклористики, религиоведения, языкознания и этнографии не могли не привлечь внимания археологов к указанному направлению. Кроме того, в ряде публикаций ученые акцентировали внимание на знаковости отдельного предмета материальной культуры и ритуала, в т. ч. и погребального (Байбурин, 1981; 1989; Топоров, 1988; Топорков, 1989; Шрейдер, 1979; Саринғулян, 1981; Иванов, 1990; Семенова, 2007; Савинов, 2007; и др.). А это как раз именно то, что приходится изучать каждому археологу. В этой связи важно отметить, что постепенно и археологи публикуют отдельные работы или разделы в монографиях, в которых представлены результаты осмысления знаковости предметов именно в контексте археологических исследований. Наиболее показательными в этом отношении являются теоретические взгляды на проблему Е. В. Антоновой и Д. С. Раевского (Антонова, Раевский, 1984; 1991; 2001 и др.; Антонова, 2005; Раевский, 1998; 1999; и др.), работы которых, на наш взгляд, оказали решающее влияние на закрепление структурно-семиотического направления номадологии. При этом каждый из исследователей уже в советский период имел значительный опыт реализации структурно-семиотического подхода в области изучения картины мира древних народов (Антонова, 1984; Раевский, 1977; 1985; 1988; и др.).

Учитывая отмеченные выше особенности развития структурно-семиотического направления в СССР, следует отметить, что его реализация археологами и номадолагами при изучении мировоззрения древних и средневековых народов Евразии стала наблюдаться со второй половины 70-х гг. XX в. В разное время этот метод был использован при реконструкции религиозно-мифологических представлений скифов Причерноморья (Раевский, 1985; 2001; Саенко, 1992; 1994; Ольховский, 1999; и др.), саков Казахстана (Раевский, 1977; Акишев, 1984; и др.), «тагарцев» Минусинской котловины (Кызласов, 1987), андроновских племен

Казахстана (Усманова, 1987; 1988; 1989; и др.), тюрков Центральной Азии (Войтов, 1996), «пазырыкцев» Алтая (Суразаков, 1986; Кубарев, 1991; Дашковский, 2002; 2011; Дашковский, Тишкин, 2002; Тишкин, Дашковский, 2003; Дашковский, Карымова, 2012; Черемисин, 2008; и др.), населения Забайкалья эпохи неолита и раннего бронзового века (Жамболтарова, 2005), носителей окуневской (Леонтьев, Капелька, Есин, 2006) и самусьской (Есин, 2009) культурных традиций и других народов. О популярности этого направления в республиках бывшего Советского Союза свидетельствует реализация в Донецком государственном университете научно-издательского проекта «Структурно-семиотические исследования в археологии» (2001; 2005; 2006 гг.). Практически все основные указанные издания находились в поле зрения и Е. Е. Кузьминой, что видно из библиографических списков ее научных трудов, а также из дискуссий, в которых она участвовала.

Кроме распространения структурно-семиотического направления важное влияние на область научных интересов Е. Е. Кузьминой имели успехи отечественных исследователей в области сравнительной индоевропейской мифологии и исторического языкознания, в результате чего была установлена в т. ч. ираноязычность кочевников скифо-сакского мира. Особую значимость для поднимаемой Е. Е. Кузьминой приобретали исследования в области индоевропейской мифологии и языка, проводимые В. Н. Топоровым, В. В. Ивановым, м М. Маковским, Т. В. Гамкрелидзе, В. И. Абаевым, Н. А. Першиной, Л. А. Лелековым, И. В. Раком, Т. Я. Елизаренковой, А. О. Маковельским, Б. И. Кузнецовым, Г. М. Бонгард-Левиным, Э. А. Грантовским, И. М. Дьяконовым и др. Среди фундаментальных работ, аккумулирующих достижения советских ученых в разных областях знания, необходимо отметить энциклопедию «Мифы народов мира» (1982) под редакцией С. А. Токорева. Неменьшее значение для изучения мифологии индоевропейских и индоиранских народов имела работа Т. В. Гамкрелидзе и Вяч. Вс. Иванова «Индоевропейский язык и индоевропейцы. Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры» (1984). На проводимые Е. Е. Кузьминой реконструкции религиозно-мифологических представлений кочевников и анализ образов скифского искусства оказывали влияние и исследования зарубежных индоевропеистов и иранистов. Среди таких авторов, с работами которых Е. Е. Кузьмина, судя по библиографическим ссылкам, была, несомненно, знакома, стоит отметить труды Ф. Б. Кейпера, Ж. Дюмезиля, Р. Фрай, м Бойс, К. Йетмара и др. При этом часто работы зарубежных коллег исследовательница использовала не в переводе, а на языке оригинала, что еще раз подчеркивает ее глубокое знание изучаемой проблематики.

Таким образом, на формирование научных основ изучения искусства и мифологии скифо-сакских племен, проводимое Е. Е. Кузьминой, оказали влияние структурно-семиотический подход и развитие индоевропеистики и иранистики. В результате Е. Е. Кузьминой удалось раскрыть семантику основных сюжетов и образов искусства древних кочевников (сцена терзания, изображение лошади, оленя, грифона и т. д.), а также аргументировано обозначить целый спектр индоиранских аналогий в религиозно-мифологических системах скифо-сакских племен Евразии.

Литература

Акишев А. К. Искусство и мифология саков. – Алма-Ата: Наука, 1984. – 176 с.

Антонова Е. В. Очерки культуры древних земледельцев Передней и Средней Азии. Опыт реконструкции мировосприятия. – М.: Наука, 1984.

Антонова Е. В. Погребения как источник реконструкции обрядово-мифологических комплексов дописьменных обществ // Структурно-семиотические исследования в археологии. – Донецк: ДонНУ, 2005. – Т. II. – С. 65-72.

Антонова Е. В., Раевский Д. С. Богатство древних захоронений (к вопросу о роли идеологического фактора в формировании облика погребального комплекса) // Фридрих Энгельс и проблемы истории древних обществ. – Киев: Наукова думка, 1984. – С. 153–169.

Антонова Е. В., Раевский Д. С. О знаковой сущности вещественных памятников и о способе ее интерпретации // Проблемы интерпретации памятников культуры Востока. – М.: Наука, 1991. – С. 207-232.

Антонова Е. В., Раевский Д. С. Археология и семиотика // Структурно-семиотические исследования в археологии. – Донецк: ДонНУ, 2001. – Т. I. – С. 11-26.

Байбурин А. К. Семиотический статус вещей и мифология // МАЭ. – 1981. – Т. № 37. – С. 32-61.

Байбурин А. К. Семиотические аспекты функционирования вещей // Этнографическое изучение знаковых средств культуры. – Л., 1989. – С. 63-88.

Брентьес Б. Квадратура круга как проблема истории культуры // Информационный бюллетень Международной ассоциации по изучению культуры Центральной Азии. – М., 1981. – Вып. I. – С. 5-13.

Васютин С. А., Дашковский П. К. Социально-политическая организация кочевников Центральной Азии поздней древности и раннего Средневековья (отечественная историография и современные концепции). – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2009. – 400 с.

Войтов В. Е. Древнетюркский пантеон и модель мироздания в культово-поминальных памятниках Монголии VI-VIII вв. – М.: ГМВ, 1996. – 152 с.

Гамкрелидзе Т. В., Иванов Вяч. Вс. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры. – Тбилиси, 1984. – Ч. 1-2. – 1329 с.

Дашковский П. К. Социальная структура и система мировоззрений населения Горного Алтая скифского времени: автореф. дис. к. и. н. – Барнаул, 2002. – 24 с.

Дашковский П. К. Мировоззрение кочевников Саяно-Алтая и сопредельных территорий поздней древности и раннего Средневековья (отечественная историография и современные исследования). – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2011. – 244 с.

Дашковский П. К., Карымова С. м Вещь в традиционной культуре народов Центральной Азии: философско-культурологическое исследование. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2012. – 252 с.

Дашковский П. К., Тишкин А. А. Структурно-аналитическое изучение погребальных памятников Горного Алтая скифской эпохи // Структурно-семиотические исследования в археологии. – Донецк: ДонНУ, 2002. – Т. 1. – С. 233-242.

Есин Ю. Н. Древнее искусство Сибири: самуськая культура: Труды музея археологии и этнографии Сибири. – Т. II. – Томск: ТГУ, 2009. – 526 с.

Жамбалтарова Е. Д. Погребальные обряды населения Забайкалья в эпоху неолита – раннего бронзового века (опыт семантического исследования). Автореф. дис. к. и. н. – Улан-Удэ, 2005. – 26 с.

Запорожченко А. В. Шаманские реминисценции в духовной культуре индоиранцев. – Новосибирск: НГПУ, 2007. – 194 с.

Зарубежные исследования по семиотике фольклора. Пер. с анг., франц., румынск. Сост. Е. М. Мелетинского и С. Ю. Неклюдова. – М.: Восточная литература, 1985.

Зеленская Л. Ю. Принципы интерпретации текста в московско-тартуской семиотической школе. Историко-философский анализ: автореф. дис. … канд. философ. наук. – М., 2000. – 23 с.

Иванов В. В. Реконструкция структуры, символики и семантики индоевропейского погребального обряда // Исследования в области балто-славянской духовной культуры. Погребальный обряд. – М.: Наука, 1990. – С. 5-11.

Клейн Л. С. Индоарии и скифский мир: общие истоки идеологии // Народы Азии и Африки. – 1987. – № 5. – С. 63-96.

Кузьмина Е. Е. Скифское искусство как отражение мировоззрения одой из групп индоиранцев // Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии. – М.: Наука, 1976. – С. 52-65.

Кузьмина Е. Е. Конь в религии и искусстве саков и скифов // Скифы и сарматы. – Киев: Наукова думка, 1977а. – С. 96-119.

Кузьмина Е. Е. Распространение коневодства и культа коня у ираноязычных племен Средней Азии и других народов Старого Света // Средняя Азия в древности Средневековье (история и культура). – М.: Наука, 1977б. – С. 28-53.

Кузьмина Е. Е. Сцена терзания в искусстве саков // – Этнография и археология Средней Азии. – М.: Наука, 1979. – С. 78-73.

Кузьмина Е. Е. Проблема реконструкции идеологических представлений сако-скифов // Идеологические представления древних обществ. – М., 1980. – С. 75-79.

Кузьмина Е. Е. О «прочтении текста» изобразительных памятников искусства евразийских степей скифского времени // ВДИ. – 1983. – № 1. – С. 95-106.

Кузьмина Е. Е. Опыт интерпретации некоторых памятников скифского искусства // ВДИ. – 1984. – № 1. – С. 93-108.

Кузьмина Е. Е. Экология степей Евразии и проблема происхождения номадизма // ВДИ. – 1996. – № 2. – С. 73-85.

Кузьмина Е. Е. Мифологические представления о коне в культуре индоевропейцев // Миф 7. – София, 2001. – С. 117-134.

Кузьмина Е. Е. Мифология и искусство скифов и бактрийцев. М.: Российский институт культурологии, 2002. – 288 с.

Кубарев В. Д. Курганы Юстыда. – Новосибирск: Наука, 1991. – 270 с.

Кызласов И. Л. Семантика тагарского кургана // Исторические чтения памяти М. П. Грязнова. Ч. 2. – Омск, 1987. – С. 94-97.

Леви-Стросс К. Структурная антропология. – М.: Наука, 1983. – 536 с.

Леви-Стросс К. Первобытное мышление. – М.: Республика, 1994. – 384 с.

Лелеков Л. А. Отражение некоторых мифологических воззрений в архитектуре восточноиранских народов в п. п. I тыс. до н. э. // История и культура народов Средней Азии. – М.: Наука, 1976. – С. 7-18.

Лелеков Л. А. Проблемы индоиранских аналогий к явлениям скифской культуры // Скифо-сибирское культурно-историческое единство. – Кемерово: КемГУ, 1980. – С. 118-125.

Леонтьев Н. В., Капелька В. Ф., Есин Ю. Н. Изваяния и стелы окуневской культуры. – Абакан, 2006. – 236 с.

Лотман Ю. М. Символ в системе культуры // Символ в системе культуры. Труды по знаковым системам. – Т. XXI. – Вып. 754. – Тарту, 1987. – С. 10-21.

Лотман Ю. М. Семиосфера. – СПб.: Искусство-СПБ, 2000. – 704 с.

Мейзерский В. М. Проблема символического интерпретанта в семиотике текста // Символ в системе культуры. Труды по знаковым системам. – Т. XXI. – Вып. 754. – Тарту, 1987. – С. 3-9.

Мелетинский Е. М. Поэтика мифа. – М.: Восточная литература, 1976. – 408 с.

Новик Е. С. Обряд и фольклор в сибирском шаманизме. – М., 2004. – 304 с.

Ольховский В. С. К изучению скифской ритуалистики: посмертное путешествие // Погребальный обряд. Реконструкция и интерпретация древних идеологических представлений. – М.: Восточная литература, 1999. – С. 114-136.

Островский А. Б. Школа французского структурализма: вопросы методики // СЭ. – 1988. – № 2. – С. 33-45.

Парэн Ш. Структурализм и история // Структурализм: «за» и «против». – М., 1975. – С. 361-366.

Раевский Д. С. Очерки идеологии скифо-сакских племен. Опыт реконструкции скифской мифологии. – М.: Наука, 1977. – 216 с.

Раевский Д. С. Модель мира скифской культуры. – М.: Наука, 1985. – 256 с.

Раевский Д. С. Социальные и культурные концепции древних иранцев по материалам Скифии: автореф. дис. … докт. ист. наук. – М., 1988. – 33 с.

Раевский Д. С. Мифологические универсалии как инструмент интерпретации изобразительных памятников // Первобытное искусство. – Кемерово: КемГУ, 1998. – С. 46-48.

Раевский Д. С. Некоторые замечания об интерпретации изобразительных памятников // Первобытное искусство: Материалы конференции. – Кемерово: КемГУ, 1999. – С. 118-123.

Раевский Д. С. Скифский звериный стиль: Поэтика и прагматика // Древние цивилизации Евразии: История и культура. – М.: Наука, 2001. – С. 364-382.

Савинов Д. Г. Ритуальный предмет/изображение (о дифференцированном подходе к изучению) // Миф, обряд и ритуальный предмет в древности. – Екатеринбург – Сургут: Магеллан, 2007. – С. 86-95.

Саенко В. Н. Космологический аспект погребального обряда // Теория и методика исследований археологических памятников лесостепной зоны. – Липецк, 1992. – С. 159-161.

Саенко В. Н. Скифский курган как семиотическая система // Проблемы скифо-сакской археологии Северного Причерноморья. – Запорожье, 1994. – С. 164-167.

Саринглян К. С. Очерк семиотической характеристики ритуала // Семиотика и проблема коммуникации. – Ереван, 1981. – С. 64-76.

Семенова В. И. Погребально-поминальная обрядность в структурно-семиотическом аспекте // Миф, обряд и ритуальный предмет в древности. – Екатеринбург-Сургут: Магеллан, 2007. – С. 70-75.

Структурализм: «за» и «против». – М., 1975. – 468 с.

Суразаков А. С. К вопросу о семантике некоторых образов пазырыкского искусства // Материалы по археологии Горного Алтая. – Горно-Алтайск: ГАНИИЯЛ, 1986. – С. 3-34.

Тишкин А. А., Дашковский П. К. Социальная структура и система мировоззрений населения Алтая скифской эпохи. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2003. – 430 с.

Топорков А. Л. Символика и ритуальные функции предметов материальной культуры // Этнографическое изучение знаковых средств культуры. – Л., 1989. – С. 89-101.

Топоров В. Н. О ритуале. Введение в проблематику // Архаический ритуал в фольклорных и раннелитературных памятниках. – М.: Наука, 1988. – С. 7-60.

Усманова Э. Р. Погребальный обряд как знаковая система (на примере памятников фёдоровской культуры Центрального Казахстана) // Проблемы археологии степной Евразии. Ч. 1. – Кемерово: КемГУ, 1987. – С. 148-149.

Усманова Э. Р. Знаковый код в погребальном обряде могильника Лисаковский // Хронология и культурная принадлежность памятников каменного и бронзового веков Южной Сибири. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1988. – С. 83-84.

Усманова Э. Р. «Круг» и «квадрат» в андроновской погребальной символике. По материалам могильников Центрального Казахстана // Вопросы археологии Центрального и Северного Казахстана. – Караганда, 1989. – С. 55-67.

Финм В. К. Семиотика // Философский энциклопедический словарь. – М.: Наука, 1989. – С. 575-576.

Черемисин Д. В. Искусство звериного стиля в погребальных комплексах рядового населения пазырыкской культуры: семантика звериных образов в контексте погребального обряда. – Новосибирск: Наука, 2008. – 136 с.

Шрейдер Ю. А. Ритуальное поведение и формы косвенного целеполагания // Психологические механизмы регуляции социального поведения. – М., 1979 – С. 108-127.

Этнографическое изучение знаковых средств культуры. – Л.: Наука, 1989. – 228 с.

Этнознаковые функции культуры. – М.: Наука, 1991.

АКАДЕМИК Ә.Х. МАРҒҰЛАННЫҢ

110-ЖЫЛДЫҒЫНА АРНАЛҒАН

«МАРҒҰЛАН ОҚУЛАРЫ – 2014»

АТТЫ ХАЛЫҚАРАЛЫҚ ҒЫЛЫМИ-ПРАКТИКАЛЫҚ КОНФЕРЕНЦИЯ МАТЕРИАЛДАРЫ

3-5 желтоқсан, 2014 ж.

МАТЕРИАЛЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

«МАРГУЛАНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ – 2014»

ПОСВЯЩЕННОЙ 110-ЛЕТИЮ

АКАДЕМИКА А.Х. МАРГУЛАНА

3-5 декабря, 2014 г.

01.12.2014 ж. басуға қол қойылды. Көлемі 70x100/16.
Офсеттік басылым. Қаріп түрі KZ Times.
Шартты баспа табағы 33,6. Есептік баспа табағы 40,0.
Таралымы 200 дана.

«ЭКО» ЖШС-та басылған.
Қазақстан Республикасы, 140000, Павлодар қ.,
29 Ноябрь к., 2, Тел.: 8 (7182) 61-82-12, 61-80-81